

ИМПЕРИЯ СТРАХА

**БРАЙАН
СТЭБАРРА**

ИМПЕРИЯ СТРАХА

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

**БРАЙАН
СТЭБАРРА**

**ЗОЛОТАЯ
БИБЛИОТЕКА
ФАНТАСТИКИ**

BRIAN
STABLEFORD

THE EMPIRE OF FEAR

БРАЙАН
СТЭБЛФОРД

ИМПЕРИЯ СТРАХА

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44
С88

Серия «Золотая библиотека фантастики»
основана в 1999 году

Brian Stableford
THE EMPIRE OF FEAR

Перевод с английского Т. Усовой

Серийное оформление А. Кудрявцева

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством «Томас Шлюк» (Германия).*

Печатается с разрешения издательства Simon & Schuster UK Ltd.
и литературного агентства Permissions & Rights Ltd.

Подписано в печать 14.04.05. Формат 84×108¹/₃₂.
Усл. печ. л. 26,04. Тираж 5000 экз. Заказ № 940.

Стэблфорд, Б.

**С88 Империя страха : [фантаст. роман] / Брайан Стэблфорд; пер. с англ.
Т. Усовой. — М.: АСТ: ЛЮКС, 2005. — 493, [3] с. — (Золотая
библиотека фантастики).**

ISBN 5-17-019752-7 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-9660-1503-1 (ОАО «ЛЮКС»)

Что-то случилось...

И наш мир пошел по ДРУГОМУ ПУТИ...

И у человечества появились ХОЗЯЕВА — красивые, практически бессмертные,
НЕЧЕЛОВЕЧЕСКИ жестокие.

Они правят странами и государствами — и в РЕДЧАЙШИХ СЛУЧАЯХ, в
качестве ВЕЛИКОЙ МИЛОСТИ, обращают своих рабов в себе подобных.

Но — как это происходит?

И возможно ли людям это ПОВТОРИТЬ?

Тайну бессмертия пытается постичь ученый Нозль, за которым идет
ОХОТА...

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

© Brian Stableford, 1988
© Перевод. Т. Усова, 2005
© ООО «Издательство АСТ», 2005

Моей жене Джейн, без поддержки и поощрения которой эта книга никогда бы не была задумана, не говоря уже о том, чтобы быть написанной.

Часть первая

ПЛОДЫ СТРАСТИ

Мужчина, который любит женщину-вампира, не умрет молодым, но и не сможет жить вечно.

Валашская пословица

1

Было тринадцатое июня 1623 года от Рождества Христова. Теплая погода рано установилась в Великой Нормандии. Улицы Лондона омыл солнечный свет. Повсюду сновали толпы, в порту теснились корабли — три из них в тот день встали в доки.

Один из кораблей, «Фримартин», прибыл из экваториальных вод. Он доставил товары из таинственного сердца Африки: слоновую кость, золото и шкуры диковинных зверей; привезли моряки и животных для королевского зверинца в Львиной башне — поговаривали о трех львах, о змее длиной в человеческий рост и попугаях в пестром оперении, которых матросы научили говорить. Судачил народ также и о сокровищах: отменно обработанных самоцветах и колдовских зельях... Однако подобными сплетнями сопровождается прибытие любого судна с другого конца света.

Нищие и уличные сорванцы сбежались в порт послушать городские сплетни; они не давали проходу ни одному встречному моряку, желая разузнать хоть что-нибудь. Этого они жаждали отнюдь не меньше, чем заполучить горстку медных монет. Только лица казненных, чьи отсеченные головы возвышались над Саутуоркскими воротами, не были отмечены печатью всеобщего возбуждения. Впрочем, лондонский Тауэр оставался в стороне от суеты. Его высокие грозные башни, казалось, принадлежали иному миру.

Эдмунд Кордери, механик двора принца Ричарда, как раз работал на чердаке в юго-западной башенке Тауэра.

Он осторожно наклонял небольшое вогнутое зеркальце, присоединенное к латунной конструкции, установленной на его верстаке, чтобы поймать лучи послеполуденного солнца и пропустить свет через отверстие в предметном столике, а затем направить его через систему линз, которую приводил в действие некий механизм.

Он поднял глаза, затем встал и отступил в сторону, указав своему сыну Нозлю, чтобы тот занял его место.

— Скажи мне, все ли в порядке, — устало попросил он. — Я с трудом фокусирую зрение.

Нозль закрыл левый глаз, а правый приложил к микроскопу. Повернул колесико, находившееся на уровне предметного столика.

— Все в порядке, — объявил он. — А что это?

— Крылышко мотылька, — ответил его отец.

Эдмунд тщательно осмотрел до блеска натертую столешницу, удостоверившись, что и прочие предметные стекла готовы для показа. Перспектива визита госпожи Кармиллы наполнила его сердце странной тревогой, которую он старательно гнал от себя. Даже в былые дни она нечасто навещала его мастерскую. Но если он увидит ее здесь, сейчас, это волей-неволей пробудит воспоминания, которых не в силах вызвать их случайные и мимолетные встречи в более людных местах Тауэра и на торжественных церемониях.

— Стекло с водой не готово, — заметил Нозль. — Может, я...

Эдмунд покачал головой.

— Я приготовлю другое, когда настанет время, — пробормотал он. — Все живое хрупко, и мир, таящийся в капле воды, гибнет слишком быстро.

Он скользнул взглядом по верстаку и передвинул тигель, спрятав его подальше от глаз за вереницей банок. Было невозможно навести здесь идеальную чистоту, да этого вовсе и не требовалось, но он чувствовал, что для него важно поддерживать какое-то подобие порядка. Эдмунд прошел к окну и выглянул. Его взгляд пронесся над таверной «Холодная гавань», башней святого Фомы, к сверкающей Темзе и шиферным крышам домов на дальнем берегу.

С высоты обзорной площадки люди в пределах Внешнего Кольца казались крошечными. Эдмунд находился высоко над ними, еще выше, чем крест церкви близ Кожевненного рынка. Взгляд Эдмунда задержался на далеком кресте. Механик не отличался особой набожностью, но возбуждение настолько одолело его, что он перекрестился и пробормотал слова молитвы. И тут же обругал себя за подобную слабость духа.

«Мне сорок четыре года,— подумал он.— И я механик. Я больше не мальчик, которого милостиво одарила любовью знатная дама. Нет никаких причин для того, чтобы так переживать».

Он был к себе несправедлив. Дело не сводилось лишь к тому, что он был когда-то любовником Кармиллы Бурдийон. Не одно это вызвало его волнение. Имелся еще и микроскоп на верстаке. А также то обстоятельство, что за ним следили, когда бы и куда бы он ни ходил по Внешнему кольцу, так что любая, даже случайная встреча оказывалась под наблюдением. А если этого недостаточно — пожалуйста, вот еще и корабль из Африки, капитан которого взял на себя поручение Невидимой Коллегии.

Но Эдмунд жил бок о бок с опасностью много лет и выучился сохранять внешнее спокойствие. Леди Кармилла — другое дело. Их отношения были настолько связаны с живым порывом его сердца, что теперь он страдал, видя, как она взялась выступить посредником между механиком и принцем Ричардом. Его больно задевала ее готовность исполнять волю Ричарда. Уже само то, что вообще дошло до посредничества, являлось дурным знаком. Эдмунд попал в немилость. Он надеялся, что поведение дамы позволит ему судить, насколько велико недовольство им при дворе.

Дверь отворилась, и она вошла. Полуобернувшись, скорым взмахом руки отпуская сопровождающего. Одна. За ней не увязался ни друг, ни любимчик. Осторожно пересекла помещение, чуть приподняв подол, хотя пыли не было. Ее взгляд перескакивал с одного на другое, пробежал вдоль полок с бутылками и банками, скользнул по топке, токарному станку и множеству орудий, обычных для механика.

Для многих, равно вампиров и простолюдинов, это помещение показалось бы полным загадок, пропитанным нече-

стивым духом, вроде логова алхимика, которое устроил для себя несчастный Гарри Перси, пока был невольным гостем в башне Мартина. Леди Кармилла, вероятно, не находила особой разницы между занятиями графа-чародея и трудом механика. Но всегда нелегко судить, каково мнение вампиров о способах, какими ныне простолюдины утоляют свою жажду знания. Она отменно владела собой и держалась холодно. Дама остановилась перед латунным сооружением, которое недавно завершил Эдмунд, но лишь небрежно взглянула на него, прежде чем поднять глаза и в упор поглядеть в лицо механику.

— Вы хорошо выглядите, мастер Кордери,— спокойно произнесла она.— Но вы бледны. Не следует вам сидеть у себя взаперти теперь, когда в Нормандию пришло лето.

Эдмунд небрежно поклонился, но взгляда не отвел.

Она ничуть не изменилась с тех дней, когда они были близки. Ей уже четыреста пятьдесят лет, она ни на год не моложе Ричарда, но ее красота даже не начала увядать. Кожа у нее очень белая, что обычно для вампиров Северной Европы, и полна этой блистательной чистоты, почти серебряного сияния, безошибочного признака бессмертия. Ни прыщика, ни бородавки, ни царапины, ни рябины — ничто не омрачает совершенства лица вампира. Глаза прозрачные, темно-карие, а волосы черны как смоль и резко оттеняют кожу. Вампиры весьма редко сохраняют светлые волосы после обращения, даже если родились белокурами. Губы у нее были слегка подведены.

Вот уже несколько лет Эдмунд не стоял так близко от нее. Он не смог сдержать прилива воспоминаний. Для нее все выглядело совсем по-другому: его волосы уже начинают седеть, кожа поддается морщинам; он, должно быть, представляется совсем другим человеком. Но когда он встретил ее взгляд, ему показалось, что она тоже вспоминает. И не то чтобы совсем без нежности.

— Сударыня,— произнес Эдмунд ровным голосом,— дозвоьте представить вам моего сына и подмастерье Ноэля.

Ноэль вспыхнул и поклонился ниже, чем его отец. Леди Кармилла удостоила юношу улыбкой.

— У него такие же глаза, как у вас, мастер Кордери,— сказала она. И добавила, обратившись к Ноэлю: — Когда-то,

до вашего рождения, ваш отец был красивейшим мужчиной в Англии. Вы очень похожи на него, и вам следует гордиться этим.— Ее внимание вновь вернулось к инструменту.— Все было исполнено правильно? — спросила она.

— Да,— ответил Эдмунд.— Прибор превосходен. Я бы очень хотел встретиться с человеком, который об этом позаботился. Заказ оказался тяжелым испытанием для моего шлифовальщика линз, и, думаю, мы должны найти другого, более искусного и опытного. Это не самый удачный образец, чего и следует ожидать от первой попытки.

Леди Кармилла села, и Эдмунд показал ей, как приложить глаз к прибору, как отрегулировать резкость и установить зеркальце. Она выразила изумление при виде увеличенного крыла мотылька, и Эдмунд один за другим показал ей все приготовленные образцы, а именно — разные части тел насекомых и тончайшие срезы стеблей и семян растений.

— Мне нужен нож поострее и рука подтверже, сударыня,— сказал он.— Прибор слишком уж ясно показывает, как неловко я режу.

— О, нет, мастер Кордери,— любезно заверила его дама.— Все это достаточно мило. Но нам сказали, что можно увидеть и кое-что любопытней. Живые создания, слишком малые для обычного взгляда.

Эдмунд объяснил, как приготавливают водяные образцы. И тут же создал новый, взяв пипеткой каплю из банки, полной грязной речной воды. Он терпеливо помог даме обозреть стеклышко в поисках крохотных созданий, неуловимых для невооруженного глаза. Он показал ей существо, которое струилось, словно само было почти жидким, и другие, еще меньше, передвигавшиеся с помощью ресничек. Это увлекло ее, и она некоторое время глядела в микроскоп, осторожно перемещая стеклышки крашеными ногтями. И, наконец, спросила:

— Вы уже рассматривали другие жидкости?

— Какие именно? — спросил он, хотя вопрос был ему вполне понятен и встревожил его.

И тогда она провозгласила напрямик, негромко, но твердо:

— Кровь, мастер Кордери.

Прежнее знакомство приучило ее уважать его и считать разумным, и он об этом почти сожалел.

— Кровь очень быстро свертывается,— сказал он ей.— Я бы не мог создать удовлетворительный образец. Это требует большего искусства, чем я приобрел. Мой сын зарисовал многое из того, что мы изучили. Вы бы не хотели взглянуть?

Она не стала возражать против перемены темы и дала понять, что охотно посмотрит. Она перешла к рабочему месту Ноэля и принялась перебирать рисунки, нет-нет да поглядывая на мальчика, чтобы похвалить его работу. Эдмунд стоял рядом. Когда-то Эдмунд был очень чуток к ее настроениям и желаниям. И теперь он изо всех сил старался определить поточнее, что она нынче думает. Один из пристальных взглядов, брошенных ею на Ноэля, вызвал у отца приступ ледяного ужаса. Он и сам не знал, что это: то ли тревога за сына, то ли ревность.

— Можно, я возьму их, чтобы показать принцу? — спросила дама-вампир, обратив этот вопрос скорее к Ноэлю, чем к его отцу. Мальчик кивнул, слишком смущенный, чтобы дать вразумительный ответ. Она отобрала несколько рисунков и свернула их в трубочку. Затем встала и опять поглядела в лицо Эдмунду.

— Этот прибор вызывает крайнее любопытство при дворе,— сообщила она ему.— Мы должны как следует подумать, не обеспечить ли вас новыми помощниками, чтобы новое начинание развивалось подобающим образом. А пока можете вернуться к своей обычной работе. Я пришлю кого-нибудь за инструментом, чтобы принц сам мог осмотреть его на досуге. Ваш сын хорошо рисует и заслуживает награды. Вы с ним можете навестить меня в моих покоях в следующий понедельник, обед состоится в семь часов.

Эдмунд поклонился, выражая согласие. Хотя, конечно, то был приказ, а не приглашение. Он прошел к двери, отворил ее и придержал для Кармиллы. И обменялся с ней кратким взглядом, пока она проходила мимо, но ее лицо уже стало отстраненным и непроницаемым.

Когда она скрылась, напряжение покинуло Эдмунда. Теперь он был расслаблен и опустошен. Он ощутил странное спокойствие и отрешенность при мысли о том, что жизнь его, вероятно, в опасности.

«Дело даже не в моем изобретении,— раздраженно подумал он.— Неужели столько лет спустя после измены, после

стольких попыток разгадать тайну их природы они все же сочли, что меня слишком опасно оставлять в живых лишь потому, что я видел то, что выдумал другой? Или они изменили свое отношение к нашим исследовательским усилиям и решили держать под наблюдением всех друзей Френсиса Бэкона, а заодно и магов графа Нортумберлендского?»

Нозль тщательно убрал образцы, которые они показывали гостю. Несколько последних недель, пока сын был его помощником в работе, стали для Эдмунда истинным блаженством. Как заметила леди Кармила, Нозль весьма похож на отца, хотя еще полностью не сравнялся с ним ростом, а разум его лишь начал обретать те любопытство и тонкость, которые сделали Эдмунда Кордери тем, что он есть.

«Увы,— подумал Эдмунд, мысленно обращаясь к сыну,— я надеялся, что недалек тот день, когда мне больше не понадобится защищать тебя от правды моих поисков. Теперь, возможно, мне придется отослать тебя и доверить другому наставнику».

А вслух он только и сказал:

— Осторожней, сынок. Стекло очень хрупкое и острое: можно легко пораниться с любого края.

2

Когда сгустились сумерки, Эдмунд зажег единственную свечу на верстаке и уселся, глядя в пламя. Он перелистывал «Arte Vitraria» Антонио Нери, книгу, сделавшую известными по всей Европе тайны венецианских стекольщиков, но обнаружил, что неспособен сосредоточиться. Он отложил книгу в сторону и налил темного вина из фляжки, которую держал в мастерской. Он не поднял взгляда, когда вошел Нозль, хотя и услышал, как открывается и закрывается дверь, но когда мальчик поставил близ его табурета другой и сел, Эдмунд предложил сыну фляжку. Нозль, казалось, удивился, но принял ее, затем отыскал для себя кубок, налил немного и стал осторожно потягивать.

— Значит, я достаточно взрослый, чтобы пить с вами? — спросил он не без некоторой горечи.

— Вы достаточно выросли,— уверил его Эдмунд.— Остерегайтесь излишеств и никогда не пейте один. Полагаю, это традиционный отцовский совет.

Нозль потянулся через верстак к микроскопу и тонкими пальцами погладил его трубку. Он получал не так уж много отцовских советов, традиционных или иных. Эдмунд считал благоразумным держать сына на безопасном расстоянии от изменнической деятельности и от любых опасных мыслей.

— Чего вы опасаетесь? — спросил Нозль, подхватив отцовский тон, так что теперь они обращались друг к другу не как родитель и дитя, но как равные. Эдмунд вздохнул.

— Полагаю, вы достаточно повзрослели и для этого?

— Думаю, вы обязаны мне сказать.

Эдмунд поглядел на латунный инструмент и произнес:

— Пожалуй, лучше было бы для простых людей некоторое время хранить в тайне машины, вроде этой. Какой-то смекалистый итальянский механик, осмелюсь заметить, жаждущий доставить удовольствие господам вампирам, показал им свое изобретение, гордый, как павлин, ожидая аплодисментов. Впрочем, несомненно, рано или поздно тайна все равно открылась бы, а теперь все эти забавы с линзами вошли в моду, и подобные секреты невозможно хранить долго.

— Вы обрадуетесь очкам, когда у вас начнет сдавать зрение,— сказал ему Нозль.— В любом случае, я не нахожу опасности в этой новой игрушке.

Эдмунд улыбнулся.

— Новые игрушки,— протянул он.— Часы, чтобы знать точное время, мельницы, чтобы молотить зерно, линзы, чтобы помогать людскому зрению. Токарные станки, чтобы вытачивать винты, прессы для монет, чтобы измерять богатство империи. Все это создано простыми ремесленниками для удовольствия их господ. Думаю, мы весьма успешно доказываем вампирам, насколькомышленными могут быть нынешние люди и насколько больше нам предстоит узнать, чем написано в трудах греческих и римских мудрецов.

— Вы думаете, что вампиры начинают нас бояться?

Эдмунд налил из фляжки вина и снова передал ее сыну.

— Они поощряли ученость, ибо считали это приемлемым развлечением, тем, что отвлечет нас от мыслей о

возмездии и мятеже. Они не предвидели, какие плоды рано или поздно начнут пожинать наши ученые. Великие перемены уже совершаются в мире — перемены, вызванные ростом мастерства и открытиями. Но империя бессмертных любит постоянство. Вампиры опасливо косятся на все новое, если это хотя бы слегка переходит рамки обычной забавы. Да, вампиры начинают беспокоиться, и не напрасно.

— Но простолюдины, восприимчивые к боли, не защищенные от болезней и ран, никогда не могли бы угрожать их господству.

— Их правление в равной степени держится на страхе, суевериях и на их природе,— спокойно заметил Эдмунд.— Несомненно, они долгожители; они едва прихворнут от недуга, который сведет любого из нас в могилу; они обладают поразительными способностями к регенерации. Но они не неуязвимы. Их империя куда ближе к краю пропасти, нежели они осмеливаются признать. После многих веков борьбы они так и не сумели навязать власть вампиров мусульманским народам. Ужас, который поддерживает их власть в Галлии и Валахии, опирается на невежество и предрассудки. За надменностью наших принцев и рыцарей скрывается страх. Да, они боятся того, что может случиться, если простолюдины перестанут благоговеть перед вампирским племенем. Для них непросто умереть, но из-за этого они боятся смерти ничуть не меньше нашего.

— Были восстания против вампиров в Галлии и Валахии. Но эти мятежи всегда терпели поражение.

Эдмунд кивнул.

— Тем не менее нужно учитывать, что в Великой Нормандии три миллиона простолюдинов,— сказал он.— И меньше пяти тысяч вампиров. Не более сорока тысяч вампиров во всей Галльской Империи, да и в Валахии не больше. Не знаю, сколько их может быть в Катае, в Индии или в сердце Африки, за владениями мусульман, но и там простолюдины заметно превосходят их числом. Если простолюдины станут смотреть на своих повелителей не как на демонов или полубогов, а лишь как на болсе крепко сбитые создания, империи вампиров ослабеют. Вампиры утверждают, что прошитые столетия даровали им мудрость, какой никогда не

достигли бы постолюдины, но чем дальше, тем труднее верить этому заявлению. Все на свете, за исключением очень немногого, — дело рук простолюдинов: голландские корабли и голландские ткацкие станы, нормандские пушки и нормандское стекло. Наши механические искусства превзошли их магические, и господа знают это.

— А разве не ответили бы на это вампиры, что подобные изобретения годятся только для того, чтобы сделать мир более удобным для простолюдинов и что наши механические искусства — лишь убогая замена магической силе?

Эдмунд поглядел на сына озабоченно, но с известной гордостью. Он был рад, что мальчик умеет вести спор. Он очень рано передал Нозля другим учителям, считая, что лучше держать мальчика на расстоянии. Хотя в эти последние несколько недель тесного сотрудничества он увидел в поведении сына немало такого, что напомнило ему о его собственных наклонностях, и это доставило Эдмунду удовольствие; его привязанность к сыну всегда оставалась неизменной, но обстоятельства не позволяли отцу выражать ее со всей полнотой. И похоже, что так и не позволят. Возможно, здесь и сейчас — единственная возможность передать мальчику те крохи знания, которые ему достались и которые он не осмелился бы доверить никому другому.

Эдмунд заколебался. Однако в самом деле, какой вред может скрываться в дискуссии, которую ведут меж собой для забавы ученые люди?

— У вампиров есть сила, которую мы называем магической, — согласился Эдмунд. — Но что мы имеем в виду под «магической силой»? Не магия ли это, когда мы делаем паруса кораблей такими, что корабль способен двигаться против ветра? Не магическая ли сила заключена в вакууме, который мы используем в насосах для откачивания воды из шахт? Не магия ли позволяет серебру растворяться во ртути, как сахар растворяется в воде? Все это воспринималось как магия, когда это показывали людям, не знавшим механики и природы вещей. Магия — всего-навсего то, чего мы еще не понимаем.

— Но вампиры во всем отличны от простолюдинов, — не уступал Нозль. — У них иная душа, и это не имеет никакого

отношения к механическим искусствам. Душа, которая оживляет тело простолюдина, обладает куда меньшим могуществом, чем душа, обитающая в теле вампира, и не одна только физика дарует им эту силу.

— Не только физика,— эхом отозвался Эдмунд.— И все же я чего-то не понимаю. Этот граф-чародей, Гарри Перси, который столько лет был заточен в башне Мартина, трудился над созданием эликсира жизни, который сделал бы всех нас равными вампирам. Рыцари Ричарда смотрели на это как на забаву и называли его безумным. Но, тем не менее, бдительно следили за ним. Ричард был в восхищении от его экспериментов, от его изысканий в области алхимических текстов. Если бы Перси в своих исследованиях подошел сколько-нибудь близко к открытию способа, каким вампиры сделали себя вампирами, они бы его незамедлительно убили.

— Грегорианцы верят, что вампиры — творение дьявола,— сказал Ноэль.— Они утверждают, будто вампиры проводят шабаши, на которых появляется Сатана. Они потому могущественней простолюдинов, что одержимы демонами, которым Сатана предоставляет их тела после того, как они отрекутся от Христа и поклянутся вершить зло.

Речи сына немедленно повергли Эдмунда в тревогу. Не разумно ссылаться на эту ересь в стенах Тауэра, еще, чего доброго, подслушает кто. Осуждение вампиров папой Григорием вполне можно признать более опасным бунтом, чем любое вооруженное выступление, и принцы-вампиры понимали это. Они поспешили принудить нового папу осудить Григория как безумнейшего из еретиков, и теперь зашли настолько далеко, что поместили на престол Святого Петра вампира, но так и не искоренили само мнение об их демонической сущности. И, возможно, не искоренят. Ведь это такой прекрасный и зловещий сюжет, род запретной сплетни, которая приводит в восторг каждого, чему бы они ни верил.

— Ортодоксальный взгляд таков, что положение вампира установлено Богом, как и положение любого простолюдина,— напомнил Эдмунд сыну.— Нынешняя церковь учит нас, что долгая земная жизнь, дарованная вампирам — обуза в той же мере, сколь и благо, ибо они должны болес терпеливо ждать срока, когда насладятся милостью Небес.

— И вы хотите, чтобы я этому верил? — спросил Ноэль, который достаточно хорошо знал, что ни во что такое не верит его отец.

— Я бы не хотел, чтобы вы верили, будто они — порождение дьявола, — мягко сказал Эдмунд. — Это мало похоже на правду, и не стоит идти на костер за ересь, неосторожно сболтнув глупость.

— Тогда скажите мне, во что верите вы, — попросил Ноэль.

Эдмунд неловко пожал плечами.

— Не убежден, что это вопрос веры, — ответил он. — Я, право, не знаю. Их долгожительство — реальность. Равно как их сопротивляемость заболеваниям и способность к регенерации. Но впрямь ли магия стоит за этими дарами? Я готов поверить, что они совершают загадочные обряды с таинственными песнопениями, но не знаю, велика ли польза от этих обрядов. Я часто задаюсь вопросом, уверены ли они в чем-либо, когда остаются наедине с собой. Возможно, они привержены к своим обрядам, как любой простолюдин в Европе к мессе, а последователи Магомета — к своим церемониям. Они, конечно, знают, что нужно сделать, чтобы превратить простолюдина в вампира, но понимают ли они, что совершают при этом — не могу сказать. Порой я ломаю голову, не являются ли они такими же жертвами суеверного страха, как и мы.

— Значит, вы верите, что существует некий эликсир, снадобье, которое могло бы сделать каждого избавленным от болезней и ран и отодвинуть смерть на несколько веков?

— Алхимики говорят о тайной мудрости, издревле существовавшей в сердце Африки, хранителями которой ныне являются вампиры. Но не знаю, стоит ли этому верить. Если бы только некий магический напиток действительно сотворял вампиров, думаю, тайное давным-давно стало бы явным.

Ноэль воззрился на инструмент, стоявший перед ним, и погрузился в свои мысли. Затем сказал:

— И вы полагаете, что это изобретение может каким-то образом открыть секрет природы вампиров?

— Боюсь, что таково мнение Ричарда. Он очень встревожен. В империи брожение, и говорят, что моряки с «Фри-

мартина» подтвердили молву о какой-то повальной болезни в Африке, которая косит вампиров не хуже, чем простолюдинов.

Голос Эдмунда звучал весьма мрачно, и его поразил смешок, который вдруг издал Нозль.

— Если бы мы открыли тайну и все стали вампирами,— небрежно заметил он,— чью бы кровь мы тогда пили?

То было обычное замечание, род иронической шутки, которую детишки любят пробовать друг на друге. На миг Эдмундом овладело искушение ответить такой же подначкой и придать всей беседе игривое направление, но он знал, что намерения мальчика вовсе не таковы. Смех Нозля свидетельствовал о смущении, служил попыткой оправдаться за то, что затронута неловкая тема. Но если уж приходится говорить о вампирах, едва ли можно избежать вопроса о кровопитии, сколь недостойным ни казалось бы упоминание о нем. Кармилла Бурдийон не стыдилась говорить об этом, с чего бы стыдиться мальчику?

— Это еще одна вещь, которой мы не понимаем,— сказал Эдмунд.— Это вызывает у нас неловкость. Вампир берет у людей кровь не для обычного насыщения, она не служит ему хлебом или мясом. И требуется ее ничтожно мало. И все же она необходима. Вампир, лишенный крови, впадает в глубокую спячку, словно его тяжело ранили. Кровопитие доставляет специфическое удовольствие, которого мы не можем понять. Это важная часть их тайны, она делает их такими ужасными, такими бесчеловечными... и оттого столь могущественными.— Эдмунд умолк, чувствуя смущение не столько из-за обычной мысли, что этого говорить не подобает, сколько оттого, что не знал, насколько все это понятно Нозлю. Эдмунд никогда не говорил о своей связи с леди Кармиллой — ни жене, которую нашел себе позднее, ни сыну, которого она ему родила. Но не было способа оградить уши мальчика от сплетен и толков. Нозль должен знать о прошлом отца.

Мальчик снова взял фляжку, и на этот раз налил себе полнее.

— Мне говорили,— заметил он,— что люди тоже находят особое удовольствие... когда предлагают свою кровь для питья.

— Это неправда,— ощущая неловкость, ответил Эдмунд.— Удовольствие, которое получает мужчина-простолюдин от женщины-вампира таково же, как и удовольствие, доставляемое обычной возлюбленной. Возможно, как-то иначе обстоит у женщин, которые отдаются вампирам-мужчинам. Мужчины-вампиры крайне редко занимаются любовью так, как это в обычае у простолюдинов. Кроме того, любовницы вампиров могут испытывать восторг от надежды, что сами станут вампирами — Эдмунд заколебался, но понял, что не хочет бросать эту важную тему теперь, когда она все равно поднята. Мальчик имеет право знать. Возможно, ему однажды пригодится это знание. Эдмунд вспомнил, как смотрела на его сына леди Кармилла, когда говорила, что он похож на своего отца.

— Возможно, доля правды в твоём предположении все-таки есть,— продолжал Эдмунд.— Когда леди Кармилла пробовала мою кровь, это доставляло мне удовольствие. Ибо мне было приятно все, что приятно ей. Есть особое упоение в любви к даме-вампиру, которое отличает такую связь от связи с обычной женщиной... даже несмотря на то, что любовник дамы-вампира очень редко становится вампиром сам. И никогда — лишь потому, что он ее любовник.

Ноэль вспыхнул, не вполне уверенный, как отнестись к тому, что отец настолько посвятил его в свои дела. Наконец он решил, что лучше всего выказывать к этому чисто академический интерес.

— Почему в Лондоне и при других галльских дворах куда больше женщин-вампиров, нежели вампиров-мужчин? — спросил он.

— Никто не знает наверняка,— ответил Эдмунд.— Во всяком случае, среди простолюдинов. Я могу высказать свои соображения, основанные на слухах и размышлениях, но вы должны понять, что о таком и думать опасно, не говоря уже о том, чтобы обсуждать. До сих пор я многое тайл от вас, и думаю, вы понимаете, почему. Вы отдаете себе отчет, что продолжать наш разговор опасно?

Ноэль кивнул. Затем еще раз пригубил вино, как бы давая понять, что готов взять на себя всю ответственность взрослого. Он жаждал познания, и Эдмунд рад был это видеть.

Хотел бы он только знать, как много уже известно Ноэлю и насколько замутнено его знание красочными фантазиями.

— Вампиры держат свою историю в тайне,— заговорил Эдмунд.— Они пытались следить за тем, как пишется людская история, хотя повсеместное распространение печатного станка сделало для них невозможным остановить распространение запрещенных книг. Судя по всему, вампирская аристократия впервые прибыла в Европу в пятом веке с возглавляемой вампирами ордой Аттилы, которая завоевала Рим. Аттила, безусловно, достаточно хорошо знал, как сделать вампирами тех, кого он желает отличить. Он обратил Аэция, который стал первым правителем Галльской Империи, и Феодосия Второго, который был тогда императором Византии, прежде чем Византия вошла в Валашское государство.

Среди всех ныне существующих вампирских принцев и рыцарей, подавляющее большинство, надо думать, было обращено теми, кто пришел с Аттилой. Я читал сообщения о детях-вампирах, рождавшихся у дам-вампиров, но, вероятно, они ложные. Женщины-вампиры бесплодны, а мужчины-вампиры куда менее способны к оплодотворению, чем обычные мужчины. Хорошо известно, что они очень редко совокупляются, хотя каждую ночь призывают своих любовниц, чтобы пить их кровь. Тем не менее, любовницы вампиров часто сами становятся вампирами. Рыцари-вампиры утверждают, что это дар, сознательно получасмый магическим путем, но я не уверен, что каждое преобразование происходит умышленно и по выбору.— Эдмунд помолчал немного, затем продолжил: — Возможно, сперма мужчин-вампиров содержит нечто, передающее вампиризм, подобно тому, как семя обыкновенных мужчин вызывает у женщин беременность. И, возможно, здесь так же велика роль случайности. Мужчины, любовники дам-вампиров, вампирами не становятся; женщины, любовницы вампиров-мужчин, становятся ими часто; напрашивается логический вывод.

Ноэль поразмыслил об этом, а затем спросил:

— Тогда как же появляются новые лорды-вампиры?

— Они обращены другими вампирами-мужчинами,— сказал Эдмунд.— Вне всяких сомнений, преобразование требует изощренных обрядов и, возможно, того эликсира, который

искал граф Нортумберлендский. Но, подозреваю, вампирские шабаши, повсеместно расписанные грегорианцами, имеют мало общего с правдой. Если только не предположить, что роль Сатаны играет лорд-вампир.— Эдмунд не подчеркнул недосказанного, но подождал, чтобы убедиться, понятен ли Ноэлю намек. Отвращение пробежало по лицу мальчика, затем сменилось недоверием. Эдмунд не знал, радоваться или печалиться тому, что его сын может проследить развитие подобной мысли, но он не был изумлен. Рассказы грегорианцев о вампирских шабашах, где описывалось, как Сатана наслаждается противоестественным соитием со своими избранниками, настолько потрясали, что их без конца повторяли с мельчайшими подробностями. Кроме того, за жилищем Верховного Судьи находился позорный столб, и туда отправляли порой неверных слуг; а для стражников, склонных навещать позорный столб по ночам, было обычным делом использовать беспомощную жертву, привязанную за оба запястья и шею. Об этом тоже хорошо знали все юнцы и слуги Тауэре, и Ноэль едва ли мог оставаться в неведении насчет того, что такое мужеложство.

— Не все женщины, которые отдаются мужчинам-вампирам, сами становятся вампирами,— продолжал Эдмунд,— и это придает достоверность утверждениям вампиров, что они якобы владеют особой магией. Но ведь точно так же некоторые женщины не могут забеременеть, хотя много лет отдаются своим мужьям. Вряд ли в данном случае следует верить в особую магию.

— Говорят,— заметил Ноэль,— что простолюдин может также стать вампиром, если будет пить вампирскую кровь и знать необходимые магические заклинания.

— Это опасный миф,— сказал Эдмунд.— Это сплетня, которой вампиры не выносят по очевидным причинам. Они предусмотрели страшное наказание для тех, кого застигнут за подобными попытками, и я не знаю ни одного правдоподобного случая, когда кто-либо стал вампиром такими средствами. Дамы нашего двора — большей частью бывшие и недолгие любовницы рыцарей принца. Ричард, несмотря на всю его хваленую красоту, никогда не увлекался женщинами. И мы можем только думать да гадать о преображении

самого принца, вероятно, заранее задуманном и осуществленном всецело из политических соображений; но говорят, что он попал в любимчики к тому Вильгельму, который включил наш остров в Галльскую Империю в 1066 году. Кажется, он был отличён выше своего отца Генриха, или другого Генриха, своего прадедушки, каждый из которых стал вампиром достаточно поздно. А Вильгельма мог преобразить сам Карл Великий.

Нозль протянул вперед руку ладонью вниз и провел ею несколько раз над пламенем свечи, так что огонек заметался из стороны в сторону.

— Вы глядели в микроскоп на кровь? — спросил он.

— Да, — ответил Эдмунд. — И на сперму. На обычную кровь, конечно, и обычную сперму.

— И что?

Эдмунд покачал головой.

— Обе эти жидкости неоднородны. Но инструмент недостаточно хорош для подробного изучения. Вы сами видели, как цветные ореолы нарушают четкость очертаний, и увеличение недостаточно. Существуют малые частицы. У тех, что в семени, различаются длинные хвосты, но наверняка есть что-то еще... Куда больше того, что следовало бы увидеть, если бы только мне представилась возможность. Завтра этого прибора здесь уже не будет. И не думаю, что мне когда-либо позволят соорудить другой.

— Быть не может, что вы в такой беде! — вознегодовал Нозль. — Вы ценный человек, и ваша верность никогда не ставилась под сомнение. Люди думают, что вы сами почти что вампир. Вас называют то алхимиком, то черным магом, как графа-чародея. Кухонные девушки боятся меня, потому что я ваш сын; увидев меня, они крестятся.

Эдмунд не без горечи рассмеялся.

— Вне сомнений, невежественные люди подозревают меня в сношениях с демонами. Многие избегают моего взгляда, опасаясь дурного глаза. Но все это ничего не значит для вампиров. Для них я только простолудин, и как бы они ни ценили мое мастерство, они прикончат меня без колебаний, если заподозрят, что я приобрел опасные знания.

Нозля это не на шутку встревожило.

— А разве не...— Он умолк, но секунду-другую спустя продолжил: — Леди Кармила... разве она не?..

— Не защитит меня? — Эдмунд покачал головой.— Даже если бы я все еще оставался ее возлюбленным — и то не защитила бы. Вампир верен только вампирам.— И он встал, не чувствуя больше столь страстного желания помочь сыну во всем разобраться. Есть вещи, до которых мальчик сможет прийти только сам, а возможно, это ему и не понадобится. Эдмунд взял свечу и прикрыл пламя рукой, шагая к двери. Нозль последовал за ним, оставив на верстаке пустую фляжку, но не мог удержаться от искушения задать последний вопрос:

— Но... она все же любила вас?

— Возможно, любила,— с печалью произнес Эдмунд Кордери.— По-своему.

3

Эдмунд покинул Тауэр через Львиные ворота и поспешно углубился в Малый Узльс, оглядываясь, дабы удостовериться, что за ним нет хвоста. Дома, тянувшиеся от края причалов до ворот Вала, были погружены во тьму, но и теперь здесь происходило какое-то движение; даже в два часа ночи деловая жизнь огромного города не замирала полностью. Темное небо покрыли облака, и принялся моросить мелкий дождичек. Некоторые из масляных фонарей, которым полагалось гореть круглые сутки, погасли, и теперь в пределах видимости не осталось ни огонька. Впрочем, Эдмунд ничего не имел против темноты, и даже надеялся воспользоваться ее преимуществами.

Шагая к пристани, он вдруг обнаружил, что какие-то двос идут за ним по пятам. Он замедлил шаг и попытался создать впечатление, будто он просто шляется без цели. Однако, достигнув причала, поторопился найти перевозчика, единственного, который оказался у воды в такой неурочный час, и дал ему три пенса, чтобы тот переправил его через Темзу как можно быстрее.

Оглянувшись, Эдмунд увидел, что шпики проходят под фонарем. Они обсуждали, последовать ли за Эдмундом дальше. Один поглядел вдоль причалов в сторону ворот Измен-

ников — но даже дьявол верхами не мог бы нынче добраться до Тауэрского моста — затем обернулся, оглядывая южный берег до улицы Пряной Сельди, надеясь, что «подопечный» все же попадется. Однако рано было себя поздравлять, ведь Эдмунд знал, что агенты Верховного Судьи уже вполне могли ждать его на южном берегу. И с величайшей осторожностью направился к улице Друидов, прислушиваясь, не раздадутся ли сзади шаги.

И они послышались. Впрочем, на этот раз по следу шел лишь кто-то один. Как только Эдмунд вступил в паутину улиц вокруг Кожевенного рынка, оторваться стало для него парой пустяков. Его уже начало утомлять это назойливое внимание. Если вампиры желали кого-то уничтожить, они сперва доводили жертву до безумия тщательной слежкой, и Эдмунд жаждал обнажить шпагу и покончить со шпиком. Но такой опрометчивый поступок нынче ночью мог лишь обернуться против него, и он придержал свой гнев до другого раза. Эдмунд отлично знал этот лабиринт грязных улочек вокруг рынка. Он родился в переулке Распятия и провел детство именно здесь. Будучи подмастерьем здешнего часовщика, Эдмунд столь досконально освоил все тонкости работы с инструментами, что попал в Тауэр и начал работать с Саймоном Стертсвантом под присмотром Фрэнсиса Бэкона. Он был лучшим из подмастерьев, хотя ему хватало честности понимать, что он никогда не достиг бы своего нынешнего почетного положения, если бы им не увлеклась леди Кармила. Она высоко оценила ловкость его пальцев и крепость спины. Правда, совершенно в ином смысле, нежели ценил их бедняга Фрэнсис, который надеялся стать вампиром, но превысил меру, беря взятки, и потерял даже свою должность канцлера.

У Эдмунда остались брат и сестра, они еще живы и работают где-то здесь, хотя он редко виделся с ними. Ни один из них не гордился тем, что их брат — известный волшебник, и хотя они не были грегорианцами, тем не менее оба считали, что в работе Эдмунда есть нечто нечестивое. Он посылал деньги сестре, ибо ее муж то и дело уходил в море, и для нее не всегда легко оказывалось прокормить детей.

Эдмунд тщательно выбирал, куда ступить среди отбросов в темных проулках, не тревожась из-за шума, производимого

рывшимися в поисках поживы крысами. И не убирал руки с рукояти шпаги у пояса. Однако обнажать оружие не было надобности. Стаи крыс, которые наводняли берега Темзы, могли нападать на детей, а порой кусать шлюх, вышедших на промысел; но эти зверьки слишком хитры и трусливы, чтобы побеспокоить взрослого мужчину.

Из-за того, что тучи закрыли звезды, ночь была черной как смоль, и лишь редкое окно озарялось пламенем свечи. Тем не менее Эдмунду удавалось не сбиться с пути. Снова и снова протягивал он руку, касаясь знакомых стен. Вскоре он обнаружил, что шаги за спиной больше не слышны, и понял, что в безопасности.

Наконец он подошел к крохотной дверце, навешенной на три ступени ниже тротуара, и быстро постучал: сперва три раза, затем еще два. Прошло довольно много времени, пока он не почувствовал, что дверь поддается, и тогда поспешно шагнул внутрь. Дверь вновь захлопнулась со щелчком, и Эдмунд расслабился. До сих пор он и не догадывался, в каком он напряжении.

В темноте зажгли свечу.

Свет озарил худощавое женское лицо, темное и морщинистое. Глаза старой карги были выцветшими, а растрепанные белые волосы кое-как убраны под полотняный чепец.

— Господь с тобой,— прошептал он.

— И с тобой, Эдмунд Кордери,— каркнула она.

Он нахмурился, услышав свое имя. То было умышленное нарушение приличий, слабое и бессмысленное выражение воли к независимости. Старуха его недолюбливала, хотя он всегда обращался с ней по-доброму. Не в пример многим другим, она не боялась его, но считала запятнанным. Почти двадцать лет, как они были связаны общей работой на Невидимую Коллегию, но она никогда ему вполне не доверяла. Для нее он навсегда остался любовником леди-вампира. Она провела его во внутреннее помещение, где ему предстояло заняться своим делом, и там покинула.

Из мрака вышел незнакомец. Он был невелик ростом, крепок и лыс, лет эдак шестидесяти. Он особым образом сотворил крестное знамение, Эдмунд ответил тем же.

— Я Эдмунд Кордери,— представился он.— А вы один из тех, кому поручили заботиться о ричардовых львах и прочем зверье на борту «Фримартина»?

— Да,— ответил тот.— На мою долю выпало заботиться обо всех животных.— Пожилой человек говорил почтительно, но без страха. Он едва заметно выделил слово «всех», не без некоторой иронии в голосе. И Эдмунду показалось, что это человек с образованием, а не просто моряк.

— Вы хорошо послужили Ричарду. И еще лучше — Коллегии, как я надеюсь,— сказал ему Эдмунд с нарочитой любезностью.

— Это верно,— отозвался тот.— Хотя безумием было согласиться на то, о чем попросили меня ваши друзья. Думаю, вы не знаете, с какими скверными делами связались.

— О, напротив, сэр,— холодно произнес Эдмунд.— Я знаю, и знаю превосходно. Я понимаю, что вы храбрец. Прошу вас, не думайте, будто ваши труды недооценивают.

— Надеюсь, что вас не затруднило прийти ко мне сюда,— сказал здоровяк.

— Никоим образом,— уверил его Эдмунд, поняв намек.— Двое увязались за мной от Тауэра, но остались на том берегу. Один сел на хвост на южном берегу, но от него не составило труда избавиться.

— Хорошего здесь мало.

— Возможно. Но это связано совсем с другим делом, не с нашим. Думаю, для вас здесь нет опасности, и если животные для зверинца в добром здравии, Ричард будет великодушен. Он любит своих львов с тех самых пор, как его прозвали Львиным Сердцем. Он горд своей славой.

Его собеседник неуверенно кивнул.

— Когда я впервые узнал, что вам нужно,— заметил он,— мне сказали, что это требуется для Френсиса Бэкона. Досадно услышать, что он впал в немилость. Меня попросили передать вам, что Коллегия не желает, чтобы вы подвергали себя опасности. Я хочу, чтобы вы оставили этот подарочек мне, для уничтожения.

— Для уничтожения! Эй, приятель, вы рисковали жизнью, чтобы доставить его сюда! В любом случае вам-то ни к чему гадать, чего может желать от меня Коллегия. Я знаю это

лучше любого другого, кого вы могли бы встретить в Лондоне.

Здоровяк покачал головой.

— Простите, если кажется, что я в вас сомневаюсь, сэр,— произнес он,— но я виделся с одним джентельменом. Вашим другом. Он обеспокоен, сэр, крайне обеспокоен вашим благополучием.

— Мои друзья порой излишне тревожатся,— откликнулся Эдмунд. Голос его звучал сурово, он пристально сверху вниз поглядел в глаза коротышки, пресекая дальнейший спор. Здоровяк снова кивнул. То было выражением уступки, смирения перед имеющим власть.

Он достал из-за кресла большой ящик, обтянутый кожей. В боку его был проделан ряд маленьких дырочек, и было слышно, как внутри кто-то скребется.

— Вы исполнили все в точности следуя указаниям? — спросил Эдмунд.

Собеседник кивнул.

— Каждый раз, когда двое умирали, двух других кормили их трупами. Из-за этого, да еще из-за необходимости насыщать питона, едва ли было...— Тут он умолк на полуслове, едва Эдмунд потянулся к ящику, и положил руку на плечо механика.

— Не открывайте ее, сэр! Умоляю вас! Не здесь!

— Нечего бояться,— уверил его Эдмунд.

— Вы не были в Африке, сэр, а я был. Поверьте мне, все боятся. Говорят, вампиры тоже умирают, хотя никаких вампиров не оказалось в тех местах, которые мы посещали. Африка — странный континент, внушающий ужас, мастер Кордери. Никто не может вернуться оттуда в убеждении, что бояться нечего.

— Знаю,— раздраженно произнес Эдмунд.— Это другой мир, где все вверх тормашками, где люди черны, а вампиры не княжат. Я уже сказал, что я думаю о вашей храбрости, так избавьте меня от обычных рассказов путешественника.— Он стряхнул удерживавшую его руку и развязал ремни, стягивавшие ящик. Поднял крышку. Но не высоко, лишь так, чтобы проник свет и позволил ему разглядеть содержимое.

А в ящике находились две больших черных крысы. Они съежились на свету. Эдмунд опять захлопнул крышку и затянул ремни.

— Я помню свое место, сэр,— сказал здоровяк,— но действительно не думаю, что вы хорошо понимаете, что к чему. Я был в Корунне и в Марселе. В этих городах помнят былые моровые поветрия, и всякие ужасные подробности лишают людей сна и покоя. Сэр, если нечто подобное когда-либо обрушится на Лондон...

Эдмунд взвесил ящик на руке и нашел его достаточно легким.

— Это не ваша забота,— сказал он.— А теперь вам надлежит забыть обо всем, что произошло. Я снесусь с вашими хозяевами. Отныне дело в моих руках.

— Простите меня,— проговорил другой,— но вот что я должен сказать: мы ничего не достигнем, погубив вампиров, если при этом погибнем и сами. Ужасно даже представить себе, что половина простолюдинов Европы может сгинуť — и все из-за нетерпения нанести удар по нашим угнетателям.

Эдмунд рассерженно воззрился на крепыша.

— Вы слишком много болтаете,— огрызнулся он.— В самом деле, что-то вы больно много болтаете.

— Прошу прощения, сэр.— И тот сжался, отпрянув от разгневанного Эдмунда. Однако беспокойство его было, несомненно, искренним.

Эдмунд поколебался мгновение, подумывая, не успокоить ли посланца более полным объяснением, но он уже давным-давно усвоил, что в таких делах лучше всего говорить как можно меньше. Нет никакого способа узнать, когда и с кем этому человеку потребуется говорить о подобном деле, и каковы будут последствия такого разговора. В любом случае, полное объяснение никоим образом не успокоит совесть посланца и не избавит его от страха.

Механик взял ящик. Крысы зашевелились внутри и заскребли коготками по дереву. Свободной рукой Эдмунд снова сотворил крестное знамение.

— Да пребудет с вами Господь,— произнес посланец с пылкой искренностью.

— Мир вашей душе,— уныло ответил Эдмунд. И вышел без промедления, чтобы обменяться положенным прощанием со старухой, которая здесь жила.

Он быстро шагал по беспросветно-черным улицам, все еще держа правую руку на эфесе шпаги. На этот раз он прошел по Тауэрскому мосту, хотя и знал, что там его будут ждать. Они не посмеют бросить ему вызов, они просто пойдут за ним самого входа в Тауэр, а затем, когда он покинет Тауэр — до самой его квартиры близ Горы. И доложат Верховному Судье, что он принес с собой какой-то ящик. Но если пошлют людей искать ящик в надежде узнать, что он содержит, его никто не найдет.

Эдмунд вступил в Таур через ворота Изменников. Он был уверен как никогда: что бы ни случилось в ближайшие несколько дней, не этими воротами он навсегда покинет цитадель, каким бы подходящим ни казалось для него их название. Целью механика было довести измену до таких неслыханных пределов, что он оказался бы вне досягаемости для обычного в таких случаях отмщения вампиров.

4

Когда наступил понедельник, Эдмунд и Ноэль направились в покои леди Кармиллы, находившиеся в галерее близ Соляной башни.

Ноэль никогда прежде не бывал в подобных местах, и все увиденное стало для мальчика источником бурного изумления. Эдмунд наблюдал за тем, как сын поражается коврам, занавесям, зеркалам и резьбе, и не мог не вспомнить, как сам впервые вступил в эти палаты. Здесь ничто не изменилось, каждый уголок оживлял угасшие воспоминания.

Молодые вампиры обладали склонностью часто менять обстановку, они были привержены новизне и боялись своей неизменности. Леди Кармилла давно миновала эту стадию. Она привыкла, что ничто не меняется, и прониклась иным отношением к миру, допускающим скуку. Она приспособилась к новой эстетике существования, подразумевающей, что среда обитания утверждает ее в собственном по-

стоянстве. Новшества сводились к тщательно управляемым островкам в ее жизни, связанным с беспорядочным перенесением чувственного влечения с одного возлюбленного на другого.

Роскошь стола этой дамы стала еще одним источником изумления для Ноэля. Ложки и ножи, которым он обычно пользовался, были из мельхиора, хотя недавно отец купил вилки из чистого серебра. А здесь серебряным было все, включая солонки и судки. Вместо глиняных чаш стояли хрустальные кубки и резные графины. Овальный стол с раздвижной крышкой покрывала тонкая полотняная камчатая скатерть с хитрым узором. Единственное общее на столе Кармиллы Бурдийон и Эдмунда Кордери сводилось к глазированным блюдам и мискам, изготовленным в Саутуорке, украшенным синей росписью в виде переплетенных цветов.

Обилие яств окончательно смутило Ноэля. Дома мальчику накладывали на тарелку его долю, и предполагалось, что он все это съест, но здесь стол был установлен самыми разными кушаньями, из которых надлежало выбирать. Первая перемена включала два супа, ростбиф и свинину, а также салат. Эдмунд перехватил взгляд сына и позволил тому проследить, что возьмет он сам, дабы мальчик мог последовать его примеру.

Хотя постоянные передвижения слуг дамы, кажется, несколько докучали Ноэлю, Эдмунд с удовольствием заметил, что паренек быстро освоился. И когда подали вторую перемену — дичь и сладости — отец накладывал себе того да сего с большей небрежностью.

Эдмунд весьма основательно обдумал, что ему надеть по такому случаю, и достал из чулана убранство, к которому не притрагивался уже много лет. По официальным поводам он всегда старался играть роль ремесленника и одевался соответствующе. Он никогда не являлся на людях одетый как придворный, а всегда выглядел, как наемный работник. Теперь он внезапно обратился к роли, в которой его еще ни разу не видел Ноэль; хотя мальчик не имел представления о тонкостях отцовского подхода к делу, он ясно понимал кое-что из происходящего. Ему прежде случалось сетовать, и весьма горестно, на то, как просто и даже уныло заставляет

его одеваться отец. Эдмунд всегда властно обрывал подобные возражения.

Эдмунд хранил умеренность в еде и питье, и был доволен, видя, что Ноэль поступает так же, повинаясь наставлениям отца, несмотря на явные искушения этого обильного стола.

Когда со второй переменной было покончено, слуги внесли десерт, включавший подогретый херес с молоком, приправленный мускатным орехом и корицей.

— Нравится? — спросила дама, едва Эдмунд пригубил питье. — Я получила рецепт у одного вашего друга, Кенельма Дигби.

Эдмунд поднял брови. Кенельм Дигби был лишь на несколько лет старше Ноэля. И он вправду был другом Эдмунда. Но был также и членом Невидимой Коллегии, и Эдмунда встревожило, что он слышит это имя из уст вампира. Кенельм приходился сыном Эверарду Дигби, которого казнили в 1606 году за скромное участие в знаменитом Пороховом Заговоре — дерзкой, но безрассудной попытке уничтожить принца Ричарда.

— А я и не знал, что Кенельм Дигби посещал двор, — учтиво заметил Эдмунд, хотя то была ложь. А что если леди Кармилла избрала Дигби своим очередным парнишкой для утех? Наверняка она нарочно навела своего бывшего любовника на эту мысль.

— Напиток великолепен, — заверил Эдмунд хозяйку, отодвигая стакан в сторону. — Но я уже мало что могу съесть и выпить после столь отменной трапезы.

Некоторое время хозяйку вполне удовлетворял обмен обычными любезностями. Тем не менее она достаточно быстро перешла к намеченному на этот вечер делу.

— Наш возлюбленный принц Ричард просто покорен вашим хитрым изобретением, — сообщила она Эдмунду. — Он находит сго весьма увлекательным.

— Тогда я с удовольствием сделаю принцу подарок, — отозвался Эдмунд. — И с удовольствием изготовлю еще один образец для вашей милости.

— У меня нет такого желания, — холодно заметила она. — В сущности, у меня на уме другое. Принц и Верховный

Судья обсудили некоторые задачи, которые вы можете успешно выполнить. Не сомневаюсь, указания будут переданы вам в должный срок.

Эдмунд поклонился в знак согласия.

— Придворным дамам очень понравились рисунки, которые я им показала, — сказала Кармила, обратив взгляд на Ноэля. — У вас хорошая рука. Вы не хотели бы стать портретистом и писать хорошеньких вампов?

— Думаю, я предпочел бы работу механика, — ответил Ноэль.

— Разумеется, — усмехнулась она. — В конце концов, вы во всем вылитый отец. Не так ли, Эдмунд?

— Ему еще расти и расти, — отозвался механик.

Леди снова обратилась к Ноэлю.

— Даже Ричарда поразила мысль, что чаша воды из Темзы может содержать тысячи крохотных живых существ. Как вы думаете, наши тела тоже могут быть местом обитания бесчисленный невидимых насекомых?

Ноэль открыл рот для ответа, ибо вопрос явно был адресован ему, но Эдмунд деликатно вмешался.

— Есть создания, которые могут жить у нас на коже, — сказал он, — и черви внутри нас. Нам говорят, что макрокосм воспроизводит в основных чертах микрокосм человека; возможно, внутри нас имеется микрокосм поменьше, и в нем опять воспроизводится наша природа, в неисчислимо малом размере. У графа Нортумберлендского имелись кое-какие мысли на этот счет, полагаю, и я читал...

— Я слышала, мастер Кордери, — оборвала его она, — что болезнь, которая поражает простолюдинов, может передаваться от одного к другому посредством таких крохотных созданий.

— Мысль, что хвори переносятся от человека к человеку посредством ничтожно малых семян, стара, — откликнулся Эдмунд, — но я не знаю, как можно распознать такие семена. Полагаю, вряд ли создания, которые мы видели в речной воде, могут относиться к таковым. Гален сообщает нам...

Леди Кармила опять перебила его:

— Наши тела населены существами, о которых мы ничего не знаем! Каждый вздох может вносить в нас семена персмен,

слишком маленькие, чтобы увидеть их или почувствовать! Неприятная мысль. Мне от этого, право, не по себе.

— Не стоит беспокоиться,— возразил Эдмунд.— Семена разложения легко пускают корни в обычной плоти, но ваша плоть неуязвима.

— Вы знаете, что это не так, мастер Кордери,— ровным тоном произнесла она.— Вы видели меня больной.

— То была оспа, которая убила множество простолудинов, сударыня, а у вас она только и вызвала, что небольшую лихорадку.

— Есть сообщения капитанов голландских кораблей и шкипера «Фримартина», что мор, который разбушевался в Африке, ныне дошел до южных окраин Галльской Империи. Говорят, что для нового поветрия мало разницы между простолудином и вампиром.

— Слухи, сударыня,— успокоил ее Эдмунд.— Сами знаете, как разрастается дурная весть, пока идет. Сомневаюсь, что черт хотя бы вполтину так страшен, как его малюют путешественники.

Леди Кармила вновь повернулась к Ноэлю, и на этот раз обратилась к нему по имени, дабы не оставить Эдмунду ни малейшей возможности узурпировать привилегию отвечать.

— Вы боитесь меня, Ноэль? — спросила она.

Мальчик вздрогнул.

— Не следует лгать мне,— сказала она ему.— Вы боитесь меня, потому что я вампир. Мастер Эдмунд Кордери — скептик и наверняка говорил вам, что вампиры — не такие удивительные волшебники, как принято считать. Но он также наверняка сообщил, что леди-вампир может причинить вам вред, если пожелает. Вы бы хотели сами стать вампиром, Ноэль?

Ноэль поколебался, прежде чем ответить, но сказал:

— Думаю, да.

— Конечно,— промурлыкала она.— Все люди охотно стали бы вампирами, если бы могли, и неважно, насколько усердно они преклоняют колени в церкви и благодарят Бога за то, что сотворил их такими, как есть. Бессмертие — в наших руках. Мы всегда наслаждались преданностью подавляющего числа наших подданных. И щедрой мерой возда-

вали за эту преданность. Немногие присоединились к нам, но многие удостоились плодов нашей милости. Даже знатные из простолюдинов, которых здесь, в Англии, называют графами и баронетами, за многое благодарны нам, ибо мы всегда великодушны к тем, кого любим.

— Как раз это я и говорил ему, сударыня,— заверил ее Эдмунд.

— Не смею сомневаться,— сказала леди Кармила.— И все же, спроси я вас, желаете ли вы на самом деле стать вампиром, вы не сказали бы «да». Я права?

— Я удовлетворен моим положением сударыня,— сказал Эдмунд.— Это все, чего я желал. Я не высок по рождению даже среди простолюдинов.

— Конечно,— отозвалась она.— Наибольшее наслаждение вам доставляло делать что-либо своими руками, работать с металлом и огнем, создавать что-то новое и учиться всему, что вы можете освоить из механических искусств. Вы хорошо поступили, Эдмунд, и я уверена, что вы пели нам хвалы, беседуя с сыном, и рассказывали ему, какие мы превосходные хозяева. Вы объяснили ему, как правители-вампиры спасли Европу от Темных Веков, ибо, пока вампиры властвуют, варваров всегда удастся сдержать? Не сомневаюсь, вы честно рассказали ему, что наше правление не всегда было добрым, что мы не терпим, когда нам бросают вызов, но что мы столь же справедливы, сколь и суровы. Было бы куда хуже, не правда ли, если бы Галлия осталась под властью этих ужасных безумцев, римских императоров?

— Боюсь, сударыня, что мои обязанности помешали мне достаточно зорко следить за образованием моего сына,— откликнулся Эдмунд.— Но лучшие наставники этого двора обучали его латыни и греческому, риторике и истории.

— И я уверена, что он всегда хорошо усваивал урок,— сказала Кармила, опять поворачиваясь лицом к Ноэлю.— Тем не менее,— мягко добавила она,— есть люди, которые не прочь сокрушить нашу власть и уничтожить нас. Вы об этом знали?

Ноэль не имел представления, что на это ответить. Он просто молча ждал продолжения. Казалось, его неучтивость вызывает у леди Кармиллы некоторое нетерпение, а Эдмунд

умышленно позволил неловкому молчанию затянуться. Он уже убедился, что его вмешательство не разохотит ее. И подумал, что, возможно, неплохо позволить Нозлю произвести невыигрышное впечатление.

— Существует организация мятежников, жаждущих открыть тайну существования вампиров,— продолжала хозяйка.— Они распространяют идею, что сделали бы бессмертными всех людей, если бы только могли найти способ. Но это ложь и глупость. Члены тайного общества ищут власти для себя.— Леди-вампир остановилась и велела принести новую бутылку вина. Ее взгляд переходил с юноши на его отца.— Верность вашей семьи, конечно, вне всяких сомнений,— продолжила она.— Никто не понимает жизнь общества лучше, чем механик, который знает, как нужно приводить в равновесие силы и как различные детали государственной машины должны соединяться и поддерживать друг друга. Мастеру Кордери известно, что ловкость правителей сходна с ловкостью часовщиков, не так ли, Эдмунд?

— В самом деле, сударыня,— ответил мастеровой.

— Существует способ,— произнесла она с необычайной отстраненностью,— которым хороший механик может заслужить преобразование в вампира.

Эдмунд был достаточно мудр, чтобы не истолковывать это как предложение, а тем более обещание. Он налил себе еще вина и сказал:

— Сударыня, есть дела, которые имеет смысл обсуждать наедине. Не позволите ли вы мне отослать сына домой?

Глаза леди Кармиллы немного сузились, но едва ли что-то можно было прочесть в ее изысканных чертах. Эдмунд затаил дыхание, зная, что пытается вынудить ее к решению, которое она не намеревалась принять так скоро.

— Бедный мальчик еще не допил свое вино,— сказала она.

Эдмунд не спорил. Она явно не желала, чтобы мальчик уже уходил.

— Как вы думаете, Нозль,— опять заговорила леди Кармилла,— почему так много простолюдинов настроено против нашей власти?

Эдмунд коротко поглядел на Нозля и увидел, что тот слегка захмелел. Отец пожелал отвлечь внимание леди Кармиллы от этого отвратительного вопроса, но уже удостоверился, что вежливое вмешательство здесь не приносит пользы. Использует ли она мальчика, чтобы бросить вызов его отцу, или просто позволила себе затеять жестокую игру? Она была способна на ничем не спровоцированную жестокость. Никто не знал это лучше Эдмунда.

— Нозлю неоткуда знать об этом,— сказал Эдмунд. Его голос прозвучал резче и настойчивей.— Будет ли мне дозволено дать объяснение?

Она подняла глаза, как бы признавая свое поражение.

— Очень хорошо,— сказала она, изобразив неудовольствие.

— Простолюдины верят, что вампиры крайне жестоки,— заговорил Эдмунд.— Они знают, что сами вампиры почти нечувствительны к боли, что вампир может стать полностью безразличен к боли посредством волевого усилия. Естественно, они завидуют такой защищенности, особенно если учесть, что закон предписывает в качестве наказания самые разные страшные муки. Они видят, как их собратьев бросают в темные и грязные подземелья, закованных и связанных. Видят, как их бичуют. Видят, как отсекают руки, а обрубки погружают в кипящую смолу. Они могут не видеть, как узников поднимают на дыбу, как им ломают кости или рвут ноздри щипцами. Но им известно, что это совершается в застенках вот под этим самым зданием. Они могут поглядеть на казни на Тауэрском холме и в Тибурне, если только достаточно крепки для этого. Несколько раньше вы говорили о Кенельме Дигби и, намеренно или нет, напомнили мне о том, что случилось с его отцом, участие которого в заговоре против принца было совершенно ничтожно. Он и трое других, если вам угодно припомнить это, сударыня, были исхлестаны до полусмерти, а затем лошади не меньше мили волокли их к эшафоту во дворе собора св. Павла по улицам, полным зевак. Он был весь изранен и окровавлен и замаран грязью. И едва успел сэр Эверард взойти по лесенке, сударыня, как доверенный палач Ричарда перерезал натянувшуюся веревку, на которой осужденный только-только повис,

так что тому даже не хватило времени потерять сознание, не говоря о том, чтобы задохнуться и умереть. Затем его поволокли, все еще связанного, к плахе, где кастрировали, а живот вспороли и вытащили оттуда внутренности. После этого его четвертовали, а сердце вырезали и показали толпе. Я не верю, что, как говорили некоторые, когда палач провозгласил его врагом собственного народа, мертвые губы сэра Эверарда изрекли: «Лжешь!». Но я знаю, что он был добрым человеком, который не заслужил такой смерти потому, что невольно оказал поддержку бунтовщикам. Простолюдины, сударыня, верят, что такое не сможет происходить, если ими станут править такие же, как они. О, они слыхали о Нероне и о прочих безумных римлянах. Но они не могут поверить, что нынешний простой человек, который знает, что такое боль, способен подвергать своих собратьев подобным испытаниям. Христиане питают мало сочувствия к язычникам-туркам, но им становится худо от рассказов о том, что вытворял валашский воевода Влад Сажатель-на-Кол со своими пленниками, когда отвоевал Византию. Когда наш Ричард бился с сарацинами и когда Карл Великий заключал договор с Гарун-аль-Рашидом, дела обстояли иначе, но наши дни, которым следовало бы стать менее жестокими, напротив, только чернее. Обвиненные в грегорианской ереси сжигаются что ни день по всей Галлии. Можно ли осуждать остальных за то, что они размышляют — а не демоны ли и впрямь вампиры? Вот почему, сударыня, столь многие простолюдины ненавидят вас.

Тут Эдмунд взглянул на Нозля и увидал на лице у мальчика выражение ужаса, тот испугался за человека, который мог говорить подобные вещи в глаза вампиру. Но леди Кармила громко рассмеялась, не скрывая удовольствия.

— О, Эдмунд,— воскликнула она,— я и забыла, каково вести беседу с честным малым!

— Но отец, вы описываете только то, что могут думать другие, верно? — произнес Нозль.

— Миледи знает, что я не грегорианец,— мягко заметил Эдмунд.— А я — что она не демон в изящном обличьи. Но ей также известно, что я сострадаю тем, кого приговаривают к смерти на костре всего лишь за глупость, и тем, кому

причиняют боль только ради боли. Я бы хотел, чтобы этот мир был добрее, и понимаю, почему некоторые думают, что такое невозможно, пока наши правители должным образом не понимают того, что в действительности властно над нашими жизнями.

— И что же это? — спросила Кармила, не смеясь больше.

— Страх, сударыня, — ответил Эдмунд. — Только страх. Страх смерти, но главным образом — страх боли. Думаю, все мы могли бы смириться с тем, что умираем, хотя наши господа смерти не ведают. Но людям тяжело страдать от боли, зная, что те, кто подвергает их таким наказаниям, сами в свой черед не могут быть наказаны.

— Мы наказываем вампиров, которые виновны в преступлениях, — решительно заявила Кармила.

— О да. Вы умерщвляете их тем особым способом, каким можно уничтожить вампира. Но вы не заставляете их страдать от боли, ибо не можете. Все ваши сородичи безразличны к боли, если им только не угодно ее почувствовать. Или это не так?

— Это так, — согласилась она. — Но скажите мне, Эдмунд, счастливее ли хоть сколько-нибудь огромные сонмы людей в тех землях, где над ними властвуют обычные господа? Вы позволяете себе сочувствовать туркам, но не сочувствуете ли вы также тем, кто стал их жертвами, когда они опустошили Византию? Разве нет боли в мире арабов, которые подобным же образом отсекают руку вору, казнят убийц, измыслили немало жестоких пыток, а при этом еще и держат рабов? В Галлии нет рабов, не считая разве что осужденных преступников и магометан, которые служат гребцами на галсрах.

— Вы правы, сударыня, напоминая мне о том, что дикари дики, — согласился Эдмунд. — У меня нет сомнений, что дела в сердце Африки обстоят столь же дурно, хотя, если можно верить слухам, там простолюдины правят вампирами. Но жители Галлии — христиане, которые слышат, что должны любить друг друга, и вы не вправе осуждать тех бедных последователей Иисуса, которые считают, что владыки-вампиры глухи к Его благовествованию. Они верят, что короли-простолюдины понимали бы, что такое боль, а короли-

христиане никогда не могли бы совершать того, что творят владыки-вампиры. Возможно, они заблуждаются, но они этому верят.

— И вы думаете, что им удастся занять наше место? — спросила леди Кармилла. Теперь ее голос звучал выше.

— Думаю, да, сударыня. Некогда всех вампиров Европы объединила жажда завоеваний, они продвинулись далеко на север, и пределы Галльской Империи расширились, включив Данию и наши Британские Острова, а границы Валахии отодвинулись вглубь России. Затем вампиров Галлии и Валахии объединила общая угроза: турки. Но теперь турки укрощены и отступили из Византии. Настало время, когда между народами, управляемыми вампирами, станет развиваться былое соперничество. А разделенная империя — это империя, которой однажды суждено пасть.

— Но по вашим же словам, у племени вампиров никогда не будет недостатка в *общих* врагах, — холодно ответила она.

Эдмунд улыбнулся и признал ее находчивость, торжественно подняв свой бокал с вином. Затем бросил беглый взгляд на Нозля.

— Думаю, мой сын выпил достаточно вина, сударыня, — сказал Эдмунд. — Отошлю-ка я его, с вашего позволения. Есть дело, которое я хотел бы обсудить с вами наедине.

Кармилла изучала его в течение нескольких секунд, затем лениво махнула рукой, выражая согласие. Нозль поспешил подняться и, весь красный, удалился с неловким поклоном. Эдмунд в полном спокойствии следил, как сын покидает их и ничем не ответил на последний извиняющийся взгляд Нозля. Эдмунд знал, что Нозль последует его указаниям и не дерзнет возбудить подозрение каким-либо намеком на неуместное прощание.

Когда Нозль ушел, леди Кармилла поднялась с места и перешла из столовой в более дальнее помещение. Эдмунд последовал за ней.

— Ты самонадеян, мастер Кордери, — заявила она. Он отметил перемену в ее манере обращения и понял, что игра почти выиграна.

— Меня занесло, ваша милость. Слишком много воспоминаний.

— Мальчик — мой, — сказала она. — Если я пожелаю.

Эдмуунд наклонил голову, но ничего не сказал.

— И ты будешь к нему ревновать?

— Да, миледи, — сказал Эдмунд. — Буду. Но я старею, а он между тем должен стать мужчиной. А что до тебя... что же, прошло время, но разницы-то никакой.

— Я позвала тебя сюда нынче вечером не для любовной встречи. Не было у меня и намерения соблазнять твоего сына. Чего касается то дело, которое ты желаешь со мной обсудить — науки или измены?

— Науки, сударыня. Как вы сами сказали, моя верность вне подозрений.

Кармила вытянулась на софе и указала Эдмунду на ближайшее кресло. Этот будуар располагался перед самой ее спальней, и воздух был напоен тонкими ароматами.

— Говори, — велела она.

— Полагаю, Ричард озабочен тем, что может открыть мое скромное изобретение, — начал он. — Но, думаю, вы достаточно хорошо знаете, что однажды сделанное открытие, весьма вероятно, будет сделано снова, и его нельзя уничтожить навсегда. Хотите совет, леди Кармила? — Он умышленно перешел к менее доверительной форме обращения и получил странное удовольствие, заметив, что ей это, похоже, не по вкусу.

— А вы можете предложить мне совет, Эдмунд?

— Могу. Не пытайтесь бороться с тем, что происходит в Галлии, устрашением и преследованиями. Если вы будете править с прежней жестокостью, вы можете отворить ворота разрушению. Если вампиры Великой Нормандии окажутся готовы постепенно уступить власть парламенту простолюдинов, они могут указать дорогу в лучший мир; но если вместо этого они ударят, их враги не замедлят нанести ответный удар.

Леди-вампир откинула назад голову, глядя в потолок. И деланно усмехнулась.

— Не могу передать подобный совет принцу Львиное Сердце, — сказала она. — Он не станет слушать. Он твердо убежден, что властвует по божественному праву и в согласии со своим кодексом чести. Он уверен, что простолюдины признают законность сего притязаний.

— Я и сам так думал, сударыня,— непринужденно ответил Эдмунд.— Но мне требовалось высказать то, что у меня на уме.

— У простолюдинов есть свое бессмертие,— посетовала она.— Церковь обещает его, и все вы верите обещанию. Ваша вера учит вас, что вы не должны прельщаться тем бессмертием, которое принадлежит нам. И мы действуем только в согласии с вашей верой, столь ревниво охраняя наше бессмертие. В поисках спасения вы должны обращаться исключительно ко Христу. Думаю, вы понимаете, что мы не можем преобразить весь свет, даже если бы захотели. Наша магия такова, что применять ее надлежит с большой оглядкой. Вы расстроены оттого, что вам этого не предложили? Вы ревнуете? Вы бы стали нашим врагом только потому, что не можете стать одним из нас?

— Принцу Ричарду нечего меня бояться, сударыня,— покривил он душой. Затем добавил, не вполне уверенный в том, ложь это или правда: — Я верно любил тебя. И все еще люблю.

Она села, выпрямившись, и протянула руку. Словно, желая погладить его по щеке, но он был слишком далеко, и она не дотянулась.

— Как раз это я и сказала Ричарду, когда он в разговоре со мной назвал тебя изменником,— проговорила она.— И сказала ему, что могу куда лучше испытать твою верность в моих покаях, чем его слуги там, у себя. Не думаю, что ты мог бы ввести меня в заблуждение, Эдмунд.— Она поднялась на ноги, подошла к нему и взяла его лицо в ладони.

— К утру я буду знать, изменник ты или нет,— коротко обещала леди Кармила.

— Будешь,— заверил ее Эдмунд.

5

Он пробудился раньше, чем она, во рту у него было сухо, а лоб горел. Но никакого пота, более того, его изводило ощущение иссушенности, словно из его плоти выжали влагу. Голова болела, и свет утреннего солнца, проникавший через не закрытое ставнями окно, вызвал боль в глазах.

Он сел, откинув покрывало с нагой груди.

«Так скоро!» — подумалось ему. Он не ожидал, что так быстро утратит силы, но с изумлением обнаружил, что это вызывает у него скорее облегчение, нежели страх или сожаление. Собраться с мыслями оказалось затруднительно, и он испытал противоестественную радость, решив, что этого и не требуется.

Он взглянул на раны на груди, которые она нанесла своим серебряным ножиком. Порезы были свежими и красными и резко контрастировали с бледными шрамами, перекрестья которых рассказывали историю незабытой страсти. Он бережно коснулся пальцами новых ран и содрогнулся от жгучей боли.

«Я страдаю, — подумал он, — но есть в страдании особенное достоинство, которого те, кто не способен страдать, никогда не постигнут. Тот, кто не чувствует боли, не способен чувствовать сострадания.»

Эдмунд испытывал жалость к своей спящей возлюбленной и был этим горд.

«Мы оба мученики, — прошептал он еле слышно. — Оба мученики.»

Тут она проснулась и увидела, что он трогает отметины.

— Тебе доставало ножа? — сонно спросила она. — Ты изголодался по его поцелуям? Тебе наверняка доставила удовольствие его ласка, ибо все вышло просто славно.

Теперь больше не было нужды лгать, и это знание принесло восхитительное ощущение свободы. Была радость в том, что он способен, наконец, взглянуть ей в лицо, совершенно нагой в своих мыслях и не стыдящийся этого.

— Да, сударыня, — еле слышно признался он, — мне не доставало этого ножа. Его прикосновение вновь разожгло пламя в моей душе, где я рассчитывал найти только угли.

Она снова закрыла глаза, предоставляя себе медленно пробудиться. И рассмеялась.

— Приятно порой вернуться на заброшенные пастбища. У тебя и представления быть не может, как особый, неповторимый вкус способен всколыхнуть воспоминания. Я рада, что снова увидела тебя таким. Я уже вполне привыкла к тебе как к серому механику. Но теперь... Я вижу на твоём лице румянец юности.

Он рассмеялся столь же непринужденно, а потом закашлялся, и что-то в этом звуке встревожило ее. Она открыла глаза и подняла голову, повернувшись к нему лицом.

— Эдмунд! — поразились она. — Да ты весь горишь!

И потянулась, чтобы коснуться его щеки. Но тут же отдернула руку, обнаружив, насколько он необычайно жарок и сух. Румянец смущения разлился по ее нежному как шелк лицу, на миг лишив его того волшебного блеска, который отмечал ее и свидетельствовал о том, кто она есть. Эдмунд взял ее руку и удержал, не мигая глядя ей в глаза.

— Эдмунд, — тихо спросила она, — что ты сделал?

— Не знаю, что из этого выйдет, — сказал он, — и не думаю, что проживу достаточно долго, чтобы узнать, преуспел ли, но я попытался тебя убить, моя госпожа. — И с удовольствием наблюдал, как раскрылся в изумлении ее рот. Он видел, что на ее лице смешались недоверие и тревога, и что она пытается овладеть собой. Она не стала звать на помощь.

— Какая чепуха, — прошептала она.

— Возможно, — согласился он. — Возможно также, чепухой было все то, о чем мы говорили в прошлый вечер. Весь этот вздор насчет измены. Ты достаточно хорошо знаешь, что человек, которого ты взяла к себе в постель, обречен. Почему ты попросила меня изготовить микроскоп, моя госпожа, если посвящать меня в такую тайну означало подписать мне смертный приговор?

— О, Эдмунд, — ответила она со вздохом, — неужели ты думаешь, что я что-то решала? Я пыталась защитить тебя от страхов и подозрений Верховного Судьи. И лишь потому, что я когда-то была твоей покровительницей, я вызвалась исполнить это поручение. Что же ты сделал, мой бедный изменник?

Он начал отвечать, но слова утонули в приступе кашля.

Она села и выпрямилась, вырвав руку из его ослабевшей хватки.

— Во имя любви Господней! — вскричала она со страхом, словно была Истинно Верующей. — Это чума! Чума из Африки!

Он кивнул, поздравляя ее с удачной догадкой.

— Но на борту «Фримартина» не было признаков болезни,— не сдавалась она.— Иначе корабль задержался бы у Эссекских берегов. Среди экипажа не было и намека на чуму.

— Эта болезнь слишком быстро убивает людей,— сказал Эдмунд сухим шепотом.— Но животные могут носить ее в крови много дольше.

— Ты не можешь этого знать!

Эдмунд издал смешок.

— Сударыня,— сказал он,— я участник того Братства, которое исследует все, что могло бы убить вампира. Сведения дошли до нас вовремя, чтобы устроить доставку не только тех животных, которых, как символ своей доблести, заказал принц Ричард. Когда мы о них просили, мы не имели в виду, что используем их так, как это сделал я, но недавние события...— Он снова остановился, не в силах набрать в грудь достаточно воздуха, чтобы поддержать даже этот слабый шепот.

Леди Кармила положила руку себе на горло и сделала глотательное движение, словно ожидала подтверждения, что заражена.

— И ты хотел моей гибели, Эдмунд? — спросила она, как если бы для нее и впрямь трудно было такому поверить.

— Я хотел бы гибели для всех вас,— ответил он.— Я бы вызвал любое бедствие, перевернул бы весь свет вверх тормашками, лишь бы покончить с вашей властью... Мы не позволим вам искоренить самую науку, чтобы сохранить вашу жестокую империю. Порядок надлежит одолевать хаосом, а хаос вторгся в вашу жизнь, сударыня, и такой, что вы его больше не обуздаете. Что бы ни пил ваш род, это будет кровь мучеников, пролитая вами. От всего сердца проклиная ваш род. Проклинаю всех вас — несмотря на то, что любил тебя, госпожа моя.

Когда она попыталась выбраться из постели, он потянулся, чтобы удержать ее, и хотя у него не осталось больше сил, она не воспротивилась. Покрывало упало с ее тела, явив ее груди, когда она села прямо. Кожа ее блестела, как отполированный мрамор статуи, вроде тех, какие некогда с таким исчерпывающим мастерством ваяли греки, гиганты среди простолудинов.

— Мальчик умрет за это, мастер Кордери,— сказала она.— И его мать.

— Их здесь нет,— сообщил он.— Нозль прямо из-за вашего стола отправился в тайное убежище Общества, которому я служу. И сейчас вам до них не добраться. Ричард вовек не найдет их, ибо истинная протяженность его владений меньше пределов этого замка. Простолюдины легко могут скрываться среди простолудинов, а вы не найдете того, чего не можете увидеть по-настоящему.

Она воззрилась на него, и теперь он видел, как зарождаются в ее взгляде ненависть и страх.

— Ты пришел сюда вчера вечером, чтобы дать мне отравленной крови,— проговорила она.— В надежде, что эта новая болезнь убьет даже меня, ты приговорил себя к смерти. Что ты сделал, Эдмунд?

Он опять потянулся и коснулся ее руки. И с удовольствием увидел, как она содрогается и отстраняется от него, ибо он теперь стал в ее глазах воплощением ужаса.

— Только вампиры живут вечно,— хрипло сказал он ей.— Но любой может пить кровь, если у него только хватает куража. Я принял полную меру у моих двух больных крыс, и молю Бога, чтобы семя этой напасти разбушевалось в моей крови и сперме. Ты тоже приняла полную меру, госпожа моя... И ты теперь в руках Божиих, как и любой смертный простолудин. Я не могу знать наверняка, подхватишь ли ты чуму и убьет ли она тебя, но этот неверующий не стыдится твердить молитвы. Возможно, вы тоже могли бы молиться, сударыня, и тогда мы узнаем, кого из двух неверующих предпочитает Господь.

Она поглядела на него сверху вниз. Ее лицо, затвердев, стало походить на маску, так что теперь она и впрямь была подобна статуе недоброй богини.

— Когда-то я тебе доверяла,— прошептала она.— И могла бы добиться, чтобы Ричард теперь доверял тебе, если бы ты не выбрал положение виновного. Ты мог бы стать вампиром. Мы могли бы идти вдвоем сквозь столетия; вечно любить друг друга.

Здесь она покривила душой, и оба это знали. Вампиры не любят вампиров. Это невозможно. Кажется, само время

убивает такого рода любовь. Только кровь смертного питает вампира, а вампир не может обходиться без этой пищи. Эдмунд не взял бы на себя смелость утверждать, что знает, почему это так, но в этом он не сомневался. Он был некогда любовником Кармиллы Бурдийон, а затем получил отставку. Теперь он постарел. Невозможно вызвать в нем острую боль сожаления.

Леди Кармилла взяла с ночного столика маленький серебряный ножик, которым пользовалась, чтобы пустить ему кровь.

— Я думала, ты все еще любишь меня.— сказала она ему.

Это по крайней мере, как он подумал, может быть правдой.

И откинул голову, чтобы подставить горло удару, которого ждал. Он хотел, чтобы она ударила: гневно, дико, страстно. Ему не требовалось больше ничего говорить.

Он знал, что побуждения его сложны, и не мог бы признаться даже себе самому, только ли всрность общему делу побудила его произвести над собой столь исключительный опыт, или в том, что он совершил, повинна и ярость на столь совершенную даму, которая выросла из своей любви.

Теперь это не имело значения.

Она перерезала ему горло, и он несколько долгих секунд следил, как она ошеломленно взирает на кровь, стремительно хлынувшую из раны.

«Я был прав,— подумал он.— Никакого сострадания.»

Но тут же увидел, как она подносит запятнанные пальцы к губам, все зная и все понимая... и осознал, что неким своим особым образом она все же до сих пор его любила.

Часть вторая

ТЕНЬ ВЕЧНОСТИ

Иисус же сказал им: истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни. Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную; и Я воскрешу его в последний день. Ибо Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питье. Ядущий мою плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во мне, и Я в нем.

(Иоанн, 6:53-56)

Вот расшифрованный текст письма, полученного сэром Кенельмом Дигби в Гэйхерсте летом 1625 года.

*Кардиганское аббатство,
июнь 1625 г.*

Друг мой.

Я еще не вполне привык к шифру, который вы мне доверили, но не позволю себе удовольствоваться из-за этого коротким посланием. Если таков язык Невидимой Коллегии, то я — пылкий его приверженец, ибо считаю своим призванием хорошо служить этой Коллегии. На это всегда надеялся мой отец, и теперь надеюсь на это и я сам.

Я нашел, что Кардиган весьма отличен от других мест, где я останавливался. Кажется, едва ли он часть того же королевства, что и Лондон, и легко можно поверить, что он и вовсе расположен вне пределов Галльской Империи. Стоит услышать, как говорит простой народ, сжали он снисходит до английского, который мне понятен, и можно подумать, что это все еще Середигион, Королевство Элфина, где был найден Талиесин. Конечно, здесь нет больше друидов, равно как и бардов, но девиз Ордена Бардов и ныне повторяют в знак верности своему наследию: *Y Gwir yn erbyn y Byd*, что означает: «Истина против мира». Полагаю, есть лозунги и похуже, которые все же можно принять.

Монахи аббатства, которые оказали мне гостеприимство, разумеется, не грегорианцы и не кажутся ненавистниками вампиров, но на особый лад исповедуют свою веру, почти не признавая авторитета Рима, и таким образом, не обращают внимания на заявление папы Борджиа. В Уэльсе были христианские церкви, как они говорят, еще до того, как Августин явился в Британию обращать саксов, а саксы, некогда обращенные, тут же принялись резать валлийских монахов во имя Рима. В месте вроде этого тысячи лет недостаточно, чтобы стереть воспоминания о бедствиях; здесь мало пишут, и былые вести не стареют, рассказы передаются изустно от отца к сыну (или от аббата к послушнику) и вовек не утрачивают свежести.

Я могу только судить по тому, что видел здесь, что аббатство не процветает. Хотя не знаю, насколько это отражает независимый дух здешних монахов. Осмелюсь заметить, что если бы доминиканские охотники за ересями были посланы сюда, они могли бы найти причины для неудовольствия, но не могу себе представить, что эти доброжелательные и набожные люди навлекли бы на себя сколько-нибудь заслуженный гнев. Думаю, недостаток в послушниках следует скорее отнести на счет всеобщего отступничества, подтачивающего веру с тех самых пор, как вампиры извратили учение, дав ясно понять всему крещеному миру, что можно силой предписывать кому и что угодно. Так или иначе, здесь только двадцать монахов, которые содержат одного-единственного управляющего, чтобы вел дела. Один из братьев служит раздатчиком милостыни, и хотя к нему приставлены три мальчика, дабы помогали ему в этом деле, мне не кажется, что кто-либо из них решил принять монашество. В аббатстве нет работников-мирян, даже в пивоварне, и монахи обрабатывают очень малую часть своей земли, сдавая все прочие земли своего небольшого имения арендаторам. У них очень немного посетителей, взыскующих их милосердия, хотя они помогают очень и очень многим бедным мужчинам и женщинам из городка, который зовется Абертайви. Так зовут его все жители, кроме дворянчиков и солдат, обитающих в замке. Я плачу за пребывание здесь исполнением известных обязанностей в монастыре. Сперва

я надеялся внести некоторый вклад механическими искусстваами, которые начал изучать под руководством отца, но монахи и сами искусно изготавливают различные орудия и не нашли бы применения тем водяным насосам и токарным станкам, которые были отрадой и гордостью моего отца. Единственная выдумка, которую мне удалось здесь применить,— это часовой механизм, управляемый гирями, поворачивающий вертел над очагом. Он избавил мальчиков, раздающих милостыню, от мучительной для них обязанности стоять и вертеть ручку.

Итогом этого вдохновенного деяния стало то, что я назначен работать на кухне. Теперь я помогаю брату Мартину и брату Иннокентию готовить прандиум и козну каждый полдень и по вечерам. Когда братья идут к вечерне, кухня остается на моем попечении, но к этому времени дневная работа уже вся почти сделана, хлеб извлечен из печей, и там не остается ничего, кроме картофельных лепешек в формах. И я провожу время, главным образом, таская воду из колодца или наблюдая за кипящими котлами.

Большая часть моих ученых занятий протекает в библиотеке, очень простом, но вполне удобном помещении. Запрещенные книги содержатся в подвале за потайной дверью. Я устаю от уроков латыни и греческого и от изучения книг, которые были написаны до появления в Европе вампиров. Я хочу знать своего врага, дабы понять, как с ним бороться. Однако Q настаивает, что я должен стать ученым человеком, прежде чем решусь посвятить свою образованность особым целям.

Q — странный человек, и я не понимаю, почему отец распорядился доверить меня его заботам. Я знаю, что отец был неверующим, и кажется примечательным, что ему вздумалось назначить монаха моим опекуном, пусть даже монаха, который более чем скептик в отношении некоторых догматов. Не то чтобы я оспаривал мудрость Q — ибо я готов верить, что это мудрейший человек в Галлии — но я не могу вполне понять его положение в Невидимой Коллегии. Он кажется таким спокойным и отрешенным. Он совершенно не проявляет рвения в нашем противостоянии власти вампиров.

Q не больше грегорианец, нежели монахи, которые тут живут, хотя он и к Риму не имеет тяготения. Он тут гость, как и я, и отнюдь не водит особенной дружбы с нашими гостеприимцами — по причине сего одеяния. Его уважают за ученость, но к нему не подходят близко. Он всем чужд. Кажется, это ничуть не досаждало ему, ибо он постоянно погружен в свои мысли, и хотя он не больно велик ростом, думаю, он очень крепок — и сложением, и характером.

Теперь я понимаю, почему мой отец скрывал от меня столь многое. Я знаю: это для того, чтобы меня защитить, он не позволял мне проникнуть в его тайны до самого конца. Он не стал моим наставником в измене. Но итог его благоразумия таков, что я вырос, едва ли сколько-нибудь его зная, и не могу угадать, что могло быть у него на уме, когда он оставлял указания, которым вы верно последовали. Я, скорее, предпочел находиться в G, нежели здесь, хотя знаю, что, случись так, я навлек бы беду на ваш дом, равно как и на свой. То, что я ныне разлучен с матерью, еще более ухудшает мое положение. Конечно, я теперь мужчина, а не ребенок, но оказаться столь далеко от всего, что я знал прежде — тяжкое испытание. Возможно, мне не подобает изливать свои жалобы вам, который потерял отца в куда более раннем возрасте; но не могу порой удержаться от желания, чтобы мой отец прошел через мученичество столь же громкое, сколь и ваш. Слишком много здесь такого, чего я не могу измерить, думая о его жизни и побуждениях.

Я жажду действия. И начинаю полагать, что не гожусь в школяры. Вы с легкостью сочетаете искусства книгоучея и борца — об этом мне известно. Увы, мне неведомо, имею ли я право помышлять и о себе как о столь же разностороннем человеке. Если бы мне довелось выбирать, думаю, я предпочел бы стать рубакой и схлестнуться с вампирами в открытом бою, а не ползать и хитрить, пытаясь одолеть их обманом. Не такой представлял себе мою жизнь отец. Но знал ли меня отец сколько-нибудь лучше, чем я его?

Если бы я только не был изгнанником и мог бы идти своей дорогой, не завися от совершенно посторонних людей, которые должны прятать меня и заботиться о моем благополучии... Порой я смотрю на море, наблюдая за лодками

с грузом сельди и судами, забирающими свинец на близлежащих рудниках, и думаю: а не уплыть ли чужую страну, где никто никогда не слышал моего имени, и не поискать ли там удачи? Но вы, несомненно, сочтете меня глупым мальчишкой и решите, что я еще не скоро повзрослею.

Даже Q порой следит за кораблями с загадочным светом в глазах, и я слышал, как он говорит, что страх вампиров перед морем — это еще один гвоздь в гроб их умирающей империи. Он, правда, утверждает, что большие парусные суда, которые бороздят северные моря, закладывают основы новой империи, которая недоступна сухопутным вампирам. Порой он глядит на запад, как будто проницая взглядом весь мир до той самой утраченной Атлантиды, которая, как некоторые верят, вполне может существовать за океаном, где-нибудь между Ирландией и далеким Китаем. Другие монахи, впрочем, полагают, что он безумен, коли рассуждает о неоткрытых землях. Я подозреваю, что некоторые из них еще не вполне примирились с тем обстоятельством, что Земля круглая. Когда они глядят на запад, то предаются мечтам о пропавших городах и крепостях, которые поглотило море во времена Элфина. Вокруг ходит множество рассказов о морских духах, которые прекрасней дам-вампиров и обитают в этих исчезнувших угодьях, искушая порой глупых моряков броситься со своих безопасных палуб в безжалостные объятия моря. Никогда, впрочем, не слышал зова этих сирен, и полагаю, что не услышу.

Но я не вправе докучать вам своим недовольством, я понимаю, вам мало радости читать такое. Надеюсь, что в будущем я стану писать вам письма, более достойные внимания, да и повеселее. А пока что молю вас следить за тем, чтобы о моей матушке заботились должным образом, и пусть она знает, что я здоров и бодр в своем изгнании. Я нечестно молюсь, ибо не могу заставить себя поверить, будто людские молитвы слышны где-нибудь на Небесах, но если все же молюсь, то поминаю вас и матушку и молю об избавлении Англии. Если и вправду есть Бог, уверен, что мои сомнения на его счет не помешают ему прислушаться к моим мольбам.

Прощайте. N.

1

В подвале под библиотекой бенедиктинского монастыря в Кардигане Ноэль Кордери поднял глаза от книги, которую изучал. Потер усталые глаза. Хотя было едва ли четыре часа и летнее солнце еще стояло высоко в небе, ему приходилось читать при свече, ибо в помещении не имелось окна. Ведь этого подвала официально не существовало; здесь хранились запрещенные книги.

Одно время Ноэль считал подвал прекрасным местом, и для него было поистине волнующим здесь располагаться, тщательно поставив на место камни, скрывавшие потайную дверь. Тогда казалось, что место это полно волшебства — такого же непорочного, как беленые стены, но все-таки настоящего. Дух воспарял при мысли, что он прикасается ко множеству чудесных тайн, изложенных на пергаменте рукой монаха, ибо они слишком ценны или слишком опасны, чтобы доверить их печатному станку.

Теперь Ноэль стал видеть это помещение иначе. Не столько чудесное, сколько весьма странное. Теперь ему казалось, что библиотека, расположенная наверху, обычная библиотека с окнами, была складом ортодоксальной церкви, вмещающим положенную и официально одобренную премудрость. В этом мире обитали вампиры и простолюдины, равно сотворенные Богом, равно почитающие Бога, и те и другие в своем особом роде избранный народ. То не был полностью счастливый мир, вне всяких сомнений, но в основе своей живущий в полном ладу с собой, привыкший к установленным порядкам. А здесь, напротив, был нижний мир, темный и мрачный, где грегорианцы и гностики, маги и алхимики могли позволить себе недовольный ропот. В мире, который угадывался на скрытых здесь страницах, вампиры представляли порождением дьявола, а простолюдины — беспомощными жертвами их неистовства. Два племени, вечно враждующих, коим предназначено воевать до Судного Дня. Здесь и помышлять не приходилось о покое. Здесь был истинный пандемониум, и отчаянные, горестные крики наперебой требовали справедливости, внимания или ответа.

Нозлю больше не нравилось читать в подполье. Он не видел особой опасности в том, чтобы приносить книги наверх, где все хорошо освещено, или даже в свое пристанище в наружном дворе за пределами внутренней части аббатства, где располагались святыни и жили монахи. Существование тайника было, несомненно, известно любому из монахов, несмотря на то, что те обитатели монастыря, которым ничего знать не полагалось, никогда этого не признали бы. В монастыре нечасто бывали посетители-миряне. Мирянином был также управляющий, который вел земные дела обители и которому изредка приходилось оказывать гостеприимство странствующей братии — фактически тайной полиции возглавляемой вампирами Кардинальской Коллегии. Кардиган был одним из безопаснейших мест в государстве, почему, собственно, Нозль сюда и попал, и здешние правила казались мальчику не в меру щепетильными. Самим же бенедиктинцам мысль о нарушении правила, сколько бы к тому ни располагали обстоятельства, казалась чудовищной. Послушание было сутью их существования, и любое правило обладало для них той же силой, что устав их ордена: *Regula Benedicti*.

Наблюдая, как пламя свечи трепещет на ветерке, тянущем из вентиляционных отверстий, Нозль позволил себе отвлечься от занятий и снова стал задаваться вопросом, почему отец послал его в подобное место и поручил заботам ученого монаха — такого, как Квинт. И не находил ответа. Смерть оборвала все начинания отца, и многое осталось необъясненным.

Он вернулся к книге, над которой корпел. То было «Открытие Вампиров», сочинение кентского джентльмена Реджинальда Скотта 1591 года, следовавшее за более ранним трактатом, разоблачающим безумие охоты за ведьмами. То было первое основательное сочинение по вампиризму, написанное по-английски, где хватало едкого скептицизма в отношении многих народных поверий насчет сверхъестественной силы вампиров. Оно содержало также длинное умозрительное эссе о происхождении рода вампирского. В свое время Скотт, ученый мирянин, бывший также знатоком выращивания хмеля, имел доступ к другим запрещенным книгам, включая и ранние издания энциклопедии, к коей столь многие приложили руку, — «Вам-

пирам Европы» и английскому переводу книги Маккиавелли, полной хитрых советов тиранам: «Государь-вампир».

«Почему меня не доверили заботам и наставничеству кого-нибудь, вроде Скотта? — вздохнул Ноэль. — Пусть он был человеком слов, а не действия, он был способен на смелые слова.»

Бледные косые солнечные лучи внезапно упали на мальчика, как только отодвинулись камни, запечатывавшие подвал. Ноэль, застыдившись, усердно склонил голову над страницей, пытаясь создать у Квинта впечатление, будто ничто на свете не важнее для него, чем доводы Скотта в пользу того, что vampirism зародился в Африке, а не в Индии, как утверждал Корнелий Агриппа.

Квинт принес ученику чашку прохладного эля. Несомненно, это пришлось бы весьма кстати, если бы Ноэль ухаживал за капустой, обычной и цветной, растущей на монастырском огороде, и вспотел под жарким солнцем. Но здесь, в холодном подвале, был бы куда предпочтительней горячий чай.

— Управляющий ходит туда-сюда по своим делам, — сказал монах. — Он принес новости из города. Галеон «Файердрэйк» объявился в рыбацьем порту в Милфорд Хэйвен два дня назад. Его потрепал изрядный шторм к югу от Ирландии. Они преследовали пирата Лангуасса, их капитан утверждает, что пиратская каравелла, лишившаяся мачты и получившая пробоину, затонула у мыса Клир.

— Лангуасс! — воскликнул Ноэль. Затем горестно добавил. — Если это верно, то в замке Суонси будет праздник.. А когда новости дойдут до Лондона, принц Ричард, похоже, объявит всенародные торжества.

Лангуасс был персонажем, которого воспевали или хулили во множестве морских баллад. Романтическая версия его биографии предполагала, что он был некогда французским аристократом, любимом при дворе в Версале, которому предстояло однажды войти в Истинную Аристократию, но его враги сговорились и замарали его имя ложным обвинением в измене. Приговоренный к галерам, он однажды ударил надсмотрщика. Его высекли до полусмерти, и тогда он предал проклятию Галльскую Империю, а позднее возглавил мятеж и превратил захваченную галеру в пиратский корабль,

ставший угрозой для торговых плаваний по Средиземному морю. Французы и испанцы посылали корабли, чтобы одолеть пирата, но в ходе великой битвы он захватил лучшее судно и стал полным хозяином морских путей.

В Лондоне Ноэль слышал другую историю. В Тауэре все знали, что настоящая фамилия пирата — Вильерс. Как и Ноэль, Вильерс вырос в Тауэре, но был отправлен в чужие края матерью после того, как его отца заключили в тюрьму. Он действительно появился при дворе в Версале, дабы просить императора Карла о заступничестве за отца, но Карл принял сторону Ричарда. Позднее, когда Ричард посетил двор Карла, император безуспешно пытался примирить этих двоих. Вильерс, считая, что оскорблен, пытался вызвать принца Великой Нормандии на дуэль, хотя закон ограждал принцев от таких вызовов. Некоторое время спустя, живя в Париже, Вильерс был обвинен в убийстве. Незадолго до того он связался с дурной компанией, и все же обвинение вполне могло быть несправедливым. Возможно, его подстроили агенты Ричарда или какая-нибудь дама-вамп. В любом случае, он попал на галеры. И действительно поднял мятеж, а затем повел захваченную галеру к Мальте, где у него имелись родственники, не последние люди в ордене св.Иоанна, то есть рыцари-госпитальеры. Мальтийские рыцари были лояльны к Галльской Империи и снискали великую славу, защищая Европу от турецкого флота в ходе великой осады. Однако они отличались независимостью духа и не брезговали пиратством, если это требовалось, чтобы прожить.

Плавая с мальтийскими приватирами, человек, которого теперь звали Лангуасс, выучился морскому делу и со временем приобрел репутацию отчаянного корсара. Большая часть его пиратских подвигов представляла собой обычный грабеж безоружных купцов — их маленькие галеры сновали между средиземноморскими портами и не могли тягаться скоростью с большими парусниками. Тем не менее, Лангуасс всегда с охотой захаживал и в более суровые северные воды, где нападал при случае на английские корабли, чем оскорблял принца Ричарда. Точные подсчеты показали бы, что этот отважный флибустьер куда чаще налстал на ловцов сельди, чем на большие вооруженные торговые суда, и не сильно

разбогател в итоге; но так или иначе, большие тихоходные корабли флотов государей-вампиров не могли положить конец его деятельности. Их неспособность настичь дерзкого пирата давала ему повод для хвастовства, и так возникла легенда.

Нозль, несмотря на то, что знал подоплеку этой истории, считал Лангуасса героем. В конце концов, тот был настоящим мятежником против аристократии вампиров Галльской Империи. Свободным человеком, который не желал преклонять колени перед властителями-кровопийцами. Империя вампиров была огромна. Прочная на суше, она была уязвима на море, и в океанских водах смертные могли биться с вампирами почти на равных. Ибо вампиры тонули столь же легко, сколь и горели, и вампирский адмирал, который отправлялся на дно со своим кораблем, разумеется, покидал этот мир навсегда.

Поэтому Нозля встревожили новости Квинта. Если Лангуасс мертв, то Нозлю было о чем горевать.

— Возможно, он и спасся,— сказал юноша монаху.— В Ирландии у пирата наверняка больше друзей, чем врагов.

— Да,— согласился Квинт.— Но в проливе Святого Георга дул жуткий ветер, хвостом которого задело и нас самих. Лишившись мачты, он не смог взять курс на Балтимор или Кинсэйл. С другой стороны, капитан «Файердрейка» имеет все основания надеяться, что каравелла затонула. Его вряд ли простили бы, если бы он упустил Лангуасса. Управляющий говорит, что пират до того забрал даму-вампа с останков «Скитальца». Иначе он не угодил бы в этот шторм, а поспешил в надежную гавань, едва задул ветер.

— Вот и повод для прекрасной новой морской баллады, если какой-нибудь печатник посмеет ее тиснуть,— сказал Нозль.— Дама-вампир, плененная бравым пиратом и унесенная в какое-нибудь логово на Канарах, где он станет ухаживать за ней или мучить ее, смотря что взбредет ему в голову.

Конечно, ни один печатник не посмел бы выпустить такое в открытую. Все лондонские печатни работали под бдительнейшим надзором светских и церковных властей, и Звездная Палата отличалась крайней чувствительностью к любой клевете против аристократии. Вампиров называли по имени и по роду-племени лишь самым учтивым образом. Даже в представлениях, дававшихся во дворах гостиниц, и нехитрых

простонародных песенках. Хотя более грубые версии таких песенок были известны зачастую куда лучше, чем прилизанные. Но глаза агентов вампиров не могли уследить за каждым печатным станком, и когда слухи достигнут Лондона, тут же появятся новые стишки, столь полные вымыслов и столь дерзкие, какими пожелают их видеть издатели.

По годам, проведенным в Лондоне, Нозль знал, как лихо и широко распространяются любые непристойные рассказы о вампирах и об их смертных любовниках. Еще до прибытия в Уэллс он обнаружил, что повесть об Эдмунде Кордери и леди Кармилле обретает все большую известность; она снова и снова звучит в твернях и на рыночных площадях Великой Нормандии. У нее был такой блистательный конец: Кордери, с радостью встречающий смерть ради того, чтобы погубить свою любовницу.

То была повесть о мятеже, хотя она и не пришлась Нозлю по душе. Он предпочел бы, чтобы его отец никогда не становился любовником дамы-вампира, какими бы благородными и мудрыми ни были его истинные намерения. Многие, кто слышал повесть, придерживались мнения, что Эдмунд Кордери любил вампира всем сердцем и душой и что мысли его обратились к убийству только после того, как леди его отвергла. Даже мать Нозля лелеяла такое подозрение, иначе она не сказала бы сыну, отправляя его в долгое путешествие в Кардиган, чтобы тот не обращал внимания на всякую болтовню.

— А теперь расскажите мне,— произнес Квинт, возвращая Нозля из заоблачных высей,— что вы сегодня почерпнули у мастера Скотта?

Нозль поднял глаза к изможденному лицу высокого монаха. Несмотря на худобу, лицо это не было суровым. Квинт принял заветы Святого Бенедикта близко к сердцу и с охотой предавался аскезе, но это его не озлобило. Он часто улыбался и способен был к немалой кротости и терпению, хотя отличался и требовательностью. С недавних пор ему куда чаще приходилось делаться строгим, ибо его ученик начал проявлять недостаточное усердие.

— То, что он очень мало знает,— ответил Нозль с легким раздражением в голосе.— Хотя другие знают еще меньше.

Квинт вздохнул:

— Это ценно — знать, где действительно начинается невежество. Величайшее препятствие умножению мудрости — это не трудность открытия того, чего мы не знаем, но трудность забвения того, что, как мы думаем, мы знаем, но что ложно. Френсис Бэкон, который был другом твоего отца, говорит нам, что есть немало идолов в Церкви Познания, которые надлежит низвергнуть, если мы намерены расчислить путь для истины.

Нозль часто сиживал на коленях у Френсиса Бэкона в дни раннего детства. Отчасти из-за этого ему трудно было сохранять подобающее уважение к взглядам философа.

— Цель изысканий, разумеется, не в том, чтобы уточнить, где вампиры впервые явились на свет. — Сказал Нозль. — Истинная цель — это открыть способ, каким их можно уничтожить. Если требуется приготовить этот мир ко Второму Пришествию Христа, его надлежит очистить от прислужников сатаны.

При этих словах Квинт нахмурился. Он знал, что Нозль — не грегорианец и даже не верующий, и призвал ныне имя Христа лишь для красного словца. Нозль понял, что причинил своему наставнику страдания, сыграв на его чувствах, но Квинт не дал ученику времени на извинения и даже не потребовал их.

— Сын мой, — произнес он. — Невозможно успешно бороться со злом, если ты сперва не поймешь суть зла. Такова истина, которой мы слишком долго пренебрегали. Сила оружия убавляется несвежеством не меньше, чем сила молитвы. Сатана действует с поущения Господа, дабы мы могли понять, что есть зло... Как можем мы отвергнуть зло и стать добрыми, если даже не попытаемся что-то понять?

— Мой отец говорил то же самое, — признался Нозль. — Вампиры правят нами прежде всего потому, что держат нас в страхе. Мы не можем по-настоящему возненавидеть и отвергнуть их, пока в точности не узнаем, чем они являются, а чем нет. Хорошо, что Скот своими доводами развенчивает их и доказывает, что у страха глаза велики. Ничуть не лучше считать их отродьями сатаны, чем любимыми сынами Божиими. Они не простые смертные, однако они люди, и только. Мы должны научиться ненавидеть их как людей, а затем одолеть их.

Квинт не ощутил полного счастья от такого ответа, и Ноэль знал это. Порой ему казалось, что Квинт предпочел бы вовсе отказаться от ненависти к вампирам, помня слова Христа о любви к своим врагам. Но даже Квинт вряд ли найдет ответ на вопрос о том, как зло вампирского правления можно устранить, не прибегая к ненависти.

— Суд должен быть в конце концов предоставлен Богу,— сказал Квинт.

— Возможно,— отозвался Ноэль.— Но что до меня, я бы скорее нашел, что те, кто может не чувствовать боли, не заслуживают жалости.

2

Спальня Ноэля находилась в здании приюта. В нее вела отдельная лестница, так что мальчик мог приходить и уходить незаметно для других гостей-мирян, которые изредка оказывались в аббатстве, или предпринимателей, которые порой обделывали там кое-какие дела. Ноэль не старался прятаться от бедняков, являвшихся за пищей, или от мальчишек, которые их ею снабжали. Ибо вряд ли кто-нибудь из них знал, что Ноэль — не то, чем кажется. Он таился только от тех, кого могло удивить его присутствие. По этой причине он, как правило, не утрачивал бдительности даже когда отдыхал, готовый тотчас наострить уши при любом стуке копыт на дороге и любом движении во внешнем дворе. Спал он достаточно легко, чтобы любое нарушение тишины могло его разбудить.

В темную ночь, последовавшую за ночью великой бури, Ноэль спал крепче обычного, и, внезапно пробудившись, был слишком растерян, чтобы понять, что его потревожило.

Он и вправду слышал крик? Один из мальчишек в испуге подал голос и разбудил его? Или просто приснилось?

Он не мог понять. Ко времени, когда он полностью пробудился, крик уже смолк. Некоторое время Ноэль лежал неподвижно, прислушиваясь. Он уже почти уверился, что все это ему пригрезилось, когда услышал внезапный топот множества ног, словно целая толпа врывается в тесные ворота.

Юноша немедленно сел в постели. И различил шаги, приближающиеся со стороны внутренней ограды — монахи встревожены вторжением чужаков. Скоро они призовут аббата.

Нозль поднялся с тюфяка и натянул одежду. Первая мысль, которая пришла на ум, была о том, что люди Ричарда обнаружили его убежище и явились схватить беглеца. Несомненно, могла бы найтись сотня объяснений ночному переполоху, но что-то здесь было не так. Немногие путники являлись просить гостеприимства в этой отдаленной обители, и они не были склонны прибывать среди ночи. Нозль украдкой выбрался из спальни и прокрался по темному коридору к окну, откуда мог выглянуть во двор, чтобы понять, что творится.

Но прежде, чем он добрался до окна, он услышал беглые шаги по наружной лестнице и понял, что кто-то спешит наверх, стараясь как можно меньше шуметь. Нозль с величайшей осторожностью повернулся, намереваясь идти к другой лестнице, но было слишком поздно: он уже выдал себя. Прежде чем он сделал три шага, его схватили, оттащили от входа в спальню и быстро поволокли по проходу.

На лестнице неясно горели свечи. Но трудно было повернуться и взглянуть на схватившего его, ибо тот крепко держал Нозля за шиворот, сдавив ему горло. Юноша безуспешно пытался вырваться из мощной хватки. Наконец, извернувшись, он на миг увидал темное, жуткое лицо, изуродованное шрамами и бородатое — ни дать ни взять рожа демона с какой-нибудь бредовой голландской росписи, представляющей ад. Более всего ужасало кажущееся отсутствие носа. Его место занимало безобразное пятно, похожее на огромную бородавку.

Чудовище торопливо протащило своего пленника по ступенькам и дальше во двор.

Там на открытом пространстве уже собралась большая толпа, кое-кто спешил мимо пивоварни ко внутренней ограде, чего мирянам делать не полагалось, другие охраняли ворота, стоявшие нараспашку. Да, вне сомнений, то были миряне, но сказать, что творится, Нозль не смог бы. Его проволокли по мостовой, а затем под аркой во внутренний двор.

Нозль был не единственным, кто подвергся столь бесцеремонному обращению. Трех мальчиков, помогавших творить милостыню, подобным же образом тащили неизвест-

ные, отличавшиеся столь же грубой наружностью, как и тот, первый, хотя статью они тому уступали. Одежда на них была грязная и оборванная, в руках пистолеты, которыми они били пленников по головам, требуя молчания.

Нозля оставили у монастырской стены рядом с мальчишками и одним из монахов, который высунулся посмотреть, что происходит. Затем страхолюдина отступил от Нозля и присоединился к своим.

Орава отребья в неясном свете выглядела такой же дикой и грязной, как те, кого Нозль видывал в самых скверных местах Лондона. Все были вооружены, большей частью, саблями и кинжалами. Он насчитал семерых, но их наверняка было больше, ибо эти семеро поглядывали туда-сюда, словно ожидая, когда соберутся все. И еще пока что не было ясно, кто у них предводитель. Острие ножа нацеливалось в грудь Нозлю. Владелец этого оружия был небольшим сморщенным человечком, глаза его блестели в ночи. Верзила, который волок Нозля по лестнице, отступил подальше в тень.

Принесли новые фонари из большой спальни, где ночевали монахи. Во дворе находились аббат и Квинт. Бурно колотившееся сердце Нозля чуть замедлило биение, когда приблизились эти две важные персоны, хотя чем лучше свет фонарей являл ему пеструю ораву, в жадные лапы которой он угодил, тем меньше все это его радовало. У сморщенного человечки оказалась беззубая ухмылка, а желтые морщины на его физиономии искажались выражением безудержной ярости, как если бы он всей душой искал предлог пустить в ход нож.

И не ранее, чем аббат осведомился, что происходит, Нозль увидел, кто предводитель банды, в которую, как теперь казалось, входило не меньше двенадцати головорезов. То был высокий, пригожий собой человек с черными волосами, державшийся как джентльмен, почти как вампир, и не соблаговоливший обнажить клинок. Он казался на вид куда спокойней, чем его товарищи, но лицо у него было мрачное, бескровные губы плотно сжаты. Он был одет в черное, и одежда была хорошая, хотя пострадала от грязи и морской соли.

По обе стороны от этого примечательного вожака стояли его помощники, еще более любопытные типы, чем он сам. Один — то самое чудовище, которое волокло по лестнице

Ноэля, самый высокий в компании и самый обезображенный. У него действительно отсутствовал нос, кожа по краям увечья сморщилась. Рост этого молодчика увеличивал тюрбан, обвинявший голову. Он был темнокож, такими Ноэль представлял себе сарацин или турок; безусловно, он был не из Галлии.

По левую руку от жоака находился некто совсем неожиданный — женщина в мужском платье, возможно, даже девчонка. Она казалась не старше Ноэля, а ростом была куда меньше. Такая же темнокожая, как и страшило, с заплестенными в косы длинными черными волосами. Для обычной женщины она обладала исключительно чистой кожей, но ярко подведенные губы выглядели несообразно. Она держала в правой руке пистолет, а в левой кинжал и с забавным возбуждением выставляла напоказ свое оружие. Спутники же ее не казались любителями шуток, но ее глаза светились восторгом, как если бы шла игра, в которой она жаждала участвовать. И в то время, как ее спутники глядели на приближающихся монахов, она сосредоточила взгляд на Ноэле, изучая его с головы до пят с пылом, который ему не понравился. Позади этой особы терлась кроха-служанка в юбке, явно не более двенадцати лет отроду.

Когда главарь банды заговорил, Ноэль отвел взгляд от женщины, горя нетерпением узнать, что привело этих молодчиков в аббатство.

— Нам срочно требуется убежище, господин аббат,— сказал высокий человек.— И мы настолько проголодались, что еле живы. Мы проделали долгий путь, а к ходьбе не привыкли. Мы молим о гостеприимстве и о возможной доброте.

— Кто вы? — с испугом спросил аббат. Ему пришлось глядеть на главаря снизу вверх, ибо он был коротышкой, да еще и довольно полным. Ноэль счел, что аббату не хватает природной властности, чтобы разговаривать с надменным головорезом на равных.

— Мое имя Лангуасс,— отвечал тот с насмешливым поклоном. Ему явно доставили удовольствие возгласы, которые вызвала эта новость.

— Пират! — слышались восклицания братии.

— Бедный грешник,— вяло уточнил Лангуасс.— Несчастный, которого несправедливость вынудила жить грабежом,

который ищет милосердия и защиты у Матери Церкви и который привел с собой возможных будущих новообращенных. Это,— он указал на безносого страхолюдину,— Селим, турок, который был рабом на галере вместе со мной много лет назад; а это,— взмах в сторону амазонки,— Лейла, цыганская принцесса из Марокко, душа которой отчаянно нуждается в спасении, хотя она кротка нравом и благородна сердцем.

Его иронический тон был несколько нарочит, словно он обращался к дамскому обществу совсем в иной обстановке.

Тут Квинт выступил вперед, пытаясь овладеть положением, ибо увидел, что монахи слишком напуганы, а аббат знать не знает, что делать.

— Вашим людям не было надобности обнажать здесь сталь,— заметил Квинт.— Вы действительно имеете право получить хлеб, если голодны, ибо наш христианский долг велит нам обеспечивать помощью тех, кто в нужде. Вне сомнений, конечная цель вашего пути далеко отсюда, и вы должны подкрепиться и отдохнуть, чтобы подготовиться к странствию.

Лангуасс рассмеялся. Он не сразу ответил Квинту, но послал двух из своих людей через двор в большую спальню, велел им разбудить остальных монахов и привести всех в трапезную. Затем выбрал двух других и приказал им обыскать каждый закоулок во внешнем дворе, а затем церковь, и привести с собой любого, кого ни найдут. Только после этого он повернулся к Квинту и произнес:

— Мы желаем, чтобы новости о нашем прибытии не дошли до города. Добрые англичане крепко спят в замке, им бы не понравилось, если бы их потревожили. Возможно, нам потребуется пользоваться вашим гостеприимством несколько дней, и хотя нам сказали, что это хороший и надежный дом, мы должны быть уверены в своей безопасности.

Пират повернулся и поглядел в сторону ворот. Нозлю они были не видны, но он слышал, как перемещаются деревянные болты, чтобы отгородить монастырь от мира. Затем Лангуасс пробежал взглядом по веренице поставленных у стены, чуть задержавшись на Нозле, который знал, что вызывает подозрения, ибо его одежда свидетельствует о том, что он не монах и не слуга.

— Кто это? — грубо спросил Лангуасс.

— Школяр-мирянин,— быстро ответил Квинт.— Гость, как и ты.

Но тут раздался другой голос, и он произнес: «Мастер Кордери!»

Ноэль, удивленный, что его узнали, повернул голову в сторону дверей пивоварни. Голос принадлежал вновь явившемуся, и Ноэль понял, что у пиратов есть и другие пленники. Женщины! Они были связаны. Одна скрывала лицо под тяжелым капюшоном, голова же второй была обнажена, она-то и окликнула его по имени. Она была светловолоса и годами казалась не старше той, которую пират назвал цыганской принцессой. Ноэль узнал ее так же легко, как она его. И немало огорчился, что видит ее здесь в таком положении. Это была Мэри Уайт, дочь служанки из числа челяди принца Ричарда, которая выросла при дворе в лондонском Тауэре, отчего они и знали друг друга.

Лангуасс быстро подошел к Ноэлю, не замедлив обнажить клинок и приставить его к горлу юноши.

— Откуда она тебя знает? — спросил он обеспокоенно.

Но прежде чем Ноэль успел ответить, пират изменился в лице, ибо имя, произнесенное девушкой, затронуло в нем какую-то струну.

— Кордери? — повторил Лангуасс.— Кордери, вот так-так! Гость, как и я.— Кончик оружия слегка опустился, а затем и отодвинулся. Пират вложил клинок в ножны.

— Я, как и вы, вне закона,— сказал Ноэль, стараясь изо всех сил, чтобы это прозвучало бодро.— Но цена моей головы всего лишь тридцать гиней, а вашу, как мне сдается, оценили почти в семь раз дороже.

Лангуасс улыбнулся ему.

— Всего-то? — спросил он.— И до чего же недобр этот Ричард! Знает ведь, как меня ранит, когда он прикидывается, будто для него не больно-то важна моя смерть. Думаю, он будет чаще вспоминать меня теперь, когда я подобрал кое-что с его двора, найдя это на разбитом «Скитальце». Потеря госпожи этой служаночки, несомненно, напечалит принцу о его долге чести передо мной и усилит неприязнь, которую он ко мне питает.

Он сделал три шага по мощеному двору и, театрально взмахнув рукой, скинул капюшон с головы второй пленницы.

Женщину, казалось, не смутило такое обращение, она не отпрянула от грубой руки. Хотя фонарь горел далеко от нее, не приходилось сомневаться в ее красоте. Ее черные волосы шелковисто блестели, черты лица были безупречны. Свежая и гладкая, без единого порока кожа выдавала, кто она в этом мире, где большинство женщин красилось, чтобы скрыть отметины оспы и придать лицу яркость. Глаза ее были почти закрыты, казалось, что она на грани обморока и ее поддерживает только грубый мужлан, ухвативший за руку.

— Позвольте представить вам даму-вампира Кристелль д'Урфе, — произнес Лангуасс. — Недавно покинула двор принца Ричарда; к несчастью, вынуждена была прервать свое путешествие в Лиссабон из-за внезапной непогоды и непредвиденных обстоятельств. Она не вполне здорова.

Последнее предложение содержало глубокий намек. Вампиры редко страдали от обычных болезней или неудобств. Ноэль догадался, что леди одурманили, возможно, даже отравили, чтобы довести до оцепенения, которое охватывает вампиров, если они опасно ранены. Это могло потребоваться для того, чтобы легче было совершить с ней путешествие, представлявшееся трудным и опасным.

Ноэль огляделся, чтобы увидеть, как новость подействовала на аббата. С лица коротышки, казалось, полностью отхлынула кровь.

— Как вы смеете... — начал он.

Лангуасс поспешил прервать его.

— Ввести черта в монастырь? — осведомился он. — Но здесь нет грегорианцев. А если бы и были — куда же приводить дьявольское отродье, если не в дом Господень, где ему способно противостоять ваше благочестие? Какой вред может она причинить святому месту?

Ноэль понял что эта небольшая речь обращена не столько к монахам, которые все теперь собрались во дворе, сколько к спутникам самого пирата. Многие из них были простыми людьми и считали вампиров племенем таинственным, обладающим сверхъестественной злой силой. Им вполне могли потребоваться уверения, что главарь не ведет их к гибели. Возможно, именно так все и обстояло, несмотря на бодрые речи пирата, поскольку вампиры всегда с готовностью нака-

зывали простолюдинов, которые прикасались к их собратьям. Лангуасс не ошибался, утверждая, что когда Ричард узнает о пленении своей придворной дамы, он не пожалеет никаких сил, чтобы добраться до пирата.

— Если вам нужна пища,— быстро заговорил Квинт,— то кто-то должен пойти в кладовые и на кухню. Возможно, всем нам пора перебраться в трапезную, где будет куда удобней разговаривать, а тем, кому положено, позволим заняться работой.

— Именно так,— согласился пират.— Но мы должны убедиться, что все понимаем ситуацию одинаково. Если нас выдадут норманнам, умрут *все*, начиная с аббата и кончая последним мальчишкой из слуг. Вы знаете, кто мы, и знаете, что нас достаточно, чтобы осуществить такую угрозу.

Ноэль опять из конца в конец оглядел пиратский строй, считая клинки и пистолеты. У пиратов не было мушкетов, и лишь один или два несли тюки. Наверное, они потеряли большую часть своего имущества во время бури. Многие из этих парней ответили ему взглядом, настороженным или любопытствующим, и он представил себе, какого рода мысли могут шевелиться в головах, для которых имя Кордери что-то значит. Может, он и вне закона, но не такой, как они. Он сын любовника дамы-вампа, который умертвил свою высокородную возлюбленную и попытался распространить чуму на улицах Лондона. У них не было причин для добрых чувств к нему.

Когда все общество начало покидать двор, невеличка задержал острое клинка близ шеи Ноэля. По мнению пирата, за этим юнцом требовалось следить столь же тщательно и бдительно, сколь и за самой леди-вампом. Но цыганочка мерно шагала позади него, и он с удивлением заметил, что она смотрит на него более дружелюбно и заворуженно. Словно она пыталась молча дать ему понять, что ему ничто не грозит. А свое оружие она убрала.

3

Когда забрезжило утро, монастырь опять обрел видимость обычной жизни. Монахи явились к заутрене, полагая,

ясь во всем на волю Божию, и от всего сердца вознесли Господу свои привычные молитвы. Пираты были подобающим образом размещены для поста и лишь оставили стражу у ворот и дозорного на колокольные церкви.

Леди Кристелль и ее служанку Мэри Уайт заперли в кельях, предназначавшихся для кающихся грешников. И ныне не случалось, что какому-либо монаху приказывали удалиться туда, дабы искупить тот или иной проступок, но давно прошло время, когда джентльмены, которые навлекли на себя гнев Церкви, поручали братьям за подобающее вознаграждение подвергнуться обременительному покаянию вместо них. В том, что подобное покаяние происходило теперь крайне редко, а если и происходило, не вполне принималось всерьез, сказывался постепенный упадок влияния церкви. Кельи для грешников Кардиганского Аббатства в последние пятьдесят лет практически пустовали, и монахи с удовольствием не обращали на них особого внимания. Впрочем, никто не закричал о святотатстве, когда Лангуасс решил вновь воспользоваться давно заброшенной тюрьмой.

Пиратский главарь и монастырский аббат, являя полное единодушие, велели всем поддерживать видимость обычной жизни. В соответствии с этими указаниями Ноэль пошел в библиотеку, но сидел в большом зале и даже не пытался заниматься. Он ломал голову над вопросом, знают ли незваные гости о существовании подпольного тайника, и пришел к выводу, что, вероятно, нет. Внезапно документы, которые ему мало-помалу так наскучили, вновь обрели ауру тайны и стали дороги сердцу. Он решился уберечь их, если потребуется и если удастся, от опасности быть похищенными.

Он не сильно удивился, когда его попытки изобразить усердные ученые занятия прервал Лангуасс, усевшийся рядом на стул.

— Я знал вашего отца, мастер Кордери,— дружелюбно заговорил он.— Мы никогда не встречались, но я слышал, что он был добрым малым, достойным доверия.— При свете дня пират не выглядел таким пригожим, было заметно, что у него кожа стареющего человека и сальные волосы. Ему было лет тридцать пять или около того, и его грубые щски изборождали небольшие старые шрамы. Однако глаза его

были живыми, карими и очень ясными. Он обладал пронизательным взглядом.

— Я уверен, и он о вас что-то знал,— ровным тоном ответил Нозль.

— У нас немало общего, у вас и у меня,— сказал пират.— Я провел детство в Тауэре и подобным же образом попал в изгнание. И до некоторой степени представляю себе, что вы чувствуете.

— Мы слышали, что ваш корабль погиб у мыса Клир,— сказал ему Нозль, не желая говорить о личном.— Вам известно, что «Файердрейк» в Милфорд Хэйвен?

— Мой корабль прошел далеко за Карнсор Пойнт, прежде чем пришлось его покинуть,— ответил Лангуасс.— Добрый ветер внес наши шлюпки в Кардиганский залив. Мы высадились на пустынный берег к востоку отсюда и двинулись по суше. Лучше бы для нас было попасть в Бристольский пролив. Я бы легко нашел в Суонси корабль, согласный взять пассажира, но трудно было бы избежать лишнего шума. И нынче тем, кто не прочь мне повредить, не следует знать, что я жив, пока я не уйду. Будет непросто отыскать шкипера, который бы нас забрал.

— Наверное, здорово неудобно быть пиратом и при этом не иметь корабля,— заметил Нозль.

Лангуасс рассмеялся, не считая это за обиду.

— Я не в первый раз теряю корабль,— заявил он.— И, смеюсь надеяться, не в последний.

— Когда откроется, что вы живы и что совершили, вас станут преследовать еще усердней, чем прежде. Похищение леди-вампа — не такое преступление, которое прощают.

— Прощают! Прощения никто и не просит. Ричард не прощен за то, что мне сделал, и я тоже не забуду, какой за мной должок. Меня не утихомирят страх перед местью вампиров.

— Но вы подвергли добрых монахов опасности, приведя сюда леди-вампа. Их сурово осудят за то, что они дали кров вам и вашей команде, но никто ничего не узнает, если вы достаточно быстро покинете обитель. Присутствие дамы, безусловно, меняет дело, труднее все скрыть и легче навлечь наказание.

— Я издавна слышал, что кардиганские монахи принадлежат к Истинной Церкви,— сказал Лангуасс.— Ваше присутствие здесь также причинило бы им достаточно неприятностей, если бы о нем узнали. Я надеюсь уйти тихо, а если нет — аббату не возбраняется сказать всем, кто его станет допрашивать, что я вынудил его мне помочь. Я не желаю вреда братьям.

Нозль знал, что кардиганские монахи действительно причисляют себя к Истинной Церкви, но к той ли самой Истинной Церкви, которую имеет в виду Лангуасс — поди разберись. Насколько он догадывался, Лангуасс мог быть грегорианцем, верящим, что вампиры — орудия сатаны, а вампирское папство и Святой Престол принадлежат к империи дьявола. Но встретив взгляд пирата, подумал, что видит в глубине его душу своего собрата-неверующего. В конце концов, Лангуасс — высокородный из простолюдинов, близкий к тому, чтобы самому стать вампиром.

В любом случае имелась определенная справедливость в том, что сказал Лангуасс. Присутствие здесь Нозля — достаточное доказательство, что аббат верен отнюдь не норманнам. Если его здесь когда-нибудь найдут, аббат, побуждаемый необходимостью, заявит, что монахи ведают не ведали, кто этот парень на самом деле. И мало разницы между затруднительным положением, в которое поставил гостеприимных монахов он сам, и убежищем, которого потребовал Лангуасс. И все же соучастие в похищении леди-вампа — тяжкое преступление, даже если вас к тому вынудили угрозами.

— А чего бы вы от меня хотели? — спросил пират, когда Нозль не ответил.— Чтобы я отпустил ее или чтобы я ее убил и сжег тело?

— Вам не следовало приводить ее сюда.

— Раз уж она мне попалась, я вполне могу взять ее с собой в ад, если сочту, что дело того стоит,— ответил Лангуасс.— Если бы я мог благополучно от нее избавиться, я попытался бы получить за нее в качестве выкупа новый корабль, но, возможно, лучше было бы ее уничтожить. Я еще ничего окончательно не решил. А вам бы хотелось взглянуть на нее?

— Зачем?

— А разве вы не студент, прибывший сюда как член Невидимой Коллегии Англии? Разве не ваша цель — узнать

о вампирах все, что можно, чтобы успешнее с ними бороться? Я и об этом Квинте слышал, видите ли. Правда это или нет, что ваш отец пытался вывести тайну магии, которая превращает простолюдинов в вампиров?

— Да,— тихо ответил Нозль.

— И нашлось ли хоть что-нибудь в ваших пыльных книжках, что приблизило вас к цели?

— Если бы такое когда-нибудь написали в книге, это больше не было бы тайной,— ответил Нозль.— Ни один простолюдин пока не знает, откуда берутся вампиры. А если бы кто и знал, то это, несомненно, был бы человек вроде вас, который когда-то ожидал, что удостоится этой милости.— Слова эти прозвучали не вполне искренне, в них имелся привкус сарказма. Но почему-то юноша, хотя это и его самого удивляло, не боялся пирата, который на миг, казалось, поддался гневу.

— Возможно, вы и правы,— заметил Лангуасс.— Возможно, я сумел бы узнать их тайну, если бы не пожалел усилий. Но когда я ожидал, что меня сделают вампиром, это не казалось срочным, а когда стало очевидным, что даже мой родич, магистр госпитальеров, столь невысоко меня ставит, что использует как заурядного пирата, тайна была уже вне досягаемости. Ведь всего лишь один опрометчивый шаг сделал меня мятежником против их племени. Как вы думаете, откроет ли нам эта леди вождеденную тайну, если нам удастся ее убедить?

— А какие у нас средства убеждения? — спросил Нозль.— Вампиры способны одолеть боль и не страдают от пыток.

— Но им можно угрожать смертью, разве не так? Человек чести, храбрец вроде Ричарда, не уступил бы при такой угрозе, разумеется, но нежное создание, вроде этой дамы, сделано из другого теста. Боль — это еще не все, к чему сводится пытка. Многого можно достичь устрашением.

Нозль подумал: а не устроил ли пират для него проверку? Теперь Лангуасс вел себя с ним как друг, не имея веских причин доверять ему. С чего бы пирату считать Нозля союзником? Большую часть своей жизни Эдмунд Кордери играл роль верного слуги вампирьего племени. И того, что он умер, дабы убить свою любовницу, недостаточно, чтобы убедить любого, что все это время он был членом тайного общества, поставившего цель освободить Британию от власти вампиров.

— Говорят, что дамам-вампирам и даже некоторым рыцарям не дозволено знать тайну их преобразования,— осторожно произнес Ноэль.— Полный обряд, как я слышал, известен только принцам и их чародеям, и тайну тщательно охраняют. Если бы угрозы смерти было достаточно, чтобы заполучить эти сведения у любого пленного вампира, как вы думаете — разве удалось бы хранить тайну тысячу лет?

— А вы слышали толки, что простолюдин, который пьет вампирскую кровь, сам может стать вампиром?

— Слышал, как такое болтали. Мой отец уверил меня, что это ложь.

Лангуасс улыбнулся.

— Значит, вы не хотите проделать опыт? Вы не согласились бы увидеть, как Кристелль д'Урфе будет принуждена все нам выложить или испробовать, какая сила может заключаться в ее крови?

Ноэль облизал губы, которые вдруг страшно пересохли.

— Не думаю,— ответил он.

— Вы красивый парнишка,— сказал пират.— Моя малышка из Марокко просто покорена. Согласитесь, она — прелестное создание. Вы бы не хотели стать пиратом и отправиться со мной, когда я отсюда уйду? Я сделаю вас третьим помощником, и марокканочка будет вашей, если предпочтет вас мне.

Ноэль вспомнил, как все это время жаждал действия, но теперь пиратская жизнь казалась ему менее привлекательной, чем совсем недавно.

— Ну же, мастер Кордери, лихой паренек, вроде вас, не мог родиться, чтобы стать монахом,— мягко настаивал пират.

Ноэль поглядел на Библию, которую перед этим якобы читал, но открытая страница ничем его не вдохновила.

— Я пока не знаю, какую дорогу в жизни предпочту избрать,— произнес он.

Пират невесело улыбнулся.

— Предложение остается в силе, пока мы не уйдем. Обдумайте его, умоляю. А теперь я снова спрашиваю: вы бы хотели увидеть мою благородную пленницу и услышать, что она скажет?

Ноэль не мог удержаться от воспоминания, как выглядело лицо вампира в свете фонаря, и на него нахлынул прилив

чувств, которым он не дерзнул бы дать имя. Он встал и сказал:

— Если вы настаиваете.

Пират насмешливо поклонился, предоставив мальчику идти впереди себя. Ноэль повел пирата из библиотеки, после чего они вместе прошли путаницей пустынных коридоров к кельям для кающихся.

Турок Селим стоял на страже, хотя все двери были тщательно заперты на засов. Когда Лангуасс отодвинул засов и поманил Ноэля, приглашая за собой внутрь, безносый страхолюдина остался снаружи. Ноэль услышал, как поперечина, скользя, возвращается на место, и спросил себя: а позволят ли ему отсюда выйти вместе с пиратом?

Леди Кристелль сидела на деревянной скамье, которую принесли сюда, чтобы она служила кроватью. Мэри Уайт с ней не было, и Ноэль предположил, что ее заперли отдельно — с тем, чтобы лишить вампира необходимого количества крови.

Когда Лангуасс вошел, дама отпрянула к холодной стене, но несмотря на ее, несомненно, скверное состояние, она никоим образом не была запугана. Лицо ее было таким бледным, что почти светилось, и совершенно невозмутимым. Глаза теперь не блестели. Каким бы зельем ее ни одурманили, его действие шло на убыль.

— Я вижу, что вы отдохнули,— сказал Лангуасс.— Я привел мастера Кордери, чтобы он вас проведал. Вы наверняка знали его при дворе.

Кристелль обратила свои темные глаза к Ноэлю и с любопытством воззрелась на него.

— Я была знакома с его отцом,— ответила она.— Но не думаю, что когда-либо видела мастера Ноэля. Отец его был красивым мужчиной, но ему не следовало губить себя подобным образом из-за любви к даме. Это была непростительная глупость.

Голос дамы звучал низко и мелодично. Она казалась не такой гордой и самоуверенной, как леди Кармила, которая умерла от чумы, испив заразу с кровью Эдмунда Кордери.

— Он мог бы помочь мне допросить вас,— продолжал пират.— Он ученый юноша и может лучше моего знать, какие вопросы имеет смысл задавать.

— Я не стану отвечать на ваши вопросы,— спокойно заявила леди.— А вы знаете, что нет средства, которым вы бы вынудили меня отвечать.

Лангуасс обернулся к Ноэлю.

— Она имеет в виду, господин студент, что не боится боли. Но стоит ли нам верить этому, не проверив? Возможно, это просто ложь, которую вампиры распространяют в целях самозащиты.

— Все вампиры могут управлять болью,— ответил Ноэль, не желая играть отведенную для него роль.— Это одна из особенностей их природы. Долгая жизнь, невосприимчивость к болезням, способность исцеляться от ран, которые погубили бы простого смертного. Простолюдин все скажет под пыткой; вампир не откроет ничего.

— Вы когда-либо встречали подтверждение этому мнению, мастер Кордери? — спросил пират.

Ноэль покачал головой. Он ощутил легкую тошноту, когда Лангуасс снял с пояса кинжал.

— Где вы предпочтете резануть? — спросил пират.

Ноэль не протянул руку и не взял кинжала. И не потому, что боялся проклятия дамы: если бы такие проклятия и действовали, все, кто пытался причинить вред вампирам, были бы давным-давно мертвы. Но его благоговения перед господами оказалось достаточно, чтобы подобное бесполезное мучительство отталкивало его.

— Может быть, вы верите тому, что сказано в ваших книжках? — с иронией предположил пират.— Я и сам когда-то учился. И с тех пор обнаружил, что многие прописные истины не так незыблемы, как их преподносят многознающие древние мудрецы. Я слышал молву, будто человек, который отведаёт крови вампира, может сам стать вампиром, но не могу утверждать определенно, истина это или ложь, пока сам не попытаюсь сделать это.

Ноэль ничего не сказал, жалея, что пришел.

Лангуасс не унимался:

— С другой стороны, возможно, правы грегорианцы. Бесов надлежит изгонять, и нам вовсе не следует иметь с ними дело. Не следует ли нам вонзить ей в сердце кол, отсечь ей голову и сжечь ее тело, как предписывается

последним истинным папой? Знатоки уверяют, что это самый точный и верный способ наверняка убить вампира, разве не так? Или, возможно, вы предпочитаете магию, которой воспользовался ваш отец, чтобы заразить свою любовницу-вампа чумой? Полагаю, он обучил вас этой магии?

Нозл ощутил, что на лбу у него выступает пот, хотя в келье было прохладно. Сердце его стремительно билось. Он чувствовал, что нападению подвергается он сам, а не леди Кристелль.

— Оставьте мальчика в покое, — сказала Кристелль. — Он не такой зверь, чтобы согласиться на вашу работу. Отошлите его и делайте, что вам заблагорассудится. Бесплезно проливать мою кровь, и лучше для всех и каждого, если ее прольют только ваши руки.

Пират отозвался на ее вмешательство мгновенным раздражением. Он набросился на жертву без предупреждения, ударив кинжалом ее в лицо.

Едва ли она содрогнулась, и Нозлю показалось, что она могла бы вообще избежать удара, если бы пожелала. Лезвие пробежало по ее щеке под правым глазом и остановилось у носовой кости. Было похоже, что она хотела поскорее довести дело до крови, словно для нее лучше было не затягивать.

Лангуасс смотрел, как кровь струится из раны вниз по подбородку. Кровотечение было внезапным и мощным, ибо лезвие зашло глубоко, но оно очень скоро замедлилось, а через несколько секунд и вовсе прекратилось, как обычно происходит, если ранен вампир. Леди провела по щеке пальцами правой руки от уха к носу, а затем протянула руку Лангуассу — на кончике каждого пальца повисла капелька крови.

— Пей, — велела она ему.

Он отказался, но юный Кордери видел по его лицу, что он отказывается именно потому, что она посмела ему приказывать. Пират глядел заворуженно на красные капли, и это лучше любых слов свидетельствовало о том, что он не свободен от веры в те жуткие слухи, о которых упомянул.

Кристелль приложила руку к своим губам и облизала кровь с пальцев. Она не сделала из этого представления, и все же Нозль счел быстроту ее жеста несколько пугающей.

— Не предложить ли вам мое сердце? — спросила она Лангуасса. — Или, может быть, горло? — Она откинула го-

лову назад. В ее взгляде ничто не изменилось. Ноэль знал, что в таком искушении есть смысл. Если Лангуасс поддастся и пустит в ход кинжал, чтобы нанести рану поглубже, она может впасть в глубокую кому, которая требуется вампирам, чтобы воспользоваться своей чудесной силой для регенерации. А впад в такое состояние, окажется вне досягаемости для допрашивающего. Лангуасс мог бы убить ее, больше ему ничего бы не оставалось.

Пират вернул кинжал за пояс. Взглянул на Ноэля, словно сомневаясь, оставить ли его в келье, но затем сказал:

— Идемте отсюда, господин студент. Я бы хотел с вами посоветоваться.— Его голос обрел прежний привкус иронии, но легкости в нем теперь не было.

Взгляд Ноэля не мог оторваться от дамы-вампа, и у него перехватило горло при мысли, что такое совершенство нарушено небрежным взмахом кинжала. Он знал, что она не чувствует боли, но трагедия загубленной красоты не казалась от этого меньше. Однако мгновением спустя он оторвал взгляд и последовал за Лангуассом к двери.

Когда турок выпустил их из кельи, а затем вернул в пазы крепкую поперечину, Ноэль услышал, как по соседству всхлипывает Мэри Уайт. Он хотел окликнуть ее, как-то поддержать и уверить, что она в безопасности, но слишком хорошо, увы, знал, что не в его возможностях помочь девушке.

«Бедная Мэри»,— сердито сказал он себе. То была мысль более безопасная для его ума, чем самое слабое сочувствие к вампиру.

4

Ноэль сидел на трехногом табурете перед кухонным очагом и глядел в пламя. Два котла, подвешенные над огнем, оказали гостеприимство горшочку кипящего мяса с травами, перестянутому веревочкой мешочку, полному овощей, и завернутому в полотно пудингу. Все это предназначалось для вечерней трапезы, которую подадут незванным гостям аббатства, равно как и братии. И хотя ему уже пришлось хорошо поработать вместе с Мартином и Иннокентием, теперь требовалось

только наблюдать за тем, как идет стряпня, лишь время от времени поднимаясь, чтобы подбросить сухих дровишек в огонь или подлить большим черпаком воды в котлы. Пищу подадут на деревянным подносах, которыми кардиганские монахи пользовались сотни лет; они презирали тарелки, равно как и вилки, поскольку это было очередным мирским новшеством. Последователи святого Бенедикта не должны в спешке хвататься за все, что ни появится в бренном мире.

Ноэль никогда не находил свою работу на кухне воодушевляющей, ибо добрые братья с великой охотой сами рубили и чистили овощи, его же обязанности ограничивались тем, чтобы что-то подать и принести. Впрочем, несмотря на простоту этой работы, Ноэля часто угнетала кухонная жара, особенно в летние месяцы. Он как-то намекнул брату Мартину, что такая работа основательно напоминает об угрозе огня преисподней, но Мартин не смог ни оценить шутку, ни выразить сочувствия, сочтя высказывание богохульным.

Вечером, следующим после его безрадостного посещения вместе с Лангуассом Кристелли д'Урфе, Ноэль с удовольствием воспользовался убежищем, где мог бы оставаться наедине со своими тягостными мыслями, изрядно сдобренными чувством вины. Впервые он ничего не имел против кухонного жара и терпеливо страдал, как будто этот жар мог выжечь горечь из его души, очистив его от страхов и сомнений. Но его оставили одного не надолго.

Он затерялся в раздумьях, перед глазами расплылись языки пламени, лизавшие снизу котлы, и тут возлюбленная Лангуасса тихо подошла и воззрилась на него. Он бы зарделся, но его щеки и так были красным-красны от жара.

— Прости,— сказала смуглая девушка.— Я не хотела тебя потревожить.

Ноэль читывал в дешевых уличных балладах, которые сообщали новости о морских и сухопутных разбойниках даже обитателям замка Ричарда, что люди вроде Лангуасса держат при себе подружек, но до сих пор не знал, правда ли это или сочинители, как у них водится, приукрашивают. В таких рассказах, где упоение повествователей маскировалось лицемерной позой встревоженного блюстителя нравов, с восторгом изображались блудницы в алом, искустель-

ницы невероятной красоты и переменчивого пылкого нрава. И теперь ему бросала вызов легенда, ставшая плотью.

Несмотря на заявление Лангуасса насчет цыганской принцессы из Марокко, Лейла не казалась настолько экзотичной и блистательной, насколько положено быть героине баллады. Когда она предстала перед Ноэлем теперь, она показалась ему нелепым созданием. Малышка по-прежнему разгуливала одетая по-мужски, с кинжалом у пояса, но возбуждение, которым горело ее лицо прошлой ночью, пропало, и она отнюдь не выглядела неустрашимой. Ее темные глаза утратили блеск, а в лице угадывалась скорбь. Когда Ноэль заговорил с ней, его голос зазвучал раздраженно:

— Чего вам от меня надо?

— Лангуасс попросил меня найти тебя, мастер Кордери,— сказала Лейла.— Он обеспокоен, не оскорбил ли тебя. Он желает быть твоим другом.

Она выговаривала слова несколько на испанский лад. Его поразило, что она к нему так запросто обратилась, ибо это изрядно противоречило претензиям на аристократизм, предполагаемым титулом принцессы, тем более что Лангуасс еще и обеспечил ее личной маленькой служаночкой. Слова «ты» и «твой» не использовались при дворе никем, кроме любовников в минуты ласки и нежности или родителей и детей. Он подумал: любопытно, это ее обучили такому старомодному английскому или она умышленно обратилась к нему так, возможно, следуя указаниям Лангуасса.

— Я не желаю ему зла,— сказал Ноэль,— но я здесь гость и опасаясь за безопасность добрых хозяев. Надеюсь, он поймет, что я хотел бы, чтобы он поскорее отсюда ушел, наделав здесь как можно меньше бед.

Она придвинулась несколько ближе, чем ему хотелось бы. Пока он сидел, их головы находились на одном уровне, и ее темные глазищи глядели прямо в его глаза. По обычным меркам она была привлекательна, но не «воистину прекрасна», как поется в балладах. Она обладала лишь очарованием юности, которое могло быть по-своему приятным. Однако Ноэль не увидел ничего, что сравняло бы ее в его глазах с бледным опаловым великолепием придворных леди-вампи-ров, которые с малых лет стали для него образцом желанного.

С другой стороны, казалось, она смотрит на него с увлеченностью, повергавшей его в смущение. Почему-то это вызвало у него воспоминание об испытующем взгляде, которого удостоила его леди Кармила Бурдийон в роковой вечер перед его бегством из Лондона. Юноша нечасто бывал в женском обществе и чувствовал, что не может ни верно прочесть, ни подобающим образом ответить на подобные подходы.

— Он хотел бы стать твоим другом,— повторила цыганочка.— И, возможно, был бы лучшим другом, чем эти монахи.

— Думаю, у него более опасное призвание,— ответил Нозль.— Братья холодны в дружбе, но их холодность обещает известную надежность.

Она не поняла.

— Ты сам хочешь сделаться монахом? — удивилась она.— Ты родился для обета безбрачия и молитв, а не для приключений и женской любви?

— Мужчины делают из себя то, что могут и что хотят,— заметил он.

Лейла оглядела кухню, словно надеясь, что обстановка подскажет ей, что он из себя делает.

— Возможно,— сказала она.— Но я была рабыней, пока он меня не освободил, и вряд ли сделала бы себя чем-то большим, если бы он не дал мне такую возможность. Он теперь называет меня принцессой, но это просто потому, что ему так нравится. И все же я свободна и убила одного или двух из мужчин вроде того, который когда-то держал меня для своих надобностей.

— Что ж, я этому рад,— мягко отозвался Нозль.— Мне не хотелось бы, чтобы вы оставались рабыней или были несчастны в новой жизни. Молю вас, будьте по-своему счастливы. Но я действительно не знаю, может ли из меня выйти пират.

Тут в ответ на его добрые слова она улыбнулась, и эта улыбка застигла его врасплох, что вызвало у него дрожь удовольствия. Он улыбнулся в ответ.

Теперь, кажется, она немного смутилась, ибо отвела взгляд.

— Ты мне нравишься,— бесхитростно сказала она,— И я хочу, чтобы ты отправился с нами, когда мы уйдем.

— Возможно, и отправлюсь,— ответил Нозль. Он мог сказать это вполне честно, ибо не был уверен, что ему предстоит.

— Было и другое поручение, которое мне к тебе дали,— сказала она.— Не присмотришь ли ты за тем, чтобы накормили леди-вампира и ее служанку. Но не оставляй их вместе, мой начальник не желает, чтобы леди получила свою порцию крови. И Селиму тоже отнеси еду. Он их сторожит.

Ноэль нахмурился и снова стал грубым. Однако заверил, что сделает как его просят. Затем уселся на табурет и дал юной пиратке понять, что хотел бы, чтобы она убиралась. Тут как раз вошел брат Мартин — кончилась вечерня. И Лейла быстро вышла под его суровым взглядом. Монах не менее сурово посмотрел и на Ноэля, но тот не обратил внимания на видимые признаки неудовольствия. Он едва ли удостоил Мартина ответного взгляда, взявшись за один из рычагов, с помощью которых они с монахом обычно вытаскивали мешки с едой из котлов и уносили прочь от огня.

Позднее Ноэль отнес еду к кельям, как его и просили. Он держал два подноса, а один из мальчишек-прислужников держал третий — с трапезой для турка. Сперва Ноэль вошел к Мэри Уайт, и хотя оставшаяся открытой дверь не дала им побыть сколько-нибудь наедине, девушка подлетела к нему и взяла за плечи, едва он поставил поднос.

— О, мастер Кордери,— запричитала она.— Вы должны нам помочь, ведь они собираются сжечь мою госпожу, а что случится со мной — об этом я и думать не смею! — Она была в ужасе, и Ноэль знал, что присутствие безносого детины только усиливает ее страхи.

Юноша не смог заставить себя дать Мэри ложное утешение, хотя понимал, что поступить так, наверное, было бы добрее. Он только ответил:

— Сперва я должен заглянуть к госпоже, Мэри. Я вернусь через минуту.

Она отпустила его и следила, пока он закрывал дверь. Задвигать засов он не стал. Турок, который уже заталкивал куски себе в пасть, наблюдал за ним, но так и не заговорил. Ноэль не знал, то ли Селим не говорит по-английски, то ли вообще немой. Ведь тот никак не извинился и не попытался ничего объяснить. Ему пришлось поставить поднос с ужином для леди на пол, пока он отодвигал поперечину, и юноша чувствовал на своей спине взгляд турка, когда открывал дверь.

Леди Кристелль взглянула на еду не только без воодушевления, но и с подозрением. Она по-прежнему сидела на скамье, точно так же, как раньше, днем. Шрам на ее лице уже тускнел и скоро должен был исчезнуть.

— Это всего лишь ужин, сударыня,— сообщил Нозль, по-своему поняв ее беспокойство.— Яда здесь нет. Я видел, как его готовили, его не касалась ничья рука, кроме моей.

Она удостоила его слабой улыбки.

— Значит, теперь они боятся меня меньше,— сказала она.— Они готовы позволить мне восстановить силы, потому что думают, что я беспомощна в заключении. Думаю, лучше для меня было бы, чтобы они продолжали в том же духе, и я нашла бы забвение в глубоком сне.

— А вы этого не можете? — с неподдельным любопытством спросил он.

Она взглянула на него бездонным взглядом.

— А, значит, они послали вас сюда, чтобы вы допросили меня похитрее? В таком случае, это едва ли что-то значит. Я не могу искать глубокого сна, он сам меня должен найти. Это не то, что мы делаем, но то, что с нами случается. Если мне будут отказывать в крови, каковы, судя по всему, намерения пирата, то я рано или поздно впаду в спячку, как впадала бы, если бы он опять дал мне яду. Все мы на разный лад пленники нашего бытия. Но не задерживайтесь здесь, мастер Кордери. Мэри Уайт вы нужны больше, чем мне. Вы должны сделать все возможное, чтобы помочь ей.

Его насторожила ее видимая забота о служанке. Нозль не знал, не притворство ли это, ставящее целью произвести на него впечатление. Женщины-вампы славились тонкостью в соблазне и бессердечностью в предательстве. Он не решился принять ее слова за чистую монету. Если все, что ему говорили о вампирах — правда, то она уж никак не могла беспокоиться, что случится с какой-то там прислугой.

Нозль покинул келью и запер за собой дверь на засов. Поглядел на турка, который всадил кончик ножа в кус мяса с поразительным изяществом и точностью. И вернулся в келью Мэри Уайт.

Девушка еще не прикоснулась к еде и в нетерпении ждала его возвращения.

— Что они собираются делать? — спросила она, терзаемая ужасными предчувствиями. Она стояла, положив ладони себе на плечи и скрестив руки на груди, словно обнимала себя саму.

— Не знаю, — признался ей он. — Но монахи были бы недовольны, если бы с вами случилось неладное, а даже пиратская шайка должна сколько-нибудь уважать дом Божий. Лангуасс — не мерзавец и не убьет вас лишь для того, чтобы его грешную душу отягощало еще одно убийство.

— Но вы мне поможете, правда? Вы не позволите им меня обидеть?

«Как! — подумал Ноэль. — Она принимает меня за одного из них, за отверженного среди отверженных!»

— Я сделаю все, что могу, чтобы оградить вас от обид, — уверил он девушку.

— И мою госпожу тоже? — В ее голосе прозвучало сомнение, как будто она не смела и надеяться на утвердительный ответ.

— У меня нет желания, чтобы хоть кого-то убивали или обижали, — сказал он Мэри, — даже вампира. А вы должны поесть, если можете. Пища вас согреет и даст вам сил.

Она кивнула, пожалуй, излишне пылко, и села на постель, подняв поднос с пола, где Ноэль его поставил. Он вышел из кельи и после мгновенной паузы взялся за поперечину, которой запиралась дверь. Затем опять поглядел на турка, который, жуя, наблюдал за ним без всякого любопытства. Когда Ноэль пошел обратно по коридору, он чувствовал, что эти глаза, еще более жуткие из-за того, что находились на столь изуродованной физиономии, неотступно следят за ним. Мальчик, который ждал Ноэля, дрожал от страха.

В трапезной аббат вдруг позвал Ноэля к главному столу. Лангуасс сидел по правую руку от аббата, где обычно трапезничал Квинт, а престарелый брат Иннокентий лишился своего постоянного места из-за подружки пирата.

— Я должен просить вас взять на себя поручение от имени аббатства, — сказал аббат. Ровность его тона не могла скрыть сдерживаемого беспокойства. — Завтра вам надлежит отправиться в город, чтобы договориться об отплытии в Ирландию... наших гостей. Нежелательно привлекать управляющего или кого-либо из арендаторов, которые возделыва-

ют монастырские земли, и мы сошлись во мнении, что вы самый подходящий человек для такой задачи. Вас снабдят соответствующим рекомендательным письмом.

Нозль взглянул на Лангуасса, который внимательно за ним наблюдал. Вероятно, его выбрал именно пират, хотя то, что аббат сказал о неразумности вовлечения в авантюру управляющего, который обычно действовал как посредник в сношениях монастыря с миром, было несомненной правдой. Для всех было бы лучше, чтобы известие о вторжении в аббатство не просочилось за его стены. Ссылка на арендаторов была замаскированной просьбой вести себя осмотрительно и не проговориться, хотя у Нозля имелись свои причины для благоразумия, если ему случалось выходить из обители. Он почувствовал, что его подвергают новому испытанию.

«Как! — безмолвно спросил он невидимого свидетеля. — Почему на меня нельзя просто не обращать внимания, пока не закончится все это скверное дело? Почему им понадобилось меня впутывать?»

Он вежливо ответил аббату, что с удовольствием исполнит просьбу. В конце концов, мысль, что он может умудриться найти какой-то способ избавить аббатство от этих постояльцев, его радовала. Если бы только удалось выпроводить их всех, да чтобы при этом не осталось и следа их пребывания, его дела опять пошли бы своим чередом.

Юноша отправился на свое место и принялся за еду, страдая оттого, что все взгляды направлены на него, и что те наблюдатели, которые его не оценивают, помышляют о том, как бы еще больше впутать его в игру измены, столь же гибельную, как и та, которую вел отец.

5

Нозль предпочел бы отправиться в Кардиган один, но Лангуасс настоял на том, чтобы его сопровождать. Аббат сообщил ему, какие корабли, владельцы которых прежде имели дело с аббатством, могут оказаться в гавани в эту пору; их хозяевам можно доверять, они откликнутся на просьбу о помощи, которую передаст Нозль. Аббатство порой ссужало день-

ги местным рыбакам и торговцам и даже имело пай в ряде судов — наследие дней процветания. По этой причине Ноэль полагал, что он превосходно, без сучка без задоринки мог бы повернуть дело один, но, похоже, пират ему не доверял.

Лангуасса ничуть не смутили возражения Ноэля, заявившего, что пирату небезопасно показываться в гавани, а необходимости в этом нет. «Здесь мало кто знает меня в лицо,— сказал он.— Даже если кое-кто и слышал обо мне достаточно, чтобы искать меня в толпе. В любом случае, я должен увидеть судно, проезд на котором вы намерены оплатить. Я знаю, чего стоят все эти ловцы сельди и гуари. Мне нужно что-нибудь со сносными мореходными качествами. Да и капитана нелишне увидеть, чтобы обсудить с ним место и время, которое устроит обе стороны. Я намерен слиться без шума, если удастся, но вести вампириху в гавань, даже ночью, немыслимо, так что понадобится выбрать спокойное местечко, где не самая мелкая посуда могла бы неприметно подойти близко к берегу».

И вот они вышли вместе после заутрени. Лангуасс лишь слегка потрудился скрыть свои черты, напялив шляпу вроде тех, какие часто носят коробейники, и натянув невообразимую одежду.

Аббатство стояло на холме ближе к морю, чем городок, на северном берегу Тайви. От северной стены церкви можно бросить взгляд за желто-зеленые поля и увидеть, как, изгибаясь, бежит от речного устья морской берег, а поля плавно катятся навстречу дюнам. Лангуасу это место не нравилось. «Слишком открыто,— сказал он.— Жаль, тут нет укромных бухт, вроде тех, что в Гауэре. Если дойдет до драки и погони, я не прочь, чтобы изгороди здесь были выше, а поблизости рос лес, где можно спрятаться».

Земли вокруг аббатства возделывались где только возможно — скорее из-за потребностей населения, нежели из-за монашеской алчности. Количество народа в городках Уэльса последние лет пятьдесят стремительно росло, а эта полоса земли, примыкающая к Кардиганскому заливу, щедро давала урожай, если обращаться с ней по-доброму, холмы же в глубине суши годились только для овец. Когда Лангуасс спросил, какие земли принадлежат аббатству, Ноэль объяснил, что аббат почти

всю эту землю сдал йоменам и собирает платежи через управляющего; и что монахи нынче выращивают только овощи и цыплят, ибо они слишком стары и их слишком мало, чтобы пахать, сеять и жать на всех этих угодьях.

— Наверное, им стоило бы заняться промыслом на больших дорогах, как лихой старой братии из Валле Круцис,— предложил Лангуасс, когда они шагали по мощеной дороге, раздваивавшейся близ аббатства. Правая вела к мосту, который был переброшен через Тайви в двух милях выше по течению от города.

Немного погодя пират пожаловался, что в воздухе воняет чем-то таким, с чем он еще не встречался. Ноэль сказал ему, что так происходит постоянно, когда после дождя пригрест солнышко.

— Здесь слишком далеко от Гауэрских каменоломен, чтобы фермеры могли покупать дешевую известь для удобрения полей,— пояснил он.— Вот они и собирают морские водоросли, мелко рубят и гноят, а затем удобряют землю. Даже теперь, когда хлеба высоко поднялись, чувствуется запах.

Вскоре, спустившись к мосту, они разглядели впереди городок, раскинувшийся на дальнем склоне над гаванью, с замком, вздымающимся над домишками точно большой норманнский карбункул в слабой валлийской плоти. В качестве оборонительного сооружения замок мало на что годился; назначением его было не столько охранять городок от вторжения с моря, сколько защищать норманнских лордов от валлийцев. Его ни разу по-настоящему не штурмовали, даже в дни восстания Овайна Глин Дура, последней значительной попытки выступить против владычества вампиров в Британии.

Вскоре после их прибытия в Кардиган Квинт рассказывал Ноэлю, что валлийцы тяготеют правлением норманнов не столько в силу того, что те принадлежат к империи, управляемой племенем Аттилы, сколько из-за того, что над Уэлсом поставили английских землевладельцев и чиновников. Монах считал, что если бы Глин Дура преобразили в вампира, Уэллс легко бы мог стать лояльной областью; а так потомки Оуэна Тюдора вошли в число самых последовательных недругов Ричарда и осмеливались изменнически называть себя семьей, имеющей наиболее законные права на

британский престол. Некоторые из приверженцев Тюдоров утверждали, что они — отпрыски Артура, связывая их тем самым с королевством из героических легенд, но это был сплошной вымысел. Однако если подвести итог всем бедствиям валлийцев, нынешний держатель Кардиганского замка не столь уж не оправдывал свою фамилию Миролюбейт, и его арендаторы не особенно пылко негодовали, хотя даже безземельные батраки не прочь были обозвать его Норманнским Кукушонком.

На дороге в Кардиган царило оживление. Хотя день был не базарный, к городу одна за другой тянулись повозки, запряженные быками, которые везли самый разный товар. Ехали конные, пешие же шли десятками, взвалив на спину тюки всякого вида и величины. Оказавшись в густой толпе, Ноэль решил, что это кстати: затерявшись среди обилия чужого народу, легче не привлечь внимания. Лангуасса тьма попутчиков воодушевляла куда меньше. Она нравилась ему не больше открытых полей.

— Ну и развелось же в мире дураков! — воскликнул он, когда тележка, заваленная луком-пореем и капустой, прогромыхала мимо, а следом за ней — повозка покрупнее, влекомая двумя лошадьми и груженная углем. Из-под колес вздымались густые тучи пыли, и пешим путникам пришлось из осторожности закрыть лица ладонями.

— Отчего же? — спросил Ноэль. — Если бы не честные труженики вроде этих, нечем было бы пополнять ни пиратскую долю добычи, ни вампирскую долю крови. Вам следовало бы взбодриться, как взбодрился бы Ричард, при виде этого первого шага по пути к богатству и процветанию.

Лангуасс наградил его мрачным взглядом, услышав, что помянут наряду с Ричардом. И Ноэль убедился, что особая неприязнь, существовавшая между этими двумя, не преувеличена вездесущей молвой.

— Ричарду приятно было бы видеть, что его подданные благоденствуют, вне сомнений, — кисло согласился пират. — Он любитель поиграть в мудрого государя и досадует всякий раз, когда кто-либо недостаточно почитает его или даже не любит. Вы знавали его в Лондоне?

Ноэль рассмеялся.

— О нст,— сказал он.— Мой отец был механиком, а не придворным. Я водил знакомства со слугами, такими, как Мэри Уайт, а не с большими людьми.

— Принц бывал не столь уж горд, если на него находил стих,— хмуро сказал Лангуасс.— Красивый юноша вроде вас мог бы надеяться стать вампиром, поймай вы его гнусный желтый взгляд.

Глаза Ричарда действительно были необычного для вампиров цвета, но юный Кордери еще не слышал до сих пор, чтобы их так описывали. У него на языке завертелся ответ насчет того, что Лангуасс и сам когда-то был смазливый юношей, но он не дерзнул так ответить. А сказал вместо этого:

— Я никогда особенно не жаждал стать вампиром.

Лангуасс саркастически рассмеялся.

— Человек из народа. Не стоит лицемерить, мальчик. Нет ничего постыдного в желании вечной юности, пусть ты даже ненавидишь благородный сброд, который столь низко узурпировал этот дар. Никто по-настоящему не стремился искоренить вампиризм, не считая горсточку грегорианских фанатиков и пуритан. Бейся всеми средствами против легиона бессмертных, но бейся за свое бессмертис. Вот что я сказал бы своему сыну, будь он у меня.

— Возможно, Лейла принесет вам его,— пробормотал Ноэль, с кашлем отворачиваясь от пыли, поднятой новой тяжелой повозкой.

— Не думаю,— спокойно ответил Лангуасс.— Она выносила дитя еще будучи рабыней, не более чем двенадцати лет отроду. Это почти убило ее, и не думаю, что она когда-нибудь сможет родить нового.

Ноэль в удивлении поглядел на спутника, но ничего не сказал.

— Как вам нравится моя принцессочка? — спросил Лангуасс с насмешкой.— Хорошенькая, не так ли?

— Да,— ответил Ноэль.— Она сказала мне, что была рабыней и что вы освободили ее.

— Я убил человека, которому она принадлежала,— подтвердил Лангуасс.— Не стану утверждать, что совершил это в благородном порыве, ибо это случилось по необходимости. Но мне не хотелось держать ее в рабстве, и я объявил ей,

что она свободна. Казалось, эта новость привела ее в восторг, хотя не скажу, что она научилась играть новую роль. Наверное, вам бы следовало заняться ею и научить, что в действительности означает свобода.

Нозль покраснел, что позабавило пирата.

— А,— сказал тот.— Вижу, вы не пылаете к ней страстью. Она милашка, но не красавица, как леди Кристелль.

— Я не...— начал Нозль, но смутился, не зная в точности, что хотел сказать, и почувствовал себя несчастным.

Лангуасс смягчил насмешки и продолжил разговор иначе:

— Красота дам-вампиров — самое хитрое орудие их власти. Офицеров для своих армий они получают через обычное тщеславие, но у них оказывается куда больше верных слуг, надежно уловленных страстью. Думаю, это поразительно умно, что столько пригожих девиц получает доступ в мир вампиров. А то, что я знаю о вампирах, дает мне повод предположить, что они не могут получать такое же наслаждение от плотской любви женщины, как простолюдины. Конечно, не все они такие, как Ричард. Тем не менее долгая жизнь делает их холодными, как лед, и умерщвляет в них желания. Они преображают женщин в вампиров, как я думаю, не для своих утех, а для того, чтобы заволаживать и покорять влюбчивых мальчишек и страстных мужчин. Боготворите дам, подобных леди Кристелль, раз уж вы таковы, но всегда помните, что она — приманка в смертельной ловушке, и приучитесь более ненавидеть ее, нежели любить. Поверьте мне, мастер Кордери, я знаю, о чем говорю.

— Мой отец имел иное мнение,— сказал Нозль.— Он говорил мне...

Лпнгуасс перебил его голосом, который опять зазвучал сипло:

— У вашего отца были все причины высказывать иное мнение. Я не хочу очернить его в ваших глазах, но он видел подобные вещи в неверном свете. Я знаю, что он в конце концов убил ту леди, но думаю, что он служил вампирам всю свою жизнь куда честнее и плодотворнее, чем полагал. Не могу сказать, почему Бог дал леди-вампам столько прелести, но знаю, каким образом лорды-вампиры пользуются этой прелестью, и снова говорю вам, что мудрый учится ненавис-

ти вместо любви. Наставьте свое сердце, мастер Кордери, и побудите его хорошо усвоить урок, а не то оно предаст вас и и доведет до того, что ваша жизнь закончится на эшафоте для изменника или на костре для еретика.

Нозль достаточно ясно видел силу доводов пирата, но он никоим образом не был готов принять его мнение.

— Мой отец хорошо знал вампиров,— повторил он.— Он лучше, чем кто-либо понимал, какого они рода существа, и как построена их империя страха. Власть столь немногих над столь многими нелегко обеспечить, даже несмотря на то, что этих немногих трудно погубить. Они постоянно прикидываются, будто полностью управляют процессом преобразования людей в вампиров. Но мой отец не был в этом уверен. Он придерживался мнения, что они сотворили бы больше себе подобных, если бы могли, чтобы упрочить свою империю. Он сказал мне как-то, что вампиры могут быть такими же рабами предрассудков, как и мы, и что даже Аттила мог не вполне понимать, как появляются вампиры. Здесь может оказаться куда меньше сознательно осуществленного замысла, чем вы предполагаете.

— Значит, вы не верите в вампирские шабаши? — спросил Лангуасс с обычным для него ироничным вызовом.— По-вашему, это неправда, что сам дьявол призывается принцем Ричардом в Тауэр и является в облике большого зверя, дабы предложить привилегии вампиризма тем, кто совершил больше зла, служа ему? Разве не утверждалось кое-какими учеными мужами, что нужно только накормить человека плотью новорожденного младенца и позволить произвести нечестивый поцелуй в задницу сатаны, чтобы попасть в ряды неумирающих? И разве нет других предположений о шабахах, согласно которым дьявол делает из мужчин вампиров путем мужеложества?

— О да,— сказал Нозль,— но это лишь горячечный бред, который распространяют, дабы возбудить у простолюдинов ужас перед вампирами, если только это требуется. Мой отец частенько повторял, что присутствие сатаны объясняет слишком многое и ничего в особенности.

— Вот любитель загадок! Каким многосторонним человеком стал Эдмунд Кордери под руководством своей славной

леди! И все же я сомневаюсь в его всеведении, с вашего дозволения.

Ноэлю ничего не оставалось, кроме как позволить. Они теперь приближались к городским воротам, и толпа сгустилась настолько, что их запросто могли подслушать. Было неразумно обсуждать вампиров там, где могут таиться шпики.

Они спустились с холма, как только попали в город, подальше от замка в сторону гавани, где сгрудились мачты флота.

— Мы должны заглянуть в прибрежные гостиницы,— сказал Ноэль.— Там мы найдем людей, которых ищем.

— Ага,— сказал пират.— А заодно и услышим самые правдивые новости и установим, знает ли кто-нибудь, что я не мертв и не утонул.— Внезапно его голос зазвучал тихо и вяло — он не привык чувствовать себя в безопасности в порту, где не бывал прежде, не зная, точно ли оставили преследование те, кто его ищет.

Первым делом Ноэль повел его к «Русалке», где обычно останавливались два добрых капитана, должники аббатства. Но там никто ничего не знал ни о первом, ни о втором, и он зря спрашивал. Ноэль заказал пиво для себя и для спутника. Оно оказалось лучше того, что варили в пивоварне аббатства, так что они могли посидеть в полутемном углу, прислушиваясь и приглядываясь. Однако ничего важного не услышали, и Лангуасс скоро сказал Ноэлю, что пора идти в другое место. Они перебрались в «Три чаши», и там нашли капитана, ловившего сельдь. Его звали Ральф Хейлин, он стоял вторым в аббатовом перечне тех, кому можно доверять. То был грубый седоволосый мужчина лет шестидесяти или больше, но крепкий, сильный и своего рода джентльмен.

Хейлин никогда прежде не видал Ноэля, но когда Ноэль показал ему письмо аббата, капитан быстро увел обоих в каморку над лавочкой сапожника, которую снимал для своей милашки. Наскоро приправ, капитан предложил гостям сесть. Он выглядел готовым обсудить дело с таинственными незнакомцами, и Ноэль счел, что этому морскому волку не столь уж в диковину перевозка особых грузов того или иного рода.

Ноэль объяснил, что требуется осторожно переправить в Ирландию пятнадцать человек, друзей валлийской Церкви.

Напрямую он такого не сказал, но попытался создать представление, что это еретики, которых не прочь заполучить доминиканцы. Впрочем, Хейлин поглядел на Лангуасса, и Ноэль увидел, что тот что-то подозревает. И хотя валлиец не мог бы опознать пирата лишь по лицу и повадке, он наверняка сразу увидел, что перед ним человек, оскорбивший вампиров скорее делами, нежели мыслями.

Единственная жалоба, которую позволил себе Хейлин, заключалась в том, что пятнадцать пассажиров — это многовато, и Ноэль поспешил противопоставить ей заверение, что плата будет соответствующей.

— Вы можете уплатить золотом? — спросил капитан.

Ноэль поколебался, но тут быстро вмешался Лангуасс:

— Пожалуй, — сказал он. — Его у нас немного, и большая часть того, что мы имеем, понадобится нам в Ирландии, но я с радостью дам вам десять соверенов. Это ровно пятая часть от того, что у нас при себе.

— Слишком мало! — отрезал Хейлин, но в его отказе не было твердости, и Ноэль понял, для чего Лангуасс утверждает, что у него при себе больше золота, чем он способен отдать. Хейлин думал, что мог бы запросить более высокую цену, как только отойдет от берега, и это искушение отвлекло его от вопроса о гарантии, что ему вообще заплатят.

— Не забывайте, мастер Хейлин, что аббатство будет за это перед вами в долгу, — напомнил Ноэль, — хотя сейчас, когда мы говорим, как раз вы должник аббата.

Хейлин прикинулся, будто снова заглядывает в письмо, которое вручил ему Ноэль, но только и сказал:

— Это опасная работенка. У меня нет желания оскорблять Миролоубейта или доминиканцев. Я честный человек.

— Как раз из-за вашей честности мы к вам и пришли, — произнес Ноэль. — Я уполномочен от имени аббата уговорить вас помочь.

— Я не знаю вашего имени, господин студент, — обратился Хейлин к Ноэлю, — но думаю, что ваша порода мне знакома. Вы можете называть свое призвание Истинной Верой, но всегда готовы пустить дьявола по пятам таких, как я. Я не желаю худого братьям, и я действительно им должен. Но они должны знать, что я не поблагодарю их за такую работу.

— Они вас отблагодарят, мастер Хейлин,— уверил его Ноэль.

— В замке отряд конных из Суонси,— невесело заметил капитан.— А моряки с «Файердрейка» уже в пути из Милфорд Хэйвен. Я бы не хотел с ними связываться, если вы им зачем-нибудь нужны.— Теперь он устремил взгляд на спутника Ноэля.

— Не нужны мы им,— солгал Лангуасс.— У нас сугубо тайное дело, и нам нет нужды подставлять вас под удар. Вам не следует неподобающе спешить, но хорошо бы подготовить корабль, как для обычного плавания. И не стоит брать нас на борт в виду города. Где самое безопасное место на берегу, откуда нас могла бы доставить на судно ваша шлюпка?

Хейлин поколебался, но ответил:

— Есть крохотная бухточка в четырех милях к северу от аббатства. На земле Ивена Росьера. Аббат знает, где это, и покажет вам на карте.

— Вы должны послать там шлюпку к берегу,— сказал Лангуасс.— В четыре утра послезавтра.

— Не будет попутного ветра для поездки в Ирландию,— заметил Хейлин.— И мне так скоро не успеть.

— Кто знает, какой послезавтра будет ветер? — возразил Лангуасс.— А чем скорее, тем лучше для нас всех. Я удвою цену. И к этому вы добавите благословение аббата.

— Я должен знать, кто вы,— заявил Хейлин.— Иначе ничего не выйдет.

— Вы знаете Мередида ап Гауйса? — спросил Лангуасс, прежде чем Ноэль успел дать какой-нибудь ответ. Человек, чье имя прозвучало, был валлийским джентльменом, в настоящее время заключенным в суонсийскую тюрьму в ожидании Большой Сессии, где его, похоже, приговорят к смерти за измену. Ноэлю не показалось вероятным, что Лангуасс знает этого человека, но Хейлин-то наверняка его знал.

— Вы не один из его людей,— осторожно заметил Хейлин.

— Я его друг,— сказал пират.

— Но разве вы не норманн? — спросил валлиец.

— Если бы я был норманном,— мрачно ответил Лангуасс,— я не просил бы о помощи доброго валлийца. Говорю вам, я друг Мередида ап Гауйса, и вы видите письмо аббата. Если вы откажетесь нам помочь, то ваши же земляки про-

клянут вас в скором времени. Довольно этой торговли! Будем считать, что дело решено. Как велик ваш корабль?

Хейлин поколебался, но в конце концов ответил на вопрос:

— Семьдесят тонн,— сказал он.

— Экипаж?

— Шестнадцать человек.

— Какое оружие на борту?

Тут Хейлин нахмурился, и Нозлю это не понравилось. Корабельщик попытался опустить взгляд, но пират ему не позволил. И наконец валлиец ответил:

— Пять полупик и четыре мушкета. С припасом в шесть фунтов пороху и два фунта свинцовых пуль. Вы думаете, нам это пригодится?

— Если вы никому не проболтаетесь,— сказал Лангуасс,— мы благополучно попадем в Ирландию, даже не ругнув кого-нибудь. Не тревожьтесь из-за моих расспросов. Отныне мы в ваших руках и отданы на вашу милость. Я вынужден довериться незнакомому капитану и его судну; а вам предстоит довериться только кардиганскому аббату, которого вы знаете, и Богу, который добр к честным людям.

— Так я и сделаю,— угрюмо вздохнул Хейлин.— Я человек, которому можно доверять, и аббату это известно.

Когда они ушли, еще раз уточнив подробности насчет места и времени, Лангуасс настоял на прогулке к причалу, где стояла на якоре посудина Хейлина. Пират сказал, что он должен удостовериться в том, что корабль крепок, хотя Нозль в этом и не сомневался. Насколько мог судить его неопытный глаз, так оно и было. Лангуасс признал, что не нашел упущений, но заметил, что в плавании будет маловато удобств, если учесть, о какой плате они договорились.

— Сгодится,— сказал Нозль.— Не надо было спрашивать его об оружии. Чего доброго, вы его напугали.

— Он достаточно жаден, чтобы быть отважным,— пробормотал пират.— Он знает, что это опасно. Излишняя осторожность была бы ошибкой. Человека вроде этого надо не только подкупить, но и припугнуть, чтобы убедить.

— Ну, дело ваше,— произнес Нозль, передернув плечами.— Плыть-то вам... хотя монахи будут очень рады, когда вы покинете аббатство.

— О, да,— отозвался Лангуасс.— Ваши миролюбцы только и желают, чтобы я убирался. Но мне следует заглядывать хотя бы на пару шагов вперед. Пока ваш аббат стремится поскорее покончить со своим участием в моих делах, мне надо положить начало кое-чему новому.

— Мы уже положили начало,— сказал ему Нозль.— Теперь мы должны поспешить обратно в аббатство, ждать назначенного времени и молиться, чтобы нас ничто не потревожило.

Лангуас поглядел на него сверху из тени соломенной шляпы и наградил его волчьей улыбочкой.

— Ожидание не будет тяжелым,— сказал он.— Ведь мы теперь друзья, не правда ли? Мы найдем способ развлечься. Не сомневаюсь.

6

В ту ночь Нозль впервые после вторжения в аббатство крепко спал. У него сложилось ощущение, будто все в порядке, потому что теперь казалось, что кошмар скоро пройдет. Аббатство и его собственная жизнь вернутся в прежнюю колею и останутся неизменными. Он дошел до того, что просто хотел, чтобы его оставили в покое. И чтобы никто не вымогал обещаний, которые он не смог бы сдержать. Он осуждал себя за это страстное желание, но от самого желания недовольство не избавляло. Сон пришел и принес долгожданное избавление от тягостного долга размышлять.

Но проспать всю ночь ему не позволили. В предрассветный час, по окончании всенощной, Нозля разбудило прикосновение. Несмотря на утомление, этого оказалось достаточно, чтобы он вздрогнул, и сон улетучился в один миг.

В свете единственной свечи, которую принесла посетительница, Нозль увидел женское лицо. То была цыганочка Лейла. На миг его душу наполнили образы, рожденные похотью, но она пришла не для того, чтобы забраться к нему в постель. В ее глазах было больше страха, чем низкого вожделения.

— Мастер Кордери,— прошептала она.— Я бы хотела, чтобы ты оказал мне милость.— И протянув руку, коснулась его плеча кончиками пальцев.

Эти слова можно было бы принять за нескромное предложение, если бы не ее лицо. Нозль воззрился на девушку, не в силах догадаться, что ее так встревожило.

— Что такое? — спросил он. — Пришли солдаты взять Лангуасса?

— Он с дамой, — сказала Лейла. — Молю тебя, идем. Она сказала, что проклянет его. Я слышала, как она говорила, прежде чем мы явились сюда, что если он ей повредит, она отомстит ему.

Нозль понял, что Лейла не на шутку боится леди-вампа. Девушка была магометанкой и принадлежала к племени, которое не терпело вампиров. Возможно, она отродясь не видела вампиров, кроме леди Кристелль д'Урфе, и все, что она о них знала, сводилось к рассказам о магии и злодействах.

— Не думаю, что у нее есть власть навредить ему, — заметил Нозль.

— И тебя не заботит, что он может с ней сделать?

Он не мог угадать, что стоит за этим вопросом. Не ловушка ли это, расставленная пиратом? И каков, в любом случае, верный ответ?

— Тебе-то что? — резко спросил он. Лейла не ответила. Возможно, она ревновала не меньше, чем боялась, и воззвала к Нозлю с тем, чтобы сорвать утеху пирата с другой. Но страх ее был подлинным. Страх вредоносной магии, воплощенного зла, суеверная боязнь лихих козней дьявола, в которого магометане верят не меньше христиан, хотя и называют его другим именем.

Нозль не смог заставить себя вселеть ей уйти. Он поспешно оделся, еще не зная толком, что намерен делать. Он ничего не был должен подружке пирата и не имел причин думать, будто обладает сколько-нибудь значительным влиянием на Лангуасса.

Леди Кристелль он тоже не был должен ничего такого, что вынудило бы его вмешаться, дабы оградить ее от обид со стороны озлобленного разбойника. И все же он испытывал побуждение идти. Возможно, из-за тщетного обещания, которое дал Мэри Уайт.

Лейла быстро довела его до келий-камер. Малявка, который в свое время приставил нож к горлу Нозля, стоял на

страже у наружной двери. Его, похоже, немало удивило прибытие странной пары визитеров, и он двинулся, чтобы остановить их, но Лейла шагнула вперед и положила руку на рукоять кинжала. Страж поколебался, но пропустил их.

Дверь в келью Мэри была заперта, изнутри не доносилось ни звука, но другая дверь стояла нараспашку. И Лангуасс, и турок были внутри. Они принесли с собой фонарь и жаровню с углями из кухни.

Они связали запястья вампира веревкой и пропустили ее через кольцо в стене, к которому когда-то присоединялись кандалы. В древние дни, до того, как норманны выстроили замок, аббатство было единственным надежным местом, которое могло обеспечить Абертайви тюрьмой для преступников.

Леди пришлось вытянуться до предела, ибо кольцо находилось высоко, и она едва-едва касалась пола кончиками пальцев ног. Ее прижатое к стене лицо было полностью скрыто.

То один, то другой из ее мучителей яростно хлестал ее по спине узловатой веревкой, и вся ее спина была разодрана. Кровь длинными ручьями струилась по ее бедрам. Два ножа лежали на краю жаровни, их лезвия накалялись на углях, и турок поддувал из кухонных мехов, чтобы подбавить жару.

Лангуасс на минуту остановился, ожидая, когда накалятся ножи. Казалось, его не удивило появление Ноэля. Скорее даже позабавило, хотя на свою милашку он взглянул с легким неудовольствием.

— Господин студент! — сказал он. — Добро пожаловать! Присоединяйтесь к нашей игре. Возможно, вы получили в свое время удар-другой, которые не прочь вернуть, и хотели бы задать вопрос-другой в надежде, что на них ответят.

Леди Кристелль была неподвижна и молчалива. Она не повернула головы, чтобы взглянуть на вновь прибывшего. Ноэль не мог определить, погрузилась она в транс или нет.

— Это глупая игра, — ответил юноша, изо всех сил стараясь, чтобы это прозвучало твердо и убежденно. — Она может преодолевать боль и ничего вам не скажет.

Лангуасс рассмеялся.

— Откуда нам знать, что она чувствует? — спросил он. — Верно, что она не закричит и не станет молить о пощаде, но ее тело содрогается под бичом, и готов поручиться, что

ее плоть хотя бы немного скорчится, когда я начну жечь. Возможно, ей это в каком-то роде безразлично, но я уверен, она все чувствует и знает, что с ней происходит. Я знаю, что она еще в сознании. Может быть, она сочтет желательным сказать нам кое-что о том, как ее сделали вампиром и какой эликсир даровал ей вечную жизнь.

Лангуасс опять обратил взгляд на Лейлу, тут же съежившуюся.

— Она не может повредить мне, дуреха,— с презрением сказал он.— Уж не думаешь ли ты, что я — слуга сатаны ей под пару? С чего бы ему позволять ей проклинать меня или являться ей на помощь? Владей она чарами, она улстела бы, а не попалась к нам в руки! Я не искушаю судьбу — как раз судьба и сделала меня тем, что я есть. И я имею право собрать кое с кого кое-какие долги.

— Что за долги? — спросил Ноэль.

Лангуасс воззрился на тлеющие угли и лезвия нагреваемых ножей.

— Я перенес пытки и унижения от таких, как она,— сказал он.— Меня послали на галеры, несмотря на мое положение в обществе, точно уличного воришку. И мало того, что меня вытягивали по спине, когда я налегал на весло, меня выпороли в проходе меж скамей этой чертовой галеры, и все эти арабские невольники и марсельский сброд глазели на меня и ликовали при каждом ударе. А затем послали меня в эту вонючую лечебницу, где мои раны едва не загноились, где безносые уроды с язвами на лице вопили, как звери. И мне пообещали, что если я не смирюсь, мне тоже отрежут нос, чтобы я лучше выглядел к тому дню, когда повстречаюсь с дьяволом.

Ноэль не смог дать ответа. Голос пирата, равно леденяще холодный и отчаянно гневный, не допускал возражений.

— А вы знаете, мастер Кордери,— продолжал Лангуасс чуть проще,— что истерзанную плоть галерника прижигают горячей смолой? У меня под рукой ее нет, но, думаю, раскаленные ножи — подходящая замена. Как вы полагаете, я исцелился так же легко, как исцелится она? И разве не скажете вы, вы оба, что мне причитается?

— Но не она причиняла вам страдания,— напрямик сказал Ноэль, найдя в себе достаточно смелости для этого.

Лангуасс приблизился к нему вплотную и поглядел глаза в глаза, полный кипящего гнева.

— А разве Кармила Бурдийон сделала что-то дурное вашему отцу? — проорал он Ноэлю в лицо. — Или вы не знаете, что все, кто разделяет привилегии при тирании, разделяют и вину за ее жестокость? А разве римская инквизиция не утверждает, сжигая за колдовство любую старую хрычовку, что ведьма, вина которой в любом злодеянии однажды доказана, виновна и во всех прочих преступлениях, которые творят ее сестры? Как можем мы сказать меньшее о вампирах? Каждый за всех, и эта леди должна поплатиться за остальных. Она отвечает не только за то, что сделано мне, но сделано англичанам во имя мира и процветания Галльской Империи. Я признаюсь, что предпочел бы пытать этого львиносердого Ричарда или какого-нибудь большого военачальника вроде Влада Сажателя-на-Кол. Но Кристелль д'Урфе — это все, что мне попало, и меня не заставит размякнуть ее красота, которая, как у сирены, скрывает зловую душу.

Ноэль увидел в этом человеке гнев на вампиров, который в нем самом еще не родился и, возможно, не родится, если только ему не придется однажды страдать от такой боли и лишений, которые вынес пират.

— Я молю вас прекратить, — сказал он. — Ради добрых монахов. Вы напомнили мне сегодня, что должны думать о завтрашнем дне, а не жить сегодняшним. Мы тоже. Если после того, как вы уйдете, станет известно, что в этих стенах пытали вампира, Миролюбейту ничего другого не останется, кроме как разорить аббатство, и, возможно, братьев сожгут как еретиков от имени того самого Святого Престола, о котором вы говорили. Их сочтут виновными в соучастии в точности так, как вы описывали.

Лангуасс был не в настроении снисходительно внимать просьбам.

— Они придерживаются Истинной Веры, — сказал он. — В глазах папы Борджиа и Святого Престола они и без того еретики, да еще и мятежники. Чему вас учат, мастер Кордери, если не чистой ереси? Всякий раз, когда вы переводите страницу одной из ваших запрещенных книг, вы навлекаете на себя сожжение. Разве не так?

Это было правдой, хотя Ноэлю не нравилось думать о своих занятиях в таком ключе.

— А в глазах Истинно Верующих,— бурно шептал Лангуасс,— не вампиры ли те, кого надо сжигать, чтобы избавиться от зла человечество?

И с этими словами он отвернулся к жаровне. Обернув плащом правую руку, ибо рукоять была достаточно горяча, он быстро подошел с ножом к леди, чтобы приложить лезвие к ее лопаткам. Раздалось жуткое шипение, а затем разнеслось зловоние горящей плоти, которое исторгло смех у турка, радостно захлопавшего в ладоши. То были первые звуки, которые издало это создание в присутствии Ноэля. Лейла в ужасе отпрянула, и Ноэлю пришлось поймать ее в объятия. Она с готовностью уткнулась лицом в его плечо.

Обернувшийся Лангуасс выглядел недовольным при виде этого объятия, и недоброе торжество в его глазах померкло. Он криво улыбнулся и уронил на пол раскаленный нож.

«В конце концов, в нем осталось что-то человеческое»,— подумал Ноэль.

Леди Кристелль не издавала ни звука, несмотря на то, что на ее спине теперь зияла безобразная рана, и плоть над лопаткой казалась оплавленной. Ее тело рефлекторно содрогалось, и это вызвало у Ноэля трепет сострадания.

Теперь леди впервые откликнулась на происходящее и повернула голову, чтобы взглянуть через поврежденное плечо на своих мучителей. Трудно было определить выражение ее глаз, но в них угадывалось известное недоброе презрение, и Ноэль порадовался, что цыганочка этого не видит. А турок Селим все видел достаточно хорошо, но это еще больше рассмешило его. Он не боялся никакого колдовского отмщения за то, что сделал его повелитель.

— Вы так сожжете ее кусочек за кусочком? — хрипло спросил Ноэль.— Это и есть ваше намерение?

— Почему бы и нет? — осведомился Лангуасс.— И я могу нанести ей много всякого другого ущерба. Прежде, чем она уснет, я пообещал турку и моему верному слуге там, снаружи, что позволю им с ней позабавиться. Селим предпочитает мальчиков, как и ваш благородный правитель Великой Нормандии, но снизойдет и до женской задницы, если

ему вдруг окажется угодно. Он никогда не сношал вампиров, и хотя миледи наверняка брала немало любовников из простых, рискну предположить, что безносого среди них еще не было.

Цыганочка простонала и крепче вцепилась в плечо Нозля.

— А для себя,— произнес Лангуасс,— я возьму только меру крови.— Он пробежал пальцами правой руки вверх по ее позвоночнику, а затем поднял кисть с омытыми кровью кончиками пальцев, как недавно поднимала свою сама леди, предлагая ему попробовать. И то, что он прежде отказался принять с ее пальцев, он жадно обсосал со своих. Опять поглядел на Нозля и тут же наткнулся на неодобрение во взгляде юноши.

— Хотел бы я сделаться вампиром,— сказал он.— Ибо тогда я бы обрушил на них мой гнев с подобающим неистовством, и этот трус Ричард не мог бы сказать, как когда-то: «Немного чести тому, кто пойдет против меня». Я тогда потягаюсь жестокостью с прославленным Дракулой.— Но произнося эти слова, пират не казался особенно уверенным в своей решимости. Он задумчиво воззрился на кончики своих пальцев. Нозлю не показалось, что кровь была для пирата так сладка, как тот предвкушал.

Лангуасс отправился за вторым ножом. Сперва он, как и прежде, обернул руку плащом. И поспешно очистил пальцы от остатков крови вампира. Но, когда он подхватил раскаленный нож, чья-то рука упала на плечо Нозля и отодвинула его в сторону от дверного проема. Нозль оглянулся и с радостью увидел, что явился не аббат, который, чего доброго, потерял бы сознание от испуга, а Квинт, слеппенный из теста покруче.

— Положи нож, умоляю тебя,— сказал монах, негромко, но отчетливо. Невеличка, который стоял на страже, вошел с ним вместе, но явно не обладал достаточной твердостью, чтобы остановить его.

— Отправляйся в спальню,— приказал Лангуасс.— Это мое дело.

Пират двинулся к вампиру, но Квинт быстро одолел разделявшее их пространство и встал между мучителем и его жертвой. Монах выставил вперед ладонь, как будто предлагая Лангуассу приложить докрасна раскаленный кинжал к его ладони. Этот намек потряс пирата, и он поднес лезвие

к своей груди. Лицо его было белым, и Нозль понимал, что раскаленная сталь жжет его даже через одежду.

Лангуасс так и не смог заставить себя ударить монаха и просто-напросто уронил нож.

— Ты здесь гость, и у тебя здесь нет никаких своих дел,— твердо произнес Квинт.— Что совершится в нашем доме, который также и дом Божий, касается и нас, и Его. Во имя Господа прошу тебя прекратить. Ты вор и разбойник, но еще не отлучен от веры... Думаю, у тебя нет такого желания, и полагаю, что имя Христа еще что-то значит для тебя. Можешь ли ты искренне сказать мне, что жаждешь быть проклятым?

Нозль не мог поверить, что угроза отлучения что-то значит для Лангуасса, но, вероятно, законы гостеприимства значили для него куда больше. В любом случае пират ничего не сказал и не сделал. Квинт полностью овладел ситуацией.

— Благодарю вас за милосердие,— сказал Квинт Лангуассу.— Если вы заберете отсюда марокканскую даму и вашего смешливого турка, я пригляжу здесь за порядком. И останусь бодрствовать до заутрени.

Но это было слишком много, и Лангуасс решительно отказался.

Несколько мгновений монах и пират мерили друг друга взглядами. И хотя Лангуасс легко переглядел Ральфа Хейлина, Квинт оказался куда крепче. Правда, первым все-таки опустил взгляд монах, но казалось, он делает это без принуждения.

Лангуасс остался доволен этой крохотной победой.

— Аббат был ко мне добр,— сказал он,— я всегда был другом Истинной Церкви и не хотел бы навлечь на себя ее гнев. Можете идти. Все кончено.

Квинт с нарочитой тщательностью поклонился и сказал:

— Я с удовлетворением принимаю ваше слово, сэр, что вы больше не повредите этой леди.

— Тогда получите его,— парировал Лангуасс с насмешкой.— Но тем не менее я приставлю к ней свою стражу. Если вам нужно, чтобы ее раны лечили, это может сделать мастер Кордери.

— Благодарю вас,— сказал Квинт, бегло взглянув на Нозля. Тот кивнул. Цыганочка отпустила плечо Нозля и поблагодарила его взглядом, полным глубокого облегчения, хотя он

понимал, что ничего не сделал. И ничего бы не добился, если бы не вмешался Квинт.

Он наблюдал, как Лангуасс уводит турка из кельи. Селим и невеличка убрались прочь достаточно послушно. Монах уже начал освобождать руки вампира. Юноша ощутил приступ тошноты. Он сам бы с радостью вышел, скрыв свои чувства. Но он уже согласился остаться, и значит, должен остаться и выказать милосердие, угодное Господу, в которого он еще не вполне мог уверовать.

Лангуасс, однако, решил в последний раз бросить небольшой вызов, и когда Квинт ушел, Нозль услышал, как дверь кельи-камеры затворяется за ним. Поперечина засова вяло въехала на свое место, запев Нозля вместе с раненой леди.

7

Нозль помог даме лечь лицом вниз на скамью, которая служила ей кроватью. Он не посмел набросить ей на спину одежду и не стал искать одеяло, но плоть ее рук вызвала в нем холод, и он тревожился из-за нее. Жаровня, однако, все еще стояла в келье, и он надеялся, что теперь, перестав быть средством мучения, горячие угли обогреют даму.

Леди Кристелль все еще находилась в сознании и, казалось, страдала, хотя зловещий взгляд, который она устремила недавно на своего мучителя, исчез. Нозлю стало ясно, что власть, которую имеют вампиры над своей болью, не абсолютна, и что самообладание, которое проявила эта женщина, далось ей нелегко. И все же ей удалось заговорить с ним.

— Не бойтесь,— сказала она.— Я не причиню вам вреда.

Он улыбнулся, хотя, безусловно, ему было не по себе.

— Вам сейчас требуется что-то еще? — спросил он, думая о воде и мазях. Он не мог принести сюда мазь, но рядом со скамьей стояла фляга воды.

— Мастер Кордери,— сказала она нежно,— если мне что-то и нужно, то это твоя кровь, принесенная, как дар.

Он в смятении отпрянул, подумав сперва, что она его дразнит, но ее темные глаза поглядели на него серьезно, и он понял, что она это и имеет в виду.

— Я не понимаю этой потребности,— прошептал он. Миг спустя он добавил: — Кровь не питает вас.

— Нужда в ней достаточно остра,— сказала она шепотом.— Я чувствую ее настолько отчаянно, что едва ли могу обсуждать это. Я не посмела бы принуждать вас, ибо вы были ко мне добры, но, клянусь, у вас нет причин бояться. В таком одолжении для вас нет ни ущерба, ни опасности.

Хотелось бы Ноэлю, чтобы дверь была отперта и он мог уйти, когда ему вздумается. Чтобы скрыть свое уныние, он подобрал с каменного пола первый из кинжалов Лангуасса, уже успевший остыть.

— Не уходите, мастер Кордери,— торопливо произнесла она, не зная, что дверь заперта.— Вы не знаете, что они сделали с Мэри? Думаю, они могли обидеть ее.

— Не знаю,— пробормотал он.— Думаю, ее оставили в покое,— то, что он этого не знает, повергло его в скорбь — ведь он обещал уберечь ее. Возможно, девушке и впрямь навредили. Внезапно ему показалось недобрым знаком, что он не слышит шума из соседней кельи. Он пододвинул второй кинжал ногой, затем подобрал его, хотя тот был еще теплым. И бросил оба в угол полутемной камеры. Фонарь замигал, и тени безумно заплясали по стенам, точно демон явился в келью, злобный инкуб, гордо вставший над распростертым телом жертвы.

— Они не позволяют Мэри приходить ко мне,— сказала леди Кристелль почти шепотом.— Лангуасс велел своему человеку заставлять ее замолчать, едва она вскрикнет. Боюсь, она уже мертва

Тут Кристелль медленно села и набросила на себя плащ, чтобы прикрыть наготу. Ноэль содрогнулся при мысли о боли, которая должна возникать в израненной спине, но затем назвал себя дураком, ибо вспоинил, что она способна управлять болью. И все же ее лицо казалось осунувшимся, и трудно было поверить, что она избежала безумного страдания.

«Откуда нам и впрямь знать,— спросил себя Ноэль,— на что она способна?» И подумал: каково же испытывать боль в полной мере и все же из чувства долга не признавать этого? И заключил, что такое невозможно. Ни одно существо какой угодно природы не подавило бы крика, если бы действительно в полной мере ощутило жжение раскаленного лезвия. Кто,

кроме вампира, мог бы сказать, что чувствует вампир, когда его плоть раздирают или жгут? И все же леди в отчаянии. А что, если Лангуасс прав, и ее можно заставить рассказать все, что она знает, если она и впрямь знает что-нибудь ценное?

Он стоял, глядя на нее и не зная, что сказать.

— Вам не о чем сокрушаться, мастер Кордери,— произнесла леди Кристелль.— Вы не обязаны жалеть меня. Ричард станет обращаться с вами не менее скверно, если когда-нибудь доберется до вас.

— Почему? — спросил Нозль, внезапно осмелев.— Потому что я в родстве с человеком, погубившим даму его двора или потому что мне ведома тайна изготовления микроскопа?

Кажется, его вопрос действительно поставил ее в тупик.

— Какое отношение к этому имеет игрушка? — спросила она. И Нозль почувствовал, что осторожность не помешает, ибо не было способа узнать наверняка, что станет с леди, когда Лангуасс уведет ее из аббатства. Но он не мог не утолить свое любопытство. Казалось, она не прочь поговорить. Возможно, отвлечься было бы для нее кстати, это помогло бы забыть о том, что ее плоть пострадала и о том, как ей нужна кровь.

— Мой отец считал, что этот инструмент многое может поведать нам о теле и жидкостях, имеющих в нем,— сказал Нозль.— Он знал, что Ричард замышляет его убить, опасаясь, как бы отец не открыл что-нибудь касательно людской природы и плоти вампира.

Взгляд, который она устремила на него, был твердым, хотя лицо ее еще оставалось лишенным красок. В своем горестном положении леди Кристелль походила на вампира менее обычного, ее сверхъестественное очарование слегка потускнело, но теперь она вновь овладела собой, и спокойствие почти вернулось к ней.

— Эдмунда Кордери арестовали бы за тайную измену,— сказала она.— Неужели тщеславие привело его к мысли, что он сможет узнать что-либо полезное для него через эту странную трубку со стеклышками? Можно ли в нее видеть людские души столь же ясно, сколь строение кожи? У Ричарда есть та самая игрушка, которой пользовались Джон Ди и Эдуард Келли. Я заглядывала туда и думала: а вдруг

мне удастся увидеть сонмы ангелов? Но даже стекла не смогли научить мастера Келли бессмертию.

— Это было не волшебство,— сказал ей Нозль.— Отец не верил, что существует хоть малейшая магия в преображении людей в вампиров. Просто действует некий механизм, который предстоит вскрыть.

— До чего похоже на мастерового,— молвила дама, слабо пытаясь имитировать непринужденность.— Считать мир и плоть всего лишь подобием машин! Но каковы были намерения вашего отца? Он надеялся найти способ уничтожить вампиров или возможность стать одним из них?

Нозль не мог знать верного ответа, но сказал, как если бы знал:

— Он нашел способ уничтожить одного из вас. Располагая временем и микроскопом, который бы показывал ему мир семян и частиц, он мог бы истребить вас всех.

— Он был изрядным глупцом,— ответила Кристелль,— ни один вампир, кроме Кармиллы Бурдийон, пока не убит, но простые мужчины и женщины умирают на улицах Лондона. Слухи преувеличивали свойства этой болезни. Как и все прочие, она убивает людей чаще, чем вредит вампирам.

— И все же Кармилла Бурдийон мертва,— возразил он.

— И вы этим гордитесь, мастер Кордери? Тем, что так страшно оборвалась жизнь создания, которое могло бы жить еще тысячу лет? Вы знаете, сколько было Кармилле?

— Шестьсот три года,— ответил Нозль. Чересчур поспешно. Ибо слишком поздно понял: это знание выдает, что он читал «Вампиров Европы», запрещенную книгу, где рассказывалось о жизни многих вампиров.

Но она только улыбнулась и заметила:

— Возможно, вы воображаете, что способны понять, каково это — жить столько, сколько живем мы, обитая в тени вечности. Возможно, вы думаете, будто это вроде вашей собственной жизни, только дольше, и не более того. Несомненно, вы также думаете, будто мы, само собой разумеется, живем вне боли, вне печали и вне гнева. Вы и вообразить себе не можете, насколько мы в действительности иные. У вас нет и понятия о нашей природе или о нашем наследии, бедная маленькая мошка... краткое мелькание призрачной жизни.

— Я понимаю, как вы жестоки,— сказал он.— Ваша невосприимчивость к боли стала причиной того, что вы так легко причиняете ее другим, так что нет уголка в Галльской Империи, где пытки не являются частью повседневности. Я знаю, что рассказывают об Аттиле и о Дракуле. Вы, галльские вампиры, прикидываетесь, будто вы — лучше, будто вы следуете рыцарскому уставу Карла Великого, будто обладаете милосердием, скромностью и благородством духа. И все же даже теперь в стенах Тауэра совершаются дела, позорные для его строителей, и все виселицы Лондона отменно обеспечены жертвами. Почему я должен считать вас или любую другую леди-вампира лучше, чем Эржебет Баторий, которая купалась в крови детей, ибо считала, что это сделает ее достаточно красивой для того, чтобы стать императрицей? Мне ведомо зло, которое живет в вас, так что не заблуждайтесь насчет того, что я попытался совершить для вас нынче ночью. Возможно, мне даже в упрек то, что у меня кишка тонка для лангуассовой работы.

Казалось, ее поразили этот взрыв гнева.

— Мы не бессмысленно жестоки,— ответила она.— Эржебет Баторий была осуждена за свои преступления даже в империи Аттилы. Ее замуровали в стену замка. Вы не знали?

— Но ей не могли отплатить той же монетой,— с горечью сказал Ноэль.— Ее не могли заставить страдать так, как она заставляла страдать других. Живая погребенная, она просто-напросто уснула и может пробудиться в любое время за тысячу лет, готовая вернуться к жизни. Как вы думаете, сколько потребовалось бы, чтобы она умерла? Или она сможет переносить голод вечно?

— Не знаю,— ответила Кристелль.— Но она по закону платит за то, что творила. Должен существовать закон, чтобы поддерживать мир в равновесии, а если бы миром правили простые смертные, дела пришли бы в беспорядок, и много труднее оказалось бы поддерживать закон. Или у магометан нет пыток? Или они славятся кротостью? Не было бы и сотой доли тех страданий, которые есть в мире, если бы простолюдины удовлетворялись положением, которое для них определил Бог. Им обещано их особое счастливое бессмертие в Царствии Небесном, если только они станут жить как должно.

— Лицемерие! — воскликнул Ноэль. — Вампиры ничего общего не имеют с последователями Христа и любят жестокость больше, чем ее когда-либо любили простые смертные. Отец не раз и не два рассказывал мне, как вы обошлись с Эверардом Дигби из-за его участия в Пороховом Заговоре. Лошади проволокли его по улице, он был вздернут на виселицу, кастрирован и четвертован. Как вам представляется, могли бы с ним учинить такую мерзость, если бы он стал покушаться на жизнь князька из смертных? Ваша жажда людской крови и людской боли — это самое ужасное на земле! Это не может быть в согласии с Волей Божией, что бы ни говорил ваш папа-марионетка. Разве Христос дозволил бы вам пить кровь людей?

Она чуть плотнее собрала вокруг себя плащ и уронила взгляд на собеседника.

— Кровь, которую я пила, мне давали добровольно, — произнесла она отстраненно. — И большей частью давали с любовью или хотя бы с ложными заверениями в любви. А вы, мастер Кордери, разве вы добровольно не отдали бы свою кровь ради любви? Ваш Спаситель не постыдился истечь кровью из любви к роду людскому. И вы принимаете эту кровь во время святого причастия. Разве не так?

— Это не то же самое, — упрямо произнес Ноэль.

Она опять взглянула на него, и ему показалось, что она отвернулась только для того, чтобы подготовить этот пронизывающий взгляд. Она изгнала с лица усталость, равно как и отчаяние, и теперь она говорила совсем другим голосом.

— Существой между мной и тобой любовь, Ноэль Кордери, — произнесла она. — разве ты не предложил бы своей любимой в дар свою нежную кровь? Разве не предложил бы ты ее с радостью, как Эдмунд Кордери предлагал кровь Кармилле Бурдийон? И отказывая в ней теперь, разве не ищешь ты муки для меня на свой особый лад? Чем же ты отличаешься от этого злобного дикого пирата?

Он был захвачен ее взглядом и почувствовал себя в ловушке. Мог ли он отрицать, что она прекрасней любой простолюдинки? Мог ли он избежать прилива желания, подтачивающего душу? Не он выбирал — желание нарастало в нем, как чудовищная стихия, как вихрь из преспопней.

В конце концов, Нозль не был монахом, и если он чувствовал, что его больше всколыхнула леди-вампир, чем так называемая цыганская принцесса или бедная Мэри Уайт — разве это не просто-напросто потому, что так устроен мир? Что же, Лангуасс прав, и эта ее красота — чудовищная западня, а она сама — сирена, шлюха сатаны.

— Я не люблю тебя,— ответил он, его голос заметно напрягся. И он понял, как только произнес эти слова, каким глупым должен показаться его ответ, учитывая, что он бездумно повторил ее коварное «ты». Он сотворил крестное знамение, но украдкой, словно стыдясь необходимости искать защиты, которую предлагает Святой Крест.

— Кармила Бурдийон могла бы полюбить тебя, как до тебя любила твоего отца,— сказала Кристелль.— Такое утешение ты мог бы найти в кольце ее белых рук, что проникся бы отвлечением к той, которую наверняка познаешь теперь. То было утешение, в котором Эдмунд Кордери не отказал себе даже после того, как замыслил убить ее, измученный утратами.

Нозль попятился перед этим странным натиском, чувствуя себя в большой опасности. Ей не требовалось ничего делать — она просто улавливала его речами. И внезапно уперся спиной в каменную стену и застыл в оцепенении, точно прикованный.

Но она не рассмеялась, увидев его столь встревоженным. Напротив, ее лицо вновь смягчилось, и она поглядела на него с поистине детской невинностью.

— Прошу вас, мастер Нозль,— сказала она.— Сжальтесь и уделите мне немного вашей крови.

— Нет,— хрипло ответил он.— Не могу. Не стану.— И отвернулся от нее, приложив лицо к двери, страстно желая, чтобы та открылась. Но чуда не произошло.

Когда он наконец опять повернулся, она уже лежала, свернувшись клубочком, словно для того, чтобы уснуть. Похоже, будто она собирается погрузиться в спячку на сотню лет, в таинственную спячку вампиров, и не просыпаться, пока кровь осторожно не прольется на ее жадные губы.

Глядя на длинные черные волосы, падающие на бледное лицо, он увидел, что нет и признака шрама от кинжала. Со временем и раны на спине затянутся и пропадут, словно их

не было вовсе. На спине Лангуасса, вне сомнений, и поныне сохранились рубцы, и любое движение поврежденных некогда мышц вызывало у него боль. Возможно, они так глубоко въелись в его существо, что останутся даже в том случае, если однажды он завоюет ту награду, которой искал, и станет бессмертным. Некоторые из рыцарей Ричарда, обращенные в зрелые годы, все еще хранили следы старых ран. Лангуасса не заботила внешность, он будет носить эти отметины с гордостью; он искал освобождения лишь от боли.

Можно ли положить конец кровавой дани, которой требуют вампиры от простолюдинов? Не тонким струйкам, которые добровольно и с любовью предлагают одержимые противоестественной страстью, но великой крови, которую исторгают из тел кнут палача и клинок воина? Всякое право вампиров на власть, как подумалось Нозлю, измерялось в шрамах и лишениях — шрамы на изуродованной спине Лангуасса, шрамы на постигшей любовь груди Эдмунда Кордери, шрамы греха на душах неумирающих, которым нет нужды торопиться на встречу со своим Судией и Создателем.

«Мне не нужны шрамы», — сказал Нозль себе столь гневно, что слова едва не прозвучали вслух. И даже делая такое заявление, он чувствовал, как грех клокочет в его душе — страшное желание, утоление которого можно купить только кровью.

— О, Квинт, — пробормотал он, усаживаясь в углу, подальше от дамы, между стеной и дверью. — Что я, в конце концов, если не простой ком глины? Я так хочу уметь молиться! Я попросил бы Господа сделать меня кем-то другим, не тем, что я есть, хотя я прекрасно знаю, что Он отказал бы мне.

8

Нозль был вырван из мучительного сна скрежетом, который произвела по камню поперечина засова. Он медленно поднялся на ноги, подобрав оба кинжала, которые бросил вчера. И обратился лицом к отворяющейся двери.

Это был не Лангуасс, а Селим. И он пришел освободить Нозля. Турок уныло воззрелся на юношу, глаза казались единственным человеческим на изуродованном лице. Селим пома-

нил Ноэля, приказывая тому выйти. Ноэль обернулся, чтобы еще раз взглянуть на даму-вампира, молчаливую и неподвижную на скамье. Он подхватил плащ, в который она закуталась, и бережно приподнял, опасаясь, что ткань могла где-то пристать к телу из-за высохшей крови. Но нет. Едва ли Ноэль мог поверить, глядя на ее кожу, что это то самое тело, которое подверглось бичеванию лишь несколько часов назад. Там, где тела касался бич, раны уже затянулись. Лишь на месте ожога осталось большое безобразное пятно, розовое и блестящее.

Леди Кристелль не проснулась, и Ноэль догадался по ее спокойствию, что она не проснется и сегодня, и завтра. Она бежала в бессознательное состояние, как способны вампиры, и эта кома могла продолжаться год или сто лет. Спящая может пробуждаться через неравномерные промежутки, чтобы искать крови. Ее раны исцелятся, но внутри останется голодная пустота, которую может заполнить только кровь простолюдина.

Ноэль снова опустил плащ, а затем вышел вон. Турок указал на коридор, который вел во внутренний двор, но юноша, передав ему ножи, велел подождать. Пока Селим запирали келью, Ноэль отодвинул засов с дверей Мэри Уайт и вошел.

Мэри лежала на соломенном тюфяке со связанными руками и кляпом во рту. Платье ее было разорвано. Она шевельнулась, услышав, как он входит, но так и не увидела, кто это, и по ее движениям он понял, что она боится.

Ноэль быстро подошел к ней и, чтобы успокоить, несколько раз назвал по имени. Вынул изо рта кляп и начал развязывать руки. Мэри слабо захныкала, словно не могла говорить, и он принес ей воды из кувшина. Она стала жадно пить, но говорить отказывалась и с болью и стыдом отвернула лицо. Он понял, что ее изнасиловали и что она на грани помешательства от отчаяния и недосыпания. Девушка отпрянула от прикосновения, и Ноэль совершенно растерялся.

Он открыл рот, чтобы спросить, кто это сделал, но вопрос умер на губах, когда она опять отдернулась. «В конце концов, я только отверженный среди отверженных, который разделяет их положение,— подумал он.— Почему бы ей от меня не отворачиваться?» У него заныло сердце.

— Я пришлю кого-нибудь из монахов,— сказал он.— Он даст вам лекарство, которое поможет уснуть.

Она попыталась ответить, но язык не слушался. Мэри ждала помощи, а Ноэль ничем не помог ей. Он почувствовал, что своей беспомощностью предал ее.

Он не знал, куда деваться. Ему хотелось скрыться. Не было никакого желания идти в трапезную или в свою спальню, или же в тихую церковь, где для него не было Бога. Так что, сообщив брату Иннокентию о беде с Мэри Уайт, Ноэль отправился в библиотеку. Он не мог бы внятно объяснить, почему из всех мест выбрал именно это. Некоторое время он оставался наверху, но когда песнопения возвестили ему, что монахи собрались к заутрене, спустился в подвал, чтобы навести справки о леди Кристелль д'Урфе в «Вампирах Европы».

О ней мало что говорилось в книге, ибо многочисленных авторов больше увлекала деятельность и устремления вампиров мужского пола. Из книги явствовало, что она сравнительно молодой вампир, родившийся в Малой Нормандии около 1456 года, младшая дочь кузена маркиза де Верней. В 1472 или 1473 году стала любовницей рыцаря-вампира Жана де Кастри, который жил в то время в Реймсе, и там, в Реймсе, сделалась вампиром. Оказалось, она не бывала при дворе Карла Великого в Аахене. Де Кастри привез ее в Великую Нормандию в 1495 году. Позднее де Кастри вернулся в Реймс, оставив Кристелль при дворе Ричарда.

Список простолюдинов-любовников Кристелль содержал только одно имя, которое Ноэль счел примечательным: авантюрист Рэйли, которые позднее женился на дочери Генриха Тюдора и Энн Болейн, прежде чем его казнили за измену. Приписываемые Кристелль преступления необычностью не отличались, и Ноэль решил, что этой женщине, чужой при дворе Ричарда, привезенной туда чужеземным рыцарем, никогда не доверяли какие-либо тайны.

Когда Ноэль поставил на место книгу и выбрался в освещенный солнцем зал, он не смог заставить себя читать. Просто сидел наедине со своими мыслями, следя, как облака бегут с моря, гонимые западным ветром. «И почему сейчас не времена Эльфина, когда вампиры еще не явились на Британскую землю и когда истина еще звучала в голосах честных людей?» — думал он.

Позднее Квинт пришел к нему, как водилось, словно был самый обычный день.

— Мне отчаянно жаль, что все так случилось нынче ночью,— сказал монах.— Мы не можем применить никаких мер к пирату, который держит нас в своей власти. Не думаю, что он злой человек, но его приступы помрачения приводят его на грань безумия. Он не на шутку встревожен своим положением, хотя не смеет проявить свой страх открыто. Мы должны молиться, чтобы ничто не вывело его из себя до самого часа отбытия.

— Что будет с Мэри Уайт? — спросил Ноэль.

— Я попрошу, чтобы он оставил ее здесь. Мы найдем для нее место в монастыре,— сдержанно произнес монах.

— Несмотря на то, что мы не желаем ей вреда, она для нас не менее опасна, чем для Лангуасса,— с горечью сказал Ноэль.— Если она когда-либо расскажет, что случилось с ней здесь, она может погубить нас всех. И с чего бы ей придерживать язык, если дом Божий не предложил ей надежного убежища? Возможно, хоть мы и добрые христиане, нам следовало бы молиться, чтобы Лангуасс забрал ее и сделал разбойничьей девкой, или чтобы убил после того, как ее еще несколько раз изнасилуют. Она неповинна ни в каком преступлении, и все же она угроза и вашей, и моей безопасности. До чего мерзостен мир, в котором приходят в голову такие мысли!

— Я попрошу Лангуасса оставить ее здесь,— повторил Квинт не без вызова.— Я скажу ему, что мы пошлем ее к сестрам в Лланллитр. Я уговорю монахинь, чтобы те убедили ее не выдавать норманнам, что случилось с ней здесь.

— А вампир? — спросил Ноэль.— Вы и ее направите в женскую обитель?

Квинт покачал головой.

— Не знаю, что можно сделать с вампиром теперь, когда она впала в спячку. Но знаю, что Лангуасс ее не отдаст.

— А я ничего не знаю,— сказал Ноэль с покаянной горечью в голосе.— Читал-читал и не нашел ничего полезного. Я не знаю целей Невидимой Коллегии, которая подобрала меня, когда умер мой отец. Не знаю и целей этих мирных монахов, которые придерживаются того, что зовут Истинной Верой, не признавая ни Александра, ни Григория.

Не знаю, что остается простолюдину в мире властвующих вампиров и мстительных разбойников. Я воображал, будто что-то знаю. Да, я думал, что это доблестное дело — беречь подлинную Церковь Христову от развращения лжепапой и от его братьев-ищеек. Я думал также, что понимаю, почему придворные могут принадлежать к тайному обществу и строить заговоры против вампиров, хотя в то же время прикидываются, будто поддерживают их. И даже решил, что знаю, какие героические подвиги может совершать пират, пытаясь отвоевать океаны для простых смертных, хотя суша и принадлежит вампирским Империям. А теперь я вижу, что я осёл.

— Это весьма важное открытие,— невозможно произнес Квинт.— И такое, что оно пугает нас всех.

— Мне слишком худо, чтобы переваривать софистику,— огрызнулся его ученик.— Кажется, справедливость, милосердие, храбрость и мудрость затаились, и во всем, что мы делаем, видны только хитрость, злоба, страх и безумие. Почему мир так извратился? Почему простолюдины просто не соберутся в могучие войска, чтобы выступить против вампиров и сокрушить их империю вместо того, чтобы прикидываться покорными и при этом тайно плести какие-то призрачные замыслы, заранее обреченные на поражение?

— Такое совершалось,— ответил Квинт.— Армии простолюдинов шли на вампиров сотни раз. Но армии с вампирами во главе всегда побеждали. Они сами такие смелые воины, что повергают в ужас любого, кто встанет против них, и они весьма умно отдают самую ценную добычу в награду тем, кто отличился в борьбе за их дело. В этом суть их власти. Настанет новый день, когда добрые люди пойдут против них, и новый, и новый... Но этим храбрецам понадобится оружие, которое уязвляет вампиров больше, чем простые стрелы или пули мушкетов. Если простолюдинам суждено однажды унаследовать мир, им понадобится, чтобы путь приготовили тайные общества; им пригодятся умы, сформированные мудростью Невидимой Коллегии, и потребуются души, обработанные учением Истинной Веры. Без первого невозможно по-настоящему завоевать мир; без второго дело не будет стоить усилий.

Ноэль возразил:

— Но есть и такие в этом самом монастыре, которые считают, что истинная Истинная Вера требует не противостояния, но терпения и смирения. Неважно, что бранный мир отдан во владение злу, ибо куда более ценно то бессмертие, которое ждет нас на Небесах. Некоторые из ваших же братьев попросили бы нас подчиниться светской власти вампиров, спасая между тем наши души. «Воздавайте кесарю кесарево, а Богу Богово».

— Это то, что вы предпочли бы? — поинтересовался монах.

— Откуда нам знать, что следует делать? — спросил Ноэль почти с мольбой. — Как нам увериться в том, что как раз простолюдины, а не вампиры — избранный Господом народ? Если мы признаем, что они вовсе не орудие дьявола, но сотворены Господом, как и Адам — разве можем мы не признать, что Господь поставил их над нами? Откуда мы знаем, что должно делать, чтобы исправить этот мир?

— Бог послал к нам своего единственного Сына как смертного, — осторожно напомнил Квинт. — Христос умер за нас, чтобы указать нам путь ко спасению. Только смерть может избавить нас от наших грехов. Это тернистый путь, но единственный, который приведет нас в Царство Божие. То, другое бессмертие — искушение. Не могу честно сказать, то ли это хитрейшие из козней дьявольских, то ли особый дар Божий, который люди однажды должны научиться использовать мудрее. Но я знаю, что вампиры применяют его дурно, равно против Бога и блага человека. Законно противостояние такой империи не только молитвой и отказом от поддержки, но и действием. Как наш Господь изгнал меня из дома Отца, так и мы должны стремиться изгнать властелинов-вампиров.

Но ученик Квинта взял Библию, которая лежала на столе, где он оставил ее два дня назад, и открыл Евангелие от Иоанна, а затем прочел:

«Иисус же сказал им: истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни. Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную; и Я воскрешу его в последний день. Ибо Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питье».

Нозль выдержал паузу, завершив цитату, и поглядел в лицо наставника. Но Квинт ничего не сказал, дожидаясь, когда Нозль продолжит.

— Не может ли это быть Божьей заповедью вампирам? — спросил Нозль. — Разве не это — заповедь, которой они верно следуют на свой лад? Не может ли быть, что род Ричарда, а вовсе не наш удостоится милости Христовой, когда Он явится снова судить мир? Наша кровь не нужна им как пища, не нужна как обычное питание для тела... Так чем же может быть для них кровь простолюдина, если не пищей духовной? А вдруг путь ко спасению открыт для них, а вовсе не для нас?

Постигнув всю боль его сомнений, Квинт не стал обвинять ученика в богохульстве. Вместо этого он сказал:

— Дьявол — обезьяна Господа. И его задача — исказить и извращать истинное учение, подсовывая взамен ложное. Вампиризм — это насмешка над Благой Вестью Спасителя, истинное значение коего заключено в Святом Причащении. Иисус принес эту весть детям Адама, Нозль. Не было вампиров в Галилсе в то время, как и во всей Римской Империи, которую стал обращать святой Павел. Я не согласен с Григорием в том, что вампиры суть демоны в людском обличьи, но верю, что сам сатана послал Аттилу против Священной Империи, когда Империя эта слишком явно и надолго усилилась.

Нозль только и мог, что озабоченно покачать головой.

— Скажи мне правду, — мягко произнес его наставник. — Ведь это не занятия историей и Писанием смущают тебя, но жалость к вампиру. Красота — лишь морок, Нозль, и самое коварное чародейство.

— То же самое говорил мне Лангуасс, — ответил Нозль. — И я хотел бы этому поверить. Но я не могу этого *почувствовать*. И когда я увидел, в каком состоянии бедная Мэри, услышал смех этого злобного турка, которым тот встретил палаческие труды Лангуасса, невозможно оказалось верить, что Небесный Владыка взирает на этот дом с высот и что Писание может указать нам, чем быть и что делать. Мы должны найти свой собственный путь, Квинт, и я не знаю, как.

— Молись за служанку, — напомнил ему Квинт. — И если это тебе помогает, молись и за вампира. Прислужники сатаны были некогда ангелами, и для них еще не утрачена

возможность искупить свою вину. И, наверное, в первую очередь мы должны молиться за пирата, ибо именно его душе грозит величайшая опасность вечного проклятия, а эту душу еще можно направить ко спасению.

Но его ученику не удалось даже сделать вид, будто он молится. Ибо в этот миг в библиотеку в спешке вторгся аббат, весь раскрасневшийся и встревоженный, и сообщил обоим, что к аббатству скачут вооруженные люди. Они явились не из города, как он уточнил, а по малоезженной дороге из Лампетера, и в довершение беды вместе с ними черные монахи.

— Пират готов? — спросил Квинт.

Аббат кивнул.

— Как раз его человек и увидел отряд с колокольни. И теперь они замышляют засаду. Хотя у него лишь горстка стволов против их мушкетов и пик.

— Что за дурень! — посетовал Квинт. — Он должен бежать, если может.

Квинт быстро переговорил с Нозлем, ошеломленным и неспособным подняться с места.

— Не показывайся, — велел он. — Приготовься уйти в город, где тебе следует найти безопасное укрытие. И держись подальше от пирата, если можешь. — И монах устремился прочь.

Нозль медленно поднялся на ноги, готовый следовать за учителем. Однако он чувствовал, что для него и на самую малость не прояснилось, в каком направлении ему, в конечном счете, нужно двигаться.

9

Нозль направился в свою спальню, поднявшись по черной лестнице. Он рассчитывал подхватить вещички, а затем вернуться к церкви, откуда он сможет выйти через один из приделов. Он уже знал имена городских жителей, которые согласятся спрятать его, если только ему удастся попасть за реку. Квинт явится в его убежище, когда это станет безопасно. Но мало надежды на возвращение в аббатство, если сюда идут черные монахи.

Он закончил собираться, когда дверь его спальни распахнулась. Ноэль обернулся, ожидая увидеть Лейлу, но то оказалась лишь девочка, которая прислуживала цыганке. Ее темные глаза были безумны от страха.

— Моя хозяйка послала меня к тебе, мастер Кордери,— сказала она.— Она просит, чтобы ты меня спрятал и позаботился о моей безопасности на время боя.

С Ноэля уже хватило страстных просьб о помощи. Сейчас перед ним стоял совсем еще ребенок. Лейла не рассказывала, откуда у нее взялась эта служанка, но юный Кордери догадывался, что малявка была рабыней в арабских землях, как и сама Лейла. Повинуясь внезапному порыву, он сказал:

— Тогда идем со мной, ибо здесь нет безопасности.

Дитя доверчиво кивнуло, и Ноэль повел его прочь. Однако снаружи они встретили Лангуасса, который тоже явился искать Ноэля. Пират был поражен, увидев девочку рядом с Ноэлем, и не сразу заговорил, а сперва улыбнулся. Они явно показались ему забавной парой.

Ноэль первым воспользовался возможностью заговорить.

— Вы должны спрятаться, Лангуасс,— с беспокойством произнес он.— Монахи защитят вас, если вы предоставите им такую возможность.

— Нет, мастер Кордери,— ответил пират.— Думаю, для меня пришла пора отплатить добрым монахам за то гостеприимство, которое они мне оказали. Там всего-навсего капитан и шестеро солдат. Доминиканцы явились сюда случайно — в этом я не сомневаюсь. У меня вдвое больше людей и преимущество внезапности; более того, мне нужны их ружья и порох. Куда вы замыслили отправиться? Скажите, молю вас! Я-то думал, что вы предпочтете охранять красавицу-вампа, а не эту милую крошку, или *ты* и сам — как дитя, непостоянное в привязанностях?

— Идемте со мной, Лангуасс,— настойчиво позвал его Ноэль.— Я проведу ваших людей полями без шума и помех. Завтра мы встретимся с Хейлином, а до назначенного часа можно скрываться. Бой только навлечет беду на всех нас.

Но Лангуасс покачал головой.

— Негде в них спрятаться, в этих полях,— сказал он.— Да и воняет там. Конные уже слишком близко и увидят нас,

если мы попытаемся драпануть. Вы-то можете и ускользнуть в суматохе, которую мы учиним, так что если вам охота уходить скатертью дорога. Но лучше бы вам присоединиться ко мне, если хватает духу остаться, чем прятаться в этом жутком валлийском краю. И тогда вы обретете свободу в чужих землях или в Божьих открытых морях, куда бояться захаживать вампиры. Оставайтесь здесь, засядьте где-нибудь в погребе, и кто-нибудь непременно продаст вас. За тридцать гиней, а то и дешевле. Народу в Уэллсе больше чем достаточно, так что они дешево продают своих матерей, за полцены.

— Вы навлечете беду на всех,— повторил Ноэль, когда Лангуасс обернулся, чтобы уйти. И в то же мгновение юноша понял, что пират навлек на него беду в тот самый миг, когда пересек порог, и что не так-то легко окажется стереть самые следы его присутствия. Новые убийства дополняют список его преступлений, и мало хорошего вышло бы теперь, даже если бы Лангуасс согласился воздержаться от боя.

«Я должен идти к Квинту,— подумал Ноэль, меняя уже принятое решение.— Пусть он отправится со мной, и мы уберем из библиотеки запрещенные книги. Доминиканцы приведут новые силы, если их люди будут убиты, и монахам тоже придется самим искать убежища».

Он направился к черной лестнице, малышка поспешила за ним. Когда лестница кончилась, Ноэль приказал девочке ждать у двери. Она не могла войти во внутренний двор.

Там он быстро нашел брата Мартина, но прежде чем успел открыть рот и заговорить, монах горячо взмолился, чтобы Ноэль пошел и забрал из внешнего двора мальчиков-прислужников, а затем привел их в церковь, где собираются все.

Ноэль догадался, что монахи ясно представляют себе намерения Лангуасса и не нуждаются в советах юнца. Он подумал, что, разумеется, отыщет Квинта в церкви, когда там соберется все население аббатства.

В пивоварне он нашел обоих мальчишек, спрятавшихся за бочками у самой двери и замороженно наблюдавших за двором. Ноэлю понадобилось тронуть их за плечи, прежде чем они вообще заметили его присутствие. Они не проявили ни малейшей готовности следовать за ним. Прежде чем он начал спор, он услышал цокот копыт на дороге и увидел, как один

из черных братьев въезжает в открытые ворота. Очевидно, тот опередил остальных. Возможно, этот передовой хотел дать аббату указания, что и как приготовить для посетителей.

У Нозля упало сердце: слишком поздно осуществлять любой замысел. Он стоял, точно пригвожденный к месту, выглядывая во двор, где вот-вот должна была разыгаться драма.

Всадник огляделся и, казалось, его раздосадовало, что вокруг никого нет. Нозль спрятался за дверь. Множество других, наверное, сейчас так же прячутся, поджидая, когда остальные из вновь приехавших угодят в западню.

Доминиканец громко вскричал: «Эй!» — и развернул коня на булыжниках. Было ясно, что отсутствие ответа встревожит его не меньше, чем вид чего-нибудь необычного. И Нозль решил, что необходимо отвлечь этого человека, иначе западня не захлопнется должным образом.

К своему удивлению, он увидел, что от ворот во внутренний двор спешит человек в монашеском одеянии. В первый миг Нозль подумал, что это брат Стивен, но тут же понял, что это один из пиратов, природная лысина которого помогла создать видимость монашеской tonsury. Обман достаточно удался, чтобы самозванец взял поводья. Хмуриющийся доминиканец, недовольный, но не чуящий беды, начал спешиваться. Пират приблизился к нему, а затем вдруг отпустил коня и схватил монаха за горло, словно собираясь удушить, и поволок прочь.

Доминиканец не был слабаком и быстро вцепился в поводья, пытаясь одновременно оторвать руку от своего горла. Пират тем временем шарил под рясой, ища оружие, которое не так-то легко было высвободить из-под складок одеяния. Пока эти двое, словно пьяные, спотыкаясь, тащились по двору, в ворота въехал второй монах. Он немедленно придержал коня, видя, что происходит, и поспешил поднять тревогу.

В этот миг пираты высыпали из укрытий. Те, что с пистолетами, рванулись к воротам, чтобы открыть огонь по вооруженным всадникам. Но засада сорвалась, и лишь капитан въехал в открытые ворота. Он упал, сраженный выстрелом, а те, что оставались на дороге снаружи, попрыгали с коней и, укрывшись позади своих животных, стали спешно заряжать ружья. Большая часть выстрелов противника поразила лошадей. Скакуны вставали на дыбы и ржали в тревоге,

не позволяя нападающим добраться до тех, кого они стремились убить.

Ноэль не очень-то хорошо видел, что происходит за воротами. Лязг стали подсказал ему, что стороны быстро сблизились настолько, что огнестрельное оружие стало бесполезно. Теперь в ход пошли сабли и ножи. Юноша слышал только один мушкетный выстрел. Он увидел, как во дворе Селим схватил за ногу одного из братьев и стаскивает его с седла. Турок много превосходил силами доминиканца, который, не имея возможности сопротивляться, тяжело упал и раскроил себе череп.

Затем турок устремился на помощь пирату, переодетому монахом. Тот наконец высвободил кинжал и попытался заколоть монаха, которого удерживал. Но смиренный брат выпустил поводья и стал уворачиваться от ударов, волоча за собой противника то туда, то сюда, как в детской потасовке. С помощью турка пират в конце концов повалил доминиканца наземь и смертельно ранил. Затем победители поспешили за ворота, где шла свалка.

Оба мальчишки, больше возбужденные, чем напуганные, устремились вперед, чтобы поглядеть, что происходит. И Ноэль, после минутного колебания, поторопился за ними. Когда он добрался до сторожки, то увидел, как Лангуасс обменивается ударами с солдатом в шлеме, в то время как второй солдат обороняется от четверых длинным мечом. Двое солдат, а также трое пиратов лежали мертвыми. Упали наземь и два раненых коня. Но еще два солдата уже скакали прочь, и пираты на захваченных лошадях мчались в погоню.

Ноэль с уверенностью решил, что беглецы доскачут до моста прежде, чем их настигнут. Но это в любом случае было неважно. Поскольку все происходило на вершине холма, схватку могли издали увидеть другие путники на дороге, и юноша знал, что крик тревоги уже передают по цепочке до самого Кардиганского замка.

Ноэль схватил одного из глазающих мальчишек и встряхнул его, велел поторопиться в церковь и передать монахам, чтобы что есть духу били в колокола, устроив набат. Раз уж больше нет надежды устраниваться, монахи должны вступить в ряды противников своих незваных гостей. Это, в свою очередь, означало, что сам Ноэль должен удирать, и Квинт

тоже. Теперь им не стоит идти в город, нужно как можно быстрее двигаться на север.

Тем временем Лангуасс одолел противника и скверно ранил его. Четверке, которая столкнулась со вторым солдатом, удалось одолеть его оборону, хотя одного из них он опасно ранил. Кавалеристы были лишь в очень легкой броне и не казались закаленными в боях. Соотношение сил у ворот сложилось слишком уж не в их пользу, и Нозль понял, что если бы Лангуасс чуть лучше рассчитал время, засада оказалась бы успешной. А при том, как все вышло, пират не достиг цели.

Лангуасс, которого, кажется, упоение победой в поединке заставило на миг забыть, что замысел сорвался, крикнул своим людям, чтобы те собирали брошенное оружие и все прочее, что может пригодиться. Не потратив ни мгновения на своих потрясенных парней, пиратский главарь подошел к капитану, застреленному в шею, и стал обирать окровавленный труп. Нозль наблюдал за ним с расстояния пяти ярдов, не в силах оторваться.

Когда колокола ударили в набат, Лангуасс с тревогой поднял взгляд, но тут же улыбнулся и встретился глазами с Нозлем.

— Вот он, мед для вампиров, мастер Кордери! — крикнул пират, показывая юноше окровавленную руку. — Для нас, увь, это лишь пища духовная.

Он помедлил, чтобы взглянуть запятнанную кровью бумагу которую вытащил из кармана убитого. Несколько секунд он таращился на нее, а затем разразился смехом. Опять взглянул на Нозля и швырнул ему бумажку. Ветер подхватил ее и положил к ногам юноши.

— Они вовсе не за мной явились! — крикнул пират. — Говорил же я вам, что свет полон людишек, которые бы продали свою душу за тридцать гиней. Это ордер на ваш арест, мастер Кордери, на *ваш*! Полагаю, я спас вам жизнь, хотя она едва не стоила мне моей. Несправедливая цена за лоха, который втрескался в вампириху. Но она уплачена, и тревога поднята. Так что нам пора смываться, хотя местность скорее благоприятствует охотникам, чем дичи.

Нозль подобрал бумажку и увидел, что Лангуасс прав. Капитан явился его арестовать, выехав для этого из Монмута. А доминиканцев он, должно быть, подобрал в Бреконе,

где доложил о деле, бросающем тень на кардиганских монахов. Ноэль понял, что кто-то в Англии явно собирал о нем сведения. Его обдало пронизывающим холодом при мысли о том, в безопасности ли матушка, а также Кенельм Дигби и другие, кто вывез его из Лондона. Не было способа прямо сейчас определить, каков истинный размер бедствия. Лангуасс снова что-то кричал своим людям. Когда пират опять обернулся, он сразу же увидел, какой взгляд у Ноэля.

— Позаботьтесь о себе, мастер Кордери! — громко воскликнул он. — Вы не пожелали драться за меня, и теперь я не возьму вас под защиту. Забирайте вашего учителя в рясе и соплячку, если она вам небезразлична, и добирайтесь своим ходом на посудину Хейлина. Если Миролюбейт вас не сцапает, можете попытаться уговорить меня, чтобы взял вас на борт и спас вашу шкуру. А я еще посмотрю, много ли милосердия припасено у меня в печенке.

Сказав это, пират выбежал за ворота. Селим, который его ждал, схватил поводья коня, на котором слишком поспешил въехать в аббатство первый доминиканец, и подался следом.

Тогда Ноэль повернулся и, пусть с запозданием, отправился искать Квинта. Возможно, Квинт знает, что делать.

10

Квинта не было в церкви, хотя здесь собралось большинство монахов, ревностно ища утешения в молитве. Не нашелся ученый монах и в библиотеке, хотя потайная дверь в подвал оказалась открыта, и аббат возился внизу, собирая книги в суму. Ноэль спустился туда. Теперь ему казалось, что, увы, он проводил здесь слишком мало времени и слишком дурно им пользовался.

— Не взять ли мне эти книги? — спросил он аббата и вздрогнул, когда кроткий старец поглядел на него, красный от гнева.

— В какое безопасное место вы их унесете, мастер Кордери? — жестко спросил он. — Эти книги — великая ценность и отправятся с братом Джоном в Страту Флориду, где о них позаботятся цистерцианцы. Я решительно запрещаю

вам в этом участвовать. Простите, но я могу думать только о безопасности Истинной Церкви. Вам надлежит как можно скорее идти своей дорогой. И молю вас, если вас поймают, не говорите, что вы вообще здесь были.

— А Квинт? — спросил Нозль. — Куда пойдет Квинт?

— Он не будет в безопасности, когда явятся доминиканцы, — ответил аббат. — Можно ли ему податься в другую обитель, сказать не могу, но я бы не дерзнул ему этого советовать. Я давал ему кров, пока мог, но теперь все переменялось, и лучше всего ему отправиться в Ирландию, а то и дальше.

Никогда еще Нозль не видел аббата таким. Он привык считать Квинта главным здешним авторитетом. Теперь он видел, что Квинт лишь находился на передовой во взаимоотношениях аббатства с развращенным внешним миром. А все, что внутри обители, где неуклонно соблюдались бедность, благочестие и мир, состояло исключительно во власти аббата, и тот решился сделать все, что в его силах, дабы сохранить свои владения от разорения их черными братьями.

— Вы знаете, где Квинт? — спросил Нозль.

— Загляните в большую спальню, — ответил аббат. — А затем на кухню. Он сейчас должен готовиться к путешествию, что и вам не помешало бы. У вас в распоряжении меньше часа до того как сюда явятся из замка. Вам следует отправиться к Хейлину, если это возможно, и предупредить его, что он вполне может попасться в эту паутину злополучия.

Нозль пошел в спальню, а оттуда на кухню, но нигде не оказалось никого, кто видел Квинта.

Девочка, которую прислала Лейла, все еще ждала его у приюта, где он бросил свой тюк. Она с надеждой взянула на него, когда он пришел обратно. Лейлы Нозль не увидел нигде, но он не мог тратить время на догадки, где она. Ему нужен был Квинт. Он вспомнил одно место, куда еще не заглядывал, и быстро побежал к кельям для кающихся, где сидели в заточении леди Кристелль и Мэри Уайт.

И там наконец отыскал своего друга. Квинт находился в келье Мэри Уайт и стоял над ее телом. С ним были Мартин и Стивен, и все трое бормотали молитвы. Горло бедной девушки было перерезано от уха до уха, и темная кровь лилась на одежду. И никаких следов ее убийцы.

Нозль вспомнил, как сказал недавно, что было бы безопасней, если бы Лангуасс ее все же убил. И обратил угрызения совести в гнев на пирата, мысленно вскричав: «Убийца!», хотя не издал ни звука, чтобы не нарушить скромное отпевание. Затем направился в соседнюю келью, дверь которой стояла нараспашку. Заглянул. Но дама-вампир исчезла, ее унесли в то время, как она была погружена в бездонный сон.

Нозль подошел к Квинту и коснулся его руки, но Квинт не удостоил его взгляда, пока не завершил молитву. И даже тогда он сперва повернулся к Стивену и сказал:

— Вам нужно похоронить ее и послать письмо в Лондон, чтобы обо всем узнали ее родные.

— Мы не можем здесь задерживаться,— проговорил Нозль.— Аббат умоляет нас уходить.— Он говорил еле слышно, не в силах отвести взгляда от истекающего кровью тела Мэри, с дурнотой отчаяния в сердце.

«Зачем? — безмолвно спросил он себя.— Какой вред могла она принести им теперь?»

Нозль и Квинт вышли вдвоем, и пока они восходили по каменным ступеням во двор, Нозль рассказал учителю, что их ждет ребенок, порученный его заботам марокканкой. Квинта не порадовала такая новость, но он не предложил пренебречь этой обузой, и Нозль привел его туда, где терпеливо ждала девочка.

К своему изумлению, он нашел там и Лейлу, угрюмую и настороженную. Прежде, чем он успел задать вопрос, она сказала:

— Мне велено идти с тобой. Он не задержался, чтобы объяснить мне, почему.

Нозль не понял: то ли Лангуассу надоела цыганочка и он решил ее бросить, то ли он был озабочен ее безопасностью и от чистого сердца подумал, что ей куда лучше будет в обществе студента и монаха. Они поскорее собрали все, чем располагали, и вчетвером покинули аббатство.

Лангуасс и его парни уже удрали; верхом уехало столько, сколько нашлось лошадей; прочим только и оставалось, что догонять верховых пешком, кто как может. Все они выбрали восточную дорогу, ту, по которой приехали черные монахи и их эскорт. Нозль догадался, что пираты попытаются оставить

ложный след, прежде чем повернут на север и направятся к своей истинной цели: тихому пляжу, где их согласился подобрать Ральф Хейлин, чтобы доставить в Ирландию.

Квинт, нагруженный тюком много тяжелее того, что у Нозля, повел своих спутников напрямик на север по тропе, бсжавшей полями. Он уверенно шагал вперед между живыми изгородями, за которыми стояли созревающие хлеба.

Когда они отошли от аббатства больше чем на три мили, то остановились на отдых в небольшой роще. Квинт переоделся, натянув вместо рясы платье здешнего йомена и скрыв тонзуру под шапкой. Нозля поразила резкая перемена в наставнике; в сознании юноши природа монаха настолько связывалась с его одеянием, что Квинт в светском платье показался ему чужаком. Суровое лицо, которое выглядело под клобуком почти ликом святого, теперь казалось решительным, как у зрителя работ. И Нозль, потрясенный, увидел близ себя человека, который смахивал на разбойника не меньше, чем кипучий Лангуасс.

Загадочное новое создание достало хлеб из тюка и разломило, распределив между четверыми.

— Куда мы пойдём? — спросила Лейла, набрасываясь на еду. Из всех четверых она одна пребывала в самом непринужденном состоянии, и Нозль усмотрел на ее темном лице невинную радость по поводу приключения. Все путешествия сулили ей надежду, ибо она так долго жила в рабстве, что каждый день, который приносил ей какие-то перемены, подтверждал, что она свободна.

— Мы должны идти к Хейлину, — сказал ей Нозль. — И плыть с рыбаками в Ирландию. Люди Миролюбейта, охотясь за нами, обшарят каждый угол, и нет безопасности на востоке или на юге. Нам не нужно оставаться с Лангуассом, как только мы уплывем отсюда. Истинная Церковь сильна в Ирландии, а Империя слаба. Рыбаки-иностранцы, которые стоят в Балтиморе — это почти отдельный народ.

Его слова ее успокоили. Она сказала:

— Тогда Лангуасс сможет взять меня обратно, хотя теперь у него будет любовь с дамой-вампиром.

Нозль поглядел на нее в упор. Нет, не было и сомнений, она верила этому.

— Думаю, вы на его счет заблуждаетесь,— сказал он.

— Нет,— ответила она.— Он бил ее как любовницу и заклеил, и она проклянет меня, потому что его проклясть не может. Я не буду счастлива, если останусь с ним. Вот почему он послал меня к тебе.— Казалось, она не особенно страдает при мысли, что от нее избавились.

— В ее проклятии нет силы,— устало пробормотал Ноэль.— Или мы все уже были бы мертвы. Лишенная надолго крови, которая ей отчаянно требовалась, она впала в спячку. И не думаю, что Лангуасс намерен разбудить ее. Он захватил ее не для того, чтобы сделать своей подружкой, а для того, чтобы уничтожить.

И, произнося это, подумал, что не так уж в этом уверен. Лангуасс предостерегал его против искушения красотками-вампирами и явно дал понять, что знает, о чем речь. Что если Лейла права, и грубое обращение пирата с леди-вампиром лишь скрывало плотское влечение?

— Нам нужно найти место, чтобы укрыться до прихода ночи,— сказал Квинт.— Солдаты станут преследовать Лангуасса и, несомненно, найдут его след куда легче, чем наш. Но что бы им ни попало во время охоты, они заберут это в замок. И нельзя, чтобы нас нашли. Мы не можем просить помощи у фермеров. Мы бы залегли ненадолго в амбаре или на чердаке, но все же безопасней нам будет в каких-нибудь зарослях, куда никто не ходит. А затем в сумерках мы направимся в место, куда Хейлин велел прийти Лангуассу, и явимся туда сразу как стемнеет, так что не привлечем внимания к месту встречи.

Они согласились, что так и поступят, и крадучись покинули рошу, со склоненными головами пробрались меж изгородей. Поскольку урожай еще не послел, в полях было мало народу. Путники вышли к берегу извилистого ручья, по обе стороны которого росли редкие леса, и отыскивали ложину, густо поросшую боярышником и куманикой, где подобрали подходящее для себя укрытие под раскидистым деревцом с колючей листвой. Там они сели и стали ждать, пока Квинт не решил, что самая пора спешить к месту встречи на уединенном берегу. В течение дня никто не приближался к ним, хотя Ноэлю это дало слабое утешение.

Несомненно, молодцы Миролубейта спешили по дороге по пятам за пиратами, и он не мог подавить в себе мечты о том, чтобы они поймали Лангуасса, так чтобы никто не встречал посудину Хейлина, кроме них четверых. Тогда и только тогда их переправа в Ирландию может пройти мирно.

То, что сделают норманны с пиратом, если только возьмут его живым, будет насколько ужасно, насколько они способны придумать. Его отошлют в Лондон, где, как предположил Ноэль, Ричард устроит отменное представление из его казни. Это конечно же пополнит легенду и утвердит Лангуасса в роли героя и мученика. Сочинители большинства разухабистых балладок не пожалеют красок, живописуя его последнее приключение, и непристойные домыслы с лихвой превзойдут истинно произошедшее в аббатстве. Звездная Палата станет пристально наблюдать за печатными станками в Лондоне, но как-то и где-то эта байка будет отгиснута, и затем разойдется по стране армией летучих листков, которой ничто не указ. Мертвый Лангуасс может оказаться куда лучше Лангуасса живого. Печатная легенда, — назначение которой, вдохновлять народ на мятеж, не может включать такое пошлое и недостойное деяние, как перерезание горла невинной девушки.

Ноэль никак не мог решить, чего он хочет: чтобы Кристелль погибла или чтобы она спаслась. Когда бы ее имя ни звучало в его мыслях, что бы ни приходило ему на ум, все остальное вытеснял образ ее красоты и чистой кожи. И хотел он того или нет, но мысль об этой красоте препятствовала его усилиям считать ее пособницей зла. Покажись она болес черствой или гордой, это облегчило бы задачу ненавидеть ее, но в том, что она говорила или делала, не оказалось ничего, что послужило бы поводом для отвращения. Даже то, как она просила крови, было больше искушением, чем угрозой. Возможно, он легче справился бы с этим, будь он монахом и прими обет целомудрия, ибо тогда само искушение расценивалось бы как первостепенное зло, достаточная причина для гневного отклика. Напротив, по примеру своего родного отца он знал, как легко способны завлечь мужчину женщины-вампиры.

Они не много беседовали меж собой, пока ждали. Возбуждение Лейлы унялось, а ее служанка, похоже, и вовсе

предпочитала молчание. Квинт, кажется, задумался, и когда Ноэль задавал ему вопросы, отвечал коротко и неохотно. Они еще раз легко перекусили, пока солнце снижалось на западе, озарив облака снизу и превратив полнеба в безмерный алый с золотом плащ. И не раньше, чем оно скрылось, Квинт сказал, что пора выбираться из укрытия и спешить к берегу.

Расчеты монаха опрокинула медлительность малышки. Вскоре стало ясно, что им не добраться до моря прежде, чем стемнеет, но они старались, как могли.

Они не зажгли фонарь, когда сумрак окончательно сгустился, но в небе висела яркая, в три четверти, луна, то и дело скрывавшаяся за торопливыми облаками, и несколько ярких звезд худо-бедно помогали ей. Тьма еще сильнее замедлила продвижение, но Квинт уверенно вел их вперед. Чем темнее делалось, тем больше Ноэль оставался наедине со своими мыслями.

«А что, если Лангуасс не погиб? — спрашивал он себя.— Захватит ли он новый боевой корабль и примется за новые пиратские подвиги? Какие легенды придется сложить, если он пожелает плыть к таинственной южной Африке или пересечь великий океан в поисках руин Атлантиды, к чему его уже подстрекают слухи?»

По-настоящему сейчас было важно то, что станет с Квинтом и с ним самим. Ноэль был рад, что способен думать о них двоих вместе, ибо был еще отнюдь не готов остаться один на целом свете. Теперь, когда Квинт переоделся, представлялось возможным думать о чем-то помимо поисков убежища в другой полной учености дыре. Возможно, их будущее и впредь окажется переплетено с судьбой пирата, и они вместе станут искать приключений. Однажды, пожалуй, появятся лубочные издания с описанием подвигов Ноэля, где его имя сохранится для восхищения новых поколений. Но оставалась бедная Мэри с перерезанным горлом, и этого Ноэль не мог простить Лангуассу.

— Что станет с монахами, которых мы покинули? — спросил Ноэль Квинта, пополняя свой список различных «может быть» и вовлекая в игру учителя.

— Представят себя несчастными жертвами нападения,— ответил Квинт, стараясь говорить спокойно, хотя с трудом

дышал. — Кстати, это чистая правда. Надеюсь, доминиканцы не выявят у них ереси и оставят в покое. Аббат не лишен друзей — как в Церкви, так и вне ее. Досаждать аббатству может оказаться политически недальновидным. И, если Богу угодно, монахам позволят продолжать жить, как жили. Исчезнет малейший след нашего с тобой пребывания, а пятно, которое оставил на монастыре своими убийствами Лангуасс, смоят молитвы и покаяние. Истинная Вера есть утес в бурном море, его не сокрушат даже самые свирепые шторма.

— Надеюсь, вы правы, — произнес Ноэль. — Искренне надеюсь.

К тому времени, когда они достигли назначенного места, куда подошли весьма кружным путем, Ноэль потерял счет часам и минутам, и прибытие застигло его врасплох, пусть ненадолго. Они не нашли признаков чьего-либо присутствия ни на берегу, ни близ него. Но Квинт уверил всех, что время встречи еще не настало и что они должны терпеливо ждать самое меньшее час. Тогда и будет видно, кто явился, а кто нет.

Они расположились на отдых, слишком изнуренные, чтобы есть, хотя выпили немного из бурдюка с водой, который нес Квинт. А затем раскинулись на гальке. Ноэль глядел на звездный небосвод, полускрытый рассеянными облаками. Куда легче ощущать присутствие Бога, когда земля утонула во тьме. Небо за облаками казалось почти пустым. Немногочисленные звездочки выглядели одинокими и потерянными. Ноэль знал, что еще недавно большинство людей считало царство неподвижных звезд близким и невеликим. Какой благоговейный страх вызывала привычная мысль об истинном положении дел, а именно — что тьма неимоверно обширна, и эти крохотные светила затеряны в космической пустыне.

«Если мы такие невелички, — спросил он небо, лишь отчасти в шутку, — то что значит, живем мы шестьдесят лет, шесть сотен или шесть тысяч? Не будет ли вселенная все та же, нетронутая и непо потревоженная нашими ничтожными усилиями и страданиями? И если, в конце концов, есть Бог, который скрывает Свой лик за этой жуткой пустотой — как может Он печься о наших ничтожных бедах?»

Небо, конечно, не ответило ему, но, глядя вверх, Ноэль вдруг ощутил странное смещение восприятия, как будто смотрел через некий мощный оптический инструмент, делавший вселенную не такой уж безмерной и разъединяющей все и вся. Как будто его зрение и сознание не были заточены в тесной телесной темнице, как ему думалось прежде, но свободно бороздили необозримую бездну, где звезды сияли потерянно и одиноко.

«Но я, в конце концов, здесь,— сказал он себе.— И „здесь“ — не просто пространство в моей голове, но все, что воспринимают мои чувства, и все, что может объять мое понимание. Что ж, я настолько мал, насколько мне угодно, или велик, и следует только правильно взглянуть на себя, чтобы я возрос настолько, насколько желаю. Я смотрел в микроскоп и видел миры внутри мира, а теперь я смотрю в лицо бесконечности. Если есть Бог, Он может смотреть мне в лицо своими микроскопами-очами и читать самые сокровенные мои мысли».

И понял с потрясением совершившего открытие, что неправда то, что сказала ему леди-вампир,— будто только ее род живет в тени вечности. В этой тени обитают все, каждый род и вид по-своему. Те, кто может не умирать и те, кто скоро умрет. Ноэль постиг, что даже простолюдин не может взять и сказать: «Здесь — сегодня и завтра, а затем — ничего»; как бы скуден ни оказался его жребий, а все же и он не может не быть гражданином необъятного государства Всех Времен. У каждого простолюдина имеются предки, а у большинства — и дети, и что бы простолюдин ни делал в мире,— то наследие их терпения, и последствия протягиваются через все поколения рода людского, пока существует мир.

Было нечто ужаснувшее Ноэля в мысли, что то, чем он занят в этот самый миг, имеет предпосылки во всей истории человечества, и должно оказать воздействие, пусть сколь угодно неуловимое, на все грядущие времена... но то был радостный ужас, в который он погрузился с охотой. Ему пришлось проглотить странный комок, который возник в горле, и в этот миг он внезапно испугался, что может утратить этот миг прозрения и полностью забыть, чему сейчас научился. И тут же понял, что этот испуг нелеп.

«Мы не просто живем в тени вечности,— сказал он себе.— Но мы — те, кто отливает ее, равно люди и вампиры. В биении любого крохотного сердца звучит эхо вечности».

11

Корабль подошел бесшумно и встал на якорь без света слишком далеко от берега, чтобы его легко было заметить. Первое, что сообщило им, что они не одни, был всплеск воды под веслами лодчонки, пробирающейся по отмелям. В ней сидел только один гребец, и она могла забрать не более чем шестерых. Рыбак тихо свистнул, и когда Квинт с Ноэлем побежали к лодочке, он озабоченно окликнул их.

— Кто здесь?

— Брат Квинт из аббатства и школяр-мирянин,— ответил монах, меж тем, как они карабкались по гладким камням, стараясь не поскользнуться на траве.

Рыбак, казалось, испытал облегчение, услышав новости, но когда Квинт и Ноэль зашлепали по песчаной отмели, гребец услышал, что приближаются другие, и спросил:

— Сколько с вами еще?

— Двое,— ответил Квинт,— женщина и ребенок.

Рыбак вышел из лодочки и помог подтащить ее к самой суше.

— Это все? — спросил он. Судя по его тону, он надеялся на положительный ответ. И тут Ноэль услышал шлепанье ног по влажному песку и понял, что тут есть и другие, хотя до сих пор они хранили молчание. В темноте он не видел, кто это, и подумал на миг, что еще, чего доброго, явились люди Миролубейта, чтобы схватить его. Тут Ноэля стиснули крепкие руки. Он яростно извивался, но высвободиться не мог. В лунном свете двигалось множество теней, и Ноэль не мог сосчитать их. Только когда один из них заговорил и юноша узнал голос Лангуасса, он понял, что происходит.

— К вашей голове приставлен пистолет, господин рыбак,— прошипел пират.— Но он вам не опасен, пока вы молчите. Брат Квинт, мастер Кордери, забирайтесь-ка в лодку и прикройте наши мушкеты вашими спинами, когда они

направят на вас фонарь. Если желаете избежать кровопролития, вам надлежит убедить мастера Хейлина, что все в порядке, прежде чем мы взойдем на борт.

— Вы собираетесь захватить корабль? — воскликнул Ноэль. У него хватило ума не повышать голоса.

— Разумеется, дурачок. А как тебе показалось, что было у меня на уме, когда я спросил, каков экипаж и чем вооружен, рискуя при этом вызвать подозрения?

Это казалось теперь таким очевидным! Ноэль почувствовал, что он и впрямь дурачок.

— Нам следует подчиниться, — сказал ему Квинт смиренно. Ясное дело, Квинт все обдумал куда тщательней, чем Ноэль, и был не слишком потрясен новым поворотом событий.

— Хейлин вас знает? — спросил пират монаха.

— Он видел меня в аббатстве, — ответил Квинт.

— Хорошо. Но вы должны переодеться. Платье, в которое вы облачились, не подходит для нашей нынешней цели. Быстрее, умоляю вас.

Квинт подчинился, пираты с нетерпением ждали. Ноэль влез в лодку и двинулся к носу. Лодочка между тем поворачивалась на отмели. Лангуасс дал одно весло Квинту, а другое турку, между тем сам он и еще двое сели на корточки, пряча оружие. Они безмолвно направили лодку в море, и Ноэль напряг взгляд, ища во тьме призрак рыбацкой посуды. Сердце его опять заколотилось, хотя он считал себя вполне спокойным, пока они ждали на берегу. Путешествие казалось очень долгим, хотя на самом деле оно не могло занять много времени.

Когда наконец Ноэль заметил ждущий их корабль, то приказал гребцам подойти с левого борта, а затем крикнул, как и велел Лангуасс, чтобы зажгли свет.

Матросы на корабле поднесли зажженный фонарь к левому борту, и Ноэль увидел, что там стоят четверо с мушкетами наготове.

— Кто здесь? — крикнул мастер Хейлин, еще не способный разглядеть людей в лодке.

— Брат Квинт из аббатства, — ответил монах. — И мастер Кордери.

Хейлин опустил фонарь, и тот осветил голову и плечи монаха. Корабельщик удовлетворенно крикнул, но его страхи не вполне улеглись.

— Почему в аббатстве нынче днем звонили колокола? — с беспокойством спросил он.

— Явились доминиканцы с кавалеристами, — сообщил ему Квинт. — Они прибыли, дабы искоренить у нас ересь. И преуспели. Ибо вот мы, сами видите. Опустите мушкеты, Ральф, и помогите нам взойти на борт.

Ответ, казалось, удовлетворил Хейлина, и он сбросил веревочную лестницу, но велел мушкетерам оставаться наготове. Нозль первым взобрался на корабль, Квинт последовал за ним. Затем полез Лангуасс. Когда пиратский главарь коснулся ногой палубы, те двое, что были с ним в лодке на корме, подняли мушкеты и прицелились. Турок уже выпрыгнул из лодки. Он пренебрег лестницей и чрезвычайно быстро вскарабкался по борту, и как только его ноги ступили на доски палубы, выхватил пистолет из-за пояса и нож из зубов. Лангуасс тоже поднял пистолет и нацелил его в голову Ральфа Хейлина. Рыбаки с мушкетами колебались, охваченные смятением. Лангуасс предложил их капитану бросить оружие.

Хейлин с горечью поглядел на Квинта и назвал его изменником.

— Увы, мастер Хейлин, — вздохнул Квинт. — Так все же лучше. Если бы вы перевезли нас в Ирландию, а затем вернулись, то оказались бы в смертельной опасности. Куда лучше стать жертвой пирата Лангуасса и быть ограбленным, чем добровольно оказать ему помощь и увезти его от врагов. Потом вы подробно расскажете, что и как потеряли. Можете проклинать нас сколь угодно громко. Когда все закончится, приходите к нашему аббату и напомните ему, чем он вам обязан, если он еще будет способен платить. Не могу сказать, что эта история обойдется для вас без потерь, но знаю одно: по крайней мере, вы не лишитесь жизни.

Казалось, Хейлин с трудом сдерживается, чтобы не сыпать проклятиями, но как только ему был представлен Лангуасс, капитан и его матросы предпочли не затевать драки. Рыбаки были обезоружены, затем турок и еще один пират переправили половину команды на берег и вернулись с

Лейлой, ее служанкой и еще кое-кем из пиратов, прежде чем высадить остальных рыбаков. В самом конце они отвезли на берег Хейлина и оставили там подсчитывать убытки, негодующего на злую судьбу, которая уловила его в сеть.

Когда пираты выбрали якорь и отплыли, Селим отвел Квинта и Ноэля в каюту помощника капитана и присматривал за ними, пока Лангуасс как следует не освоился с новым приобретением. Ноэль сидел на койке, а Квинт на полу в крохотной каюте, где устрашающе воняло рыбой. Турок терпеливо стоял в дверях, скрестив руки на груди. Раскачивающаяся лампа со свечой, освещавшая каюту, бросала мрачные тени, колебавшиеся, когда корабль покачивался на волнах, галсами продвигаясь на запад. Жуткое изуродованное лицо турка делалось еще страшнее в переменчивом свете и напоминало череп, покрытый копошащимися червями, где только и есть живого, что сверкающие глаза.

«Суший демон,— подумал Ноэль.— Такой вполне мог бы присматривать за котлом в любой преисподней. Но где же красоточка, шлюха дьявола?» Он не видел и признака присутствия леди Кристелль, хотя не был вполне уверен, что она не поднялась на борт вместе с последними привезенными с берега.

Наконец Лангуасс пришел проведать их и принес тюки. Он бросил в каюту те, что принадлежали Ноэлю и Квинту, а еще два разместил снаружи.

— Итак, мои друзья,— начал он.— Что мне с вами делать? Я почти что решил скормить вам рыбам, хотя прелестная цыганочка горячо молила оставить вас в живых. Теперь вы, конечно, пираты, так как участвовали в захвате корабля мастера Хейлина, и вас вздернут у Четемской пристани, если моряки Ричарда когда-либо доберутся до вас. Впрочем, старина Ричард в состоянии измыслить для вас более увлекательный конец на Тауэрском холме или в Тибурне. Обо мне я и не говорю.

— Мы пришли договориться о проезде в Ирландию,— ровно сказал Квинт.— Вы вполне могли бы расстаться с нами в Балтиморе.

— Я не пристану к берегу нигде, где можно повстречаться с «Файердрейком»,— сказал Лангуасс.— Мастер Хейлин

поступил как ему было указано и обеспечил меня для путешествия. Без его команды у нас достаточно харчей, чтобы хватило до Тенерифе. А там я буду чувствовать себя безопасней, чем в любой земле Галльской Империи, если корабль достаточно крепок, чтобы выдержать плавание. Полагаю, это именно так.

— Вы намереваетесь пиратствовать на следочной посудине? — удивился Квинт. — Боюсь, она не слишком украсит новые баллады.

Лангуасс ухмыльнулся, показав испорченные зубы.

— Я когда-то пиратствовал на дрянной галере, — сказал он. — Когда я начинал, у меня не было ничего, кроме моих крепких рук и дружбы Селима. С храбрыми ребятами и мушкетерами многого можно добиться у берегов Африки. И думаю, я мог бы даже помириться с вампирами Мальты, если решу искать убежища у госпитальеров. Вас обоих я мог бы продать в рабство, но я не настолько жесток, и вы сами это знаете.

— Только отъявленный негодяй мог перерезать горло бедной Мэри, — холодно сказал Ноэль. — Этого я вам никогда не прощу. Я никогда не стану вашим другом.

Лангуасс сухо усмехнулся.

— Это сделал не я, — ответил он. — И я не приказывал сделать это. И вышло так, что человек, совершивший это, лежит мертвый недалеко от ворот, из которых мы недавно бежали. Вы сами там его видели, думаю.

— Не знаю, — сказал Ноэль, хотя Квинт и попытался его унять, — и не верю, что вы этого не приказывали.

Казалось, пирата охватило черное настроение, и он грозно нахмурился.

— Никогда не зовите меня лжецом, мастер Кордери, — предостерег он. — Ибо я не очень легко сношу оскорбления, и у вас будет возможность убедиться в этом. Мне нет дела до этой глупой служанки, и мне не особенно больно от того, что она мертва. Но я этого не делал и не сделал бы, и говорю вам, что ее убийца тоже мертв. Довольно. Или вы желаете, чтобы мы с вами достигли согласия иным путем?

Ноэль почувствовал, как пальцы Квинта крепче впиваются ему в плечо. И хотя он был настроен вызывающе, опустил взгляд и ничего не сказал.

— Вы могли бы зарезать нас на берегу,— спокойно заметил монах,— или оставить с Хейлином. Думаю, вы не намерены вредить нам.

— Вы правы,— отозвался Лангуасс, хотя гнев на его лице угасал медленно.— Я бы не оставил вас на милость инквизиторов и палача. Даже за тридцать гиней, цену, которой стоил мастер Кордери, прежде чем началась эта игра. Если он не пожмет мне руку и не назовет себя моим другом, я это переживу. Но я честно поступил с вами обоими, и у вас нет причин мня ненавидеть.

— Я ни к кому не питаю ненависти,— произнес монах.— Молю Бога о милосердии к вам, как молю Его обо всех, и от всего сердца буду вам благодарен, если доставите нас в безопасное место в Ирландии или где-нибудь еще.

Это, очевидно, удовлетворило пирата, и он удалился. Нозль хотел еще раз заговорить с ним прежде, чем тот ушел, и спросить, что случилось с вампиром, но вовремя понял, что разумнее промолчать. Он получит ответ, если только немного подождет.

Турок последовал за хозяином. Изгнанники подобрали тюки, положили их на койку и сели рядом, оглядывая помещение, которое им выделили.

— Тонкие деревянные переборки,— заметил Квинт.— Узкая полка, чтобы спать. Но мы к роскоши не привыкли, ни я, ни вы. Сгодится.

— Сгодится, чтобы немного протянуть,— хмуро произнес Нозль.

— Для Истинной Церкви нет границ,— сказал Квинт.— В какие бы обстоятельства ни попал добрый человек, его душа на пути к Небесам, и он в состоянии следовать тропе праведности, если изберет ее.

— Дорога кажется не очень-то прямой,— возразил Нозль.

Они страшно устали и решили заснуть. Нозль устроился на койке, а Квинт растянулся прямо на голом дощатом полу. Нозль спал не особенно крепко, но кошмары не пробуждали его. Солнце стояло высоко, когда он почувствовал себя достаточно отдохнувшим. Квинта в каюте не было. Нозль один прошел на палубу, ступая нетвердо. Он проголодался, а рыбная вонь, которая казалась ему куда хуже, чем запах

в полях, который так не понравился Лангуассу, снова стала изводить его.

Теперь все вокруг изменилось, и требовалось время, чтобы привыкнуть к мысли о том, что он теперь пассажир на пиратском корабле. Впрочем, у Ноэля имелся здесь не один, а целых два друга — Квинт и цыганочка. Три пирата, которые оказались на палубе, глазели, как он проходит мимо, но не заговорили с ним.

Ноэль остановился, чтобы погреться в ярких лучах теплого послеполуденного солнца. Когда он прошел на бак, чтобы взглянуть на то великое неизвестное, к которому они направлялись, то почувствовал, что готов принять все, что ни выпадет ему на долю. А пока что он видел перед собой океан, спокойный и синий под ясным сияющим небом.

И только когда Ноэль оглянулся назад, чтобы осмотреть мачту их суденышка, он внезапно почувствовал дурноту под ложечкой. Ибо там, подвешенная за узел черных волос к вогнанному в дерево гвоздю, качалась отсеченная голова леди Кристелль.

И тут ему на ум пришло воспоминание о том, что он сказал цыганке. Она боялась, что Лангуасс собирается сделать эту леди своей любовницей. «Думаю, вы на его счет заблуждаетесь», — вот что сказал ей Ноэль. Теперь ясно, что он был прав. Пират неплохо дал понять свои намерения, и даже неграмотные легко разбирали этот выразительный знак полного безразличия капитана к коварному искушению вампирской красотой.

В грядущие дни Ноэлю Кордери предстояло бросить множество быстрых косых взглядов в эти темные, пустые, обвиняющие глаза. Порой он воображал, что видит голову Медузы. Не превращает ли мало-помалу ее взгляд его душу в твердый камень? У него еще хватило времени заметить, что хотя цепкая жизнь с судорогами покинула плоть вампира, голова поразительно долго противилась неумолимому и безжалостному разложению.

Часть третья

ДЫХАНИЕ ЖИЗНИ

«И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лицо его дыхание жизни, и стал человек душою живою. И насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке; и поместил там человека, которого создал. И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи; и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла.

(Бытие 2:7-9)

Вот расшифрованный текст письма, полученного сэром Кенельмом Дигби в Гэйхерсте летом 1643 года.

*Буруту,
август 1642*

Мой самый верный друг,

Ваше письмо, повествующее о смерти матушки, принесло самые печальные вести, какие может получить человек, и, прочитав его, я испытывал горе несколько дней. Хотя вот уже почти восемнадцать лет как мы с ней не виделись, я часто о ней думаю и всегда ценил те ее слова, которые вам удавалось переслать мне через полсвета в место моего изгнания. Ваше описание ее последних дней, ее мыслей обо мне чрезвычайно дороги мне. Они вызвало в памяти все, что я потерял, покинув родину.

Увы, подобные новости отбрасывают тень на все происходящее, ибо в остальных отношениях ваше письмо должно меня радовать. Тысяча благодарностей за подарки, которые вы мне прислали, все они бесценны. Столь многое, что мы считали само собой разумеющимся в Европе, очень трудно получить здесь. И хотя торговая фактория, которую мы создали, теперь принимает по пять-шесть кораблей в месяц, всегда найдется много такого, что капитаны даже не подумают взять в числе груза. Благодарим вас за бумагу и

чернила, а особенно — за книги. Среди линз, которые вы послали, Q нашел парочку, чтобы выправлять свое ухудшающееся зрение. Они куда лучше прежних, так что он вам исключительно благодарен.

Ничто так не поднимало мой дух с тех пор, как я покинул Англию, как микроскоп и инструменты для подготовки образцов. Вы, конечно, можете сказать, что просто возвращаете долг, поскольку именно замысел моего отца впервые позволил вам начать опыты с подобными приборами, но вы значительно усовершенствовали устройство, которое много лет назад он создал в Лондоне. Вы так блистательно применяете сочетания линз различной кривизны с тем, чтобы уменьшить искажения, что это можно назвать гениальностью. Я так много мог бы сделать с помощью этого прибора, что, право, не знаю, с чего начать.

Странно порой вспоминать, что наше пребывание здесь измеряется уже семнадцатью годами. Q выглядит ни на день не старше, чем был, когда мы покинули берега Уэллса, хотя теперь ему за шестьдесят. Тропическое солнце, кажется, превратило его кожу в кору экзотического дерева, она золотисто-бурая и твердая-претвердая. Он неизменно носит белое монашеское облачение и большую светлую соломенную шляпу. Когда он шагает по песку речным берегом, он кажется мне одним из ангелов воинства Святого Михаила, постоянно готового поднять оружие против отпавших от Бога. Такое же впечатление он производит и на местных жителей, которые с самого начала решили, что он святой человек и называют его «бабалауо из-за моря». Бабалауо — это один из множества видов священнослужителей, которые имеются у них здесь. Он служит Ифе, божеству мудрости и прорицания у народа уруба. «Бабалауо» означает «отец, владеющий тайной». Все туземные жрецы этого культа носят белое, и одежда Q позволяет ему занимать подобающее место в туземной системе ценностей.

Как ни странно, но Q здесь чувствует себя больше дома, чем в Кардиганском аббатстве. Он не всегда ведет себя как духовное лицо, хотя совершает таинства для нашей крохотной христианской общины. Он не пытается обращать в христианство туземцев и при этом охотно изучает их веро-

вания. Не особенно поощряет он и миссионеров, которые иногда заглядывают сюда. Порой я задаю себе вопрос, не удовлетворяет ли его больше положение бабалауо, чем служение лжепапе Римскому? Он не считает всю сотню почитаемых здесь богов демонами и утверждает, что некоторые из них, такие, как Ифа и Обатала, суть ипостаси истинного Бога, лишь по-иному называемые. Но его огорчает повсеместно распространенное поклонение темным божествам, таким как Элегба и Олори-мерин. Их обрядность включает в себя и кровавые жертвоприношения.

Я, конечно, давно уже не тот испуганный мальчик, который нашел приют в вашем доме после загадочной смерти отца. Я так же высок ростом и, думаю, в чем-то похожу на него внешне, хотя, пожалуй, едва ли заслуживаю, чтобы меня, как и его, именовали красивейшим мужчиной Лондона. Я, к счастью для себя, крепок, ибо немногие белые мужчины благополучны в этой стране лихорадок. Я видел людей великой храбрости и могучего сложения, настолько пострадавших от тропической лихорадки, дизентерии и малярии, что теперь они кажутся полными развалинами. С тех пор, как я писал вам последний раз, мы потеряли четверых, включая и славного Йесперсена, а пополнили наши ряды лишь двос, голландцы, явившиеся на борту «Энгело». Наша колония, если ее можно так назвать, теперь насчитывает четырнадцать белых, три из них женщины. И еще у нас 24 черных рабочих, которые постоянно живут в фактории за внешним частоколом.

Я слышал изречение: мол, то, что не убивает нас, делает нас сильнее. Но кто бы ни произнес его впервые, он никогда не видал Африки. Каждый перенесенный здесь приступ болезни ослабляет человека, пока мало-помалу у него не оказывается недостаточно сил, чтобы перенести новый кризис. Я, кажется, больше, чем кто-либо способен противостоять здешним бедам, однако расслабляться не следует. Река притягивает болезни, и горстка белых, которые совершили небольшое путешествие вверх по реке и вернулись (далеко не все), говорят, что это род ада, которого нашему брату не перенести. Туземцы, помещенные сюда Богом, кажется, и сами едва ли предназначены выносить такое. Едва ли треть

родившихся детей переживает эпидемии малярии и оспы, а те, кто вырастает, всю жизнь страдают от фрамбезии или кра-кра; каждому угрожают сонная болезнь и проказа. Мы усвоили, что здесь нельзя ходить с непокрытой головой и босыми, что воду необходимо кипятить, а спать за покрывалом из тонкой сетки, которое помогает уберечь кожу от множества кусачих насекомых. Порой наше изгнание кажется пребыванием в чистилище.

Сейчас настали самые скверные дни поры дождей. Последние несколько недель дожди шли дважды в день, после полудня и сразу после захода солнца. Любая гроза продолжается по три часа и более. Вода в реке стоит высоко, и как раз в эту пору следует больше всего опасаться крокодилов. Положение смягчает то преимущество, что теперь не так жарко днем, а ночью не так холодно. Всякий день я имею возможность братья за перо — немалое утешение! И хотя я не могу вполне представить себя дома в Великой Нормандии, я знаю, что обращаюсь к другу в земле, где я родился, и что вследствие этого не полностью отторгнут от страны, куда надеюсь однажды вернуться. Торговля в это время года идет вяло, но корабли все же приходят. Большей частью это галльские суда из Британии, Голландии и Франции. Порой дерзают сюда явиться марокканские купцы, несмотря на то, что солдаты султана воюют с сонгаями на севере. Магометанские караванщики пытаются установить торговый путь через Сахару. Многовековой джихад, который развязали в свое время их властители против черных племен, вероятно, воспрепятствует их успеху.

Наша фактория многое упрощает для капитанов всех этих судов, не одно из которых с радостью ушло назад в дни Безмолвной Торговли. И тем не менее, кажется, многих раздражает наше присутствие. Марокканцы утверждают, что право здесь торговать принадлежит им — и это несмотря на войну, бушующую с незапамятных времен. Португальцы тоже заявляют, что именно они открыли все здешнее побережье, и что британцам тут делать нечего; но вампирские правители Лиссабона и Сетубала покончили с морскими экспедициями португальцев, когда Энрике лишился милости; их претензии основаны всецело на «если бы да кабы».

Мне не нравится иметь дело с португальцами. Они больше заинтересованы в приобретении черных рабов, чем товаров, которые мы предлагаем. При том, что работорговля противоречит законам Империи. Так как мы рабами не торгуем, Оба Бенинский направляет их на запад в Икороду, но там куда опасней, чем здесь. Там империя уруба затеяла войну с народами Ашанти и Дагомеи. С другой стороны, то, что Икороду стал работорговым портом, означает, что большая часть слоновой кости, перца, пальмового масла и прочих товаров идет как раз через нас. Бенин куда беднее золотом, чем королевство Ашанти, однако теперь континентальные племена требуют, чтобы за рабов, которых доставляют на побережье, платили золотом — и большая часть этого золота идет мимо нас через уруба, которые властвуют Эдо, Айбо и другими племенами в глубине суши. Уруба обучили обрабатывать металл Эдаев, которые жаждут доброго английского железа — особенно ружей. Не подлежит сомнению, что ружья они используют для войны против магометан, а также против тех племен, которые не платят дань уруба. Когда племена этой странной империи затевают войну одно против другого, что случается весьма часто, они пускают в ход лишь копья, и хотя часто убивают врагов или обращают их в рабство, столкновения эти подчинены строгим правилам, согласно которым запрещено устраивать массовую резню.

Участие, которое приняли мы с Q в развитии фактории, сделало нас относительно богатыми. Когда мы только-только появились здесь, то застали несколько деревянных хижин, построенных спасшимися с разбившегося «Алектриона» и покинутых обитателями, когда тех разыскали в 1629 году. Дома возведены на песчаной насыпи, что облегчало оборону от туземцев, которых моряки немало боялись. В сущности, правитель Оба сожалел, что они отплывают, подобранные своими, ибо полностью осознает важность торговли с Галлией. Теперь мы с помощью рабочих-туземцев построили большие склады и деревянные причалы, а также мастерские. Там я соорудил токарный станок вроде того, который собрал когда-то отец, с тем чтобы нарезать винты.

Две дюжины туземцев, которые живут с нами в фактории, по сути дела, возвели здесь целую деревню, с огородами и

цесарками, хотя их жены и дети все еще живут поодаль. Q бегло говорит на двух местных языках, включая урубский лингва-франка. Приобрел он и небольшие познания еще в нескольких. В здешнем краю такое обилие языков, что можно принять его за Вавилон. Оба Бенинский дважды посещал Буруту и однажды прислал своих рабочих, чтобы показать мне их бронзовое литье — вот в чем его народу нет равных! Впрочем, наши взаимоотношения складываются не вполне идиллически из-за наших попыток установить не менее дружественные контакты с Айбо, которые живут к востоку. Они могут снабжать нас множеством ценных товаров, ибо господствуют на берегах реки Куарры на протяжении более сотни миль выше дельты. Большинство наших рабочих — Айбо, хотя есть семь Эдо и один мальчик-сирота из уруба по имени Нтикима, который оказался исключительно способным учеником.

По реке нас достигает большая часть таких товаров, как слоновая кость и звериные шкуры с травянистых равнин. Нтикима уверяет, что наша слава распространилась далеко на север, хотя мы еще не рисковали углубляться далее чем на двадцать миль от моря. Мальчик не сомневается, что о нас слышаны в городах Хауса, в легендарных землях Борну и Куарарафа. Впрочем, откуда ему это знать? Туземцы склонны преувеличивать, особенно когда хотят сказать приятное. Сомневаюсь, видел ли мальчик когда-нибудь торговца из Хауса, и подозреваю, что жители Борну и Куарарафа для него столь же сказочные существа, сколь и для нас.

Порой я боюсь, что наш успех нас погубит, а Q сказал, что это — только дело времени, пока какой-нибудь имперский корабль не доставит сюда вампиров. Он опасается, что вампиры решат, что здесь можно многое получить, объединившись с вампирами Африки. Несмотря на все различия между Галлией и Африкой (а никто не изведал эти контрасты лучше нашего), обе земли враждуют с магометанами. Имперской знати может придти в голову, что если бы только белые и черные объединили силы, они, как жернова, сокрушили бы мусульман и в результате упрочили бы свою власть над простолюдными.

Не уверен, что такой союз когда-либо возможен. Здесь все же не Империя, хотя мы и говорим об «империи» уруба. Нет

властителей-вампиров, к которым принцы Европы могут направить своих посланцев. Если верить слухам, Алафин урубский держит двор, в своем роде, не менее пышный, чем многие дворы Европы, но Алафин, все его вожди и чиновники — простолюдины. Многие из жрецов и магов, входящих в Огбоне — тайное общество, орудие черных вампиров — также простолюдины. Племена Аттилы было бы труднее понять страну, где вампиры есть, но не властвуют открыто, чем ту, где простые смертные все еще остаются у власти — лишь потому, что безжалостно уничтожают любого вампира, который появляется среди них. Я не нахожу, что здешнее состояние дел легко охватить разумом, хотя прожил здесь много лет.

Лишь трижды я видел черного вампира, таким нет особого дела до торговли. У большинства здешних жителей кожа темно-бурая, у вампиров же — как полированный гагат; порой на ней выделяются более светлые старые татуировки. Они все без исключения очень стары на вид, ибо ни один простолюдин не становится вампиром, пока не докажет, чего стоит, восходя по ступеням жреческой иерархии. Уруба называют вампиров «элеми», что означает «те, кто дышит жизнью». Это название указывает также на связь с богами; небесного бога Олоруна часто именуют Олорун-Элеми.

Говорят, что элеми — мудрецы, и все же нам настойчиво объясняли, что им нет дела до металлов, машин и новшеств. Их мудрость, кажется, не связана с любознательностью и касается прежде всего магии и лекарств. До нас дошло немало слухов о силе вампиров-целителей, об их способности приготавливать напитки, которые дают мужчинам храбрость, а женщинам плодовитость. Они также убивают людей проклятиями — если верить слухам. В местных племенах нет элеми. Тех немногих, что были, они потеряли во время великой чумы двадцать лет назад. Это вызывает у них сожаление и даже скорбь. Они утверждают, что если бы располагали мудрецами, которые живут вечно, то были бы лучшим и более могущественным народом.

Для простолюдинов элеми тесно связаны с далеким прошлым, эпохой предков. Туземцы в этой части земной суши полны почтения к предкам и верят, что их давно умершие

отцы и деды по-прежнему обитают в их деревнях и близко к сердцу принимают благополучие своих потомков. Нам говорили, что в сердце страны уруба в большом городе Ойо новые монархи должны съедать сердца своих покойных предшественников с тем, чтобы стать их воплощением. Духи предков, как считается, способны награждать и наказывать. Именно они в ответе за многое из того, что происходит и что мы приписали бы воле Божией или случаю. Их присутствие обычно незримо, но в определенные дни деревни посещает Эгунгун, восставший мертвец, который указывает на тех, кого надлежит наказать за нарушение табу. Ни Q, ни я такого посещения не видели, но наш бесценный Нтикима описал нам все подробно. Эгунгуна обычно изображает жрец, в особом наряде и уродливой серой маске. Для уруба и подвластных им племен эта одежда и маска священны, и тот, кто надевает их, становится воплощением сверхъестественной силы. Задача Эгунгуна — судить тех, чьи поступки, будучи оскорбительными для предков, навлекли несчастье. В ходе этого обряда вина за бедствия, надо сказать, нечасто возлагается на невиновных; много зла и неудач относят на счет ведьм, которые слывут непримиримыми врагами Огбоне, общества, к которому принадлежат элеме и простые маги-жрецы.

Чума, которая свирепствовала здесь двадцать лет назад, все еще вспоминается как самая ужасная трагедия. Если поведашь нашим туземным рабочим, что мой отец умышленно заразил этой чумой вампира, они подумают, что он потерял разум. Его даже не сочтут злодеем, ибо они не могут себе представить, чтобы кто-то замыслил столь нелепое преступление, но усомнятся в его душевном здоровье. Не поймут они и того, что он любил даму-вампира, ибо элеме — всегда мужского пола. Огбоне — это исключительно мужской союз, и хотя у женщин могут быть свои сообщества, они занимаются исключительно повивальным делом и обрядами, связанными с женским обрезанием.

Мне трудно согласовать здешнее положение дел с теориями моего отца о природе и происхождении вампиров. Нтикима, источник самых разных сведений, несмотря на свои юные годы (ему, я думаю, около семнадцати), говорит,

что люди, которым предстоит стать элемеи, должны быть доставлены в Адамавару, сказочную страну, расположенную в глубине континента. Там они вкушают от сердца богов в ходе обряда, явно похожего на человеческие жертвоприношения, о которых нам упоминали. Белым обычно не дозволяется присутствовать, хотя Нтикима описал икейику, обряд, посредством которого его посвятили в мужчины. Он включает обрезание, которое совершается каменным ножом, часто так грубо, что это потом ухудшает деятельность половых органов. В своей пылкой манере Нтикима заявил, что жрецы из Огбоне, несомненно, однажды придут за бабалауо из-за моря, чтобы доставить его в Адамавару, где он должен будет вкусить от сердца богов и получить дыхание жизни; но никаких призывов такого рода до нас пока не долетело.

Большая часть того, что мы знаем об элемеи, почерпнута из рассказней путешественников, и трудно понять, чему здесь можно верить. Чем дальше от нас какое-то место, тем причудливей истории, которые плетут о тамошних племенах и о силе их элемеи. Нет способа удостовериться, что Адамавара действительно существует. Многое из того, что о ней говорится, напоминает рассказы из Писания о Саде Эдемском, где Господь вдохнул жизнь в Адама. Огбоне так бдительно охраняют свои тайны, что для простолюдинов Африки посвящение в вампиры — не меньшая тайна, чем для престолюдинов Галлии. У нас имеются грегорианские описания шабашей, где правит дьявол; у них же толкуют о небесных богах, спускающихся на землю в Адамаваре. Я склонен и к тому, и к другому относиться с предельным скептицизмом.

Элемеи должны брать кровь у простых смертных, как и наши вампиры, но это не имеет такого же значения для дающих кровь, как у нас в Галлии. То, что делает для нас галльских вампиров гнусными и отвратительными, куда проще согласуется с африканским образом мыслей. Туземцы исстари приносили жертвы своим богам и совершали обрядовые приношения всякого рода. Когда мелют муку или выжимают пальмовое масло, немного бросают наземь, предлагая богам. Когда едят, оставляют немного пищи. Совершается это неосознанно, подобно тому, как многие из хри-

стиан, чуть что, осеняют себя крестом. Все это называют жертвоприношениями, равно как и принесение в жертву животных, а порой и людей по наиболее важным праздникам. Кровь, которую простолюдины с радостью предлагают вампирам — это тоже жертва, она предлагается как бы самому Олоруну Элеми. Это легко понять африканцу, хотя он не способен был бы осмыслить причастие, при котором христианин вкушает тело и кровь Христову.

Туземцы не считают, что элеми ими правят, но мало сомнений в том, что подлинная власть в стране принадлежит Огбоне. Огбоне надзирает за всеми обрядами, особенно за икейкой и за всеми испытаниями. Огбоне — это голос предков, стражи оракулов и целители. Все вожди и властители должны отвечать перед ними, и хотя суды возглавляются вождями, только бабалауа определяют, кто виновен, а кто чист. Вожди определяют наказание, но охотники за ведьмами и «восставший мертвец» решают, на кого оно падет. Вожди объявляют войну и ведут войска в бой, но их маги говорят им, какое время благоприятно для боя и против кого следует поднять оружие.

Q страстно хотел бы установить, что истинно в обилии историй, которые нам рассказывают о далеких континентальных землях. Он сделал подсчеты касательно припасов для путешествия вверх по реке. Уверен, что через год-другой он объявит, что время пришло, и уговорит меня сопровождать его. У меня меньше любопытства насчет таких загадочных мест, как Адамавара, но, если бы он решился на исследовательский поход, я бы отправился с ним. Знаю, это было бы безрассудством, но по натуре я не торгош и здорово устал от нашей обыденной жизни.

Жива ли пиратская легенда об L в Великой Нормандии? Он по-прежнему заглядывает к нам каждый год. Он больше не так красив, как прсжде, и его потрепали болезни. Да и не пират он больше, хотя по-прежнему с гордостью несет на своих плечах бремя славы морского разбойника и клянется, что ничто не вызывает у него большей радости, чем гром пушечных выстрелов. Пушки нашей фактории когда-то принадлежали ему. Все. L дважды помогал нам отбиться от грабителей из Марокко. Его цыганская принцесса все еще

плавает с ним, равно как и безносый турок. Возможно, как раз женщина и уговаривает его снова и снова являться сюда. L недолгоблывает меня, да и я обожаю его не больше, но цыганка все еще ко мне привязана, и я счастлив оставаться ее другом. Она превратилась в сильную и красивую женщину, и, похоже, тропики идут ей только на пользу, в то время как мужчины со светлой кожей здесь увядают и чахнут. Йесперсен однажды сказал мне, что единственное, что так часто приводит ее обратно — это мука, вызванная моим целомудрием, и что если бы только я разделил с ней постель, я избавил бы ее от тяжких оков; но я привык к монашескому воздержанию. Если Q когда-нибудь умрет, полагаю, я унаследую его одеяние и сам стану играть ангелавоителя. L прикидывается, будто ему безразлично, что его любимая предпочитает меня, но если напьется, обвиняет меня в том, что я пал так низко и влюбился в леди-вампира в диком Уэллсе. Он злорадно предполагает, что я никогда не смогу полюбить снова из-за воспоминания о ней. Хотя болтает это больше для того, чтобы подразнить свою милку. Порой я спрашиваю себя втайне: а что если он прав? Разумеется, вид цыганки вызывает у меня мало вожделения, и еще меньше — зрелище наготы черных женщин из прибрежных племен или тех, что живут в фактории. Нет ли чего-то в моей крови, какого-то изъяна, унаследованного от отца? Дар, который он приносил своей истинной возлюбленной, не перешел ли ко мне по наследству? То, что рядом со мной микроскоп, побуждает меня вспоминать все случившееся в те последние дни в Лондоне. Не могу сказать, что эти воспоминания приносят мне утешение.

Я здесь порой подумываю, а не переоценил ли мой отец равно возможности своего изобретения и страх вампиров перед ним; возможно, его самоубийство ничего не значило, и Ричард вообще не намеревался нас убивать. Впрочем, глядя на ваш подарок, я не могу удержаться от воспоминаний об отце, который считал, что это оружие более могущественное, чем любая пушка. Нынче ночью мне снилось, будто я гляжу в объектив, отчаянно пытаюсь разглядеть что-то важное — по мнению моего отца; но как ни стараюсь, все впустую. Возможно, туземцы все-таки правы, и наши предки

остаются с нами, сердито требуя от нас исполнения того, что мы никак не доведем до конца.

Надеюсь, что однажды я все-таки вернусь в Британию. Я чувствую, что это равно мой долг и грядущий жребий. И страстно надеюсь, что непременно нанесу удар правлению вампиров в Галлии, прежде чем умру, и мое имя добавят к тому списку легиона смертных, усилия которых, в конечном счете, одолеют даже воинство неумирающих. Несмотря на то, что я здесь тоскую, признаюсь, что я не покинул Коллегию, которой вы служите и не отступился от ее дела. Надеюсь, настанет день, когда я займу назначенное мне место на поле боя в стране, где родился. В этот день, если угодно Богу, я вновь увижу вас, моего друга, и пожму вашу руку в подтверждение того, что значила для меня наша дружба.

Я вручу это письмо капитану «Розы Тюдоров», достойному доверия больше всех английских моряков, которых я знаю, и надеюсь, что оно рано или поздно будет благополучно доставлено в ваши руки. Прошу вас молиться за меня; если вы только можете снизойти до мольбы о милосердии Господа к неверующему.

Будьте благополучны. N

1

Был Аджо Ауо, день тайны, посвященный Ифе. Нтикима знал об этом дне только его название, ибо уруба не исчисляли дни месяцев, как принято у белых.

Белый человек по имени Ноэль Кордери сидел на веранде большого дома, располагавшегося за главным частоколом. И всматривался, как делал часто, в трубку латунного прибора, который прислал ему владелец одного из торговых кораблей. Держа в руке угольную палочку, Ноэль Кордери быстрыми уверенными штрихами делал набросок. Периодически он отводил глаз от инструмента и моргал, чтобы восстановить ясность зрения, придирчиво оглядывал зарисовку и добавлял еще несколько штрихов, а затем опять прикладывал глаз к линзам. Снова и снова он поправлял зеркальце, которое собирало солнечный свет и посылало его вверх через сис-

тему линз микроскопа. А затем осторожно подкручивал колесико настройки, дабы удостовериться, что ему наилучшим образом видно то, что лежит на предметном стекле. Нтикима знал, на что способен прибор, так как Нозль позволял ему туда заглядывать.

Другие темнокожие, которые наблюдали, как Нозль работает, думали, что он совершает некий обряд — столь болезненно тщательно повторялись все движения. Но Нтикима-то знал, что происходит. Нтикима понимал белых людей куда лучше, чем Эдо или Айбо. Нтикима был из уруба. Более того, он входил в Огбоне, хотя, конечно, ему не позволялось этого раскрывать. Даже Айбо Нгадзе, который прожил здесь много лет, воображал, будто этот странный высокий белый ищет богов внутри латунного сооружения, которое хранится в деревянном ящике с целой свитой железных лопаточек и стеклянных прямоугольников. Айбо часто говорили своим братьям, живущим выше по реке, о волшебных приспособлениях, которые есть у белых, и о духах невероятной силы, которые их оживляют. Нтикима никогда не ввязывался в подобные разговоры, ведь он состоял в Огбоне и хранил свои тайны. Черные зрители остерегались прервать обряд, хотя, казалось, он их вовсе не замечает, настолько зачаровало его то, что ему открылось в мире внутри вещей; Нтикима крикнул, что в протоку вошел корабль.

— Это «Феникс?» — спросил белый. «Феникса» ждали, и ему будут рады. Но Нтикима покачал головой и знаком дал понять, что не знает.

Нозль вздохнул и убрал микроскоп. Он не спешил; он был готов изрядно повозиться, чтобы правильно уложить инструмент, разобранный на составные части. Прибор был ему дорог, куда дороже телескопа, который он неизменно брал с собой на передовой дозорный пост, расположенный на стене близ моря. Нтикима, исполненный чувства долга, следил за ним.

Теперь корабль был гораздо ближе. И мальчик уже узнал судно, но глаза у Нозля Кордери были похуже. Белый приложил к глазу стеклышко. Это была каравелла «Стингрэй», а капитана ее звали Лангуасс. Нтикима недолюбливал Лангуасса, шумного и хвастливого, и не без удовольствия заметил, что корабль в жалком состоянии. Каравелла низко си-

дела в воде, прямые паруса и такелаж потрепаны. Нтикима ничего не знал о море и не мог догадаться, побывал корабль в бою или просто молнии Шанго били по нему во время великой бури.

Для Лангуасса оказалось затруднительным делом довести корабль до стоянки, хотя ветер теперь был попутный. Буруту находилось почти в десяти милях от побережья, и кораблям, который порой сюда заглядывали, требовалось упорство, чтобы достичь пристаней, особенно в сезон дождей, когда вода поднималась и течения усиливались. Порой местным каноэ приходилось на буксире тянуть купцов к причалам. И хотя это осложняло положение честных торговцев, это также означало, что укрепленная фактория в Буруту защищена не только против местных грбителей, но и против нежелательных посетителей с океана. А как раз оттуда чаще всего исходила опасность. Шесть пушек фактории смотрели именно на море, а не на дельту реки.

Белый бабалауо, который называл себя Квинт, явился к подножию лестницы с Яном де Гроотом, чтобы послушать новости, но де Гроот вновь повернул прочь, когда Нтикима вскричал:

— «Стингрэй»!

Де Гроот любил Лангуасса не больше, чем Нтикима, и знал, что от его периодических посещений мало прибыли. Но Квинт подошел еще ближе, присоединившись к Ноэлю Кордери и Нтикиме и стоял позади их, пока они наблюдали, как корабль борется с течением.

С судна не поступило никакого сигнала, хотя Нтикима заметил в какой-то миг женщину, которая любила Ноэля Кордери. Она стояла на мостике и махала рукой. Нтикима не мог понять, почему Ноэль просто-напросто не купит ее у Лангуасса и не сделает своей женой, но трудно было постичь отношение к женщинам этих странных белых людей, которое явно отличалось от их отношения к любой другой собственности.

— Пора закалывать жирного тельца,— со вздохом произнес Квинт.— Блудный сын опять явился домой.

То была шутка. В Буруту не держали скота, и на ужин предполагалась птица с хлебом из просяной муки и суп из

дазо и земляных орехов. Нतिकима, однако, знал, что Лангуасс всегда привозит бутылки чужеземных вин, так что он и его друзья смогут захмелеть на свой лад, не от пальмового вина и просяной бузы, которые изготавливают африканцы.

— Им не нужна помощь для входа в док? — спросил Квинт Нозля Кордери.

— На их стороне прилив, — ответил Нозль. — Он почти останавливает речное течение, а от их парусов осталось достаточно, чтобы воспользоваться бризом.

Квинт хлопнул Нозля по плечу с воодушевлением, впрочем, слегка нарочитым.

— Они привезли множество рассказней, если нет ничего другого, — заметил он. — А «Феникс» непременно будет здесь в течение недели и доставит груз, который нам нужен, а заодно избавит наши склады от слоновой кости, пальмового масла и каучука.

Нतिकима внимательно прислушивался к беседе. Квинт выказал более, чем обычный интерес к ожидаемому прибытию «Феникса». В последние недели он очень много времени уделял проверке имущества и подсчетам припасов, как если бы ожидал осады или собирался в путешествие. Возможно, он обладал большим даром предвидения, чем казалось, и знал, что Огбоне скоро за ним пошлют. Еще до того, как Нतिकима пришел, бабалау начал выращивать ослов за оградой внешнего частокола, и Нतिकима догадался, что его цель — подготовить выюнный караван. Квинт явно знал, что ему суждено совершить путешествие в Адамавару. Нतिकиму это не поразило: бабалау всегда должен знать что-то о будущем.

Пока население фактории выходило навстречу Лангуассу и его экипажу, Нतिकима наблюдал и слушал. Белые редко обращали на него особое внимание и казались скорее довольными, нежели встревоженными любопытством мальчика. Он всегда оказывался поблизости, чтобы сбегать куда-нибудь по делу, всегда жаждал что-то еще выучить по-английски и охотно слушал все новые и новые рассказы о землях, откуда родом белые. Нозль Кордери и Квинт привязались к нему и с удовольствием помогали ему учиться.

Сложные подводные течения в отношениях этих людей были постоянным источником изумления для мальчика. Он

заметил, например, что именно Квинт первым приветствовал на берегу нынешних посетителей, а Ноэль Кордери отступил чуть назад. И это определенно не понравилось смуглой женщине Лейле, которая хотела бы более теплого приема — как раз от того, кто любил ее меньше. Казалось, она все время живет надеждой, что Ноэль когда-нибудь посмотрит на нее с желанием. Когда она прыгнула на причал, чтобы приветствовать его, он кротко принял ее поцелуй в щеку и не ответил на него. Не понравилась сдержанность Ноэля и Лангуассу, который был уязвлен по своим причинам: Нтикима еще раньше заметил, что этот так называемый пират — неисправимый оптимист насчет того, что все должны быть в восторге от его общества. Для Нтикимы не было неожиданности в том, что пир, который устроили торговцы в честь гостей в тот вечер и на котором он помогал подавать кушанья, в полной мере не доставил удовольствия никому из присутствовавших на нем, хотя ясно было, что свежая пища утоляла голод, который до того некоторое время испытывали Лангуасс и вся его команда.

Единственным за столом, кто пугал и отталкивал мальчика из уруба, был обезображенный турок Селим. Тот вечно пребывал в мрачном настроении. Нтикима не мог спокойно видеть искаженное, прочерченное шрамами лицо, которое наводило на мысли о лице Эгунгуна, восставшего мертвеца, или о видении, посылаемом Шигиди, который тревожит людей в сновидениях. Лангуасс никогда не выставлял своего самого верного слугу из-за стола, хотя, вероятно, в большом доме имелись и другие, которые желали бы, чтобы он приказал турку ужинать с матросами на корабле. Нтикима был рад, когда ужин кончился и турок ушел. Женщина тоже удалилась, хотя ей этого не особенно хотелось.

Оставшись за столом с Квинтом и Ноэлем Кордери, Лангуасс достал подарок, который, как он явно надеялся, придется по сердцу добрым хозяевам: большую плетенку мадеры. И принялся занимать общество рассказами о буре, которую недавно пережил, и новостями из нескольких портов, в которых бросал якорь. Нтикима сидел на полу в углу столовой, безмолвный и скрытый в тени. Он понимал совсем мало из того, что говорилось, но жадно впитывал названия заморских стран.

Снова и снова Нтикима брал свое каноэ и отправлялся в лес, где беседовал с магом или акпало, странствующим рассказчиком, которым пересказывал все, что слышал. Даже когда он не вполне улавливал суть услышанных повествований, ему важно кивали и говорили, что он молодец. Огбоне, несомненно, куда лучше него разберется, что все это означает.

Нынче вечером Лангуасс вел речь о Марокко и об Испании, а также о стране, что раскинулась за великим океаном, которую он называл Атлантидой. Эти названия Нтикима слышал и прежде и не нашел ничего нового в болтовне пирата, но стал внимательней, когда Лангуасс спросил Квинта, слышал ли тот когда-либо о королевстве, где правит человек по имени Пресвитер Иоанн.

— Это легендарное христианское королевство в Азии, — сказал Квинт Лангуассу, — говорят, оно находится за Валашским государством в пустыне близ Китая. Византийцы отправляли посланцев, чтобы найти его, в надежде обрести союзников, когда магометане оттеснили войска вампиров из Малой Азии, но посланные так и не вернулись, и Влад Цепеш, Сажатель-на-Кол, в конечном счете вернул себе утраченные земли без помощи союзников.

У Нтикимы голова пошла кругом, когда он пытался как следует запомнить эти диковинные имена.

— Теперь вампирские правители Гранады убеждены, что это королевство находится в Африке, — сказал Лангуасс. — И говорят, это ничто иное, как Адамавара, о которой вы упоминали раньше, где был насажен в начале мира Сад Эдемский. Ходят слухи, что доступ в эту страну возможен по трем большим рекам, и Куарра — одна из трех этих рек. Нынче зимой испанцы пошлют три корабля в Сенегал, если им позволят французы, с солдатами и конями. Они полны надежд, хотя французы утверждают, что там ничего не отыщется, кроме пустынь и гор. Арабы, которые знают, где расположен Сенегал, поднимают испанцев на смех у них за спиной. Как вы думаете, возможно ли, что Куарра и ведет в эту страну чудес?

— Не могу этому поверить, — сказал Квинт. — И не верю, что вообще существует государство, подобное королевству

Пресвитера Иоанна. И уж, конечно, это не та страна, которую уруба называют Адамаварой.

Лангуасс передернул плечами.

— Кто-то пустил слухи о белом короле в Адамаваре, и говорят, где-то записано, что христиане пришли туда давным-давно. Возможно, как раз третья река, которая упоминается в легендах, и есть та самая. Ее устье, как предполагается, находится далеко к югу.

— Там действительно есть река, которая больше Куарры,— согласился Квинт.— Оба Бенинский утверждает, что корабли его предка, Эуаре Великого, ходили туда двести лет назад. Возможно, это правда, хотя у бенинцев не ахти какие суденышки.

Нтикима знал все, что рассказывали об Эуаре Великом. А также знал, что есть еще одна большая река — далеко отсюда, за землями, где признается мудрость элеме. Тем не менее, белые заблуждались. Куарра — лишь одна из трех рек, по которым надо подниматься, чтобы достичь Адамавары, и хотя там есть белые, они не властвуют. И, разумеется, нет никакого Пресвитера Иоанна.

— Вы думаете, испанцы явятся сюда? — спросил Нозль Кордери.

— Это возможно,— заметил белый бабалауо.— Люди, ища подтверждения легендам, способны забраться много дальше, чем во время путешествий с более практическими целями. Капитан «Розы Тюдоров» сообщал нам о кораблях, посылавшихся из Бристоля в поисках Атлантиды. Эти моряки решились плыть через великий океан в надежде найти путь в Китай. Порой я опасался, что рассказы об Адамаваре, которые мы без задней мысли передавали посещавшим нас морякам, могут в один ужасный день привести сюда исследователей, получивших задание какого-нибудь любознательного владыки-вампира. Мир, который мы знаем, становится слишком мал, чтобы вести в нем дела Галльской Империи.

— Возможно, настало время предпринять и наше собственное путешествие,— сказал Нозль Кордери.

— Возможно,— согласился Лангуасс.— Такие, как вы и я, не предназначены для участия торгашей. Море почти совсем разделалось с моим бедным «Стингрэем», и я мог бы

подыскать себе занятие получше, подавшись вверх по Куарре в поисках удачи. И странно мне видеть, что вы с таким удовлетворением заперлись в вашей деревянной клетке, когда так много слышите о богатых королевствах внутри материка. Почему бы вам не пойти к Ойо, Ифе или к самой Адамаваре? Почему вы обречены торчать здесь и менять доброе железо на жалкие пригоршни золотого песка, которые дикари приносят вам с потайных приисков или на случайную горстку самоцветов? Я бы не удовольствовался торговлей слоновой костью, маслом и каучуком, когда такие сокровища ждут людей, у которых хватит храбрости отправиться их искать в страну Пресвитера Иоанна или какую-нибудь еще. Или вы не представляете себе, как жаден мир до золота?

Нозлю Кордери, казалось, не понравилась эта речь, и он только и ответил:

— В глубине континента опасно. Там куда больше болезней и горестей, чем золота и слоновой кости.

Белый бабалауо, однако, отреагировал спокойней:

— Не думаю, что темнокожие добывают золото. Это больше местное золото. Равно как и местная медь, из которой делают украшения. Их непросто найти, но совсем легко очистить. С тех пор, как мы начали торговать за золото и драгоценные камни, они выискивают для нас все, что могут, ибо ценят железо и олово куда больше. У них нигде не припрятаны переполненные бриллиантами сундуки. Все путешественники рассказывают небылицы о сказочных сокровищах, которые можно найти в тех странах, где сами они никогда не были. Вы не хуже нашего знаете, как много народу отправилось вверх по реке и не вернулось назад.

— У них не было ваших познаний,— сказал Лангуасс.— Если был когда-либо человек, которому я доверился бы как проводнику через эту языческую землю, то это вы. От чистого сердца обещаю вам, что когда вы предпримете ваше путешествие в глубь континента, я пойду с вами — не для того, чтобы найти золото, но ради тех земель, где вампиры живут, но не правят, и тех легендарных краев, откуда вперые вышли вампиры.

Квинт повернулся к Нतिकиме и встретил его взгляд.

— Здесь есть кое-кто, кто может рассказать вам об Адамаваре,— Ноэль поманил Нтикиму, и тот встал, приблизился и остановился подле бабалауо, выдерживая недружелюбный взгляд капитана.

— Он всего лишь мальчик,— небрежно заметил Лангуасс.

— Он из Йоруба,— поспешил ответить Ноэль Кордери.— И он мужчина, ибо прошел обряд икейики и заслужил свое место в мире. Он потерял родителей во время мора, но встретил бога в лесу и был отдан магам на воспитание. Он очень смысленный паренек, и за три года куда лучше выучил английский, чем Нгадзе за десять. Скажи нам, Нтикима, что ты знаешь об Адамаваре.

— Адамавара — это земля тигу,— послушно ответил Нтикима.— Она в стране Мкумкве, откуда пришли первые элми, когда мир был молод. А случилось это, когда Шанго послал большую молнию, чтобы Олорун получил место, где будет предлагать свое сердце мудрейшим из людей.

Лангуасс был нетерпелив, но Ноэль Кордери удержал его за руку, веля подождать.

— Тигу,— пояснил он,— означает «завершенные». Элми — это тигу, ибо прошли обряд перехода. Подобно тому, как икейика делает мальчиков мужчинами, этот обряд, называемый Ого-Эджодун, делает мужчин вампирами. Эджодун означает «пора крови», такое название дают уруба различного рода кровавым жертвоприношениям. Это так, Нтикима?

Нтикима кивнул в знак согласия.

— В каком направлении лежит Адамавара? — спросил Ноэль.

— На восход солнца,— ответил Нтикима.— Но чтобы туда попасть, надо двигаться по рекам: сперва по Куарре, затем по Беноуай и далее по Логоне. Это опасное путешествие, ибо те, кто хотел бы стать элми, должны испытать себя в безжизненном лесу, где людей поражает серебряная смерть и где является Эгунгун, чтобы судить их.

— Сердце страны Уруба на западе,— добавил Ноэль Кордери.— Но уруба верят, что их предки впервые пришли в Ифе и Ойо из другой страны, ведомые Огбоне, как сыны Израиля были переведены через пустыню во времена Моисея.

— В Адамаваре есть золото? — саркастически осведомился Лангуасс.

— О, нет, — отозвался Нтикима. — Никакого золота.

— Откуда ты это знаешь?

Нтикима пожал плечами. Он знал потому, что состоял в Огбоне, но этого ему не было дозволено открывать.

— Как людей делают элеме в Адамаваре? — снова спросил Ноэль Кордери.

— Их преобразают Они-Олорун, мудрейшие из старейшин. Они готовят сердце Олоруна, чтобы дать его мудрейшим и лучшим, которые получают дыхание жизни, чтобы жить дальше, в то время как недостойные умрут.

Ноэль Кордери поглядел на Лангуасса и сделал знак рукой, как бы говоря: «вот видишь».

— Белые когда-либо бывали в Адамаваре? — прорычал пират. То был вопрос, которого никогда не задавали ни Квинт, ни Ноэль Кордери.

— О, да, — сказал Нтикима. — Давным-давно. Теперь их там очень немного.

Все три вопрошателя воззрились на него в изумлении.

— Как давно? — спросил Ноэль Кордери, хотя ему-то следовало знать, что вопрос неуместен.

Нтикима пожал плечами.

— Давным-давно, — повторил он.

— Но все же там еще остались немногие? — повторил Ноэль. — Ты имсешь в виду, что в Адамаваре есть белые элеме?

— О, нет, — терпеливо ответил Нтикима. — Они не элеме, потому что они айтигу, но они прожили там долго. Есть белая женщина, которая старше, чем старейшины, хотя выглядит она молодой. Есть также мужчины, и хотя они никогда не станут тигу, они могут не умереть.

Нтикима заметил, что эти сведения вызвали оцепенение у слушателей. Впрочем, они не вполне понимали смысл сказанных слов.

— Когда ты говоришь «айтигу» там, где мы сказали бы «незавершенные», — вставил Квинт, — ты не имеешь в виду тех, которых мы называем «простолюдинами»? Элеме — это тигу, завершённые, но есть еще некто, кто не тигу, и все же они живут много дольше обычных людей?

— О да,— подтвердил Нतिकима, как нечто вполне очевидное.

— Вампиры,— уточнил Лангуасс.— Ты хочешь сказать, что в Адамаваре есть белые вампиры?

Нतिकима наморщил лоб. Он не знал, что ему ответить.

— Ты знаешь это от арокина или от акпало? — обратился к нему Квинт.

Арокины были хронистами, обязанными помнить поколения предков, их рассказам верили полностью. А рассказчиков акпало, которые знали о приключениях паука Ананси и черепахи Ауона, всерьез не принимали. Нतिकима не мог ответить и на этот вопрос. Он получил сведения из Огбоне, но говорить об этом не смел. И пожал плечами.

Ноэль Кордери рассмеялся.

— Помните,— обратился он к собеседникам,— что этот мальчик был некогда одержим духом мертвого ребенка, которого изгнали из его тела ядом. Этот мальчик встретил в лесу бога, пообещавшего научить его тайнам врачевания.

Нतिकима знал, что белый повторяет это, чтобы дать понять: не всегда можно доверять словам Нतिकимы. Но когда он был совсем маленьким и его отец с матерью умерли, он действительно был одержим абику, злым духом, которого заклинатель изгнал из его тела. А после этого мальчик и вправду встретил в лесу Арони и выказал такую храбрость, что не был проглочен, но вместо этого оказался передан Огбоне, которые однажды должны будут обучить его тайнам врачевания, чтобы он мог стать белым магом, а там и элему. Он знал то, что знал, и не все ли равно, чему верят, а чему нет эти белые.

Тут вмешался Квинт и велел Нतिकиме идти спать. Нतिकима знал, что его отсылают, а между тем беседа продолжится без свидетелей, но он наклонил голову и вышел. Однако не пошел в хижину, где спал, бодрствовал под окном большого дома, вполне этим удовлетворенный, хотя не мог слышать изрядную долю того, что говорилось.

Не раньше, чем белые, не вполне трезвые, отправились к своим занавешенным постелям, Нतिकима окончательно оставил свой пост. Больше ничего не произошло, но он не досадовал по поводу задержки. Он был из Огбоне, и своим

временем сам не распоряжался. Он должен был поспешить поведать старшим, что белые замышляют поход в Адамавару, потому что знал: это часть задумки Огбоне, чтобы они так в точности поступили, и что Огбоне будут рады услышать такие новости. Будущее определилось, и требовалось лишь, чтобы оно развернулось.

2

«Феникс» пришел и ушел. Дожди стали реже и вскоре должны были прекратиться до весны. Буруту кипел, точно улей. Квинт проверял припасы и подсчитывал, сколько потребуется ослов, чтобы их везти. Между Квинтом и Лангуассом было немало споров о том, сколько человек должно отправиться в экспедицию; они долго и тяжело обсуждали меру всего и всему — сколько пороху и соли, иголок и ножей, зерна и одеял погрузить на вьючных животных. Квинт расспрашивал местных жителей из полудюжины племен об извилах великой реки, о народах, живущих вдоль нее, о природе страны, по которой они пройдут по пути в загадочную землю Адамавары.

Нозль держался от этой суматохи в стороне; он по-прежнему ежедневно свершал свой обряд с микроскопом. Предстоящее путешествие в таинственную Адамавару, конечно, занимало его, однако он не мог всем сердцем уверовать в африканский Эдем, где вампир Адам во время оно получил дыхание жизни.

Единственным, от кого не укрылось равнодушие Нозля, была Лейла. И она единственная чувствовала себя вправе отрывать его от его мирского богослужения когда ей заблагорассудится, хотя он вообще-то терпеть не мог, если ему мешали. И вот настал день, когда это его обрадовало, ибо занятия с микроскопом не могли больше всецело поглотить его внимание или отвлечь от размышлений о предстоящем.

— Ты был ко мне недобр,— упрекнула его Лейла в тот день. Она имела в виду, что он недостаточно с ней разговаривал, особенно наедине. Во время прежних ее посещений он часто был готов немного довериться ей, а она в обмен

делилась с ним своими сокровенными мыслями. Будучи неважной христианкой, она не имела другого исповедника, но ей нравилось думать о Ноэле как о друге. Пусть даже она не могла добиться его любви — казалось, она обретает некое подобие удовольствия, сообщая ему некоторые из своих тайных мыслей. Однако во время нынешнего посещения Лейла пока что не смогла привести его в доверительное настроение.

— Простите,— сказал он ей,— я был очень занят из-за «Феникса» и теперь раскаиваюсь, потому что пренебрегал своими учеными занятиями. В микроскоп можно увидеть так много, а я еще так далек от понимания.

Лейла сидела рядом с ним на веранде.

— Ты опечален,— догадалась она,— и дух твой мрачен. Я знаю, тебе не по нраву мысль о странствиях по великим лесам. Но не думаю, что ты откажешься.

Ее английский стал много лучше, чем в те дни, когда они встретились впервые, и хотя до сих пор ее собеседником чаще всего бывал Лангуасс, она достаточно хорошо знала особенности употребления английских «ты» и «тебя». И все годы их знакомства, беседуя с Ноэлем, упорно продолжала использовать эти языковые формы, выражающие крайнюю близость. Он никогда не отвечал тем же.

— Вы все правильно поняли,— отозвался Ноэль.— Лес — скверное место, и там есть кое-кто, кто может нам повредить. Налетчики вот уже пять лет не нападают на факторию, но это потому, что черные, которые живут поблизости, больше выигрывают от нашего постоянного присутствия, чем от единовременного разграбления наших складов. Они сдерживают своих более дальних соседей куда лучше, чем огонь наших пушек. Возможно, Квинт стал слишком благодушен и верит, что может честно и безопасно иметь дело с любым туземцем. Я не уверен в этом.

Дальше, опять же, лихорадка. Много лет на моих глазах Квинт трудится, ища действенное средство. Он давно отказался от кровопусканий, в которых мало толку, и недавно попробовал местные снадобья, но это не настоящая защита. И еще послеполуденная жара и пронизывающий ночной холод. Я знаю, что Квинт однажды прошел пешком пол-

Европы — посланцы папы и правителей редко садятся на корабль, когда пускаются в тысячемильное путешествие. Но в Европе есть дороги и гостиницы, и климат там куда мягче. Я не знаю, как далеко до Адамавары, если действительно существует такое место. Но путешествие туда и обратно будет неблизким, а цель его наводит на мысль об игре в кости с дьяволом, и уж он-то позаботится о том, чтобы нам не повезло.

— Тогда не ходи, — бесхитростно предложила Лейла. — А я останусь здесь с тобой — ждать возвращения наших друзей.

— Разве я могу видеть, как Квинт уходит без меня? — отозвался Ноэль. — Могу ли я пожелать ему вернуться живым и здоровым, если чувствую, что он идет навстречу опасности? Теперь, когда матушка мертва, он остался единственным близким для меня человеком в целом мире. Может быть, в большей степени отцом, нежели родной мой отец. Я не покину его и не доверю попечению Лангуасса.

Цыганка не сочла за обиду рассуждения Ноэля о тех, кого он считал себе родней — она не желала быть ему сестрой.

— Это копия того прибора, который изготовил твой отец? — после недолгого молчания поинтересовалась она, указывая на микроскоп. — Можно посмотреть в него?

Он показал ей, как правильно приставить правый глаз к окуляру, закрыв левый, затем поместил ее пальцы на колесико.

— Что это?

Ноэль объяснил, что предмет, на который она смотрит — это крохотное семечко, которое он разделил, когда оно начало прорасти, так что теперь можно как следует изучить юный побег.

Лейла спросила, чему научили Ноэля такие исследования, и он рассказал ей кое-что о работе, которую проделал с микроскопом в Гэйхерсте сэр Кенельм Дигби. Дигби оспаривал теорию преформации, согласно которой все части животного уже присутствуют в яйцеклетке, из которой оно развивается; оно заключено там, ничтожно малое, и должно только вырасти к тому времени, когда его высидят или родят. А Дигби поддерживает теорию эпигенеза, утверждающую, что части тела обретают свой вид постепенно и что яйцо представляло собой нечто весьма простое, но в ходе своего

бурного развития чудесно преобразилось. Дигби доказал свою правоту, взяв яйца, отложенные курами в один день, и разбивал их в разные сроки, дабы увидеть, насколько по-разному развиты зародыши. С помощью микроскопа он успешно подтвердил свою теорию. И еще Нозль рассказал Лейле, что Дигби атомист и верит, будто все на свете состоит из крохотных частиц. Он полагает, что если бы удалось описать атомы, а также изучить все их взаимодействия и преобразования, можно было бы понять суть всякой вещи. Но тут объяснения стали слишком сложными, и Лейле оказалось трудно следить за их ходом. Она попросит, чтобы он лучше сказал ей, что делает он сам и почему.

— Я тоже изучаю развитие семян и зародышей,— объяснил Нозль,— и думаю, что процесс развития, посредством которого эти крохотные вещицы становятся живыми телами — это процесс умножения, при котором атомы плоти разделяются снова и снова. В то же время я верю, что они изменяются согласно изначальному замыслу. Я видел, что ткань очень простых растений сложена из гроздьев подобных друг другу частиц — их я и считаю атомами плоти. Я наблюдал такие атомы и в известных видах животной плоти, например, в коже и печени. Телесные жидкости, такие как кровь и сперма, состоят из корпускул в жидкой сыворотке, а речная вода полна малюсеньких созданий, некоторые из которых напоминают частицы семени. Эти малютки весьма занимают меня, поскольку я полагаю, что они могут разносить болезни: такую вероятность мой отец однажды обсуждал с Кармиллой Бурдийон. Нас издавна приучили считать болезнь нарушением равновесия телесных жидкостей, но наши тела более сложные механизмы, нежели допускает это простое положение. Предполагаю, болезнь — это нарушение равновесия среди телесных частиц, когда нечто побуждает их меняться иначе, нежели им подобает. По моему мнению, чужеродные атомы и корпускулы часто попадают в тело, особенно в кровь. И кровопускание исцеляет некоторые болезни не потому, что оно изменяет баланс соков тела, но потому, что при этой операции тело покидают некоторые из чужеродных частиц, которые вторглись в него. Тем не менее, кровопускание — весьма несовершенный метод, ибо он не

позволяет справиться с самой причиной недуга. Действенными лекарствами могут считаться вещества, самые атомы которых губительны для атомов болезни, но не для атомов нашего тела.

Ноэль знал, что Лейла не в состоянии должным образом следить за развитием его мысли и все это должно показаться ей загадочным и темным, но она ему не признается, а так и будет отвечать ничего не выражающим взглядом. Ноэль продолжил, пытаясь подбирать слова, которые бы она легче поняла:

— Если я прав, то надеюсь, что со временем пойму, что же такое есть вампиры. Не могу поверить словам грегорианцев, будто они суть демоны в человеческом облики, или же их собственным словам, что отличие коренится в качестве души, но не плоти. Возможно, частицы, которые слагают тела вампиров, подверглись неким дальнейшим переменам — переменам, которые не затронули атомы плоти простых смертных. Ясно, что долгая жизнь, которой наслаждаются вампиры, не содержится в том образце, который Бог вложил в семя рода людского, но внесена туда способом, который ведом только вампирам. Думаю, непременно должно существовать снадобье, которое побуждает к такой перемене. Вампиры Африки используют его в своем обряде, который называют Ого-Эджодун, равно как вампиры Галлии пользуются им на своих так называемых шабашах. Я не верю, что молитвы или песнопения, как бы обильно вампиры их ни применяли, обладают подлинной силой. Преобразование телесного механизма вызывается воздействием некоей новой частицы, в ходе которого атомы обычной плоти становятся атомами плоти вампира. Вот как мог думать мой отец, хотя он не успел дать мне полного объяснения, прежде чем умер. Он мог также считать, что возможно и обратное преобразование вампирской плоти в смертную — опять же с помощью какого-то рода частицы, введенной в кровь вампира. Это, я думаю, он и пытался доказать своей смертью. Не исключено, что для того, чтобы уничтожить вампиров, необходимо опять сделать их людьми.

— А ты хочешь именно этого? — спросила она. — Не стать вампиром самому, а уничтожить других, которые ими стали?

Ноэль покачал головой.

— Сейчас я ищу только способ понять их природу, сорвать завесу с тайны, которая окутывает механизмы обычной жизни, равно как и секреты вампирской плоти. Я и представить себе сейчас не могу, сколько загадок таится в росте трав или в жизни существ, слишком малых, чтобы разглядеть их невооруженным глазом. Я был бы рад пролить свет хотя бы на что-то. Прежде всего я должен найти истину. А затем я смогу увидеть, как истина может быть направлена против зла этого мира.

— А что говорит Квинт о твоих атомах и корпускулах? — поинтересовалась она невинно.

Порой Ноэль спрашивал себя, не судьба ли это, что он полностью пребывает в тени своего учителя. С тех пор, как Квинт приобрел репутацию мудрейшего человека в Англии, вопрос ставился только так: «А что говорит об этом Квинт?» И здесь, в Африке, все обстоит ничуть не иначе. Здесь Квинт — «бабалау из-за моря», к которому прислушиваются темнокожие; Ноэль же — просто-напросто человек, который смотрит в странное устройство.

Впрочем, прежде чем он успел ответить Лейле, к ним подбежал Нтикима, у которого был настолько полон рот новостей, что он никак не мог начать их выкладывать.

— Новый корабль? — воскликнул Ноэль, вскакивая на ноги.

Но Нтикима покачал головой и указал не на проток, который связывал их с морем, но на лес на северном берегу. Он возбуждено повторял одно-единственное слово: «Мкумкве! Мкумкве!».

— Что он хочет сказать? — удивилась Лейла.

— Не знаю, — признался Ноэль, который помнил, что слышал это слово раньше, но позабыл его значение. Нтикима заговорил вновь; фразы в спешке кубарем налетали одна на другую. Он говорил на языке уруба, а Ноэль не очень хорошо владел этим языком. Наконец мальчик перешел на английский.

— Идут люди, — сказал Нтикима. — Люди из Адамавары. Они идут с элеме, чтобы найти бабалау из-за моря. Настало время для пути в Адамавару. Они идут! Они идут!

Нозль воззрился на мальчика, не в силах поверить его словам. Лишь двенадцать дней прошло с тех пор, как Квинт и Лангуасс окончательно решили, что вот и наступил тот самый год, когда они осуществят давно задуманную экспедицию. Откуда элеме могли знать это? Когда эти таинственные путешественники вышли из своей страны?

— Откуда он знает, что они идут? — спросила Лейла.

— Жители леса сообщают друг другу новости с помощью барабанов, — сказал Нозль. — Возможно, он слышал барабанный бой. Или весть принесли какие-то путники, спустившиеся по реке. Племена, живущие выше, отправляют товары на каноэ, и новости путешествуют много быстрее вниз по течению, чем по суше, особенно в половодье. Африканские вампиры нечасто посещают дельту; если вампиры действительно идут, это всколыхнет всю страну еще до их появления.

— И никто не попытается их убить? — простодушно полюбопытствовала она.

— Никто не причинит им вреда, — уверил ее Нозль. — Эти вампиры — не властители, которые правят как тираны, но полубоги, которые ткут ковры из веры и магии. Они пользуются у здешних жителей полным доверием, как хорошие ткачи.

Теперь собрались и другие мальчики, разочарованные тем, что их опередили и весть уже получена, но жаждущие дополнить ее новыми подробностями. Они галдели наперебой, и было трудно разобрать хоть что-нибудь, но, кажется, никаких существенных уточнений и не было. Нозль потребовал тишины, а затем отпустил их, как только удостоверился, что они не могут сообщить ничего важного.

— Это плохо? — неуверенно спросила Лейла.

— Не могу сказать, — ответил Нозль. — Элеми — загадка, и мы не знаем, могут ли они угрожать нам. Если они явились за Квинтом, они в равной мере могут и уничтожить его, и помочь ему в путешествии.

— Но откуда они знают, что сейчас им нужно сюда?

— А поди пойми. Возможно, это совпадение. А может, они наделены вещим даром, который для нас непостижим. Но в руках этих вампиров судьба фактории. Если они со-

бираются объявить нам смертный приговор, туземцы охотно учинят побоище. Раз или два мы видели черных вампиров, но они не обращали на нас ни малейшего внимания, как будто мы вообще не имеем отношения к их миру. Я всегда думал, что здесь, как и в Империи, лучше не привлекать внимания таких созданий.

— «Стингрэй» здесь, — напомнила она, — и у нас много пушек, которые мы поставим рядом с вашими, если очень понадобится.

Нозль рассмеялся.

— Возможно, нам всем следует взойти на борт и отплыть, — заметил он. — Если элеме желают нам зла, никакой силы не будет достаточно, чтобы спасти нас, пока мы остаемся в их стране, и для нас много лучше было бы положиться на прогнившую посудину с истрепанным парусом. Но если они действительно намереваются вести нас, это, пожалуй, лучшая наша надежда достичь Адамавары живыми и здоровыми.

Нозль наблюдал, как мальчишки бегут передать новость Квинту, который возился со своими осликами. И увидел, как монах берет Нтикиму за плечо, едва ли способный унять его возбуждение. Затем Квинт поглядел через освещенный солнцем песок на веранду, где стояли Нозль и Лейла, и хотя Нозль не видел голубых глаз монаха, скрытых в тени широкополой шляпы, он знал, что они светятся любопытством и полны теплого ожидания осуществления мечты.

3

Нтикима с жадным любопытством наблюдал, как отряд черных воинов вступает в поселок. Хотя те и приплыли на каноэ, и гребцами у них служили местные жители, сами они явно происходили далеко не отсюда. Все были высокими, у всех круглые широколицые головы с миндалевидными глазами, пожалуй, слишком широко расставленными. Их густые черные волосы были собраны в пучки и заплетены в косы. Носы были плоскими, а губы толстыми; щеки, лбы и предплечья все в бороздах, окрашенных красной и желтой краской. То были мкумкве.

Воины мкумкве вели себя с надменностью, по представлению Нтикимы всегда отличавшей горцев. Пастухи с гор, которые оценивали человека по тому, сколько у него скота, всегда с презрением относились к лесным обитателям, которые только и дежали, что птицу и малочисленных коз, и, соответственно, по горским меркам, прозябали в горькой нищете. Мкумкве несли в руках длинные копья с широкими железными наконечниками, на них были уборы из белых перьев и украшения из кованой меди. Эти воины объявили Квинту и Ноэлю Кордери, обратившись к ним на языке уруба, что великий Они-Олорун ожидает их в соседней деревне, в которую призывают этих белых людей с тем, чтобы они выслушали его слова.

Нтикима было очевидно, что Ноэлю Кордери не понравилось, как с ними разговаривают. Но бабалауо сказал ему, что не нужно придавать этому значения. Жрец Олоруна, который был элеме и старейшиной Адамавары, явился издалека, чтобы поговорить с белыми людьми. Он считает делом чести, чтобы теперь белые сделали несколько шагов ему навстречу.

Белого бабалауо, кажется, заботило, чтобы его положение определилось прежде, чем он выступит. Он задал воинам несколько вопросов, но те отвечали ему его же словами, точно эхо. Нтикима знал, что такие люди, как мкумкве, никогда не отвечают на прямые вопросы. И вмешался, чтобы помочь Квинту, предположив, что воины привели Они-Олоруна из Адамавары, потому что старейшины услышали об исцелениях, которыми прославился Квинт с помощью своих лекарств. Теперь они желают немного поучиться мудрости заморских племен. Мкумкве подтвердили, что такое возможно.

Квинт попросил Мбураи и Нгадзе, самых представителей из рабочих фактории, проводить его с Ноэлем на северный берег. Он не упомянул Нтикиму, но ничего не возразил, когда мальчик тоже забрался в каноэ. Ноэль был одет достаточно просто, в белую рубаху и серые короткие штаны, но у него были прекрасные кожаные башмаки. Бабалауо был облачен в свое обычное белое одеяние и обут в крепкие башмаки, большая широкополая шляпа лишь наполовину скрывала его блестящие очки. Нтикима, который считал их

«своими» белыми, гордился их видом — их внешность ничуть не уступала роскошному облику воинов в перьях и татуировками. Один рост «белых Нतिकимы» чего стоил: они на добрую пядь возвышались над самым высоким из надменных горцев.

Путь по лесу был легким, они шагали торной дорогой, хотя Нтикима посоветовал бы белым сесть на ослов, если бы они спросили его мнения. Обычно, когда Нтикима шагал этим путем в смутном свете утреннего солнца, лес почти безмолвствовал, и поблизости не случалось никого, но сегодня здесь собралось множество вооруженных мужчин и мальчиков айбо, желавших взглянуть на мкумкве и судачивших о смысле их прибытия. Нतिकиму радовало такое внимание, он упивался тем, что его видят в столь необычном обществе, и он шествовал с чувством собственного достоинства, как и подобает воину уруба среди мужчин из подвластных племен.

Ко времени, когда они прибыли в деревню, солнце уже заметно поднялось. Нтикима понимал, что Квинт и Ноэль надеются, что встреча не окажется долгой. Как только минет полдень и дневная жара заявит о себе в полный голос, в небе не появятся облака, которые ослабили бы солнечный свет, поскольку пора дождей миновала. И обратный путь, если им придется возвращаться после полудня, будет не самым приятным для белого человека.

Деревня айбо была построена близ берега озера; впрочем, у нес и с этой стороны имелся палисад, чтобы не заползли крокодилы. Хижины были высокими, вылепленными из глины в виде толстых бутылок, их крутые конические крыши были настелены весьма густо, чтобы выдерживать натиск ливней во время сезона дождей. Дверь каждого дома смотрела на юго-запад, чтобы лучше защищать его от харматтана — ветра сухого сезона, который часто приносит тонкую густую пыль даже сюда, так далеко на юг.

Они-Олорун ждал их на площадке перед хижинной вождя, и Нтикима взглянул на него с не меньшим любопытством, чем белые. По сравнению со своими живописными сопровождающими он казался серой пташкой — ни пышных перьев, ни обильных цветных шрамов. Однако казалось, что

когда-то ему сделали такую же татуировку, ибо следы цветных линий еще угадывались под изможденной кожей: они были чуть светлее угольно-черного фона. Они-Олорун не отличался большим ростом, не более пяти футов. Тем не менее вид у него был достаточно властный, требующий беспрекословного повиновения, которое айбо ему с великой радостью выказывали.

Они-Олорун был очень стар. По одной только его внешности невозможно было бы определить, сколько лет он ходит по земле, ибо она свидетельствовала о возрасте, которого он достиг, прежде чем стал элеме. Мало значило, что у него редкие седые волосы, что лицо его изборождено складками, а кожа вокруг глаз сморщилась и обмякла, или что у него очень худые руки. Мышцы его выглядели изношенными, словно они сжались до предела. Но было что-то в том, как он стоял и глядел на посетителей, что указало Нтикиме на немалый возраст и немалую мудрость. То был человек, занимавший у Огбоне положение выше любого, кого видел Нтикима, близкое к Экеджи Орише, старейшему из старейших.

Они-Олорун отдал белым поклон, полный достоинства. Квинт поклонился в ответ, Ноэль Кордери тоже, между тем Нтикима, Нгадзе и Мбураи отступили. Затем Они-Олорун сел, указав своей когтевидной кистью, что Квинту тоже следует сесть. Они-Олорун, казалось, едва ли замечал Ноэля Кордери, но и тот сел, скрестив, как и они, ноги, чуть позади монаха и немного в стороне.

Они-Олорун заговорил на языке уруба, как и воины; ему, очевидно, уже передали, что белый бабалауо понимает этот язык. Начал он с того, что выразил надежду, что белое племя, которое поселилось на великой реке, процветает среди великого братства племен. Он, несомненно, знал о частых нападениях, которые перенесла фактория в начале своего существования, но племена великого братства постоянно вцеплялись в глотки друг другу — это было неотьемлемой частью их образа жизни. Нтикима не удивился, услышав, как Квинт заверяет элеме, что белое племя благоденствует и благодарно соседям за их дружбу.

— Решено, — заметил Они-Олорун. — Вы скоро выступите в путь на север, через великие леса.

Тут Нозль Кордери выказал некие признаки изумления, хотя Нтикима уже сказал ему, что Они-Олорун знает об их задумке. Хотя белые не представляли себе, какое расстояние преодолел элеми, они вполне могли догадываться, что путешествие может занять несколько месяцев. Наверняка они думают, нет ли у элеми Адамавары чудесного дара предвидения, который позволил им узнать намерения белого бабалауо прежде, чем тот сам в них определился. У Нтикимы не было причин для подобного удивления, ведь он-то и был главным источником знаний Огбоне о замыслах и желаниях белых.

— Это так,— невозмутимо ответил Квинт.— Мы слышали о племенах в глубине континента и о самой Адамаваре. Нам многое хотелось бы узнать о землях, что расстилаются возле великих рек Куарры, Бенуай и Логоне.

Они-Олорун не проявил удивления, когда Квинт назвал три реки, обозначавшие путь в Адамавару, но всего-навсего ответил, что белый бабалауо известен даже в Адамаваре как мудрец и целитель и что Экеджи Ориша от всего сердца приглашает его в их страну.

Квинт догадался, что такое «Экеджи Ориша», хотя Нтикима о нем никогда не упоминал; он понял урубские слова, означавшие буквально «ближайший к богам» — в подобном случае это выражение используется как титул.

Они-Олорун продолжил свою речь, сказав Квинту, что путешествие в Адамавару будет очень трудным и что известные участки пути, населенные свирепыми племенами и обильные демонами и странными тварями, не по нраву даже отважным мкумкве. Квинт ответил, что рассказы о таких чудесах — лишь еще одна причина, по которой мудрый должен желать туда идти, и что у него найдутся храбрые спутники, которые в поисках мудрости дерзнут отправиться куда угодно.

Они-Олорун выразил восхищение храбростью спутников Квинта и добавил, что в одиночку он не сможет одолеть безжизненный лес, избежав серебряной смерти, если ему не поможет элеми, у которого найдутся сильные снадобья и амулеты, охраняющие от ведьм и их чудовищных козней.

Тут Нтикима увидел, что белый бабалауо колеблется, ибо догадывается, что стоит на зыбкой почве и боится нанести оскорбление. Наконец белый ответил:

— Мы считали бы себя удачливейшими из людей, если бы нашли такого проводника и защитника.

Они-Олорун снисходительно ответил, что Экеджи Ориша с радостью окажет покровительство человеку столь мудрому и доброму, сколь заморский бабалауо, и назначил элеми Гхендуа, мудрого Они-Осанхина, носящего белое полотно, провожатым для белых людей в Адамавару.

Нтикима знал, что белые не вполне понимают важность предложения и принятия подарков, дела куда более сложного, чем честная меновая торговля. Преподнесение подарков было во многом заключением сделок с обязательствами. Это могло упорядочить отношения между различными племенами или нанести им крайний ущерб. Если кто-то желал долго жить в этой части земной суши, он должен был с осторожностью принимать подарки и с двойной осторожностью их преподносить. В обоих случаях он мог запустить череду подразумеваемых обещаний, которые, если их нарушить, пусть сколь угодно ненамеренно, навлекали на него расправу. Мальчик задержал дыхание, надеясь, что белый бабалауо примет это предложение с подобающей благодарностью. И облегченно вздохнул, услышав, что Квинт выражает глубочайшую признательность, сознавая, в каком он теперь неплатном долгу. И опять поглядев на Нозля Кордери, Нтикима увидел, что тот сильно беспокоится. Белым не нравится, когда им напоминают об их зависимости от расположения черных племен, на землю которых они пришли.

Они-Олорун хлопнул дряхлыми ладонями; из темной глубины хижины вождя вышел еще один элеми, а с ним незавершенный, волшебник айбо. Элеми казался не таким старым, как Они-Олорун, хотя, подобно ему, был морщинист и худ. Он был облачен в белое одеяние, скрепленное на плече, и при себе имел кожаные сумки с лекарствами.

— Я Гхендуа,— представился элеми.

— Я Мсури,— сказал айбо, лекарства которого свидетельствовали, что он немало достиг в целительной магии. Нтикима догадался, что Мсури также пойдет в Адамавару, где станут решать, достоин ли он получить дар вечной жизни.

— Они будут вашими проводниками,— сказал Они-Олорун Квинту.— Они благополучно доведут вас до Адамавары. Мкумк-

ве должны идти со мной в столицу Бенина, но, думаю, у вас тоже найдутся воины, которые смогут охранять вас от дикарей.

Закончив говорить, он поднялся на ноги в знак того, что беседа завершена.

Квинт тоже встал и поклонился. Ноэль Кордери кое-как разогнул ноги и последовал примеру Квинта. Они-Олорун удалился в хижину вождя, оставив снаружи Гхендуа и Мсури.

— Я пойду с вами, когда придет и уйдет последний дождь,— сказал Гхендуа.— Вы должны подготовиться к великому путешествию, ибо мы не сможем вернуться, пока снова не настанет сухая пора.

Завершив эту речь, элеми поклонился в свой черед и вместе с Мсури удалился в хижину.

Освободившись, Квинт и Ноэль направились туда, где их ждали Нтикима, Нгазде и Мбураи. Мкумкве отошли и уселись тесной кучкой близ палисада, где на них все еще пялились деревенские мальчишки.

— Как вы все это поняли? — спросил Ноэль Квинта, когда они покидали деревню.

— То может быть Промысел Божий,— без тени улыбки ответил Квинт.— Или хитрейшая проделка сатаны. Время даст знать.

Нтикима возликовал по поводу столь несомненной мудрости белого бабалауо, который знает, что Они-Олорун действительно посланец бога, которому он служит, но, кажется, бабалауо понимает также, что в ходе странствия они вполне могут столкнуться с Шигиди, который имеет власть над людьми, когда они спят, ибо Шигиди белые называют «сатаной».

Время и впрямь покажет, как этих чужеземцев из-за моря оценят старейшины Адамавары и Эгунгун, голос их предков. Так подумал Нтикима.

4

Элеми Гхендуа явился в Буруту два дня спустя. Ноэль наблюдал, как их соседи-туземцы с большой торжественностью принимают его. Видно было, что они заранее позаботились, чтобы ни в чем не оказалось недостатка. Элеми

немногое требовалось сказать белым, и они не пытались докучать ему. Напротив, их полностью удовлетворяла возможность пристально наблюдать за ним, когда он ходил по их поселению, осматривая здания и то, что внутри них. Какая бы деятельность ни шла в домах или возле корабля Лангуасса, Гхендуа неизменно оказывался рядом и взирал с некоторого расстояния. Обычно рядом с ним находились Мсури и Нтикима. Но куда бы ни пошел элеме, множество пар глаз замороженно следило за ним.

— Он явился не только чтобы нас проводить, но и чтобы узнать, на что мы похожи,— объявил Квинт Ноэлю и Лангуассу, когда они ужинали в тот вечер.— Ему поручено выяснить, что мы такое, дабы старшие из Огбоне могли решить, как поступить с нами.

— А когда он здесь все разнюхает,— ехидно заметил Лангуасс,— мы получим право отправиться с ним к нему домой и предать себя в руки этих владык-вампиров, с кротостью ожидая их приговора. Но у нас, в любом случае, есть наши ружья.

— Его шпионаж — обоюдоострый клинок,— указал Ноэль.— Мы хотим посетить его страну, и он поведет нас туда. Ясно, что мы больше выиграем от его защищающего присутствия, чем он от нашего, и мы можем учиться у него, пока он изучает нас.

— Полагаю, у нас есть право беспокоиться,— с досадой произнес Квинт.— Когда я предложил выступить на поиски этой сказочной страны, я не думал, что оттуда к нам незамедлительно отправят посланцев, дабы приветствовать наше намерение. Это несколько наводит на мысль о пауке и мухе.

— Эти Огбоне вообще слишком много знают о наших делах,— сказал Лангуасс, уныло глядя в пустую чашку.

— Нам неизвестно, как много они знают,— отозвался Квинт.— Только естественно, что мы вызываем их любопытство. И что они посылают разведчика, чтобы осмотрел факторию. Но не думаю, что старый вампир вышел в путь лишь для того, чтобы повидаться с нами. Подозреваю, что мы открыли свое намерение посетить его страну только когда он прибыл сюда, и он мгновенно включил это в свои замыслы. Если бы Огбоне желали нам беды, они бы запросто

могли покончить с нами. Для этого им не потребовалось бы приводить нас в свою страну. Элеми стоит только приказать — и весь Бенин поднялся бы против нас. Если Они-Осанхин заявляет, что отведет нас в Адамавару, полагаю, туда он нас и доставит.

— Но они не сказали, что отпустят нас обратно, — заметил пират. — Я куда охотней доверил бы нашу безопасность ружьям и пороху.

— Ружья могут защитить нас только отчасти, — сказал Нозль. — Не знаю, какова сила лекарств, которыми располагает этот человек, но нам понадобится вся возможная помощь, если мы хотим справиться с лихорадкой, которая нас подстерегает. Какие еще напасти могут ждать в этом безжизненном лесу с его «серебряной смертью», о которой упоминал Нтикима, — поди догадайся. Гхендуа — один из тех, кто хорошо об этом знает, и его познания понадобятся нам не меньше, чем ваше оружие.

— Безумие доверяться вампиру, — мрачно повторил Лангуасс.

— Мы в стране, где вампирам доверяют больше, чем простолюдинам, — напомнил ему Квинт. — В Африке их не принято считать жестокими. Безумием было бы искать ссоры с элеми здесь, неразумно было бы воевать с ними, как когда-то мы восстали против наших повелителей в Галлии. Здесь иной мир. Мы живем в этой земле с молчаливого согласия темнокожих. Лучше бы не настраивать их против себя.

Настало краткое молчание, прежде чем Нозль заговорил вновь.

— Насколько иначе все было бы в Европе! — вздохнул он. — Если бы тамошние вампиры приняли на себя такую же роль в делах этого мира, что и здешние! И все же эта Адамавара, как нам сказано — страна, откуда появились и первые вампиры нашей Галлии. Как же получилось, что вампиры Африки столь отличны от своих сомнительных сородичей?

— Возможно, дело в том, что их по-разному принимают люди, — предположил Квинт. — Черные приветствовали вампиров и стали почитать их, но арабы отвергали их и уничтожали везде, где могли, каких бы отчаянных усилий это ни

требовало. Возможно, у вампиров нет выбора. Если они вообще могли пересечь великую пустыню, то только изменив свое поведение и навязывая свое господство силой.

— Вероятнее всего, это совсем иные вампиры,— сказал Лангуасс.— Я никогда не слышал о черном вампире в Европе или на Востоке, и не было в древние времена больших кораблей, чтобы перевезти людей нашего рода на этот отвратительный берег.

— Я в этом не уверен,— откликнулся Квинт.— Есть источники, свидетельствующие, что христиане и другие белые добирались до народа черных вампиров в древние времена, причем не одним и не двумя путями. Я читал о греческом капитане, который на корабле обогнул Африку. И финикийцы тоже были славными мореходами. Христианские миссионеры из Сирии отправлялись в земли эфиопов в третьем и четвертом столетиях. Эзана, король Аксума, был обращен Фрументием и сделан святым Афанасием этнархом Эфиопии. Другие миссионеры, несомненно, заходили дальше на юг и на запад. Поскольку они были святыми и учеными людьми, вампиры Африки встречали их как равных. Некоторые историки предполагают, что кое-кто из таких людей, близких к святости, мог быть обращен, и что они вернулись в Малую Азию как миссионеры иного рода и вдохновили затем черных гуннов, мечтавших о завоеваниях. Кое-кто поговаривает, что эти сирийцы и доньне живы, что они таятся за престолами аттиловой цепи империй; другие утверждают, что Аттила, сделавшись вампиром, из алчности и ревности уничтожил тех, кто принес ему этот дар, и скрыл их истинную роль в его деяниях.

— Такова доктрина Истинной Веры? — осведомился пират.

— Нет,— невозмутимо ответил монах.— Это выводы истинного историка.

Ноэль часто слышал, как Лангуасс и Квинт обсуждают вопросы истории и теологии. Лангуасс, великий грешник, всегда был готов усмотреть ересь в мыслях праведного Квинта.

— Если то, что вы говорите, истинно, то как могут относиться вампиры Адамавары к своим заблудшим потомкам? — спросил Ноэль у Квинта.— Возможно, как раз для

того, чтобы что-то о них узнать, они и желают, чтобы нас доставили в их страну? Думаю, мы должны соблюдать крайнюю осторожность и скрыть наше истинное отношение к вампирам Галлии и Валахии.

— Не исключено, что уже слишком поздно,— задумчиво пробормотал Квинт.— Я заметил, что элеме проводит львиную долю времени с Нтикимой, который всегда жаждал узнать как можно больше о нашем образе мыслей и нравах. Слишком поздно оберегать тайны такого рода. Но мы не знаем, точно ли элеме Адамавары будут сколько-нибудь больше довольны своими потомками, чем простые смертные, которых те покорили.

— Учились-учились, годами корпели над книгами — и все-таки знаем слишком мало,— посетовал Лангуасс.

Это замечание раздосадовало Ноэля, но Квинт просто-напросто пожал плечами.

— Как раз потому, что мы знаем так мало,— подчеркнул он,— мы и должны ухватиться за возможность отправиться в эти дикийнские края. Мы ищем не золото, а понимание, которое, в моих глазах, стоит и большего риска. У вас есть «Стингрэй», вы можете выйти в море, если передумали; но если вы остаетесь, то должны принять Гхендуа как нашего проводника и следовать его советам.

— Я настроился на приключение,— ухмыльнулся Лангуасс.— Присутствие этого вампира и его прислужника лишь прибавит мне бдительности, дабы охранять вас всех от измены и ущерба. Если то, что вы говорите, верно, то в Адамаваре нет ружей, и я защищу вас там и выведу оттуда в случае чего.

— Нам предстоят многие месяцы пути,— произнес монах.— За это время многое может случиться и стать испытанием для нас. Нам, разумеется, понадобятся ваши ружья, но мы не должны слишком полагаться на их мощь.

— Я достаточно полагаюсь на них за нас всех,— заверил его Лангуасс.

Тут опять вмешался Ноэль.

— Я внимательно наблюдал за этим черным вампиром и нашел, что он далеко не дурак. Он очень любопытствует на наш счет и задал много вопросов айбо и эдо в фактории. Он подошел и ко мне, когда я смотрел в микроскоп, и

наблюдал за мной так внимательно, что мне пришлось предложить ему заглянуть в объектив. Он ничего не сказал, и я не знаю, что он подумал, но он узнаёт о нас все больше и больше. Мы должны изо всех сил постараться не ударить перед ним лицом в грязь. Если мы в ответ на его вопросы зададим наши, как поступают, кажется, многие из туземцев, мы могли бы получить знания в обмен на знания. За десяток лет мы приобрели большой опыт в меновой торговле. И подобно тому, как мы меняли иглы и ножи на золото и слоновую кость, мы можем поменять мудрость Галлии на мудрость Африки. Неважно, насколько мы полагаемся на свои ружья. Давайте вооружимся до зубов во всех прочих отношениях.

К этому времени они завершили трапезу, и Квинт отодвинул от стола свой стул. Монах сдержанно кивнул, выражая согласие со всем, что сказал его ученик. Лангуасс оттолкнул свой стул и, вскочив, пожал плечами.

Когда другие вышли, Ноэль остался и подождал, когда подойдет Нтикима, чтобы убрать со стола. Он наблюдал, как мальчик работает, нет-нет да отводя взгляд, чтобы посмотреть через окно в темнеющее небо.

— Нтикима, ты не боишься идти с нами в Адамавару? — как бы между прочим спросил он.

— О, нет, — ответил мальчик. — Когда я встретил в лесу Арони много лет назад, он сказал мне, что однажды я должен совершить это путешествие. Я не боюсь, не боюсь даже серебряной смерти.

— И ты придешь с нами обратно, когда мы вернемся? Или останешься с мкумкве в надежде получить однажды дыхание жизни? — Ноэль внимательно следил за ответным взглядом мальчика. Большие темные глаза не ведали ни смятения, ни намерения обманывать.

— Не знаю, — сказал Нтикима. — Я сделаю то, что мне прикажут.

Не раньше, чем мальчик исчез, Ноэль понял, что Нтикима не уточнил, чьим указаниям он обязан повиноваться.

Ноэль рано отправился спать, чтобы встать перед зарей. Он знал, что во время путешествия им придется каждый день подниматься с первыми лучами солнца и останавли-

ваться вскоре после полудня, если они желают сохранить силы. Солнцу джунглей опасно бросать вызов, и когда устанавливается палящая жара, для людей лучше всего спрятаться и переждать.

Нозль очень чутко спал, как случалось всегда, когда с утра предстояло что-то новое. И во сне видел демонов — не слуг сатаны своей веры, но диких африканских духов, об именах и природе которых узнал лишь недавно. Эти призраки ночи дразнили его, крича, что чем глубже он позволит завести себя в их владения, тем опаснее для него будет их вредоносная мощь.

Несмотря на все это, на другой день ни свет ни заря Нозль уже усердно работал, готовя ослов и припасы к переправе через реку на северный берег, откуда они начинали путешествие. Он решил, что если уж идти, надо настроиться решительно, и что он, самый сильный из всех, должен подготовиться к роли предводителя.

Экспедиция располагала двадцатью двумя ослами. Трех предполагалось использовать для езды, если кто-то из отряда будет слишком болен, чтобы идти пешком. Всех остальных же — для поклажи. Отряд насчитывал шестнадцать человек, из них семеро белых. Лангуасс решил, что Лейла и Селим пойдут с ним, и еще двое из матросов, которые лучше прочих управлялись с мушкетами. То были англичане по имени Эйре и Кори, один маленький и жилистый, а второй верзила, в прошлом морской пехотинец. Нозль пытался оспорить решение пирата и не брать в поход женщину. Но Лангуасс не желал с ней расставаться и клялся, что она не хуже мужчины управится с любым делом, которое им предстоит. Не было, разумеется, сомнений, что Лейла предпочтет идти с ним, а не оставаться с матросами «Стингрэя», и Нозль не стал настаивать.

Семерых черных рабочих возглавлял Нгадзе, который прожил в фактории дольше остальных и выучил английский в дополнение к полудюжине местных наречий; Мбураи и Нтикима входили в его подразделение. Власть Нгадзе была чисто номинальной, ибо Гхендуа легко завоевал у темнокожих из фактории авторитет, превосходивший влияние любого белого. Они охотно почитали и Мсури. Таким образом

Нгадзе, само собой, оказался в положении третьего по старшинству. Ноэлю стало ясно, что в случае любого возможного спора для чернокожих не будет вопроса, кого им слушать, лишь Нгадзе может сколько-нибудь заметно поколебаться, да и он, вероятно, предпочтет повиноваться элему.

Вереница ослов, наконец, двинулась через три часа после рассвета, во главе отряда шагали Квинт и элему. Следом Ноэль вел первого осла, который вез личное имущество самого Ноэля и монаха, включая и ящик с разобранным на части микроскопом. Лангуасс и его люди взяли на себя тех ослов, которые везли ружья и порох, туземцы же замыкали шествие и вели по два-три осла, нагруженных припасами и товаром для обмена на пищу в местных деревнях, когда понадобится.

Так началось их путешествие вглубь континента, и Ноэль заметил, оглянувшись на факторию, которая много лет служила ему домом, что ему ничуть не жаль покидать ее, даже несмотря на то, что он не может угадать, что ждет его в будущем. Теперь, пустившись вплавь по морю судеб, он чувствовал себя спокойным и терпеливым, готовым принять все, что приберег для него этот странный континент. В сущности, Ноэль понимал, что начинается величайшее приключение его жизни, которым, возможно, впоследствии будут измерять его достоинство другие и он сам.

5

В первые дни путешествия продвижение экспедиции казалось Нтикиме мучительно медленным. Трудности, вызванные тем, что они вели через джунгли тяжело нагруженных ослов, были велики, и частые задержки вызывали бурное негодование. Ноэль Кордери и белый бабалауо предвидели, на что это будет похоже, и набрались терпения. Но Лангуасс и его моряки не скупилась на проклятия и жалобы.

Они отошли прочь от берега протока, на котором стоял Буруту, направляясь на северо-восток к главному руслу Куарры, но им приходилось то и дело пересекать ручейки и притоки. Водные преграды не были ни глубоки, ни сильны

течением, однако представляли собой опасность из-за крокодилов, которые часто обнаруживались на отмелях. Их приходилось прогонять копьями или ружьями. Суша между речушками была болотистой, изобиловала кусачими насекомыми. Всюду водились черные пиявки, и хотя белые в своей одежде чувствовали себя в сравнительной безопасности, моряков немало беспокоили эти твари. Нтикима знал, как сбрасывать пиявок с ног быстро и легко, но его, тем не менее, раздражали зудящие ранки, которые потом оставались.

Как только дельта осталась позади, путь ненадолго стал легче. Но вскоре тропа исчезла, и начались моря грубой травы, которая густо росла под пальмами. Часто она оказывалась таким препятствием, что путникам приходилось нелегко. Им попадалось множество трясин и непросохших ложбин с грязью, доставлявших еще больше неприятностей. Самые крупные трясины были зловонными, и путникам невозможно было остановиться и разбить лагерь. Не раз и не два им приходилось шагать куда дальше, чем они бы желали, а солнце безжалостно било по ним огненными стрелами.

Не считая крокодилов, крупные лесные животные не представляли собой значительной угрозы. Хотя когда экспедиции встречались питоны, свисавшие с ветвей, белые делали изрядный крюк. Они привыкли не обращать внимания на мартышек и шимпанзе, которые вопили на них с верхушек деревьев. Маленькие кровососущие создания докучали им бесконечно больше. Нтикима сызмальства относился к ним равнодушно, ему было не впервой, но Квинт стал настойчиво убеждать его, что они в своем роде опасней крокодилов. Бабалау раздал своим белым спутникам покрывала, чтобы кусачие насекомые не могли сесть на лицо, и настаивал, чтобы они спали, как следует загородившись сетками. Гхендуа уверял белых, что им нечего бояться и что снадобья, которые есть у него и у Мсури, защитят всех, но белые предпочитали собственные меры предосторожности, а Нтикима достаточно высоко ценил врачебательные способности белого бабалау, чтобы прислушиваться и к тем советникам, и к другим. Квинт велел ему не пить некипяченой воды, потому что кипячение изгоняет вредных духов, и Нтикима послушался. Он с удовольствием предвкушал вре-

мя, когда врачебное искусство Квинта будет выставлено на состязания с искусством Мсури, и столь разные врачеватели пройдут испытание.

Лангуасс вначале возражал против покрывала-сетки, но все-таки уступил. Даже Селим невзлюбил крохотных насекомых и, казалось, боялся их жал куда больше, чем ненавидел что-либо, от чего мог защититься оружием. По этой причине турок был готов идти, завернувшись в покрывало, что с точки зрения его товарищей по путешествию обладало еще и тем преимуществом, что он скрывал свое изуродованное лицо.

Было то следствием принятых мер или нет, Нтикима не взялся бы судить, но белые не перенесли никаких тяжелых лихорадок, пока пробирались через джунгли. У них были боли в желудке и понос, несмотря на то, что они изгоняли из питьевой воды злых духов и тщательно готовили пищу. Заболело несколько ослов, но они, тем не менее, тащили свой груз, и лишь один пал. Еще одной потерей, которую понесла на этом участке экспедиция, были двое из айбо. Они исчезли в ночи, настолько затосковав по дому, что соблазн путешествия в неведомую землю утратил для них всякую силу.

Теперь, когда началась пора засухи, воды великой реки постепенно опадали, и полосы ила и песка, появившись по обе стороны Куарры, становились мало-помалу все удобней для прохода. По берегам стояло много деревень, которые теперь заполучили плодородные земли там, откуда ушли воды, и пища была обильной, ибо река обеспечивала рыбой. В этих поселениях люди с радостью приветствовали Они-Осанхина, и хотя ему порой приходилось задерживаться для участия в тайных обрядах, великим благом для экспедиции было то, что местные жрецы и чародеи не жалели ничего, чтобы продемонстрировать дружеские чувства. Большинство с равным пылом и признательностью держалось со Мсури, который однажды мог вернуться домой как элему айбо.

Когда они порядочно отшли от дельты, берега перестали быть лесистыми. Вдоль реки веял прохладный ветерок, облегчавший неудобства путешествия и отгонявший некоторых из кусачих насекомых, тучами висевших над болотистыми

местами. Постоянными попутчиками экспедиции в здешнем краю сделались речные птицы — журавли и цапли, которых кормила река, и коршуны, высматривающие падаль, покинутую крокодилами. Версница ослов покрывала хороше расстояние между каждым новым рассветом и полуднем, послеполуденную жару обычно проводили в блаженной праздности среди дружелюбных соседей и с обильной едой.

Ночью, когда становилось холодно, белые разбивали свои палатки на открытом месте. предпочитая жить там даже в тех случаях, когда поблизости оказывалась туземная деревушка, где им позволили бы ночевать в обмазанных глиной плетеных хижинах. В такие ночи Нтикима отправлялся обычно с Гхендуа и Мсури на встречи с Огбоне, которые всегда заранее знали об их приближении. Порой и другие черные уходили в деревню, не считая Нгадзе — тот всегда оставался с белыми. Но только Нтикима являлся на тайные собрания. Однако его разочаровало то, что там происходило, ибо совершалось очень мало волшебства.

Белые остерегались пользоваться гостеприимством местных жителей, разве что пополняли запасы пищи, и каждую ночь не забывали выставить часовых. Нтикима находил это мудрым: груз их ослов любой вождь признал бы настоящим сокровищем. Он сомневался, что ружья белых принесли бы им мало-мальскую пользу, не будь путники под защитой Огбоне; никто не постеснялся бы перебить их, чтобы завладеть их добром, и многие вполне готовы были рискнуть и броситься под выстрел мушкета. Здешние жители сами для себя устанавливали законы и куда больше уважали Гхендуа и то, что он представлял, нежели такую далекую от них верховную власть, как Оба Бенинский.

По мере того, как шли дни и ни одна враждебная рука не поднималась на путников, белые все больше уверялись в своей безопасности. Нозль не нес больше мушкет и проявлял больше бесшабашного любопытства касательно тех мест, которые они посещали. Квинт начал внимательно изучать Гхендуа, хотя и потихоньку. Когда элему брал кровь — обычно у Мсури, но порой и у Нтикимы или кого-то из других — жертвоприношение нередко оказывалось под тщательным наблюдением. Когда Гхендуа, Мсури и Нтикима собирали в

лесу растения, необходимые для приготовления снадобий, Квинт часто просил Нतिकиму рассказать, что делается и как. Когда Гхендуа приносил жертвы, или занимался волшебством, или просто сидел один и напевал свои мудрые стихи, Квинт, как правило, находился рядом и прислушивался. Гхендуа, казалось, не раздражало его любопытство, и он ни разу не запретил Нतिकиме отвечать на вопросы белого, хотя его собственные ответы всегда отличались уклончивостью.

Когда элеме пил кровь Нतिकимы, он пользовался бронзовым ножом, чтобы отворить вену и терпеливо сосал несколько минут, прежде чем обработать рану густой мазью, составляющие для которой доставал из своей сумки. Нतिकима никогда не приносил такой жертвы прежде, чем этого от него потребовал Гхендуа, но ощущение важности, которое она придавала, скоро угасло. Ни одна из ран, которые нанес элеме, не оказалась заражена, и элеме порой лечил обычные порезы темнокожих подобным же образом, помогая им скорее зажить.

Гхендуа никогда не просил крови ни у кого из белых и полностью предоставлял лечение их царапин и укусов Квинту. Белые внимательно следили за тем как заживают раны, которые лечил вампир. Нतिकима однако заметил, что и Гхендуа обращает пристальное внимание на то, как исцеляет раны Квинт. Нतिकима пожелал знать больше о способах врачевательства белых, чтобы принести больше пользы элеме. Он начал задавать Квинту вопросы о лекарствах и принципах, на которых основаны его способы целительства. Мальчик отчаянно напрягал разум, чтобы понять ответы, которые давал Квинт.

Лангуасс и его мушкетеры не могли охотиться в лесу, но в любом случае заботились о том, чтобы беречь порох. Айбо, хоть они и лесные жители, не очень-то преуспели в охоте с луком и стрелами. Мясо, которое доставалось путникам, происходило либо из их собственных сокращающихся припасов, либо поступало от местных жителей, державших домашнюю птицу. С рыбой обстояло куда лучше, но основой питания путешественников были просо в виде каши или лепешек и суп из масла сезама и земляных орехов. Айбо куда заметней отличались в собирательстве, чем в охоте, они отлично находили разного рода плоды, включая бананы, поу-

поу и ямс, а также дазо и земляные орехи. Изобилия здесь не имелось, но добычи хватало, чтобы досыта накормить всех, когда поблизости не оказывалось деревни. Нгадзе, однако, горестно предсказывал, что собирать плоды станет куда труднее, когда они поднимутся в горы.

Когда лес поредел, северо-восточный ветер стал приносить негустую еще голубую пыльную дымку. Так впервые заявил о себе харматтан, который будет веять в течение всей засушливой поры, делая воздух сухим и плотным. Закаты приобрели из-за него великолепные краски, но дни стали проходить тяжелее, ибо путникам часто приходилось шагать прямо против ветра, и пыль постоянно оседала на лица, причиняла боль глазам и горлу. Нтикима это нравилось не больше, чем белым, но Гхендуа сказал ему, что чем дальше на север, тем с этим будет тяжелее, и чем выше в горы, тем суше и обильней пылью становится харматтан.

Близ самого берега реки появились округлые холмы с бурой травой на гребнях, а в зеленых долинах между ними густо росли пальмы. По утрам на северо-западе можно было разглядеть горные вершины, но к полудню муть харматтана скрывала их.

С вершин холмов по ночам становились видны рассеянные повсюду огоньки множества деревень, а однажды путники увидали на западе алый отсвет большого лесного пожара. Первого из множества, которые станут опустошать в ближайшие месяцы огромные участки земли. Случалось, они проходили местами, где деревья почернели и искривились от пожаров минувших лет.

Наконец путешественники выбрались из леса и оказались на равнине. То были земли нупаи — скотоводов, как и мкумкве. Нупаи одевались не так причудливо, как воины мкумкве, которые сопровождали Они-Олоруна, и предпочитали украшения цветным шрамам. Ноэль Кордери, кажется, счел страну нупаи менее странным и враждебным местом, чем лес. Иначе отнесся к этому Нтикима, родившийся и выросший в лесу: открытые пространства, где жили пастухи, были для него чужими. Он попытался, впрочем, не подавать вида, ведь он состоял в Огбоне, а для Огбоне ни одна местность этого большого континента не должна быть чуждой. Двое

черных из фактории страдали от болезни, которую Квинт называл фрамбезия, распространенной в здешних краях, особенно среди детей. Гхендуа дал им лекарство. Нтикима знал, что большинство больных рано или поздно выздоравливают без лечения, даже маленькие дети редко умирают от этого недуга, но он знал также, что это тяжкое испытание, и люди часто остаются обезображенными. Он не удивился, когда те двое решили, что с них довольно, и покинули отряд. Теперь из туземцев, которые вышли из Буруту, остались только Нгадзе, Мбураи и Нтикима. Нозля Кордери раздосадовала потеря, но унывать себе он не позволил. Теперь, когда они пересекали открытую местность, управляться с ослами стало куда легче.

Мбураи тоже слегка вышел из строя: его правая рука пострадала, как он утверждал, от червя, который рос внутри в течение нескольких лет. Квинт этому сперва не поверил, но в ходе путешествия через деревни близ реки Нтикима смог показать ему других мужчин и женщин, страдавших от того же заболевания. Один из них воспользовался тем, что кончик червя ненадолго вышел наружу из раны близ запястья, и начал дюйм за дюймом наматывать эту тварь на палку. Нтикима уверил Квинта, что так этот человек сможет в конце концов избавиться от паразита, хотя это мучительное дело. Мбураи спросил, нельзя ли как-то извлечь из его руки червя, который причиняет ему страдания. Но ни Квинт, ни Гхендуа не могли предложить для этого никаких действенных средств.

За этими исключениями худшим, от чего страдали в пути темнокожие, были чиги, роющие насекомые, которых Квинт и Гхендуа с равной ловкостью извлекали острием иглы. Таким образом, пока еще не представилось возможности испытать, могущество кого из этих двоих целителей сильнее.

Башмаки белых защищали их от чиги, но им требовалось тщательно вытряхивать башмаки каждое утро прежде чем их обуть, не то в них могли забраться скорпионы. Как-то раз малорослый Эйре закричал в панике, ибо огромный паук прыгнул сверху ему на спину, но Нтикиме удалось уверить его, что эти существа совершенно безвредны. Нтикима не боялся пауков и позволял им бегать по себе, ликуя оттого,

что даже безносый турок считает это свидетельством необычайной храбрости и твердости духа.

На равнине, где жили пастухи, Нтикима увидел многих незнакомых животных, вызывавших у него изумление не меньше, чем у белых. Он был потрясен почти так же, как и Нозль Кордери, впервые увидев жирафов, щипавших листву с высоких деревьев. Как ни странно, но некоторые из созданий, для него совершенно новых и диких, не были незнакомы Нозлю. Он объяснил Нтикиме, что уже видал львов и леопардов и даже слона в неволе в том месте, где жил раньше. Нозль, кажется, ожидал, что такие существа будут часто встречаться ему теперь, когда он попал на их родину, и оказался немало разочарован тем, что большие кошки слишком робки, и их не так-то легко увидеть, хотя в лесу то и дело раздавалось рычание. Нозль описал Нтикиме львов до того, как Нтикима получил возможность взглянуть хотя бы на одного, но гиены и шакалы, которых они часто видели роющимися в отбросах близ огороженных деревень, представлялись странными в равной степени и беслому, и Нтикиме.

Нозля, казалось, буквально ошеломляли некоторые из вещей, которые они видели по пути. Он расспрашивал Нтикиму об обычае некоторых кочевых скотоводов не только доить скот, но и пускать ему кровь. Такие кочевники делали надрезы на шеях животных и смешивали кровь и молоко, создавая пенистый напиток. Когда такой напиток предложили путешественникам, Нтикима нашел его приемлемым, но он заметил, что белые почему-то не желают даже пробовать и, кажется, неприятно поражены таким обычаем. Нтикима заключил, что белые повинуются непонятным и строгим табу касательно применения крови, которые не могут не иметь связи с их отношением к элему. Но когда он поведал о своем открытии Гхендуа, Они-Осанхин выслушал его равнодушно.

Путешествовать по равнине было так легко, что к концу второго дня они увидели место, где должны были переправиться через Куарру и последовать по течению Бснуаи, которая сливалась с великой рекой неподалеку. Не имелось ни малейшей возможности одолеть реку вброд. Путникам

пришлось уговаривать рыбаков одного из крупных приречных поселков перевезти их. Даже если бы им не помогал Гхендуа, это не представило бы собой большой трудности, ибо туземцы имели немалый опыт в речной торговле. Многие говорили на языке уруба, а некоторые пылко заявили, что бывали в Буруту. Вид белых людей ничуть не удивил и не напугал их, чего не скажешь о жителях леса, многим из которых соседство чужаков не нравилось. Старейшина деревни принял путников куда гостеприимней, чем любой из вождей лесных племен.

За слиянием рек лишь узкая полоса земли лежала между Бенуаи и холмами, и по этой земле они зашагали на восток, следуя тропам, отменно проторенным здешними торговцами. В этой местности держали ничтожно мало скота; Гхендуа сказал, что это из-за большого падежа. Лишь в нескольких милях дальше, где местность поднялась, скот мог безопасно щипать траву. Путники приблизились к крутому берегу Бенуаи, покинув край холмов, где земля начала растрескиваться от засухи. Жители холмов, которые обычно являлись к реке по такому случаю, вызывали страх и неприязнь у местных жителей, ибо часто нападали на прибрежные деревни; казалось, даже Гхендуа их остерегается. Не раз и не два путешественники видели разрушенные частоколы со рвами — это было все, что осталось от деревень, стертых с лица земли грабителями.

Две ватаги торговцев хауса с запада три дня тащились за вереницей ослов, очевидно, надеясь, что мушкеты Лангуасса защитят от нападения также и их. Как и жители деревень, выстроенных у слияния рек, эти хауса уже видывали прежде белых людей и не считали их для себя чужими. Обычно торговцы хауса продолжали путь после полудня, но в нынешних обстоятельствах согласились остановиться, когда белые стали искать укрытия от солнца. Они расположили свое добро в развилках деревьев и пришли посидеть с Нгадзе и Мбураи и весело поболтать. Нтикима не подходил к ним, предпочитая держаться поближе к элему. Гхендуа не обратил на них внимания. Хауса двинулись своей дорогой, когда Гхендуа повел ослов прочь от реки, снова держа путь на север по холмам, следуя руслу небольшого ручья.

Когда путешествие стало казаться невыносимо бесконечным, храбрость вдохновила Нтикиму на вопрос, сколько еще дней займет у них эта дорога. Это был тот самый вопрос, который уже задавал Нозль Кордери. Но Гхендуа только сказал мальчику, как уже говорил белым, что дорога едва началась и что плодородной земли Адамавары не просто достичь таким людям, как их спутники.

6

Нозля вырвал из отрешенного состояния, предшествовавшего сну, протяжный отдаленный вой, отчетливо разносившийся в неподвижном воздухе тропической ночи. Он немедленно поднял голову с грубой подушки, которую соорудил из запасной одежды, но тут же узнал этот звук и понял, что причин для тревоги нет. Он перекатился на спину и открыл глаза, но не сделал попытки подняться. Нозль знал, что со временем вой прекратится, и тогда он сможет спокойно уснуть.

Квинт, с которым он делил палатку, тоже не казался обеспокоенным. Но он сел, оттолкнув складки москитной сети, и натянул башмаки. Его лицо было таинственно озарено крохотным ночником, который горел на земле меж постелями.

— Это Оро,— сказал Нозль.— Не наша забота.

— Лангуасс этого не знает,— ответил монах.— Его и его людей надо предупредить, чтобы оставались в палатках. Нам меньше всего нужно, чтобы кто-то с мушкетом выбежал в ночь в поисках дикого зверя. Если завтра утром мы увидим где-то поблизости мертвецов, я предпочел бы, чтобы это были воры хауса или разбойники уруба.

— Конечно,— согласился Нозль.— Мне тоже пойти?

— Не нужно. Я справлюсь один.

Монах расправил свое белое одеяние и, побарахтавшись, выбрался из сетки, которая завешивала его постель. Покидая палатку, он закрыл за собой откидную лопасть, но она недолго оставалась закрытой. Вошла Лейла и пробралась под сетку Нозля. Он вздрогнул от неожиданности, но тут же испытал противоестественное облегчение, видя, что она

одета; ночи теперь стали холодными, и она, отходя ко сну, натягивала на себя больше одежды, чем в послеполуденную жаркую пору.

— Что это за шум? — спросила Лейла. Она уселась на постели, пытаясь казаться спокойной, но ей это не особенно удавалось.

— Это Оро, — ответил Нозль. — Что означает «ярость» или «неистовство». Туземцы говорят, что это своего рода демон, который является наказывать виновных, но вой возникает из-за того, что выдолбленный кусок дерева вращается на ремне. Оро, пожалуй, сродни Эгунгуну, который появляется на других праздниках. Его призывают Огбоне, чтобы вершить суд над ведьмами и другими нарушителями неписаного закона. Когла раздается его голос, все женщины должны укрыться в своих хижинах, ибо он имеет дело только с мужчинами. Преступников, которых ему выдают, никто потом больше не видит, но порой их скорчившиеся тела находят на ветвях высоких деревьев, где, как говорят, этот демон их бросает. Их кровь берут и пьют, равно простые смертные и элеме. И мажут ею большие барабаны, которые они зовут гхеду. Это такое жертвоприношение. Порой, когда приходит Оро, совершают также жертвоприношения рабов из числа военнопленных или детей. Но это зависит от праздника. Если это праздник Олори-мерина, бога, охраняющего города, должен быть пожертвован новорожденный младенец. Такой день случается четыре раза в год, но даже если он настал сейчас, нам ничто не угрожает.

— И не наш приход вызвал его? — спросила цыганка.

— Нет. То, что мы проходим мимо, не имеет значения для здешнего народа. Их может обрадовать, что здесь поблизости вампир Гхендуа, они могут пригласить его для участия в обрядах и устроить для него особое представление. Он важная персона среди Огбоне. Но он жрец Осанхина, доброго бога врачевания, его рука не поднимется на убийство.

— Ужасная страна, — посетовала Лейла. — Здесь кровопийцы все, смертные и бессмертные. Боги, которых боятся эти черные люди, требуют пролития крови, и даже молоко, которое пьют их дети, осквернено кровью животных. Это гнусно.

— Кровь по этим лесам течет не гуще, чем по улицам любого города в Галлии,— не без цинизма отвечивал Нозль.— И сомневаюсь, что арабские земли сколько-нибудь чище. Ни христиане, ни магометане не выказывают особой щепетильности по отношению к врагам, и все мы ссылаемся на волю тех или иных богов, которых почитаем, что бы мы ни творили. Олори-мерин, несомненно, темное божество, но есть своего рода честность в том, что жестокие дела совершаются во имя жестоких богов, в то время как папские инквизиторы пытаются людей, служа доброму и светлomu Богу. И при этом говорят, будто Он любит нас всех и обо всех печется.

Снаружи, где-то далеко, голос Оро запнулся и медленно угас.

— Это конец? — поинтересовалась цыганка.

— О, нет,— сказал Нозль.— Сейчас ударят в барабаны. Но мы далековато от города, и нам это не покажется слишком громким. Мы в безопасности. Давайте-ка постараемся уснуть.

— Если бы я могла остаться с тобой,— сказала она,— я спала бы крепче.

— Лангуассу будет тебя не хватать,— ответил он, изо всех сил стараясь, чтобы это не прозвучало недобро.

Лейла ответила бы — и что-нибудь резкое — но тут вернулся Квинт и поглядел на них двоих, неловко сидящих порознь в складках защитной сети. Лейла испытывала благоговейный страх перед Квинтом, хотя он никогда не был с ней суров, и она отодвинулась от Нозля еще дальше, ибо к ее беспокойству добавилось смущение.

— Не бойтесь,— сказал Квинт.— Лагерь вне опасности. Нгадзе посторожит. Гхендуа и Мсури ушли. Нтикима тоже. Возможно, только потому, что он уруба.

Нозль задумчиво кивнул. Ни он, ни Квинт не верили, что Нтикима ушел только потому, что он уруба. Они пришли к выводу, что он входит в Огбоне и что его с самого начала назначили наблюдать за торговцами в Буруту и докладывать своим хозяевам об их действиях и замыслах. Они не испытывали сколько-нибудь бурного негодования по этому поводу, ибо мальчик нравился обоим, но это побудило их к большей осторожности в отношениях с ним.

— Я пойду к Лангуассу,— сказала Лейла.— Хотя он больше во мне не нуждается. Если он узнает тайну, которую хранят эти черные вампиры, ему не потребуется сколько-нибудь долго медлить, рассуждая, не слишком ли много он потеряет, если этим воспользуется.

С этими словами Лейла покинула палатку, чтобы вернуться в свою. Нозль поглядел ей вслед, ошарашенный.

— Что она имела в виду? — спросил он монаха.

Квинт неторопливо вернулся под прикрытие своей москитной сетки и стянул башмаки.

— Думаю, она пытается объяснить вам, что Лангуасс импотент или близок к этому состоянию. Он намекал мне на это, выспрашивая то да се касательно моих возможностей целителя.

Нозль неуверенно глядел на монаха, до сих пор неспособный вместить в свой разум то, что сказала марокканка.

— Какое это имеет отношение к тайне черных вампиров?

— А вы разве не видели, причинное место элеме? — вопросом на вопрос ответил Квинт.

Гхендуа редко оказывался где-либо без полотна, которым обматывал бедра. Мылся он нечасто. Нозль не видел, что там внизу; он всегда отводил взгляд от любого обнаженного человека, мужчины или женщины.

— У него поврежден уд,— сообщил Квинт.— Когда я впервые заметил это, я подумал, что он стал жертвой неудачного обрезания или несчастного случая, происшедшего задолго до того, как он стал вампиром, и он теперь не может ничего исправить. Но это могло быть сделано и умышленно. Если икейика — это обряд, пройдя который мальчик становится мужчиной, то возможен подобный же обряд, когда мужчина превращается в элеме, и это может быть то, что имел в виду Ого-Эджодун. Элеме пользуются почтением за то, что поднялись над обычными удовольствиями и заурядными искушениями, свойственными смертным людям, и мы знаем, что расцвеченные шрамы, которые наносят мужчинам в таких племенах, как мкумкве, не заживают окончательно, когда носящие их становятся элеме. Возможно, что головка члена Гхендуа была отсечена, и рану смазали мазью, которая помешала вырасти новой, когда он стал вампиром.

Нозль и не подозревал, что может так свести желудок. С минуту он даже думал, что его сейчас стошнит. Нозль видел эдо, которых поранили, небрежно выполняя обрезание во время посвящения в мужчины их племен. И зрелище воспаленного и гноящегося пениса изрядно угнетало его. Мысль о том, что процесс возвышения до статуса элемеи включает более радикальную операцию, пожалуй, повергла его в куда больший ужас, чем попытки догадаться о том, что происходит в миле-другой от них, где кровь малого дитяти прямо в эти минуты стекала в калобасу с тем, чтобы ее поместили под земляной насыпью, где позже заркоут изрезанную ломтями плоть младенца.

— Не может такого быть,— сказал он хриплым голосом.— Вампиры появляются после чего-то вроде мужеложства, так, по крайней мере, считал мой отец.

— Другие тоже так считали,— признал Квинт.— Хотя грегорианцы всегда утверждали, что посвящаемых насилует сам дьявол. Мне было бы отчаянно любопытно увидеть срамные части других элемеи, чтобы узнать, что там отсутствует.

С этими словами монах улегся и закрыл глаза. И хотя барабаны гхеду уже загремели в городке неподалеку, казалось, он без особых сложностей скользнул в объятия Морфея. У Нозля, напротив, мысли настолько всколыхнулись из-за услышанного, что он метался несколько часов и все еще не спал, когда барабаны умолкли. Утром глаза у него были красные и утомленные, и он необычно долго копался за работой, вызывая раздраженные взгляды Лангуасса. Пират ни словом не обмолвился о происходившем ночью, но явно сдерживал известное любопытство касательно того, что могло выйти между Нозлем и его подружкой — собственно, в полном смысле слова уже и не подружкой.

Равнины, которые некоторое время пересекала экспедиция, были поистине благодатным местом для жизни. Стада туземцев благоденствовали, участки с просом, тапиокой и ямсом давали щедрый урожай. Но дорога стала каменистой, а там и вовсе каменной. Земля и ее обитатели делались чем дальше, тем беднее. Совершив дневной переход, путешественники попали из земли, где текли молоко и мед, в

суровый край, где трава увядала, деревья росли редко, а туземцы отличались угрюмостью. Солнце зашло в тот вечер, засветившись напоследок необычно грозно. Харматтан затемнил пурпурный горизонт, где края плато нависли над равниной, словно спина чудовища, протянувшись и вправо и влево настолько, насколько видел глаз.

Нгадзе сказал Нозлю и Квинту, что торговцы хауса, которые шли с ними некоторое время, называют это плато Бочи. И предостерег против него, ибо живущие здесь кибун — дикари и каннибалы. Мужчины кибун, как сказали хауса Нгадзе, имеют красную кожу, а женщины у них хвостаты. Эти красные люди скачут, как демоны, по пыльным нагорьям на своих тощих коньках. Хуже того, они не любят элечи. У них не только нет своих, но они даже живут без надежды, что когда-нибудь к ним явятся мудрецы. Вместо этого они благодарят своих диких богов за то, что у Огбоне нет над ними власти. Нгадзе повторил рассказы торговцев о вампирах, убитых и пожранных этим чудовищным народом. Но когда Квинт спросил Гхендуа, представляют ли для них угрозу люди с плато, элечи не выказал ни малейшего беспокойства.

Гхендуа вел их по усеянной валунами равнине к обрывистым гранитным скалам, и Нозль увидел, что они направляются к расселине в каменной стене, где близ торопливого ручья тянется тропа. Эта крутая тропа привела путников на высоту не менее восемнадцати сотен футов и очень нелегко далась ослам. Пришлось снять со спин животных вьюки на время большей части подъема и нести их самим, разделив на грузы поменьше. Подъем удалось завершить прежде, чем солнце стало палить особенно жестоко, и белые успели разбить палатки на вершине, между тем как остальные закончили переноску грузов от подножия скал.

На другой день они увидели первые деревни кибун, близ которых требовалось пройти. Там не имелось деревянной стены или канавы, как у деревень нупай и их соседей. Вместо них деревни окружали высокие изгороди из колючих растений. Хижины были невелики, каждое поселение разделялось на части меньшей высоты изгородью, примерно в рост человека. Просо росло внутри изгородей, а птица и лошаденки — живность кибун — содержались в загонах.

Люди кибун смотрели на путников из своих безопасных укреплений, когда они проходили мимо, но не предприняли попытки выйти и напасть. Нозль увидел, что кожа у них действительно красная, но лишь потому, что они натирают свои нагие тела особой краской. Копья у них были легкие и заметно короче, чем те, которыми вооружались воины мкумкве. Женщин они не увидели, и трудно было судить, не приврали ли хауса, утверждая, будто те хвостаты. Когда путешественники проходили совсем близко, Гхендуа повернулся к наблюдающим за ними кибун, высоко поднял правую руку и крикнул им: «Шо-шо! Шо-шо!». Они дружно ответили на приветствие, также подняв руки и хором крикнув: «Шо-шо! Шо-шо!».

Позади этого селения раскинулась равнина, на которой росло всего несколько деревьев, изрядно потрепанных ветром и малорослых. Трава везде была короткая и уже желтела, а местами почернела от огня. Когда они в тот вечер разбивали лагерь, единственным зеленым пятном перед их глазами была кактусовая изгородь деревни, все еще заметная у края неба на юге.

Они одолели приличное расстояние, и когда тронулись дальше, голая земля не создавала больших препятствий. Солнце ослепительно светило с безоблачного неба, весь день дул харматтан, но они поднялись теперь достаточно высоко в горы, чтобы жара не казалась невыносимой. Плато по сравнению с низменностями было населено редко, и когда путники двигались мимо кактусовых крепостей, под защитой которых жили кибун, туземцы обычно скрывались в своих поселениях, отвечая на приветствие вампира, но не отваживаясь выйти навстречу и тем более предложить в дар еду. Как и предсказывал Нгазде, собрать мало что удавалось, да и дичи почти не водилось. Без дополнительной пищи, добытой в деревнях, припасы, которые везла экспедиция, приходилось экономить, и вскоре они почувствовали, что голодают. Порой они видели группки охотников кибун, сидевших на неоседланных лошадаках, и Нгадзе пытался делать им знаки в надежде обменять ножи и иглы на свежее мясо, но охотники не приближались.

Ночью дул холодный востер, совершенно непохожий на пыльный харматтан. Из-за этого востра все они сжимались

в комочек под своими одеялами. Почти не было топлива, и костерочки, которые удавалось поддерживать, горели скудно и давали мало тепла. Нгадзе и Мбураи спали сидя, подтянув колени к подбородкам и плотно укутав плечи одеялами. Часто они поигрывали копьями, указывая их наконечниками в небо за плечами, но неизменно отказывались укрыться в палатке. Гхендуа боролся с холодом магическими песнопениями. По крайней мере, так это выглядело. Он покачивался из стороны в сторону, полунапевая-полуразговаривая и вдруг незаметно переходя от связной речи к долгому припеву, в ходе которого бесчисленное число раз повторялось нечто вроде: «А-да-ма! А-да-ма!».

Несмотря на то, что Нозль убедил айбо одеться, они дрожали холодным утром, а когда люди и ослы опять выходили в путь, то подпрыгивали и плясали, пока тепло не возвращалось в их кости. Нतिकиме, казалось, холод докучал меньше, чем старшим, но в конце концов он простудился, и его хворь не могли полностью одолеть лекарства элемеи, так что пришлось посадить его на осла.

Равнина опять начала подниматься плавными складками. Теперь направление пути изменилось — путники двигались больше на восток, огибая конусы трех древних вулканов. В одном месте им потребовалось пересечь глубокую пропасть по ненадежному мостику из веревок и досочек, немало испугавшему ослов, которых Квинту и Нгадзе пришлось ласково уговаривать. Местность становилась все тяжелее для продвижения, многочисленные выступы скал рассекали пересохшую землю, каменные хребты причудливо извивались над холмами. Туземцы, населявшие эти места, относились к народу явара; они строили поселения крупнее, чем кибун. Их хижины рассыпались по вершинам холмов или теснились в узких плодородных долинах. Как и кибун, явара избегали приближаться к путникам и неохотно отвечали на приветствие вампира, пока однажды отряд не подошел к необычайно большому поселению в лесистой долине, где Гхендуа встретили с воодушевлением. Нозль понял, в чем дело, когда их прспроводили в хижину на поляне, где жили мудрецы этого племени. То были элемеи, всего три, на вид все очень старые.

Здесь экспедиция смогла пополнить припасы и приняла участие в пиршестве, заданном в честь визита Гхендуа в их поселение. Гхендуа и Мсури говорили с яварскими элеме до глубокой ночи, между тем как мужчины, женщины и дети племени собрались поглазеть на белых людей. Они никого подобного ни разу не видели. Никто даже не рассказывал им о светлокожем народе, корабли которого мало-помалу налаживали связи с племенами африканского побережья. Ноэлю явара показались более цивилизованными, нежели большинство лесных племен. Хотя они не обрабатывали бронзу с искусством ремесленников Бенина, они намывали олово из песков полупустыни, плавили его в глиняных печах, тянули из него проволоку и отливали украшения. Их горны и печи для обжига, молоты и мастерские пробудили у Ноэля неожиданную ностальгию. Здесь жили люди, которых можно было назвать механиками. Это искусство связывало их с ним таинственным духовным родством.

Но он не проводил много времени, наблюдая, как они занимаются своим ремеслом. Вместо этого его тянуло в хижины элеме, и он все подглядывал за ними, надеясь, что на глаза ему попадутся чресла здешних вампиров. Теперь он уже разглядел искалеченный пенис Гхендуа и не меньше Квинта желал увидеть, имеется ли подобный ущерб у прочих элеме. И что в действительности может означать род завершенности, именуемый тигу? Это любопытство и то, к чему оно побуждало, вызывали у Ноэля некоторое презрение к себе, но он не мог противиться искушению. Однако возможности увидеть то, что ему хотелось, все не предоставлялось.

Экспедиция к этому времени одолела вершину большого плато, и дорога опять спускалась. Наконец они вышли к северному берегу реки — очевидно, главного здешнего потока в засушливую пору. Теперь вода и здесь стояла низко. Гхендуа назвал реку Гонгола. Они двинулись поросшей редкими деревьями кромке между заливными лугами у реки и сухой степью. На этой плодородной полоске паслось множество скота кочевого народа, который называл себя фульбе. Фульбе равно отличались от африканцев из лесов и жителей плато, кожа их была медной, а волосы длинными и прямыми. Многие носили бороды, в отличие от лесовиков, которые

выщипывали редкие волосы, выраставшие на подбородке. Эти кочевники и их становища, загороженные циновками из заны, преобладали в здешнем краю.

Кажется, фульбе не особенно ладили со своими соседями-земледельцами, и путешественники натолкнулись на две деревни, покинутые и разрушенные в недавнем прошлом. Шакалы и коршуны уже рассеяли блестящие кости мертвых воинов. Гхендуа не приближался к стадам фульбе, и Ноэль получил от Нтикимы совет: на этот раз людям Лангуасса следует приготовить к бою свои мушкеты. Даже элеме, казалось, боялся столь дикого народа. Ноэль спросил Нтикому, нет ли у фульбе своих элеме. Тот ответил, что нет.

Этот край наводняли непривычные запахи, явно вызванные гниением растений, выставленных на солнцепек обмелевшей рекой. Эта вонь напомнила Ноэлю о полях вокруг Абертайви, удобренных водорослями. Здесь Ноэль впервые увидел мало-мальски крупные стада антилоп, хотя на большей части земель безраздельно господствовали домашние стада туземцев.

Путники шли берегом Гонголы, пока та не вступила в широкую и плоскую долину меж двух крутых гряд, после чего русло резко свернуло к югу, Гхендуа же повел отряд на восток, и они поднялись на новое плато. Это плоскогорье не было таким высоким, как Бочи, и оказалось более лесистым. Здесь обнаружили густые кустарники, а стены постоянных городов, которые поддерживал в порядке народ, называвшийся тера, служили надежной защитой от набегов фульбе. В городах имелись элеме, и Гхендуа здесь приветствовали, так что путешественники не страдали от тягот, которые им пришлось выносить недавно. Белые разбивали свои палатки внутри крепостей, дабы разделить преимущества обороны. Но проведя две ночи за стенами, они перебрались в более пустынные места. Тут на них не замедлили напасть грабители фульбе, которые явно не понимали, как хорошо защищена экспедиция. Первые налетчики явились, выскочив из зарслей на обочине тропы, по которой вереницей тянулись ослы. Они пропустили большую часть каравана перед тем, как заявить о себе, и метнули копья в тех, кто шагал рядом с тремя последними осликами. Кори и Лангуасс

держали наготове мушкеты и не замедлили разрядить их, между тем, как Эйре, Нозль и Селим подбежали к ним со своими мушкетами. Как только прогремели выстрелы, упало двое из бородатых налетчиков; одного уложил Лангуасс, стрелявший совсем с близкого расстояния, другого — Эйре, поразивший противника, когда тот вскинул руку, чтобы метнуть копье. Прочие разбойники повернулись и кинулись в чащу. Одно копье все же ранило в бок осла, который обезумел от боли. Трое животных, которых выпустили Кори и Лангуасс, побежали, куда им вздумалось; два угодили в колючие заросли, где исчезли фульбе. Кори попытался пуститься вдогонку, однако Нозль удержал его, убедив, что сейчас лучше сбить потеснее оставшихся ослов. В экспедиции осталось слишком мало народу, чтобы отваживаться на погоню.

В тот вечер кочевники совершили новый набег. На этот раз из кустарника вылетело человек тридцать-сорок, разом взывших и метнувших копья. Лангуассу пришлось немедленно построить своих молодцов, а именно Кори, Эйре и Селима, и они вчетвером дали залп. Тем временем Нозль, Квинт, Лейла и Нгадзе ждали позади, готовые занять их место.

Хотя расстояние, которое требовалось покрыть нападающим, превышало семьдесят ярдов, лишь трое тут же упали, и казалось, что вот-вот завяжется рукопашная. Но когда фульбе подступили поближе к мушкетам, атака замедлилась, и атакующие стали выказывать страх. Они выпускали свой боевой клич, но явно не спешили подойти. Турок Селим завопил в ответ, еще более жутко, чем они, и его товарищам предоставилась возможность еще раз перезарядить мушкеты, чем они и воспользовались, и не безрезультатно. Пока на них дождем сыпались копья, они опять выстрелили, убив или ранив еще пятерых. Эйре в бок попало копье, и ранило еще двух ослов, но налетчики снова повернулись и удрали.

Сперва Нозль счел это удачным избавлением, но Эйре умер ночью от раны в живот, а когда они попытались собрать своих ослов, им пришлось бросить раненых животных и часть выюков, которые те несли. Гхендуа, встревоженный, побудил их поспешить, насколько возможно, прочь, подальше от этого опасного места, и Нозль склонен был согласиться с ним. Таким образом, на другой день в путь вышла изрядно потре-

панная экспедиция, и Нозль чувствовал, что удача от них отвернулась. Казалось, опасности, которые до сих пор выжидали, теперь обрушились на них со всей силой и яростью.

Так и оказалось. Ибо началось скверное время, когда очень и очень многое не пошло на лад.

7

Нтикиму не на шутку перепугали налеты фульбе, не в последнюю очередь из-за того, что Гхендуа, в могуществе которого он доньше не сомневался, не смог предвидеть их или с ними справиться. Мальчик увидел, что если бы не мушкеты Лангуасса, экспедиция потеряла бы все. Он был рад, что мушкет, который нес Эйре, теперь, по настоянию Нозля Кордери, дали ему и что Лангуасс согласился учить его заряжать оружие и стрелять; хотя вскоре обнаружилось, что эти уроки откладываются на неопределенное время.

Пока они не покинули поросшую кустарником местность, где на них напали фульбе, они двигались быстро и спокойно. Но после того, как несколько дней миновали без происшествий, Нтикима начал полагать, что худшее позади: фульбе больше не показывались, и, казалось, удовлетворялись тем, что захватили.

А путники попали в поразительно разнообразную местность, где островки леса окружали высокие равнинные травы, одолевать которые было столь трудно, сколь и опасно. Травы часто поднимались на высоту в два человеческих роста. Теперь, когда верхушки стеблей высохли, они легко подхватывали огонь. Почерневшие участки, где уже прошлись пожары, одолевать было проще, хотя это были скверные места, густо усыпанные золой. Однако там, где еще не горело, могли таиться какие угодно ловушки.

Когда путешественники прошли по этим равнинам четыре дня, и за три из этих четырех не видели ни души, они оказались на пути у огня, который несло им навстречу с севера. Им пришлось припустить наискось в надежде очутиться подальше и спастись от пожара. Останавливаться и пережидать самую жару уже не приходилось, и чем дальше

они спешили от настигающих дымов, вдыхая запах гари, тем заметней поддавались испугу выючные животные. Они продолжили бегство и при звездах, собрав все силы, пока не пересекли широкий и плоский поток и не попали на берег, где было позеленее. Только там они почувствовали себя в безопасности.

К этому времени у экспедиции осталось только семь ослов, практически никаких запасов пищи, и все, кроме элми, страдали от крайнего изнурения. У Нतिकимы появился резкий кашель после того, как он надышался дыма, и болело в груди. Большинство палаток пропало, лишились путники и защитных сеток, которыми пользовались белые, чтобы не страдать от укусов насекомых. Хотя теперь насекомых вокруг было куда меньше, чем в лесу. Большая часть одеял досталась налетчикам, а ночи по-прежнему стояли холодные. Нтикима боялся, что кашель станет хуже, но обернулось так, что ему редко приходилось спать без одеяла. Ноэль Кордери и белый бабалауо довольствовались вместо одеял своей одеждой, пока мальчику нездоровилось.

Наутро после пожара у Лангуасса и Кори обнаружили признаки солнечного удара. Они проделали в тот день совсем небольшое расстояние, а на следующее утро у Лангуасса началась лихорадка. Поскольку выючных животных было теперь так мало, тюки несли все, даже белые, и Лангуасса нельзя было посадить на осла, но, прошагав час, он зашатался, и ему стало совсем худо. Квинт соорудил носилки, которые до полудня несли Селим и Ноэль. После полудня чернокожие отправились собирать земляные орехи и корни, и хотя нашли достаточно пищи, чтобы приготовить хороший обед, весь отряд в тот вечер отчаянно пал духом.

На другой день у Кори тоже обнаружилась лихорадка. И хотя Лангуассу стало немного лучше, Лейла была ужасно огорчена. Кашель Нतिकимы уже прошел, и он уступил свое одеяло тем, кому оно было нужнее. Квинт был утомлен и слаб, хотя и не болен. Теперь, как показалось мальчику, Гхендуа должен доказать, чего стоят его снадобья, а не то его водительства окажется недостаточно, чтобы доставить их в Адамавару.

Гхендуа заботился о Лангуассе и Кори с великим терпением, пока они одолевали этот долгий мучительный день.

Он напевал свои молитвы и давал лекарства из своего оскудевшего запаса, а затем отошел, чтобы просидеть в одиночестве всю долгую ночь, опустившись на сомкнутые пятки и мягко провозглашая: «А-да-ма! А-да-ма!». Он повторял этот призыв, по своему обыкновению, часами, погружаясь в некоего рода транс. Нтикима с интересом наблюдал за ним и видел, что у Мсури любопытства не меньше.

Несмотря на внимательный уход, заболевшие белые не показывали признаков скорого выздоровления. Не желая бросать вещи, белые замедлили продвижение до скорости улитки и одолели лишь несколько миль, пока не разбили новый лагерь. В сумерках Гхендуа послал Нтикиму к Ноэлю и Квинту с неожиданным призывом, и у них состоялась церемонная встреча с элеми, какой он никогда прежде не устраивал.

— Поблизости нет никакой помощи, — сказал Гхендуа на языке уруба ровным голосом, который прозвучал для Нтикимы непривычно, словно издалека. — Задерживаться надолго опасно. Могут возникнуть новые пожары, а если нет, то нас сразит лихорадка. Завтра мы должны идти быстро, и больные тоже должны шагать сами. Я дам им новое лекарство, которое заставит их считать, будто они сильны. В этом снадобье — опасность. Они будут шагать, пока не упадут и больше не встанут. Мне не сделать ничего другого.

— Как далеко нам еще идти? — спросил Квинт. — Когда мы достигнем цели?

Элеми до сих пор так и не дал точного ответа на вопрос, как далеко до Адамавары, но теперь снизошел до уступки.

— Между двенадцатью днями и двадцатью, — сказал он. — Лучше двенадцать, но то, что могут такие, как я, такие, как вы, не могут. Мсури силен, а ваши спутники слабы. Вам решать, сколько вы понесете. Вам решать, что делать больным. Я дам лекарство вам всем, но предупреждаю: когда мы доберемся до безжизненного леса, там будут новые болезни. Серебряная смерть хуже, чем эти лихорадки, и путь будет трудным.

— Ты считаешь, что мы должны бросить наших друзей? — спокойно произнес Квинт. — Мы не можем этого сделать.

Нтикима наблюдал, как темные древние глаза элеми глядят в лицо белого волшебника. Мальчик не мог бы сказать, что

думает хотя бы один из них, но чувствовал, что происходит нечто вроде сражения, пока они испытывают друг друга взглядами.

— Я доведу вас до Адамавары, как мне и было велено,— сказал наконец элеме.

— Мы будем тщательней распоряжаться припасами,— обещал монах.— Но Лангуасс не бросит свои мушкеты и порох, да и я бы этого не хотел. Мы понесем все, что можем, и будем молиться, чтобы твои лекарства довели нас живыми до Адамавары.

— Так и будет,— ответил Гхендуа.— Я не прошу вас оставить ваше оружие и глаз, который заглядывает внутрь вещей. Я только предупреждаю, что дорога будет трудной и некоторые могут умереть, хотя я сделаю все, что смогу.

— Спасибо,— сказал белый бабалауо элеме, слегка наклонив голову.

Когда они с Нозлем Кордери пошли прочь, Нтикима присоединился к ним, и Нозль отвел мальчика в сторону, чтобы расспросить.

— Помню, ты говорил нам о безжизненном лесе и серебряной смерти,— сказал белый.— И хочу, чтобы ты теперь открыл мне чуть больше из того, что знаешь. Ибо то, что говорит элеме, встревожило меня.

Нтикима поднял глаза на высокого бородатого белого человека.

— Я знаю только то, что слышал,— ответил он.— Земли вокруг Адамавары темны, и там не поют птицы. Людсей пожирает серебряная смерть, которая забирает жизнь и чувства из тел.

Нозль Кордери нахмурился.

— Как проказа? — спросил он, но Нтикима только и мог, что пожать плечами.

— Приходит Шигиди,— добавил мальчик после недолгого молчания.— Во сне серебряной смерти приходит Шигиди.

Нтикима уже раньше упоминал Шигиди, имеющего власть, когда люди спят, и всегда приносящего кошмары. Мальчик не был увсерен, что белые понимают его до конца.

— Нтикима,— снова сказал Нозль.— Ты не скажешь мне, почему Огбоне приказали, чтобы нас привели в Адамавару?

Нтикима приготовился пожать плечами, но поколебался. Белые теперь знали, что он Огбоне, хотя так и не сказали об этом. Они знают это уже некоторое время и все же не делают попыток скрываться от его любопытных глаз и не отказываются отвечать на его вопросы. Ему хотелось чем-то успокоить их. Видимо, этого добивался Ноэль. Но мальчик не мог этого сделать.

— Вы будете в безопасности,— произнес он, хотя не знал наверняка, правда ли это.— Адамавара создана Шанго, ударом его молнии, но Они-Олорун правят там теперь, а они добры. Они не причинят вреда. Нет зла в Адамаваре, где сердце Олоруна — пища человека, а дыхание жизни хранит совершенных, так что им не нужно быстро уходить в Ипо-оку.

Ноэль Кордери покачал головой.

— Сплошные загадки, Нтикима,— сказал он.— Слова без всякого значения. Ты надеешься, что однажды станешь бабалауо и присоединишься к элему, так что тоже станешь совершенным, и тебе не понадобится уходить в Ипо-оку?

Ипо-оку называлась страна мертвых, в которую рано или поздно уходили даже совершенные. Нтикима не хотел уходить туда раньше, чем придется.

— Арони, когда я встретил его в лесу, пообещал, что я узнаю тайны растений и стану носить белое полотно, как бабалауо. Однажды я отведаю сердце Олоруна и получу дыхание жизни. И попытаюсь стать мудрейшим из мудрых.

— И пройдешь большую икейику, как Гхендуа?

— Я буду тигу,— заявил ему Нтикима, а затем двинулся прочь, чтобы помочь Нгадзе готовить ужин.

После еды Нтикима сидел один чуть в стороне от огня и наблюдал, что делают другие. Ночной холод еще не пришел, и было слишком жарко, чтобы греться у костра, так что белые рассеялись. Лангуассу и Кори выделили оставшуюся палатку, и больные тут же отправились туда спать. Квинт отвел Нгадзе в сторону и завел с ним важный разговор. Турок Селим сидел спиной к пню и стругал широким ножом кусок сухого дерева. Ноэль Кордери и женщина сидели вместе, глядя на запад на колышющиеся травы и обломки деревьев. Нтикима проследил направление их взглядов и миг-другой всматривался в занавешенный пылью лик заходящего

солнца, кроваво-красного в пурпурном небе. Оно быстро спускалось в расселину меж двух холмов на горизонте.

— Ужасное место,— услышал Нтикима слова Лейлы.— Я и представить себе не могла, что сердце Африки окажется таким. Путешественники, которые нам о нем рассказывали, говорили о джунглях, об испарине и диких зверях, но не о желтой траве и дочерна обгоревших деревьях. Даже насекомым здесь не нравится, не считая скорпионов.

— Неудачное время,— согласился Нозль.— Но в пору дождей мы вообще бы не смогли ни пройти через лес, ни пересечь долину Гонголы. Полагаю, мы столкнулись с наименьшим злом, хотя и оно оказалось немалым.

— Мы не нашли сокровищ,— сказала она.

— Мы еще не добрались до сказочного королевства,— отозвался Нозль. Сухость его голоса дала Нтикиме понять, что Нозль отнюдь не ожидает, будто то, что Лангуасс назвал бы сокровищами, найдется в Адамаваре.— Ему не следовало тащить вас в такое путешествие.

— Я пошла не из-за него, а ради тебя,— шепнула она.— Он меня не тащил. Я сама потащилась.

— У вас лихорадка,— сказал Нозль, почти обвиняя.— Дорога не покажется вам легкой завтра или послезавтра. Еще несколько из нас умрут, пока мы достигнем цели.

— Но ты останешься жив,— произнесла она.— Ибо ты человек, по силе и смысленности настолько близкий к вампиру, насколько это возможно.

Нтикима не понял ее слов, ибо Нозль Кордери ничуть не казался ему сколько-нибудь похожим на элеме. Он мог представить себе, что белый бабалау однажды вступит в ряды старейшин Адамавары, но только не Нозль Кордери, скорее воин, чем священнослужитель.

— Я благословлен крепким сложением,— сказал Нозль женщине,— но мой отец был сильнее и все же умер от чумы.

— Может статься, что ты более удачлив.

— Нет,— ответил Нозль.— Он был великим человеком и не мог полностью мне доверять. Я меньше его и не смею доверять себе.

Тут Лангуасс криком потребовал воды, и женщина поднялась на ноги, чтобы идти к нему, но Кордери повернулся

и увидел, что поблизости сидит Нतिकима. Он уговорил Лейлу остаться и подал знак Нतिकиме, который принялся тут же искать воду, чтобы отнести больному.

Был чайник, кипевший на костре, и немного воды, уже отлитой из него в тыкву-горлянку, чтобы остыла. Когда Нतिकима попробовал ее, она оказалась еще слишком теплой. Тем не менее, он подал ее Ноэлю, который отпил немного и кивнул. Нतिकима зашел с тыквой в палатку и поднес воду пирату. Лангуасс отхлебнул глоток, но тут же пожаловался, что она ему не помогает.

— Подожди ночи,— пробормотал Нतिकима.— Тебе станет достаточно холодно, когда настанет тьма.

Лангуасс был весь в чудовищной испарине. Глаза его расширились, вокруг радужных оболочек виднелась непрерывная белая кайма, глазные яблоки словно распухли и болели.

— Убирайся, черный мальчишка,— сердито сказал он.

Нतिकима пожал плечами. Лангуасс не любил его, он платил пирату тем же. Ему не будет жаль, если Лангуасс умрет. Хотя он предпочел бы увидеть в столь скверном положении безносого турка, ибо между ним и страшилищем существовала еще более глубокая неприязнь.

— Гхендуа принесет лекарство,— сказал Нतिकима.— Доверься элему.

— Довериться дьяволу! — огрызнулся Лангуасс жутким голосом.— О да, дьявол кое-что должен мне за работу, которую я для него делал! Попомни мои слова, черный бесенок, в аду отведено почетное место для таких, как я. Вера учит нас, что плата за грех — смерть, а я чувствую, что адское пламя горит внутри меня, выжигая мне кишки. Но я не боюсь. Я послал демонов обратно в преисподнюю, и ты можешь засвидетельствовать это перед престолом Божиим, если я призову тебя в свидетели, маленький черномазый.

Нतिकима бесстрастно придержал тыкву возле губ больного, чтобы тот мог отпить еще. Затем повернулся к Кори, который был слишком слаб, чтобы приподняться, и плеснул немного тому на губы. Лангуасс яростно попытался встряхнуть головой, как бы пытаясь полностью прийти в себя, но движение только вызвало у него боль и заставило вскрикнуть. Нतिकима

протянул руку, чтобы успокоить его, но белого это, казалось, разъярило еще больше. Нтикима догадался, что Шигиди уже явился к Лангуассу и станет мучить его всю, хотя пока что серебряная смерть и не отворила пути к его сердцу.

— Спи,— велел мальчик.

— Убирайся! — прошипел пират.— Пришли ко мне Селима. Пусть он посидит со мной, отгоняя черных бесов. Пошел вон!

Нтикима удалился. Он вернулся к Ноэлю Кордери и рассказал ему, что пират очень болен. Ноэль только покачал головой.

— Пойдем вперед, как сумеем,— сказал он.— Мы прошли уже немало, и страна, которую мы ищем, совсем рядом. Лекарства элему могут нам помочь.

— Идет Шигиди,— предостерег Нтикима.— Этот человек, Лангуасс, чувствует его близость, хотя не знает его имени.

— Бред и Кошмар — вот имена, которыми мы зовем вашего бога ужаса,— сообщил ему Ноэль.— И среди нас нет ни одного, кто не знает о его приближении. Ступай отдохни и ты, Нтикима, и не подпускай близко Шигиди, если можешь.

Нтикима поступил, как было велено. И Шигиди не тревожил его в эту ночь. Но в безмолвии его дремоты имелось одно тревожное подводное течение, которое подсказало ему, что еще день — и Шигиди явится к нему, отринув всякое милосердие, ликующий в жуткой ярости и злобе.

8

Ноэль проснулся на другой день в скверном настроении, не больной, но разбитый ломотой и тяготами пути, чувствуя себя лишь тенью того полного сил человека, который вышел из Буруту. На заре они скудно позавтракали пшенной кашей с кассавой и земляными орехами. Гхендуа дал Квинту темный порошок, который следовало добавить в питье больным. Хотя порошок не был горек и привкус его скрадывался пищей, нелегко оказалось убедить Лангуасса, Кори и Лейлу принять полную дозу. Они спали беспокойно, и хотя пробуж-

дение опять вернуло им разум, пища не лезла им в горло. Все трое, однако, страстно желали пить, и Квинт убедил их, чтобы они съели все, чередуя глотки каши с глотками кофе.

Когда они опять выступили, Ноэль не заметил улучшения у этих троих, двигавшихся растерянно и неловко. Мало-помалу шаги их делались все более целенаправленными, и казалось, что они погружены в какой-то загадочный транс.

Прокладывать путь через высокую траву было трудно, так что за часы между рассветом и полуднем они одолели чуть более десяти миль. Но они продолжили движение и после полудня и шли до тех пор, пока сочетание жары с общей изнурительной усталостью не стало для них невыносимым. Лангуасс, Кори и Лейла мгновенно крепко уснули, как только им позволили остановиться, и Ноэль поставил палатку, чтобы укрыть их от палящего солнца.

Нгадзе подошел к Ноэлю и сказал, что собирается пошастать по траве в поисках съестного, и спросил, не возьмет ли Ноэль ружье, чтобы они могли заодно добыть мяса, но Кордери покачал головой, зная, как неважно стреляет. Он предложил Селиму пойти вместо него, и турок охотно согласился. Нгадзе, Мбураи и Селим вышли вместе, пообещав вернуться задолго до темноты.

Когда село солнце, все еще не было и признака ушедших. Ноэль и Нтикима собрали охапки сухой старой травы, чтобы развести большой костер, который служил бы маяком для возвращающихся охотников, хотя такого явного знака им и не требовалось. Ноэль понимал, что с ними стряслось какое-то несчастье.

Квинт не смог разбудить к ужину спящих и сказал Ноэлю, что опасается за их жизнь, особенно за жизнь Кори. Когда Гхендуа сообщили, что все трое очень ослабели, тот просто ответил, что у них было бы еще меньше надежды выжить, если бы всем пришлось ждать среди травяного моря вместо того, чтобы спешить вперед.

Через два часа после того, как стемнело, Нгадзе и турок вернулись — последний был ранен в голову и обезумел от боли. Скользящий удар копья сорвал верхнюю часть его левого уха и длинный лоскут кожи с черепа, дополнив новыми увечьями жуткую коллекцию шрамов. Кремневое ружье Се-

лима исчезло. Нгадзе удалось собрать кое-что съедобное, но недостаточно, чтобы остановить убывание припасов.

Нгадзе объяснил, что пока они выслеживали дичь, их застигло врасплох несколько юных фульбе, которые не иначе как шли за экспедицией несколько дней, с самого последнего нападения. Селим рухнул почти мгновенно, поскольку первой целью нападавших было завладеть ружьем, и двум айбо пришлось биться своим нехитрым оружием. Они звали на помощь, но забрели слишком далеко, чтобы их услышали в лагере. Мбураи был убит прежде, чем разбойники удрали с ружьем, из нападавших погиб только один.

— Они на этом не успокоятся, — добавил Нгадзе. — Они непременно попытаются украсть у нас что-нибудь еще, хотя, может быть, их слишком мало, чтобы напасть на лагерь.

Квинт перевязал раны Селима, в то время как турок бормотал сбивчивые проклятия на свой обычный нелепый лад. Гхендуа велел ему пожевать корень, который, как сказал элеми, ослабит боль, но сколько-нибудь заметного действия это лекарство не оказало.

— Фульбе не последуют за нами, когда трава кончится, — сказал элеми. — Когда мы доберемся до холмов, где начинается Логоне, нападение перестанет грозить нам, но мы должны поспешить, насколько можно.

Теперь удалось разбудить изнуренных спящих, чтобы они немного подкрепились вместе с Нгадзе и Селимом, но после того, как они поели, лишь Кори уснул легко, и это не показалось Ноэлю добрым знаком. Лангуасс и Лейла металась и вертелась в тисках болезни, порой принимаясь бредить. Ноэль сидел с ними, пытаясь успокоить их. В итоге сам он не выспался, и когда занялась заря, почувствовал, что и ему требуется порошок Гхендуа, хотя принять снадобье все же не решился. Ноэль сказал себе, что просто устал и не должен позволить лихорадке одолеть себя.

Кори они разбудили с большим трудом и с трудом же уговорили принять немного пищи со снадобьем, но казалось, ему хуже прежнего. Ноэля расстроил его вид — моряк очень исхудал и осунулся, и его высокий рост только подчеркивал худобу. Лангуасс и Лейла не были так плохи, но положение Лангуасса с самого начала осложняло то, что он старше.

К полудню они одолели двенадцать миль. Лангуасс и Лейла выглядели теперь такими же больными, как Кори, который не мог больше идти без поддержки. Гхендуа желал продолжать путь, но Квинт настоял на передышке. Монах надеялся, что состояние Лангуасса и Лейлы к утру улучшится достаточно для того, чтобы в следующий день отряду повезло больше. Нгазде, Нтикима, Квинт и Ноэль по очереди бодрствовали с мушкетом на коленях, страшась, что фульбе заметят их слабость и воспользуются случаем напасть.

Следующее утро принесло мало нового. Кори поднялся, но, увы, Ноэль не мог поверить, что тот продержится еще двадцать четыре часа. Хотя Лагуасса и Лейлу не лихорадило, поход скоро отнял те силы, что они накопили на отдыхе. Пока они шагали травами, харматтан сердито дул и нес вместе со скрипучей пылью запах дыма, побуждая путников ускорить шаг. На самом севере к одиннадцати часам они увидели большие клубы дыма, но огонь еще был далеко, и даже харматтан не мог бы принести его быстро. Тем не менее, пришлось шагать дальше и под послеполуденным солнцем лишь с краткими передышками в конце каждого часа. В эти палящие часы дух Ноэля пал так, как никогда прежде, ибо травы стали теперь казаться бесконечными и неодолимыми. Его терзали жажда и голод, и он чувствовал, что вот-вот поддастся той же лихорадке, которая одолела его спутников. Он жаждал броситься наземь и больше не шевелиться, но видел, как впереди него ступают Гхендуа и Мсури, как старческие ноги Они-Осанхина движутся, точно часовой механизм, несмотря на то, что мышцы на них кажутся нитями, натянутыми на кости. Мсури, который тоже был стар и даже не был вампиром, не отставал от элеме без каких-либо признаков напряжения. Ноэль с яростью твердил себе — то, что могут эти старики, может и он — куда более молодой, крупный и крепко сложенный человек. Он бранил себя за немощ своей бледной плоти.

Решимость путешественников, в конечном счете, была вознаграждена; хотя прежде, чем им удалось убраться с дороги пожара, огонь за несколько напряженных часов подступил к ним ближе.

Позже Ноэль спрашивал себя: а что если пожар был благословением, а не проклятием? Не только потому, что заставил их двигаться, но и потому, что мог вынудить фульбе оставить преследование и повернуть обратно. К тому времени, когда солнце склонилось к закату у них за спиной, трава заметно поредела, и опять довольно часто стали встречаться островки леса. Путники без особых трудностей нашли более открытый участок зарослей, годившийся для лагеря. А по дороге Нгадзе и Нтикиме представилась возможность собрать немного съестного. Когда же отряд остановился, Мсури подстрелил птицу и обеспечил их мясом. Теперь Ноэлю казалось, что самое худшее позади.

Когда стемнело, Ноэль и Квинт, наблюдая за отдаленным свечением пожара в зарослях, увидели, что ветер относит пламя к западу от их пути. Там оно пожрет те места, которые они уже одолели. Нтикима присоединился к наблюдателям и сказал им, что теперь нет нужды беспокоиться о припасах, ибо им предстоит пересечь пояс добрых земель, прежде чем они вступят в безжизненный лес. Им будут попадаться навстречу деревни, и там найдутся элеме, которые помогут. С тем, чтобы подтвердить свое заявление, он повлек своих собеседников на другую сторону лагеря. На востоке, куда они теперь направлялись, они увидели свет отдаленных костров.

Нтикима сказал, что это костры племени сахра, близких родичей мкумкве. Они дадут путникам еды, а их элеме пополнят запас лекарств Гхендуа. А за землями сахра, как он уверял, лежит сама Адамавара. Мальчик уруба казался более взволнованным близостью цели, чем Мсури или Гхендуа, однако Ноэль не мог найти в себе сил, чтобы ответить на это воодушевление.

Лангуасс и Лейла спали в эту ночь спокойней, и Ноэль решил, что они выздоравливают. Но сон Кори был совсем иным. Страдалец находился за пределами досягаемости кошмаров, но Кордери боялся, что когда настанет утро, большой окажется и за пределами пробуждения. Так и вышло. Кори умер ночью. И хотя Квинт прочел над ним молитву, они оставили тело падальщикам, ибо у них не было времени копать могилу теми грубыми орудиями, которыми они располагали. Лангуассу и Лейле немного полегчало, хотя Гхен-

дуа настоял, чтобы они взяли еще дозу порошка, чтобы выдержать необходимую скорость шага.

Они добрались до первой деревни сахара вскоре после полудня, и их приняли там как гостей. То была небольшая деревня, раскинувшаяся вокруг источника. К каждой конической хижине прилегал участок земли, ограниченный цинонками. Амбары в деревне были из соломы и имели форму ульев, они возвышались на деревянных подпорках, чтобы защитить зерно от насекомых. Женщины племени вставляли в губы диски, существенно вытягивающие их и придающие женщинам сходство с ширококлювыми птицами. Мужчины татуировались похоже на воинов мкумкве.

Над деревней жужжали мириады суетливых мух, которые, пожалуй, несколько портили местное гостеприимство, но путники были так благодарны за свежую пищу, что мухи показались им сущим пустяком.

В деревне постоянно жило четверо элеме. Больше, чем в любой другой из тех, которые они уже посетили. Элеми занимали хижину близ жилища старейшины. Они сидели рядом снаружи, и каждый из них показался Ноэлю много старше любого, кого он видел. Они были куда морщинистей, чем Они-Олорун, который приходил в Бенин, волосы их почти совсем вылезли, а глаза глубоко запали. Ноэль не мог догадываться об их возрасте, но не удивился бы, если бы кто-то сказал ему, что они прожили здесь тысячу лет. Они не носили мешочков на талии, и набедренные повязки у них оказались совсем узкими полосами ткани, так что Ноэль смог удостовериться, что детородные органы у них в таком же состоянии, как и у Гхендуа. Пенис каждого представлял собой уродливый обрубок, такой же нелепый, как и остатки носа бедного Селима. Мошонки их, однако, остались нетронутыми, так что это нельзя было назвать полной кастрацией.

После весьма торжественной трапезы, к которой Лейла и Лангуасс едва смогли присоединиться, сахар предложили гостям араки, алкогольный напиток из проса, изрядно превышавший крепостью обычную просяную бузу. Квинт чуть пригубил араки, Ноэль выпил совсем немного, но Лангуасс, Нгадзе и Нтикима напились допьяна, да и Лейла хлебнула достаточно, чтобы перестать соображать. Это, похоже, не

понравилось Гхендуа, тревога которого касательно возможности благополучно довести своих подопечных до цели выражалась все еще явственно. Ноэль также тревожился, как бы выпивка не привела к новому, более тяжелому приступу лихорадки.

Ноэль внимательно наблюдал, как ведет себя в этой деревне Гхендуа. На западе его надменная отрешенность была почти абсолютной, и даже встречая элеме, он ожидал, что с ним будут обращаться почтительно, как с важной особой. Здесь его положение казалось иным. Местные элеме встретили его как равного. Ноэль догадался, что хотя туземцы, среди которых жили старцы, не были ни богаты, ни могущественны, они стояли выше других своих сородичей.

Ту ночь они провели за оградой деревни сахра, не выставив часовых, и спали много лучше, чем в предыдущие ночи, хотя Ноэль чувствовал, что не полностью избавился от своих недомоганий. Следующий их ночлег тоже произошел в деревне сахра. И к тому времени, когда они оттуда вышли, Лангуасс и Лейла выздоровели достаточно, чтобы не нуждаться больше в снадобье Гхендуа. Хотя они оба страшно исхудали, а от Лангуасса осталась одна тень, оба объявили, что худшее позади. Пал еще один осел, осталось только шесть. Селим по-прежнему оставался причиной большого беспокойства, и ему требовалось настойчивое внимание элеме. Припасы пополнились, и Нгадзе с Нтикимой пришли в бодрое расположение духа.

Но владения сахра были лишь узкой полосой плодородных земель. Вскоре опять начались крутые подъемы, густо поросшие лесом. Гхендуа вел своих спутников с уверенностью, которая предполагала, что он уже ходил этой дорогой прежде. Жара стояла ужасная, и немало докучали насекомые. Ноэль и Квинт постоянно носили покрывала, и Квинт вынужден был делать то же самое Лангуасса, сломив его сопротивление, но никто не посмел ни в чем убеждать страдающего от раны турка. Больше всего доставалось от насекомых чернокожим, и Гхендуа в тот вечер потратил немало времени, смазывая их лица и спины.

Деревья в здешнем краю не походили ни на что, виденное Ноэлем. Тут росло мало знакомых видов, включая и вездесущие пальмы.

сущие пальмы и оуалы, а также немногие деревья дики, на которых зрели плоды манго. Но они были крупнее обычных, часто с перекрученными стволами, словно давным-давно какой-то великан схватил их огромными ладонями и вывернул. Встречались и другие, с черной корой, увитые ползучими лианами. Они стояли в уединенном великолепии и бросали тень на много ярдов вокруг. Эти тоже были красивыми, их стволы походили на тыквы-горлянки, как попало нанизанные на копья. Подлесок был нечастым, и кусты, которые обычно росли на открытом пространстве, где над ними не возвышались огромные кроны, выглядели жалкими и нездоровыми.

Нгадзе и Нтикима в тот вечер собирали плоды. Когда они вернулись в лагерь, Гхендуа настоял на том, чтобы осмотреть их добычу. Они принесли с собой множество незнакомых плодов, и некоторые Гхендуа выбросил, сказав путешественникам, чтобы больше подобных не касались.

Еще выше в горах они наткнулись на русло новой реки, которую Гхендуа назвал Логоне. Русло оказалось пересохшим, лишь с запахом влаги и густым илом на дне.

За рекой лес сделался еще чуднее. Подлесок почти пропал, а нависающие над головой ярусы стали так высоки, что не составляло трудности шагать по земле меж деревьями. И тем не менее, место это оказалось не из приятных. Здесь водилось очень мало птиц, а обезьян путники и вовсе не увидели. Кругом роились бесчисленные насекомые, но почти не встречалось душистых цветов, которые бы их привлекали. Солнце, проникающее сюда сквозь ярусы крон, ярко освещало густые лишайники, которые росли в трещинах, образованных в перекрученных стволах деревьев. Часто они были рыжими или желтыми, а некоторые — белыми с пурпурными или синими полосками. Такие лишайники висели гроздьями на безлистных остовах мертвых деревьев. И чем дальше забредали путники в чащу, тем больше Ноэлю казалось, что все породы деревьев здесь представлены только искривленными и гниющими останками мертвого леса.

Они перешли несколько небольших речек, которые питали Логоне в пору дождей, и в некоторых оказалась вода. Однако ни пиявок, ни крокодилов, которых Ноэль уже начал считать

повсеместными обитателями Африки, здесь не водилось. Не было и водяных птиц и, насколько он мог сказать, рыбы тоже.

Перебравшись через Логоне, они пошли на северо-восток. Миля за милей путники брели по уродливому лесу, но не обнаружили никаких туземных деревень. Дважды они разбивали лагерь у илистых вод крохотных речушек, и ночи были здесь таинственно-безмолвными. Лангуасс страдал от возобновившейся и более тяжелой лихорадки, так что Ноэль стал бояться за его жизнь, но Лейла постепенно избавилась от остатков своей болезни.

— Это и есть безжизненный лес, о котором ты говорил? — спросил Ноэль Нтикиму, когда они стояли лагерем на открытом пространстве на горном склоне. — Кажется, будто мы вообще не на земле, а в некоем месте, которое люди предпочли бы не посещать. Более неподходящего места для поисков Сада Эдемского я себе представить не могу.

Нтикима подтвердил, что это действительно великий лес, который окружает Адамавару, скверное место, где никто не живет. Оно не полностью было лишено жизни, ибо здесь имелись насекомые, не говоря уже о деревьях, а также большие черные летучие мыши, которые обитают на верхушках деревьев. Водились тут и шимпанзе, и Нтикима сообщил, что среди здешних шимпанзе есть три древних зверя, которые давно уже живут больше, чем им положено, беря кровь у самок и детенышей, как людские элеме у простых смертных. Ноэль не знал, верить ли этому.

Через некоторое время они вышли к горному хребту — черному, скалистому, протянувшемуся приблизительно на три четверти мили. Здесь в пору дождей обычно шумел водопад шириной ярдов в сорок-пятьдесят, завесу которого в пяти местах разрывали острые скалистые выступы. Но теперь все высохло, и по скалам не струилось даже тонкой струйки. Под скалами виднелся длинный карниз, который, когда пойдут дожди, окажется под водой. Сейчас там легко было пройти. Каменный обрыв, вдоль которого они шагали, был изрыт пещерами и ходами. Для ослов эта дорога оказалась не самой подходящей, так как была недостаточно широкой. Пришлось вести их ниже, по растрескавшемуся илистому руслу.

За скалой оказался еще один крутой подъем, куда более затруднительный для копытных, чем дорога, которая привела их на плато Бочи. Пришлось разгрузить ослов, и все равно один поскользнулся и сломал ногу, и пришлось зарубить его на мясо. Каждый, не считая Лангуасса, которому трудно было волочить даже собственное брненное тело, к этому времени нес на себе тюк, а теперь пришлось нагрузиться дополнительно. Гхендуа не позволил бы бросить что-либо съедобное, он настойчиво повторял, что чем дальше, тем труднее будет что-то добыть. Нозлем овладело беспокойство насчет запасов воды.

Теперь тропа вилась вверх по скалистой местности. Деревьев здесь росло куда меньше, дорога была несравненно труднее, поскольку поднималась круто в горы. Путники на заметно более долгие периоды оказывались под палящим солнцем, но воздух был не такой влажный, и чем выше они взбирались, тем менее гнетущей казалась жара. Надобность в покрывалах отпала, поскольку насекомых тут не было, подобно тому как в нижнем лесу не водились птицы.

Рана на голове Селима не заживала, несмотря на усердие Гхендуа. Нагноение было крайне мучительно для турка, человека по натуре необычайно выносливого, он непрерывно и сердито что-то бормотал на своем родном языке, то взывая, то постанывая. Нозль воспринимал этот лепет как горестный спор одиночки со мстительным божеством, которое так жестоко с ним обошлось. Рядом с раной под кожей турка начало распространяться странное пятно, которое затем побежало по шее, затронуло плечо, а там и руку. Как если бы что-то росло в его плоти под самой кожей. Квинт никогда ничего подобного не видел. Но Они-Осанхин глядел на это с большим беспокойством. Нозлю пятно казалось черным или темно-серым. Ему не сразу пришло в голову связать это с «серебряной смертью», о которой упоминал Нтикима. Но мальчик сказал ему, что это она и есть.

— Шигиди идет,— скорбно произнес Нтикима.

У Мсури и Нгадзе возникли заботы из-за куда более незначительных ран, от которых они страдали и которые не заживали, а становились с каждым часом только хуже. Сами

по себе эти повреждения не были серьезны, но прошло немного времени, и Ноэль заметил тревожные признаки заражения, распространяющегося по плоти. На эбеновой коже пятно выглядело куда более светлым, серым, и он наконец понял, почему африканцы называют это «серебряной смертью». Хотя Гхендуа щедро пичкал лекарствами всех троих пораженных, в их состоянии не наблюдалось явного улучшения. Элеми его, казалось, и не ожидал, уходя при этом от ответов на вопросы о возможном развитии болезни.

Когда они разбили лагерь в ту ночь, Ноэль отправился искать топливо для костра и в небольшой пещере в отвесной каменной стене наткнулся на несколько трупов, сбившихся в кучку вокруг золы давно угасшего костра. Иссохшие и сморщившиеся на солнце тела представляли собой кости да кожу, но легко можно было увидеть, что кожа эта не бурая и не черная, она имела пепельный оттенок, точно такой же, как пятна на телах его спутников. Квинт не замедлил обратить внимание Ноэля на то, что все эти тела, хотя они должны были пролежать здесь много лет, не тронуты падальщиками. Ни леопард, ни шакал, ни коршун не явились, чтобы содрать мясо с костей, и даже личинки не стали пожирать гниющие останки.

Ноэля встревожило это открытие, хотя он был уверен, что они уже на самом пороге Адамавары. Казалось, Лангуасс не сможет цепляться за жизнь достаточно долго, чтобы дотянуть до цели, и серебряной смерти запросто удастся унести турка прежде, чем минет еще день. Ноэль спрашивал себя, сможет ли он выжить и увидеть Адамавару. И он осматривал себя при свете костра, выискивая признаки болезни, которая казалась ему ужасней любой лихорадки. Он видел, как подобным осмотром занимается и Квинт, тревожно косящийся на любую царапину или синяк.

Позднее Ноэль отошел от костра в обществе Квинта и пылко исповедался монаху в своих страхах, словно стремясь получить отпущение. Квинт успокоил его. При этом сам он казался неуязвимым для любой тревоги.

— Гхендуа говорит, что еще один день, и мы очутимся у ворот Адамавары,— сказал служитель Бога.— Самое большее, два дня. Мы зашли так далеко и вынесли столь много,

что Господь, несомненно, спасет нас теперь. Даже Лангуасс, великий грешник и больной человек, до сих пор был храним от серебряной смерти. Доверьтесь Провидению, Нозль, ибо я верю, что ангелы все еще взирают на нас.

Нозль коснулся плеча учителя, выражая ему свою благодарность. Они сидели вдвоем на большом валуне и глядели вверх, на полное звезд небо. Воздух был поразительно чист здесь, за пределами досягаемости несомой харматтаном мелкой пыли, и Нозль подумал, что ни разу в жизни не видел звезд столь ярких и крупных.

— В их холодном свете наше тепло слабеет,— заметил Нозль.— Иногда, глядя на звезды, я кажусь себе столь исчезающе малым, как если бы находился под микроскопом. Я затерян в беспредельной глуши.

— Это твое неверие умаляет тебя,— сказал ему Квинт.— Без веры все мы затеряны.

— Нет сомнений,— ответил Нозль.— Но хотел бы я знать, есть ли у вас возможность выбраться на истинный путь. Думаю, сознание того, что я столь мал и затерян, и не дает мне уверовать. И все же...— Он умолк, и Квинт предложил ему:

— Продолжай.

— Иногда... если я достаточно долго гляжу в небо... ощущение меняется. Я начинаю чувствовать себя не малым, но великим, как если бы звезды так же сияли внутри меня, как и снаружи... словно есть что-то от меня в них, и что-то от них — во мне. А затем я ощущаю свою протяженность, как будто мое тело и есть космос и каждый миг вечности, и я не чувствую разницы между всем и ничем.

Квинт открыл рот, чтобы ответить, но тут же повернулся, услышав шум чьего-то приближения. Нозль напрягся, но тотчас расслабился, увидав, что это всего лишь Лейла и Нтикима, отправившиеся их искать.

— Что-нибудь неладно? — спросила Лейла.

— Нет,— сказал Квинт.— Мы только изморяем эту Вселенную и величие человеческой души.

— Звезды — это зерно для мельницы, на которой мелет Олорун, пока он обходит мир с солнцем в груди,— произнес Нтикима.

— Не думаю,— встала Лейла, взяв его за плечо неожиданно по-матерински.— Лангуасс сказал мне, что Земля-то как раз вращается, а звезды неподвижны. Это так, отец Квинт?

— Да, круглая Земля вращается,— подтвердил Квинт,— и смена времен года отмечает ее движение вокруг Солнца. Неподвижные для нас звезды могут обращаться вокруг какого-то иного центра, расположенного безмерно далеко отсюда, но нам не дано увидеть Главное Солнце Творения, ибо зрение наше ограничено. Так же, как не видим мы и Руку Божию, которая управляет этим механизмом.

Нтикима, казалось, не поверил этому. Цыганка села рядом с Нозлем.

— И звезды очень далеко, до них больше миль, чем мы с вами могли бы насчитать, если бы начали счет теперь и кончили перед смертью. Разве они не так далеки, отец?

— До планет миллионы миль,— ответил Квинт,— а звезды настолько дальше них, что едва ли мы когда-либо измерим такое расстояние. Это солнца со своими мирами, где тоже есть моря и леса, люди и звери. На какой-то иной Земле, невидимой отсюда, другие путники приближаются к своей Адамаваре в поисках дыхания жизни и света мудрости.

Нтикима поднял взгляд, словно внезапно пораженный этой мыслью, и Нозль пожалел, что света недостаточно, чтобы увидеть выражение его темного лица.

— И есть миллион миров, где Шанго мечет свои молнии? — спросил мальчик.— И сердце Олоруна можно отыскать в каждом мире, чтобы сделать лучших из людей сильными и мудрыми и сковать Шигиди в самых темных закоулках сна, уняв его гнев?

— Миллион миров и больше,— уверил его Квинт.— И Сердце Бога в каждом из них, дабы питать души людей и вести в Царство Небесное тех, у кого хватает духу идти.

9

В ту ночь Нтикима и Нгадзе пришлось скорчиться под одним одеялом. Они сидели поближе к своему жалкому костерку, ибо ночь выдалась отчаянно холодная. Нозль Кордери,

Квинт и Лейла забились в свою палатку, где лежал и перепуганный Лангуасс. Пират покинул Селима в одиночестве под их общим одеялом, которое никто не пожелал бы с ним теперь разделить. И в лучшие-то времена никто, кроме Лангуасса, не мог бы вынести близости Селима, а теперь, когда его снедало безумное беспокойство из-за неисцеляющейся раны, он еще больше оказался в стороне от своих спутников.

— Не нравится мне эта странная земля Адамавара,— сказал Нгадзе Нतिकиме.— Здешняя безжизненность пугает. Я думал, что повсюду есть жизнь, но эти уродливые деревья отравили землю, и я был бы рад увидеть скорпиона или змею.

Самого Нतिकиму тоже неприятно тревожил этот противоестественный лес. Тот лес, где мальчик провел свои первые годы и встретил Арони, был совсем иным: не без опасностей, но, в сущности, гостеприимным. Боги, обитающие в местности вроде этой должны быть куда мрачнее Арони, который и сам всегда разрушает то, что ему не по нраву. Здесь был истинный дом Эгунгуна, владения восставшего мертвеца, и Нतिकима не сомневался, что вскоре встретится лицом к лицу с тем, кто говорит от имени предков, кто станет судить живых от их имени, как его судили прежде в деревнях уруба, где он провел детство.

Нतिकима предостерег спутников, что к ним вот-вот придет Шигиди. Сперва в лихорадочном бреде, затем в более глубоком и темном сне серебряной смерти. Об этом предупреждал его Гхендуа. Возможно, Шигиди обладает большой властью здесь, нежели в землях, из которых они пришли. А может, здесь живет и Элгба. Элгба был богом разнузданного мужского начала и злобной похоти. Его, конечно, изгнали из Адамавары, где тигу не имсют ничего от него, но, наверное, тем больше причин для него шастать в этих пустынных местах, окружающих край, который Шанго сделал пригодным для имеющих дыхание жизни.

Нतिकима задал бы свои вопросы Гхендуа, но элему стал тревожен и необщителен. Возможно, слишком многие умерли, и он опасался, что не преуспеет в своей задаче привести белого бабалауа в Илетигу, место для завершающих. Возможно, путешествие, которое они предприняли, способно изнурить даже элему. Нतिकиме-то знать неоткуда.

Нतिकиму испугала серебряная смерть, которая уже оставила свой знак на Мсури и Нгадзе. Он не сомневался, что в положенный срок она явится и к нему, ибо ему обещана встреча с Шигиди, которая испытает его храбрость, но мальчик неверно понял призывы, которые привели его сюда с белыми. Гхендуа ничего не сказал, чтобы объяснить совершающееся, и Нतिकима начал ломать голову над вопросом: сказал ли кто-то об этом самому Они-Осанхину. Возможно, только Экеджи Ориша, который следует после самих богов, знает, что требуется от белого целителя и его друга; возможно, это вообще знают только боги, и Обатала, властелин белого полотна, сам спустится на землю, чтобы побеседовать с учеником, который зовет его иным именем. Какая выдастся возможность для любителей подслушивать! После встречи с Арони Нतिकима жаждал увидеть и других богов ступающими по земле. А где, как не в Адамаваре, опустит свои стопы на землю Обатала, или Шанго Якута явится, чтобы взглянуть, что сотворил пущенный им с небес гром?

Что-то шелохнулось в ночи, и Нतिकима внезапно вздрогнул, ведь его безудержные мысли и без того взбудоражили его. Но то был всего лишь человек без лица, который метался и бился во сне. Нतिकима слышал его страстное бормотание. Он знал, что Селим не способен произносить настоящие слова даже на своем загадочном родном наречии, ибо язык у него отрезан, и все же ропот, которым он выплескивал свои страдания, казался исполненным смысла, точно речь ритуального барабана или стрекот птицы-вестника.

Со временем Нतिकима погрузился в неглубокий сон, несмотря на замерзшие ступни и бедра. Он ждал Шигиди, но Шигиди не явился. И время прошло напрасно.

Нतिकима не знал, который час, когда он мгновенно пробудился от дикого вопля и резко выпрямился сидя в глухой тьме. Нгадзе тоже внезапно проснулся и вскочил на ноги, прихватив одеяло и подставив ступни Нतिकимы холодному порыву ночного воздуха.

Сперва по крику можно было решить, что это голос Лейлы, ибо он был высок и полон ужаса и ничуть не напоминал мужской рев. Затем мальчик понял, что визг

раздался не из палатки, а с того места, где спали Мсури и Гхендуа.

Один ужасный миг Нтикима думал, что кричал элеме, и мысль о том, что в мире есть нечто, способное исторгнуть такой вопль у имеющего дыхание жизни, вызывала ужас, какого он себе прежде и представить не мог. Кое-как, вслепую, он поднялся.

И услышал, как стонет в жару Лангуасс, непристойно ругаясь. Затем на глаза Нтикиме попался силуэт Ноэля Кордери, который поспешил покинуть палатку, и бледное свечение одеяния белого бабалауо.

Над головой звезды по-прежнему сияли в безоблачном небе, но не было луны, и приближение рассвета угадывалось у восточного края горизонта. Высокие деревья росли по обе стороны от их стоянки, они отбрасывали длинные тени в свете звезд. Костер уже догорел, и угли не давали света, и тщетно Нгадзе пытался ворошить золу, чтобы запалить факел, заготовленный на особый случай. Нтикима огляделся в отчаянии. Крик все еще отдавался эхом в его мозгу. Тут тишину расколол второй крик. Что-то стремительно понеслось к мальчику из тьмы, и он присел на корточки, внезапно раздосадованный, что у него нет совсем никакого оружия, чтобы встретить вызов. Но он тут же бросился в сторону, и неведомое чудовище пропало во тьме, послав Нгадзе прочь кубарем и по пути раскидав остатки костра. Оно промчалось вниз по склону и врезалось в деревья, а затем исчезло столь же внезапно, сколь и явилось.

В этот миг край солнца показался над горизонтом и брызнул снопом света сквозь лесные кроны.

Ноэль Кордери взял Нтикиму за руку, но Нтикима страхнул его дружескую руку, кое-как поднялся на ноги без посторонней помощи и побежал туда, где прижались друг к другу, чтобы согреться, Гхендуа и Мсури — близ места, где были привязаны четыре оставшихся осла.

Гхендуа все еще был здесь, но в прибывающем свете Нтикима увидел, что кровь неестественно медленно вытекает из большой раны в груди. На руках и голове виднелись порезы. Глаза были широко раскрыты и смотрели в пространство, их зрачки улавливали первый свет утреннего

солнца. Рядом с Гхендуа, обвив руками грудь элеме, словно пытаясь защитить его, лежал Мсури, истекавший кровью куда обильней. Из его ран уходила и его жизнь. Мсури попытался поднять глаза, но не смог; похоже, в этот самый миг он и умер.

Раздался третий вопль, на этот раз не столько крик муки, сколько просто неистовый звериный вой, в котором смешались торжество и страх. Нтикима вовремя поднял взгляд, чтобы увидеть, как веер солнечных лучей, льющихся сквозь темные ветви, касается мчащегося вприпрыжку турка Селима. Тот бежал вниз по склону на поляну, где торчали скрученные деревья. Его сабля стремительно вращалась в воздухе, и все же почему-то упорно отказывалась улавливать и отражать свет. Скачущее страшилище было видно лишь один миг, затем исчезло. Ноэль Кордери сделал три больших шага в этом направлении, затем остановился и оглянулся на Нतिकиму, который видел: тот достаточно хорошо понимает, что случилось.

Ноэль подошел к Нтикиме. Поглядел на элеме и Мсури, на их израненные тела и коснулся горла Мсури, рассеченного почти полностью. Кровь Мсури текла по черному камню и мшистой земле, где разлилось целое озеро.

Квинт последовал за Ноэлем от палатки и поспешил встать на колени близ вампира, отодвинув в сторону мальчика. Нтикима с радостью уступил право решать и выбирать белому бабалауо.

— Нам не следовало оставлять его одного, — прошептал Ноэль, когда Нтикима потянулся и ухватил его за рукав — Бедный безумец! Нам следовало сделать для него все, что можно. Лангуасс не позволил бы нам пренебречь им в таком состоянии, будь он здоров.

— Он совершил ужасное дело, — горько сказал Нтикима.

— Нет, — скорбно ответил Квинт. — Это совершил я. Моя вина, я не мог остаться и побыть с ним.

— Он умер? — спросил Ноэль.

— Мсури мертв, — ответил монах. — Но Гхендуа — вампир. Он не может умереть от таких ран, как эти.

Нтикима взглянул на израненного элеме, глаза которого были широко раскрыты, хотя, казалось, они не видят. Несмотря на зияющие раны, Гхендуа потерял очень мало кро-

ви, особенно по сравнению с бедным Мсури. Мальчик наблюдал, как Квинт бережно кладет руки по обе стороны одного из порезов в плоти Гхендуа и сводит вместе края раны. Бабалауо держал их всего несколько мгновений, но рана затянулась. Большую рану в груди было куда трудней заставить закрыться, и монах долго двигал пальцами, надавливая и сдвигая края, и его действия казались следствием большого опыта, хотя Нतिकима не мог себе представить, что Квинт когда-либо прежде ухаживал за тяжелораненым элеми. Но Нतिकима не испытал неподобающего удивления. Какой бы бог и чародей ни научил белого бабалауо его искусству, великие тайны могли быть доверены ему ради того дня, когда оно от него потребует.

Нгадзе рыдал и дрожал от горя, но Нतिकима не мог сказать сочувствие к элеми вызвало у него этот плач или страх перед карами, которые обрушатся на тех, кто соучаствовал в причинении ущерба старейшине Адамавары на самом пороге этого священного места.

Когда Квинт сделал все что мог, чтобы помочь Гхендуа, он опустил веки вампира, прикрыв смотрящие вдаль глаза.

— Он в трансе? — спросил Ноэль.

— Думаю, что да, — ответил Квинт. — Колющий удар в грудь мог задеть легкое или даже затронуть сердце. Не могу сказать, как долго ему придется восстанавливать силы, но уверен, что он будет спать долго. Возможно, несколько месяцев.

Ноэль стал оглядываться, и Нतिकима следил за блужданиями его взгляда. Место, где они находились, казалось таким же тихим и мрачным, как всегда, здесь не щебетали и не порхали птицы и не гудели насекомые. Оно походило на беспредельную гробницу. Путешественники словно находились за гранью мира, на пути в Ипо-оку, где их духов теперь наверняка ожидает суровый прием.

«Шигиди идет», — молча сказал Нतिकима самому себе, но тут же понял, что Шигиди уже пришел и выбрал своей жертвой безносого турка, высвободив всю оголтелую ненависть, которая давно накапливалась в этой дикой душе.

Лейла стояла рядом с палаткой, глядя то туда, где стоял на коленях Квинт, то туда, где скрылся обезумевший турок. Некоторое время Нतिकима наблюдал за ней и оценивал ее чувства,

а затем обратил внимание на то, что ослы странно спокойны. Возможно, они служили людям так долго, что не нашлось бы теперь ничего в людском крике, что смогло напугать их.

Нозль подошел к Лейле, чтобы объяснить ей, что случилось.

— Это Селим кричал,— сказал он ей.— Он убил Мсури и напал на вампира. Гноящаяся рана лишила его разума.

— Вампир умрет? — спросила она: Странно, как подумал Нтикима, что вопрос этот всегда столь легко приходит на ум, хотя все знают, что убить элеме — дело крайне трудное.

— Он будет жить,— ответил Нозль.— Но тяжело раненый вампир должен впасть в очень глубокий сон, пока его тело восстанавливается.

Ее лицо осталось бесстрастным.

— Почему?

— Друг моего отца Уильям Харви,— сказал Нозль, также неестественно спокойный в такой тяжелый миг,— нарисовал карту человеческого кровообращения. Он говорил, что если кровь перестает двигаться, мозг может перейти в бессознательное состояние. Он предположил, что вампиры могут выносить остановку кровотока или даже вызывать ее искусственно, и в это время их плоть исцеляется сама собой.— После недолгого молчания он добавил: — Гхендуа встанет, и в отличие от турка у него не останется шрамов, напоминающих об этом испытании. Но я не знаю, понадобятся ли дни или месяцы, чтобы он опять стал здоров. Между тем мы лишились провожатого. Мы не знаем, как применять снадобья, которые до сих пор помогали нам оставаться в живых.

— Мы заблудились в жутком месте,— сказала Лейла, настроившись на худшее.— И, возможно, станем блуждать здесь, пока не умрем. А если нас найдут, тот как нас накажут за то, что мы допустили нападение на вампира в самой Адамаваре?

Они дружно повернулись, чтобы взглянуть на Нтикиму, который вдруг почувствовал на себе и взгляд белого бабалау. Они смотрели не на Нгадзе, а на него, потому что он был из Огбоне.

— Я не знаю,— ответил мальчик и хотел пожать плечами, но вдруг ему показалось, что это неуместно. И тогда он произнес: — Я не могу сказать, где Адамавара. Но мы должны отнести Гхендуа туда, если можем, чтобы он лежал в Илетигу.

Он не мог полностью понять, почему турок, одержимый Шигиди, обрушился подобным образом на Гхендуа. Белый бабалауо говорил ему как-то, что элеме Галлии жестоки и черствы и убивают тех, кто заденет их. Но он думал об этом как об Оро, как о действии закона, а не как о чем-то, что способно вызвать ненависть и жажду мести. Да и не вполне он верил услышанному, хотя арокины рассказывали немало о пустынных странах, где живут колдуны, одержимые бесами, которые рубят и сжигают элеме и отвергают их целительные дары. Мальчик видел, что белые боятся Гхендуа и не доверяют ему, даже когда тот даст им лекарство, но он и представить себе не мог, что случится нечто подобное. Его мысли кружились смятенным водоворотом.

Белый бабалауо встал и сказал Нतिकиме:

— Возможно, ты прав. Мы, конечно, не можем повернуть назад и должны идти дальше в Адамавару. Но как нас примут там, когда мы принесем к ним Гхендуа в таком состоянии? Они рассердятся?

— Не знаю,— ответил Нतिकима.— Возможно, да. Возможно, они нас всех накажут.

— Что нам делать? — с беспокойством спросила Лейла.

— Мы ничего не можем сделать,— ответил ей Ноэль Кордери.— Мы не можем пойти никуда, только в Адамавару. Мы здесь, а элеме ранен, и мы должны принять любые последствия. Как нам спрятаться?

— Мы должны идти вперед,— сказал Нतिकима.— Мы знаем направление. Мы должны двигаться дальше, выше в горы. Мы знаем, что Адамавара близка.

— Он прав,— заметил Квинт.— Надо поесть, а затем двигаться дальше. Нам придется нести элеме. И Лангуасса тоже, если он слишком слаб, чтобы идти.

Теперь Нгадзе был готов повиноваться указаниям и начал готовить завтрак. Нतिकима помогал ему, обдумывая вопросы, которые задал Квинт. Как их теперь примут в Адамаваре? Чего станут ждать Огбоне от своего служителя Нतिकимы? Накажут ли они белых? А его самого — накажут? Эти вопросы имело смысл отложить. Мсури мертв, турок исчез, а Гхендуа теперь ноша, которую надо нести. В лесу больше не найти пищи, так что они должны захватить все, что у них

есть, в том числе горшки и бутылки с водой. Они не осмелятся оставить палатку или одеяла, когда ночи так холодны. Белые не бросят ни мушкеты, ни порох, ни то, что осталось из их орудий для устройства костра. У них поразительно мало осталось, и трудно было назвать что-то, что они могли бы бросить, чтобы облегчить ношу.

— Мы с Нгадзе понесем вампира,— сказал Ноэль Нтикима, когда они все обдумали.— Кроме того, мы должны забрать все тюки. Надо нагрузить ослов, насколько они выдержат. Будем надеяться, что они нас поймут. Согласен?

Нтикима с важностью взглянул на белого. Он не привык, чтобы с ним советовались. Мальчика поразило, что он так легко согласился с новой ролью. И все же принять на себя ответственность не показалось ему странным. Ведь он Огбоне.

— Я согласен,— произнес Нтикима.— Я понесу столько, сколько смогу. Думаю, нам недалеско идти.

— Мы, разумеется, близки к цели,— согласился Ноэль,— если только эта ужасная страна не беспредельна.

— Если мы сами не найдем направление, то боги направят нас,— сказал ему Нтикима.— Они знают, что мы здесь, и ждут, чтобы мы пришли к ним.

Ноэлю Кордери удалось слабо улыбнуться:

— Надеюсь, они уже утолили свою жажду в эту пору кровавых жертвоприношений.

— В Адамаваре у богов и тех, кто разделяет сердце Олоруна, есть столько крови, сколько им нужно,— уверил Нтикима.

10

Когда они выступили, Ноэль возглавил поход. Он помогал нести Гхендуа на самодельных носилках, которые сзади поддерживал Нгадзе. Дорога была нелегкой — они пересекали местность, вздыбившуюся множеством пригорков, и все время приходилось то спускаться, то подниматься, да еще частенько обходить большие скальные выступы. Ноэль старался выдерживать направление так, чтобы утреннее солнце все время стояло впереди, и его ослепительный свет плескал прямо им в лицо. Всякий раз, когда они подходили к крутому

гребню, Ноэль надеялся, что откроются какие-либо приметы цивилизации: каменная крепость или засеянное поле, или отыщется тропа, где мелькнет человеческий след. Но таких признаков не появлялось. В лесу ничего не двигалось, разве что плоский жук в блестящем панцире выберется из-под ботинка или мелькнет ползучая тварь неясной природы. Как-то раз они услышали далекий крик, похожий на крик хищной птицы, но когда они переглянулись, Ноэль понял: все знают, что, это должно быть, Селим все еще жив и затерялся в преисподней своего безумия.

Час спустя Квинт сменил Нгадзе, а затем его место ненадолго занял Нтикима, прежде чем за носилки снова взялся айбо. Ноэль неизменно шел впереди и поддерживал носилки, хотя руки его ужасно ныли, а самодельные ремни, удеживавшие груз, натирали кожу на спине даже сквозь рубаху и царапали лопатки всякий раз, когда он оглядывался, чтобы измерить пройденный путь. Из-за обильного пота он испытывал жажду, а запасы кипяченой воды были невелики, и они долгое время не встречали ни речки, ни ручейка. Ноэль знал, что нынче самая середина засушливой поры. Новый год начался только день или два назад — при мысли об этом Ноэль вздрогнул. Хотя Квинт, который, конечно, следил за календарем, ему об этом не напомнил.

В полдень они остановились в тени высокого и широкого черного каменного столпа, заслонявшего послеполуденное солнце. Они подкрепились земляными орехами и шариками из просяного теста; ели всухую, потому что воды осталось очень мало, а свои запасы они использовали для приготовления кофе.

Гхендуа оставался в неподвижности и дышал совсем слабо. Квинт смог расслышать только очень тихие и медленные удары сердца, но с удовлетворением объявил, что с вампиром все в порядке и скоро он выздоровеет. Однако он не был настолько же доволен состоянием Лангуасса, который остался теперь без лекарств и страдал как от недостатка влаги, так и от изнурения.

Когда солнце стояло низко в небе, едва тронутым у дальнего края дымкой харматтана, монах сказал Ноэлю, что они вряд ли смогут идти вперед больше одного дня, и это вполне может стоить жизни пирату. А затем жажда лишит их последних сил. Лейла попробовала размять ноющие мышцы Ноэля,

надавливая на них ладонями, но кожа у него во многих местах была содрана, и ему пришлось попросить ее прекратить.

Прежде, чем солнце село, Нозль нашел место, где можно было вскарабкаться на выступающую скалу, и вызвался туда подняться, надеясь, что последние красные лучи солнца осветят сложенную людьми стену или башню — верный признак завершения их пути. Но когда он стоял на голой крутой вершине и оглядывался, на глаза ему не попало ничего, кроме угрюмых темно-зеленых крон, идущих рябью, точно воды беспокойного зеленого океана вокруг серых островов скал и мелких камней. Страна эта казалась бесконечно более пустынной и бездушной, чем любая другая.

«Нет никакого города вампиров,— мрачно сказал он себе.— Гхендуа привел нас сюда только для того, чтобы покинуть на гибель. Если бы он не был ранен, он бы просто исчез, а сам пошел бы обратно, к добрым водам Логоне и ее притокам.» И сам не поверил этому.

Может ли это дикое место быть страшнее, чем та пустыня, по которой Моисей водил детей Израиля, и какой была та гора, где пророку были даны Десять Заповедей? Не такой ли? Но поглядев в темнеющее небо, он не смог различить признака милосердного присутствия Божиего.

«Да может ли это быть Эдем? — снова спросил он.— Где эти деревья, приятные глазу, которые Бог насадил там? Где плоды, пригодные в пищу? Где прославленное древо жизни? Где древо познания добра и зла, от которого, неосторожно поддавшись искушению, отведала Ева? Где дыхание жизни, которое Бог вдохнул в глиняного Адама, чтобы тот стал властелином над всеми птицами и зверями, которых сотворил Бог? Это деревья Господа или деревья сатаны, укорененные в самой преисподней, сморщенные плоды которых несут горькое познание неудачи и проклятия? Если Адамавара когда-либо была Эдемом, на который ссылается наше Писание, то Бог, конечно, покинул ее; и даже змей, который предал род людской, не несет больше стражу в этом диком месте.»

Он протянул руку, чтобы убрать с глаз прядь волос, и увидел свои изодранные руки. На правой ладони красовались нарыв и кровавый волдырь, а вокруг на бледной коже выделялось темное кольцо.

Дрожь ужаса пробежала по его телу, когда он это увидел, и внезапно остро ощутил все, что болело и ныло в его теле. Он быстро распахнул рубаху и оглядел свою грудь, и не нашел признаков черноты. Но на правом плече, где натер кожу ремень тюка, виднелся тонкий черный подтек, похожий на черную змейку, терпеливо подкрадывающуюся к горлу. В миг отчаяния эти отметины явились ему как символы неминуемой смерти. Ноэль не проклял ни Бога, ни свое злополучие, ни любопытство, которое привело его сюда; он был слишком одинок для проклятий. Не стал он и молиться об избавлении, ибо его отчаяния было недостаточно, чтобы исторгнуть пламя веры из закосневшей в неверии души. Ноэль опять спустился, потому что нижний край солнечного диска уже скрылся за неровным горизонтом, а пробираться в темноте ему не хотелось.

Достигнув основания скалы, Ноэль застал Квинта стягивающим с плеча белое одеяние и увидел, что на спине у монаха темнеют два черных пятна. Он подошел к другу и проследил приметы серебряной смерти указательным пальцем, так, чтобы Квинт почувствовал, докуда они тянутся через его лопатки.

— Я говорил с Нтикимой, — произнес монах. — Он объяснил, что болезнь называют серебряной, хотя ее отпечаток не цвета серебра, и несмотря на то, что ее называют смертью, убивает она редко. Однако он предостерегает, что Шигиди придет ко мне, когда я буду спать.

— Ты вооружен против ночных кошмаров, — сказал ему Ноэль. — И лучше моего, вне сомнений.

Его следующая мысль была о том, что надо поискать цыганку и проверить, не стало ли и ее тело добычей этой чудовищной скверны; но когда он отвернулся, его глаза привлек необычный свет в темнеющем лесу. Ноэль взгляделся повнимательней и снова на миг увидал свет меж отдаленными стволами, похожий на блуждающий огонек. Затем полыхнул еще один, и третий. И он понял, что люди с факелами идут между деревьями к черной скале.

Люди или чудовища?

Квинт тоже увидел факелы. И быстро поправил свое одеяние, словно, боясь, что его застигнут с обнаженными

плечами и отметиной дьявола на теле. Монах сделал шаг вперед, словно собираясь встречать незнакомцев, но остановился, когда понял, что они не похожи на людей.

Несущие факелы были очень высоки и окутаны длинными одеяниями из травы, их огромные лица представляли собой безобразные карикатуры на человеческие. У них были большие, докрасна накрашенные рты, полные острых зубов, и крупные выпученные глаза с большущими зрачками, черными, как смоль.

Нозль быстро огляделся.

Лейлы не было видно — должно быть, она в палатке со страдающим Лангуассом. Нгадзе и Нтикима заняты огнем, но уже поняли: что-то не так, каждый в полный рост, ожидая, что случится.

Тут же Нтикима подошел сбоку к Нозлю и сказал: «Эгунгун!»

Нозль никогда не видел Эгунгуна, хотя Нтикима рассказывал ему, что это вроде Оро. У Эгунгуна есть свои установленные дни, когда он приходит в деревню и в пляске движется по улицам, как предполагается, вернувшись из Ипо-оку, страны мертвых, дабы расспрашивать живых об имени их предков. Прикосновение к нему смертельно, а его обвинение — ужасный приговор, выделяющий тех, кого надлежит наказать за оскорбление родни и соплеменников. Но в деревни уруба Эгунгун всегда приходит один. А здесь был целый отряд, числом в девять: целая дружина живых мертвецов, явившаяся искать их.

«Это всего-навсего переодетые люди», — напомнил себе Нозль. Но он знал, что дело отнюдь не сводится к представлению в масках. Когда Нтикима встретил в лесу бога Арони, он встретил его в лице мага или жреца, носившего божественные знаки, но в глазах мальчика уруба, волшебник никоим образом не выдавал себя за бога, он *был* богом в этот миг. Те, кто приближался, не выдавали себя за восставших мертвых, они и *были* восставшими мертвыми. Согласно образу мыслей уруба, им не требовалось быть непременно одним из двух; они могут быть и тем, и другим. То были переодетые люди, воины мкумкве или элеми, но они также были восставшими мертвецами, явившимися свести счета с живыми.

Факелоносцы подступили ближе и вот уже дошли до самой стоянки, у края которой собрались и выстроились полукругом, глядя на пришельцев. Они хранили молчание, и Ноэль спросил себя, а знает ли он хоть какой-нибудь язык, на котором мог бы подобающе приветствовать странных незнакомцев. Лейла вышла из палатки, поняв, что что-то происходит, и поспешила к Ноэлю. Она приникла к нему в страхе, но не закричала, и он гордился ее твердостью.

— Они не причинят нам зла,— прошептал он.— Они ничего против нас не замыслили.— Но тут же повернулся к Нтикима и произнес: — Скажи, что делать, умоляю. Теперь ты должен нас вести, ибо у нас нет ни элеме, ни Мсури.

Нтикима протянул руку и взял запястье Ноэля.

— Женщина должна отойти,— пробормотал мальчик.— Это не женское дело.

Лейла поняла. Она выпустила Ноэля и позволила Нтикима вывести его вперед, поближе к живым мертвецам. Мальчик огляделся и настойчиво поманил Квинта, монах тут же присоединился к ним. И все трое с Нтикимой посередине подошли к центру полукруга, который образовали Эгунгун.

Нтикима воздел руки и приветствовал ряженных на языке уруба, пожелав им добра и спросив, как положено по ритуалу, что они желают сказать.

Когда один из них ответил, прозвучали слова, которых Ноэль не знал, хотя он предположил, что это все-таки язык уруба. Было невозможно судить, к кому из них обращается говорящий. Кордери мог только терпеливо и молча ждать.

Нтикима заговорил снова, склонив голову и делая движения руками. Ноэль услышал, как прозвучало несколько раз слово «Огбоне», и еще «элеме» и «Они-Олорун», а также некоторые другие, знакомые ему, но он не смог в следов за подробностями объяснений, которые давал по поводу их присутствия мвальчик. Когда Нтикима указал на место, где лежал Гхендуа, Эгунгун взволновались. Лишь шестеро держали факелы, из них трое также несли короткие копья; у троих без факелов были ритуальные барабаны. У некоторых также имелись жезлы с перьями, вроде тех, какие Ноэль видел в храмах. Он знал, что их связывают с Элегбой и Олори-мерином, и стало быть, с самой могущественной некромантией. Когда Нтикима указал

на Гхендуа, копья и жезлы одновременно вскинулись, как бы угрожая или обвиняя, и Ноэль не знал, чего он больше боится.

Один из Эгунгун отделился от девятки и подошел к Гхендуа, чтобы склониться над ним и посмотреть, в каком тот состоянии. Когда он опять выпрямился и повернул свое жуткое раскрашенное лицо к пламени факелов, он вскричал в гневе и опустил свой жезл, похоже, нацелив его в сердце Нतिकимы.

Нтикима прокричал что-то вроде отрицания и отпрянул от жезла, точно его ударили. Ноэль ничуть не сомневался, что мальчик в смертельной опасности, каким бы безобидным ни казалось это движение. Ибо то были живые мертвецы, явившиеся для встречи с живыми, отягощенными грехом. Каковы бы ни были истинные качества жезла, каким бы ничтожным ни казался он как физический предмет, он мог покончить с Нтикимой куда вернее и безвозвратнее, чем любое копье или пушка.

Почти не думая, Ноэль вышел вперед, чтобы прикрыть Нтикиму, и отодвинул мальчика себе за спину. А затем сделал еще один шаг в направлении обвиняющего жезла.

— Мальчик ничего не сделал, — сказал Ноэль на языке уруба. — Его не за что винить. Он служил элеми и Огбоне настолько верно, насколько мог.

— Осторожно! — прошипел Квинт. Ноэль не нуждался в предупреждении. Он достаточно хорошо знал, что туземцы не признают галльского положения о вине и ответственности. Когда что-то неладно, они ищут козла отпущения, который понесет всю тяжесть греха их племени, хотя при этом могут признавать лично его невиновным в каком-либо скверном деянии или мысли.

— Один из нас ранил элеми, — продолжал Ноэль очень медленно, ибо недостаточно владел языком уруба, чтобы говорить бегло. — Это тот, кто стал безумен из-за серебряной смерти. Шигиди овладел им! — Он краем ладони ударил себя по голове сбоку, чтобы подчеркнуть свои слова.

— Шигиди! — повторил Эгунгун и сделал шаг к Ноэлю, все еще держа свой жезл параллельно земле и указывая им теперь на гулко забившееся сердце Ноэля.

Ноэль больше ничего не сказал, и одинокий Эгунгун сделал второй шаг. А теперь уже Нтикима настойчиво прошептал по-английски: «Если он тебя коснется, ты умрешь».

— Мы пришли в Адамавару,— сказал Нозль на уруба,— потому что нас призвал Экеджи Ориша. Мы пришли не для того, чтобы нас истребили. И не для того, чтобы нас обвиняли. Вы должны отвести нас... нас всех... в Илетигу. Так велит Олорун.

Эгунгун сделал еще шаг, по-прежнему указывая своим жезлом смерти на Нозля.

— Так велит Олорун,— повторил Нозль. Он не посмел отвести глаз от гротескно-преувеличенного взгляда огромной маски. Нелепо, но он начал чувствовать в груди давление жезла на бьющееся сердце, как будто жизнь его угодила в гибельную западню, которая будет смыкаться, пока кровь не выплеснется из его тела, а душа не сморщится, точно мотылек в пламени свечи. Он знал, что против него стоит человек в маске, и что палка, нацеленная в его сердце, не оружие, а лишь символ, который не имеет значения в его собственных верованиях. И все же чувствовал, что если жезл коснется его, он непременно умрет, как сказал Нтикима. Так или иначе, Эгунгун об этом позаботится. Внезапно, глядя на этот жезл, Нозль ощутил, как в его теле занимается лихорадка. Ни место на руке, ни место на плече, где начали расти темные пятна, не болели — более того, кожа там онемела, но тем не менее, его тошнило и кружилась голова. Усилия, которых требовало это противостояние, грозили оставить его без сил, и он знал без тени сомнения: как только жезл коснется его, он упадет. Он не видел Квинта, но видел других из своего отряда, сзади и по обе стороны от Эгунгуна. Лейла оцепенела, не в силах понять, что происходит, но повергнутая в ужас. Нгадзе боялся не меньше, белки его глаз отражали свет факелов. У айбо было столько же причин бояться Эгунгун, что и у любого уруба; ведь Эгунгун был одним из орудий, с помощью которых Огбоне осуществляли свое господство над подвластными племенами.

А затем с легким потрясением Нозль увидел Лангуасса.

Пират забрался в глубину палатки, которую ему предоставили, больной и кране утомленный, чтобы отоспаться после непомерных для него утренних усилий. Он спал, конечно, но теперь не казался сколько-нибудь отдохнувшим. Лицо его было изможденным, темные волосы и кое-как

подстриженная борода — в пыльных колтунах, глаза из-за игры пламени горели, точно зажженные снедавшей его лихорадкой. Пират стоял на коленях и локтем опирался о левое бедро, держа мушкет, дуло которого тщательно осматривал.

До странного малой показалась Нозлю разница между человеком в маске страшилища, направившего на него свой жезл судьбы, в котором сосредоточился гнев всех его темных языческих богов, и обезумевшим пиратом, чужим в этой дикой и мертвой стране, целящийся из своего оружия, которое силой подожженного пороха мечет свинец.

— Лангуасс! — вскричал он. — Ради любви небес, нет!

Возможно, не следовало упоминать любовь небес. Возможно, вообще не следовало кричать на языке, которого не понимает маг в маске смерти. Эгунгун издал бессловесный вопль и бросился вперед, чтобы ударить Нозля жезлом в грудь.

Лангуасс выстрелил.

Внезапно Эгунгуна отбросило в сторону. Пуля летела под углом градусов в тридцать к направлению движения человека в маске. Жезл на несколько дюймов не достал грудь Нозля и никого не поразил, а затем Эгунгун упал наземь поверх него.

Не раздалось ни единого звука со стороны восьмерых, по-прежнему стоящих полукругом. Они стояли и наблюдали, обездвиженные ужасом. Упавший с мгновение лежал неподвижно, а затем шевельнулся рывком, взметнувшись вперед и развалившись. Огромное мнимое лицо треснуло и раскололось. Когда татуированное лицо жреца мкумкве поднялось над обломками, Нозль понял, что выстрел Лангуасса разбил маску, но не задел того, кто ее носил. Жрец был потрясен и напуган, но невредим. Он поднялся на ноги, живой человек, рожденный из останков грозного мертвеца, что примечательно преворачивало естественный и сверхъестественный порядок вещей.

— Нас призвал Олорун, — сказал Нозль, глядя теперь в настоящие глаза живого человека. — Нам не должно причинять вред.

Маг не попытался подхватить свой жезл. Он теперь не был Эгунгуном. Он встретил взгляд Нозля на краткий миг, затем

поглядел дальше, на полукруг восставших мертвецов, задачей которых все еще оставалось обвинять и разоблачать, судить от имени всех поколений предков, жизни которых связывали нынешние черные племена с их темнокожим Адамом.

Те, кто держал жезлы, не подняли эти средства вершить правосудие. Те, кто был вооружен копьями, не сделали ни одного движения. Теперь расправы не будет. Один заговорил на уруба так быстро, что Нозль не понял, разобрал только имя Шанго, бога грозы.

— Шанго хранит тебя,— прошептал Нतिकима рядом с ним.— Ты благополучно довел нас до Адамавары.

— Они бы убили нас,— прошептал Нозль.— Гхендуа провёл нас через полконтинента, и все же они убили бы нас всех.

— О, нет,— возразил Нतिकима.— Они не тронули бы бабалауо. Одна жизнь или, возможно, несколько,— это все, чего они бы потребовали. Они не тронули бы и тебя, если бы ты не встал на мое место. Право мужчины выбирать, предложить ли себя таким образом, хотя я не знаю, откуда это тебе известно. Теперь я обязан тебе жизнью, Нозль Кордери, и настанет время, когла я уплачу долг.

Нозль почувствовал, что у него внезапно ослабели ноги, и Квинту пришлось взять его под руку, чтобы поддержать.

— Это следовало бы сделать мне,— сказал монах тихо.

— Нет,— отозвался Нозль слабо, приложив чернеющую ладонь к голове, не понимая, почему головокружение усиливается, хотя опасность окончательно миновала.— Разум твой, а сила моя... Моя сила.— И, говоря это, понял, что сила его, наконец, иссякла. Последним образом, который уловили его глаза, было лицо наставника, человека Божьего, который пытался, как мог, удержать его, хотя такая ноша оказалась слишком тяжела для старческих рук. Яркие глаза, казалось, взирают на него, манят его, точно колодцы безбожной тьмы.

Наконец сознание покинуло Нозля, он утратил всякую связь с болью и ломотой в теле, как если бы душа его свободно воспарила; и впервые в жизни он ощутил, что идея Провидения, которому просил его доверяться Квинт, не полностью абсурдна.

Часть четвертая

ВРЕМЯ КРОВИ

*Эдмунду Кордери,
май 1622 года*

Во главе Империи Страха стоит величайший из всех деспотов, имя которому Смерть, а супругу его называют Боль. Этот император посылает полководцев, имена которых Война, Чума и Голод, против воинств людских, и повелевает людям почитать идолов, которые скрывают от них истинное знание Божественного и бренного миров.

Простые люди обманываются, если верят, что вампиры суть враги им; ибо подлинные враги человечества принадлежат к этой великой империи, которая ссть империя страха и невежества, а не к карликовым империям Аттилы и его племени, которые однажды неминуемо падут, как и предшествовавшие им.

Если человечество сокрушит жалкую империйку, это не спасет его от скорби, пока все еще остается великая держава, и помните, умоляю вас, те, другие идола должны быть сокрушены в конце концов, если воистину суждено все исправить.

Сэр Френсис Бэкон

Последователи Григория Великого говорят, что прежде, чем отправиться на шабаш, вампиры умащают свои тела мазью из скверных составляющих — главным образом из останков убитых детей. На местах своих сборищ они раз-

водят жуткий и нечестивый костер. Сатана в обличье козла с крыльями нетопыря возглавляет сборище, восседая на престоле из черного камня. Вампиры приближаются к нему, дабы молитвенно почтить его, преклоняя колени. Они предлагают ему в дар черные свечи и пуповины младенцев и целуют его волосатую руку в знак его власти над собой. Затем они отчитываются ему в тех жестоких делах, которые совершили с тех пор, как в прошлый раз представляли перед ним; они рассказывают о мучениях, которые причинили простым людям, о горе, которое посеяли в мире.

Дьявол обеспечивает своих почитателей пищей, скверной и кишасей червями, но для вампиров не больше вреда в ее вкусе, чем в хлебе и сахаре, ибо в ней много людской крови и плоти детей, которую они с радостью пожирают. Дьявол также дает им черное вино из большого рога; оно представляет собою смесь мочи, специй и крови, и вампиры пьют его с удовольствием.

Затем, по обычаю, вампиры пляшут под визг дудок и стук барабанов, двигаясь неистово, и вращаются до тех пор, пока кругом все не поплывет перед глазами. К этой их пляске часто присоединяются бесенята из преисподней, которые любят плясать на земле, созданной для людей, оскверняя ее ударами раздвоенных копыт и пачкая своими экскрементами.

И лишь в конце вампирам дозволяется приблизиться к их повелителю, дабы получить его ужасное причастие, а затем они должны встать на четвереньки и двигаться задом к его престолу, дабы предложить свои задние части для его удовольствия. Его уд, который подобен конскому и холоден, как лед, прорывается в их кишки и низвергает туда сперму, черную, как ночь; она питает демонический дух, заключенный в их плоти. После сего вампиры раздирают свою плоть и предлагают свою кровь чудовищному языку повелителя, который пьет ее с крайней жадностью, ибо он есть чистый дух зла.

Раны, которые вампиры себе наносят, заживают быстро, и даже если их хозяин иссушает их и гложет самые их кости, что он порой делает из-за ненасытного голода, с криком петуха они поднимаются опять, здоровые и невредимые, готовые принести еще больше зла в тот мир, который Бог сотворил для человека, а не для их племени.

Эти вещи видели те, кто был послан свидетельствовать перед родом людским, дабы все мы знали, какой ужас является среди нас. Опасность велика, ибо когда они замечают в своей толпе соглядателя, они доставляют его к самому престолу, и остроконечный кол пронзает его, входя там, где вошел бы уд дьявола, а затем этот кол всаживают в землю, точно майский шест, вокруг которого начинают плясать вампиры, и земля, по которой скачут бесы и их прислужники, пропитывается кровью мученика.

Вампиры поставили себя над простыми людьми, соделавшись их господами, с помощью силы, которую дал им сатана. Они сделали это для того, чтобы забылся путь к спасению, который Бог проложил для людей. Пока вампиры правят землей, души людей находятся в смертельной опасности, и многие поддаются искушению временной власти и жертвуют Царством Небесным ради наслаждения долгой жизни и освобождения от физической боли. Но обещано людям, что Христос придет снова судить живых и мертвых, и те, кто не покинул его путь, будут жить вечно в Царстве Небесном. Аттила же есть Антихрист, пришествие которого предсказал Святой Иоанн в Апокалипсисе; а лжепапа Александр — его прислужник. Воля Христова однажды низвергнет их, а с ними — и весь легион преисподней, дабы очистить землю. Те, кто не страдали на земле, будут гореть вечно; те же, кто склонился перед волей Божией, приняв боль и смерть, которые дал Бог павшим сынам Адама, узрят Бога и узнают истину о его милосердии.

*Из «Компендиум Малефикарум»
Франческо Гаццо, 1608*

1

Он пробудился от сна, память о котором исчезла в единый миг, хотя при нем осталось смутное знание, что снилось что-то на редкость неприятное, и что он был отчаянно рад, когда это кончилось. Прежде чем открыть глаза, он с усилием попытался вспомнить, где уснул и где должен быть сейчас, но не мог даже догадаться об этом.

Он моргнул, но не смог вынести света и закрыл глаза.

Поначалу он не в состоянии был вспомнить даже своего имени, а когда его усилия вызвали в памяти нечто, первые слоги, явившиеся на пересохшие губы, оказались не его именем, но Шигиди.

Затем с бурным облегчением он понял, что он — Ноэль Кордери, спасенный от гнева восставших мертвецов Провидением... или молнией с небес, пущенной богом уруба Шанго... или пулей, которая вылетела из мушкета пирата Лангуасса.

Красное свечение на сомкнутых веках подсказало ему, что солнце взошло, и его лучи падают прямо на лицо. И он тут же понял, что нужно защитить глаза рукой, прежде чем он откроет их снова. И обнаружил, пытаясь поднять правую руку, что не может этого сделать и что его рука утратила чувствительность. Он быстро сомкнул пальцы левой руки и заслонил ею свет, после чего разомкнул веки.

Солнце светило в большое прямоугольное окно, прорубленное в скальной стене. Он попытался сесть, но нашел это затруднительным. Ему пришлось отвернуть голову от сияния и воспользоваться левой рукой как опорой. Одеало, прикрывавшее его, соскользнуло, и он сумел наконец разглядеть себя. И вскрикнул в ужасе, когда увидел, что его правая рука и плечо и правая сторона тела от подмышки до бедра все в черных и пепельно-серых пятнах, словно плоть его гниет под кожей.

От усилий, которые он затратил на то, чтобы сесть, все поплыло кругом, и он почувствовал себя так, словно принял опиум или крепкое спиртное. Он изнывал от жажды, рот и горло сухо горели.

Постель, где он лежал, представляла собой тюфяк, набитый сухими растениями, возможно, папоротниками, с обложкой из полотна. Близ постели стоял деревянный стол — точнее, спил ствола огромного дерева, и на нем виднелся каменный кувшин, полный воды. Ноэлю страстно захотелось схватить кувшин, но тот находился справа от него, а Ноэль не мог управлять правой рукой. Ему пришлось оттолкнуться, упереть грудь в подтянутые колени, а затем медленно поворачиваться до тех пор, пока он не смог достать кувшин

другой рукой. Несмотря на жажду, он с беспокойством глядел на воду в кувшине, сомневаясь, чистая ли она. Ноэль чуть глотнул воды и не нашел ничего подозрительного в ее вкусе. Тогда он сделал глоток побольше и дал воде задержаться во рту, чтобы увлажнить потрескавшийся язык.

Когда он поставил кувшин, его внимание привлекли кольца на столешнице, до блеска натертой. Их были тысячи, странно скошенных, так что они не были концентрическими. Ему говорили, что каждое кольцо, видимое на поперечном срезе ствола, представляет собой годовую отметину, и Ноэль понял, что это дерево начало расти еще до того, как родился Христос. Ощущая смятение, он уронил с ресниц слезы. Кольца, казалось, плыли и вращались.

Ноэль увидел, что находится в помещении примерно десять на одиннадцать футов со стенами из могучих каменных блоков. Не было никакой обстановки, не считая его постели и стола. Еще, правда, лежала тростниковая циновка, покрывавшая три четверти пола. Напротив окна имелась дверь, сделанная из дерева столь темного, что оно казалось почти черным, со ржавыми железными петлями. Против постели находилась ниша, прорубленная на несколько дюймов выше пола, с деревянной крышкой. Ноэль был один, нагой, хотя в изножье постели лежала груда одежды, а близ нее нашлись его башмаки и соломенная шляпа.

Он опять отпил из кувшина, затем неуверенно попытался вернуть его на стол. Он так плохо владел своим телом, что кувшин рухнул на каменный пол, едва Ноэль выпустил его. Кувшин разбился, и вода вылилась. Немалым усилием Ноэль заставил себя встать с постели. Голова кружилась и пот буквально омывал его, но ему удалось проползти по полу на четвереньках до самой ниши. Ощущение было такое, будто половина его тела отмерла, и лишь в другой половине сохранилась жизнь, и эта живая половина упорно волокла за собой мертвый груз. Он поднял деревянную крышку и заглянул в отверстие беспредельной глубины. Запах был достаточно характерен, чтобы понять ее назначение, и он смог, пусть с трудом, воспользоваться удобством. А затем, обмякнув, сел в нише, изнуренный и близкий к обмороку. Ясность ума, которую он обрел при пробуждении, теперь

почти совершенно покинула его, и он чувствовал такую отрешенность, что спросил себя: а не сон ли это? Но в холодной грубости камня, касавшегося его кожи, было нечто чересчур подлинное, чтобы сомневаться. Отдохнув с минуту, Нозль почувствовал себя лучше и задумался над тем, не одеться ли ему. Но решил, что не стоит, пока ему послушна только половина его верхней части тела. Он знал, что не сможет даже засунуть ноги в башмаки. Но решил подняться, если получится. Он подтащил себя к окну, но не нашел ни опоры, ни рычага для своей беспомощной правой руки. Поэтому он так и не встал. Ему только и удалось, что дотянуться и взглянуть за окно. Глазам Нозля предстало зрелище столь неожиданное, что он в изумлении затаил дыхание.

С неимоверной высоты он глядел вниз на огромную долину, окаймленную далекими крутыми скалами темного гранита. Далеко на востоке он увидел, как солнечный свет играет на поверхности озера. Нозль прикинул, что долина должна иметь ширину миль двадцать, и ему показалось, что по форме она кругла, и обветренные серые скалы повсюду образуют ободок. Вся долина была засеяна; ближе к его скале огороды чередовались с полями зеленеющих корнеплодов, правильными и строгими, как по линейке. Пройдясь взглядом вдоль изгибающейся каменной стены, он увидел и другие окна, и там находились здания, угнездившиеся на карнизах, встроенные в скалу, прикившие, вопреки здравому смыслу, к этому невообразимо крутому склону. Это, как он сразу понял, и есть истинная Адамавара, а странная безжизненная страна, по которой они шли — лишь барьер, отделяющий ее от большого мира и хранящий от вторжения.

Нозль видел, как в полях движутся работники, крохотные, точно насекомые. Они были в белом. Нозль попытался высунуться, чтобы лучше рассмотреть все это. Но его одолела такая дурнота, что он закачался и повалился назад, разбросав руки и ноги, как тряпичная кукла, выроненная беспечным ребенком. Он упал на правый бок и почувствовал глухое нытьё, мало напоминавшее то, что он обычно называл болью. Но и теперь слезы выступили у него на глазах, и мысли его пришли в смятение.

Дверь позади него отворилась, и он в изумлении резко повернул голову, но все воспринималось так смутно, что он едва мог ясно воспринимать происходящее.

Первой вошла чернокожая женщина в свободном белом одеянии. Лицо у нее было таким гладким, что он подумал сперва, что она элемеи, но по тому, как она отступила с чьей-то дороги, он почти сразу понял, что она всего лишь служанка и, стало быть, из простых. Мужчина, вошедший следом, несомненно, был вампиром, хотя не напоминал никого, из прежде виденных Нозлем. Он был не черен, но скорее орехового оттенка, с ореховыми же глазами. И почти такой же высокий, как Нозль, что было крайне необычно для людей в здешних краях; волосы его скрывал тюрбан. Лицо его не было сморщенным, как лица старых черных вампиров, которых уже видел Нозль. Но несмотря на это, вошедший каким-то образом производил впечатление очень старого человека. Конечности его были худощавы, но отнюдь не лишены плоти, как у Гхендуа. Одет он был в длинную рубашку из белого полотна, спускавшуюся до колен; ноги обуты в легкие сандалии.

Когда он увидел, что Нозль выбрался из постели и упал возле окна, то поспешил к больному, чтобы помочь. Пока вошедший пытался поднять Нозля, тот не сомневался, что вот-вот потеряет сознание, и к нему опять вернулось чувство, будто он спит. Все расплылось перед глазами, и он не мог разглядеть черты лица той, другой, тоже бросившейся на помощь. И не раньше, чем эти двое уложили его в постель, он внезапно отчетливо увидел лицо этой женщины.

Судя по великолепию кожи, она тоже была вампиром, но светлого оттенка, светлее Лейлы, хотя не такая бледная, как леди-вампиры Галлии, и волосы ее были не черными, а рыжевато-русыми. Глаза ее оказались необычными: скорее серыми, нежели карими, и левый светлее, чем правый. Угловатое лицо с прямыми скулами и квадратным подбородком. В тот миг она показалась Нозлю самой красивой женщиной, какую он видел с тех пор, как оставил воды Кардиганского залива — целую вечность тому назад.

Мужчина заговорил со служанкой на языке, которого Нозль не знал, и та начала подбирать осколки кувшина.

Затем, обернувшись, мужчина взглянул на Ноэля и помедлил перед тем, как обратиться к нему, как будто не был вполне уверен в том, что Ноэль может слышать или понимать.

— Вы знаете латынь? — спросил посетитель на этом языке. Ноэлю, пытавшемуся собраться с мыслями, это показалось законченным абсурдом. Он ожидал услышать речь на уруба, и был бы меньше изумлен, услышав английский. Но язык церкви!.. Он почувствовал, что не в состоянии говорить, и только кивнул.

— Можно мне говорить с вами на этом языке? Я перейду на уруба, если вы его предпочитаете.

Ноэль опять кивнул, надеясь, что его поймут правильно. Голова у него ныла.

— Итак, на мою долю выпало приветствовать вас, — мягко произнес посетитель. Он поглядел в сторону окна, догадавшись, очевидно, что Ноэль выглядывал оттуда перед тем, как упасть. — Это наш дом, — продолжал он. — Это Адамавара.

И быстро поглядел на служанку, которая тем временем двигалась к открытой двери, унося осколки. Затем подал краткий знак даме-вампиру, которая также удалилась, не сказав ни слова.

— Меня зовут Кантибх, — продолжал он голосом, который явно должен был прозвучать успокаивающе и дружески. — А эта дама — Береника. Вы в ее доме, в месте, которое мы зовем местом айтигу. Вы знаете, я думаю, это слово означает «незавершенный». Должен вам сказать, что болезнь, от которой вы страдаете, по-прежнему развивается, и самое худшее, увы, впереди. Вы наверняка слышали, что ее называют «серебряная смерть», но она редко убивает, и у элемеи есть лекарства, которые вам помогут. Вы будете чувствовать себя очень беспомощным, пленником в своем теле, и ваш разум будет странствовать в загадочных, даже невероятных краях. Возможно, вы будете чувствовать, что уходите в Ипо-оку или горите в огне вашей христианской преисподней, но вы благополучно пройдете испытание, обещаю вам. Вы можете ответить мне?

Ноэль облизал губы. Ему удалось выговорить:

— Да. Я понимаю, — хотя ему нелегко оказалось подобрать нужные латинские слова, которые не спешили приходить на язык. И он добавил:

— Мои спутники?

— Все живы,— ответил Кантибх.— Один по имени Квинт назвал нам ваши имена. Он тоже болен, но не так тяжело. То же самое с женщиной. Мужчине по имени Лангуасс хуже всего: его очень ослабила лихорадка, правда, серебряная смерть до него пока что не добралась. Айбо Нгадзе болен, но скоро поправится. А мальчик уруба Нтикима пострадал меньше всех.

— Гхендуа? — слабо спросил Нозль.

— Будет жить. А что до того, кто его ранил, думаю, он умрет в лесу. Мкумкве не станут его искать.

Нозль немного расслабился, удовлетворенный услышанным. Он поглядел в затененное лицо собеседника.

— Вы элеме?

Кантибх покачал головой.

— Айтигу,— сказал он.— Незавершенный. Но я — то, что вы называете вампирами. Я, как и вы, прибыл сюда как путешественник несколько сотен лет назад. Я явился в город Мероз в стране Куш с посланцами моего народа, который обитал в Персии. Я был ученым человеком, посещал Рим и Индию. И вот я пошел с караваном через великую пустыню Борну, где впервые услышал об Адамаваре. У меня давно было на уме отыскать первый в мире народ, и когда для меня настало время начать путешествие, ко мне явился элеме, чтобы стать моим проводником. Первые христиане уже приходили сюда и вернулись в мир. Первыми белыми в этом месте были греки времен Александра, а до них здесь побывали смуглые люди из Шумера и Египта. Береника находится здесь почти две тысячи лет. Вампиры Адамавары забрасывают широкую сеть, чтобы улавливать мудрость мира, но они терпеливы при каждом броске. Давно они не ловили человека вроде вас.

Нозль не вполне понимал, что имеет в виду его собеседник, говоря: «человек вроде вас». Но он не думал, что речь шла всего лишь о цвете кожи.

— Вроде меня? — повторил он. И почувствовал, что должен заговорить. Если сможет. Нозль решил, что надо бы представиться, но его одолел кашель, и он не сразу смог остановиться. Посетитель положил прохладную ладонь на плечо больного, словно пытаясь унять спазм.

— Вы нездоровы,— молвил Кантибх.— Думаю, ненадолго вам станет лучше, когда отдохнете, но затем серебряная смерть унесет ваши чувства. Мы попытаемся поговорить еще раз, обещаю вам, но сейчас вам лучше поспать. Я вернусь.

Кантибх смотрел на него, явно немало озабоченный его благополучием. Нозль кивнул, давая ему разрешение уйти, если таковое требовалось. Кантибх улыбнулся.

— Когда вы проголодаетесь,— сказал он.— Береника пришлет еды. Мы принесем сюда ваше имущество. Она направит к вам слуг с водой, и вы помоеетесь, если хватит сил. А сейчас я должен вернуться к Квинту.

Когда Кантибх покинул Нозля и закрыл за собой дверь, больной снова закрыл глаза. Он почувствовал, что сердит на себя за свою беспомощность и неспособность понять происходящее. Он знал, что существует тысяча вопросов, на которые необходимо получить ответы, но знал также и то, что должно пройти время, прежде чем он окажется способен взять на себя миссию, которая привела его сюда: миссию понять, что такое Адамавара и какова природа дыхания жизни.

Нозль твердо решил оправдать ожидания Кантибха и остаться в живых, как бы ни мучил его Шигиди в предстоящие дни. Если у него ничего не выйдет, то все жертвы окажутся напрасными. Нозль зашел слишком далеко, чтобы оставить все усилия и уйти в пустоту.

— Я Нозль Кордери,— прошептал он.— Сын Эдмунда Кордери.

2

Пора сновидений началась не сразу. Нозль способен был наблюдать, как черные люди — предположительно мкумкве, хотя украшенные не так, как те воины, которых он видел прежде — внесли в его спальню кувшины с водой, наполнив ванну из полированного дерева. Он был слаб, но бодрствовал, когда они приблизились и подняли его, хотя он едва ли чувствовал их руки на своем теле. Воду подогрели и добавили в нее душистых масел. Служители обмывали его бережно и

ласково, с мылом. Это было не жирное мыло из масла бассии или карликовых деревьев, которым ему приходилось пользоваться в Африке, а какое-то инос, куда лучшее и тоже душистое.

Когда купание подходило к концу, на столике уже стояли хлеб и плоды. Но служители не спешили накормить Ноэля. Они оставили его ненадолго в покое, чтобы грязь окончательно покинула его тело, и некоторое время спустя вымыли также его длинные прямые волосы. Один взял одежду, которая лежала в изножье постели, постирал ее и развесил на окне, чтобы она высохла под лучами полуденного солнца. Другой принес бритву и принялся убирать неопрятную бороду, которая покрыла подбородок Ноэля за время экспедиции.

Его одежда быстро высохла, и как только служители помогли больному выбраться из ванны, они тотчас надели на него рубашку и штаны, так что он мог приступить к трапезе с тем достоинством, какое было для него еще возможно в столь нелегком состоянии. Он съел мало и с большим трудом. Он сумел сидеть в постели, но двигался неловко, а правой рукой по-прежнему совсем не мог пользоваться.

В конце концов он опять упал на тюфяк, неспособный найти в себе силы для того, чтобы пошевелить здоровой рукой. Казалось, так он лежал очень долгое время в совершенной неподвижности. Когда вошел бритоголовый элеме с красными и белыми четками, свидетельствовавшими о том, что это Они-Шанго, Ноэль уже не знал, бодрствует он или спит. Он начал свое второе путешествие, которое было по-своему не менее длинным и столь же изнурительным, как и дорога в Адамавару: оно повело его через тайные лабиринты души.

Возможно, Они-Шанго дал ему лекарство или коснулся его оперенным жезлом, более благодетельным, чем тот, которым чуть не убил его Эгунгун. Ноэль этого не помнил. Но когда элеме подошел к нему, он каким-то образом переступил порог существования и попал в иное измерение своего бытия.

Всю свою жизнь Ноэль Кордери видел сны, но большей частью — как и у всех — они быстро забывались. Обычно они улетучивались настолько полно, что проснувшись, Ноэль часто вообще не помнил, что видел их. Однако в нынешнюю пору сновидений порядок вещей опрокинулся; и ему пока-

залось, что пока он странствовал с Шигиди, он прошел через области всех сновидений, которые когда-либо являлись ему. Теперь все они обнаружили в его памяти и теснили друг друга, требуя внимания. Его бодрствующее «я» было полностью забыто, а спящее обрело свободу и овладело сознанием.

Происходящее было таким, как если бы все, что снилось Ноэлю в жизни, вернулось и было увидено снова. И все, что он когда-либо приносил с собой в безопасную гавань сна, равно защищенную от суда людского и Божиего, скрытую в неподвижности тела, стало теперь предметом оценки и тяжелой ношей.

С самого начала его странствие с Шигиди обрело вид долгого допроса самого сокровенного в его душе с применением всех возможных средств дознания.

Его бодрствующее «я» никогда не забредало в камеры пыток, расположенные ниже тюрьмы Лондонского Тауэра, хотя уши его порой улавливали отдаленные отголоски воплей. Но его спящее «я» в те дни, когда он был ребенком, часто вступало в эти темные переходы, заворачиваемое любопытством, и наблюдало за работой людей принца. В этих снах Ноэль сам оказывался на дыбе и с ужасом взирал на раскаленное железо. И теперь он опять был воздет на дыбу и наблюдал игру пышущего красным жаром металла, а загробные голоса требовали, чтобы он выложил все свои тайны.

Как ни парадоксально, боли он не чувствовал, однако откуда-то взялась суровая обязанность любой ценой прикидываться, будто боль есть, с тем, чтобы создать для допрашивавших видимость ужаса и отчаяния, скрыть от них свою невосприимчивость к их средствам.

Почему он должен делать вид, будто страдает? Ноэль не мог сказать. Он не знал, какая новая угроза таится в их власти над ним, так что он изображает перед ними человека уязвленного и запуганного, лишенного способности солгать или что-то скрыть. Ноэль лишь чувствовал, что должен поступать именно так, чтобы оправдать неизбежность своих откровений перед собой и теми, кого он предает. Возможно, вовсе не они угрожали ему, но он сам, стремящийся во что бы то ни стало выдать себя, жаждущий признаться — с тем,

чтобы облегчить свою душу. Снова и снова ему угрожала смерть, в этом он был уверен. Действительно ли грозили ему пытки? Была ли то просто его извращенность? Был ли то безжалостный бог Шигиди, в мир которого он волей-неволей попал? Ноэль не мог сказать.

Не все в его сновидениях обернулось сплошным допросом с пристрастием. Была и вселенная, которую надлежало исследовать, и многие области человеческого знания, которые требовалось изучить, ибо они так смущали его прежнее «я», возможности которого столь жестко ограничивало бодрствование. Его бодрствующее «я» ничего не знало о вампирских шабашах и таинственной магии, посредством которой вампиры делались вампирами. Но его спящее «я» пробралось на их тайные сборища, и он увидел, что там происходит. Он видел, как действует сатана, получая присягу верности от вампиров, наблюдал, как они пляшут с бесами; он переживал каждое противосестественное соитие, каждое терзание их плоти, исполненной знания о скором и неизбежном исцелении. Теперь он был свободен и мог посещать такие сборища, когда ему вздумается, и постигать увиденное.

Он видел норманна Ричарда на шабаше. Медноглазый Львиное Сердце смеялся в ответ на лесть своего друга Блонделя де Несля. Он видел Кармиллу Бурдийон с красными от лихорадки глазами; с ее похожих на когти ногтей стекала кровь. Он видел на шабаше Гхендуа, выставяющего свой доблестно испорченный уд и показывающего бледным дамам, как он мочится кровью и низвергает в зловонный липкий поток черную сперму. Ноэль видел людей, которые, еще не будучи вампирами, явились получить свою долю у Князя Тьмы. Увидел, как они произносят свои ужасные клятвы, и услышал колдовские напевы, которые раздались, когда сатана всадил свой ледяной фаллос в их кишки. Ноэль наострил было уши, едва послышались эти заклинания, решив запомнить их, но всякий раз, когда он повторял про себя строку, все остальное исчезало из памяти. Пение звучало на языке ему неведомом. Когда шабаш закончился, Ноэль все еще оставался в неведении, какая магия требуется, чтобы человек стал вампиром; но он опознал некоторых из

тех, кто давал клятву и подставлял свои задние части для непотребства.

Он видел на шабаше Лангуасса, несущего отсеченную голову леди Кристелль, губы которой пытались заговорить. Видел там Нतिकиму, переодетого Эгунгуном и держащего оперенный жезл. Видел Эдмунда Кордери в иной маске, которая указывала, что он состоит в Невидимой Коллегии Англии.

Нозль хотел воззвать к этим трем, взмолиться, чтобы они не продавали свою душу, но доверились бы Провидению, вспомнив послание Святого Квинта; однако Нозль не посмел выдать себя, иначе вампиры обнаружили бы, что он подсматривает за их обрядами, и нанизали бы его на заостренный кол, чтобы полюбоваться, как он корчится.

Были и другие тайны, ждущие исследования, и каждая заволаживала не меньше, чем шабаш.

Его бодрствующее «я» никогда не посещало Тибурна, чтобы поглядеть на бедняг, которых в набитых битком повозках привозят к трехногой кобыле. Он ни разу не видел, как на людской шее затягивают петлю и предоставляют осужденному болтаться в воздухе и брыкаться, пока с пуканьем не вылетит из брэнного тела душа. Но его спящее «я» там побывало. Он бывал там вместе с Шигиди, но позабыл, позабыл, позабыл... а теперь забывать было не нужно, и он мог врезать подобные картины в душу.

Его «я» никогда не посещало африканскую деревню в день жертвоприношения и не видело, как перерезают горло ребенку, отдавая его Олори-мерину; как рассекают его плоть, как собирают и пробуют кровь. Он никогда не видел, как жрецы Огуна вынимают сердце у возведенного в благородные раба, чтобы набить его снадобьями и съесть. Но туда заглядывало его спящее «я» — и куда чаще, чем он догадался бы до того, как явился в Адамавару и стал готов к постижению куда большего числа тайн, чем когда-либо хотел для себя раскрыть.

Его «я» ни разу не спускалось в ад и ничего не знало об огненных рвах и ледяных пустынях, кровавых озерах и железных вертелах. Но его спящее «я» знало те места — и с подробностями, каких он и заподозрить бы не осмелился. И он видел там людей, о которых не хотел бы знать, что

они прокляты. Его спящему «я» было открыто, что в аду горит Эдмунд Кордери и что близ него оставлено место для его неблагодарного сына... И его спящее «я» страстно желало избавиться от подобного знания, но тщетно.

В мире вроде этого, с бормочущим из глубины Шигиди, не могло быть и вопроса о тайне, о сокрытии истины. Нозль заглянул в глубины, помещенные много ниже своего «я», которое всегда считал истинным Нозлем Кордери. Сам собою родился вопрос: «Кто же я на самом деле? *Что я такое?*». Он задал множество вопросов и сам дал на них ответы, не щадя ни себя, ни других. Но самые скверные вопросы он задал о себе самом. Полученные ответы заставили сомневаться в том, что для него возможно какое бы то ни было прощение. Он видел в душе и под нею то, чего никогда не простил бы себе, и то, за что никогда не мог бы попросить прощения у того, кто его любил. Он понимал, почему должна быть безграничной милость Божия — иначе ей было бы не побороть тайные сновидения людей. Порой он мельком видел допрашивавших его, но куда чаще из безликой тьмы доносились их голоса. Там могли таиться и разгневанный Бог, и тень чудовища, слишком страшного, чтобы смотреть на него.

Кантибх был одним из тех, кто задавал вопросы о нем; вторым был Квинт; Эдмунд Кордери — третьим. Один из них сказал, что он сгорит как еретик, но Нозль не мог определить, кто именно осудил его. Один из них пообещал ему мученичество, но кто из них мог поступить столь безрассудно — Нозль не знал. Один из них сказал ему, что он все еще далек от своего конечного обретения, что в его снах ему откроется несметное обилие дивных тайн — но кто мог произнести столь дерзкое предсказание, Нозль и догадаться не мог.

Все, что он говорил им о себе, оживало. Не так, как видело и чувствовало это его бдящее «я», но так, как видело и понимало «я» спящее. Он говорил о детстве, о Тауэре, об отце и матери. Он говорил о Великой Нормандии и о Галльской Империи. Он пылко ораторствовал о механических искусствах и много рассказал о тех видах машин, которые нынче используются в Европе. И о мириаде способов,

какими эти машины изменяют и облегчают жизнь людей. Он подробно описывал различные доктрины христианской веры: ересь Григория, разложение Рима, партии в духовенстве, безумие и фанатизм.

Когда Нозль повествовал о мире, он вел речь с такой уверенностью, словно он сам — это мир, словно он объял собою все, всю большую круглую Землю и бесконечную человеческую историю поместил в пределы своей маленькой души; как будто все на земле определялось его мыслями, его образованием, его отношением и чувствами. Он говорил об Африке, как если бы в Африке не было ничего кроме того, что исторглось из его щедрого воображения. Забавные звери и чудовищные божки, влажные леса — все это стало едино в великой реке его мыслей, сделалось лишь волнами и водоворотцами на поверхности его существа.

Много времени спустя, когда Нозль пришел к заключению, что некоторые из допрашивавших действительно присутствовали возле его постели, и обрывки того, что лопотало его спящее «я», действительно были ими услышаны, он попытался вспомнить: а что же он, собственно, сказал призрачным допрашивающим? Это оказалось неразрешимой задачей.

В чем он обвинял себя? В чем исповедалась его душа? Нозль не мог сказать. Более того. Его спящее «я» в то время, пока спящая душа была заточена в спящую плоть, уязвлялось не только мучениями и наказаниями на допросе. Бесчисленное число раз он чувствовал себя опозоренным, хотя его «я» никогда от этого не страдало. И поскольку он не обладал подлинным опытом, на котором основывалась бы видимость проникновения мужского пениса в его естество, это представлялось ему самым нелепым и диким образом. Один раз член, всаженный в него, оказался холоден и липок, в другой — горяч и остер. Однажды невидимый уд был огромен, и его обильное извержение наполнило Нозля настолько, что расперло живот и сдавило горло; а как-то раз ощущение было легким и приятным, но затем сперма ударила в него, точно выстрел, и сотряслись кости. Один раз насилие над ним совершал некто, напоминающий Квинта, в другой то был турок Лангуасса, который взял его, прикованного к позорному столбу, с охваченными железом запястьями. Его

спящее «я» находилось за пределами стыда не более, чем за пределами тайны, и Ноэль страдал от надругательств без спасительной надежды, что кто-то из насильников может посеять в его плоти семя бессмертия. Сатана грегорианцев никогда не встречался среди тех, кто терзал его, не было среди них и Ричарда Львиное Сердце или кого-то из его племени.

Но если все эти главы в книге сновидений были лишь различными кругами Дантова Ада, то удостоился Ноэль и кратких райских видений.

Его бодрствующее «я» прошло по лицу земли много дальше обычного, и все же увидало лишь ничтожную часть огромного Творения, осуществленного Рукою Божией; это бдящее «я» с восхищением глядело в небо, не в силах сосчитать звезды или проследить блуждания планет. Но его спящее «я», лишенное плотских оков, часто влекло его чуткую душу прочь из темницы плоти, и она воспаряла вместе со всем Творением по милости Господа, свободно кружила в небе и купалась в лучах Солнца или прочерчивала путь кометы среди звезд, одинокая в великой тьме и все же гордая своей мощью. Увы, привкус небес в этих видениях был слаб, ибо в безмерной пустоте Космоса Ноэль чувствовал отстраненность, неким образом такую же адскую, как и нерушимые тюрьмы-лабиринты, в которых порой заточали его кошмары. Когда его душа слишком долго оставалась в недосыгаемости для солнечного тепла и когда Солнце делалось крошечным как любая другая звезда, Ноэль знал, что, подобно Одиссею, навлек на себя гнев рока, и мукой для него станет долгая задержка в пути домой. Такие полеты души, казалось, не могли достичь какой-либо цели.

Но был еще и полурай, который Ноэль разделял с женщиной-вампиром, обходившейся с ним много лучше, чем допрашивавшие или те, кто навязывал ему содомский грех. Позднее, пытаясь оценить эту пору, Ноэль думал, что его спасли от предельного отчаяния дамы-вампир. Или хотя бы одна дама-вампир. Его бодрствующее «я» никогда не возлежало ни с простой женщиной, ни с женщиной из вампиров. Он ни разу не занимался любовью, даже с цыганкой, которой нравился с тех пор, как она была девочкой. Смущенное и

стыдящееся, еще более неловкое по причине затянувшегося воздержания, его бодрствующее «я» сторонилось эротизма, крепко связав его личными запретами. Но спящее «я»!..

Ни стеснения, ни стыда не ведало это призрачное существо, что двигалось в нем, и никакие пределы, поставленные сознанием, не могли сдержать импульс, который поднимался, непрощенный, в спящем теле, требуя послушания от скованной сном души. В этих снах никогда не было недостатка в податливой плоти, вожделеющей и бессмертной, в поцелуях до крови. Там все еще жила Кристелль, и не была в аду ее отсеченная голова. Эта леди была невредимой и свободной, она возлежала перед ним, наряженная так причудливо, как он только мог себе представить, всегда доступная ему и жаждущая ласки. Кармилла Бурдийон также находилась там, не изуродованная чумой, которая превратила ее кровь в желчь, но теплая и белая, бессмертная, вечно нежная, вечно прекрасная, вечно жаждущая. В его видениях встречалась еще тысяча вампиров, часто безликих, всегда совершенных; часто безымянных, всегда мягких. В его снах, не ведавших пределов страха и злобы, не имелось также пределов для красоты и очарования, экстаза и блаженства. Но не было простых возлюбленных даже в его снах, ибо его спящее «я» не ведало необходимости снизойти до брэнной плоти смертной женщины, предпочесть текучее постоянно-му, тленное неразлагающемуся.

В ту долгую пору сновидений его демонические возлюбленные не покидали Ноэля, но вместо этого число их увеличивалось, кто-то являлся и незаметно исчезал, а кто-то служил ему долго и основательно. Одна из них отличалась от других. Не потому, что преобразила суть его вожделения, но потому, что нашептывала ему, пока лежала с ним рядом, как если бы и она заплутала в стране сновидений, осужденная открывать сердце невидимым допрашивающим, которые дразнили ее не ведающую боли плоть стрелами бреда. Имя, которое этот призрак назвал сам, было Береника. И его спящее «я» узнало, что родилась она в Александрии в дни упадка империи Александра, пока Рим еще агукал в колыбели. Ее продали в рабство проходимцам, подавшимся через пустыню в поисках Соломонова Офира. Пустыня была не

столь безжалостна в те давно миновавшие дни, и Александр послал несколько экспедиций в сердце Африки — некоторые из них вернулись. Ее хозяева, услышав об Адамаваре, решили, что это и есть Офир, и отправились искать земной Элизиум.

Безжизненный лес, не в пример пустыне, был тогда страшнее. И те уцелевшие, что привели рабыню Беренику под его сень, тяжело заболели серебряной смертью, и казалось, что все они умрут. Много дней она лежала в лихорадочном ужасе, затерявшись в кошмаре, снедаемая мукой. И Береника умерла бы, но элеми подобрал лекарство, которое спасло ее и сделало почти такой, как они, но айтигу — незавершенной.

В последующие столетия в Адамавару приходили другие — из арабских стран и тех империй, что восставали и рушились в Средиземноморской колыбели цивилизации. Некоторое время элеми использовали свои снадобья, чтобы изгнать серебряную смерть, и преображали гостей в неумирающих айтигу, так что Береника не была одинока. Но вот элеми прогневались, оскорбленные тем, что творили среди людей айтигу, и перестали применять это средство. Один за другим айтигу умирали или уходили, и Береника оказалась в одиночестве. Это случилось давным-давно. Ее пора сновидений, как она сказала, унесла ее в райские кущи, где не надо было бояться времени, но порой она возвращалась в менее блаженные места, если была причина. Нозль, казалось, стал новой причиной для ее нынешнего нисхождения из рая.

Любовь с Береникой в его пору сновидений походила на соприкосновение с ангелом. Его встречи с ней были смутны, и Нозль часто не понимал, кто на самом деле посетил его, Береника или одна из тысяч других. Но всегда присутствовала радость. Порой Кристелль приносила ему облегчение. Порой Кармила. Порой некто безымянный, чье лицо все же требовалось увидеть. Одна из них сказала ему, что он — красивейший мужчина в Англии теперь, когда убил своего отца, но Нозль не знал, которая сказала ему это. Еще одна сказала, что дыхание лучшей жизни — в нем, и что его дети обновят страдающий мир, но он не мог сказать, которая. Еще одна призналась, что всегда будет его помнить, в каждую свою пору сновидений, которые еще придут, и будет нахо-

дить его снова и снова в каждом лице, которого коснется, и в каждой капле крови, которую выпьет, но он не мог узнать ее голоса, и знал только ее имя, неизменно присутствовавшее в его снах и обозначававшее в них все: Шигиди.

3

Бодрствование мало-помалу вторглось в мир его снов. Сперва Ноэль забывал события яви, как только опять засыпал, но по мере того, как шло время, его переменчивое сознание восстановило и упрочило свою связь с внешним миром, и он выволок себя из адской воронки, в которую затащили его серебряная смерть и демон народа уруба.

Его память о подлинных событиях восстанавливалась поначалу сумбурно и отрывочно. Воспоминания о том, как ему в рот заталкивают еду и поят из чашки, тонули в хаосе обрывочных разговоров. Ноэль знал, что Кантибх часто навещал его, порой с престарелым черным вампиром Айедой, Они-Шанго, который обращался к нему на уруба. Ноэль знал, что провел много времени в горьких страданиях и что порой его била лихорадка. Порой он, как ему казалось, бредил и что-то бормотал в ответ на вопросы, которые задавал некто, желавший получить представление о том, что с ним творится. Он словно пытался голосом выплеснуть яд, скопившийся в нем за все те долгие годы, когда он, неверующий, отказывался исповедываться и причащаться.

Ноэль знал также, что порой глядит на свое нагое тело открытыми и ясными глазами и видит, что оно почти полностью почернело, словно все покрылось огромным синяком. Вспоминая это, когда его мысли опять стали связными, он спросил себя: какое пламя истребило его? Он как будто горел в аду, и остался лишь прах. И таково ли, думал он, будет целую вечность состояние всех грешников и неверующих? Не явилось ли ему видение гибели души засвидетельствованным во плоти? Не потому ли Бог попустил Шигиди и его племени их ограниченную власть над душами людей?

Его бодрствующее «я» вновь стало властелином его чувств и памяти, но то была нелегкая победа и не безупречная.

Возрожденное сознание Ноэля грубо и поспешно стало подавлять и выкорчевывать все, что освободили сны, кроме малой толики, однако Ноэль не мог скрыть от себя правды: он переменялся. Лучше или хуже он стал — этого Ноэль не знал. Несмотря на всю сбивчивость и текучесть его бреда, имелась некая последовательность, которую его душа позаботилась сберечь и которую память сохранила, насколько смогла, связанная одним образом: лицом женщины Береники. Ноэль знал, когда разум вернулся к нему, что в любовных утехах его видений было нечто от реальности. Береника и впрямь приходила к нему, как приходили и допрашивавшие, и она с ним лежала.

Сколько раз это случалось по-настоящему, а сколько — только в воображении, он не мог бы сказать. Но знал, что в его вождении и нежности заключалось мало разницы между мороком и явью. Возможно, как подумал Ноэль, это всегда так. Возможно, страсть — это способ истинной встречи внутреннего и внешнего миров, достаточно мощный, чтобы сплавить сон и явь, тьму и свет, Ад и Небо, бесплодие и плодотворность, вампира и простолюдина. Ему пришло в голову, что у Береники должны были быть любовники еще за семнадцать веков до его рождения и что теперь ее страсть дотянулась до него через великое протяжение людской истории. И тем самым сокровенно связала его со всеми хитросплетениями дорог человечества, которые пролегают в тени вечности. Когда Ноэль впервые сознательно занимался с ней любовью, он почувствовал, что обнимает Божественное Сердце и берет выделенную для него часть дыхания жизни — пусть даже то была ничтожно малая доля, неспособная избавить его от боли и смерти.

Ноэль полагал что, пока он лежал в бреду, она немало говорила с ним, рассказывая ему о своей прежней жизни и о столетиях, которые провела в Адамаваре. Возможно, ее побуждала рассказывать необходимость облегчить душу, не столь уж отличную от его души. Когда Ноэль выздоровел и опять полностью осознал происходящее, Береника сделалась застенчивой и беседовала с ним менее охотно, что вызвало ответную робость и у него. Ноэль знал, что Береника пила его кровь в то время, когда занималась с ним любовью, пока

он лежал в бреду. Это противоестественно, но он не испытывал беспокойства за себя; его не удручало, что он стал добычей вампира, но он тревожился за Беренику, ибо опасался какого-либо ущерба для нее, пившей нечистую черную кровь из жил больного. Не раз и не два, как он думал, он вскрикивал в бессловесном протесте, когда она над ним склонялась, и, кажется, он вспоминал, как видит ее, смутенно удаляющуюся — она не знала, что его встревожило.

Он видел сон, будто она перерезала ему горло ножом и с похотливой жадной лакала хлынувшую оттуда кровь. Но когда он выздоровел, то понял, что это лишь кошмарное видение. Когда Береника брала у него кровь, она брала из груди, а не из горла, и он не чувствовал ничего, кроме безразличного приятия всего, что происходит.

Не было какого-то определенного мига, когда Ноэль понял, что вернулся из дебрей обрывочных бессвязных воспоминаний к полному и ясному сознанию, но все же был один миг, который он позднее вспоминал как истинное начало возобновления жизни. Случилось это ночью, когда сознание пришло к нему с пугающей отчетливостью, и он понял, что его вызвал из забытья какой-то звук. Ноэль немедленно осознал, что лежит в своей постели на левом боку, из-за чего перед лицом у него черная каменная стена его спальни. Он чувствовал жесткость одеяла там, где оно прикрывало его тело, давая тепло, и плетение оболочки тюфяка. К его затылку прикоснулся холодный сквознячок, зашевеливший волосы. Позади него в спальне что-то двигалось. Но он не перевернулся, а лежал и прислушивался. Звуки продолжались. Как будто тело волочили по полу, и при этом кто-то дышал, тяжело и неровно.

Ноэль сделал усилие, которого не хватило, но вот он наконец заставил себя перевернуться. И заговорил — хотя его несколько поразило, что у него есть голос:

— Кто это?

Раздался негромкий тревожный вскрик, быстро подавленный.

— Кордери? Мастер Кордери? Это ты? Действительно ты?

Голос этот было не так-то легко узнать. Но слова сказали ему куда больше.

— Лангуасс? — спросил Нозль, попытавшись сесть. И осознал, что к его телу опять вернулась чувствительность, и правая сторона ведет себя так же как левая, и он имеет власть над каждой своей мышцей.

— Благодарение Богу! — воскликнул пират, едва не рыдая.— Мастер Кордери, я был в аду! Я горел, друг Нозль, и как меня мучили бесы!

— Да,— сказал Нозль, которого куда больше занимало то, что он осознает себя, нежели присутствие посетителя.— Я и сам побывал там, и только теперь уверен, что больше я не там.

Он взгляделся во тьму, упорно пытаясь разглядеть лицо пирата. Ночь была ясной, и звезды светили в прямоугольнике прорубленного в стене окна. Свет был слабым, но спальня не пропадала в кромешной тьме. Когда протянулась рука и стала на ощупь искать лицо Нозля, а затем добралась до плеча и схватилась за него, он увидел смутную тень. Голова посетителя была ниже его головы, и рука тянулась вверх. Тогда Нозль понял, что Лангуасс действительно волочился по полу, вероятно, не способный ходить или даже ползти.

— Помоги мне! — взмолился Лангуасс.— Ради Любви Господней, помоги!

Нозль не мог себе представить, какую он может оказать помощь, но когда Лангуасс схватил его правую руку, он протянул свою левую и обхватил пальцами запястье пирата.

— Тихо, приятель,— произнес Нозль.— Теперь ты вернулся из того ада, в который увели тебя твои сны. Мы опять в нашем мире, и серебряная смерть покидает наши измученные тела. Мы станем белыми как кости, прежде чем поймем это до конца.

— Если я сейчас не в аду,— отозвался пират,— то, конечно, вернулся лишь ненадолго и попаду туда снова, едва только усну.— Казалось, он не верил, что Нозль знает, о чем речь, когда пытается его утешить.

— Ад внутри каждого из нас,— объяснил ему Нозль.— Мы болели, приятель, вот и все. Серебряная смерть дала нам почувствовать то, что может нам предстоять и чего мы боимся.

Нозль вспомнил, что Лангуасс был болен еще до того, как сам он заметил у себя на теле эту странную окраску. Лангуасс шагал на своих двоих не один долгий день, обли-

ваясь потом, погруженный в бредовые видения, с исключительной силой и доблестью противясь изнуряющему недугу, на грани обморока. И понял, что Лангуасс, вероятно, не помнит, как Эгунгун вышли им навстречу и как сам пират пытался убить одного из восставших мертвецов. Лангуасс мог и не знать, что их принесли в Адамавару.

— Они допрашивали тебя? — спросил Ноэль.

— Бесы в аду мучили меня, — пожаловался Лангуасс. — Я почти забыл их проклятый язык.

В молодости Лангуасс получил хорошее образование и наверняка учил латынь, но это было давным-давно. Пират знал не больше двух десятков слов уруба. Какие бы сведения ни получили элеме от Квинта и Ноэля, им пришлось удовольствоваться куда более скудной долей от Лангуасса.

— Где это место? — прошептал пират.

— Это твердыня Адамавары, — сообщил ему Ноэль. — Оплот вампиров. Ты видел перса, который называет себя Кантибх, или женщину Беренику, которой принадлежит этот дом?

— Я не знаю, что я видел и что со мной делали, мастер Кордери, — откликнулся Лангуасс гортанным шепотом. — Пока я не нашел тебя, я пребывал — и мог бы поклясться в этом! — в жилище Вельзевула, в логове Дита, где его сатанинское величество вел жестокую игру с моей плотью и моей душой. Я поклялся бы также в том, что раскаялся во всем, когда-либо совершенном, и исповедался во всех моих грехах. Черт побери, я бы молил о прощении самого Ричарда, если бы он явился избавить меня от этого злосчастья!

— Тише, — мягко произнес Ноэль. — Если бы Квинт был здесь, он принял бы твоё покаяние и выслушал исповедь, но я всего лишь Ноэль Кордери, который знает о тебе кое-что такое, чего не мог бы простить вполне. Я не попросил бы тебя раскаиваться в твоей ненависти к Ричарду Львиное Сердце и галльской тирании. Жаль, здесь поблизости нет лампы или свечи, свет не помешал бы.

— О, нет, — всхлипнул Лангуасс. — Я не тот, каким был, и вам бы не понравился мой вид. Если я не мертв, мастер Кордери, то я, конечно же, весь в черной проказе и куда безобразней на вид, чем был когда-либо мой верный Селим.

— Думаю, что нет,— отозвался Нозль, все еще пытаюсь, чтобы голос его звучал успокаивающе.— Я тоже запятнан, но чистота возвращается к нашей плоти, хотя она может так и не вернуться к нашим бессмертным душам. И ад все еще в силах заполучить нас, и мы однажды, возможно, взмолимся о дыхании жизни.

— Боже мой! — простонал Лангуасс.— Ведь ты не... не можешь ты... О, каков может оказаться по отношению к подобным мне мстительный Господь? Будь проклят Он и все Его дела! Но ты должен простить меня, мастер Кордери, прости меня за все, что я...

Нозль знал, что он не желает слушать дальше, и ему особенно не понравилось, что Лангуасс сперва проклял Бога, а затем попросил его, Нозля, о прощении. Но Лангуасс не смог закончить свою мольбу. Голос его утонул в мучительном кашле, и вскоре пират опять шлепнулся на пол.

Раздались новые звуки, и Нозль понял, что в спальню входит кто-то еще. Лангуасс постепенно разжимал пальцы, и Нозль тоже выпустил запястье пирата.

Трепетное пламя свечи заплесало на каменных стенах, и над постелью обозначились два человеческих образа, похожих на большие черные тени. Затем появилось само пламя, а позади него лицо перса Кантибха.

Лангуасс с трудом поднял голову над полом и повернул лицо к свету. На мгновение он показался Нозлю уродливой насмешкой над человеком. Его лицо все еще пятнали тускло-серые отметины болезни, на губах виднелась черная кайма, а в глазах угадывалось безумие. Нозлю показалось, что пират перенял облик восставшего мертвеца и что эта раскрашенная маска появилась на нем в знак искупления насилия против Эгунгуна.

— Это сатана! — прорыдал Лангуасс.— О, мастер Кордери...— Он повернулся к Нозлю, чтобы поглядеть ему прямо в глаза.

Нозль всмотрелся в полное ужаса лицо пирата, и воспоминание об Эгунгуне, которого он видел, угасло. Черты, тронутые серыми пятнами, пусть искаженные, потеряли всякую связь с потусторонним миром и отражали лишь страх и горе. Как будто Лангуасс запачкался лишь обычной земной

грязью, а не был так глубоко запятнан грехом, как думал о себе. Нозль увидел, что руки пирата тоже помечены серебряной смертью, но уже возвращаются к обычному состоянию. Болезнь его имела вид отступающей тени, но не всепожирающей напасти.

— Это не дьявол,— произнес Нозль, теперь уже не особенно мягко, ибо пытался заставить пирата себя слушать.— Это просто человек. Вампир, но человек.

Никогда прежде он не видел Лангуасса в таком состоянии — утратившего всякий гнев, лишенного всякой жестокости, всякой надменности. Но Лангуасс, в конце концов, был человеком — и человеком великой храбрости, несмотря на все его пороки. И пусть Нозль не произнес этого вслух, но он простил Лангуассу все то, за что некогда его ненавидел.

Лангуасс, похоже, каким-то образом понял это, ибо его искаженное мукой лицо стало спокойным, и он даже попытался улыбнуться.

— Ну, мастер Кордери,— прошептал он.— Это ведь только ты. Я спал, друг Нозль, и видел сны...

Черные служители бережно подняли пирата, и Нозль видел, что тот, как может, старается помочь им.

— Лангуасс,— сказал Нозль.— Мы в Адамаваре. Гости мы или пленники, определить не могу, но пока что они не намерены позволить нам умереть. Идите с ними, и я навещу вас, когда смогу

И, произнеся это, Нозль подумал, вправе ли давать такое обещание. Откуда ему знать, каковы возможные намерения Кантибха — теперь, когда старейшины Адамавары наверняка знают большую часть того, о чем могли поведать им Квинт и Нозль? Что случится завтра? Он здесь желанный гость или плод, который отбросят, когда вытянут все содержимое?

— Это болезнь,— проговорил Лангуасс, как бы пытаясь получше запомнить новость. Затем рассмеялся. То был слабый и жалкий смех, но все-таки смех.— В аду есть микроскопы? — спросил он и опять впал в забытие, бессильно обмякнув на руках людей, облаченных в белое. Они подхватили его покрепче, без большого труда, ибо он изрядно исхудал, и унесли.

Кантибх вышел следом, но не закрыл дверь. Вошла Береника, она тоже несла свечу. Женщина поглядела на Нозля. Она

ничего не сказала, и в глазах ее угадывалось странное выражение, как если бы мысли ее блуждали где-то далеко, уловленные миром сновидений и неспособные оттуда вернуться.

Не впервые он смотрел на нее в полном сознании, оценивая ее красоту со вниманием бодрствующего. Однако делая это прежде, Ноэль находился во власти чар своей страсти и видел Беренику лишь как предмет своего влечения. Теперь между ними обозначилось расстояние. Ее красота ничуть не уменьшилась: безупречная кожа, полные губы, чуть раскрытые перед ровными белыми зубами, и яркие медные волосы, подобных которым Ноэль никогда прежде не видел. Она была, по правде говоря, так прекрасна, что у него перехватывало дыхание, когда он ее созерцал. Но теперь он увидел то, чего не видал прежде: она глядела на него совершенно иначе, в ее взгляде не было ни нежности, ни восхищения, а только жадность.

Он положил руку себе на лоб, словно проверяя, нет ли жара. Разум его затуманился, словно попытка помочь Лангуассу отняла слишком много сил.

— Оставь меня, умоляю, — произнес Ноэль. — Дай мне поспать.

Береника учтиво поклонилась и покинула спальню, но он тут же окликнул ее и попросил оставить ему свечу. Она вернулась и поставила свечу на стол, сделанный из среза древесного ствола.

— Мне скоро станет лучше, — пообещал он. — Очень скоро.

Но когда она ушла и он опять уснул, ему снилось, будто она тайком вернулась и была с ним в постели, будто она разрежала его кожу у горла и тянула из пореза кровь, пока они металась и каталась вдвоем. Она пила и пила, пока в нем не выросла боль, изгнавшая его душу из тела блуждать в бесконечных переходах, где душа серебряным угрем плыла в пустом воздухе, устремляясь все вперед и вперед, без надежды добраться до конца или воспоминания о начале.

Пока Ноэль смотрел этот сон, сновидение казалось явью, но когда он опять проснулся при свете дня, оно испарилось, как и положено сновидениям, и его глазам предстали вполне осязаемые серые стены небольшой спальни и огромный балдахин синего неба за окном.

Солнце уже поднялось высоко, и Ноэль наслаждался ощущением благополучия, которого не испытывал уже долгое время.

Он сел, отбросив одеяло, с тем, чтобы осмотреть свое тело. Он больше не был наг, на нем оказалась какая-то легкая сорочка, но руки были открыты, и он увидел, что серое под кожей совсем побледнело и обычный цвет почти вернулся, хотя тело стало бледнее из-за того, что он давно не подставлял себя солнечным лучам. Когда он приподнял подол сорочки, то разглядел, что ноги у него немного темнее, чем положено, и еще недостаточно восстановилась чувствительность в икрах и стопах. Ноги стали куда тоньше, чем он их помнил, и на руках поубавилось плоти, словно мускулы истощились.

Он обнаружил, что может встать, пусть с некоторым трудом. Ему удалось проковылять через спальню к нише. Затем Ноэль поискал взглядом одежду, чтобы облачиться, но если прочее его имущество, включая микроскоп в ящике, оставалось здесь, у его постели, то одежду унесли. Он опять сел, не на шутку обессиленный сличением себя нынешнего с собой прежним.

Позднее он оказался в состоянии приподняться и съесть завтрак — холодную кашу и плоды. И спросил одного из африканцев, которые принесли пищу, нельзя ли получить обратно одежду. Слуга не понял ни слова, но больной дополнил речь выразительными жестами, и одежду принесли вместе с водой для мытья.

Когда солнце достигло зенита, Ноэля навестил Кантибх. Береники с ним не было, зато явились два престарелых вампира, которых перс представил как Айеду и Ньянью. Айеда был Они-Шанго, которого Ноэль уже видел несколько раз, хотя не мог полностью вспомнить, когда это случилось и при каких обстоятельствах.

— Вы достаточно поправились, чтобы говорить с нами? — спросил Кантибх на латыни.

Ноэль подумал, что они изводили его несчетным обилием вопросов, пока ему было куда хуже тсперешнего и он не мог давать внятные ответы. Он сказал об этом.

— Это правда,— признал Кантибх, сев на корточки на циновку с двумя эlemi по сторонам.— Мы узнали многое из того, что просили нас узнать старейшины. Но есть многое другое, чего вы не могли сообщить в вашем недавнем состоянии. Мы бы хотели услышать более разумные суждения, которые исходят лишь от спокойного ума.

— Мы здесь пленники? — внезапно спросил Ноэль.

— Вы, безусловно, пленники обстоятельств,— учтиво ответил Кантибх.— Когда вода в Логоне и Гонголе высока, путешествие к главному руслу Куарры очень затруднительно. Вам не добраться до Бочи прежде, чем настанет самая скверная часть поры дождей.

Ноэль с подозрением поглядел на этого человека.

— Пора дождей? Пора дождей не начнется до апреля!

— По вашему календарю сейчас месяц май,— сообщил Кантибх.— Вы провели в Адамаваре сто сорок дней.

Ноэль попытался скрыть свое изумление, но Кантибх, конечно, знал, как подействует на больного эта новость. И добавил:

— Серебряная смерть вызывает особый сон, похожий на спячку, в которую впадают эlemi, когда в них ослабевает дыхание жизни. Вы были очень больны.

Ноэль вспомнил, как мкумкве подобрали Лангуасса, когда тот упал, и опять воззрился на свои истощавшие руки. Они дошли до такого состояния не в несколько дней, но Ноэль все же не предполагал, что пролежал здесь несколько месяцев. В пору сновидений он утратил всякую связь с обычным временем как телом, так и духом.

— Почему вы принесли нас сюда? — спокойно спросил Ноэль.

— Вы шли сюда намеренно,— подчеркнул перс.— Без Гхендуа вы бы погибли в пути. Эlemi помогли вам, потому что им любопытно, какого рода людей порождает нынче большой мир. Квинт, которого жигели Африки называют белым бабалауо, был представлен старейшинам как человек, который может поведать нам о мудрости мира, равно как и о его истории, и Экеджи Ориша велел, чтобы ему облегчили путь.

— А что будет с нами теперь? — последовал новый вопрос Ноэля.— Мы вольны ходить куда хотим в Адамаваре? И вольны покинуть ее, когда нам захочется?

— В Адамаваре все свободны,— ровным голосом ответил Кантибх.— Здесь боги близки к земле, а неумирающие ходят вместе с восставшими мертвецами. Немногие покидают Адамавару, ибо нет другого места на земле, которое предпочел бы человек.

— Но кое-кто уходил отсюда, верно? — спросил Нозль. Голос его обрел резкость, ибо он испытывал негодование при мысли о том, как они допрашивали его в бреду.— Айтигу, которые принесли дыхание жизни в Валахию и Галлию, не были удовлетворены возможностью ходить вместе с восставшими мертвецами и богами уруба и мкумкве. Кантибх улыбнулся.

— То были неумеренные люди,— сказал он.— Они не обладали ни даром терпения, ни блаженной истинной мудростью.

Нозль поглядел на Айеду, черные глаза которого неподвижно смотрели ему в лицо. Старик старался ничего не упустить, словно тщательно взвешивал, какая мера терпения и мудрости могла сохраниться в сердце Нозля теперь, когда он вернулся из бездны, в которую бросила его серебряная смерть. Нозль знал, как трудно получить честный ответ на прямой вопрос, если африканец его давать не желает. Они не скажут ему, как намерены с ним поступить. И прежде всего Нозль знал, что над ним тяготеет смертный приговор, который пытался исполнить Эгунгун, прежде чем Лангуасс добился для него этой отсрочки. Нозль решил, что должен поставить вопрос иначе, чтобы получить в награду то, зачем сюда явился: понимание того, что есть Адамавара и что есть дыхание жизни.

— Итак, Адамавара — это действительно Эдем, откуда вышло племя вампиров,— произнес он.— Отсюда явился Адам вампиров? Как и когда началось покорение боли и смерти?

— Арокины говорят нам, что были люди на этих холмах, прежде чем появились элеме,— сказал Кантибх, переходя на уруба.— То были предки мкумкве и сахара, уруба и явара, айбо и эдо и других бесчисленных племен. Олорун повелел Шанго ударить в землю огромной молнией и послал Шигиди и других ему подобных, дабы тревожили сны людей, пока служители богов не поймут, какие жертвы от них требуются. Затем Олорун дал священнослужителям свое сердце, чтобы

они разделили его и чтобы в них вошло дыхание жизни. И они стали эlemi. Эlemi основали Огбоне, сообщество людей, и послали их в леса и на равнины, чтобы те хранили племена.

Ноэль не сводил глаз с перса, пока тот говорил. Это был тот же рассказ, который он слышал от Нтикимы, слово в слово, как если бы каждое предложение звучало так с незапамятных времен, безупречно отточенное, не предназначенное для изменений, так что рассказ стал чем-то самим по себе, отделенным от любого повествователя.

— Как давно все это случилось? — поинтересовался Ноэль.

— В начале, — ответил человек в тюране.

— А как обычные люди становятся эlemi? — спросил Ноэль, решив твердо, что спрашивать надо, пусть даже не надеясь, что скажут правду. — И как они становятся айтигу?

— Воссоздание сердца Олоруна — это величайшая из тайн, — сообщил ему Кантибх. — И об этом не говорят даже эlemi, пока они не присоединятся к Экеджи Орише в Илетигу. Но в Адамаваре все свободны и могут видеть богов. Дозволено, чтобы люди из всех племен принимали участие в Ого-Эджодуне, чтобы свидетельствовать о достоинствах эlemi, и племена белых людей не исключаются. Если таково ваше желание, вы можете пойти в Илетигу, когда настанет следующий день: таков закон. Но вам не дозволено узнать тайну сердца Олоруна: она запретна для вас навеки.

Ноэлю не потребовалось спрашивать, что означает Ого-Эджодун, о котором он слышал и раньше. Эджодун, что значит «время крови», был титулом, который давали йоруба всем важным жертвоприношениям. Слово «ого» применялось обычно к узловатой дубинке, пенис тоже так называли. Ноэль уже видел изуродованные гениталии Гхендуа и эlemi сахра. И догадался о части обряда, в ходе которого мужчины становятся эlemi. Ого-Эджодун — это новая икейика, шабаш африканских вампиров. Все это он уже знал. Каким бы важным это ни могло быть для старейшин, Ноэль подозревал, что это имеет мало отношения к главной составляющей процесса преобразования человека в вампира. Хотя Ноэль никогда не видел Кантибха обнаженным, он предположил, что перс является айтигу, незавершенным, в том смысле слова, что его член не поврежден. Кантибх не прошел Ого-

Эджодун, и все же был храним от боли и смерти. Ясно, таким образом, что сердце Олоруна избавляет людей от боли и откладывает их смертный час.

— А как насчет снадобья, которое порождает айтигу? — снова заговорил Нозль. — Вы больше не изготавливаете его, как я полагаю, чтобы спасти тех, кто тяжело страдает от серебряной смерти?

Впервые он испытал удовлетворение, видя, как вздрогнул перс, и даже суровые черные вампиры, молча сидевшие по бокам от него, проявили едва заметные признаки изумления. Но тут Кантибх бросил беглый взгляд на дверь, и Нозль понял, что перс вспомнил о Беренике.

— Тайна погребена давным-давно, — поведал ему Кантибх. — Айтигу были предками вашего Аттилы, обманувшими доверие, которого их удостоили. Им не хватало мудрости, ибо они не были завершены. Экеджи Ориша повелел, чтобы эту тайну забыли, и арокины среди старейшин стерли ее из умов.

— Похоже, ее не забыли в Европе, — сухо заметил Нозль.

— Она погребена, — повторил Кантибх. — И навеки исчезла из мира.

Своей настойчивостью перс оказал Нозлю весьма ценную услугу. Он помог ему в осмыслении того, что Нозль уже успел узнать. А именно — тот понял, что, вероятно, вампиров Европы порождает не то же самое средство, которое порождало их предков в Адамаваре. Если это правда, как подумал Нозль, то не все способы, которые могут породить вампира, известны в Европе. Не исключено — да возможно ли такое? — что способ, которым порождал вампиров Аттила, не был полностью понят старейшинами Адамавары.

— Возможно, так лучше, — произнес Нозль с мягким, едва уловимым лукавством. — Но когда войска с пушками явятся завоевывать Адамавару, они, несомненно, пожелают эту тайну выпытать. — Он знал, что произносить такое глупо, но не мог противиться искушению. Более сотни дней эти люди допрашивали его, беспомощного, неспособного сопротивляться, и одним Небесам ведомо, что он мог им наговорить. А теперь он желал высказывать им в лицо вещи, которые вызовут у них, пусть небольшой, но муторный осадок — если получится.

И снова он получил отклик от всех троих. Однако всерьез они не встревожились.

— О каких войсках вы говорите? — холодно осведомился Кантибх.

— Не знаю, — напрямик ответил ему Нозль. — Но из того, что рассказали вам я и Квинт, вы должны знать: это лишь вопрос времени. Это могут быть фульбе или любые другие местные племена, или магометане из арабских стран, или, наконец, белые из Галлии, но рано или поздно они придут. Уже приходили многие другие, верно? Однажды явятся завоеватели с орудиями смерти более могущественными, чем у любого туземного народа. Думаю, вы уже знаете, как жадны до ружей ашанти и эдо. Много ли времени пройдет, как вам кажется, прежде чем Оба Бснинский и его солдаты решат, что им больше не нужно склоняться перед волей Огбоне?

— Там, где есть Огбоне, вершится воля Олоруна, — произнес элеме по имени Айеда, голос которого напоминал шелест листьев. — Магометане могут одолеть пустыню, но им не пройти через леса, которые принадлежат Эгунгуну и никому другому. Сердце Олоруна и дыхание жизни — наше. Если ты в этом сомневаешься, у тебя нет мудрости.

— Серебряная смерть — не угроза для вампиров, — напомнил Нозль. — Возможно, фульбе и магометане беспомощны и не одолеют леса, но легион рыцарей-вампиров — это армия совсем иного рода. Однажды сюда придет воинство айтигу.

— Воинство айтигу не сможет совершить поход без свежей крови, — заметил Кантибх, как будто это решало все.

Но Айеда воздел руку, призывая перса к молчанию.

— В вашей стране простые люди и айтигу заключены в круг вражды, — произнес Они-Шанго, — Так вы сами нам рассказали. Вы рассказали нам, что простолюдины в Галлии поднимутся против айтигу и всех их уничтожат. Каково истинное пророчество? То, которое ты изрекаешь сейчас, бодрствующий и хитрый, или то, которое исторг из твоих уст Шигиди?

— Я, увы, не пророк, — отозвался Нозль. — Будущее содержит много вероятностей.

Но Айеда слегка повернул голову в знак неприятия этого заявления. Для него существовало только одно будущее, облик

которого определяли темные боги. Для Айеды пророчество, исторгнутое из направляемых божеством сновидений, стоило бесконечно больше, чем любые слова бодрствующего человека, и он, безусловно, весьма тщательно вслушивался в то, что говорил Ноэль, когда бредил. Внезапно Ноэль почувствовал легкий укол презрения к элему, который не знал истинной цены разума. Возможно, предстояло еще решить, кто действительно счастлив и обладает мудростью, а кто нет.

В сущности, как быстро заметил Ноэль, по тому, как затем возобновил разговор Кантибх, вероятности различного будущего являлись все же предметом заботы для людей Адамавары, и элему не полностью полагались на сновидения, его или свои собственные.

— С каждым следующим годом галльские корабли проникают все дальше и дальше на юг,— сказал Кантибх, вновь перейдя на латынь.— Говорят, некоторые уже обогнули Африку, чтобы достичь Индии. Почему это происходит? Не потому ли, что ваш император надеется распространить свою власть на этот материк?

— Думаю, нет,— сказал Ноэль.— Вампиры не любят моря. Им всегда не нравилось путешествовать малым числом и, кажется, их удручает мысль, что если они утонут в воде, то погрузятся на дне в свою странную глубокую спячку и будут пожраны заживо благодарными рыбами. Несколько вампиров во главе верного войска не боятся мятежа, потому что каждый знает о неизбежном наказании для мятежных солдат, но экипаж корабля всегда может доплыть до безопасной гавани. Океан обширен, и в нем слишком много островов. Вампиры, которые правят Галлией, редко доверяются океану и соглашаются, чтобы капитанами кораблей становились простолюдины.

— И значит, только простолюдины приводят свои корабли к берегам Африки? — спросил Кантибх.

— О да,— ответил Ноэль.— Храбрейшие из людей любят бороздить океан, ибо он, пусть ненадолго, освобождает их от власти вампиров. Именно простолюдины научились строить крупные и надежные корабли, сочетая прямые и косые паруса. Именно простолюдины стремятся разбогатеть за счет торговли и жаждут открывать новые земли. Вампиры

иногда пытались препятствовать плаваниям, но они в этом не полностью едины. Даже испанцы и португальцы, которым сурово запрещали пускаться на поиски приключений в дни моего отца, ныне свободно дерзают состязаться с британцами и голландцами. Но британские железные изделия — лучшие в мире, а голландцы строят лучшие корабли, так что северные народы Галлии совершают на море самые выдающиеся дела. Некоторые морские капитаны мечтают найти еще один великий континент на поверхности земного шара, где христиане смогут основать свою собственную империю, чтобы защищаться от захватчиков-вампиров так же, как защищают от них свои дикие пустыни магометане. Возможно, вампиры, принужденные необходимостью, выйдут однажды в море, но корабли, которые, странствуя, измеряют протяженность ваших берегов, ходят ныне по морям в интересах простолюдинов. Это мало касается Огбоне.

— Все, что существует, касается Огбоне, — прохладно заметил Кантибх. — Огбоне — великий страж мира, он делает мир надежным, предает его под власть закона, обеспечивает процветание племен и братство между ними.

— Думаю, у нас инос представление о процветании, — произнес Ноэль, все еще ища способ противиться этим людям, которые недавно воспользовались его беспомощностью. Он знал, что его слова безрассудны, но в тот миг ему было все равно.

Аейда протянул свою когтистую лапу и коснулся руки перса, прежде чем тот успел ответить. И заговорил на языке уруба:

— Боги предали нас Огбоне, чтобы навести порядок в мире, — сказал он. — Существует братство племен, хотя в мире много народов, которые этого не знают. Однажды все племена примут Огбоне, и все люди признают волю Олоруна. Айтигу, которые предали Огбоне, будут призваны к ответу восставшими мертвецами, и Оро уничтожит виновных. Мы обладаем дыханием жизни, и без нас племена погрязли бы в позоре и вражде. Ты не знаешь этого, но Шигиди помог тебе сказать нам правду о будущем. Будет война во всех частях света, где воля Огбоне не сможет сдержать ее; эта война уничтожит племена, которые поставили себя вне братства, а те, которые останутся, примут над

собою верховенство элеме.— Он в упор поглядел на Ноэля пронизательными, черными и блестящими, как у птицы, глазами.— Знаешь ли ты своих предков? — мягко спросил он.— Или у вас нет ни бабалауо, ни арокинов, которые описали бы вам прошлое и будущее?

Ноэля этот вопрос застиг врасплох.

— У нас есть священная книга, которая говорит нам, что мы происходим от Адама и Евы, которые жили в Эдеме, но были изгнаны за грех, который совершили,— ответил Ноэль.— Они запятнали все людские души, и это опечалило Бога, который нас сотворил. Та же книга говорит нам, что Бог послал своего Сына, дабы смыть этот грех и указать нам путь на Небеса. И обещано, что Сын Божий вернется на землю, чтобы положить конец нашим бедам.

— Мы знаем эту книгу,— сказал Айеда.— Но ты в нее не веришь?

— Нет,— нехотя признался Ноэль. Он не мог понять, почему признаваться в этом так не хочется.— Квинт — тот верующий, он полагается на Бога и Сына Его Иисуса. Я не могу. Для меня прошлое и будущее равно неведомы; последнее еще предстоит создать надеждами и желаниями людей.

— А вампиры Галлии? — спросил Кантибх.— Во что верят они?

— Этого я вам сказать не могу,— отозвался Ноэль.— Они усадили своего папу на престол Святого Петра и вертят церковью, как и всем остальным в Галлии и Валахии, но верования у них не те же, что у простолюдинов. Они держат в тайне свою истинную веру, ибо та включают в себя и тайну их природы. Первые властители-вампиры были не христианами, но язычниками. Позднее некоторые проповедники побуждали христиан верить в то, что вампиры — это демоны, ибо это помогало вызывать страх перед вампирами. Теперь вампиры, напротив, утверждают, будто всецело принадлежат к христианскому миру. Новые служители церкви проповедуют доктрину, согласно которой и люди и вампиры занимают свое место в Божественном Замысле. И что Бог указал каждому племени его положение. Но я не могу вам сказать, во что действительно верит папа Борджиа. Могу только сказать, что он не принадлежит к Истинной Верс, он притворщик.

— Истина — в Адамаваре, — сказал Айеда. — Без этой мудрости и руководства наших предков в племени не будет завершенных, но лишь заблудшие дети, которые не знают, как жить.

— Какую дань вы получаете от племен, живущих вне этой долины, к которым посылаете вампиров, чтобы те служили им своей мудростью? — спросил Нозль.

— Мы ничего им не навязываем, — сказал Кантибх. — Они посылают множество даров, но мы не просим и не ожидаем их. Мудрые приходят в племена по праву, ибо они предки этих племен и к ним отчасти принадлежат, хотя также принадлежат к Адамаваре.

— Вы производите что-либо в этой долине?

— Все, что нам нужно. — ответил Кантибх.

— И железо плавите?

— Нет. Наша нужда в железе невелика, ибо мы не отливаем пушек и не творим многих других безумств вашего мира. Но у нас есть орудия из железа, присланные уруба, и олово, полученное от явара.

— Вам известно о том, как и для чего применяется железо в Галлии? Оружие и машины не входят в перечень того, что вам нужно?

— Нет, — уверенно подтвердил Кантибх. — Лишь хрупкость вашей плоти порождает ваши нынешние представления о том, что и зачем вам нужно. Если ваши вампиры любят железо и все то, что из него делают, то лишь потому, что боятся простолюдинов, которыми правят. Но здесь нет страха и нет нужды в железе.

Нозль опять поглядел на черного вампира Айеду, который по-прежнему внимательно за ним наблюдал. Глядя в эти птичьи глаза, которые его оценивали, Нозль прекрасно понимал, что говорит им своими вопросами не меньше, чем ответами. И все же то был обоюдоострый клинок. Теперь, когда он бодрствовал и все осознавал, он мог немало открыть, просто отслеживая то, что они согласны открыть ему. Он все еще знать не знал, что они о нем думают. Неведомым оставались их намерения. Что они собираются с ним делать? Он не был даже уверен — теперь, когда увидел, на что они похожи — чего ему от них следует ожидать или что он мог бы получить, будь достаточно хитер. Но он увидит Ого-

Эджодун — это ему хотя бы обещано. Что до сотворения сердца Олоруна, о чем никому не дозволено знать, и снадобья, которое забыто, Ноэлю следует повременить и посмотреть, как к этому подобраться.

— Я устал,— честно признался он.— Хватит вопросов. Полагаю, вы вернетесь?

— О да,— ровно сказал перс.— Мы вернемся.

5

Ноэль утомленно сел на свою постель, сожалея о том, что она так груба. С возвращением сознания и выходом из безумия вернулась и досада по поводу любого мелкого неудобства или помехи. Но не эти ощущения беспокоили его прежде всего, а то, что к некоторым участкам тела чувствительность до сих пор так и не вернулась.

Серебряная смерть почти отпустила его плоть, но пятна еще оставались в нижней части ног, включая и ступни, онемение которых затрудняло ходьбу. Ноэль жаждал покинуть свою серую келью и заняться исследованием дома, в который его принесли, а затем и всей Адамаварской долины. Но восстановительная работа его тела еще не завершилась.

Когда он подтянул правую щиколотку к левому бедру, дабы иметь возможность как следует помассировать ногу, он с беспокойством увидел серые пятна, которые в некоторых местах на подошве только начинали бледнеть. Оставались участки на левой стопе, где пятна были еще почти черными. И когда Ноэль царапал такие места ногтями, отросшими за время болезни, не возникало ни боли, ни вообще какого-то ощущения. Только давление, и то совсем глухое.

«Это и есть то, что чувствуют вампиры вместо боли, когда пожелают?» — подумал он.

Тут его взгляд остановился на грудке имущества, находившемся здесь же, в спальне. Поверх открытого тюка стоял ящик с микроскопом и со всем, к нему относящимся. Он оказался сверху, как предположил Ноэль, потому, что его с интересом осматривали здешние хозяева. Ноэль подтянул ящик к себе и отыскивал внутри ножик, лезвие которого было

острым, как бритва — этим ножичком Ноэль пользовался, чтобы делать тонкие срезы растительных и животных тканей. Он осторожно приложил лезвие близ самого темного участка на стопе и повел нож, срезав тонкий слой темного пятна. Ноэль достаточно ясно чувствовал, что происходит, но это нельзя было назвать болью. Первый слой, который он удалил, был срезом почти прозрачного эпителия, лишь слегка запятнанного темным. Главное средоточие несстественного цвета лежало глубже. Ему пришлось повторить опыт. И тогда он получил тонкий слой плоти, почти черной по окраске. Рана вяло кровоточила, кровь была пурпурной, но рана не болела.

Ноэль поместил оба среза на предметные стекла, затем окунул палец в кувшин с водой, стоявший у постели. И брызнул на каждое из стеклышек по капле воды с отработанной точностью, после чего положил сверху покровные стекла, так что оба образца оказались в ловушке. Затем немедленно установил микроскоп на широком каменном подоконнике, быстро, но тщательно собрав его. Свет был почти совершенный, небо ясное и чистое, солнце стояло высоко. Легко было поймать достаточно света вогнутым зеркальцем под столиком, чтобы Ноэль увидел то, что ему требовалось.

Сперва он испытал разочарование. Первый срез был похож на многие другие фрагменты кожного покрова, которые Ноэль изучал и прежде, лишь с небольшой примесью необычного цвета. Второй образец также оказался менее интересен, чем надеялся исследователь. Ноэль видел, что черное неровно распределено по плоти. Оно, как выяснилось, принадлежало чему-то, до странного похожему на паутину. Нечто подобное Ноэль видывал прежде, исследуя некоторые виды плесени. Значит, серебряная смерть — это нечто, вторгающееся в тело и растущее в нем. Нечто живое, вроде плесени. Но в таком случае, что за перемены совершаются в теле в связи с этим? Что определяет утрату чувствительности в пораженных местах? Как и чем вызывается долгий странный сон, одновременно и похожий, и непохожий на ту спячку, в которую впадают вампиры, если они тяжело ранены?

Его разум вернулся к объяснениям, которые он пытался дать Лейле в Буруту. Возможно ли, чтобы серебряная смерть

изменяла атомы человеческой плоти так, что они становились больше похожи на атомы плоти вампира?

Ноэль с лукавой задумчивостью поглядел на микроскоп. Не покажет ли прибор ему больше, если только исследователь в точности поймет, что ему следует высматривать? Но прибор не может поведать, из чего сделана плоть. Он не в состоянии рассказать, как отличаются друг от друга разные виды плоти. Прибор может показать разные на вид кожу, кости, мышцы и кровь — но не разницу между простолюдином и вампиром.

Возможно ли, подумал Ноэль, что сердце Олоруна — не более чем еще один род плесени, встречающийся, как и серебряная смерть, в Адамаваре и нигде больше? Он не в силах был этому поверить. Не так все просто. И все же преобразование в вампиров — тоже не такое простое дело, как считал его отец, ибо каким бы способом ни преподносили элему сердце Олоруна мудрым, которые заслужили его — это совершалось не путем заурядного мужеложства или другого рода совокупления. Ни сатана, ни любое его подобие у уруба не являлись из земли, чтобы овладеть людской плотью; в этом Ноэль не сомневался. Что бы ни подразумевалось под наименованием «черной спермы сатаны», о которой с таким упоением писал Гаццо — это нечто из нашего мира, не из потустороннего.

Ноэль подумал: «Истина непременно явится нам, как предполагал Френсис Бэкон, если мы только сумеем низвергнуть идолов ложной веры, которые не позволяют увидеть ее. Мой отец думал, что низверг этих идолов и то, что осталось после их падения — просто-напросто мужеложство, но он был неправ. Надлежит сокрушить еще одного идола, но я не знаю его имени». И почти сразу вдруг добавил: «Шигиди. Возможно, его имя Шигиди».

Ноэль никогда не принимал всерьез описание вампирского шабаша, сделанное Гаццо. Отец смеялся над этим, Квинт — тоже. То был кошмарный сон, вызванный темными страхами и снабженный всеми отталкивающими подробностями, которые мог представить себе автор. Разумеется, сперма дьявола должна быть черной, равно как и уд его должен быть холоден как лед и велик, как конский пенис.

Подобным же образом на шабаше должно происходить жертвоприношение младенцев и пожирание их плоти. Ничего не жаль, если это поможет создать более ужасающий образ.

Но не было ли представление Эдмунда Кордери о преображении в вампиров таким же кошмарным сновидением? Не точно ли так же и ему был придан наиболее жуткий и отталкивающий вид? А что до Ого-Эджодуна... что ж, само название обещало обилие чудовищных подробностей. И младенцев действительно приносили в жертву в пору крови, посвященную Олори-мерину; могут ли быть сомнения, что на Ого-Эджодуне отсекаются головки членов, то есть совершается нечто, что можно счесть более жутким, чем педерастия?

Везде кошмары. И ко всем этим ужасам так или иначе причастен Шигиди.

Ноэль сидя откинулся назад и поглядел в небо через открытое окно; взгляд его затерялся в бесконечности. Источник вампиризма здесь, в Адамаваре. Серебряная смерть — тоже здесь, и нигде больше. Не новый ли это идол, идол смятения, часть дымовой завесы лжи, скрывающей истину?

В Африке не так часто увидишь женщину-вампира. Возможно, Берника вообще исключение. Но элему, в отличие от айтигу, не могут проникнуть в женщину, в мужчину. Могут ли они все же образовывать и изливать сперму? Вероятно — да. И все-таки элему ни с кем не совокупляются. И преобразование в вампира в Африке совершается каким угодно способом, но только не половым сношением. Каким образом преподносилось больным то забытое снадобье, которое спасало обреченных серебряной смерти? Его подмешивали в пищу? Или же, как большинство африканских лекарств, то была мазь, втиравшаяся в тело? Содержало ли оно семя вампиризма, которое борется с семенем серебряной смерти? Вампиры не запятнаны серебром, но кожа их, безусловно, меняется и по цвету и по текстуре, и волосы всегда становятся иными. Может, вампиризм связан просто с благодатной плесенью, которая хранит вместо того, чтобы портить, а серебряная смерть — просто ее негативный двойник, дыхание ада, противостоящее бессмертию Нсбсс?

Ноэль уронил голову на руки, жажда увидать путь в пелене вопросов. «О отец,— молча произнес он,— как бы я

хотел теперь получить твой совет!» Он вспомнил, как леди Кармилла спрашивала Эдмунда Кордери, не глядел ли он через свой изумительный прибор на человеческую кровь. Означало ли это, что она считала, будто тайну можно отыскать в крови? Или она была слишком осторожна, чтобы упомянуть о сперме? Направляла ли она своего любовника-механика по ложному пути, или тяга вампиров к крови стала средоточием их собственных предрассудков? А если Эдмунд Кордери был прав, и галльские вампиры становились такими под воздействием некоей преображенной спермы — то каково же, в таком случае, место крови? Какого рода питание обеспечивает им кровь?

Нозль глядел на кровь в микроскоп, и видел, что ее краснота, как и чернота болезни, заключена в округлых тельцах, и что есть другие, похожие на тени составляющие в жидкости цвета соломы, текущей по жилам. Не требуется ли вампирам что-то из этих частиц? Что-то такое, что встречается только в обычной крови?

Слишком много вопросов и слишком много возможных ответов. Нозль не мог продрасться через эти дебри. Но как никогда прежде чувствовал парадоксальную уверенность в близости ответа. Он вернулся из ужасных владений Шигиди, и теперь взгляд у него был настолько ясен, насколько это возможно для человека. Нозль был уверен, что его глаза и разум готовы сокрушить идолов и проникнуть сквозь дымовую завесу.

«Вампиры Адамавары не нуждаются ни в железе, ни в машинах,— подумал он.— Они могут делать то, что им нужно, и полагают, что дальше этого им заглядывать не стоит. Но, думаю, они не знают, что они такое. Хотя их старейшины могли прожить здесь три тысячи лет, они слепы из-за бесчисленных идолов. Ого-Эджодун — это кошмар, но в глубине его таится совершенно иное сновидение, которое я намерен увидеть, если сумею.»

Затем Нозль разобрал микроскоп и убрал свои образцы. Он не уничтожил срезы своей плоти, но знал, что когда они высохнут, начнется разложение.

Он лежал на постели, но не спал. Разум его бушевал. Умственные усилия почти что вернули его в состояние бреда. Когда на закате слуги принесли ему еду, Нозль все

еще не спал, но отдохнул. Пища оказалась как нельзя более кстати, аппетит вернулся к нему в полной мере. Когда он подкрепился, его мысли опять потекли спокойней. Тяжесть в желудке оказала на Ноэля усыпляющее действие, и хотя он зажег свечу возле постели, он очень быстро и крепко уснул. И проснулся от мягкого прикосновения к плечу, которое вернуло его из каких-то весьма отдаленных пространств, где никакие видения никого не могли тревожить.

Его разбудила Береника. Она сидела рядом с ним на тюфяке. Ее белое платье ниспадало с плеч и, хотя ночь выдалась холодная, грудь ее была открыта почти до сосков. Ее нагие руки потянулись к нему, и ладони обхватили его лицо. Пальцы казались очень холодными.

Ноэль вспомнил рассказы о ночных посещениях вампиров, которые являлись тянуть кровь ничего не подозревающих жертв; там всегда говорилось, что прикосновение вампира холодно. И теперь как никогда он осознал, насколько очевидно, что так и должно быть. Простолюдины натягивают на себя одежду, закутываются в одеяла, чтобы защититься от холода, но вампирам это не нужно. Все, что требуется вампиру — это забыть о холоде. Значит, по ночам вампиры стынут, если не позаботятся об обратном.

По тому, как она его коснулась, Ноэль понял: она пришла сейчас не для того, чтобы утешить его и успокоить. Она пришла удовлетворить свою потребность. Береника казалась такой далекой, настолько не от мира сего, словно постоянно ходила во сне.

«А если она безумна? — спросил он себя. — А если те столетия, что она прожила, забрали ее разум?» Он не чувствовал к Беренике того мощного влечения, которое вызывала у него Кристелль. И не потому, что Береника уступала Кристелль по красоте. Скорее ее красота каким-то образом имела для него совсем иное значение. В былые дни он чувствовал себя беспомощным в тисках желания, которое охватывало его, как бы приходя извне, и он боролся против этой силы. Теперь его желания казались частью его самого, и он не чувствовал, что попал в сети ее внешней красоты. Ноэль знал, что у него есть выбор: предложить ли ей свою кровь и принять ли ее ласки. Он взял ее в объятия и

поцеловал. А затем, поскольку ей был безразличен холод ее тела, уложил Беренику под свои одеяла, чтобы согреть и таким образом легче выносить ее прикосновение. Она принесла с собой нечто остроконечное, чтобы вскрыть его сосуд, и, хотя от этого было куда больнее, чем от ножа, которым он воспользовался недавно, он обнаружил, что боль не вовсе лишена приятности, и то, что он получает взамен, стоит большего, чем он мог представить.

«Сегодня,— сказал он себе,— я стал сыном своего отца».

Затем она приникла к нему — бесстрастно, словно полностью блуждая в своих мыслях. Он предчувствовал равнодушие Береники, но ее преувеличенная отстраненность его встревожила. Она не воспринимала его как личность, как Нозля Кордери, но лишь как частицу плоти, призванную утолить ее жажду. Он знал, что она должна принимать кровь почти каждый день, но оставался в неведении насчет того, как часто она совмещала кровопускание с любовной игрой. Нозль не без причин предполагал, что мог быть первым мужчиной, с которым она лежала за много сотен лет. Проводя ладонью по ее лицу, он ощутил холодную слезинку в уголке ее глаза. Как ни странно, это тронуло его больше, чем все, что произошло между ними. И хотя он ничего не произнес, она заговорила — как, наверное, говорила, когда посещала его в пору сновидений. Шигиди был с нею и, наверное, был всегда, и выдавал тайные мысли, ядовитые для ее души. Нозль вернулся из владений Шигиди и теперь был очищен. Береника — нет.

— Все любимые умирают,— проговорила она на латыни.— Меняются и умирают, или меняются и не умирают, но когда они меняются так, что не умирают, они не могут больше быть любимыми. Порой я и сама желаю умереть, но все же не настолько, чтобы осуществить желание. Любовь не так важна, как жизнь, и вот почему я плачу. Я часто плачу. Раз, а то и два за сто лет.

Слова, произнесенные на языке, который не был родным ни ей, ни ему, прозвучали бесчувственно. И Нозлю показалось, что между ними возникла преграда, не дающая ничего по-настоящему разделить даже в телесной близости. «Но с Кристелль все могло быть иначе»,— подумал он. Но тут же отказался от этой мысли и подумал: «Нет».

— Я могу любить,— заверила она его, хотя ему это не показалось правдой.— Я так долго жила в этом неизменном месте, что могу любить только то, что приходит извне. Но я умею любить. Я люблю тебя еще больше потому, что на вид ты так похож на мне подобных, и потому что так страдался из-за болезни. Одно время мне казалось, что ты близок к смерти, и я плакала при этой мысли. Часто плакала.

Возможно, говорила она по-английски, ее «ты» прозвучало бы совсем иначе. Мысленно он вполне мог переводить с латыни ее слова, чтобы возникало чувство близости, но не стал. Латынь — язык ученых и церкви, в нем нет сокровенности. Более чем уместно то, что они должны объясняться на этом языке.

— Я рад, что ты поставила меня выше Лангуасса,— сказал он. Но тут же вспомнил, что Лангуасс уже стар. И далеко не так красив, каким казался, когда Ноэль встретился с ним впервые.

— А теперь,— сказала она, продолжая думать о своем и не обратив внимания на его слова,— они позволяют тебе умереть, потому что начали думать, будто весь мир вне Адамавары не стоит закона, который они могут даровать. Они позволяют тебе умереть и согласятся с тем, чтобы весь мир умер с тобой. Весь мир, кроме Адамавары.

«Знает ли она, о чем говорит? — подумал Ноэль.— Или ее мысли просто блуждают вслепую?»

— А ты никогда не хотела уйти отсюда? — спросил он ее.— И вернуться в мир, из которого пришла?

— Нет,— ответила она.— Это единственный мир, в котором я была счастлива. Мир, из которого я пришла сюда, был со мной жесток, и туда я не вернусь.

— У тебя там не будет недостатка в мужчинах,— сказал он ей.

— Когда смерть все время близка,— ответила она,— больше значит, какой жизнью живешь. Когда смерть далеко, жизнь ценна сама по себе. И годы сами по себе — награда. Я могу любить, но жизнь для меня превыше всего. Я проживу вечно, если смогу.

— И не присоединишься ко мне, когда я уйду? — Он хотел подразнить ее, испытать. Ибо уже получил ответ и

желал лишь дополнить каким-нибудь возгласом сожаления мысль о предстоящей разлуке. Но этого не произошло. Береника подняла голову, лежавшую до того на его плече, и поглядела ему в глаза — впервые с тех пор, как они занялись любовью.

— Когда ты уйдешь, — сказала она, и голос ее прозвучал необычно по сравнению с прежним, — то уйдешь в могилу. Туда я за тобой последовать не смогу. Но я пролью слезы. Я пролью слезы о любви, которую потеряла.

От этих слов кровь заледенела в его жилах, ибо эта женщина говорила с ним через века, ход которых, если ей можно верить, ему не предназначалось с ней разделить.

6

Когда на следующий день к нему пришел Кантибх, Ноэль спросил, можно ли ему навестить Квинта и других его спутников. Кантибх немедленно согласился, и впервые Ноэль покинул келью, где был заточен во время болезни. Дорога, которой его вели, пролежала через аркады и коридоры вроде тех, которые встречаешь в монастырях или тюрьмах внешнего мира. Они проходили через двери, сделанные из дерева, и все вокруг казалось очень старым. В одном из помещений Ноэль увидел Нгадзе, явно здорового, но он здесь не задержался, так как ему не терпелось увидеть Квинта. Монаха поместили в спальне вроде той, что и его, не более чем в сорока ярдах от Ноэля.

Квинт все еще лежал в постели, слишком слабый, чтобы подняться, даже несмотря на то, что никаких следов черноты под кожей не наблюдалось. Кантибх сказал Ноэлю, что Лангуасс находится в подобном состоянии и что пирату очень трудно разговаривать связно, но Квинт — в полном сознании и голова у него ясная. Квинт обрадовался, когда увидел, что к нему входит Ноэль и что ученик достаточно окреп, чтобы ходить, пусть даже и хромая. Кантибх сперва хотел задержаться возле больного, но как только Ноэль спросил, не оставят ли его с другом наедине, перс тотчас удалился. Ноэль присел на корточки на циновку у постели,

чувствуя себя вполне удобно: за годы изгнания он привык к местам, где нет стульев.

— Как другие? — спросил его Квинт.

— Я говорил только с Лангуассом, — ответил Ноэль. — Он в весьма удрученном состоянии. Он все еще болен. Впрочем, я только что видел Нгадзе, и мне говорили, что Лейла и Нтикима благополучно выздоравливают. Я попытаюсь увидеть обоих. Кантибх все еще жаждет изводить меня вопросами, хотя, подозреваю — но это между нами — что мы двое уже рассказали им большую часть того, что они стремятся узнать.

— Возможно, — согласился монах. — Я не уверен, что то, что они узнали, и есть в точности то, что они стремились узнать. Что они сказали вам?

Они обменялись подробностями своих допросов.

— Как вы полагаете, что они с нами сделают? — спросил Ноэль, когда монах закончил рассказывать.

— Оставят здесь и будут к нам добры, пока мы послушны. Не думаю, что они причинят нам вред, если мы не оскорбим их. Айеда сказал, что элеме рады будут узнать все то, что я соглашусь поведать им из мудрости мира. Они обращаются со мной, как если бы я был бабалауо некоего отдаленного племени, каким считали меня эдо и уруба.

— Вы расскажете им все, что они хотят знать?

— Разумеется, — сказал монах. — Бог предназначил меня, дабы я учил истине, и я стану учить ей любого, кто к ней тянется. Адамавара — не враг других народов. Мы явились сюда из любопытства, и здешние жители имеют право любопытствовать на наш счет.

— А если мы пожелаем уйти, когда кончатся дожди, чтобы унести то, что узнали, обратно, в мир, из которого явились? Они помогут нам это сделать?

Квинт покачал головой.

— Не знаю. Они еще не обо всем расспросили нас, и не думаю, что они скоро примут касательно нас определенное решение. Без проводника-вампира, который будет посредничать между нами и туземцами и помогать нам лекарствами, без выючных животных, без ружей мы вряд ли сможем вернуться в Буруту. Не думаю, что они намерены все это дать нам. В их замыслы не входит, чтобы мы поведали об Ада-

маваре Европе. Не исключено, что они предпочли бы убить нас, чтобы предотвратить последствия. С другой стороны, они могут позволить нам уйти и проститься с нами в большой печали, твердо убежденные в том, что мы погибнем на обратном пути.

— А если мы останемся?

— Преждевременно судить. Но, кажется, они твердо решили, что мы не должны стать айтигу, и несмотря на то, что они называют меня бабалауо и всегда готовы говорить о великом братстве племен, не думаю, что они намерены сделать меня одним из них.

— Уверен, что у них нет намерения приглашать в свои ряды и меня,— сухо заметил Ноэль.— В любом случае, не думаю, что мне бы понравилось играть роль жертвы на Ого-Эджодуне. Хотел бы я знать, действительно ли они забыли тайну порождения айтигу, но полагаю, они не откроют ее нам, даже если еще располагают ею. У меня такое ощущение, будто мы рассказали им о нашем мире нечто, что их встревожило, а я слишком мало заботился о том, чтобы щадить их впечатлительность. Боюсь, что у них не будет большой охоты отпускать нас.

— Они почти ничего не боятся,— произнес Квинт.— Они защищены крутыми скалами, недобрыми лесами и смертельной болезнью. Ни одна армия не сумеет покорить этот их оплот, пока крепостной ров заполнен серебряной смертью. Кажется, они искренне верят, что империи айтигу падут. Они приняли нашу вражду к вампирам Галлии как свидетельство в пользу такого заключения. Но я думаю, вы правы: они встревожены тем, что мы поведали им, и тем, что рассказал Нтикима, а также тем, что они нашли среди нашего имущества. Полагаю, они забрали мушкеты Лангуасса?

— Не знаю,— признался Ноэль.— Но меня это не удивило бы. Как вы думаете, нет ли у них цели распространить власть Огбонс надо всем, что им угодно называть братством племен, вплоть до холодных пустынь Сибири, джунглей Индии и далекого Катая? Не может ли Адамавара быть видением того, каким однажды должен стать весь мир?

— Как я могу сказать? — откликнулся монах.— Возможно, простолюдины Европы и Азии однажды примирятся с

вампирическим правлением и с охотой станут играть роль скота. Кажется, именно так живут здешние мкумкве. Возможно, это — единственный род рая, который предлагает людям земля, и, возможно, это единственный рай для дураков, которые убедили себя, будто они самые мудрые, потому что прожили со своей глупой верой так долго.

— Не уверен, что здешние вампиры все заодно, — заметил Ноэль. — Кантибх и Береника не похожи на Айеду и прочих элеме, которые приходили ко мне. Мне не так уж трудно представить себе, как другие молодые, которые отправились посланцами в большой мир, чтобы служить делу Адамавары, решили предать это дело. У элеме, которые живут среди отдаленных племен — своя жизнь, а внутри тайного общества, вроде Огбоне, вполне могут благополучно существовать другие общества, еще более тайные. Не убежден, что власть старейшин — навеки.

— Возможно, и не навеки, — согласился монах.

— Я вижу здесь равновесие, которое отсутствует в Европе, — сказал Ноэль. — В Африке элеме сделали свое положение менее завидным. Они поставили себе на службу то изначальное почтение, с которым племенное общество относится к магам, к старикам и к своим предкам. Подозреваю, что их умирает почти почти столько же, сколько появляется, так что порядок вещей меняется очень медленно. В Галлии жила когда-то горстка вампиров, но мало-помалу она стала легионом, отчего для простолюдинов равно возросли искушение и угроза. Если мы попытаемся представить себе будущее, то легче увидеть в нем торжество айтигу, которые умножатся достаточно, чтобы осуществить любое начинание. Даже если простолюдины смогут добиться падения империй потомков Аттилы, сомневаюсь, что вампиризм исчезнет из мира, как хотели бы магометане; как только тайна перестанет быть тайной, каждый мужчина и каждая женщина пожелают стать вампирами.

— А где в мире, обильном вампирами, вампиры найдут кровь, чтобы себя поддерживать? — мягко спросил Квинт. То была старая загадка, которую загадывали даже дети, считавшаяся первым подтверждением того, что вампиры всегда будут осторожны со своим даром, ибо всегда потребуется достаточно простолюдинов, чтобы было у кого пить кровь.

— Если то, что делает человека вампиром — род существа,— задумчиво проговорил Ноэль,— и если то, что есть в людской крови и требуется вампирам — тоже род существа, то мы в состоянии когда-нибудь отыскать способ освободить первое существо из спермы вампиров, а второе — из крови людей. Если нам это удастся, вампирам не потребуются простолюдины, чтобы их питать, а простолюдинам не понадобятся вампиры, чтобы преобразаться. И станет возможен мир, где люди бессмертны.

— Мир без детей,— осторожно напомнил Квинт.

— Женщины должны будут сперва родить детей, а затем преобразаться,— дополнил Ноэль.— Миру бессмертных не понадобится очень много детей.

— И что это может быть за мир? — спросил Квинт.— Мир вроде Адамавары, но без слуг? Мир людей, которые все стареют и стареют, дряхлых душой, несмотря на их наружность, все упорней цепляющихся за привычки. Это будут люди не просто глухие к Божественному милосердию, но и противники перемен, неспособные создать что-то новое. Думаешь, это рай?

Ноэль подумал о Беренике, холодной до мозга костей, затерянной в мире своих мыслей и чувств. Но это была не та тропа мысли, которую он пытался исследовать.

— А как насчет мира людей, которые становятся все мудрее и мудрее, без предела и конца? — отозвался Ноэль.— Как насчет мира людей, жаждущих совершать все новые открытия, от которых ничто не может укрыться навсегда? Не противящихся переменам, не утративших способность находить что-то новое. Возможно, лишь страх заключает неумирающих в стальную броню традиций, побуждает любить неизменность. Бессмертные, живущие ныне, цепляются за то, что имеют, но, возможно, не по необходимости. Когда минет всякая опасность, когда иссякнет любой страх, тогда исследование нового может стать только радостью, только удовольствием. Или нет?

Квинт устало наклонил голову.

— Не могу сказать,— вздохнул он.— И не думаю, что кто-то может. Думаю, меня больше устроила бы жизнь, которую предусмотрел для меня Бог.

Монах слишком утомился, чтобы продолжать беседу, и поэтому Ноэль простился с ним и пообещал прийти снова. Он подошел к дверям и попросил проходившего мимо слугу позвать Кантибха. Когда перс явился, Ноэль спросил, где можно найти Лейлу.

Она находилась в другом коридоре, ниже по крутой лестнице. Цыганка достаточно поправилась, чтобы вставать и ходить, хотя Ноэль подумал, что, возможно, сегодня она оделась впервые, готовая к окончательному возвращению в мир. Увидав его, она вскочила на ноги в явном восторге.

— Я пыталась к тебе прийти, но не нашла тебя и не смогла добиться, чтобы меня поняли. Они были ко мне добры, особенно этот человек, Кантибх, который научил меня кое-каким словам на своем языке. Он объяснил мне, что ты выздоравливаешь.

Ноэль повернулся к Кантибху и поблагодарил его за доброту. Перс поклонился и снова удалился, чтобы дать им поговорить.

— Ты очень сильно болела? — спросил Ноэль.

— Я думала, что умираю, — призналась она. — Я забылась в жутких кошмарах, и не раз и не два думала, что моя душа попала в ваш христианский ад.

— Радуйся, что они не могли с тобой разговаривать, — сказал он ей. — А не то они допрашивали бы тебя даже во сне. Но, как это, должно быть, тяжело, когда не с кем поговорить. Я видел Лангуасса, он был в отчаянии. Думаю, теперь ему лучше, и Кантибх тоже не думает, что он умрет.

— А Квинт?

— Я только что от него. С ним все в порядке. Нгадзе я тоже видел, а Нтикиму нет.

— Я смотрела на это королевство из своего окна. Оно кажется мне жалким местом, все из камня, и никаких золотых сокровищ. Что мы понесем домой, чтобы разбогатеть?

Ноэль отозвался:

— Поглядим, что можно здесь найти, когда достаточно окрепнем, чтобы гулять по долине. Возможно, на берегах озера полно алмазов, а холмы усеяны философским камнем, который обращает презренный свинец в золото. Но если это только земля и камень, то мы хотя бы попали туда, где до

нас мало кто побывал, и уж всяко никто за последнюю тысячу лет.

— И я стану вампиром, чтобы сделаться твоей благородной подругой? — Она рассмеялась, как смеялась всегда, с присущей ей милой прямоотой. Ноэль помнил ее смех еще с тех времен, когда оба они были почти детьми.

— Твой народ побил бы тебя камнями и сжег твое тело, — сказал он, смеясь — но куда ему до нее!

— Ха! — отозвалась Лейла. — Я неверующая, как и ты, и мне нет дела до того, во что верят те, кто мной когда-то владел. Я бы хотела, чтобы моим народом были здешние, они кажутся такими славными и добрыми. Мы не отправимся в Аравию, любовь моя, но поедem к большим дворам Галлии, где оба будем вампирами и получим лучшее из того, что нам сможет предложить мир.

— Но тогда мы не сможем любить друг друга, — напомнил он ей.

Она нахмурилась и сказала:

— Но мы и сейчас не любовники, так что мы потеряем? Хотя, думаю, ты бы крепче любил меня, будь я дамой-вампиром. Ты видел ту, которую зовут Береникой?

— Да, — кивнул Ноэль.

— И она приходила к тебе пить твою кровь? — Лейла рассмеялась, глядя в его глаза, и прежде, чем он смог пошевелиться и остановить ее, игриво потянулась, чтобы, раздвинув его рубашку, поглядеть на грудь в поисках отметин вампирского ножа.

То была лишь игра, она дразнила его, побуждаемая воодушевлением, в которое приводил ее его вид. Но рубашка обнажила грудь Ноэля, и там обнаружили точки, следы вампирьего шильца, близ соска, еще свежие. И Лейла увидела то, насчет чего была твердо уверена, что никогда этого не увидит.

Краска покинула ее лицо, глаза стали холодными, точно мрамор. Когда она опять подняла взгляд, воодушевление пропало.

— Вы не монах, — заметила она. — Как выяснилось.

Он попытался вспомнить, а был ли в прошлом миг, когда она все-таки называла его на «вы», а не на «ты». Если и да, то он этого не замечал.

— Лейла...— начал он.

Она отвернулась.

— О, нет,— сказала она.— Я любовница пирата и ваш старый друг. Для меня не имеет значения, монах вы или простолудин. Я ваш друг, раз и навсегда. Твой друг. А в любовницы себе бери кого хочешь.

— Да,— тихо произнес он.— Ты мой друг. Лучший, который у меня есть.

Она прошла к окну, и он последовал за ней. Они поглядели на большую долину, которая казалась такой мирной, такой чинной. Поля были яркими в золотом свете утреннего солнца, и нетрудно было принять это за своего рода Эдем: маленький мир-сад, отрезанный высокими стенами от жестокого и безобразного простора. В воздухе стояла пыль, хотя ветра не было, и нижние склоны гор окутало легкой пеленой. В отдалении вздымалась одинокая вершина, покрытая вечными снегами. Она сияла над дымкой, точно зуб крокодила, указывавший в небо.

— Стоило всех наших трудов и лишений прийти сюда? — трезво спросила она.

— Возможно,— вздохнул он.— На это должны ответить Квинт и Лангуасс, ведь как раз они все затеяли.

— Лангуасс получит дар вечной жизни?

— Мне ясно дали понять, что нас вообще не считают достойными этого дара. Но если Лангуасс сможет доказать элему, что он куда лучше — то кто знает?

Лейла улыбнулась, но кратко и язвительно.

— Ты думаешь, мой дружок-пират может вести себя как благородный Гхендуа? Быть больше монахом, чем твой друг монах? Думаю, он мечтает быть вампиром вроде Цезаря Борджиа или легендарного Роланда, а не увядшим мудрецом вроде этих. Он жаждет опять стать сильным, чтобы вызвать на бой Ричарда Львиное Сердце. В своих грезах он снова и снова убивает этого злобного властителя. Полагаю, он не вправе надеяться, что они исполнят его желание. А что могу сделать я, чтобы доказать, что достойна? Чем я могла бы стать, чтобы заслужить положение, как у этой их Береники? Возможно, я уже состарилась. У меня морщинки под глазами и вокруг рта, и сивая косматая грива, и все эти синяки.

Впрочем, я и прежде, когда была помоложе, все-таки не тягалась красотой с дамами-вампирами. Так чем же я должна стать, чтобы жить вечно? Знаю, ты скажешь мне, что я должна оставить надежду и довольствоваться тем, что увяну, и плоть сгниет на моих костях. Мы состаримся вместе, не так ли? И оба рассыплемся в прах?

Он обнял ее, как делал много раз и прежде, чтобы утешить, когда она печалилась или болела — или прощаясь, когда Лангуасс забирал ее.

— Не бойся,— сказал он ей.— Не думаю, что кто-нибудь здесь собирается причинить нам больший вред, чем просто дать умереть в срок, установленный для нас Богом. Если мы не оскорбим их, они нас не тронут.

Эта речь ничуть не успокоила ее гнев, ибо Ноэль не понял подлинной причины ее огорчения.

— И это — наше сокровище? — резко спросила Лейла.— Это — победа, ради которой мы пересекли полмира и едва не погибли? Если мы будем вести себя хорошо и постараемся их не обидеть, они позволят нам жить! Молю тебя, скажи это моему другу Лангуассу и посмотри, как он оценит привилегию умереть здесь!

Ноэль поник, слушая ее упреки и не зная, что сказать. Не находилось ответа, который прозвучал бы убедительно. И не стоило напоминать, что они вышли из Буруту как маленькое войско, но прибыли в Адамавару совсем в ином состоянии. Не в их положении завоевывают чужие земли. Хотя в любом случае, не их небоеспособность угнетает Лейлу.

Когда он простился, она не позволила поцеловать себя в губы, хотя приложилась щекой к его раненой груди, словно чтобы послушать, как бьется его встревоженное спердце.

7

Дом незавершенных был много больше, чем сперва показалось Ноэлю, но большая его часть пустовала и пришла в беспорядок. Если поглядеть на окна, карнизы и балконы, поднимающиеся над долиной, казалось, что здесь лишь несколько жилищ, но в скалу углублялись дюжины петля-

ющих проходов и туннелей, по которым можно было попасть в новые палаты.

Нозль открыл, что из маленького слабозаселенного королевства айтигу не так-то легко выбраться как на равнину внизу, так и в окрестный лес. Ясное дело, оно должно было как-то сообщаться с полями мкумкве, откуда каждый день приносили пищу, но Нозль понял, что дорога отчасти проходит внутри скалы. И как ни расспрашивал о ней Кантибха, точного ответа добиться не мог. Тот уверил Нозля, что когда придет время, его проводят вниз, в долину, и затем до Илетигу, место завершенных, которое, как заключил Нозль, должно находиться в противоположной стене кольца каменных укреплений.

Нозль обнаружил, что может свободно разгуливать по домам Береники и Кантибха, где разместили всех его спутников, кроме Нтикимы. Ему не мешали, как ему вздумается, обследовать переходы и террасы. Несмотря на название, в месте айтигу встречалось много элечи. В сущности, здесь было что-то вроде школы. Правда, наставников в ней оказалось куда больше, чем учеников, и многие из элечи, похоже, занимались какими-то эзотерическими видами самообразования. Вскоре Нозль привык к виду сердитых и дряхлых черных старцев, сидящих в одиночестве и что-то бормочущих про себя нараспев. Сперва он решил, что они обращаются к своим богам или совершают, каждый в своем мире, одиссею по стране сновидений, но вскоре догадался, что это так лишь отчасти. В Адамаваре не водилось ни бумаги, ни пергамента, ни папируса. И хотя элечи были знакомы с искусством письма, они пользовались им с большой оглядкой, вырезая слова на мягком камне каменными же орудиями. У них не имелось книг, куда они могли записывать свои знания. Огромный запас их воспоминаний складывался столетиями, и они могли хранить сведения, которые находили нужными, в головах тех, кто был достаточно подготовлен для этого.

Прежде Нозль считал элечи людьми, натасканными в чем-то практически важном: медицина, магия, свойства растений, воля богов и демонов. Возможно, относительно элечи, живших за пределами Адамавары, в племенах, именно так все и обстояло. Но здесь, в Адамаваре, самые ценные

из сокровищ мудрости накапливались в памяти, слой за слоем. Когда уходило очередное поколение долгожителей, эти тщательно упорядоченные словесные строения передавались новым элемеи и закреплялись бесконечными ритмическими повторами; всякий раз к прежнему запасу добавлялось что-то новое и назначались новые элемеи для участия в содружестве мудрых, которым являлась Адамавара.

Когда Ноэль впервые понял это, его воображение поразил мощный груз традиции, охватывающей тысячелетия. Какие громадные запасы знания наполняли души этих древних арокинов! Но вскоре Ноэль начал сомневаться. Истинная подоплека всего дела стала ему понятней, когда элемеи приступили к освоению того, что он мог добавить к их запасам. Он никоим образом не был против того, чтобы помочь им, и думал, что обладает кое-чем достаточно ценным, чем готов поделиться. В конце концов, Ноэль Кордери был сыном своего отца, механиком, какого никогда еще не видело сердце Африки. Он жаждал открыть своим хозяевам тайны насосов и токарных станков, часовых и прочих механизмов, новых приборов и плавильных печей, твердый в своем намерении быть пророком железа и стекла и всех средств производства, сотворенных миром, где он родился. Увы, совсем не это желал постичь Ньянья, элемеи, назначенный его главным учеником. Чего хотел Ньянья в первую очередь, так это выучить английский, а затем узнать о верованиях и убеждениях тех, кто говорит на этом языке, об их понятиях о естественном и сверхъестественном. Ньянье требовались имена вещей, как будто в них таилось особое волшебство, и куда важнее знать, как называется вещь, чем ее предназначение. Не «как», а «что» — вот чего он жаждал. Ему нужны были бесконечные волокна слов, которыми он обвинял невидимую духовную шпильку, сплетая тугие нити, которые будет развивать по мере надобности. Память Ньяньи была исключительной по объему. Но когда Ноэль видел, как преобразается богатство его знаний, переходя с его языка в уши Ньяньи, он начал менять свое отношение к мудрости элемеи. Теперь он смотрел на них совсем иначе. Ноэль увидел, что элемеи — не столько владыки своих познаний, сколько их пленники. Он впервые осознал, что хорошая

память, как это понимается в Галлии, не просто хорошо усваивает сведения, но также умсет забывать. Работа разума, к которой он привык, часто казалась проклятой и отягощенной сомнениями, из-за чего обилие вопросов превышало число ответов. Но теперь Нозль видел, что это вовсе не проклятие. Элеми не ведали сомнений и ограничивали самую возможность вопросов, вследствие чего их ментальная вселенная существенно отличалась от вселенной Нозля. Ня-ня со звериной ненасытностью перенимал у него все слова, какие тот мог ему сообщить, но Нозль быстро устал учить его — не потому, что ревниво оберегал свои знания от тех, чьим пленником стал, но потому, что сито, через которое просеивали отдаваемое им, стало преградой, которую ему было не перейти. Эта преграда превращала произносимые им слова в почти бессмысленный шум.

Еще одна преграда, не менее тягостная для Нозля, малопомалу воздвигалась между ним и его любовницей-вампиром. Он продолжал жить в ее доме. Однако с тех пор, как он полностью осознал, что она посещает его постель, чувства, вызванные телесной близостью, начали угасать. Береника была совершенной любовницей, оставаясь существом из его грез. Став живой женщиной, она перестала быть желанной. Ее красота больше не удовлетворяла его. Когда он заметил, что она сама постоянно грезит и живет как во сне, то бесхитростность ее души и пустота ее жизни начали вызывать в нем досаду. Он быстро обнаружил, что он для Береники — не более чем орудие пробуждения к жизни, привлекательное в силу цвета и очертаний, но не живое и мыслящее создание. Нозль отдавал себе отчет в том, что по мере углубления их знакомства он вызывает у нее все большую скуку, и что рано или поздно между ними все кончится. И тогда она охотно уберет его подальше, поместив в каком-нибудь затянута паутиной уголке своего дремлющего разума. Он мог бы перенести свою пробуждающуюся страсть на Лейлу, которой далеко по красоте до вампиров, но стремление Лейлы быть ближе к нему теперь пропало. Наверное, это давнее влечение было убито знанием того, что Нозль все-таки стал добычей вампира. Лейла избегала его общества, а когда они встречались, разговаривала с ним холодно. Если

он вопросами загонял ее в угол, она уверяла, что они друзья, и все же Лейла стала неприступной. Совсем по-другому складывалось с Лангуассом: теперь пират считал Ноэля более близким другом, чем когда-либо прежде. Хотя он не упоминал о той ночи, когда приполз к Ноэлю в спальню в отчаянии от адской муки. Но Лангуасс еще не вполне оправился после серебряной смерти или, возможно, лихорадки, которая ей предшествовала. Он оставался крайне слаб телом и утомлен духом. Большую часть времени он проводил в постели, и Лейла ухаживала за ним, ибо ему не нравилось, когда ему прислуживают мкумкве. Ни один элеме ничему не учился у Лангуасса, и всем было ясно, что пират не может в своем нынешнем состоянии и помышлять о путешествии из тихой гавани, в которую привела его судьба.

Единственный, кто не разделял этого мнения, был сам Лангуасс. Он во всеуслышание гнул свое. Пират чаще других говорил о возвращении к морю, о делах внешнего мира, которые требуют завершения. Как он может задерживаться здесь, вопрошал он своих друзей, если в его стране все еще остаются несведенные счета? Когда настанет, наконец, судьбой назначенный день, и он встретится на поле чести с Ричардом Норманном, как пытался когда-то? Эти игры воображения казались Ноэлю родом бреда, и ясно было, что прикованный к постели пират еще не вполне вернулся из страны сновидений, куда увела его серебряная смерть. Друзья Лангуасса подшучивали над его вымыслами и рассуждениями, и трезвенный Квинт — не меньше других. И, конечно, именно к Квинту Ноэль обратился за утешением и обречением чувства цели. Именно с Квинтом он обсуждал, как прошел новый день, что он узнал и что надеется узнать. И никого так сильно не мучили и не терзали вампиры Адамавары, как Квинта. Они, правда, не пили его кровь, но зато стремились вытянуть из него каждую мысль, которой он обладал. Его слова они ценили куда больше, нежели слова Ноэля, и его память уважали куда сильнее. Хотя Квинт не был так болен, как Лангуасс, путешествие недешево обошлось и ему. Монах не любил выставлять свои горести напоказ, но многое нередко напоминало Ноэлю о том, что его учитель уже стар и почти дошел до конца отпущенных ему

трижды по двадцать и десяти лет¹. Полное изнурение тела и духа старого монаха было столь близко, что лишь отвага и выносливость еще удерживали Квинта в числе живых.

Дело представлялось так, что они осуждены дожить до конца своих дней в этой самой странной из тюрем мира. Ноэль признавал, что несмотря на его относительную молодость и немалый запас физических сил, он лишь наполовину тот, каким когда-то был, и что не может быть гарантии, что он полностью восстановит свои силы и духовную цельность. По мере того, как шли дни, рутина засадала, и Ноэль привикал к неволе. Он ничем не оскорблял своих хозяев и не пытался приобрести никаких преимуществ. Даже когда Кан-тибх впервые назвал день Ого-Эджодуна, казалось, это еще далеко и нет особых причин для волнения. День за днем все шло ровно, без всякого нетерпения, и наконец настал час, когда Ноэлю и Квинту предложили впервые пройти через долину. Лангуасс был слишком слаб для такого пути, и Лейла осталась с ним, но Нгадзе включили в число приглашенных. Его место в замыслах Адамавары еще предстояло определить. Нтикимы нигде не было и следа; он ни разу не показывался в месте айтигу.

Вскоре после того, как рассвело, они начали спуск в великую долину Адамавары по винтовым каменным лестницам, проложенным внутри горы. И вот наконец они вышли на утренний свет наклонной тропой. Там, где дорога становилась слишком крутой, были вырублены ступени, чтобы облегчить спуск. Повороты случались примерно каждые сто ярдов, и всякий раз поворот оказывался обработан каменщиками. По обочинам, как правило, оставались валуны, так что никто из спускавшихся не мог сорваться и упасть.

Чем ближе оказывались они к долинам, тем обширней она им виделась. Дальние хребты словно отступили, и это ощущение усиливала обволакивающая их пурпурная дымка. Сама долина, напротив, казалась тем полнее жизни, чем ниже они спускались. Очертания желтых и зеленых полей стали

¹ «Дней лет наших — семьдесят лет, а при большей крепости — семьдесят лет» (Псалтирь 90:10). В английском тексте Библии — «трижды по двадцать и десять лет».

отчетливей, и теперь путники видели кроны деревьев в садах и ряды дазо, бобов, земляных орехов и баклажанов.

Нозлю уже случалось проходить среди сплошь возделанных участков близ города Бенина. Но он не видел ничего даже отдаленно напоминавшего адамаварские поля. По всем землям в дельте Куарры жили племена, строившие сравнительно небольшие городки и деревушки, и жители их обрабатывали в окрестностях лишь по несколько акров — климат не позволял ничего иного. Тропическая почва очень быстро истощалась, и трудно было противостоять сорнякам и паразитам. Поля и огороды вроде адамаварских в обычных условиях требовали бы неустанного внимания нескольких дюжин работников на каждый участок. А здесь, насколько Нозль мог доверять своим подсчетам, один мужчина и одна женщина, одетые в белое, могли выполнить работу, пяти-шести человек. Если все окрестные земли отравлены, то почему почва в самом кратере так хороша? Громадные кривые узловатые деревья, которыми поросло все вокруг, мало-помалу отступили перед трудом поколений туземцев — другого объяснения он найти не мог. И опять ему пришлось напомнить себе, что люди и вампиры жили здесь тысячи лет, не тревожимые вторжениями извне и, насколько он знал, не ведающие внутренних раздоров и междоусобиц.

Когда путники добрались до подножия скал, их ждали небольшие лошадки. Вереочные уздечки у них имелись, а вот седла отсутствовали, равно как и шпоры. Ясное дело, передвигаться им предстояло тихим ходом. Кантибх ехал во главе колонны, рядом с вампиром, который доставил приглашение старейшин. За ним следовали Квинт и Нозль, позади них — Нгадзе, и замыкали маленькую кавалькаду двое слуг.

Деревни обитателей долины не имели ни частоколов, ни каких-либо оград. Хижины были круглые, конические крыши — невысокие. Оружия деревенские жители не носили, мужчины и женщины работали поблизости в полях. Когда приближались всадники, деревенские останавливались и смотрели, как те проезжают. А малыши нередко бежали за конями милую, а то и больше, и что-то кричали на своем языке. Порой Кантибх или кто-то из замыкающих отгоняли их криками, но без грубости.

На такой высоте жара не казалась угнетающей, и у всех имелись соломенные шляпы, чтобы прикрывать лица от солнца. В полдень путники перекусили в одной из деревень, что располагалась близ озера. Ноэль с радостью обнаружил, что озеро изобилует водоплавающей птицей: он впервые за много месяцев видел птиц. Их присутствие делало долину не такой чуждой. Ноэль предположил, что воды озера богаты рыбой, хотя лодок на воде не виднелось. Не заметил он и признаков рыбачьих сетей в деревне, где они остановились.

За озером характер местности изменился. Здесь встречалось меньше обработанных участков. Были деревни, но не столь многочисленные, и жители, как можно было судить, не занимались выращиванием съедобных злаков, но посвящали себя ремеслам: обработке пальмового сырья, горшечному делу, резьбе по дереву и в известной мере работе по металлу. Задолго до того, как солнце спустилось за хребет на западе, путники начали приближаться к Илетигу, поселению старейшин. Восточный хребет не был так крут и высок, как западный. И существенно от него отличался — там имелось немало глинистых склонов и каменных осыпей, а в расселинах скапливались каменные глыбы, и скудная почва питала жалкие терновые кусты и пучки выгоревшей травы. Путники ехали дорогой, углубившейся в землю от ударов множества стоп и копыт. Наконец дорога привела их к так называемому месту завершенных.

То было более крупное скопление жилищ, чем место, откуда они явились. Город казался огромным. Он раскинулся на прихотливых отрогах большого хребта, но, каков бы он ни был, Ноэля тут же поразило чувство, что город недонаселен. Совсем мало народу, элеме или слуг, показывалось на улицах. Чаше встречались каменные здания, нежели глинобитные, но они казались очень грубыми по сравнению с домами Галлии. Путники едва успели углубиться в город, как у них приняли коней, чтобы устроить в стойлах, а их самих провели через узкий дверной проем в небольшое жилище. И не раньше, чем они оказались внутри и прошли немного по освещенным лампами переходам, Ноэль понял, что этот город находится как вне скалы, так и внутри нее, и внутренний не менее велик, нежели внешний. Строители этого

города более тысячи лет пользовались многочисленными природными пустотами в каменной породе, и вдобавок к ним своими примитивными орудиями терпеливо вырубали новые пещеры.

В каменных лабиринтах после жаркого солнца было очень холодно. Путников провели в помещение без обстановки, лишь с циновками на полу, где стояли кувшины с водой и блюда с фруктами и хлебом. Кантибх сказал, что пошлет за теплой одеждой, чтобы они не зябли. Предложил им есть что угодно и отдыхать после путешествия, ибо они много часов не смогут попасть в постель. То, что им предстоит увидеть, как сказал он, они увидят после того, как сядет солнце.

Ноэль ел мало, так как больше устал, чем проголодался. Мрак каменной палаты не очень-то пришелся ему по вкусу. Ожидание выпало не из легких, и отдых не был столь приятным, как они надеялись. Даже когда Кантибх принес им верхнее платье, изготовленное из хлопчатой пряжи, они все еще мерзли. И все были несказанно рады, когда перс сообщил им, что пора идти, и повел их по проходам. Они столько раз поворачивали направо и налево, что Ноэль полностью утратил чувство направления. В конце концов они опять вышли на свежий воздух, и над головами показалось звездное небо, окаймленное очень высокими стенами. Они попали в своеобразный амфитеатр с рядами круглых ступеней, окружавших открытое пространство, где горело четыре костра. В середине возвышался каменный помост. На помосте стояли свечи. Больше никаких источников света не было, так что трудно было разглядеть толпу, которая собралась и сидела в молчании. И все-таки Ноэль в изумлении задержал дыхание, ибо никогда прежде не сталкивался с такими толпами.

Он уже успел привыкнуть к старческому виду африканских вампиров и к скудости плоти на их костях. Он видывал людей, казавшихся ходячими скелетами, их щеки глубоко западали, а волосы стали совсем редкими и белыми. Но обычно они встречались ему по одному-два, но не тысячами, а такие странные — еще никогда. Великолепная блестящая кожа, вампирий признак, хорошо отражала свет, и огни искрились на тысячах лиц, похожих на черепа. А сидели элему так тихо, что их нетрудно было принять за изваяния.

Все лица повернулись к вошедшим, едва те вынырнули из туннеля, и затененные глаза стали изучать пришельцев из внешнего мира. Ноэль понимал причину их любопытства, но не мог избавиться от ощущения, что эти бесчисленные глаза взирают на него со страстным недоброжелательством, что они неприязненно пронзают его бледное, с нездешними чертами лицо и хрупкую, остро пахнущую плоть. Он остановился; Кантибху пришлось взять его за плечо и настойчиво потянуть налево. Ноэль позволил тащить себя, но не смотрел, куда его ведут: глаза его непрерывно озирали ряды старейшин Адамавары, которые казались скорее сборищем живых мертвецов, чем собранием бессмертных. Он словно находился при дворе трупов, где присутствовали тысячи Эгунгунов в масках, поднятых из гробов, дабы вершить суд над живыми.

«Да ведь это же, в сущности, ад,— подумал он.— Разве это не скопище скорбных душ, отданных в полную власть безжалостному Сатане?» Но эта мысль вызвала у него желание смеяться, ибо почему-то вдруг показалась отнюдь не ужасающей, но комичной. И он едва не рассмеялся, когда Кантибх повернул его и толкнул вниз, так что Ноэль сел на холодный каменный карниз лицом к пропасти меж двумя жарко пылающими кострами.

А затем начался вампирский шабаш, и он несколько не соответствовал тому, как его описал Гаццо.

8

Некоторые из элеме близ помоста, сжимавшие подтянутыми к груди коленями барабаны, забили в них ладонями. Звук был негромким, но резким и дробным, и ясно раздавался в тихой ночи. Основной ритм состоял из трех ударов с четкими интервалами. Еще до того, как вступили голоса, Ноэль понял, где слышал такое прежде. Гхендуа без конца повторял этот напев долгими ночами их эпического странствия.

А-а-а-а...да-а-а-а...ма!

А-а-а-а...да-а-а-а...ма!

А-а-а-а...да-а-а-а...ма!

А-а-а-а...да-а-а-а...ма!

Тут бессмысленную череду звуков разносила тысяча голосов, и каждый был не громче шепота, и в целом песня эта походила на неунимающийся прибой, негромко, но упорно наполняющий воздух. Она поглотила внимание слушателей и слила воедино голоса поющих.

А-а-а-а...да-а-а-а...ма!

А-а-а-а...да-а-а-а...ма!

Нозль с любопытством огляделся. Элеми, сидевшие непосредственно за ним, теперь начисто забыли о его присутствии. Их глаза, как и глаза всех прочих, смотрели в небо, открытые, но блуждающие.

А-а-а-а...да-а-а-а...ма!

А-а-а-а...да-а-а-а...ма!

Кантибх не пел. Здесь он был таким же чужаком, как и те, кого он принимал в своем доме. Нгадзе тоже молчал, и лицо его оцепенело от страха. Несмотря на то, что Кантибх не присоединился к хору, Нозлю показалось, будто перс охотно поддался завораживающему ритму, и Нгадзе тоже. Наблюдая за лицом Кантибха, Нозль думал, что, похоже, у того иссякли все мысли, их заменили отголоски песнопения. Перс и айбо равно оказались убаюканы. Для Нозля не составило особого труда противостоять этому наваждению. Он так просто не согласился бы отдать свои мысли под власть Шигиди.

Нозль изучал озаренные огнем лица, они казались похожими, как две капли воды, хотя он подозревал, что люди эти родились во множестве различных племен. Вампиризм превратил их в нечто единое. Адамавара принадлежала всем племенам, и все племена принадлежали Адамаваре, ибо то было место вне обычного порядка вещей.

А-а-а-а...да-а-а-а...ма!

А-а-а-а...да-а-а-а...ма!

Нет, это не шабаш, решил Нозль, когда волна ударов прошла и через него. Это не служба, священная или нечестивая. Мы приведены засвидетельствовать преобразование, обряд перехода. Вот как африканцы понимают вампиризм. Как тропу к иному рода взрослости, как вступление в племя превыше всех племен.

Пока продолжалось пение, несколько человек появилось в пространстве меж четырех огней. Нозль увидал их только

как ряженных, но знал, что элеме видят их иначе. Они явились из тени, словно возникнув из ничего, и все носили одесания божеств или демонов. Ноэль не удивило, что он видит Эгунгунов, целый отряд восставших мертвецов, вроде того, что наткнулся на них в лесах Тартара. Но здесь были и другие, одетые в более ошеломляющие маски, с пестро раскрашенными телами. Сравнивая их с изваяниями, которые ему случалось видеть в тех деревнях айбо и эдо, где признавали богов уруба, Ноэль распознал их всех. Он узнал Шанго по изломам, похожим на молнии, которые бежали по блестящему черному телу. Узнал Элегбу по красной и пурпурной росписи на коже и по фаллического вида дубине, которую тот вздымал. Подобным же образом он узнал Обаталу, Огуна и Ифу, а также богинь Ориша Око и Ододуа. Не ошибся он и определив, кто здесь Олори-Мерин, четверорукий, конечности которого смотрели по странам света и тело которого обвивали змеи.

С ними вышло еще четверо, раскрашенные, но без масок, со склоненными головами и свободно болтающимися конечностями. Ноэль догадался, что это мудрые, которых прислали племена, дабы их, если сочтут достойными, приняли в сообщество вампиров: жрецы и маги, лишенные нынче своих регалий и с ними всякого значения до того, как они смогут отведасть сердца Олоруна и принять дыхание жизни.

«Бедный Мсури,— пронеслось в голове у Ноэля.— Он бы должен быть здесь и занять свое место в этом обществе перед алтарем, который вовсе не алтарь».

Ноэль наблюдал за медленным танцем, который начали боги под барабанный бой. Он не мог не догадаться, как много это значит для собравшихся элеме, но для него, едва узнавшего, где какой бог, догадаться о чем-то сверх того было трудно. Он наблюдал, как Шанго вызывает бурю, как ему и положено являть себя в этом мире, и мечет в землю молнии. Наблюдал, как Элегба и Ориша Око разыгрывают загадочное причастие, имеющее некое отношение к плодородию и изобилию, к которому также присоединились Обатала и его супруга Ододуа. Наблюдал, как плясуны проходят в танце, двигаясь так, словно дают пройти еще кому-то

невидимому, и догадался, что здесь незримо присутствует и Олорун. Впрочем, площадка была слишком полна плясунов, богов и Эгунгунов, и слишком слабо освещена большими кострами, которые отбрасывали прихотливо мечущиеся тени. Движущиеся фигуры расплывались в глазах Ноэля, пытавшегося запомнить все их взаимодействия.

А-а-а-а...да-а-а-а...ма!

А-а-а-а...да-а-а-а...ма!

Теперь барабаны били по-иному, задавая сложный ритм танца богов, но основной ритм оставался тем же, не умолкало и завораживающее пение.

Эгунгуны принесли чаши и поставили на помост. Боги по очереди стали доставать порошки из мешочков, скрытых их нарядами, и сыпать их сверху в чаши, достаточно медленно, чтобы все спокойно разглядели происходящее. На фоне песнопения зазвучали новые голоса, каждый следовал особому ритму, но они не пели согласно, песни смешивались и переплетались, запутываясь все больше и больше, дрожа на краю полного хаоса. Кандидаты ненадолго присоединились к этому шуму, крича в небо, словно одержимые чувствами, которым Ноэль не нашел названия.

Будущие элеме опять затихли, когда бог, который мог быть Осанхином или Арони, дал им снадобье, которое надлежало съесть. Ноэль наблюдал, как их челюсти движутся в странном ритме. Эти люди, всего четверо, казались теперь нетвердо держащимися на ногах, глаза их остекленели. И причина была не только в действии песнопений. Как понял Ноэль, их одурманили зельем. Теперь все совершалось медленней. Боги... нет, люди в масках, как напомнил себе Ноэль... они двигались мучительно и нарочито, пока завершали работу по приготовлению снадобья в чашах. «Какое хитрое снадобье они там смешали? — спросил себя Ноэль. — Предполагается, что мы глубоко поражены этим. Мы должны дивиться чуду, которое нам предстало, мы обязаны осознать, как невелик наш ум. Но я знаю, насколько хрупка эта маска, и знаю, что дымовая завеса обмана окутывает крохотное ядрышко истинной мощи. Мы наблюдаем, как боги, зримые и незримые, смешивают могучий эликсир жизни. Вне сомнений, у вампиров Галлии есть свой обряд,

не менее изощренный и не менее загадочный. Но все же разница должна быть лишь в костюмах и в пустых бессильных словах. Существенна крохотная доля целого, такая малая, что, думаю, она могла бы показаться нелепой, не подчеркивая они ее столь причудливо.»

Нозль спросил себя, а не было ли здесь прежде человека, который мог взглянуть на обряд глазами, не затуманенными таинственностью масок и слов. Видел ли кто-нибудь, каково это на самом деле? Кто-нибудь с глазами, не подвластными Шигиди, и разумом, способным проникать оболочку идолов? Внезапно его поразило: бедные глупцы эти плясуны в масках, которые скоро примутся резать своими свирепыми ножами в жестоком и тупом торжестве. Существенно ли отличен по сути шабаш галльских вампиров? Неужели там нет идолов и масок и жестокости в ответ на повеления Шигиди?

«Эти люди действительно могли бы править миром, если бы только задерживались иногда, чтобы холодно подумать о своих действиях,— подумалось ему,— если бы только они проводили опыты со средствами, которые используют, дабы отделить жизненно важное от несущественного. Они достигают цели нелепым, извращенным способом, не зная, что они делают или как. То же самое и с вампирами, ведущими свое происхождение от Аттилы, они подобным же образом ослеплены собственным невежеством и предрассудками!»

Теперь пришла очередь нескольких Эгунгунов растирать и перемешивать содержимое чаш. Они принялись за работу, взяв в руки крепкие песты, и ритм их движений одолел ритм продолжающегося пения. Нозль наблюдал за ними, исполненный благодарности к своему бдящему «я» за то, что оно так твердо. Он был рад, что его пора сновидений безвозвратно прошла. Нозль бросил взгляд в сторону Нгадзе. И увидел, что айбо вспотел, несмотря на холод, в когтях лихорадочного беспокойства. Человек в обществе своих богов, запуганный до предела. Затем Нозль поглядел на Квинта и увидел, что монах тоже потеет и что глаза у него тоже немного остекленели. Шигиди не одолел Квинта, но Квинт не был полностью защищен от чар ночного видения.

А-а-а-а...да-а-а-а...ма!

А-а-а-а...да-а-а-а...ма!

Ноэль потерял всякое чувство времени, но ему казалось, что прошел почти час, пока церемония шла сперва в одном темпе, затем в другом, но все время основываясь на одном и том же барабанном ритме. Боги, закончив приготовления, отступили в сторону, и первые из кандидатов шагнули вперед к деревянной колоде, которую принесли и поставили перед каменным помостом. Хотя Ноэль и знал, что должно сейчас произойти, ему сдавило горло, и подступила тошнота. Один из исполнителей роли восставшего мертвеца достал нож. Нгадзе явно заранее ни о чем таком не подумал, ибо весьма отчетливо ахнул, разинув рот, когда увидел, как первый из посвящаемых помещает свой пенис, уже обрезанный грубыми средствами, принятыми у его народа, во впадину колоды, готовый к полусоскоплению. Когда лезвие ножа прошло по пенису, раскрывая его, как гороховый стручок, Нгадзе испустил слабый вскрик. Ноэль, поглядывая по сторонам, увидел, что даже Квинт погрузил голову в ладони, между тем как Кантибх к некоторому удивлению Ноэля, смотрел во все глаза, явно не способный оторвать жадный взгляд.

А-а-а-а...да-а-а-а...ма!

А-а-а-а...да-а-а-а...ма!

Струя крови хлынула из раны, и тут же один из служителей подставил под нее одну из двух больших чаш, приготовленных с этой целью. Ноэль закусил нижнюю губу, с тревогой наблюдая, как собирают льющуюся кровь, и думая о том, сколько же человек истечет кровью до смерти, прежде чем завершится это жуткое посвящение. Но еще трое из восставших мертвецов оказались наготове с тыквой-горлянкой, и, как только унесли первую, быстро подошли и, достав немного влажной смеси из горлянки, стали налеплять ее на раненый член, вдавливая ее и растирая вокруг длинного разреза. Кровотечение унялось, нагой человек отступил от колоды, не издав ни звука и не выказав ни малейшего признака страдания на лице, пока проходил испытание.

Вышел вперед второй и подвергся такому же испытанию. Опять хлынувшую кровь собрали в чашу, и раненому члену предоставили кровоточить почти минуту, прежде чем опять принесли тыкву и сделали припарку. И вновь кровотечение

остановилось, и жертва смогла отойти, владея собой ничуть не меньше.

«Но это не средство исцеления,— напомнил себе Ноэль.— Это средство воспрепятствовать исцелению, ибо когда человек становится вампиром, большая часть незадолго до того полученных ран заживает. А этот лишен мужского начала на целую вечность по замыслу жалких божков и глупых людишек, мнящих себя мудрецами.»

Он наблюдал, как эту часть обряда повторили еще дважды, и теперь его больше не мучило от кровопролития, хотя Ноэль снова и снова спрашивал себя, почему они так тщательно собирают кровь в большую чашу. Мало-помалу он утратил представление о том, сколько всего чаш и горлянок на помосте и вокруг него и что делается с содержимым каждой. Однако Ноэль полагал, что смесь веществ, которую приготовили боги и к которой незримый Олорун, возможно, добавил, как принято считать, свое сердце, еще не проявила себя. Он опять на миг отвернулся, чтобы взглянуть на море лиц, в экстазе обращенных к небесам, напевающих не смолкая. Ритм непрерывного пения убыстрялся постепенно, но ощутимо:

А-а-а-а...да-а-а-а...ма!

А-а-а-а...да-а-а-а...ма!

Одурманенные и искалеченные жертвы, несомненно, доведенные почти до смерти возрастом и потерей крови, находились ныне между миновавшей прежней жизнью и еще не начавшейся новой. Они стояли чередой, ожидая, а боги двигались мимо них, говоря теперь тихо и невнятно. Их шествие отвлекло внимание Ноэля от Эгунгунов. Но те готовы были вернуться и занять первое место в происходящем. В руках у них теперь оказались новые сосуды, безусловно, те самые, в которые боги опускали свои приношения. Кровь, которую собрали у посвящаемых, стали лить в сосуды. Опять началось смешивание и растирание; Ноэль мог только догадываться, какая мерзость из этого выйдет.

Но вот опять появились ножи, и восставшие мертвецы опять двинулись устрашать живых и наносить длинные порезы на грудь и голову каждому из будущих элеме, которые и теперь не дрогнули. Затем смесь крови и приношений богов втерли в кровоточащие раны и возлили на головы

точно так же, как накладывали мазь из горлянок на изуродованные детородные органы. Однако Ноэль знал, глядя на происходящее, что это не та мазь, которая исцеляет или предохраняет от исцеления. Это сам эликсир жизни, настоящий на крови и наложенный теперь на свежие раны, через которые должен проникнуть в плоть и сделать этих людей бессмертными. Вроде серебряной смерти, подумал он.

Теперь все элеме внизу стояли, собравшись в великое шествие, которое все вилоь и вилоь вокруг амфитеатра под открытым небом. Шествие двинулось вперед. Вампиры Адамавары выступили единым строем, чтобы тоже принять участие в обряде посвящения. Эта жуткая пора крови была ценой вечной жизни. Черные вампиры, блестящая кожа которых сияла в свете огней, двигались меж костров и неподвижных безмолвствующих божеств, мимо замерших Эгунгунов — они двигались ровно струящейся рекой жизни, мерное течение которой отрабатывалось в ходе тысяч обрядов. Голоса не переставали повторять:

А-а-а-а...да-а-а-а...ма!

А-а-а-а...да-а-а-а...ма!

Шествие, казалось, никогда не прекратится, и все же оно двигалось с непостижимой равномерностью, каждый ступал, словно движимый хитроумной машиной по предназначенному пути, без каких-либо столкновений или заминок, задержек или колебаний. Пение теперь изменило тембр, равно как и темп. Ноэль видел, что Кантибх, пусть беззвучно, но повторяет заклинание, полностью унесенный этим ритмом. Но Нгадзе отпрянул и отвернул лицо.

— Божс милосердный! — удрученно повторял Квинт. Голос его звучал слишком тихо, чтобы услышал кто-нибудь, кроме Ноэля.

— Ты поминаешь того Бога, который отец Христу? — спросил Ноэль. И чуть не добавил: «Или кого-то из богов, которым так хорошо служит Шигиди?» — но подумал как следует и промолчал.

Обряд еще не завершился. Ноэль терпеливо оставался на месте, пока великое шествие близилось к неизбежному концу.

А-а-а-а...да-а-а-а...ма!

А-а-а-а...да-а-а-а...ма!

Четверо посвященных все еще стояли рядом друг с другом и ждали. Челюсти их все еще двигались, они опять жевали какую-то дурманящую жвачку, которую им дали. Их раненые члены колыхались, запятнанные и облепленные; так выглядят раны, прижженные расплавленной смолой. Головы и тела были вымазаны кровью, содержавшей вещества, которые дадут им вечную жизнь, если смерть не явится первой и не заберет их.

«Многие наверняка умрут,— подумал Ноэль.— Этот путь не из легких, да еще для таких стариков, как они». Когда они только явились сюда, голова Ноэля была полна воспоминаний описаний вампирьего шабаша у Гаццо. Он наполовину ожидал, что увидит обряд со множеством содомитских совокуплений, наподобие того, что творится у позорного столба в лондонском Тауэре. Теперь он понял, что, вероятно, не суть важно, какие отверстия в теле и какие раны плоти принимают варево, вышедшее из дьявольского котла. Он не мог гадать, насколько необходима для эликсира кровь, насколько важен любой из порошков и вязких веществ, сложенных в чашу в начале обряда, но у него возникло убеждение, что ему известен один элемент, и с достаточно давних пор. Он ничуть не сомневался, что Эдмунд Кордери верно догадался, какого рода сердце Олорун (или сатана) давал своим избранным. Ноэль был уверен, что знает, что здесь произошло, и в чем самая суть тайны, вокруг которой разыгралось все это представление.

«Думаю, что я мог бы теперь приступить к изготовлению эликсира жизни,— подумал он.— И путем опытов довести его до совершенства. Но где взять главную его часть? Какой элему дал бы мне достаточно спермы, которую так долго и с таким трудом должен производить и исторгать?» Мысль, что он это понял и проницательным взглядом наблюдал происходящее, наполнила его ощущением победы, которой позавидовал бы его отец.

А-а-а-а...да-а-а-а...ма!

А-а-а-а...да-а-а-а...ма!

Ноэль наблюдал, как посвященные сплевывают жвачку, он видел, как они медленно оседают наземь, как Эгунгуны заворачивают их в цветные циновки и уносят одного за другим в

ть. Ноэль понял, что они впали в глубокую спячку, из которой одни пробудятся как элеме, а другие не пробудятся вовсе.

А-а-а-а...да-а-а-а...ма!

А-а-а-а...да-а-а-а...ма!

Ноэль слегка вздрогнул, ибо ему пришло в голову, что вампиры Адамавары и не подозревали, какую глупость совершили, допустив его на это сборище. Они намеревались показать ему великое зрелище божественного могущества и чудес магии, дабы он постиг, какая таинственная, торжественная и жуткая вещь — преобразование в вампира. Они надеялись полностью ввести его в заблуждение. Подобным же образом те считающиеся верными свидетели шабашей племени Аттилы, рассказы которых передавали грегорианцы, должны были видеть нечто, показавшееся им жутким и противоестественным. Они получили одну только муку взамен знания. Но Ноэль, который сживал на коленях Френсиса Бэкона и нес равно во плоти и в духе наследие Эдмунда Кордери, не видел ни богов, ни дьяволов, ни волшебства — вообще ничего такого, что смирило бы душу простолюдина, нагнав на него страху. Он видел только возможность, в нем зародилось понимание, и он почувствовал, что он больше не подданный империи страха, но свободный гражданин республики просвещения.

Теперь он знал, какое сокровище хранилось в Адамаваре, и верил, что обрел его, хотя не мог пока представить себе, каким образом попытаться унести его с собой.

9

Вернувшись в место айтигу, Ноэль и Квинт покинули дома, где их поселили, и выбрали для своих целей новое жилище на южном краю города. Нгадзе пошел с ними, и когда они все там подготовили, то забрали также больного Лангуасса и Лейлу, чтобы цыганка за ним присматривала. Элеме, с которыми они встречались, не имели возражений и даже попытались сгладить происходящее, предложив им четверых слугмукмве, присутствие которых в новом доме Ноэль после уговоров нехотя принял. Он спросил Кантибха, нельзя ли

вместо мкумкве получить в помощники Нтикиму. Но перс сказал, что Нтикима в Илетигу. Дальнейшие вопросы Кантибх отклонил, сказав им, что в доме, который они выбрали, жили за четырнадцать сотен лет до них другие христиане: сирийские последователи Фрументия, которые пытались принести весть о пребывании Христа на земле в самое сердце Африки.

Теперь Ноэль предпринимал больше усилий для своих изысканий. В ходе терпеливых исследований он открыл путь из места айтигу в безжизненный лес и ходил туда собирать части странных деревьев, образцы почвы и немногочисленных видов встречавшихся там насекомых и червей. Он сравнивал их с тем, что знал о живых созданиях в дельте Куарры и с образцами, собранными внутри кратера. Он усердно пытался извлечь из этого какой-то вывод, но блуждал во тьме, и мало-помалу почувствовал досаду. Он так и не сумел понять, почему лес отталкивает все живое, изобилующее в любых других местах.

Порой Ноэль возвращался в дом Береники, да и она иногда приходила искать его. Но он знал, что их любовь, если это можно так назвать, действительно кончилась. Кажется, оба они получают мало удовольствия от соитий, которые по мере того, как шло время, становились все менее частыми.

Между тем Квинт начал изучать применение лекарств элми. По крайней мере таких, использованию которых они соглашались учить его в обмен на галльскую премудрость. Ноэль наблюдал, как его друг становится все слабее на вид и все больше утомляется день за днем, и страдал ему. Не телесная немощ старого монаха вызывала у него особую скорбь, но угасание остроты ума. В глазах Ноэля Квинт оставался мудрейшим из людей, и все же словно заразился у допрашивавших его кое-какими их подходами. Ноэль часто слышал, как Квинт бормочет перечни, словно пытаясь утвердить их в памяти вопреки себе, и часто проклинал отсутствие в Адамаваре бумаги и чернил. Много времени Квинт проводил также в молитве, вернувшись к привычке, которой в недавние годы позволил ослабнуть. Кажется, некие споры, которые он вел со своим Создателем и которые некогда разрешились перемирием, теперь опять стали животрепещущими. Ноэль не мог догадаться, почему это так, а спрашивать не хотелось.

Лангуасс, которого не тянуло ни к мудрости Адамавары, ни к собиранию образцов, изнывал от скуки и тем самым содействовал болезни, снедавшей его дух. Временами он осознавал, что сам себе враг, и принимался строить планы на будущее, свободно выдумывая поводы для странствий, пересекая на заново отделанном «Стингрэе» западный океан в поисках Атлантиды, или поднимаясь на своем судне по Темзе, чтобы обстрелять лондонский Тауэр и положить начало ниспровержению тирании норманнов. Подобные приступы воодушевления достигали накала, гасли и завершались странным и жестоким похмельем. Охваченный подобным состоянием, он частенько кричал на перепуганных слуг, проклиная их за неспособность понять его, и придирался к бедной Лейле, пытавшейся его успокоить.

В другое время пират впадал в мрачную угрюмость, сетовал на отсутствие мяса и особенно пылко — на слабость и дрянной вкус просяной бузы, единственного спиртного напитка, доступного в Адамаваре. Казалось, он забывает, что его жажда новизны способствовала организации их экспедиции, и начинал корить Ноэля и Квинта за то, что притащили его помирать в такое скверное место. Во время всех этих перепадов настроения Лейла находилась при Лангуассе, и он относился к ней все более и более доверительно, словно теперь ей приходилось заменять пропавшего турка.

Отношение Лейлы к Ноэлю оставалось вежливым и отстраненным. Теперь она держала себя с ним обдуманно и взвешенно. Он считал, что это не вполне справедливо. Или она не была любовницей Лангуасса все те годы, что они знакомы? Какое она имеет право на недовольство всего-навсего тем, что он тоже на время завел любовницу? Но она все понимала иначе, и, хотя не называла его близость с Береникой изменой, ясно было — сердцем она что-то такое чувствует. Мысли Ноэля пришли в достаточно смутенное состояние, чтобы там порой мелькало: что если она права? В отличие от Эдмунда Кордери, который использовал свою связь с Кармиллой Бурдийон в политических целях, его сын сошелся с вампиром в ответ на желание, и даже ничего сколько-нибудь подобного не получил в ответ. Береника давно покинула мир обычных чувств и вожделений и стала

подобна скорее механизму, чем мыслящему существу. Береника была, наверное, единственным, что Нозль никогда не обсуждал с Квинтом. Он всегда чувствовал, хотя Квинт не произносил этого вслух, что сильно упал в глазах монаха, став любовником вампира. Он полагал, что Квинт теперь буквально презирает его втайне, или в лучшем случае отчаивается при виде его слабости. Нозль не знал, почему он так решил. Квинт никогда не советовал ему стать монахом и не предполагал, что его ученик пригоден для такого призвания. Но Квинт столь твердо соблюдал некогда принятый им обет безбрачия, что пример его внушал робость кому угодно, а ведь именно Квинт наложил мощнейший отпечаток на то, как звучал в Нозле голос совести. Нозль всегда чувствовал, что став другом, но не возлюбленным Лейле, он выказал верность важной части идеалов Квинта, а теперь он допустил поступок, заслуживающий неодобрения учителя. Однако невозможность говорить о Беренике означала, что Нозль не мог поделиться с Квинтом некоторыми соображениями о вампирах в целом — соображениями, которые извлек из своего растущего понимания поведения возлюбленной. Он стал задаваться вопросом, а не вызвало ли ее состояние у него озарения, касающегося того, каково быть элми. Нозль, конечно, знал, что неразумно предполагать, будто тысячелетняя жизнь оказывает одинаковое воздействие на всех долгожителей. Кантибх был лишь немного моложе Береники, но так бурно участвовал в делах Адамавары, что редко походил на существо, живущее как во сне и больше по привычке. Айеда, который наверняка был почти так же стар, как и таинственный Экеджи Ориша, тоже охотно уделял внимание самым разным ежедневным событиям и очень даже недурно соображал. Но старейшины, обитавшие в Илетигу под руководством тех, кто считался идущими сразу вслед за богами, не участвовали в таких начинаниях, как подготовка посвящаемых и постижение нового. Если стоило доверять слухам, то они проводили время в медитациях и обрядах, то и дело выдавая заявления насчет того, что должно сейчас делаться в мире и что с миром станет после. Нозль считал, что не случайно Кантибх с таким благоговением говорит о времени, когда Экеджи Ори-

ша — предположительно предшественник нынешнего обладателя этого звания — провозгласил, что они не должны больше посылать незавершенных вестниками в большой мир, ибо такие вестники, как известно, много раз предавали дело Адамавары. Не последний ли то был раз, думал Нозль, когда старейшины Адамавары сказали что-то новое? Не последний ли раз, когда они изменили хоть что-то? Отличается ли бытие старейшин, которых он видел в странном амфитеатре в Илетигу, хоть сколько-нибудь от рассеянного полусонного существования, которое вела Береника? Не убеждены ли они, что то, что они знают, и есть все, что знать требуется, и не прекратили ли, стало быть, мыслить — в полном смысле этого слова? Эти вопросы оставались без ответа, но постановка их позволила Нозлю проще прийти ко мнению, что Адамавара — отнюдь не родина высшей и сокровенной мудрости, каковой слыла. Напротив, она пребывает, по сути дела, в горестном упадке. И если эта вампирья империя построена на столь жалком основании, что тогда можно сказать о Галльской Империи, Валашском государстве, Индии и Катас? Значит, правители этих держав — Аттила, Карл Великий и легендарный Темучин — рабы собственного долголетия, утратившие подлинное осязание течения событий? Он вспомнил молву насчет Аттилы, который живет, затворившись в своей цитадели, а дела правления передал таким своим избранникам, как Влад Цепеш. И слухи насчет того, что Карла Великого редко видят при его дворе. Или великий недуг — плесень вроде серебряной смерти — начал свою невидимую подрывную работу повсюду в мире, где только есть вампиры?

Давным-давно Эдмунд Кордери указал своему сыну, что простолюдины — новаторы, а вампиры — рабы традиций. Нозль уже тогда понимал, пусть весьма смутно, как это может быть связано с тем фактом, что вампиры живут много дольше простолюдинов. Теперь же он ясно видел, чем платят вампиры за свой век, и век этот казался ему весьма сомнительным приобретением. Понимание, которое он обрел во время обряда в Илетигу, мало-помалу становилось прочнее. Он начинал приходить к мысли, что простолюдины могут в определенном отношении превосходить вампиров, и что

живой ум короткоживущих должен рано или поздно дать им средства сбросить тиранию неумирающих.

Старейшины Адамавары не видели необходимости учиться применению железа, бумаги или машин; они закоснели во мнении, что если они чего-то еще не знают, стало быть, знать этого и не стоит. Ноэль понимал: главная сила — не в отдельных изобретениях, таких как пушка или мушкет, но в непрерывном процессе совершения открытий, который может изменить мир куда основательней, чем дерзнули бы представить себе старейшины Адамавары. Он подозревал, что косность и слепота элеме никогда не позволят им осознать это. И придя к этому заключению, ясно увидел, что самое разительное свидетельство несостоятельности старейшин, какое когда-либо обнаруживалось в Адамаваре — это он сам. Он и его спутники уже стали крепкой занозой в боку тех, кто пытался переварить то, чему учили его пришельцы, и при этом сделать это новое знание для себя безвредным, лишенным всякого значения. Каждый в свое время, Кантибх и Айеда пришли к поразительно сходному решению: есть что-то невыносимое и нечистое в этом пришельце, что должно устранить, дабы сохранить душевный мир. Ноэль не только был недостоин стать элеме, но и вовсе не был достоин жизни в Адамаваре.

Всякий раз, когда он ходил в безжизненный лес, он забирался куда-нибудь повыше, откуда открывался хороший обзор, взирал оттуда на океан крон и раздумывал, защищен ли он теперь от серебряной смерти и не может ли попытаться пройти через эти дикие места. Каждый раз, возвращаясь под кров перекрученных деревьев, он беспокоило оглядывался, ожидая, что увидит среди них ватагу живых мертвецов, явившихся, чтобы направить свои жезлы в его скверное сердце и осудить его на смерть.

И все это время мысли Ноэля снова и снова возвращались к одной-единственной насущной задаче, решение которой могло спасти жизнь им всем и дать средство одолеть лес и простирающуюся за ним равнину.

«Как я мог бы получить запас вампирьей спермы, достаточный для опытов, дабы открыть эликсир жизни?» — спрашивал он себя.

Когда сезон дождей приблизился к концу, Ноэль и Квинт поняли, что пора помышлять об уходе, если они и впрямь намерены покинуть Адамавару. У них хватало времени на подготовку, так как потоки, питающие Логоне, должны были оставаться препятствием для их продвижения самое меньшее до конца октября. Но как только дожди прекратятся, откладывать решение они больше не смогут.

Оба знали, что вампиры не ожидают их прихода, и часто задавали наводящие вопросы, чтобы понять, не попытаются ли старейшины или кто-либо из их подданных сколько-нибудь ощутимо воспрепятствовать им. Не обнаруживалось и намека, что может быть применена сила, чтобы удержать пришельцев здесь. Однако Ноэль колебался и не спешил с выводами. Черные вампиры убеждены, что со стороны гостей было бы глупо подумывать о путешествии обратно — отчасти потому, что не представляли себе, что может предложить внешний мир, сколько-нибудь сравнимого с безопасностью и покоем Адамавары; но главным образом потому, что считали само путешествие настолько опасным, что оно представлялось почти невозможным.

Квинт сообщил Ноэлю, что рассмотрел вероятность вербовки адамаварского вампира в проводники на обратную дорогу, но нашел, что даже незавершенные вампиры, обитающие у границ этого государства, полностью исключают всякую мысль о том, будто мир за безжизненным лесом стоит внимания. У Кантибха не имелось ни малейшего желания вновь увидеть родную Персию или любую другую страну. Тогда Квинт занялся расспросами, чтобы определить, не собирается ли кто-либо из вампиров возвращаться в дельту Куарры или в близлежащую местность, дабы воссоединиться с племенем в новом качестве. То, что вампиры и впрямь покидали Адамавару ежегодно, сопровождаемые отрядами воинов мкумкве, не составляло сомнений. Но предположение Квинта, что им с Ноэлем позволили бы примкнуть к такому походу, было решительно отвергнуто. Они-Олорун, который посещал Бенин, нашел сообщения о белых людях достаточно занятыми,

чтобы послать Гхендуа, дабы он облегчил им путь в Адамавару. Однако здешние представления о любезности и гостеприимстве не простирались столь далеко, чтобы облегчить пришельцам дорогу обратно. Как и мкумкве, которые могли хранить молчание, слыша прямые вопросы, вампиры Адамавары могли упорно отказывать в ответ на прямые требования. Квинт не раз и не два с горечью объявлял, что задача кажется безнадежной и что он не видит разумной альтернативы решению провести остаток своих дней в Адамаваре.

Сперва Квинт и Ноэль, думая, что же им делать, не вспоминали о Лангуассе. И прежде всего по той простой причине, что были уверены: даже если у них хватит сил на такое странствие, Лангуассу оно не по плечу. Они не сомневались в его желании оставить место, куда их занесло. Но казалось, нет никакой возможности пересправить его в какое-то другое. Он был слишком болен. В конце концов Лангуасс навязал им свое участие в обсуждении проблемы. И Ноэля не удивило, что пират предлагает совсем иную точку зрения. Лангуасс решил, что здоров он или болен, но у него нет ни малейшего желания провести еще год в этом безотрадном месте. И ясно понимал, что есть лишь один способ подготовиться к путешествию.

— Ответ в ваших руках,— сказал он Ноэлю.— Везде вы не впустую потратили эти несколько месяцев, таращась в вашу подзорную трубочку, плеща зельями и прилагая вашу алхимию к загадке крови? Вы что, за дурака меня держите? Думаете, я не знаю, что вы жаждете всеми правдами и неправдами открыть, что же действует в ходе того нечестивого обряда, который они вам позволили наблюдать? И разве я все это время не ждал, что вы найдете способ превратить всех нас в вампиров? Тогда мы пройдем хоть через весь мир, через любой колдовской лес и что угодно еще! Приятная прогулка, и только. Дружище, мы должны сами о себе позаботиться, и никаких гвоздей. И не нужны нам провожатые-вампиры, нам надо самим стать вампирами.

Сперва Ноэль с пресувеличенной осторожностью объяснял пирату, как трудно определить в точности, что необходимо для того, чтобы сделать вампира из человека, но вскоре понял, что больной не желает выносить уклончивых разговоров.

— Да зачем еще мы явились в эту паршивую страну, если не затем, чтобы вырвать у них тайну? — повторял Лангуасс.— И вы мне говорите, что как бы вы там терпеливо ни ковырялись, вы действительно знаете не больше, чем в Кардигане, много лет назад? Разве вы не видели вампирский шабаш? Разве у вас нет вашего микроскопа и вашей ученой вьедливости? Я с немалой опасностью помогал вам сюда прийти, мастер Кордери, и теперь мы все одна шайка, независимо от того, нравился я вам в прошлом или нет. Вы подумываете меня предать?

— Нет,— ответил Нозль.— Правду сказать, никто не может быть уверен, что владеет тайной приготовления эликсира жизни, пока он его не создаст и не посмотрит, как тот действует. Я знаю, какие составляющие мне надо бы раздобыть, чтобы начать опыты, но понятия не имею, как достать самые ценные из них.

— Ну и не глупо ли держать это при себе? — осведомился Лангуасс.— Скажи вы нам всем, мы бы посодействовали.

— Не уверен, что возросшее число участников увеличило бы наши надежды на успех,— возразил Нозль.— У самого у меня никаких догадок нет, и я был бы благодарен вам за любые, какие вы могли бы подбросить. Судя по тому, что я видел и слышал прежде, может быть достаточно только двух составляющих. Одна — это кровь простолюдинов, в которой у нас нет недостатка. Но другая, боюсь,— сперма вампира. Не уверен, что это полностью соответствует нашим целям, но важнее всего то, что я не могу проверить свое предположение.

— Вы уверены, что сперма вампиров используется в обряде, который вы видели? — спросил Лангуасс.— Да откуда у таких созданий, как эти, взяться семени? Или вы не видели, до чего доводят их штыри во время этой жуткой церемонии?

— Видел,— ответил Нозль.— Но семя образуется в яичках, а они не удаляются. Думаю, они могут испускать семя с большим трудом, и подозреваю, семени у вампиров куда меньше, чем у простолюдинов. Но оно должно у них быть. И мне кажется, что им нужна подпитка кровью, прежде чем оно появится в теле. Не уверен, что важен способ, которым оно передается, но, по-видимому, оно не действует, если его пить. Вероятно, лучше всего использовать способ, кото-

рым пользуются здесь они, и вводить его в открытые раны. Загвоздка, однако, в том, как раздобыть сперму. Можете себе представить, какой я получил бы ответ, если бы попросил Айеду о таком подарке?

Лангуасс лежал в постели, глядя в потолок.

— Это часть оборотной стороны могущества вампиров — то, что они так медленно вырабатывают сперму, — продолжал Ноэль. — Полагаю, наши тела образованы из великого множества крохотных частиц, или атомов, находящихся в состоянии непрерывного обмена. Подобно тому, как растут наши волосы и ногти, наружный слой кожи постоянно изнашивается, а под ним вырастает новый. Когда мы едим и пьем, некоторые атомы нашей пищи становятся атомами нашего тела, это и есть суть питания. И в то же время мы расстаемся с атомами, которые были частью нас, совершая естественные отправления. Таким же образом атомы нашего тела попадают в сперму, которая нас воспроизведет, собираясь понемногу в крохотные оболочки, готовые исторгнуться и направиться к назначенной цели в женскую утробу. У вампиров процесс такого обмена может быть многократно замедлен. Их долгая жизнь объясняется тем, что их атомы куда тяжелее и много медленней отторгаются и замещаются. Хотя вампиры Европы едят, как и мы, они могут куда более долгие периоды обходиться без пищи, как всегда происходит с вампирами Адамавары, а это доказывает, что они черпают из пищи меньше, чем мы. Полагаю, их тела теряют куда меньше атомов день за днем, чем наши, и, соответственно, очень мало должно воспроизводиться и особых атомов, предназначенных для продолжения рода. Так их сперма очень медленно скапливается в оболочках, удерживающих ее, и они чувствуют меньше давления, побуждающего ее исторгнуть. Вы знаете, какое давление чувствует простолюдин в чреслах, когда некоторое время не лежал с женщиной, и знаете, что простолюдин может порой извергнуть семя во сне, и при этом ему часто снится женщина. Это потому, что атомы воспроизводства требуют выхода, точно также, как необходимо избавляться от других скопившихся внутри веществ. У мужчин-вампиров эта нужда куда меньше, чем у вас или у меня. И это многое объясняет насчет их отношения

к женщинам и природу всего, что у них с женщинами происходит. В посвячительных обрядах, которые я видел, такое уменьшение потребности преподносится как добродетель. Они доходят до того, что настаивают, что завершённый вампир должен вообще утратить всякое стремление спать с женщинами, и делают это для него невозможным. Пусть даже элему еще производит сперму, он должен от нее избавляться, хотя чем и как они пользуются, чтобы этим управлять, сказать не могу. Не уверен я и в том, что они делают со спермой, хотя убежден: она применяется в их обрядах, как и у вампиров Галлии, пусть по-иному.

— Вы так думаете? — мягко спросил Лангуасс. — Так и думаете?

— Это не означает, что я знаю без тени сомнения, как создается чародейское снадобье, которое делает человека вампиром, — уточнил Нозль. — Никким образом не установлено, что все остальное, что они туда подмешивают, кроме крови, не нужно.

Лангуасс, зачарованный, некоторое время обдумывал услышанное достаточно сосредоточенно, и задал несколько вопросов, чтобы уточнить построения Нозля о природе вампирской плоти. И в конце концов он неотвратимо дошел до самого сложного вопроса.

— Почему кровь, мастер Кордери? Почему она им нужна?

— Не знаю, — признался Нозль. — Но у меня есть догадка. Думаю, что подобно тому, как тело непрерывно производит сперму, оно создает и кровь. Вот почему человек, который потерял кровь при ранении, хотя он может некоторое время быть бледен и слаб, со временем возвращает себе и румянец, и здоровье. И поэтому простолюдины могут постоянно питать вампиров и при этом не иссыхать. Нельзя сомневаться, что вампиры могут производить новую кровь, не исключено, что в немалых количествах, даже несмотря на то, что их раны не кровоточат так, как раны простолюдинов. Если бы не могли, то не думаю, что они оправлялись бы от ран, которые у простых людей вызывают смерть. А это означает, что мы не можем провести прямую аналогию между кровью и спермой: производство крови просто не может быть замедлено. Но должно быть что-то особенное

в этом процессе, происходящее, как мы должны предположить, с необычайной для вампира быстротой, что требует, чтобы они брали какие-то особые атомы из плоти простолюдинов. Во всем остальном плоть вампиров может поддерживать себя сама, обменивая атомы более медленно, чем у нас, но в этом единственном отношении вампиры как хищники от добычи зависят от тех, природа которых быстрее вырабатывает новые атомы. Вот почему вампирам нужны люди. И вот почему невозможен мир, в котором все люди — вампиры.

— Думаю, вы мудры, Нозль Кордери,— заметил Лангуасс.— А как относится ко всем этим суждениям монах?

— Он соглашается со многими моими высказываниями,— уклончиво ответил тот,— но никто из нас не может быть уверен, что я прав, пока не удастся проверить. Я еще не ставил вопрос о том, как мы можем получить сперму вампира. Не думаю, что это... подобающе...

— Подобающе! Мы говорим о вечной жизни и мучительной смерти, и как вы можете думать о том, насколько подобает задавать вслух такие вопросы! О, мастер Кордери, ты поразительное создание! И почему ты не пришел ко мне еще очень давно, если тебе не хватало только храбрости?

— Вы о чем? — спросил Нозль с некоторой резкостью.

— Как это, дружище? Мы в мире вампиров. Если у них есть сперма, нам незачем сидеть и ждать, пока они сами ее нам принесут. Может, они и вампиры, но они старикашки, многие живут тихо и спокойно, в сущности, в одиночестве, в своем древнем городе.

— Ты думаешь, мы можем получить то, что нам нужно, путем убийства! — Несмотря на некоторое видимое потрясение, то была мысль, которая уже приходила в голову Нозлю, хотя он неизменно отвергал ее.

Лангуасс рассмеялся.

— Убийство? — произнес он.— Нет, мастер Кордери, вы же умный человек. Никакого убийства и даже заметного ущерба. Мирный сон, в который впал наш друг Гхендуа. То, что мы возьмем, непременно отрастет вновь. А если подействует, ну, тогда мы пустим в Галлии слух, что любому храброму малому всего-то и надо, что кастрировать рыцаря-вампира, чтобы позаимствовать вечную жизнь из его запасов.

Нозль оглядел стены. Им внезапно овладел страх, что их могут подслушивать.

— И что станут делать вампиры Адамавары, если осудят нас за столь чудовищное преступление? — пробормотал он. — Они терпимо относились к нашему присутствию и, кажется, терпимо отнесутся к уходу. Но сможем ли мы избежать их гнева, если так отплатим за их гостеприимство?

— Отплатим? — с презрением ухмыльнулся Лангуасс. — Вы думаете, мы им что-то должны? Они доставили нас сюда со своими целями, чтобы узнать от нас о том, что творится в большом мире. А в обмен они свысока поучают нас, утверждая, что наши обычаи безумны, а устремления тщеславны. Вы думаете, что раз я так слаб в латыни, то вовсе не могу понять, что здесь творится? Ваш друг назвал это раем для дураков. Так оно и есть, хотя они думают, что дураки — мы, а рай принадлежит им. Я поищу одиноких, которые ничего не почувствуют, пока спят. И даже не увидят, кто полоснул ножичком у них в паху.

— Я думал о таком, — признался Нозль. — Но боюсь, что ничего не выйдет. Какими бы одинокими они ни казались, ни о ком не забывают, и каждого непременно навещают каждый день, чтобы он получил положенную ему долю крови. Думаете, их жертвы поколебались бы, прежде чем вас выдать? Да они ни на миг не помедлят, чтобы поднять тревогу. Если вы что-то такое попытаетесь сделать, вы только нас всех погубите.

Это возражение побудило пирата к хмурому молчанию. И казалось, он понял, что Нозль прав.

— Может, мы тогда должны уйти, — сказал он. — И найти где-то в другом месте вампира, которого можно безопасно использовать. Если бы мы только знали это год назад, я бы велел бедному Селиму свихнуться куда раньше и дал бы ему четкие наставления, как орудовать ножом. Мы должны молиться, чтобы Небо дало нам еще одну возможность.

— Лангуасс, — умоляюще произнес Нозль, — прошу вас, будьте осторожны. Вампиры Африки здорово не похожи на тех, что правят в Галлии и Византии. Но думаю, любой, кто умышленно ранит вампира, удостоится не менее жестокого обращения от простых африканцев, если не от самих вам-

пиров. Вы не видели, как вели себя Эгунгуны, которые вышли нам навстречу в лесу, когда увидели, что Гхендуа ранен. Думаю, всех нас тогда перерезали бы, если бы Нти-кима не заступился за нас. И я все еще боюсь за мальчика, потому что никто из нас не видел его с тех самых пор, как мы сюда попали. Если мы вздумаем оскопить вампира, это здесь сочтут столь чудовищным оскорблением, что вся Африка станет на нас охотиться. Если мы когда-нибудь снова увидим Галлию, я помогу вам пустить слух. Но я долго и основательно размышлял о том, посмею ли я поднять руку на вампиров Адамавары, и пока что решил, что нет.

Лангуасс долго и сурово глядел на него, и в глазах его сиял отсвет прежнего огня, но в конце концов пират опустил обвиняющий взгляд.

— Нет, мастер Кордери,— сказал он.— Не могу назвать тебя трусом из-за одного этого. То, что ты знаешь, может быть слишком ценным, чтобы рисковать, ввязываясь в затею, которую предложил я. Я дождусь подходящего случая, даю слово. А между тем рассчитывайте на мою помощь, готовясь в обратный путь. Ни леса, ни травы, ни легион дикарей не воспрепятствуют нашему возвращению, если мы твердо решимся.

Ноэль устало покачал головой.

— Слишком много врагов,— сказал он.— И у нас больше нет ваших мушкетов. Мы искали их, но нигде не нашли. Я даже не знаю, где здесь держат ослов, если они еще живы.

Лицо Лангуасса стало унылым. И Ноэль понял, что правда больно ударила по надеждам и мечтам пирата.

— Угу,— прошептал он.— Я забыл о мушкетах. Слишком долго я провалился в этой паршивой постели, а теперь должен ждать, чтобы сыграть свою роль в новом представлении.

— Не повредите себе,— предостерег Ноэль, пораженный собственной искренностью.— Вы очень тяжело болели, и мне не понравилось бы, если бы вы, перестаравшись, ухудшили свое положение.

— Мастер Кордери,— произнес пират холодно.— Думаю, вы меня недооцениваете. У меня больше сил, чем вы полагаете.

Когда Нозль в следующий раз отправился в леса, растущие стеной вокруг Адамавары, то сделал это не столько дабы продолжать исследования, сколько для того, чтобы подумать на просторе о делах, которые обсуждал с Лангуассом. То, что все они желали покинуть Адамавару в нынешнюю сухую пору, Нозль принял как само собой разумеющееся, но следовало также учитывать, что не все они это могут. Он не посмел бы уйти один или в обществе одного только Нгадзе — это оставило бы ему мало надежды на успех. И в любом случае он едва ли смирился бы с мыслью покинуть Квинта. А если быть честным до конца, то и Лейлу. Но когда Нозль спрашивал себя, насколько велика возможность приготовить эликсир, чтобы превратить их всех в айтигу, приходилось отвечать, что он ее вообще не видит, если только не готов поддаться диким и опасным фантазиям — вроде тех, что пришли на ум пирату.

Пока Нозль сидел и размышлял, сзади послышался шум. Охваченный приступом тревоги, он обернулся, боясь, что увидит подбирающегося к нему Эгунгуна, хотя день был в самом разгаре. Но то был не Эгунгун, а Нтикима, которого Нозль не видел почти год. Мальчик стоял за кривым стволом древнего дерева выше по склону. Нтикима казался выше прежнего и держался как воин. Лицо его было весьма суровым, глаза скрывала тень, отбрасываемая кроной дерева. Нозль от души приветствовал мальчика и признался, что очень боялся за него. Затем спросил, сильно ли пострадал Нтикима от серебряной смерти и как себя чувствует теперь, но не получил немедленных ответов. Нозлю стало очевидно, что это не просто встреча старых верных друзей, а нечто важное для судьбы каждого из них.

— Я был в Илетигу,— сказал наконец Нтикима.— Меня взяли туда, потому что я из Огбоне и однажды встретил Арони в лесу, а он дал мне обещание, которое элеме обязаны держать. Я видел Экеджи Оришу и касался его, и наблюдал, как боги нисходят на землю.

— И ты сам тоже станешь элеме? — спросил Ноэль, стоя лицом к собеседнику, но не решаясь протянуть руку и коснуться его. Уж больно тот был важен.

— Когда-то я на это надеялся, — ответил мальчик. — Мне предстояло стать магом и целителем. — Он помедлил и добавил: — За мной долг, Ноэль Кордери, я пришел уплатить его.

Ноэль почувствовал неестественное спокойствие, словно холод прокрался в его сердце. Он слишком хорошо знал, что это за долг: Нтикима обязан ему жизнью. И, раз Нтикима теперь пришел платить, значит, жизнь Ноэля в смертельной опасности.

— Значит, Огбоне решили, что Эгунгун должен снова прийти и найти меня? — спросил он.

— Я из Огбоне, — сказал мальчик. — Я знаю то, что знает Огбоне. Ифа говорил с бабалауо и сообщил им, что ты замышляешь беду для Адамавары, и что ты уже нарушил наши самые святыя табу.

Ноэль подавил мгновенное побуждение рассмеяться. Значит, Ифа подслушивал самые тайные его мысли? Или подслушан его разговор с Лангуассом?

Он спросил:

— А есть ли защита против такого суда?

Нтикима покачал головой.

— Жрецы Ифы бросали пальмовые орехи. И пролили священную кровь. Вчера был аджо ауо, день тайн, и бабалауо соединили бритые головы. Экеджи Ориша встревожен тем, что ты сказал элеме, и объявил, что в твоих словах яд. Предки в Ипо-оку обеспокоены. Придет Эгунгун, и я должен встать перед тобой, как когда-то встал передо мной ты.

Было что-то новое и неожиданное в том, как Нтикима говорил о жрецах и богах. Никогда еще Ноэль не слышал такого оттенка в его голосе. То был отныне не голос приверженца своих богов, но голос того, у кого его идола начали вызывать сомнения.

«Когда он был в Буруту, — подумал Ноэль, — он полностью принадлежал Огбоне, и мыслями и сердцем. Но здесь, в Адамаваре, в тайниках его души, которая дала ему глаза, чтобы видеть, мало осталось того, что было в Буруту. Он обязан мне не просто жизнью, но ясностью взгляда. А иначе,

думаю, он не пришел бы сюда и не предостерег меня от восставших мертвецов».

А вслух спросил:

— Что я должен делать?

— Ты должен покинуть Адамавару,— сказал ему Нтикима.

— Я не могу уйти один.

— Не один. Ты должен взять с собой и других, всех, кого желаешь спасти. Теперь даже белый бабалауо в опасности.

— Это невозможно. У Лангуасса нет сил. У Квинта тоже. Они не пройдут через безжизненный лес, не говоря уже о равнине дальше, горах и джунглях.

— Остаться означает скорую смерть,— уверил его Нтикима.— Ты должен пойти на все. Не стану обещать, что безопасно проведу вас, но сделаю, что смогу.— Он помедлил, словно не уверенный, сколько еще стоит сказать. Затем продолжал.— Я делаю то, что должен. Но если я не сумею действовать ловко, они меня тоже убьют, как убили бы тебя, когда ты встал на мое место. Шанго спас тебя тогда, и я должен молиться, чтобы он оказал такую же милость и мне. Но ты должен делать, как я говорю.

На мгновение Ноэль поддался сомнениям относительно услышанного. Но мальчик держался теперь сурово и даже властно, а не просто с уверенностью, которой обладал в минувшие дни, когда рассказывал им, что знает об Адамаваре и богах уруба. И Ноэль, хотя не понимал этого прежде, вдруг увидел, что Нтикима, а не Гхендуа привел их в Адамавару. Нтикима расставил западню своими невинными рассказами; Нтикима однажды сообщил Огбоне о человеке, которого туземцы называют белым бабалауо. Всем, что происходило, двигала воля Нтикимы. И теперь он опять побуждал их к действию. Не исключено, что им на погибель. Доверяться Провидению было девизом Квинта. Уж не воплощение ли Провидения, которое все это время о них заботилось, этот черный юноша?

— Сказав мне это, ты подверг себя опасности,— произнес Ноэль.

— Я уже в опасности,— ровно ответил Нтикима.— У меня перед тобой большой долг, как и перед Арони. Я обязан оставить Арони и довериться Шанго.

Ноэль не был уверен в точном значении этих слов, хотя знал: такой перемене служения он имеет все основания быть благодарным. Разве Нтикима, взгляд которого стал теперь зорче, не знал, что это пуля Лангуасса попала в Эгунгуна, а вовсе не молния Шанго? Или мальчик все еще верит, что возможно и то и другое одновременно?

— Ты знаешь, где они спрятали ослов? — спросил Ноэль и быстро добавил. — И еще нам нужны наши ружья и порох.

— Я сделаю что смогу, — ответил мальчик.

Ноэль не отводил глаз от Нтикимы в те полминуты, что молчал, раздумывая о том, смеет ли сказать больше. В конце концов он почувствовал, что обязан. И сказал:

— Мои друзья умрут, если не станут айтигу. Нам говорили, что здесь когда-то было снадобье, тайна которого забыта. Она действительно забыта?

Мальчик не казался ни напуганным ни оскорбленным. Однако Ноэль знал: надеяться, что он предложит ответ, который спасет всех — это уже чересчур.

— Забыта, — отозвался тот. — Снадобье уничтожили, и я не могу сделать ничего, чтобы прибавить вам сил. Ты выслушаешь, что я могу?

Ноэль устало кивнул.

— Ты сможешь найти дорогу сюда в ночной тьме?

— Да.

— Через две ночи ты должен прийти незадолго до рассвета. Столько времени мне нужно на приготовления. Я попытаюсь привести ослов и принести еды, а вы должны собрать все, что сможете. Храните тайну от слуг, и любой ценой — от Айеды и человека в тюрбане. Вы меня здесь не найдете, но не ждите. Идите как можно быстрее. Едва займется заря, доверьтесь Шанго.

Ноэль хотел было задать новые вопросы, но едва он открыл рот, как юноша внезапно поднял руку.

— Помни, — настойчиво произнес он. — Доверьтесь Шанго!

Нтикима повернулся и стремительно побежал прочь. Вскоре его поглотил лес. Ноэль покачал головой и отбросил ком земли, который мял в пальцах левой руки. К его изумлению, он испытывал облегчение в не меньшей степени, нежели страх, ибо теперь необходимость изгнала все сомнения. Он

знал, что ему делать. Все неловкие вопросы можно пока отложить, а вместо этого довериться находчивости и мудрости Нтикимы.

«Доверьтесь Шанго?» — с насмешкой повторил он. Он не мог полагаться даже на своего Бога, и едва ли надеялся, что один из оравы здешних языческих идолов охранит его там, где не спасет и Господь Вседержитель. Но Шанго уже сказал свое слово через дуло мушкета, и возможно, только это и имел в виду Нтикима. «Что же,— пробормотал Ноэль, шагая обратно к скалистой стене, где находился тайный ход в Адамаварский Эдем,— возможно, нам все же стоит попытаться завладеть сокровищем так, как предложил Лангуасс, и будь прокляты все последствия такой затеи!»

По возвращении он, не тратя времени, передал своим друзьям все, что ему было сказано, но учитывая необходимость хранить тайну, говорил с предельной осторожностью. Ему не представилось случая собрать всех вместе, чтобы посоветоваться и выработать общий план.

Лангуасса, все еще заточенного в своей спальне, хотя и не в постели, было разыскать проще, чем других. По тому, как откликнулся на новость пират, Ноэль понял, что слух о грозящей им опасности, подобно искре, внезапно оживил больного и вдохнул в него решимость. Но не было времени давать советы насчет осторожности, да Ноэль об этом и не заботился. Насколько он знал, Лангуасс всегда был человеком, который пойдет на что угодно, когда приобрести можно все, а терять нечего. И в данном случае Ноэль не собирался сколько-нибудь придерживать пирата.

Ноэль ничего не сказал Квинту о намерениях Лангуасса. А когда он передал им всем, кроме Нгадзе, которому не вполне доверял, чтобы были готовы, настала пора и самому приниматься за дело. Он собрал тюк, который взвалит себе на спину, когда придет срок. Но когда он сидел один на закате дня, намеченного Нтикимой для их бегства, то неожиданно столкнулся с угрызениями совести, которые тянули его в две противоположные стороны. Ему пришлось говорить себе, что не он толкал Лангуасса на преступление, и что пират будет один отвечать за то, что сделает. Лангуасс, разумеется, выполнит свою задачу ловчее и четче, если

действовать будет предоставлено только ему и дело не усложнит никчемный сообщник. Ибо Ноэлю не нравилось считать, будто он послал другого на грязное дело без всякой помощи.

«О, Боже,— неожиданно для себя вдруг мысленно заговорил он, никогда прежде не молившийся,— дай мне сил, молю тебя, действовать в будущем самому за себя.» Впрочем, едва произнеся это, Ноэль уже распекал себя за театральность и за упоминание всуе имени Того, в Кого не верил. «В любом случае, вряд ли это имеет значение,— прошептал Ноэль.— Если мне не удастся приготовить эликсир жизни, если Нतिकиме не удастся уплатить долг, если все мы умрем в Илетигу или в безжизненном лесу... что тогда будет значить маленькая жизнь Ноэля Кордери в великом узоре, который разворачивается в тени вечности? Ведь это просто еще одна бесполезная мелочь среди миллионов других мелочей.»

Он не нашел и подобия утешения в этих мыслях и обрадовался, когда к нему вошел Квинт, чтобы посидеть с ним вместе, пока идут часы ожидания. Все приготовления были закончены, и учитель с учеником разговаривали обо всяких пустяках на случай, если кто подслушивает. Ноэль был уверен, что монах и подозревать не может, куда и зачем пошел Лангуасс. Ни один из них не лег спать, когда зашло солнце; вместо этого они сидели при свече, настороженные, полные страхов. В какой-то миг Ноэль отправился к Лейле, чтобы убедиться, что с ней все в порядке, и с неприятным удивлением обнаружил, что ее нет. Он не ожидал, что пират возьмет ее с собой на такое дело, и не мог подумать ни о какой другой причине ее отсутствия. Ноэль проклял холодность, которая возникла теперь в отношениях между ними и побуждала его избегать Лейлы, так что он больше не знал, каково ее участие во всем этом. Но ничего не поделаешь. Ему пришлось вернуться к Квинту и желать, чтобы эти часы поскорее прошли. И когда ночь уже протянулась немало, и звезды горели как всегда ярко и резко, вернулся Лангуасс, что-то бережно неся в руке.

— Самое время готовить эликсир,— сказал он Ноэлю.— Поспеши, и тогда мы проведем дьявола. Быстрее, ведь я не знаю, так ли неразрушима сперма вампира, как и все прочее.

Ноэль не смел и взглянуть на Квинта, чтобы увидеть, как тот откликнется на подобную речь. Но принял то, что дал ему Лангуасс, и с удивлением обнаружил, что это не кровавое месиво, а лишь маленький каменный сосуд со студенистым желтовато-белым веществом, больше похожим на плевков, чем на что-то еще.

— Что это? — спросил Ноэль.

— А ты что думаешь? — с лихорадочным беспокойством ответил пират. — Это вещество, превращающее людей в вампиров, если только ты сказал мне правду. Но нам нужна кровь, чтобы добавить к нему, прежде чем мы начнем. Спешите, мастер алхимик, молю вас!

Ноэль, озадаченный, воззрился на несколько капель в сосуде, уже начавших высыхать. Жидкость была молочного цвета, как и сперма любого простолюдина. Никоим образом не «сперма, черная, как ночь», о которой упоминал Гаццо, но Лангуасс, разумеется, не мог ошибиться. Он знал, что это действительно семя вампира. Лангуасс прав: нет времени ни для вопросов, ни для колебаний. Тем не менее Квинт ледяным голосом спросил:

— Что вы сделали, Лангуасс?

— Добыл для нас шанс жить, а не умереть, — ответил Лангуасс, — если Бог сотворил Ноэля Кордери достаточно смышленным для этого.

Не обращая внимания на этот обмен колкостями, Ноэль поспешил добавить воды к содержимому сосуда, затем открыл ящик, где лежал разобранный микроскоп. Достал оттуда самый острый из ножей и не задерживаясь на то, чтобы испугаться или начать думать, полоснул себя по левой руке, так что красная черта появилась на белой плоти выше запястья. И плеснул в сосуд как можно больше крови.

— Я знаю, сколько нужно, — быстро сказал Лангуасс. — Возьми и у меня. — Он извлек из-за пояса заточенный кинжал, однако Ноэль покачал головой и стал искать среди своего имущества другой скальпель, который тут же прокалил в пламени свечи, прежде чем приступить к делу. Лангуасс протянул руку. Ноэль провел лезвием по длине голубой жилки. Пират не вскрикнул, но стиснул зубы и тревожно зашипел, когда кровь хлынула из длинного разре-

за. Нозль подставил под кровь чашку. Когда она наполнилась, он добавил к крови содержимое каменного сосуда. И стал перемешивать снадобье, подливая соленой воды из бутылочки.

— Что это? — рассерженно произнес Квинт. Но загнал обратно полузаданный вопрос, тут же исполнившись изумления. Нозль украдкой взглянул на него, пытаясь извиниться глазами за то, что умышленно скрыл от монаха их с Лангуассом общую тайну.

— Могу только надеяться, что ничто иное не важно, — сказал Нозль Лангуассу торопливо, но с уверенностью. — Молись, если ты способен, чтобы это было все, что требуется. — Затем он обернулся и поглядел в глаза Квинту. — Нет времени, — произнес он с намеком на извинение. — Решай сейчас, молю тебя, с нами ты в этом деле или предпочтешь искать милостивых объятий твоего любящего Бога. Я ничего не могу обещать, но не испытает ли ты с нами мощь волшебного средства?

Квинт воззрился на него столь сурово, что Нозль был уверен: монах откажется. Но Квинт вместо этого обнажил руку.

— Пусть Бог решает, — сказал он с необычайной легкостью. — Если он не желает, чтобы я стал вампиром, то, вне сомнений, Его воля свершится.

«Доверься Провидению!» — подумал Нозль. И без нужной задержки провел лезвием запятанного кровью ножа через пламя свечи во второй раз, а затем сделал надрез на руке Квинта. Он поставил чашку на стол, и Квинт дал крови сбежать по коже и упасть в смесь. Пират поглядел сперва на монаха, затем на сына механика, но ничего не говорил, пока кровотечение не прекратилось. А затем произнес:

— Мы теперь станем братьями, верно? С любой ненавистью покончено, и неважно, что прощено, а что нет. Что бы с нами не случилось, мы теперь родня.

Нозль взял чашу и на миг взвесил в руке. Затем протянул ее Лангуассу, вспомнив, когда тот ее брал, как леди Кристелль предложила свою кровь этому человеку, который в первый раз отказался, а во второй принял. И вспомнил также, как леди Кристелль просила крови у него, Нозля Кордери, и как он отказал, несмотря на ее отчаяние.

Лангуасс не колебался. Он был готов к такому мигу, и никакая мысль о содержимом чаши не вызвала у него промедления. Он погрузил пальцы в красную смесь, затем поднес их к раненой руке и втер в рану, морщась от боли. Затем, взяв кинжал, сделал надрез на своей груди и его тоже потер пальцами. Прикосновения были болезненны, и это отразилось на лице Лангуасса, но пират жаждал втереть в раненую плоть столько смеси, сколько удастся.

— Ну что, мастер Кордери? — спросил он. — Не примешь ли со мной бессмертия?

Ноэль был не вполне готов, его мысли пребывали в смятении, а сердце колотилось в груди. Тем не менее, ему хватило самообладания, чтобы достаточно твердо протянуть чашу Квинту. Монах взял кончиками пальцев немного смеси, а затем, с куда большей осторожностью, чем Лангуасс, коснулся раны на своей руке, пройдясь по всей ее длине и медленно перемещая липкие пальцы туда и обратно.

Ноэль весьма некстати испытал тошноту, хотя помнил, что когда они присутствовали на обряде в Илетигу, именно Квинт, а не он пытался спрятать глаза. Он поставил пальцы на ободок чаши и готов был взять свою долю, но вдруг его остановила внезапная мысль.

— Лейла, — прошептал он.

— А что такого? — очень быстро спросил пират с откровенной грубостью.

— Она должна быть здесь!

Лангуасс ничего не ответил, но протянул окровавленную руку, чтобы вдавить пальцы Ноэля внутрь чашки, принуждая его взять вязкое вещество, хочет он или нет. Затем пират выхватил чашку у Ноэля и жадно пробежался внутри пальцами, пытаясь подобрать остатки содержимого до последней капли. Поглядев на Ноэля, Лангуасс раздраженно сказал:

— Я принес вам жизнь, мастер Кордери. Примите ее или будьте прокляты!

Ноэль еще миг колебался, потрясенный явной жестокостью Лангуасса, бросившего неведомо где свою подругу. Затем поддался напору событий и сомкнул пальцы на своей раненой руке, погрузив ногти в разрез. От приступа боли все его тело содрогнулось. Когда боль наконец миновала, и

Ноэль открыл полные слез глаза, он увидел, как Лангуасс облизывает один за другим свои окровавленные пальцы.

— Сейчас бы нежного вина с Мадейры, чтобы отбить этот вкус,— вздохнул пират.— Мы подняли бы тост за твердость наших душ и за надежду нетления наших тел до конца времен. Братья, мастер Кордери, мы родня, и теперь ничто этого не изменит.

И только тогда Ноэль задал вопрос, который не в силах был задать прежде, ибо этого не подобало.

— Как, Лангуасс?.. — прошептал он.— Как ты добыл сперму?

— А что? — осведомился пират.— Разве это теперь что-то значит? Неужто тебя беспокоило, когда ты подал мне мысль, что я мог бы ее стащить? Или ты позаботился заранее сказать мне, как я могу, а как не могу поступать, чтобы выполнить задачу, когда объяснял мне, что пора покидать это место? О нет, мой брат по крови... Тебе было все равно, и тебе не следует спрашивать меня теперь.

Его насмешка задела Ноэля. Боль от раны, которую он сам себе нанес, была куда острее, чем он предполагал, и тошнота неожиданно стала нарастать в животе.

— Нет времени,— вмешался Квинт, вновь беря на себя главенство, которое давным-давно уступил своему подопечному,— я перевяжу ваши руки, а вы мою. Если мы станем вампирами, раны, несомненно, исцелятся, но если нет, им потребуется защита. А затем надо поторопиться выбраться отсюда. Вы приведете Лейлу, Лангуасс, когда я перевяжу вас?

— О да,— сказал Лангуасс, указывая пальцем на вторую рану на груди, которую нанес себе.— Хорошенько перевяжи меня, отец, ибо нам предстоит пройти больше, чем мы могли бы представить. Я приведу мою дорогушу, и черного тоже, ведь надо позаботиться, чтобы в нашем отряде был достаточный источник крови. Полагаю, Нгадзе пойдет, хотя его и не предупредили?

— Надеюсь,— сказал Квинт.— Должно быть, его замучила тоска по дому. В любом случае не думаю, что он поднимет тревогу.

Ноэль, к стыду своему, опять ощутил дурноту, когда понял обратную сторону того, что сделал. Следовало принять это

во внимание раньше. Но мысль, что Лангуасс не допустил к эликсиру свою любовницу, потому что она могла пригодиться ему как жертва, была столь ужасающей, что Ноэль не мог найти слов, чтобы выкричать свою боль. Он так лихо использовал пирата в своих целях, что ему даже на ум не пришло, как Лангуасс может использовать такое положение сам. Да еще и насмехаться над ним, твердя о братстве в преступлении.

Мысль, что он может стать хищником, что Нтикима и Нгадзе сделаются для него тем, чем прежде были для Гхендуа, терзала его страшнее, чем он мог бы себе представить. Он постарался овладеть собой и позволил Квинту перевязать себе руку, в то время как пират уже лихо шагал вперевалячку, чего Ноэль не видел уже много лет.

— Что я натворил? — спросил Ноэль своего самого дорогого друга. — Что я натворил?

Квинт не ответил сразу, но пристально поглядел на ученика, уже зная, что ему не доверились, что его мнения не спросили. Он был уязвлен, и Ноэль видел это на древнем лице учителя; Квинта оскорбило, что Ноэль стыдился открьть ему, что у него на уме.

— Лишь время рассудит, — произнес служитель Бога. — Возможно, ты избавил нас от всего, что нам угрожает. А возможно, преуспел только в том, чтобы привести нас к мучительной смерти.

12

Пока они спешили по темным проходам и открытому пространству на вершине хребта, никто не пытался их остановить. Когда они отыскиали дорогу вниз, вьющуюся по ущелью и сбегаящую на внешние склоны, им требовалось идти с величайшей осторожностью, довольствуясь светом звезд и молодого месяца. Но все пятеро благополучно спустились, и к тому времени, когда они находились среди деревьев, уже готова была заняться заря.

Четверка ослов, которых они довели до Адамавары год назад, терпеливо ждала, привязанная к дереву. Нтикими не

было и следа. На спинах ослов лежали вьюки, содержащие пищу и одеяла; в одном оказались четыре мушкета с порохом и пулями, и Ноэль рад был их увидеть, хотя не ликовал так неистово, как Лангуасс. Ноэль огляделся, недоумевая, почему Нтикима не здесь, но требовалось как можно скорее трогаться в путь. Когда Кантибх или Айеда обнаружат их исчезновение, погоня начнется немедленно.

Они взяли ослов, каждый из четверых мужчин повел одного, а Лейла потащила сзади, и они двинулись вниз по крутому склону на северо-запад, прочь от страны элери. Ноэль оглянулся лишь один раз, чтобы посмотреть в последний раз на суровые серые скалы. И скалы вызвали отклик в его душе.

«Прощай, сад Эдемский,— ядовито подумал он,— вперед, если достанет сил, в землю, где сыны Каина призывают к резне.»

Он не жалел, что уходит из Адамавары, но не мог удержаться от тревоги по поводу того, что ждало впереди. По мере того, как они продвигались под сенью леса, края которого они не увидят еще много дней, Ноэль размышлял о том, чувствует ли внутри себя перемены человек, который становится вампиром, и на что это похоже. В себе-то он не ощущал никакой разницы. Возможно, с эликсиром вообще ничего не вышло.

Шествие возглавлял Квинт, определявший направление по солнцу. У них имелось лишь смутное представление о дороге, по которой они пойдут, несмотря на то внимание, которое они уделяли дороге сюда. Но они твердо решили двигаться прямо, насколько возможно, пока не выберутся из недоброго леса в земли сахра, где смогут найти пищу. Если сахра помогут им и окажут такое же гостеприимство, что и прежде, они окажутся в состоянии снарядиться для перехода через первую травянистую равнину до того, как она высохнет и станет пожароопасной. Затем, конечно, придется столкнуться с фульбе, а у них совсем мало мушкетов и ослов, они привлекательная добыча для грабителя.

Хотя они были защищены от серебряной смерти, переболев ею однажды, безжизненный лес с его неестественными деревьями, гнетущим молчанием и неровностями почвы

все еще оставался пугающим местом. Ослы продвигались медленно, несмотря на редкость подлеска, но путники смогли долго шагать после полудня, лишь немного отдыхая через каждый час, ибо тень и высота местности не позволяли жаре стать изнурительной.

И не раньше, чем солнце стало близиться к закату, они сделали настоящий привал. Пока Ноэль устало стаскивал башмаки, чтобы осмотреть ноги, которые так разнежились за время, проведенное в городе, и теперь были все в мозолях, он тревожно поглядывал назад, высматривая намек на то, что воины мкумкве идут по следу.

Однако не заметил никаких непосредственных признаков погони. Глядя на свои израненные ноги и морщась от боли, Ноэль страстно желал вампирского умения умирять боль. Лангуасс подошел, сел рядом и заметил, что с эликсиром, как пока представляется, не вышло.

— Подождем и поглядим, что случится.— сказал Ноэль.— Если мы станем вампирами, хорошо. Если нет, значит, мне предстоит больше работы, когда мы вернемся в Галлию. Возможно, придется попробовать еще не одно мерзкое пойло, прежде чем мы откроем тайну.

Лангуасс отошел. Тогда приблизилась Лейла, между тем как пират стал помогать устраивать костер, над которым надлежало повесить котелок и вскипятить воду для ужина. Ноэль подумал: умно ли разводить костер, который может привлечь нежелательное внимание. Впрочем, проход пятых людей и четырех ослов все равно оставил в лесу слишком уж явный след. Если мкумкве идут за ними, они не собьются с пути. А в том, что мкумкве идут, он не сомневался. Но когда они объявятся? И где Нтикима?

— Итак, ты простил меня? — спросила Лейла.

— А тебе нужно прощение? — в изумлении спросил он.— Если кого-то предали, то разве не тебя?

Она уставилась на него, и он усомнился в том, что она знает о случившемся.

— Лангуасс ничего не сказал вам? — спросил Ноэль шепотом, полным боли.— Нынче ночью с его помощью я сделал эликсир, но он отказался привести вас, чтобы вы тоже попробовали, и...

Внезапно он прочел в ее глазах то, что ему следовало знать с самого начала. То, что следовало бы понять не вчера, а еще несколько дней назад. Он понял, почему Лангуасс насмехался над ним, и увидел, какой он болван. И с горечью спросил себя, как же он умудрился ничего не понять, когда увидел то, что принес в каменном сосудике пират.

— Вы,— прошептал он.— Это вы добыли сперму.

— А ты не знал? — спросила она, куда менее встревоженная его неведением, чем он сам.— Но ведь именно ты объяснил Лангуассу, как дамы в Галлии становятся вампирами, получая семя своих любовников. Я думала, ты поймешь, что он пошлет меня вешаться на Кантибха, и что тебя терзает жуткая ревность, несмотря на хорошенькую милочку-вампирочку, которая так часто приходила к тебе в постель.

Нозль ощутил внезапное побуждение рассмеяться, поняв, что Лангуасс не привел ее на их встречу потому, что она уже получила свою долю — причем менее изощренным способом, чем они, и вполне могла стать бессмертной. А пират еще позволил ему поверить, будто намерен использовать ее как свою жертву!

— Этот человек шутит поистине дьявольски,— пробормотал Нозль, едва ли зная, вопить ему в восторге или проклинать свою тупость.

— Мое дело с Кантибхом было лишь пошлым блудом,— с вызовом заявила она.— Я поступила, как мне велели.

— Я тоже,— ответил Нозль,— хотя мой блуд в поисках тайной мудрости, кажется, ни к чему не привел. Возможно, темные боги все-таки вносят свой вклад в нашу судьбу, и они невзлюбили нас за самоуверенность.

Некоторое время они молчали, следя за тем, как садится солнце, и тьма, словно плащ, падает на лес. Затем Нгадзе окликнул их, напоминая, что они должны поесть, и Нозль опять натянул башмаки. Он встал первым и протянул руку, чтобы помочь Лейле подняться. Она охотно приняла руку.

— Я простила тебя,— прошептала Лейла, хотя взгляда его избегала.

— А я — тебя,— ответил он. И стиснул ее руку в своей, прежде чем отпустить, чтобы они могли подойти к костру и присоединиться к ужину.

Они выставили часового, когда легли спать. Первым сторожил Нгадзе, затем Нозль. Лангуасс все еще ликовал из-за того, что былой огонь вновь вернулся в его утомленное тело. Однако Нозль знал, что для пирата драгоценна каждая минута отдыха. И Квинт тоже. Он, со своей стороны, твердо решил бодрствовать всю ночь, если понадобится.

Нозль утратил всякое чувство времени и, возможно, немного вздремнул перед тем, как увидел пляшущие в лесу огоньки. И понял, что преследователи вовсе не отдыхали, но шли за ними даже ночью. Он повел мушкетом, лежавшим у него на коленях, а затем, потянувшись, толкнул прикладом Нгадзе.

— Они рядом,— прошептал он.— Нужно драться.

Нгадзе вгляделся в ночь и попытался сосчитать светящиеся точки, движущиеся меж деревьев.

— Эгунгуны? — спросил он.

— А разве важно, какие на них маски? — заметил Нозль.— Ты айбо, а Эгунгуны принадлежат к уруба.

Африканец в страхе покачал головой.

— Огбоне дали Эгунгунов всем своим народам.— Сказал он.— Если Эгунгуны придут, нам всем смерть, и белым, и черным. Ибо это их земля, и никто не выстоит против живых мертвецов, где бы они ни появились.

— Возьми мушкет,— приказал Нозль,— и разбуди остальных. Мы однажды уже стояли против них, и Шанго пришел нам на помощь. Мы и теперь должны поступить так же.

Он попытался сложить нехитрую стену из тюков, дабы они могли залечь за этим укреплением и опереть о него стволы мушкетов. Но когда он увидел большие уродливые маски, освещенные факелами, которые несли их преследователи, он подумал: что пользы в порохе и пулях. То были, разумеется, Эгунгуны, и в таком количестве, что пять человек, даже хорошо вооруженные, едва ли устоят перед ними. Когда те приблизились, с копьями, а не только с факелами, они показались Нозлю могучим войском, посланным против них Шигиди.

«Однажды мы их уже остановили,— напомнил он себе.— Всего одним выстрелом». Он откуда-то знал, что на этот раз одного выстрела достаточно не будет.

— Доверьтесь Шанго,— пробормотал он. Тут Нгадзе встал на колени с ним рядом, а с другой стороны — Квинт. Сзади прозвучали слова Лангуасса:

— Подождите, пока не приблизятся. И цельтесь не в маски, а в незащищенные тела под ними.

Их лагерь располагался на поляне, и как раз у ее края высилась большая скругленная скала с увядшими деревьями. Когда Эгунгуны обошли скалу, они собрались там, в сорока ярдах, угрожающе подняв свои факелы и копья. Нозль считал их, пока они выстраивались в длинную линию. Всего их было тридцать пять.

— Подождите,— сказал Лангуасс шепотом.— Прицельтесь как следует и не тратьте зарядов впустую, ради Небес!

Но пока он говорил, появился кто-то еще. Он возник на вершине скалы в свете факелов, которые держали Эгунгуны. Он был не таким, как другие, но тело его было раскрашено, а лицо закрывала роскошная маска, на которой выделялась среди ночной черноты ослепительно-белая изломанная молния. Глаза маски выражали такой гнев, что даже белые затаили дыхание под их жутким взглядом.

— Не стреляйте! — прошептал Нозль с внезапной уверенностью.— Ради любви Божией, ждите!

Нозль уже видел это создание. Во время обряда, который наблюдал в Илетигу. Он тогда сразу понял, какого оно представляет бога — бога, обладавшего в Адамаваре большей властью, чем любой другой, кроме одного только Оло-руна. Этот бог создал Адамавару. Теперь Нозль знал, что имел в виду Нтикима, когда сказал, что они должны довериться Шанго.

Эгунгуны сделали шаг вперед, а затем позади них прогремел голос, усиленный деревянным рупором в широком рту маски, повелевая им остановиться. И они остановились, ибо в этот миг они были не людьми мкумкве, но восставшими мертвецами, вернувшимися, чтобы призвать к ответу живых; подданными не элему, но богов. А тот, что на круче, был вовсе не Нтикимой, но Шанго, богом бурь и владыкой грома и молнии. Эгунгуны повернулись, и стоявший над ними стал бить в барабан, между тем как его мощный голос завел напев, слоги которого взлетали и падали, как ветер в

непогоду. Эгунгуны низко поклонились, как предписывала их природа, встали на колени и начали слушать, какова воля божества и что они должны сделать.

Жуткие вопли наполняли воздух, столь пронзительные и заворачивающие, что Нозль едва ли мог бы поверить, что их исторгает человеческая глотка. Над ними все звучала и звучала странная песнь, не молитва и не заклинание, на языке, которого Нозль не знал и почему-то даже изучить не хотел бы. Рядом с ним Квинт шептал собственную молитву на латыни Римской церкви. И даже Лангуасс осенил себя крестом. А Нгадзе дрожал от сверхъестественного ужаса, как дрожал и прежде, когда видел богов, действующих в мире людей.

Лейла положила руку на плечо Нозля, как будто пальцы могли образовать мост между душами, чтобы по нему в любом направлении, в каком потребуется, прошла храбрость. А с вершины вещал Шанго и простирали свое чудесное покровительство над теми, кого желал спасти вопреки воле старейшин Адамавары. Эгунгуны слушали, и весьма внимательно. Когда пение кончилось, Эгунгуны сняли маски и бросили их наземь, теперь свет факелов падал на их раскрашенные лица, которые больше не казались угрожающими, но были лишь уродливыми. Отряд людей, а не восставших мертвецов двинулся в лес с протяжным и скорбным пением. Они пели, ибо встретили в лесу бога, который повелел им стать меньшим, чем они были, и они никогда не станут прежними.

Когда все они ушли, Шанго спустился со своей вершины и медленно двинулся к костру белых. Там он снял свое яркое неистовое лицо и сделался Нтикимой.

— Однажды я стал служить Арони, и мне было назначено изучать лесные растения и стать великим магом,— сказал юноша.— Теперь я служу Шанго, я должен брить голову и носить четки цвета крови. А когда я состарюсь, то буду иметь право вернуться в Адамавару, чтобы сделаться его элеме на Ого-Эджодуне.

Затем он сел к костру и задрожал, а путники дали ему еды.

Второй день не отличался сколько-нибудь существенно от первого, разве что теперь путников было шестеро, а не

пятеро. Ремни тюка натирали Нозлю плечи, мозоли на ногах заставляли хромать. В его горле постоянно было сухо, ибо он берег воду, не зная, когда им встретится ручей или озерцо. И опять они шли в самую послеполуденную жару, намереваясь добраться до края леса за возможно более короткий срок.

По сравнению с их медленным продвижением по дороге туда, они шагали совсем неплохо, хотя Лангуасс был болен, а Квинт утомлен. И снова когда они остановились на ночлег, Лейла подошла к Нозлю, сидящему в одиночестве в некотором отдалении от палаток. На этот раз она была в ином настроении. Она не избегала его взгляда, но желала, чтобы он на нее смотрел. И хотя она ничего не сказала, он больше не сомневался — он знал, о чем она думает.

В ослепительном свете дня это не было столь очевидно, но среди теней и отблесков пляшущего костра ее кожа показалась ему великолепной. Лицо цыганки всегда было гладким, но теперь достигло исключительного совершенства и сияло, как у Береники.

— У меня странное чувство, — сказала Лейла. — Нигде больше не болит, хотя я чувствую, что кровь бежит по жилам резво, как некогда прежде. А ты?..

— Нет, — уныло ответил Нозль. — У меня нет такого чувства.

И поглядел на свои руки, и на ладони, и с тыльной стороны. Они оказались сморщенными и натертыми. Когда он кончиками пальцев коснулся своего лица, он ощутил и пот, и многое из того, что было на его лице неладного и о чем он знал. Он коснулся перевязанной руки. Рана горела под пальцами. Нозль остался таким же, каким и был, отмеченный всем обилием знаков обычной смертности. Он хотел спросить ее, сколько раз она была с Кантибхом, и был ли тот раз, когда она принесла сперму во рту Лангуассу, первым или одним из нескольких. Но не мог заставить себя говорить об этом. В любом случае это не имело значения. Даже если бы он мог чуть дольше надеяться, такая надежда не помогала и не мешала бы ему. Перемена или произойдет, или нет, а надежда тут ни при чем.

— И теперь ты будешь любить меня, — сказала она низким голосом. — Потому что я — дама-вампир. Лангуасс все-

гда обещал мне это. И я получу твою кровь, которая меня поддержит, не так ли?

Он поглядел на нее, не зная, что ему говорить или думать.

— Лангуасс? — спросил он.

— Никаких признаков, — ответила она. — Но не думаю, что я достаточно нравлюсь ему, чтобы он предложил мне свою кровь. Я больше не принадлежу ему, и он для меня бесполезен. — Ее голос был так безмятежен, а держалась она так задумчиво, что Ноэль хотел бы рассмеяться, но не посмел.

— Квинт? — спросил он. И огляделся, ища монаха. Тот возился с ослами. Ноэль, ковыляя на больных ногах, приблизился к нему. Он чувствовал себя куда более хрупким, чем за день до того. Ноэль взял своего друга за руку, повернув его так, чтобы красный свет садящегося солнца, просачивающийся сквозь кудрявую листву, пал на лицо Квинта, позволяя лучше разглядеть его. Квинт всегда казался точно вырезанным из полированного дерева, его дубленая кожа была туго натянута и упруга. Трудно было судить, начались ли перемены, но внезапно Ноэль ощутил уверенность в том, что они происходят.

— Квинт... — произнес он снова и умолк, не зная, как задать вопрос. Но монах понял, в чем дело.

— Да, — тихо ответил он. — Думаю, это так. Пока что я не уверен, но буду молиться о своей душе, чтобы стала достойной такого тела. Души столь многих не достойны.

— Лангуасс? — спросил Ноэль, но Квинт пожал плечами.

— Не знаю, — сказал монах. — Но не мог бы и подумать, когда мы начали путь, что он так далеко зайдет, и все еще будет на ногах. Полагаю, его заветное желание исполнится.

— Но почему? — произнес Ноэль испуганным шепотом. — Трое приняли эликсир. Как один может получить дар, а другой нет? Ради любви Божией, Квинт, что со мной не так?

— Не знаю, — ответил Квинт. — Поверь мне, Ноэль, я бы поменялся с тобой участью, если бы мог.

В конце концов они пришли в место, где когда-то нашли мертвые тела с натянутой на кости кожей и увядшей и улетучившейся под палящим солнцем плотью. Теперь среди них было одним телом больше. Как и другие, оно не стало

добычей падальщиков, и было предоставлено медленному преобразению по законам этого загадочного леса. Им не составило труда узнать турка Селима, безумие которого обрекло его на такую смерть.

Казалось, турок издавна принадлежал к этому обществу, ибо теперь, когда их лица иссохли и сморщились, носы у всех запали, утратив прежний вид. Он больше не казался чудовищем, запущенным в мир более совершенных созданий, но стал погубленным среди погубленных, достойным жалости. Лангуасс встал на колени перед его телом, чтобы прошептать какую-то свою молитву, прежде чем путники пошли дальше.

В положенный срок они добрались до более приятного леса, где деревья не были такими перскрученными, где цвели цветы и летали насекомые, где пели птицы. Чем дальше они шли, тем больше становилось птиц и самых разных других живых существ, и они рады были видеть их. Здесь они в изобилии нашли воду и кое-что из плодов себе в пищу. Затем настала пора, когда они вовсе покинули леса и двинулись дальше по равнинам, где сахара возделывали поля и стерегли скот. Старейшины деревень сахара любезно приняли путников, они пировали с ними и плясали, отмечая их приход, как делали всегда для избранных из Адамавары, созданных из плоти лучшей, чем у них.

Так было и в других землях, через которые они проходили на своем длинном и нелегком пути. Вести об их приближении летели впереди. Ведь в каждом новом месте их появление становилось событием: они пришли из Адамавары, и некоторые из них были вампирами.

У тех, кто их приветствовал, не было возможности узнать или понять, какую печаль и горечь несли в сердце двое из них. Ноэль возобновил свои усилия сделаться вампиром с помощью средств, которые теперь были под рукой, но новые его попытки одолеть свой смертный жребий оказались не более успешными, чем первая.

И когда они пришли наконец в то место, которое могли считать целью своего пути, все оставалось как было. Двое из троих, которые поклялись стать кровными братьями, сделались вампирами, а один — нет.

Часть пятая

КРОВЬ МУЧЕНИКОВ

Государь, пока он поддерживаает единство и верность своих подданных, не должен обращать внимание на упреки в жестокости; подавая добрый пример, он достигнет большего, нежели те, которые, будучи милосердными, допускают возникновение беспорядков; ибо беспорядки задевают весь народ, в то время как расправы государя — только отдельных людей...

Если поставлен вопрос, лучше ли, когда государя любят, но не боятся, или же когда боятся, но не любят, то сам собою напрашивается ответ: лучше и то и другое, однако, поскольку трудно объединить необходимые для этого качества в единой личности, нужно признать, что куда надежней, когда государя боятся, нежели когда его любят, коль скоро приходится выбрать одно из двух... Люди, обладающие малой щепетильностью, скорее оскорбят того, кто любим, нежели того, кто их устрашает, ибо любовь сберегается целой цепочкой обязательств, которая по причине людской низости рвется при всякой возможности вознестись; но страх сберегается угрозой наказания, которая несокрушима.

Никколо Маккиавелли.

«Государь-вампир»

Вот расшифрованный текст письма, полученного сэром Кенельмом Дигби в Лондоне летом 1660 года.

*Мальта,
май 1660 года.*

Мой дорогой друг, Сахха!

Никакие приятные вести не были для меня отрадней, чем сообщение о том, что Англия освободилась от власти Галльской Империи, что Ричард и его норманнские рыцари изгнаны и что парламент новых вампиров ныне возглавляет Британское Содружество. Моя родина свободна! Это известие облегчило мое сердце, и я несказанно рад тому, что победа достигнута без большого кровопролития. Итак, Ричард осознал всю непрочность своего положения перед лицом ваших действий. Это позволяет мне поверить, что все его бахвальство, все эти «рыцарские идеалы», с которыми всегда так носилась аристократия Галльской Империи, все же скрывала в своей основе что-то искреннее.

Судьба Англии открывает путь надежды для будущего всей Галлии, и я молюсь о том, чтобы конец империи Карла Великого не был ознаменован безжалостной бойней, которая надолго погрузит Европу во тьму и отчаяние.

Уверен, что в ваших руках эликсир, тайну которого я раскрыл, будет использован мудро и справедливо. Он даст разумную надежду всякому, кто перенес многочисленные тяготы и испытания, обрушивавшиеся на его бrenную плоть. Этим людям не будет отказано в возможности бессмертия. С помощью тайного средства, которое больше не тайное, англичане, как я верю, станут великим народом и займут подобающее им место в прсображенном мире. Теперь, когда подтвердилось существование нового Атлантического континента, британским мореходам выпала возможность создать новую империю, более славную, чем любая из основанных племенем Аттилы. Вот вам работа на грядущие тысячелетия.

Пока северные народы борются за низвержение ига Карла Великого, а южные властители со всех сторон осаждены врагами, ваш и мой народ должны построить на западе Новую Атлантиду, как и предвещал Фрэнсис Бэкон. Из всех народов Галлии и Валахии одни британцы выходят из нынешнего столкновения усилившимися.

Мое сердце согрето вашими настойчивыми просьбами ко мне и Квинту вернуться в Англию — теперь, когда она

свободна. Я уверен, что Лангуасс сможет благополучно переправить нас через разделяющие нас недобрые воды. Однако я не чувствую, что для меня уже настало время покидать здешнее наше пристанище. Мы немало обещали жителям этого острова, и они обошлись с нами как нельзя более великодушно. Если бы рыцари Святого Иоанна не встали на сторону нашего дела, то наше открытие вполне могло бы и не дойти до наших друзей в Европе. Покинуть этих союзников теперь представляется мне черной неблагодарностью, и я предпочел бы этого не делать. Ваше предложение направить рыцарей Ордена Святого Иоанна в Лондон весьма любезно рассмотрено магистром. Но столпы Ордена могут думать о том, чтобы покинуть Мальту, которая была их домом и оплотом в течение ста тридцати лет, не более, чем вы — о том, чтобы оставить Англию, пока еще предстоит вести бои, дабы вынудить наконец Ричарда удалиться в изгнание.

Верные приметы говорят, что самый горький час Мальты уже недалек. Рыцари Святого Иоанна не уклонятся от защиты своей крохотной страны, а я сделаю все, что в моей власти, чтобы им помочь. Я прежде всего англичанин, был англичанином и всегда им буду; но сейчас я должен оставаться с теми, кто в час отчаянной нужды предложил мне свою искреннюю дружбу. Большую часть своей жизни я провел, предоставив действовать другим; теперь я стал человеком, от которого многого ожидают, и должен занять свое место рядом с теми, кто прежде служил моим целям.

Вы, вероятно, куда больше нашего осведомлены о распаде Галлии и Валахии и о том, как намерены ответить на это императоры. Несколько князьков помоложе предложили тайно поддержать наше дело, ибо усматривают в нашем восстании возможность для своего возвышения, которого они, несомненно, не достигли бы, пока власть удерживают бессмертные постарше. Для большинства из них, конечно, наши идеалы — просто удобная маска, прикрывающая их тщеславные устремления. И тем не менее, в то время как они используют нас, мы в свою очередь можем использовать их. Существует много печатных станков и есть немало простолудинов, жаждущих дать им работу, невзирая на любой риск, с этим сопряженный. Мы начали повсеместно

разглашать тайну во всем христианском мире, так что она больше никогда не сможет снова стать тайной, и нашли великое обилие союзников. Дело движется! Если только мне не поможет чудо, я не доживу до сдачи Карла Великого и Атилы и поглощения старого порядка новым. Но я умру, зная, что подобные события неизбежны и что я содействовал тому, чтобы настал великий день.

До нас продолжают доходить слухи, что наши подвиги настолько раздосадовали вампиров Галлии и Валахии, что те намерены собрать Великую Армаду судов в Кальяри, Неаполе и Палермо, приведя туда галеры из Испании, Италии и Франции, и этим флотом одолеть наши силы, после чего высадить на Мальту войско, которое опустошит весь остров. Папа отлучил от церкви весь Орден Святого Иоанна и предал его анафеме, объявив Мальту гнездом свирепых пиратов. Исключительная неблагодарность, если учесть, что рыцари Святого Иоанна и их флот сто пятьдесят лет сдерживали турок в Средиземном море и помогли обезопасить Европу от вторжения с моря.

Вильерс Делиль Адам, Великий Магистр и Хранитель Ордена, отнюдь не встревожен угрозами, но твердо провозглашает, что рыцари привыкли к подобному отношению и ничего иного не ждали от лжепапы, который всего-навсего марионетка безбожных вампиров. Именно из-за того, что он давно придерживается такого мнения, рыцари-госпитальеры сразу так охотно поддержали наше дело. Ла Валетт, величайший морской командир христианского мира (это признает даже Лангуасс), сказал: если эта Армада придет, Мальта выдержит осаду, как выдержала она великую осаду 1565 года, когда Сулейман Великолепный не смог сокрушить ее. Тогда в Ордене состояло менее ста рыцарей-вампинов; сегодня на Мальте четыреста бойцов-вампинов в Ордене и еще триста — вне его. И ни один из них просто так не отдаст привилегию долгой жизни огню и мечу.

Наши враги пытались запугать нас, обещая послать против нас самого Влада Цепеша, а с ним и вашего Львиное Сердце во главе нового крестового похода рыцарей Галлии. Не могу похвастать, что нас такая вероятность не встревожила, но знаю, что наших союзников невозможно устрасить и этим

заставить свернуть с избранной ими дороги. Если сами Аттила и Карл Великий выйдут из своего затворничества, чтобы облачиться в доспехи, то воины Мальты с радостью выйдут в бой и против них.

Лангуасс и Ла Валетт не пожалели сил, чтобы убедить наших последователей в том, что не величие героев решает исход битв, как бы ни восхваляли их потом сочинители баллад и романов. Наш флот, в котором столь ощутимо преобладают парусные суда с размещенными на борту пушками — вот великая сила, с которой следует считаться на море, и его не сможет шутя одолеть Армада, почти полностью состоящая из испанских да итальянских галер. Наши морские охотники, как говорят флотоводцы, могут уничтожать корабли, не тратя времени и сил на abordаж, а галеры, у которых только гребцы по бортам, едва ли сумеют надежно защититься.

Увы, не могу разделить их оптимизм, хотя я человек сухопутный. Боюсь, у нас куда меньше добрых пушек, чем нужно. Лангуасс и Ла Валлет привыкли к боям, где действует лишь по несколько судов. Если то, что мы слышали — правда, то грядущая Мальтийская битва станет величайшим столкновением кораблей, какое когда-либо видел мир. Мы не верим рассказам насчет того, что будет собрана армия в три тысячи рыцарей-вампилов, ибо считаем, что такое число невозможно отвлечь от войны на севере. Но какие бы силы они против нас ни бросили, им придется убедиться наглядно: империи Аттилы имеют нынче дело со своими непримиримыми врагами.

Теперь мне опять приходится возобновить мою просьбу, хотя понимаю, что вы не можете на нее откликнуться. Если бы только ваш новый парламент мог послать нам двести сассекских пушек с железного завода Стертеванта, я охотно поверил бы, что мы отобьемся от любого флота, который сможет собрать против нас хоть целый мир. Я не прошу помощи флота Британии, который ныне — главная защита нашего острова; но несколько грузовых судов могли бы доставить такие пушки, чтобы мы добавили их к нашей артиллерии. Это существенно умножило бы наши силы.

Положение у нас таково, что мы вынуждены были направить посланцев в Тунис и Триполи с просьбой о поддержке.

Моя дорогая Лейла вызвалась быть нашим посланником, однако мы не посмели послать вампира к магометанам и предпочли для этой цели освобожденных пленников, которые прежде были гребцами на христианских галерах. Мы решили объявить султанам следующее: на том основании, что мы враги их врагов, они вправе рассматривать нас как друзей. Но ненависть, которую питают турецкие морские капитаны к мальтийским рыцарям, отвратит их от того, чтобы прийти нам на помощь. Думаю, более чем вероятно, что турки дождутся своего часа, ликуя при виде того, как христианский мир разрывает междоусобная война.

Порой я задаю себе вопрос — а что если седые мудрецы Адамавары правы, считая, что мир незавершенных слишком богат насилием, чтобы прийти к какому-либо будущему, кроме крушения? И все же я не поддаюсь отчаянию. Я по-прежнему убежден, что старейшины таинственной долины сами не завершены, что они просто-напросто слишком прочно отторглись от соблазнов цивилизации. Если я когда-либо знал по-настоящему завершенного человека — я имсю в виду человека, в природе и нраве которого заложено семя лучшего мира — то это мой друг Квинт. Я знаю, что и вы — человек того же рода. К таким людям, к людям науки, к тем, кто любит справедливость, устремляюсь мыслью в поисках надежды на достойное будущее для человечества.

Несмотря на мои неустанные труды, я все еще не нашел зацепки для объяснения своей загадки. Почему эликсир не подействовал ни на мою плоть, ни на плоть еще нескольких несчастных, которые упорно разделяют со мной смертную участь? Возможно, тот Бог, в которого столь упорно верите вы с Квинтом, так пылко любит жалкого неверующего, что не желает откладывать миг, когда я буду полностью вверен Его попечению. Или, может статься, Он желает поскорее препоручить меня заботам того, другого, которого грегорианцы считают родителем и повелителем племени вампиров. Не могу сказать.

В любом случае, я примирился со своей принадлежностью к сообществу предназначенных для ранней смерти. Судя по тому, как идут дела в Европе, немало вампиров уйдет в землю раньше меня, ибо повсюду процветает насилие, так как простолюдины жаждут крови тех, кто пил их кровь тысячу лет.

Мое зрение продолжает ухудшаться, и хотя я постоянно ношу очки, не считая тех минут, когда вожусь с микроскопом, настоящего облегчения не получаю. Наверное, какая-то болезнь поразила мои глаза изнутри, и, думаю, я скоро окончательно ослепну. Не могу не считать это весьма уместной иронией судьбы. Я по-прежнему убежден, что все болезни вызываются крохотными живыми возбудителями, которые проникают в тело и нарушают его работу. И все же я не определил с уверенностью хотя бы несколько таких созданий, несмотря на помощь инструмента, который вы изготовили для меня так давно. С тех пор, как я попал на Мальту, я пытался добиться лучшего и более мощного сочетания линз в надежде еще глубже заглянуть в суть вещей, но, кажется, эти возбудители, если они и существуют, твердо решили мне отплатить и воспрепятствовать моим исследованиям.

Несмотря на эти трудности, я продолжил опыты с преобразованной спермой, которую производят вампиры. И отнюдь не удовлетворен своими попытками увеличить мощь эликсира. Не смею говорить, чего я надеюсь достичь, но я начал ряд исследований, которые могут дать нам еще больше власти над силами жизни и смерти. Квинт в курсе моих исследований, Великий Магистр тоже. Но я не стал сообщать об этом многим другим, поскольку полагаю, что это их встревожит. Кроме того, я боюсь неудачи. Я удалился в Мдину, чтобы заниматься этой работой, и думаю, что Ла Валетт и его бойцы не больно-то жалеют о том, что я покинул окрестности Великой Гавани, ибо все здесь настолько принимают меня за чародея и алхимика, что боятся — и это несмотря на мою немощь! Вампирам не нравится общество уродов, а должен признаться, никто теперь не поверил бы, что некогда я был достойным сыном красивейшего мужчины в Англии.

Квинта сейчас со мной нет. Он отправился на юг острова, чтобы осмотреть камень, выкопанный в Марса Кслокк. На камне выбита надпись на двух языках — греческом, который Квинт уже знает, и еще на одном, ему несведомом. Вполне может статься, что это — то самое наречие, на котором изъяснялись островитяне, когда входили в Карфагенскую империю. Если догадка Квинта верна, то камень был утрачен людьми задолго до того, как Святого Павла принес сюда

бурный Эвроклидон¹, и он потерпел крушение у этого самого острова. Камень связывает нас с более отдаленным прошлым, нежели помнит любой вампир из ордена.

Квинт сказал мне, что загадочные каменные круги, которые встречаются на острове — столь же древние, что и английские. Его также привели в восторг древние кости, выкопанные в пещерах Гхар Далама. Островитяне считают их костями великанов. Кости, безусловно, огромны, но Квинт предполагает, что это скорее кости слонов, а не людей, и ставит вопрос так: не карфагеняне ли привезли сюда этих зверей, когда были властителями острова? Бессмертие ни на гран не убавило его жажды все постичь и понять — она всегда его снедала. Пове- рить не могу, что он когда-нибудь позволит одолеть себя грезам наяву, которые поразили столь многих вампиров Адамавары. Могу с уверенностью сказать, что за многие столетия жизни, которые вам предстоят, хватит времени, чтобы решить все вопросы государственности и науки, к которым влечет вас ваше любопытство и жажда действий. Думаю, человек вроде вас не потратил бы впустую ни единого дня, сколько бы он ни прожил, и не впал бы в отчаяние, тяготясь вечностью.

Напишите мне снова, как только ваши обязанности дадут вам для этого время. Пришлите мне вести о вашем новом парламенте и о Содружестве, которое вы создали в Англии, а также о том, как продвигаются исследования Атлантиды. Расскажите обо всем, о чем только можно — добром, значительном и несущем надежду, ибо в такого рода новостях мы страшно нуждаемся.

Помните, я прошу вас молиться за всех нас, чтобы мы выстояли и отбили натиск Галлии и Валахии.

Прощайте, друг мой, и будьте счастливы.

Нозль Кордери.

1

Воевода Влад Пятый, которого летописцы обозначали как Дракулу и который был известен миру как Влад Цепеш,

¹ Северо-восточный ветер.— см. Деяния Апостолов, 27:14

Сажатель-на-Кол, в скверном настроении возвращался с военного совета в свое пристанище на окраине города Неаполя.

Было время — лет двести лет тому назад — когда известие о том, что Влад Цепеш не в духе, приводило в дрожь все его окружение и пробуждало ужас в сердце любого, кто мог навлечь на себя его гнев. То были дни, когда он по справедливости заработал свое прозвище. Влад подавил тогда мятеж — единственный значительный мятеж, с которым когда-либо сталкивалась империя Аттилы — а затем одержал историческую победу над турками, которые воспользовались беспорядками в Валахии, чтобы предпринять вторжение. Армия Влада встретила с воинством Мухаммеда II на Дунае и принесла великую победу Аттиле, Валахии и всему крещеному миру.

Тогда Дракула обошелся со своими врагами беспощадно. Был он человеком, постоянно ищущим все новых и новых врагов, сопротивление которых можно было бы подавлять. Его мрачную славу по всей Европе разнес поэт Михаил Бехейм, поведавший леденящие душу рассказы о делах Влада Цепеша всем дворам Валахии. У долгоживущих наместников Аттилы это вызвало более беспокойства, нежели облегчения. Они боялись, что Влад, этот выскочка, удостоится больших милостей императора, чем они все.

Столетия прошли с тех пор, как Дракула в последний раз насадил лес остроконечных кольев, безжалостно пронзивших тела его врагов. Он вовсе не проникся отвращением к излюбленному им некогда способу казни, но в последнее время держался в рамках того, чего ожидают от цивилизованного человека. Обычно он делал это предметом для шутки, ибо ему нравилось считать себя большим шутником — на свой особый лад. Сподвижникам Влада ныне нравилось рассказывать о самых славных его шутках: как он пригвоздил шапки нескольких кардиналов к их головам за то, что они не обнажили головы в его присутствии; или как содрал кожу с подошв неверных посланцев Мохаммеда и предоставил козлам лизать соленые раны. Все смеялись над такими происшествиями свободнее, чем в те далекие дни, когда жестокие шутки Дракулы имели место куда чаще и когда стать их жертвой боялся любой гость или домочадец.

И теперь откликом его слуг на новости о его недовольстве было вполне заурядное решение держаться осторожнее. И Дракула, видя это, пожалел, что недостаточно поддерживал свою славу безжалостного злодея. Он был убежден: если бы он и другие более тщательно следовали тому похвальному примеру, который он подал своим обращением с турками, внутренние враги империи Аттилы далеко не так резво стремились бы ее ниспровергнуть. Это мнение опять стало занимать мысли Влада после встречи с посланцем Карла Великого. Тот прибыл от императора, чтобы обеспечить поддержку Влада в предстоящем предприятии. Если Ричард Норманн и заслужил некогда право называться «Львиным Сердцем» (в чем Дракула сомневался), то он, несомненно, утратил его за последний год.

Когда Дракула снял стеганую броню — этот наряд, несмотря на невыносимую жару, он был обязан носить по протоколу — то немедленно послал за Бехеймом, своим теперешним другом и советником. То была одна из его шуток — подобрае. Когда менестреля впервые привели ко двору Дракулы, тот с полным основанием ожидал, что грозный Влад Цепеш всадит заостренную палку ему в задницу и установит ее во дворе, дабы жертва умирала медленно и в мучениях, под собственным весом опускаясь все ниже на кол, пронзающий ей внутренности. Но случилось так, что благородный правитель всадил в задний проход певца кое-что другое, и вместо того чтобы сгубить его, сделал бессмертным. И почему? Потому что властители Галлии, подражавшие Карлу Великому, все обзавелись собственными менестрелями, которые неумеренно льстили им и музыкой и умными словами, и Влад Цепеш тоже решил заполучить себе менестреля, который соответствовал бы его особому нраву, поэта, который славил бы силу его гнева, ибо Влад желал слушать об этом сам и хотел, чтобы другие слышали тоже.

«Возможно, нет теперь разницы в том, что выбор был сделан в пользу страшилища, а не героя,— думал Влад.— Принять льстеца — вообще означало допустить галльскую слабость, которую следовало осудить».

Михаил Бехейм без особой спешки явился на зов хозяина, но не потому, что догадывался о настроении воеводы. За

долгие годы он усвоил: если Дракула что-то ценит в нем превыше всего, так это дерзость, проявлять которую дозволялось только ему одному. Михаилу нравилось с ленцой откликаться на призывы своего господина. Однако на этот раз его запоздалое появление вызвало у повелителя болес зловещий и мрачный взгляд, чем обычно.

— Как прошли торжества? — напряженно спросил поэт воеводу.

Дракула расслаблялся в теплой ванне, и лишь его лицо и борода торчали из белой пены. Пока что он казался не особенно расслабившимся, и глаза его, как мог бы сказать Бехейм в своем возвышенном стиле, тлели гневом.

— Мы обсуждали план похода, а не праздновали победу, — прорычал воевода.

— Разумсется, — согласился Бехейм. — Но победа не значительней, чем обсуждение способов достичь ее, и торжество не отрадней, нежели его предвкушение. Мы, бедные сочинители, можем рассказывать только о тех битвах, которые уже отгремели, и не в силах со всеми подобающими красками описать, как полководцы обдумывают то, что лишь предстоит осуществить на поле боя. Или я неправ и на твоей встрече с великим Ричардом Львиное Сердце не было ничего, кроме споров и недоверия? Это достойно жалости и огорчения — прежде всего для Блонделя и для меня. Ведь мы, каждый по-своему, должны будем поведать обо всем, когда придет пора петь вам хвалу и Мальта будет сокрушена.

Грозный властитель поднял руку над водой и опять опустил ее, глухо плеснув.

— Львиное Сердце! — воскликнул он с отвращением.

— Тебе не нравится принц Ричард, — заметил Михаил Бехейм, умышленно спокойно делая столь очевидное заявление.

— Он глупец! Он нанес империям нашего племени одним-единственным трусливым поступком больше ущерба, чем все наши враги вместе взятые. Уже то достаточно скверно, что этот болван старается меня провести. Но он при этом еще и глядит на меня с отвращением, которого не пытается скрыть. Он обращается ко мне снисходительно, словно принимает за недоумка. Послушать как он разгова-

ривает, этот Ричард — ни за что не догадаешься, кто из нас потерял корону и согласился на изгнание. Похоже, он еще и гордится своим отступлением, думая, что его нежелание проливать английскую кровь отражает какое-то благородное отношение к тем скотам, которыми он правил! Якобы он чрезвычайно цивилизован, и этого уровня цивилизованности нам, восточным дикарям, не понять. Цивилизация! С трудом верится, что этот человек когда-то бился с магометанами не хуже любого другого! Готов поклясться, что бесстыжий Блондель, воспевая своего господина, вынужден привирать куда больше, чем когда-либо врал на мой счет ты.

— Но Ричард привел тысячу рыцарей-вампиров в Кальяри,— напомнил Михаил Бехейм.— Мы едва ли смели надеяться, что запад сможет дать столько, учитывая открытое восстание голландцев и датчан и смуту по всей Галлии. А кого еще мог бы послать Карл Великий, если все его прочие наместники столь заняты? Эти норманны — не трусы, хотя они и покинули Англию, не попытавшись биться с заметно превосходящими их силами. А коли на их чести пятно — что ж! Тем важнее для них отличиться в ближайшем бою. Думаю, они хорошо нам послужат, мой повелитель.

— Ах,— сказал Дракула.— Не верю, что эти самозванные герои умеют драться. Я больше не доверяю их рассказам о крестовых походах. Мне дурно делается, когда они распространяются о рыцарской чести, тщеславясь и принимая красивые позы. Турниры приучили их играть в войну, а не воевать по-настоящему. Из всей этой тысячи рыцарей только двести бывали в бою. И они, как и все остальные, ослеплены разного рода ложными идеями. Они привели боевых коней и принесли копыя, но почти все мушкеты предоставили солдатам из простонародья, потому что такое оружие недостаточно благородно для них. И даже не все его простые солдаты вооружены огнестрельным оружием. Ричард привел четыре сотни простолюдинов, которые стреляют из больших луков!

— Из больших луков, мой повелитель?

— О да! Возможно, когда война велась мечами и луками, Ричард и был прекрасным бойцом, но он уже давно не идет в ногу со временем. А как ты думаешь, с чего это он, проснувшись в одно прекрасное утро, вдруг обнаружил, что

те английские пушки, о которых говорят, что они лучшие в мире, нацелены на него вместо того, чтобы его защищать? Его предали его же механики! Он не способен — или не желает — приглядывать за своими военными-простолюдинами. Да он же слабоумен! А затем он сдает свой оплот без боя!

— Если сообщения верны, — сухо заметил Бехейм, — то все рыцари-вампиры Англии были бы истреблены до единого, окажи он сопротивление.

— И пускай! — вскричал Дракула. — Они бы взяли с собою десять тысяч простолюдинов! Преступление этих простолюдинов было бы расценено как преступление против естества, которое в Галлии надлежало бы покарать должным образом — сотней тысяч казней и сожжением каждого английского города. То, что совершил Ричард, — не преступление и святотатство, но лишь победа в обычной войне. Это он распустил по свету весть, что простолюдины могут биться против вампиров — железо против железа. Мы перестали быть легионом демонов, мы утратили наше положение и стали лишь людьми с более закаленной плотью. Мы потеряли величайшего союзника, которого когда-либо имели — суеверный страх. И предал нас никто иной, как Ричард Норманн.

— Если бы он стоял до конца и позволил себя уничтожить, Англия все равно была бы потеряна для Галлии, — сказал Бехейм. — Где бы тогда Карл нашел тысячу рыцарей, чтобы накануне столь важной схватки прибавить к нашим силам? Ты предпочел бы, чтобы на испанские и итальянские корабли был набран всякий европейский сброд?

— Я бы предпочел обойтись вообще без них, — не колеблясь ответил Дракула. — Я бы лучше бился со своей тысячей валашских вампиров и таким же числом своих простолюдинов, нежели позволил бы удвоить это число за счет тех, кого может дать мне Карл. Аттила сваял дурака, в дни первого завоевания разделив свою империю с римским полководцем. Галлию они считают настоящей империей, а Валахию — гнездом варваров. Они смеялись над нами за нашей спиной в то время как наши родичи создавали свои государства в Индии и Китае. И когда наши войска защищали Византию от султанов, и когда наши купцы делали безопасными торговые пути, связывающие запад с востоком. Аттиле следо-

вало бы разграбить Рим, создать одну всемирную империю и доказать, что он превзошел величием Александра.

— Но Аттила далеко не так велик,— осторожно напомнил ему поэт.— Ты и сам отлично это знаешь.

— Он состарился еще до того, как я узнал его,— ответил воевода.— Да, он впал в безумие. Но в свое время... он не всегда был таким, каков теперь... Не верю.

— Если он не был безумен до того, как стал вампиром,— сказал Бехейм,— то, вероятно, не был бы безумен и теперь. Нет сомнений, во дни своих завоеваний он был более яростным бойцом. Но все же Аттила никогда не был тем человеком, который действительно мог бы править всем миром. Не его сила и слава обеспечили будущее Валахии, но люди вроде Фридриха Барбароссы и твоего отца — и вроде тебя. Тебе принадлежит настоящая власть. Воистину, это чудо, что ты заявляешь о своей верности Аттиле, ведь правишь-то ты. Но это все в прошлом. А что завтра? Ты, разумеется, не боишься потерпеть поражение от Ордена Святого Иоанна, каким бы неважным помощником ни оказался Ричард?

— О нет,— язвительно усмехнулся Дракула.— Мы не можем проиграть. Разве не сам папа благословил наших воинов? Новые вампиры, которых сотворил этот дерзкий алхимик своим эликсиром, не смогут выстоять против такой армии, как наша, в этом не может быть и сомнений. Но кто будет настоящим победителем? Кто выпьет полную меру силы и власти с кровью побежденных — теперь, когда Англия потеряна для Галлии, а империя Карла Великого рассыпается, точно карточный домик? Слишком поздно, Михаил, слишком поздно.

— Победа, мой повелитель, будет оценена по хвалебным песням, которые сложат такие, как я,— сказал Бехейм, хотя и знал, что о будущей славе воевода не думает.— Если мы споем их достаточно громко, то можем заронить сомнения у наших врагов и повернуть ход событий — и для Карла, и для Валахии.

— Наши силы объединились, чтобы сказать миру: Галлия и Валахия встанут вместе против общего врага,— молвил Дракула,— но боюсь, что для того, кто умеет зорко смотреть, откроется нечто иное. Даже наши друзья в состоянии заметить соперничество между Ричардом и мной. Даже наша победа может продемонстрировать нашу разобщенность. Мы

не можем искоренить знания, выброшенные в мир мальтийским алхимиком. Можем только стремиться использовать это средство лучше, чем наши враги, и тем самым постепенно упускать власть из рук. Теперь слишком поздно давать пример разрушения, достаточный, чтобы мир ужаснулся.

— Тогда уведи своих людей домой. Я, к примеру, буду тебе благодарен, если мне не придется садиться на один из этих скрипучих кораблей.

— Этого я сделать не могу,— ответил воевода, выбравшись из ванны и завернувшись в полотенце.— Поворачивать назад бесконечно хуже, чем идти вперед. Это, несомненно, подстрекнуло бы Валахию к мятежу вроде того, что уже разгулялся в Галлии. Мы должны воспользоваться тем скромным преимуществом, которое у нас еще осталось, или наш мир рухнет вместо того, чтобы постепенно приходить в упадок, который позволит нам на некоторое время сохранить власть.

— Никогда еще я не видел, чтобы тебя занимало внешнее, мой повелитель,— невесело произнес менестрель.— В прошлом ты предоставлял внешнюю сторону мне, а сам занимался главным. Боюсь, государь, что долгая жизнь превратила тебя в политикана.

— Я государь-вампир,— отпарировал Дракула, намекнув на книгу Никколо Маккиавелли, которой на востоке восхищались еще больше, чем на родине ее автора. В самом деле, воевода Влад Пятый и был государь-вампир, научившийся весьма умело пользоваться любыми жестокими и разрушительными средствами. Даже в юности, когда гнев преобладал над расчетом, он всегда ценил умение внушать страх. А теперь, если совесть сколько-нибудь его и тревожила, то лишь потому, что он стал ленив в жестокости и недостаточно заботился о том, чтобы сеять ужас в сердцах простолюдинов.

— Ты совершеннейший образец государя,— заверил его Бехейм.— Но Ричард Норманн — тоже государь, хотя бы по титулу. Думаю, было бы хорошо, если бы в конце этого похода вы оба могли стоять рядом, дабы показать всему миру, что государи-вампиры Галлии и Валахии едины в решимости подавить любые мятежи.

Воевода вздохнул, признавая, что его слуга прав. Неважно, как Влад презирает Ричарда, и неважно, что норманн

пресматривает его самого — им предстоит совместный бой и надо показать себя верными союзниками. Влад закончил вытираться и стоял мгновение нагой, осматривая свое тело.

Дракула был огромным и мощным — гора мышц, как и подобает бойцу. Многие вампиры, чувствуя себя защищенными от боли и ран, мало сил уделяли физическому совершенствованию и не наращивали мышц. И хотя они никогда не толстели, но частенько разнеживались и становились далеко не так сильны, как могли бы. Дракула никогда не поддавался такому искушению, ибо превыше всего почитал силу и презирал любую слабость. Его отец, Влад Третий, прозванный Дракул, прежде чем его убили бунтовщики, дал своему сыну в этом отношении прекрасный пример. Если следующему Владу грозит гибель, то ему унаследует его брат, Раду Красивый, человек совсем иного рода. Раду был неженкой, больше похожим на Ричарда Норманна, чем на своего брата Влада, равно наружностью и нравом.

Мысль о Раду вновь заставила Дракулу нахмуриться — как всегда. Валахия полна младших братьев и неблагодарных сыновей, негодующих, что им не досталось власти и что предстоит дожидаться ее столетиями. Им было безразлично, как раздобыть ее и на что использовать. Да стоит ли действительно беречь этот мир, подумалось Владу Четвертому, для таких, как Раду?

— Если что-то воистину хранит наши империи, так это то, что у них полным-полно внешних врагов, перед угрозой которых мы можем сомкнуть ряды, — проворчал Дракула. — Внутренние враги могут только задеть нас, даже если мы способны их уничтожить.

Бекейму не понадобилось спрашивать, о чем речь. Валахскую империю объединяла ненависть к туркам и постоянная необходимость с ними биться. Общий враг не только отвлекал государей востока от соперничества, но и предлагал надежду двум видам людей, которые иначе доставляли бы слишком много хлопот: самым могущественным из простолудинов, которые надеялись отличиться на войне и заслужить право на переход в ряды вампиров; и вампирам, у которых имелись старшие родственники — те могли преуспеть в восхождении ко власти и привилегиям. Во время войн

властелины-воители постоянно подвергали себя опасности, исходящей от иноземного врага. Внутренний враг скорее переманил бы и тех и других на свою сторону, нежели стал бы потакать их верноподданническим чувствам.

Пока хозяин одевался, Бехейм налил вина из фляги в два хрустальных кубка и терпеливо ждал. И думал: быть может, Блондель де Несль в этот самый миг готовит подобное угощение для Ричарда? Но если верить слухам, норманнский принц предпочитал иное угощение и редко пил вино, если мог получить кровь. Дракула не находил удовольствия в кровопитии, хотя весьма охотно проливал кровь своим мечом. Если другие вампиры оправдывали себя необходимостью, то Дракула с откровенным негодованием относился к этой потребности, которая делала его, пусть и единой в малости, зависимым от тех, кто был по природе слабее.

Восвода взял кубок из рук Бехейма и угрюмо уставился внутрь.

— Это не дар папы, уверяю тебя,— сказал менестрель.

Опыты папы в использовании ядов как орудия дипломатического искусства весьма прославили его имя.

Дракула поднял кубок, словно собираясь провозгласить тост, но заколебался. Он взглянул на своего верного менестреля, как глядел всегда, когда требовалось вдохновение для бойкой шутки.

— Мы пьем за поражение врагов Валахии? — предложил Бехейм. — Или, возможно, нам больше подошла бы молитва о том, чтобы Господь направил стрелы из этих странных луков Ричарда?

Дракуле удалось улыбнуться лишь весьма скупо.

— За поражение врагов Валахии,— прогремел он. — И пусть стрелы летят как угодно, лишь бы создать побольше суматохи!

2

Ричард, низложенный Принц Великой Нормандии, был не в лучшем настроении, чем Влад Дракула, когда покинул военный совет. Подобно валашскому воеводе, он направился

оттуда в свое пристанище и подобным же образом призвал своего друга менестреля Блонделя де Несля. А также послал за астрологом.

Блондель имел больше значения для Ричарда, чем Михаил Бехейм — для Дракулы. Ричард сказал бы, что это потому, что он теплее и знает истинную цену дружбе; а Дракула заметил бы по этому поводу, что для правителя труднее найти зеркало своего благородства, нежели зеркало своего неистовства.

Народное предание утверждало, что Блондель де Несль стал самым доверенным из друзей принца Ричарда, так как помог его освобождению, когда тот ненадолго был заточен в Валахии после Третьего крестового похода. Но это был чистый вымысел, пущенный самим Блонделем, главной задачей которого было скрыть истинные причины того заточения. Если верить Блонделю, то Ричарда схватил и заточил в темницу валашский эрцгерцог Леопольд, ибо у Леопольда вызвали ревность успехи Ричарда в борьбе против Саладина. Как утверждал Блондель, Ричард отвоевал бы Иерусалим, если бы не вероломство и малодушие некоторых валашских союзников, которые, взяв в плен норманнского принца, просто-напросто расписались в своей измене. А на самом деле валахов разозлило то, что Ричард, измученный долгим и бесплодным походом, заключил договор с Саладином и выступил домой, полностью взвалив войну против мусульман на войска Аттилы. Многие годы рассказни Блонделя принимали за истину в Галлии, где тщательно поддерживалась героическая слава наместников Карла Великого.

Щедрый сочинительский дар Блонделя вообще снабдил Ричарда прошлым более славным, чем истинное. Чего стоит один возвышенный рассказ о назначении Ричарда на престол Великой Нормандии, приглушившая жестокие споры, вследствие которых его брат Жоффруа завладел Французской Нормандией и Анжу! Блондель уже начал обдумывать повествование о нынешнем походе. Сокрушенные валахи, раскаиваясь в былой неблагодарности, упросили Львиное Сердце помочь им. И Ричард, ответив на их мольбы, явил беспримерное великодушие. Так это будет представлено в исполнении Блонделя. В действительности Карл Великий

по-прежнему считал Ричарда отчасти ответственным за то недовольство, которое испортило отношения между Галлией и Валахией на несколько веков; а то, что так называемый Львиное Сердце без боя сдал лондонский Тауэр повстанческим войскам, еще основательней лишило принца Великой Нормандии императорской благосклонности. Новый крестовый поход был его последней надеждой оправдаться, возможностью заделать брешь между империями и открыть путь для валашских войск, дабы те пришли на помощь осажденным властителям Галлии.

Учитывая все это, Блондель ничуть не удивился, застав Ричарда в немалой тревоге после встречи с Сажателем-на-Кол.

— Он сущее чудовище, — сказал Ричард. — Дикарь и выскочка с косматой гривой и дубовыми конечностями. Он не пожалел презрения для моих стрелков из лука, которые верно служили мне почти пятьсот лет. Ему едва ли более двухсот, и он мнит себя знатоком во всех видах войны. Считает, будто порох — это все. Когда я сказал ему, что привел для этого крестового похода лучших рыцарей крещеного мира, он попросил разрешения поправить меня и заявил, что я привел лишь самых старых!

Принц снял последнюю часть своей кольчужной брони, которую надевал на историческую встречу. Он был весь в поту, ибо не привык к средиземноморскому солнцу, полыхавшему над головой в безоблачном небе.

— Этот Дракула — мясник, а не воин. Едва ли я поверил бы, что он снискал дурную славу, которая везде бежит впереди него, но теперь, когда я его увидел, поверю самым грязным рассказам о его дикости. И он еще смеет презирать меня за то, что случилось в Лондоне! Он не отдает себе отчета, что дело было на острове, отрезанном от союзных войск недобрым морем. Кажется, он осуждает меня также и за то, что этот жалкий алхимик с Мальты по рождению норманн, и его отца я держал при своем дворе как механика. В его родной стране нет изменников — еще бы, после того, как он насадил их всех на деревянные вертелы! И он удивлен, почему весь остальной мир не снизойдет до того, чтобы последовать его грязному примеру! Как будто я никогда не карал смертью за измену!

— Мир достаточно знает, как вы поступаете с изменниками, мой повелитель,— промурлыкал Блондель.— Даже непослушные англичане отмечают ваше счастливое избавление от убийц, сжигая чучело Гая Фокса каждое пятое ноября.

— Непохоже, что они будут и впредь соблюдать этот обычай,— возразил принц и добавил: — Тем более жаль.

— Мы его восстановим,— пообещал менестрель.— И, возможно, найдутся и новые памятные дни, когда мы будем отмечать поражение ваших врагов. Мы предоставим просто-народью жечь чучела Кордери и этого попугая Дигби, который нынче называет себя лордом-протектором Англии. Мы увидим их всех в аду, и годовщины их смерти станут днями наших карнавалов. Так, мой государь, мы побудим народ ликовать по поводу нашего благополучия и свершившегося правосудия и благодарить Небо за наше спасение. Настанет день, когда вы вступите в Лондон с торжеством. Смертная молодежь Англии будет истреблена войной, и новые вампиры откроют свое истинное лицо и явят всему миру, кто они такие — узурпаторы, куда более злобные, чем те добрые люди, которых они столь решительно сместили. Простолюдины будут петь на улицах, приветствуя вас, вернувшегося домой.

— О да,— с горечью заметил Ричард.— Но сперва мы должны взойти на эти проклятые галеры и довериться их капитанам, чтобы прорваться через пиратский флот, а затем прорубить себе дорогу через треклятый остров, сражаясь не с какими-то магометанами, заметь, но с вампирами, которые больше не чувствуют боли и не страдают от ран, как и мы. То будет тяжелая битва, друг мой, тяжелее, чем те, что мы видели прежде.

Блондель де Несль был слишком осторожным малым, чтобы спрашивать, боится ли его господин. Однако он знал ответ. Ричард боялся, боялся до крайности, до отчаяния. Давно миновали дни, когда принц был молод и полностью оправдывал свою репутацию отчаянного храбреца. То было время, когда он не ведал страха в бою и великолепно разбирался во всех способах вести войну. Его восхождение в бессмертные настолько воодушевило его и наполнило такой жадью боя, что он слыл первым среди воителей. На

некоторое время это сделало его любимцем Карла. Но прошло немало времени, и вот в Святой Земле Ричард начал понимать, как непрочно в действительности его бессмертие. Две опасных раны открыли ему глаза на то, что он может быть убит. Он сможет жить вечно только в том случае, если ему удастся избежать гибели.

Ко времени своего возвращения из Иерусалима Ричард сильно переменился. У него не хватало больше духу для настоящего боя. Это стало очевидным по пути домой, когда принц пал жертвой обычного вампирского страха перед морем. Немногие вампиры могли вынести океан, но у Ричарда разыгрался невиданный страх, который и теперь его преследовал. Этот ужас сделал предстоящий поход воистину тяжким испытанием.

В учебном бою Ричард все еще был силен; и не нашлось бы равного ему на турнирах, которые он так пылко любил. С легким копьем, зная, что никто в действительности не намерен его убить, он бросался в схватку, словно действительно верил, что он — воплощение легендарного Ланцелота. Но в самой глубине души Ричард, как и многие другие вампиры, был трусом. Преимущества, которые обрело его тело вместе с вампиризмом, обернулись для него озабоченностью — как бы не потерять свою драгоценную долгую жизнь.

Блондель втайне придерживался мнения, что у Влада Цепеша есть все права презирать норманнского принца — при условии, что люди говорят истинную правду, когда утверждают, будто Дракула в полной мере сохранил отвагу дней своей юности. Блондель никогда не видел неистового валаха и слишком много знал о том, на что горазды менестрели, чтобы полностью доверять образу воеводы, который создал Бехейм. Насколько он знал, подвиги Дракулы столь же преувеличены, сколь и деяния Ричарда. На него не производили впечатления леденящие кровь подробности действий Сажателя-на-Кол после его побед. Тысячами сажать на кол побежденных, особенно когда многие из жертв женщины и дети — это особой храбрости не требует. Более того, подобная кровожадность есть скорее признак тайного страха.

Тем не менее Блондель не презирал своего повелителя, даже оставаясь наедине с собой. Он слишком хорошо пони-

мал, каким Ричарду видится мир. Блондель тоже был вампиром и знал, какой великий трус он сам, хотя никогда в этом не признался бы. В своих песнях и рассказах он всегда отводил место и для себя — местечко, предполагавшее, что он почти такой же доблестный герой, как и его господин.

Астролог Ричарда Симон Мелькарт присоединился к ним с полным ворохом новостей о жутком состоянии города Неаполя, лихорадящей дыре, как он сказал, где могут жить только неотесанные итальянцы. Казалось, Мелькарту не потребовалось советоваться со звездами, прежде чем предложить господину без задержек направляться в Кальяри. Увы, это не входило в планы, которые вынашивал валашский властелин. Корабль Ричарда должен был отплыть с частью Армады, собиравшейся в Неаполитанском заливе, а затем встретить свои корабли и присоединиться к тем, что теперь стоят у Палермо, лишь когда весь флот соберется для перехода к Мальте.

— Скажи мне, каков будет, по твоим расчетам, исход боя? — обратился Ричард к Мелькарту, скорее угрожая, нежели спрашивая.

— Победа,— провозгласил астролог, усаживаясь напротив Ричарда.— Вне сомнений, великая победа.

Принц искал воды для питья, но на столе ее не было. Как и говорил Мелькарт, Неаполь был поражен эпидемией лихорадки, и врачи считали, что воду здесь пить небезопасно. И тогда Ричард потребовал эля. Блондель услышал, как слуга спешит по лестнице, подгоняемый резкостью приказа. Блондель слегка скривил губу, наблюдая за этими двоими, сидящими за столом. Астролог, казалось, был донельзя уверен в себе. Обычно ему подобные более осторожны в своих пророчествах и не любят заходить слишком далеко, а то как бы не просчитаться. Ричард был не из тех, кто способен убить гонца только потому, что тот принес дурные вести, но не был склонен к великодушию в отношении тех, кто принес хорошие вести, впоследствии оказавшиеся ложью. Это был новый астролог. Его предшественник лишился милости властелина, не сумев предупредить его о нависшей над ним угрозе, которая изгнала вампиров из Великой Нормандии. Впрочем, эта оплошность не умалила веры принца в чтение

звезд; он всего-навсего сетовал о потере дорогого Джона Ди, обладавшего, как верил Ричард, всеми родами тайного и сокровенного знания, и не сказавшего принцу правды лишь потому, что, к несчастью, помешали изменнические наклонности. Ричард, как и большинство владык-вампиров в государстве Карла, отличался неумной жадой новостей о будущем и куда более пылко подсчитывал успехи своих прорицателей, нежели их провалы. Он с горячим увлечением поощрял странные опыты, выполнявшиеся в башне Мартина тем самым чародеем, графом Нортумберлендом, который был когда-то его узником. Блондель, со своей стороны, был куда сильнее поражен механическим колдовством Симона Стертеванта и старшего Кордери.

— Ну, а какова моя судьба? — осведомился принц недовольным тоном.

— Благополучная, — уверил его Мелькарт. — Вы отличитесь на поле боя, как никогда прежде. Добрая звезда взирает на ваш меч, и Марс в Стрельце обещает, что ваши стрелки проявят себя наилучшим образом из возможных. Стрелы решат исход битвы, и вашей будет слава, ибо у валашского властителя есть только мушкеты и пушки.

— Вот ведь беда, что в зодиаке нет мушкетера, дабы оказать небесную помощь артиллерии Дракулы! — пробубнил Блондель. — Нам быгодились такие орудия против вампиров Святого Иоанна, и ни одно соведзие над нами не благословляет их цели!

Мелькарт наградил менестреля досадливым взглядом, но промолчал.

— Я набросал гороскоп мерзавца Кордери, который смогу позже разработать окончательно, ибо мы знаем час и место его рождения. Этот гороскоп полон тьмы. Тень смерти простирается над ним, и огонь ждет его на земле и в Преисподней.

— О да, — вставил опять Блондель. — Папа знал об этом, вне сомнений, когда приказал доставить Кордери в Рим для суда инквизиции, хотя наш понтифик — святой человек, а вовсе не черный маг.

— В моем искусстве нет ничего темного, — натянуто произнес Мелькарт. — Бог сотворил звезды так же, как и

землю, и все Его творение полно смысла, если только у нас хватает ума читать повсюду разбросанные знаки.

— А вы уверены, что у вас больше ума, чем у Ноэля Кордери, мастер Мелькарт? В конце концов именно он научился волшебству, превращающему людей в вампиров! Хотя, не сомневаюсь, звезды заранее предвещали, что он не одолеет собственную смертность.

— Его волшебство — не то, которое даровал нам Бог,— отрезал Мелькарт.— Оно черно и противоестественно. Умей он читать по звездам, он наверняка понял бы, что продал душу за свой нечестивый эликсир и что дьявол не замедлит потребовать долг.

— Значит, это только милосердно, что папа заботится о том, чтобы его инквизиторы сломили упорство алхимика и спасли его душу? — сказал Блондель, понизив голос. Больше он ничего не добавил: не его дело рассуждать, какое из двух волшебств, создающих вампиров, противоестественно. И кто он такой, чтобы жаловаться, если уж он-то, безусловно, обязан своим бессмертием тому, что возбудил похоть в левинном сердце Ричарда? Блондель не был скромником, но знал, что не поэтическое искусство принесло ему высокое положение. И знал, как легко его мог бы сменить такой мастер слова, как Уильям Шекспир, будь только у этого сочинителя пьес, в дополнение к его лстивым историям о вампирской аристократии и темным, кровавым трагедиям о простых смертных, более привлекательная наружность.

— Это и впрямь милосердно,— не вполне искренне сказал Мелькарт.

— Не время ссориться,— сурово произнес Ричард.— У нас будет случай проверить, обладает ли Мелькарт искусством, которое приписывал себе его предшественник. Оставьте его, Блондель.

— Ссориться, государь? — переспросил Блондель с тщательно отработанной легкостью.— Я ни за что не поссорился бы с добрым Симоном и не оспорил бы мудрости звезд. Я лишь хотел бы, чтобы Эдмунд Кордери не доставил нам тех хлопот, которые на нас свалились. Если бы он потрудился посоветоваться со своим другом, графом-чародеем, касательно будущего сына, добрый Гарри Перси, конечно,

предсказал бы обе их горестных смерти и отговорил бы его от измены. Если бы только у нас был тогда Мелькарт, мой господин, мы удавили бы Ноэля Кордери еще в колыбели, захватили проклятого Лангуасса и спасли прекрасных леди Кармиллу и Кристелль, дабы обе они радовали двор своим присутствием еще тысячу лет.

— Тихо, Блондель, я приказываю! — нетерпеливо сказал принц. — Я не побрезгую никакой помощью, так что придержите ваш острый язык, пока он не поранил ваши дивные губы. Бог решит исход этой битвы, как Ему угодно; мы лишь ищем такого озарения насчет Его намерений, которое Он нам позволит получить, с тем чтобы знать, какую молитву вознести. Я буду молиться за меткость наших стрел, и вы тоже, нравится вам это или нет!

Блондель поклонился.

— Как угодно моему властителю.

Ричард всегда молился за меткость своих стрел, ибо считал, что обязан своим наследием тому примечательному выстрелу, который поразил Гарольда в глаз и тем самым обеспечил владычество над Британским островом Вильгельму Бастарду. Норманны любили своих стрелков из лука не меньше, чем турниры и лъстивых менестрелей. И даже Карл считал лук удачливым оружием для своего племени. Что бы ни находили норманнские астрологи в доме Стрельца, занимаясь подсчетами, они всегда истолковывали небесные карты в пользу господ. И Мелькарт просто послушно следовал обычаю.

А вот Блондель предпочел бы поставить на добрые английские пушки из железа Стертеванта. Если бы только Ричарда не вынудили бросить все орудия, когда он отплывал из Лондона! А ему пришлось явиться сюда с крайней нехваткой василисков и кулеврин. Было в своем роде трогательно, что лучники войск Ричарда, простолюдины, показали такую верность и удалились с господином в изгнание. Но Блондель не тешил себя вымыслом, что это — сливки британских боевых подразделений, как то было прежде. Их престиж в королевстве настолько связан с королевским покровительством, что остаться в новой Англии стало бы для них сущим бедствием. Если уж искать честные предзнаменования о судьбе Великой Нормандии — то что могло быть

красноречивей того простого факта, что в краткой гражданской войне пушкари Англии приняли сторону Кенельма Дигби?

— И давайте не забудем помолиться за наших союзников валахов, чтобы их пули тоже летели из мушкетов куда надо,— добавил Ричард не без должного воодушевления.

— Аминь,— произнес Симон Мелькарт, и менестрель повторил, прежде чем Ричард велел им оставить его наедине с его мыслями и Богом.

Мысли эти были столь горестны, что Ричард не мог выдержать одиночества. Влад Дракула возбудил его гнев. Кроме того, имелось немало и других, на кого этот гнев мог быть обращен. Ричард чувствовал, что предан своими сторонниками и своими идеалами. И тот факт, что он утратил Великую Нормандию, задевал Ричарда бесконечно больше, чем могли себе представить презирующие его враги и друзья. Он искренне верил в божественное право государей-вампиров, в Бога, который предусмотрел в этом мире преимущество для его племени, в миссию, которую Бог дал вампирам: цивилизовать этот мир, терзаемый и раздираемый ужасами смертного существования, и внести в него великолепие.

«И где же награда за все наши труды? — думал он. — Что станет теперь с блистательным миром, который мы стремились создать во владениях Галлии? Он отдан тьме! Бессмертие, которое было нашей привилегией, безоглядно выбрасывается на потребу самым низким и неблагородным. Где ныне надежда, на земле или в небесах? Что могут наши стрелы против таких врагов, как эти?»

Он подобрал маленький листок памфлета, лежавший на столе. Убогий на вид, оттиснутый на самой дешевой бумаге, он ничуть не походил на чародейскую черную книгу, но не хуже зловещего фолианта распространил в мире злые чары. Здесь подробно рассказывалось, как составить эликсир из спермы вампиров и людской крови, который можно ввести в тело одним из нескольких способов. И тогда простолудин преобразится в вампира. Предлагался способ более простой и куда менее торжественный, чем тот, который всегда применяли сородичи Аттилы, когда хотели отличить кого-либо милостью — из любви и за верную службу.

Для Ричарда этот памфлет был святотатством. Он смердел злом хуже грегорианской ереси, которая именovala вампиров отродьями дьявола и вместилищами бесов. Истинное благородство положения самого Ричарда, как он считал, подтверждается тем, что его вампиризм, как и вампиризм многих, кого он преобразил, основан на любви и привязанности, а не на холодных расчетах людей вроде Ноэля Кордери.

Был только один способ избавиться от этой мучительной горечи. Ричард прошел в свою спальню — самое роскошное помещение на вилле, которую предоставили ему в Неаполе, и позвал одного из самых молодых слуг с глазами средиземноморской синевы и светлыми волосами. Когда-нибудь из него получится славный рыцарь-вампир.

Ричард, низложенный властитель Великой Нормандии, прозванный Львиное Сердце, взял серебряный кинжал, который держал у изголовья, и поднял на уровень глаз. Они тут же отразились в начищенном клинке. Примечательные глаза, медно-рыжие вместо почти черных, характерных для вампиров.

«Огненные глаза,— подумал он, любясь на себя.— Отважные глаза. Глаза героя, человека, рожденного править».

И осторожно облизал губы, предвкушая нежный и теплый вкус крови.

3

Ноэль Кордери сидел на трехногом табурете, наблюдая, как на огне медленно нагревается котел.

Он находился в помещении без окон, со скамьями по обе стороны, уставленными банками и перегонными кубами, лампами, подсвечниками, заваленными скобами и напильниками. Истинное логово алхимика, разве что присутствуют кое-какие вещицы, которых посетитель не ожидает увидеть в подобном месте: клетки с маленькими облезлыми собачками или большими бурыми крысами, непрерывно грызущими проволочную сетку, швабры и аммиак, используемые для уборки, микроскоп на столе. Все это было необходимо для его работы. Временами здесь появлялись и иные предметы, которые случайному наблюдателю могли бы показать-

ся признаками причастности хозяина к темным искусствам: трупы для анатомирования; конечности, отнятые хирургами; бутылки и флаконы, вазы и кубки, тыквы-горлянки и бурдюки, содержащие не что-нибудь, а кровь. Ноэль стал самым усердным исследователем крови в мире и мог бы с полным правом сказать, что знает о ее тайнах больше, чем любой из живущих, но... Все же он знал пока недостаточно.

Он пытался разглядеть самую суть человеческой природы, найти и постичь душу, оживляющую тело. Но подводя итог своей работе, он снова и снова признавался себе в неудаче. Ноэль Кордери открыл эликсир жизни, но до сих пор не знал, как тот действует и почему иногда не действует.

Хотя помещение было подвальным и обычно прохладным, свирепая летняя жара и огонь, пылавший в камине, изгнали прохладу и ласково проникли в утомленные кости Ноэля. Это тепло вместе с недостатком сна погрузило его в отрешенное состояние, когда воспоминания и видения парят в мозгу, точно лоскутья и обрывки снов.

Следя за котлом, он вспомнил монастырскую кухню в Кардигане, где когда-то трудился, чтобы расплатиться за свое содержание. Вспомнил вкус пудингов, которые дозревали в котлах, медленно кипевших над огнем. С тех пор ни разу не пробовал он подобных пудингов.

Вспомнил Ноэль и еще один котел — в пьесе, которую он видел как-то в лондонском Тауэре, когда был еще совсем маленьким. Вокруг того магического котла кудахтали и напевали три ведьмы, направляя некоего смертного властителя к заранее предопределенному концу. Ноэль теперь так мало помнил из своей юности. То было беззаботное времечко, не вызывающее в душе боли — той боли, которая сопровождала более поздние и куда более сильные его впечатления. Но отдельные беглые строчки из той давным-давно увиденной пьесы теперь замерли у порога сознания, и он нахмурился, пытаясь их припомнить. «Кипи, котел! Шипи! Бурли!» А, вспомнилось! Теперь нетрудно завершить нехитрое двустишие: «Огонь, гори! Вари! Вари!»¹ Эти слова он вполне мог бы обратить и к своему котлу, содержавшему, как

¹ Шекспир «Макбет», действие 4, сцена 1; пер. А. Кроненберга.

он был уверен, куда более жуткую смесь отвратительных составляющих, чем те, которыми пользовались бедные старые колдуны. Но его котел требовалось не вскипятить, а только нагреть, совсем осторожно, чтобы защитить то, что внутри. Ноэль не мог вспомнить рецепта, приводимого в пьесе, от которого содрогалась публика, потрясенная мерзостью колдовства. Однако Ноэль читал лучшие книги, где содержались самые разные рецепты и прочие предписания для магов. Он знал «Компендиум малефикарум» Гаццо, так называемый «Клавикула Соломонис», «Арс Магия» Рамона Лалла, книгу черной магии, ошибочно приписываемую Корнелию Агриппе, работы Марчелло Фичино и другие бесчисленные труды по оккультизму. Ноэль Кордери достаточно хорошо знал, какого рода составляющие используются в колдовских снадобьях. Он испробовал их больше, чем мог бы сосчитать, но нашел, что все они бессильны.

«У меня есть зелья более могучие, чем те, о которых говорилось в пьесе,— подумал он.— Я не каким-то там гадаанием балуюсь, но ишу жидкость, которая дарует долгую жизнь смертным людям, а также яд, который опять отнимет ее».

Сочинитель пьесы, служивший господам-вампирам, писал ради того, чтобы им польстить. Он сочинял драмы из недавней истории, которые Ноэль не потрудился посмотреть, но главное свое искусство сберег для трагедий, действие которых отнес в более далекие века, где речь шла о бедствиях смертных. Там он прямо говорил толпам простолюдинов о самом главном. Ноэль очень мало помнил из пьесы, которая теперь пришла ему на ум, зато кое-что помнил из страстных стихов, которые вызвали из небытия блуждающую тень, вещавшую со сцены несколько кратких мгновений, пока ее не задуло, точно свечу. Ноэль с усилием попытался сложить обрывки фраз в надлежащем порядке, но не смог, хотя ему показалось, что вот оно, начало.

На его губах трепетали слова, которые он не произнес вслух. Да, завтра, завтра, и все то же завтра... скользит невидимо...¹ Но память подвела: слишком давно это было. Тогдашний юнец не умел толком слушать.

¹ Там же, действие 5, сцена 5, слова Макбета.

Тут всплыли новые воспоминания и прогнали прежние: воспоминания о других темных и душных помещениях, где едва ли повеет прохладой и где лихорадка всегда рядом. Он ненавидел память об Адамаваре больше всего на свете, хотя не мог бы объяснить, почему, ибо ничего по-настоящему ужасного с ним там не случилось. Как раз там Береника научила его женской любви. Но то была страна, к которой он не принадлежал, ибо там обитали странные люди. То был сверхъестественный мир, который эти странные люди сотворили из своих страхов и надежд, он был жутким и чужим.

Странствие в Адамавару и время, которое он там провел, Ноэль вспоминал теперь как свою пору крови, свой эджодун, когда он простерся на жертвеннике и отдал здоровье и силу в обмен на превратную мудрость, в которой было отказано немногим, и в том числе — ему самому. Он пил людскую кровь и все же не смог добиться желаемого. Ныне он думал о своей смертности как о роде наказания, об отмщении Божиим, хотя так и не мог понять, каков же в точности его грех.

Дверь погребца отворилась, заскрипев петлями, и Ноэль вздрогнул, внезапно выпрямившись на сиденьи, готовый отрицать свою вину, если кто-то объявит, что он вдруг уснул. Но такого обвинения не последовало. Просто-напросто пришла Лейла, самая верная из всех его слуг и помощников. А их у него теперь было великое множество, ибо он был человеком, который нес бессмертие как дар, хотя и не мог этим даром воспользоваться. Каждую неделю Ноэль производил на свет новых вампиров, но время, отведенное ему, близилось к концу, свеча его жизни трепетала на холодном сквозняке враждебности Галлии и Валахии. И он знал, что вампиров, которых он породил, может оказаться недостаточно, в то время как Великому Магистру нечем вооружать новобранцев, кроме как луками и кинжалами. Больше нет пушек, чтобы расставлять их на стенах, и мушкетов, чтобы раздавать их людям, и даже стрел явный недостаток.

— Уже поздно,— сказала Лейла.— Тебе бы надо лечь и поспать. У тебя дюжина подмастерьев, которые могут присмотреть за работой.

— О нет,— возразил Ноэль.— Работа сейчас не требует внимания. Даже новая срочная работа, которая идет наряду

со старой. Все спокойно, но мне не хотелось бы уходить прямо сейчас. Есть новости?

— Лангуасс и Ла Валлет с попутным ветром послали корабли для поджога в гавань Палермо. Нанесен недурной ущерб скопившимся там кораблям. И все же противник слишком многочислен, чтобы разбить его такими средствами. Они вернулись в Великую Гавань несколько часов назад и говорят, что все галеры должны теперь находиться в море. Они готовятся как можно скорее снова выйти в море. Выступят завтра в свой последний великий поход. Постараются нанести такой ущерб, какой только смогут.

— А что с магометанами?

— Гази в море на юге и пробираются все ближе, но они желают только наблюдать. Султаны станут биться отчаянно и решительно, когда мы разобьем для них галльский флот.

— И ни словечка от прочих?

— Нет.

Нозль наклонил голову. Флот для обороны острова уже поддержала горстка английский приватиров, которые прибыли, чтобы участвовать в бою на свой страх и риск — герои, не смущенные неравенством сил. Но они уведут свои корабли, когда исход дела на море решится. Таких союзников нельзя просить бросить якорь и принять участие в сухопутном сражении, когда две великие армии рыцарей-вампиров впервые будут стоять одна против другой. Никто не вправе осуждать моряков за то, что они устраниются от такой кровавой потехи. Нозль цеплялся за слабую надежду, что часть флота Кенельма Дигби может все-таки прийти на помощь рыцарям Святого Иоанна. Но он всегда понимал, что это лишь красивая мечта. В глубине души он не жалел, что его друг предпочел благоразумие. Для Дигби превыше всего оставалась безопасность Англии; Англия же будет сильнее, если останется в стороне от этой жесткой схватки. И все равно ужасно жаль, что невозможно больше заполнить ни одной английской пушки.

Лейла положила свои нежные руки на плечи Нозлю и поглядела ему в лицо. Его зрение теперь настолько ослабло, что даже с помощью линз он не мог отчетливо увидеть ее лицо. И это вызывало у него печаль. Но если в его памяти

и хранилось что-то, что навсегда останется ясным и отчетливым, то это великолепие ее кожи, яркость ее глаз и чернота ее обильных волос.

Он надеялся, что она тоже будет помнить его, если судьба сохранит ее и позволит ей, с ее честной душой, прожить на земле долгие столетия. Она, несомненно, заслужила это. Ноэль надеялся на такой памятник для себя больше, чем на любой другой. Когда Лейла будет лежать с новыми возлюбленными, их ласки всегда напомнят ей о нем.

Лейла была одета почти так же, как в тот день, когда он увидел ее впервые — по-мужски. Но никакой треуголки, пистолета или кинжала. Ноэль пробежал рукой по рукаву ее куртки, слегка удивляясь тому, каков этот рукав на ощупь. И не без некоторого потрясения понял, почему ей понадобилось так одеться.

— Ты пришла, чтобы проститься, — прошептал он.

— Еще нет, — ответила она. — Я пришла, чтобы увести тебя и чтобы мы могли проститься более основательно — в лучшем месте.

— В лучшем месте? — Ноэль поднял глаза и оглядел унылые стены. Его ухудшающееся зрение едва могло различать бутылки и кубки на полках, а также книги, рукописи, орудия и приборы. Но его внимание привлекла блестящая в отсветах пламени латунная трубка микроскопа, который изготовил для него Кенельм Дигби — так давно.

«Это мое лучшее место, — подумал он. — Здесь и положено находиться алхимику, на своей колдовской кухне, изготавливая эликсиры жизни и смерти, ведя хитрую игру с судьбой и темными тайнами Бога».

Тем не менее Ноэль позволил поднять себя с табурета и подвести к дверям, где ждал Квинт. Ноэль рад был его видеть, ибо не хотел оставлять это помещение без присмотра, хотя здесь сегодня не оставалось никакой важной работы. Среди его легиона помощников не было ни одного, которому он от всего сердца доверил бы свою мастерскую; но Квинту он и теперь доверял, как всегда.

Ноэль схватил руку монаха, когда подошел к дверям, и крепко сжал ее, сообщая в этом бессловесном послании больше, чем способны были передать любые слова. Ответ-

ное пожатие руки монаха было куда крепче. Когда они жили в Буруту, Ноэль был моложе, находился в расцвете сил, высокий, стройный, красивый. Теперь он был куда старше — не прожитыми годами, но телом. Болезни, которые перенес Ноэль в Адамаваре, и снадобья, которые давали ему элему, оставили след равно на его теле и душе, и если Квинт расцвел от дыхания жизни, то Ноэль сделался морщинистым и слабым. Порой легко было себе представить, что несколько подношений крови, которые Ноэль сделал Квинту за минувшие годы, перенесли другому его жизненную силу. Однако Ноэль даже мысленно не укорял друга за ту силу, которую помогли сберечь его подношения. В конце концов, Ноэль Кордери был мастером, который вдохнул жизнь в Квинта и тысячи других, и когда он умрет, кое-кто из них будет почитать его как святого. И неважно, как много найдется таких, кто станет звать его дьяволом.

— Я буду за вас молиться,— пообещал Квинт, когда Ноэль начал подниматься по ступеням за дверью.

— Молитесь за нас всех,— сказал ему Ноэль.— Молитесь за наших капитанов, наших артиллеристов, наших лучников. Молитесь за наши пушки и стрелы. Молитесь за Англию и Новую Атлантиду и за еще не рожденные поколения. В эту ночь никакое количество молитв не может быть чрезмерным, ибо нам понадобится чудо, чтобы избавиться от гибели.

И Ноэль позволил Лейле вывести себя на улицы Мдины, но когда она повернулась, дабы проводить его к себе, он отказался и повел ее в противоположном направлении, к церкви, которая была самым первым христианским храмом на этом острове. На этом месте некогда стоял дом Публия, которого сам Святой Павел сделал первым епископом Мальты, когда апостол вместе со Святым Лукой потерпел близ острова кораблекрушение. Это случилось примерно через тридцать лет после распятия Христа. Церковь, что стояла здесь теперь, была не той, которую возвел Публий, но другой, большей размерами, выстроенной вместо прежней норманнами Роджера Сицилийского. Ибо этот остров, как и Британия, перенес норманнское завоевание в одиннадцатом веке, когда Галльская Империя вышла к своим крайним

пределам. В каком родстве находился этот Роджер с Ричардом Львиное Сердце или Карлом Великим, Ноэль не знал. Хотя книга «Вампиры Галлии» ему об этом, несомненно, сообщила бы, если бы он потрудился справиться там. Он не открывал эту книгу более десяти лет — он, который потратил жизнь на то, чтобы превзойти написанное там настолько, что никто не смог предпринять нового, полного на сегодня издания.

Церковь заливал яркий свет. Солнце сияло за витражами, и почти тысячу свечей поставили внутри за последние двадцать четыре часа. Почти каждый мужчина, женщина или вампир во Мдине зашли сюда помолиться. В этот час сисесты скамьи почти пустовали. Виднелось лишь с полдюжины коленопреклоненных молящихся — женщин в гонеллах, скрывающих их лица и чувства. Ноэль не преклонил колен, но сел на заднюю скамью, Лейла пристроилась с ним рядом. Они оба были здесь, в сущности, чужими: он как неверующий, а она как по-прежнему некрещеная язычница.

— Мы пришли молиться? — спросила женщина-вампир.

— Я слишком горд, чтобы молиться, — отозвался Ноэль. — Я не мог этого делать в юности, а если я не могу чего-то делать честно, то предоставляю это тому, кто умеет. Не стану я просить ни о спасении моей души, ни о сохранении моей плоти. Не теперь.

— Мы можем найти более удобное пристанище, чтобы провести наш последний час, — сказала она.

— Тебе нужна моя кровь? — спросил он ее, но без горечи.

— Нет, — ответила она. — У меня достаточно крови. И прежде, чем завершится это дело, на море будет пролито столько крови, что воды покраснеют от Сицилии до Триполи.

— Ты должна уплыть прочь по кровавому морю, — сказал он ей. — Когда галеры прорвутся и их рыцари-вампиры хлынут на остров, ты должна заставить Лангуасса плыть в Англию. Бессмертие недостаточно охладило его, и я боюсь, что он опять приведет к нашему берегу «Спитфайер», чтобы поучаствовать в безнадежной схватке. Он все еще жаждет свести счеты с Ричардом, и никто в целом свете не сможет его сейчас от этого отговорить. Кроме тебя. Надеюсь, ты защитишь его от его собственной горячности и сбережешь его корабль для иных дел.

— Корабль пойдет в Англию,— пообещала Лейла.— Я об этом позабочусь, даже если мне придется захватить его и стать капитаном.

С мгновение Нозль молчал, и она заговорила снова:

— Лангуасс все еще говорит, что галеры могут и не прорваться, что его суда покалечат и уничтожат их и уж всяко не подпустят к гаваням.

— В морском бою один парусный корабль всегда обгонит одну галеру и может разнести ее в щепки удачным выстрелом из пушки,— сказал Нозль.— Но нынче речь идет о сотнях галер, которые даже не попытаются биться с нашими кораблями на море, но пойдут сомкнутым строем, упрямо прорываясь к берегу, чтобы выгрузить там коней, людей и мушкеты. Сильные укрепления вокруг Великой Гавани сдержат их ненадолго, но галеры высадят людей в заливе Святого Павла и у Марса Кслокк: в тамошних крепостях нет орудий, чтобы им помешать. Настоящий бой начнется, когда эти войска сойдутся у стен Мдины, и Дюран должен удержать их, или мы пропали. Не имеет значения, что тогда случится. Но «Спитфайер» должен уйти в Англию, и там ты будешь готовиться к новой битве.

— Есть одна тайна,— произнесла она,— которую ты мне не откроешь, хотя Квинт знает. Ты просишь меня уплыть не ради одной только Англии и не только потому, что боишься за мою жизнь.

— Такова уж природа тайн,— отозвался Нозль.— Их хранят.

— Даже от меня? — спросила она, не скрывая больше, что задета.

— Даже от тебя,— подтвердил он. Затем, чтобы избежать ее обвиняющего взгляда, он встал и зашагал по проходу к алтарю, где великая серебряная пресграда сияла, отражая мириады огоньков свечей. Лейла последовала за ним, но не попыталась нагнать, пока он не задержался перед образом Марии, Матери Божией, который, по преданию, написал сам Святой Лука. Нозль воззрился на Мадонну, мигая утомленными глазами. Попытался передвинуть очки так, чтобы стало лучше видно, но все равно образ расплывался в глазах.

— В ней нет красоты дамы-вампира,— сказал он, зная, что это правда, хотя он так плохо видит.— Ее нет ни у одной

смертной женщины. До чего грязно шутит судьба с простолюдинами, наделяя величайшей красотой иное племя, у которого никогда не родятся дети. Так глупо, что только грегорианцы способны это объяснить. Жалей простолюдинов, которые всегда будут любить тебя, мое милое дитя, и жалей матерей тех, кого никогда не станут любить до самозабвения.

— Пошли домой,— сказала Лейла.— Пошли домой, поспим, ведь какую бы тайну ты ни хранил, она сохранится лучше, если ты дашь себе немного отдыха.

Она взяла его руку в свои и мягко потянула назад по проходу. Когда они покидали церковь, тугие шелковые капюшоны дружно повернулись, ибо женщины прервали свою молитву и смотрели, как они удаляются. И тут Нозль вспомнил еще полстрочки — о свечах, которые освещают глупцам дорогу к их пыльной смерти. Позади него сияние моря свечек смешалось с окрашенными цветным стеклом лучами солнца, проникающими через большие и высокие окна.

Нозль подумал о том, на что был бы похож мир, где все мужчины становились бы вампирами после того, как заведут детей, кровью которых будут питаться. «Как матери кормят младенцев,— подумал он,— так и дети должны будут кормить своих родителей». Это был бы, как он полагал, мир, сам по себе не такой уж странный, каким кажется его разгулявшемуся воображению.

— А теперь ты не поцелуешь меня? — спросила Лейла, когда они стояли на жарком солнце вне церкви.

— Да,— сказал он, беря ее в объятия. Он был уверен, что это — в последний раз. Он прижал ее к себе покрепче и вспомнил, что делал это задолго до того, как она стала вампиром и его возлюбленной, когда она была просто девочкой, чужестранкой в чужой и страшной стране. Но тогда он ее не целовал. Ну и дурак же он был... И он был в те дни слишком гордым, чтобы дать свою кровь вампиру.

Теперь он поцеловал ее и сказал, что любит.

Но когда она сказала ему в свой черед, что любит его, он подумал, что он, пожалуй, теперь еще больший дурак, чем в юности, ибо теперь он стар и немощен и все же способен верить нежным словам, хотя их произносит создание, прекрасное, как солнце.

— Я не могу уберечься,— прошептал он,— но это не имеет значения, если только буду уверен, что ты в безопасности. Береги себя, молю, равно ради меня и ради себя, ибо в твоих глазах и в твоём сердце — все бессмертие, которое мне нужно.

Тогда она заплакала. А считается, будто вампиры не плачут и что те, кто не испытывает боли, не способны ощутить и жалости. Действительно, будь Нозль способен в тот самый миг заглянуть глубоко в душу Лейлы, он понял бы, что его любимая несет такой груз сострадания и печали, что потребовалось бы три сотни лет, а то и больше, чтобы облегчить ее ношу. И если она доживет даже до самого конца времен — то и тогда не избавится от этой ноши.

4

Великий бой в защиту мятежного острова Мальта против соединенной мощи Галлии и Валахии состоялся не на каком-то ограниченном участке моря, но принял вид ряда сражений, рассеянных в пространстве и времени. Величайшая схватка имела место в трех милях к северо-западу от острова за день до вторжения.

Ветер, который островитяне называют «грегала», а писатели античности — Эвроклидон, теперь дул поперек курса боевых галер. Их прямые паруса в начале пути поймали больше ветра, и капитаны позволили судам отойти к западу дальше, чем желательно. Теперь множеству гребцов предстояла тяжелейшая работа. Мальтийские парусники, у которых было больше прямых парусов, а также имелись косые, могли воспользоваться ветром лучше, но, учитывая его нынешнее направление, лишились столь явного преимущества. И хотя ветер был резвым, каравеллы и галеоны Ордена Святого Иоанна не могли двигаться существенно быстрее и ловчей судов противника, которого стремились уничтожить.

Самые большие галеры в имперских рядах стояли с большими интервалами, но галиоты и бригантины между ними теснились так, что между веслами двух судов часто оставалось ярдов по двенадцать. Капитаны противника зна-

ли, что Ла Валетт попытается пустить свои суда меж их порядками, кося гребцов огнем из бортовых пушек, и твердо решились этому воспрепятствовать. На носгах галер были установлены лучшие пушки. Там также имелись крючья, которые, если близко сойтись, можно использовать для абордажа. Но все же на уязвимых бортах галер почти ничего не было, кроме весельных отверстий и мушкетеров. Им приходилось защищаться от роковых нападений с борта, умело маневрируя и задействовав любые подручные средства.

На борту «Спитфайера» в первой эскадре Ла Валетта стоял на своем мостике Лангуасс, оценивая промежутки в рядах приближающихся вражеских кораблей. Он прикрывал глаза от солнца, но ему не требовалось подзорной трубы, чтобы верно понять положение. Лейла стояла с ним рядом, спокойная и терпеливая. Лангуасс ощущал такое возбуждение, какого не испытывал со дней, когда впервые занялся пиратством. Годы, что он прожил вампиром, несколько умерили его склонность мгновенно загораться, но полностью не лишили его страстности.

— Кровь Господня, милая моя,— сказал он, уронив руку,— на этот раз у них против нас немалый перевес. Представляю, как корчатся эти перепуганные рыцари-вампиры под своими палубами, ожидая бурю, которую мы на них напустим!

Лейла не ответила, но задержала на капитане свои строгие темные глаза и одним этим немало его воодушевила. Она выглядела такой юной, больше похожей на ту изумленную девочку-рабыню, которую он освободил, чем на высокую суровую женщину, которой стала незадолго до того, как отправиться к Кантибху добывать то, о чем попросил Ноэль Кордери, а заодно и свое бессмертие.

Флоты быстро сходились, а ведущие корабли рыцарей Святого Иоанна все еще не могли развернуться, несмотря на то, что взяв курс на запад, куда лучше могли бы воспользоваться преимуществом. Им придется подставить носы неприятельским пушкам и прорываться через град ядер, чтобы оказаться между галерами и пройти по их веслам. Флот Империй превосходил Мальтийский в соотношении шесть, а то и восемь к одному, и Лангуасс знал, что единственная их надежда — вывести из строя достаточно кораблей, чтобы

разрушить построение и рассеять галеры. Некоторые, несомненно, доберутся до Мальты, но если противнику будет нанесен достаточный ущерб на море, а моряки Ла Валетта сохраняют достаточно сил и боеспособности для их преследования, может статься, что галер не наберется достаточно, чтобы совершить опасное нападение на Великую Гавань или мощную высадку войск в Заливе Святого Павла.

Лангуасс прокричал указания рулевому. Ему не пришлось пока что реветь во всю глотку, ибо ветер в снастях шумел приглушенно, и люди тихо ждали на своих постах. Они уже пригибались, ибо знали, что носовые орудия галер наверняка откроют огонь первыми. Все моряки хорошо знали свое дело, ибо некоторые были с Лангуассом с его пиратских дней, а остальные отслужили немалый срок на боевых кораблях и приватирах. Он взял на борт и нескольких мальтийцев, но основой его экипажа были французы и англичане, и Кордери сделал три четверти из них вампирами.

— О, как мне не хватает рядом моего бешеного Селима,— пробормотал Лангуасс, снова поглядев на Лейлу.— Как бы ему понравилось то, что вот-вот начнется!

«Спитфайер» имел только по одному ряду пушек по каждому борту — больше легкие бронзовые орудия. Корабль был совсем мал по сравнению с флагманом Ла Валетта, «Великой Родосской Каракой», у которой имелось по две орудийных палубы с каждого борта и лучшие во всем флоте железные пушки. Флагман отступил вместе с другими большими галеонами в надежде, что более легкие суда смогут расстроить имперские построения достаточно, чтобы позволить более крупным кораблям и их мощным пушкам выбрать себе цели и спокойно, без суеты поработать.

Некоторые из кораблей, которые шли в кильватере у Лангуасса, едва превосходили размерами арабские дау, одномачтовые, с треугольным парусом. Оснащены они были легкими пушечками с поворотным устройством — испанцы называют такие эсмерилами. Но даже эти суденышки могли быть полезны, дабы помешать гребцам с галиотов поменьше. Как только построение нарушится, галеры, вполне возможно, окажутся на пути друг у друга, а мальтийцы смогут налетать то здесь, то там, сея хаос. Если бы гребли только

рабы и осужденные, они не отличались бы ни обилием мышц на руках, ни твердостью духа, необходимой для схватки. Но Лангуасс был достаточно мудр, чтобы понимать: Дракула и Ричард обыскали всю Испанию и Италию, набирая сильных свободных людей, которые согласились бы за хорошую плату на столь тяжкий и смертельно опасный труд.

Лангуасс поглядел вниз, на волны, бившиеся о борта «Спитфайера», и от всей души пожелал, чтобы они стали выше. Свирепый шторм может нарушить замыслы противника куда вернее, чем все пушки их эскадры. Но небо оставалось сияющим и безоблачным, а море — синим и ласковым.

Когда Лангуасс снова поглядел вперед, чтобы лучше оценить тот разрыв в порядках противника, к которому шел, а затем обернулся, чтобы посмотреть на другие корабли их эскадры, он ощутил, как нарастает в нем возбужденный трепет. В конце концов ему показалось, что грудь его туго стянута тяжелыми оковами. Во дни молодости, пиратствуя, он воспринимал этот трепет как признак страха, но позже научился осмысливать его как ликование и жажду кровавого боя. Теперь эти чувства смешались с иного рода желанием крови, и капитан облизывал сухие губы, думая о суше и тех девках, которые сотнями объявляются в Валетте и Мдине, чтобы отдать храбрецам, в которых нуждается Мальта, все, что угодно.

Лангуасс извлек саблю из ножен и высоко поднял ее, давая знак своим парням. Лейла рядом с ним выхватила пару пистолетов, показывая, что тоже готова.

Бомбарда на носу ближайшей галеры, находившейся впереди по правому борту, прогремела в первый раз, и каменное ядро всплеснуло воду в сотне ярдов от «Спитфайера». Лангуасс улыбнулся: теперь одним ядром меньше будет выпущено по стенам Великой Гавани или по крепости Святого Эльма.

Хотя они продвигались не быстрее, чем по шесть узлов в час каждый, корабли сомкнулись с заметной быстротой, и заговорили новые орудия с галеры, которая выстрелила первой, и с маленького галиота слева по борту от «Спитфайера». Когда капитаны этих двух кораблей заметили, что Лангуасс намерен пройти между ними, они двинулись друг к другу, заметно сузив водный проход, но Лангуассу было хоть бы что. «Спитфайер» достаточно разогнался, чтобы расколоть их весла, и до тех

пор, пока ни один капитан не сможет подвести свой корабль-вплотную к его узкому носу, он будет в безопасности.

Галиот поворачивался, когда «Спитфайер» устремился к нему — то ли стремясь встать у Лангуасса на пути, то ли пытаясь лучше прицелиться из своих пушек — трудно сказать; но имперское судно пыталось пойти против ветра и не смогло. Возможно, его гребцы не ответили с должной отвагой на призывы своих старшин, как бы громко ни бил барабан и как бы часто бич ни опускался на их плечи.

Железное ядро порвало ванты фок-мачты, еще одно пронеслось по палубе, раскалывая обшивку. Но бомбарда с галеры не могла теперь их достать, и они оказались уязвимы только для более легких орудий. Лангуасс прокричал команду своим артиллеристам, и легкая носовая пушка «Спитфайера» ответила, меж тем как мушкетеры, распределенные по рангоуту, открыли стрельбу по гребцам.

Галиот, который теперь лишился надежды остановить бег «Спитфайера», вновь попытался повернуть и потерял скорость, так что галера по правому борту внезапно оказалась впереди на всю свою длину, а с траверза к ней приближалась каравелла. При виде такой удачи Лангуасс ликуяще закричал и высоко вскинул саблю, считая секунды перед тем, как отдать команду бортовым орудиям. Когла он провыл: «Огонь!», пушки правого борта мигом принялись за дело. Пушка запрыгала зигзагом. Палуба у галеры была куда выше, чем у каравеллы, там размещалось два ряда гребцов по два на весло. Мушкетеры с галеры направляли огонь вниз, на палубу «Спитфайера». Пушечные ядра, вломившиеся в корпус галеры, нанесли ей чудовищный ущерб. Многие выстрелы угодили опасно близко от ватерлинии. Лангуасс торжествующе завопил, и Лейла присоединилась к нему, хотя оба видели, что с полдюжины их собственных бойцов внизу и на снастях упало ранеными. Выстрелом из мушкета откололо щепки от штурвала, и рулевой отпрянул, но то была чистая случайность — место рулевого было защищено лучше любого другого.

Лейла разрядила свои пистолеты в носовую надстройку галеры, когда та проходила за кормой в тридцати футах от них, и Лангуасс оглянулся на миг, чтобы увидеть, какой ущерб причинили выстрелы. Но не было времени для торжества, так

как неуклюжий галиот теперь оказался совсем рядом по левому борту, и артиллеристы Лангуасса начали пальбу. Они высоко стреляли по кораблю меньших размеров, и, вероятно, больше убили людей, нежели нанесли ущерба обшивке.

В ответ раздался еще один залп мушкетного огня, и еще двое упали на борту «Спитфайера». Лангуасс разразился бранью. Корабли, с которыми он сражался, были итальянскими, но он видел теперь, что на борту у них валашские конники, лучшие мушкетеры на свете, которых никоим образом нельзя сбрасывать со счетов, даже когда они стреляют с корабельных палуб. «Спитфайер», на котором находилось куда меньше бойцов, чем на вражеских судах, не мог позволить себе терять людей с такой скоростью.

Лангуасс проклял свое злосчастье, но еле слышно. Ибо если он что-то и впрямь оплакивал, то утрату втайне лелеяемой надежды, что ему удастся отыскать корабль, который везет на себе цвет норманнского рыцарства. Тогда бы он смог выпалить из добрых бортовых орудий в древних меченосцев Ричарда и добиться, чтобы этот правителишка позеленел от страха перед синей морской бездной.

И опять Лангуасс воспользовался передышкой, чтобы подосадовать на безмятежную погоду, которая позволяла плоскодонным галерам ровно сидеть в воде, в то время как его каравелла рыскала и качалась. Он стал выкрикивать новые приказы морякам. Теперь пришлось не жалеть легких, ибо пушечные выстрелы гремели вовсю. Его люди знали свое дело и быстро откликнулись на указания, поставив еще один парус и развернув его в поисках ветра.

Второй ряд вражеских судов шел по пятам первого. Но не настолько близко, чтобы «Спитфайер», набирающий скорость, накрыли снаряды из их бомбард. Начался редкий огонь с кормы галиота в первом ряду и с галеры, которая находилась к северо-западу от Лангуасса, но этот обстрел не повредил каравелле, и к тому времени, когда второй ряд вражеских судов подошел достаточно близко, прямые паруса опять были убраны, и «Спитфайер» приготовился повторить свой бросок в разрыв между кораблями.

Однако Лангуасс видел, что на этот раз положение куда опасней, ибо там оказались две большие галеры, не повер-

нувшие ни на дюйм, когда он двинулся им навстречу. Вдоль бортов обеих толпились мушкетеры Дракулы. Их кулеврины стояли на носу, но между скамьями гребцов были подготовлены места для эсмерилов, так что эти корабли могли до некоторой степени отвечать на выстрелы пушек Лангуасса. Корсар ощутил холод в груди, когда понял, что противник так хорошо подготовился к встрече с ним. Он знал: эти пушкари — лучшие во всей Валахии. Он-то надеялся, что наскоро собранный флот окажется неважно снаряжен для морского боя, но состязания между купеческими галерами и пиратами с отменной парусной оснасткой шли уже очень долгое время, и вожди Армады предвидели, с какой угрозой им придется столкнуться.

За все годы своей пиратской жизни, когда Лангуасс не давал покоя купцам на Средиземном море, он никогда еще не встречал врага с таким жалом, как у этого, и хотя лучшие из его людей привыкли к нападениям на отменно защищенные корабли, они ни разу не оказывались под таким огнем. Если бы морской ястреб Лангуасс увидел добычу, защищенную так же хорошо, как любой из этих кораблей, он не пустился бы за ней, испытыв лишь легкое огорчение. Но теперь он бился не ради наживы.

Когда «Спитфайер» скользнул в промежуток между галерами, Лангуасс обратил внимание на то, какими они кажутся огромными и сколь многочисленными. Он прокричал стрелкам на снастях, чтобы те спускались, ибо слишком похоже было на то, что они принесут мало пользы, а мишенью для людей Дракулы они были бы отменной. Никто из лангуассовых пушкарей пока не пострадал, и выстрелы пушек с галер, которые в них попали, не наделали больших бед, но когда начнется стрельба с обоих бортов, кругом станет как в пекле.

Артиллерийский огонь «Спитфайера» причинил немалый вред нижним гребным палубам больших кораблей, но люди на верхних палубах почти не дрогнули, ибо догадались, что Лангуасс будет стрелять низко, над самой водой. Мощные залпы грянули с обеих сторон, усыпав палубы каравеллы мушкетными пулями, и хотя корабль от них мало пострадал, команде, увы, повезло куда меньше. Артиллеристам Лангуасса удалось не более чем по одному выстрелу с обоих

бортов, противник же располагал сотней мушкетеров, причем на каждого приходилось по два-три мушкета. Лейла выстрелила по галере, но пистолеты на таком расстоянии оказались бесполезны. Лангуасс схватил цыганку за плечи и пригнул, чтобы она оказалась под защитой ограды мостика. Он тоже нырнул, но ему пришлось покинуть укрытие, когда рулевого, несмотря на защитные сооружения вокруг штурвала, поразило в шею, и тот беззвучно упал. Лангуасс знал, что на галерах должны иметься меткие стрелки, которым выпала при распределении эта цель, но не было никакого выхода, кроме как самому браться за штурвал, чтобы иметь возможность повести корабль в укрытие, как только они опять очутятся в свободных водах.

Корсар отчаянно огляделся, пытаясь измерить ущерб, который нанес противнику его огонь. Он был рад увидеть, что в бортах обеих галер красуются большие пробоины. Лангуасс знал, что убиты десятки гребцов, а их весла сломаны, но знал он также и то, что на этих кораблях гребцов хватит, и что ущерб, который он причинил врагу, может вообще никак не сказаться на исходе решающего сражения, если только галеры не начнут быстро набирать воду. Лангуасс громко рассмеялся при мысли об ужасе, который охватит искусных мушкетеров, если их корабль пойдет ко дну. Впрочем, может пройти немало часов, прежде чем такое случится. Времени с лихвой хватит, чтобы переправить стрелков на другой корабль. Разве что Ла Валетт не сможет вывести вперед корабли покрупнее, чтобы потопить подбитые суда.

Пока что «Спитфайер», бегущий по ветру, некоторое время находился в безопасности. Третий ряд галер находился приблизительно в одной миле. Лангуасс велел, чтобы ему доложили о состоянии его бойцов.

Новости, которые он получил, мало обнадеживали. Хотя корабль лишь дважды поразили ядра и он почти не пострадал, Лангуасс потерял четырнадцать человек убитыми или тяжело ранеными — в любом случае неспособными продолжать работу, хотя плоть у них и была вампирская. Еще один проход между галерами, вроде последнего, оставит Лангуасса без достаточного для орудий количества пушкарей. Один матрос, посланный наверх, крикнул оттуда, что видит стреляющий

корабль, яркие паруса которого свидетельствуют о том, что это друг. И еще два корабля, соединенные абордажным крюком. Из этого Лангуасс заключил, что другим его товарищам придется не лучше, чем ему, а то и хуже. И теперь он знал, что они проиграют этот бой. Из четырех кораблей, по которым он стрелял, ни один нельзя считать выведенным из строя. Вполне возможно, что все четыре доберутся до Мальты и высадят войска на сушу там, где пожелают Львиное Сердце и Сажатель-на-Кол. Возможно, существенно пострадали один или два из кораблей полегче, но слишком велика была вероятность, что галеонам Ла Валетта придется столкнуться с мощностью галер, практически ничем не ослабленной.

Для кораблей Армады окажется не так-то просто выдержать бортовой огонь галеонов. Но если они последуют той же стратегии, которую применили только что, их мушкетеры обеспечат им победу. Хотя галеры медлительны и громоздки по сравнению с парусными кораблями, они достаточно хорошо защищены, чтобы выдержать все, что сможет предпринять Ла Валетт. Лангуасс не сомневался, что рыцари Святого Иоанна недаром снискали добрую славу на море. Но теперь также оставалось мало сомнений в том, что главная работа по обороне Мальты развернется на стенах Великой Гавани и далее на стенах самой Мдины.

— Возьми штурвал! — приказал Лангуасс Лейле, и когда она повиновалась, прыгнул на палубу, дабы возглавить своих людей. Он поставил матросов к оставшимся без канониров орудиям, готовя все для последнего согласованного залпа, а затем поспешил занять место наверху, чтобы прикинуть, как идет корабль. Оттуда Лангуасс крикнул Лейле, чтобы твердо вела корабль меж двух огромных галер, стоявших перед ними.

Впрочем, на этот раз галеры умышленно раздвинулись, так, что проходя между ними, «Спитфайеру» следовало остерегаться только одной. Это предлагало выбор, и Лангуасс предпочел атаковать корабль по левому борту, ибо с этой стороны его пушки были чуть сильнее. Это также позволяло ему полностью обеспечить орудия артиллеристами. Но он не получил решающего преимущества, ибо отлично знал: это может быть для него последний случай подбить корабль, и он предпочел бы стрелять в оба, будь они оба поблизости.

Пушечный выстрел сорвал добрый кус латинского паруса и свалил часть рангоута, но для «Спитфайера» было слишком поздно менять курс. Бронзовая пушка отрывисто рявкнула, и они опять угодили в корпус галеры. Тут же ответили мушкетеры, и снова начали падать люди Лангуасса. Самому капитану задело левый бок, и хотя такой выстрел не мог повредить вампирскую плоть слишком скверно, капитан знал: конец близок. Почти все его раненые были вампирами. Но даже вампиры не могут сражаться, если их основательно поразит в тело или в голову, и почти все, в конечном счете, впадут в глубокую спячку, необходимую для того, чтобы их тела восстановились.

Лангуасс унял боль в поврежденных ребрах, затем всадил в тело кинжал, чтобы удалить мушкетную пулю, после чего упорными пальцами сомкнул рану. Все поплыло перед глазами. Он взял себя в руки и прошелся по палубе, чтобы подсчитать ущерб, а заодно и дать своим людям пример твердости.

Лейла пыталась опять повернуть корабль налево — возможно, намереваясь описать петлю и подвести «Спитфайер» борт к борту к одной из галер третьего ряда, чтобы еще раз обстрелять из бортовых орудий. Но при таком ущербе для снастей и парусов каравелла утратила проворство движений и становилась легкой добычей даже для стрелков с галеры. Теперь «Спитфайер» мог набрать скорость только при попутном ветре, и Лангуасс приказал поставить еще один прямой парус, крикнув Лейле, чтобы держала курс на запад. Капитан велел пушкарям правого борта обстреливать нос любой галеры, какая встретится им на пути.

Затем он стал обходить раненых, одного за другим, желая поглядеть, что можно сделать, для облегчения их состояния, и достаточно ли у него людей, чтобы привести корабль в порядок и опять сделать его пригодным для боя.

Лангуасс склонился над простолудином, получившим рану в живот и лежащим на палубе на спине. Как ни странно, казалось, бедняга почти не чувствует боли, хотя он не обладал вампирским умением управлять ею. Глаза его были открыты, и он не мигая глядел в лучезарное небо.

— Все кончилось? — спросил он, когда увидел склонившееся над ним лицо.

— Нет,— ответил Лангуасс.— Бог свидетель, не кончилось. И не кончится, пока у меня остается пушка, которая стреляет, или клинок, который рубит. Но я молю меня простить, ибо, боюсь, вы потеряли надежду на бессмертие.

— А,— произнес тот.— Но надежда у меня все-таки была. А это куда больше, чем то, для чего я родился.

Лангуасс встал и покинул раненого, торопясь к мостику и крича на бегу. Впрочем, он уже теперь понимал, что горение, которым он и поныне охвачен — это не ликование, не жажда крови, а просто-напросто отчаянный страх. Лангуасс утратил опору в себе самом.

«Но этот человек прав,— сказал он себе.— Его мудрость глубже той, которую дают мне мои неверные чувства. У меня есть надежда, и она больше, чем то, для чего я родился, и я не поддамся этому страху, который пытается сокрушить меня. У меня еще осталось дельце к нашим врагам, и я подсчитаю, сколько они мне задолжали, и плату за долг возьму вампирской кровью!»

5

Пока самые большие галеры, которые Италия и Испания предоставили для похода, бомбардировали стены Великой Гавани, сея пожары не только в Валетте, но в крепости Святого Анджело и в Калкаре, передовые отряды войск Дракулы на судах поменьше вступили в гавань у Марса Мксетт, миновав орудия крепости Святого Эльма и крепости Тинье. Огонь, который обрушили защитники цитаделей на корабли захватчиков, был довольно существенным, но потери, которые эти суда понесли в морском бою, были сравнительно небольшими, а капитанам Дракулы приказали без колебаний в решающие минуты посылать своих мушкетеров и даже рыцарей-вампиров на помощь гребцам.

Со своего места на носу галеры «Кокатрис» воевода Влад бесстрастно наблюдал, как пушки одна за другой палят по укреплениям Тинье. Огромная туча пурпурного дыма окутала башни — сперва поднявшись от орудий в восходящем потоке над скалой, а затем за клубившись и осев, когда

частицы дыма охладились и попали в менее подвижную воздушную среду. На борту корабля слышался свист ядер, рассекающих воздух, плеск воды, задетой ядрами и взмывающей вверх двойные ряды брызг, треск раскаляемого дерева. Пушки самого Дракулы не отвечали на обстрел со стен, но его мушкетеры палили в канониров сверху, со снастей. Дракула понимал, что у них мало возможности поражать такие цели, тем не менее огонь мушкетов досаждал артиллеристам и способствовал их промахам.

Не возникало сомнений, что «Кокатрис» и ей подобным достанется сполна. Пока галера шла на виду у пушек крепости, она представляла собою удобную мишень и подвергалась мощной бомбардировке. Пальба из пушек накрывала верхние палубы, где главный удар принимали на себя моряки. Но большинство солдат Дракулы находились в укрытии, они ждали внизу вместе с гребцами, а бронзовая пушка Тинье была недостаточно тяжелой, чтобы расколоть палубы в щепу. Это могли сделать лишь некоторые из бомбард Великой Гавани.

Грот-мачту разнесло случайным попаданием, и повсюду разлетелись куски рангоута. С полдюжины мушкетеров подняло в воздух, а затем бросило на палубу убитыми или ранеными. Дракулу это мало встревожило, но он проклинал панику, которая охватила лошадей. А их потребовалось вывести на палубу, чтобы высадка прошла стремительно и решительно, без задержек. И хотя этих лошадей приучили не дрожать под огнем, им не по нраву пришлось зыбкая палуба в качестве опоры под копытами. Порвав веревку ограждения, они заметались, сея великое смятение среди матросов и солдат. На борту боевых кораблей не нашлось места для конюхов, которые обычно заботились о животных, и теперь воевода крикнул, чтобы еще несколько солдат поднялось наверх и помогло сдержать обезумевших коней.

Наблюдая за драмой, разыгравшейся на палубе, Дракула увидел, как огромный гнедой прыгает в бурные воды и пытается плыть, как бьют по морской воде его передние ноги, обильно вспенивая ее. К счастью, немногие из коней последовали примеру гнедого: хоть они и одурели, но вода вызывала у них больший страх, чем шаткая палуба.

Крепостные стены, высоко вздымающиеся над палубами кораблей, которые проскользнули меж них по одному плотной вереницей, теперь оказались в тени, ибо солнце садилось по другую сторону острова. Впрочем, зубцы их четко обозначались на фоне неба, и всякий раз, когда стреляла пушка, сполохи казались еще ярче, а рев орудий — еще более зловещим.

Теперь «Кокатрис» проходила самый опасный участок, направляясь туда, где воды были спокойней, а воздух прохладней. От глаз Дракулы гавань была скрыта завесой из ключев дыма. Если верить преданиям греков — народа, обитавшего у южных пределов Валашского государства — то здесь находилось устье одной из нескольких рек, опоясывающих подземный мир, куда уходят мертвые. В то время как судно медленно продвигалось к темному протоку, сообщаемому с заливом, воевода начинал понимать, почему легковверные люди вбили такое себе в голову. Хотя для него темные, полускрытые пеленой воды были, напротив, весьма желанны, ибо служили вратами не загробной жизни, но погибли мальтийских мятежников.

Три галиота уже миновали орудия крепостей и теперь дрейфовали на середине протока, ожидая, когда к ним подойдут новые корабли, чтобы совместно приступить к высадке. Среди них по меньшей мере один находился в опасном положении и низко сидел в воде, его надстройки были разбиты. Дракула видел бойцов, выстроившихся на верхней палубе, которым тем более не терпелось покинуть корабль и без оглядки броситься вперед.

Воевода поглядел в сторону берега, в неясном свете оценивая его протяженность. Как он и ожидал, на причалах и молах теснился народ. Дракула знал, что линия обороны окажется тонкой. Остров слишком велик, а защитников у него слишком мало. Выйди ему навстречу половина или хотя бы треть Ордена Святого Иоанна — и Владу почти не представлялось бы возможности высадиться. Но поскольку мальтийцам требовалось защищать все свои крепости и бухты, настоящих бойцов, выставленных против воеводы здесь, не могло быть больше двенадцатой или даже пятнадцатой части наличных сил мальтийцев. Возможно, они подкреплены еще

горсткой новых вампиров этого Кордери и отдельных галльских изменников, которые нашли здесь убежище, когда остров откололся от Империи.

При этом невозможно было определить, сколько из тех, с кем ему предстоит биться, могут оказаться вампирами. Но Дракула видел по оба края конные подразделения залива с воздетыми в воздух знаменами, на которых красовались большие кресты — в духе тех, с какими ходили в походы крестоносцы. Который из восьми столпов Ордена руководил действиями против него, Дракула определить не мог, но это не имело значения. Куда больше его занимал теперь порядок его собственных войск, которым, возможно, придется биться по преимуществу пешими, если не удастся как следует успокоить лошадей. Он быстро окинул взглядом палубы галитов, но там на борту помещалось совсем немного животных, и ему пришлось позвать на мостик капитана, чтобы спросить, какие затруднения возникли на борту под обстрелом. Он подождал, пока обернутся посланцы. По крайней мере, животные на «Кокатрис» теперь приведены к порядку.

Воевода приказал мушкетерам выстроиться по правому борту и быть готовыми открыть огонь по северному берегу, как только «Кокатрис» попадет на мелководье. С мгновение гребцы отдыхали — вероятно, считая, что дошли до крайнего изнурения. Они знали, что судно миновало полосу обстрела и опасное путешествие благополучно подошло к концу. Страх, который придавал им сил, теперь улетучился, и все большее их число падало на скамью, точно сломанные куклы. Им нужно было сделать еще несколько взмахов веслами, чтобы подвести галеру ближе к берегу под огонь мушкетов, но прежде чем начнется приступ, должно подойти больше кораблей.

Дракула вскочил со своего места и пробежал вдоль палубы на корму, откуда мог видеть, как продвигаются следующие за ним корабли. Наблюдая, он стиснул кулак. Вереница судов входила в должном порядке в полосу, где их доставали ядра, неуклонно извергаемые пушками. Дракула надеялся, что лоцманы, которые привели его в Неаполь и заверяли, будто знают эти воды, дали ему правильный совет, который оправдает себя, ибо именно этому совету ныне следовал Дракула, в то время как капитаны судов не жалели сил,

чтобы построить ведущие корабли в босвой порядок поближе к берегу. Вампиры Влада облачились в очень легкую броню, а простолюдины надели более тяжелые доспехи и не могли достичь берега вплавь. Воевода знал, что здесь и сейчас все решит, вполне вероятно, огонь его смертных мушкетеров, а не отвага его рыцарей. Судя по всему, его вампиры ни в чем не уступят рыцарям-вампирам Святого Иоанна. Дракула также не упускал из виду то обстоятельство, что среди защитников гавани будет больше молодых вампиров, которые привычны к современным способам ведения войны. Собственные его отряды все еще включали большое число вампиров, которые учились военному делу в мире мечей и стрел. И это немаловажно, хотя бойцы воеводы Влада были снаряжены для современной войны отнюдь не так дурно, как воинство Ричарда, которое уперлось в давно отживший рыцарский кодекс чести и доньше вело свои потешные копейные баталии. Однако Дракула не верил, что у новых мальтийских рыцарей достаточно пушек, чтобы они все хорошо научились их применять. И когда ему удалось оценить огонь, который велся теперь с ближайшего края залива, он утвердился в своем мнении. Мальте не хватало вооружения, чтобы защититься, и неважно, сколько ее жителей подвергало воздействию алхимического эликсира.

«Кокатрис» медленно поворачивалась в воде, поскольку ее капитан и рулевой освобождали дорогу для кораблей, что шли за ними. Большая часть весел по-прежнему сушилась, оставшиеся плавно двигались в воде. Дракула приказал своим людям стрелять, как только они подойдут достаточно близко, чтобы посеять на берегу возможно большую панику. Предстояло ждать, пока следующие суда не подступят вплотную, дабы вторгшийся флот мог сразу высадить как можно больше людей, и солдаты не тянулись бы тонким ручейком навстречу хорошо построенному и твердо держащемуся противнику. Но галеры не должны были и слишком обильно скапливаться на водах. Если хоть одно судно затонет и перекроет проток своим корпусом, для остальных возникнут немалые трудности. Дракула знал о преимуществах терпения и все же не решался выжидать слишком долго, и ему, казалось, свело кишки от этого напряженного ожидания.

Стрельба была нечастой. Большое число людей на кораблях и на суше берегло порох и пули; все знали, что предстоит изматывающая ночь, и не спешили себя проявить. Рыцари Святого Иоанна отвечали стрелкам Дракулы только время от времени, хотя могли бы приобрести больше, вызвав потери, прежде чем захватчики ступят на берег. Дракула видел, что командиры на берегу пытаются получить подкрепление, готовясь, насколько возможно, не давать покоя нападающим. Они были закаленными солдатами — те, с кем Дракуле предстояло сразиться — а не чернью, которую он так часто, легко и жестоко подавлял.

Другие галеры эскадры все еще проходили по одной по протоку между крепостями, побитые и потрепанные, но не выведенные из строя — по крайней мере, не полностью. Того единственного несчастья, которого Дракула по-настоящему боялся — гибели корабля, которая раздробит надвое его силы — удавалось избегать достаточно долго. Несмотря на град пушечных ядер и повреждения, которые получили некоторые из его галер в бою с галсонами Ла Валетта, корабли подходили один за другим. Настало время начать высадку. Каждое судно, которое прошло через горловину залива, чтобы присоединиться к ожидающим в спокойных водах, было новым гвоздем, вбиваемым в гроб мятежного Ордена, и Дракула улыбнулся, зная, что люди на берегу догадываются об этом не хуже него.

Галеры, которые собрались близ северного берега, готовые разгрузиться, подбирались все ближе к причалам. Усталые гребцы были подняты для завершающих трудов. Дракула побежал на бак, где уже собирались его люди.

Мальтийцы на причалах отошли со своих боевых постов, слишком открытых, чтобы оставаться там под обстрелом мушкетеров. На берегу не имелось достаточного числа бойцов, чтобы попытаться взять галеры штурмом, и защитники острова предпочли укрыться в защитных сооружениях. Это пришлось воеводе не вполне по вкусу, он терпеть не мог бросать свои силы против воинства, рассеявшегося и укрытого каменными стенами. Впрочем, он ожидал чего-то подобного. И его капитаны знали, что им предстоит и как вести такой бой, если только они высадят на сушу достаточно войск.

Дракула задержался, чтобы помочь людям, которые, не жалея сил, удерживали коней. Он плечом проложил себе путь между встревоженными скакунами, словно не думая об опасности получить удар копытом. Направляясь к своему коню, могучему вороному, который заметил его приближение и стал спокойней других, Дракула по пути выкрикивал команды. Этот конь был не очень скор, но твердо держался под огнем, и Дракула не опасался сойти с ним на берег даже по узкому деревянному мостику. Он знал, что в случае чего скакун перепрыгнет с палубы на пирс, если только галера будет стоять достаточно спокойно. Воевода радовался, видя, что теперь, когда почти все корабли находятся в спокойной воде, кони слушаются охотнее и унимать их проще. И знал, что конных бойцов будет теперь достаточно, когда настанет пора.

Берег все приближался. По «Кокатрис» теперь вел огонь из дюжины верхних окон строений гавани. Хотя мушкетеры Дракулы теперь стреляли уверенней, они были больше открыты противнику. Ближайшие несколько минут будут отчаянными. Дальнейшая задержка могла только повредить делу. Когда корабль подошел к причалу, весла по правому борту поднялись, и Дракула измерил взглядом все уменьшающееся расстояние. Оглянувшись, он увидел, что самое меньшее половине его конницы удалось взобраться в седло, хотя кое-кто из счастливицков с трудом удерживал своего скакуна, и могло статься, что они не смогут как следует воспользоваться оружием. Тем не менее Дракула знал, что ничто так не поражает противника, как кавалерийская атака. Он обнажил саблю и приготовился возглавить натиск. Воззвав к наблюдателям на мачтах, он осведомился о положении на других судах. Ему ответили, что те благополучно приближаются к берегу, хотя не всем так повезло, что с них можно высадиться на причал. Если судьба окажется благосклонной, Дракуле удастся высадить двести верховых и большую часть тысячи пехотинцев в считанные минуты. Он надеялся, что этого будет достаточно, чтобы сломить оборону на берегу.

Как только деревянная обшивка царапнула о камень, матросы, проворно пришвартовавшись, стали прыгать с палубы, дабы вернес закрепить канаты, между тем как другие приготовили сходни. Дракула крикнул своим людям, чтобы

шли вперед. И они устремились на сушу лавиной. Каждый спешил приблизиться к зданиям, ища укрытия от огня, хлеставшего с чердаков и вышек.

Дракула прищипорил коня и с грохотом проскакал по деревянным мосткам, повернул налево, придержал вороного и прильнул к стене, ожидая, пока вокруг него не соберутся другие. Смятение было слишком велико, чтобы позволить ему точно оценить, как продвигаются его люди, но в горячке бушевавшего вокруг боя Дракула не дал себе передышки. Он пустился вскачь, покидая Тинье, в неведении, сколько в точности всадников следует за ним по пятам.

Теперь стрельба уже не имела такого значения, поскольку заряжающие не могли справиться с людским потоком, который хлынул с палуб Армады. Как только валашские конники съедутся с кавалерией защитников острова, копья и мечи скажут свое решающее слово. Дракула не стал доставать мушкет из седельной кобуры, но вскинул саблю. Шум битвы был оглушительным, и тем не менее у Дракулы ушло совсем немного времени, чтобы понять, насколько невелики вражеские ряды. Кавалерия с южного берега залива, несомненно, поспешит сюда, чтобы встретиться с его людьми, когда те прорубятся поглубже, а пехота двинется следом. Но они придут слишком поздно и не успеют помочь тем немногим, которые сейчас пытаются сдержать прилив захватчиков. В большинстве своем это простолюдины, которые умрут так же легко, как умирают всегда. Дракула остановил коня и направил весь свой отряд в погоню по мостовой, в глубь острова. Защитники Мальты поставили у них на пути низкую баррикаду между складами и началом пристани. Две дюжины человек скрывались за ней, готовясь стрелять по неприятелю из мушкетов. Но они не смогли согласовать свой огонь, и когда всадники налетели на них, почти не задетые, большая их часть рассеялась и кинулась прочь, тщетно ища, где бы вернее закрепиться.

Дракула бросился вперед, и его конь послушно совершил могучий прыжок, которым шутя одолел баррикаду. Сабля всадника, раскрутившись, снесла головы двум защитникам, не успевшим вовремя убраться с дороги. Дракула ощутил, как чей-то клинок попал ему по ноге, но знал, что в этом

не может быть никакого существенного ущерба. Он развернулся, рубя направо и налево, но тут же услышал мощный грохот: за самой его спиной выстрелил мушкет. И Дракулу сбросило с коня, голову которому разнесло почти в клочья. Левая нога воеводы застряла в стремях, и конь придавил всадника. Нога, впрочем, не была сломана, и Влад Цепеш выбрался из-под конского трупa, подавив волну боли, которую прогнал по всему телу резкий удар оземь. Останься все защитники на местах, поблизости нашелся бы кто-нибудь, чтобы нанести удар, который мог бы изменить ход всей войны. Но обернулось иначе, и Влад Цепеш был уже в безопасности. Его спутники перелетали на конях через преграду, чтобы окружить своего вождя.

Когда он избавился от большей части боли, оставив лишь немного — для того, чтобы понять, где его задело, и подогреть свой гнев, он уже знал, что бой наполовину выигран, и что теперь ничто не остановит высадку его войск. В эту ночь на остров сойдут тысячи бойцов. Люди на берегу вряд ли смогут выдержать неумолимый натиск яростных и кровожадных сородичей Аттилы. К тому времени, когда конники с южного берега обогнут залив и явятся на выручку своим товарищам, их будут ждать легионы валахов, полные сил и злобы, и конники-мальтийцы смогут разве что убедиться, что их атаки — ничто перед мощью валашских орудий.

Дракула отступил в сторону, пока валашские конники текли мимо него. Воспользовавшись задержкой, воевода поднес острие сабли ко рту и слизал с клинка кровь. Ее вкус на языке вернул ему воодушевление, несмотря на то, что немало сил было растрчено на подавление боли. Для Дракулы питье крови никогда не было частью любовных утех — обычно именно любовь помогает вампирам оправдывать себя. Влад Цепеш при необходимости не отказывался от крови слуг, но всегда предпочитал кровь недругов. Он был убежден: первые вампиры Европы были как раз такими яростными и буйными воителями, ибо потребность в крови побуждала их искать боя и вечно стремиться к новым завоеваниям. Он презирал вампиров Галлии, которые подменили упоение битвой иным удовольствием, более нежным, и увязали свою кровопитие с придворной игрой в любовь.

По его понятиям, вампиру надлежит быть хищником, который ищет кровавой добычи, а не любовником, который ласкает тех, кого природа предназначила для удовлетворения его физических нужд.

Воевода окликнул всадника, который задержался близ разрушенной баррикады и крутился на месте, между тем как кровь капала из пулевой раны в шее. Этот боец был вампиром, но даже для него оказалось нелегко сомкнуть такую рану, и он пошатывался в седле — того гляди упадет. Дракула быстро подошел к раненому и подхватил его в тот самый миг, когда всадник соскальзывал с седла. Он почти не почувствовал веса раненого, которого поспешил уложить поближе к стене, чтобы того не затоптали, удерживая поводья его коня, который явно ошалел взглядом, но был спокоен. Затем Дракула взобрался в седло, откуда опять легко смог оглядеть линию берега, неясную и серую в угасающих сумерках, кишашую конями и людьми и охваченную неистовством боя.

Пьяный происходящим, Влад Дракула ткнул в небо окровавленной саблей и провыл приказ своим командирам и солдатам. Пришпорив нового скакуна, он поскакал обратно вдоль пристани к пирсу, откуда хорошо виднелись проток и последние имперские корабли, все еще пробивающиеся вперед под огнем усталых орудий крепостей. Ни Тинье, ни крепость Святого Эльма не были освещены. Дракула знал, что оттуда сейчас посылают людей по гребню скалы, чтобы те вступили в битву, кипящую в гавани. Но это было бесполезно — с тем же успехом они могли бы попытаться сладить с морским приливом. Точно могучие всесокрушающие волны, воины Дракулы бросались на набережные десятками и сотнями и, одолевая любое сопротивление, несли гибель, врываясь в лавки и склады.

Его простолюдины гибли сотнями, и, вне сомнений, порой падали и вампиры, которые больше не встанут из долгой спячки, но теперь победа Валахии была обеспечена, и Мальта оказалась обречена. Дракула поскакал прочь, чтобы добыть саблей новой крови и, отдавая ее, утолить жажду, которой пылали его желудок и мозг. Михаил Бехейм, как сказал он себе, сложит об этом песнь, которая согреет сердца и воспламенит умы гуннов и их потомков на все грядущие времена, меж тем

как на мятежном острове останутся одни лишь развалины и гнилье, которого со временем будет лишь прибавляться.

6

Ричард Норманн, прозванный Львиное Сердце, стоял на вершине небольшого холма в миле от стен Мдины и наблюдал, как валашские солдаты движутся с востока, точно огромная колонна темных муравьев. Конные ехали попарно, пешие шагали по трое, а между отрядами грохотали повозки, груженные добычей из Пьеты, включая и все пушки из захваченных крепостей и с баррикад, которые не выдержали приступа. Эти орудия добавят к тем, которые привезли испанские и итальянские грузовые суда, отплывшие вместе с боевыми галерами. Все средства будут использованы против Мдины, и мало-помалу от ее стен ничего не останется.

Со своего места Ричард смог насчитать тридцать повозок. Он знал, что еще сотни подтянутся за вторую половину дня и в последующую ночь. Какие потери понес Дракула, взяв Пьету, Ричард пока не знал, но, наблюдая за приближающейся армией, решил, что рыцари Святого Иоанна не нанесли противнику и половины того урона, на который надеялись. Валашские бойцы не казались ни изнуренными, ни деморализованными.

В механической четкости валашского марша под безупречно мерную барабанную дробь было нечто, что вызвало дрожь в сердце Ричарда, хотя это шли его друзья, а не враги. По плану, который с таким трудом согласовали они с Дракулой, предусматривалось взять Валетту в случае, если ее защитники, рискуя всем, поддержат своих собратьев в Марса Мксетт. Но теперь Ричард понял, что рыцари Святого Иоанна выбрали менее отчаянный образ действий и позволили городу попасть в осаду. Возможно, их командиры еще надеются, что им удастся спастись морем, если пиратский флот Ла Валетта сможет прийти на помощь.

Отряды самого Ричарда в своем походе не достигли столь кощунственного совершенства, они более беспорядочно двигались с севера острова. Им довелось встретить известное

сопротивление, но таково было их численное превосходство, что оборона быстро рухнула. Произошло немало мелких стычек на берегах залива Святого Павла, а также долгий обмен пушечными выстрелами между галерами и несколькими назойливыми парусниками, немало досаждавшими им по ходу всей нелегкой высадки; но на берегу не оказалось достаточно пушек, чтобы высадка сорвалась, и слишком мало вампиров противостояло бессмертным рыцарям Великой Нормандии. Защитники острова отступили к Мдине и теперь добавляют свои силы к тем, что уже стоят на стенах прославленного города.

Большая часть армии Ричарда пока что не оказалась вовлечена в значительный бой. Люди Дракулы между тем прошли через пламя, беря укрепления в Марса Мксетт и разоряя Пьету; и все же вот они, в отменном порядке и явно бодрые духом, готовые замкнуть великое кольцо вокруг стен Мдины, дабы отрезать для осажденных всякий путь к спасению. Даже Ричард, считавший валашских солдат неотесанными грубиянами, не мог удержаться от восхищения их выдержкой и целеустремленностью.

Несколько всадников отделилось от головы валашской колонны, привлеченные норманнским знаменем, которое реяло над шатром Ричарда. Еще два всадника приблизилось с юга, один из них вздымал копье, на котором трепетал белый флаг — посланцы из Мдины.

Взгляд Ричарда перемещался с одних на других, его медные глаза терпеливо оценивали скорость их приближения. Посланцы из Мдины прибыли первыми; тот, что ехал без флага, соскочил с коня и низко поклонился принцу. Он протянул свиток пергамента, который принял из его рук Джон, брат и заместитель Ричарда. Джон незамедлительно передал пергамент Блонделю де Неслю, который развернул его и быстро просмотрел.

— Они не сдаются,— сжато сообщил он.

Ричарда это не удовлетворило.

— Прочтите,— приказал он.

Блондель быстро взглянул на своего господина, затем пожал плечами.

— «Ричарду Норманну,— прочел он вслух.— Вашим рыцарям здесь точно так же нечего делать, как и в Англии, если

только они не явились присоединиться к нашему делу. Можете сложить оружие и войти в город как друг, или же вам надлежит забрать своих людей с мальтийской земли и никогда больше не возвращаться. Вздумаете остаться — и дорого заплатите за каждую мальтийскую жизнь, которую стремитесь взять».

— Чья тут подпись? — вяло осведомился Ричард.

— Их три, — сказал ему Блондель. — Сцеберра, барон Кагель Чичьяно, Игуаньес, барон Диар-иль-Бниет-и-Букана и Дюран, сеньор де Вильегеньон. Полагаю, все они из первых людей в городе. И никаких упоминаний о Кордери.

— И все же голос Кордери слышится мне в этих словах, — отозвался принц. — Говорящий об Англии, а не о Великой Нормандии. Я дал ему шанс. Я ничего ему не должен теперь. — Норманнский принц повернулся, глядя, как на гребень холма поднимаются люди Дракулы. Когда воевода спешил, Ричард взглянул на стеганую броню, ныне запятнанную, изодранную и грязную. Было ясно, что опасных ран Дракула не получил. Походка приближавшегося воеводы была горделивой, как всегда.

— Что у вас нового? — спросил Дракула, метнув в сторону черный взгляд, чтобы рассмотреть взмыленных лошадей, на которых прискакали от городских ворот посланцы.

— Я направил в город предложение о сдаче со своими условиями, — сообщил ему Ричард. — И вот их отказ.

Дракула взял пергамент из рук Блонделя и быстро взглянул на него. Затем сурово воззрился на Ричарда, и неудовольствие сделало его лицо мрачным. Не говоря ни слова, он прошел в шатер норманна. Ричард сперва изумился, а затем нахмурился при виде того, что счел оскорбительной для себя неучтивостью. Он последовал за воеводой торопливо и отнюдь не в добродушном настроении.

Как только они скрылись от любопытных глаз, Дракула развернулся к галльскому принцу, не менее разгневанный, чем он.

— Что это означает? — спросил воевода. — По какому праву вы посылаете кого-то с чем-то к нашему врагу до прибытия моих сил? Это не входит в план, который мы обсуждали.

— План? — переспросил Ричард, опешив от ярости союзника. — В наш план входило покорить этот остров и

подавить мятеж. Мальтийцы должны понять, что город не выстоит против нас; рыцари Святого Иоанна потерпели поражение, большинство их угодило в гибельную западню в Валетте. Наши пушки вместе с теми, которые мы захватили, скоро будут установлены против стен Мдины, которые недостаточно крепки, чтобы выдержать такой огонь дольше суток. Если они готовы выдать Кордери и принести присягу империи, наше дело будет сделано.

— Наше дело будет сделано! — Дракула тряхнул головой и бросил наземь пергамент. — Как оно было отлично сделано, когда вы покинули страну, которой еще недавно управляли! Тамошние мятежники направили вам послание, где кротко попросили покинуть Британский остров? Вне сомнений, да! И тем самым вашей империи оказался нанесен такой удар, какого не нанесла бы и тысяча пушек.

— Меня предали, — холодно проговорил Ричард. — Тауэр уже пал. Вздумай я драться, это могло бы стоить жизни всем моим верным рыцарям в королевстве. Да, если вам угодно, я решил предложить жителям Мдины те же мягкие условия, которые мои враги предложили мне. Их затея провалилась, и они должны это знать. Полагаю, что вы с радостью пересажали бы их всех на кол — мужчин, женщин и детей — и так жаждете поскорее этим заняться, что глухи к любым мольбам о милосердии. Вы стремитесь сделать этих людей примером... примером, который, вне всяких сомнений, останется в памяти людской на тысячу лет. Вы хотите показать, как следует поступать с любым, кто бросит вызов правлению племени Аттилы! Но Галлия есть Галлия, сударь, и в этом городе немало тех, кто еще недавно был верен Галлии. Многих вовлекли в это восстание против их воли. Я предостерегаю вас, Дракула, что не позволю связывать мое имя с бессмысленным истреблением невинных. Мне должно поддерживать кодекс чести, и я рад об этом напомнить.

— Принц, — спокойно произнес Дракула, — оба мы обязаны отметить своими именами то, что теперь надлежит сделать. Галлия и Валахия должны нынче действовать совместно; пусть все видят, что у них одно сердце и одна душа. Иначе мир, частью которого являются и Галлия, и Валахия, рассыплется в прах. Нам следует стоять плечом к плечу. И

прежде всего нам следует быть беспощадными. Мы должны уничтожить Нозля Кордери и тех, кто дал ему кров, и каждого, кто за ним последовал. Мы должны устроить здесь празднество разрушения, великолепное зрелище, чтобы урок запечатлелся в умах равно людей и вампиров. Бессмертие не является больше нашим преимуществом и твердым залогом нашей власти. Чтобы удержать свою власть, мы должны биться теперь куда более отчаянно, нежели прежде. Да, нам предстоит их уничтожить, всех до единого. Мы не можем покончить со злом, которое принес в наш мир алхимик, но должны сделать все, что можем, чтобы сдержать его. Новые вампиры обязаны подчиниться нам, а не вступать в ряды наших противников. И так они поступят только в том случае, если мы покажем им, какая участь их ожидает, если они посмеют бунтовать.

— Невозможно править одним страхом,— настойчиво произнес Ричард.— Наши империи в безопасности только тогда, когда подавляющее большинство людей признает нашу власть добровольно. То, что мы взяли силой, следует удержать, хотя бы отчасти, убеждением. Мы должны показать, что в состоянии править не только нашей силой, но и умением поступать справедливо и честно соблюдать договоры. Мы в состоянии разрушить все — и на Мальте, и в Британии; но должен наконец настать тот день, когда потребуется остановиться. И тогда простолюдины и вампиры опять станут вместе жить в мире. Слишком много ненависти скопилось в мире за последнюю тысячу лет, и эта ненависть ничуть не меньше, чем открытие Нозля Кордери, заставила нас выступить в нынешний поход.

— Знаю,— отозвался воевода суровым ледяным шепотом.— И хорошо знаю. Но теперь мы должны обеспечить безопасность нашего правления, а мы не можем этого сделать, если не явим миру такой ужас, какого этот мир еще не видывал. Пусть невозможно опираться только на страх, но совсем без страха мы не сможем править вообще. Вот почему наш долг не просто нанести поражение этим бунтовщикам, но отправить их в преисподнюю — в такой лютый ад, какого другие, готовые идти за ними, предпочли бы избежать любой ценой. Да, это означает резню, это означает

пытки, вызывающие немыслимую боль. Нам предстоит посеять повсюду такой ужас, какой только можно. Это не обычная война, мой огнеглазый друг, но священная война, в которой нет места жалости. Впереди у нас тысяча лет жизни, и у вас, и у меня, и мы должны провести их как правители в наших империях, если у нас найдется достаточно сил и твердости для выполнения такой задачи. Но вам не следует устраниваться от того, что надлежит сделать мне! Если вы не присоединитесь ко мне и не внесете свой вклад в разгул насилия, которое я намерен спустить с цепи, это значит, что вы уже разбили ту страшную железную маску, которую мы обязаны явить затаившему дыхание миру.

Ричард на это не ответил. По правде говоря, он почувствовал, что не может сказать этому воплощению жестокости ничего такого, что удовлетворило или успокоило бы его. Честь, как он полагал — это нечто, что надлежит почувствовать прежде понимания, а Дракула не был человеком чувства. Валахия, земля суровых зим — не самая плодородная почва для благородства и достоинства, к которым пытался приучить свою империю Карл, и человек, которого устраивает имя Сажателя-на-Кол, никогда не поймет наследия Львиного Сердца. И все же, думал Ричард, можно ли в открытую объявить о своем несогласии с намерениями воеводы? Он пытался использовать те несколько часов, на которые опередил союзника, добравшись до Мдины, на то, чтобы добиться *fait accompli*, то есть предложить и принять сдачу. И валахам пришлось бы проглотить совершившееся. Но теперь возможность более мягкого решения конфликта утрачена. Наверное, дерзких мальтийцев теперь можно считать ответственными за тот скверный конец, который их ожидает, и Ричард, предложив им более достойный выход, может со спокойной совестью отступить в сторону и разрешить подписывать своим именем все, что ни учинит Дракула.

И все же...

Тут в шатре появился Блондель де Несль, заглянувший туда не без трепета.

— Чего тебе надо? — огрызнулся Ричард.

— Еще один посланец, мой повелитель.

Изумленный Ричард быстро оглянулся на валашского воеводу, но Дракула ничего не сказал, его грубое лицо было лишено всякого выражения.

— Значит, первые люди Мдины раскаялись? — спросил Ричард.

— О нет, государь, — ответил Блондель. — Посланец явился с запада, а не от городских ворот.

При этой новости даже Дракула позволил себе поднять бровь, выражая любопытство.

Ричард поспешил из шатра и поглядел на запад, откуда скакал галопом по выжженным травам перед сомкнутыми рядами войск Ричарда одинокий всадник с белым флагом. Хотя едва ли он мог не замечать, что за ним следит тысяча пар глаз, всадник не глядел ни налево, где находились захватчики, ни направо, где возвышались над террасами полей стены города. Его конь явно устал и скакал медленно, как всадник его ни понукал и ни прищипоривал. И нетрудно было понять, что ему немало пришлось проехать, какую бы весть он ни принес.

— Что это за человек? — осведомился воевода, прикрывая глаза от солнца, чтобы лучше разглядеть верхового. Разумеется, тот, кто приближался, не был обычным герольдом. Посланцы из города отличались изящным и нарядным платьем, как и подобает слугам галльского двора. На этом же человеке была изорванная, запятнанная кровью рубаша и темные штаны, какие носят матросы, причем белый флаг, который он нес, был привязан не к копыю, а к рукояти метлы. Светлые волосы безошибочно свидетельствовали о том, что он не вампир, а то, как он держался в седле, указывало, что всадник он весьма неопытный.

Вожди армии захватчиков терпеливо ждали на холме, пока всадник не подъедет к ним. Когда неизвестный пустил коня шагом, чтобы подняться по склону, Ричард увидел, что глаза его остекленели от едва сдерживаемого страха. Посланец знал, что он среди врагов, и совершенно не доверял своему знаку неприкосновенности.

— Кто вы? — спросил Блондель, выступив вперед, чтобы встретить посланца. Он взял эту инициативу на себя, когда увидел, что Джон, опирающийся спиной о шест с

норманнским флагом, глядит куда-то вдаль с нескрываемым презрением, деланно отказываясь замечать гонца.

Человек на коне не ответил на вопрос Блонделя и бросил на Джона взгляд не менее презрительный. Через голову Блонделя он посмотрел на двух полководцев, стоявших плечом к плечу перед шатром. Затем извлек из-за рубашки сложенную в несколько раз бумагу. Блондель, хотя и удостоил посетителя самого осуждающего выражения лица, протянул за бумагой руку, развернул ее и прочел написанное. Тут же нахмурился и повернулся, чтобы взглянуть на Ричарда. Он явно растерялся и не знал, что надлежит делать.

— Дайте мне,— сурово приказал Ричард. Он не мог бы объяснить, почему не попросил Блонделя огласить послание, но у него в груди заныло неловкое чувство, которое подсказывало ему, что это может быть некое дело, требующее приватности. Блондель подал бумагу своему господину, не произнеся ни единого слова.

Ричард взглянул на бумагу и прочел написанные там слова:

Ричарду, называющему себя Львиным Сердцем.

Я надеялся встретить тебя на море, но упустил твой корабль среди столь многих. Я не мог спокойно уйти, не повидав тебя, и поэтому прошу: дозвожь мне явиться, чтобы встретиться с тобой на суше. Давным-давно ты отказался биться со мной, потому что ты был правителем того королевства, которое тебе угодно именовать Великой Нормандией, а я даже не был вампиром. Ты больше не у власти, да и я теперь не простолудин. И поэтому я вызываю тебя на бой перед стенами Мдины, дабы все рыцари Мальты и все рыцари Англии могли стать свидетелями тому, как будет, наконец, уплачен долг чести.

Бумага была подписана: «Люсьен Вильерс, прозванный Лангуасс».

Ричард поднял глаза и встретился с ошеломленным взглядом Блонделя де Несля, который беспокойно наблюдал за повелителем. Львиное Сердце не потрудился обернуться в сторону валашского воеводы, стоявшего рядом. Он не сомневался в том, что может предложить ему Дракула, а именно:

схватить и связать гонца, а затем послать большой отряд рыцарей и простолюдинов, чтобы прочесали западный край острова в поисках этого самоуверенного разбойника и, отыскав его, не замедлили предать смерти. Возможно, это действительно наиболее мудрое решение.

Но тем не менее Ричард колебался.

Почти шестьдесят лет в его королевстве повторяли рассказ о том, что бравый пират заклеил сго как труса. Для негодующих англичан мало значило, что вампир был совершенно прав и что честь обязывала его отклонить вызов простолюдина. Правителя королевства вообще нельзя вызвать на бой, согласно закону. Злопыхатели с удовольствием повторяли пущенную пиратом клевету и смеялись по темным углам, ибо весь норманнский флот не мог изловить этого ловкого морского волка и положить конец его безобразиям.

Ричарду никогда не удавалось полностью выкинуть Лангуасса из головы, и мысли о нем всегда были не из приятных. То, что этот нахал осмелился теперь повторить свой вызов, было вполне в его духе. И Ричард знал, что если немедленно не ответит и не схватит пирата прежде чем тот снова уйдет в море, рассказ об этом добавят к прочим, и простонародье станет издеваться над Ричардом до самого конца его дней. «Впереди у нас тысяча лет жизни, и у вас, и у меня», — эхом отдались под его черепом слова Дракулы. Тысяча лет, чтобы нести последствия каждого решения, чтобы сожалеть о каждой совершенной ошибке.

И опять же — честь. Что бы ни говорил воевода Дракула, спасти надлежало не просто честь вампиров Европы, но их господство. И если он, Ричард, не свободен в выборе и подпишется под бойней, которую замышляет Дракула, то он свободен хотя бы решить свои личные дела по собственному усмотрению.

«Мдина предпочла, чтобы ее предоставили любой участи, какая ей ни выпадет; да будет так, — подумал Ричард. — Но сперва я покажу этим темным легионам с востока, как поступают галльские принцы и какое благородство внесли в мир рыцари Карла Великого».

И, ни слова не сказав Дракуле, Ричард прошел вперед, мимо Блонделя, к ожидающему всаднику.

— Передайте своему хозяину,— сказал он,— что я встречу с ним, как он просит, перед стенами города. Завтра утром, как рассветет.— И указал рукой на участок земли между лагерем захватчиков и городом.

— Я должен заручиться вашим словом, что не будет измены,— настороженно заметил всадник.

— Измены не будет,— сказал Ричард.— Я прибуду один. Верхом, в доспехах, и никакого оружия, кроме меча. Сомневаюсь, что ваш хозяин привык к копьям, да и я не хотел бы, чтобы он явился на посидинки с какой-нибудь палкой от старой метлы.

Всадник слегка наклонил голову, затем повернул коня и пустил его вскачь куда резвее, чем требовалось.

Ричард не стал ждать, когда Дракула пригласит его обратно в шатер, но вступил туда с такой надменностью, что, казалось, ему безразлично, следует за ним валах или нет. Когда воевода вошел, ни в его повадке, ни в голосе не было гнева.

— Что вы сделали, о благородный государь? — кротко спросил он.

— Это частное дело,— отозвался Ричард.

— У меня нет в этом сомнений,— откликнулся Дракула,— но молю вас, дайте мне знать, кто этот благородный соперник, с которым вы намерены сразиться завтра.— Голос его звучал ехидно, но достаточно мягко. Ричард передал ему бумагу и при этом сказал:

— За этим делом стоит одна история, которой вы не знаете.

— Знаю,— возразил Дракула, читая письмо.— Думаю, о моих знаменитых шутках чего только не рассказывают в Англии, а рассказы о ваших делах не то чтобы совсем неизвестны при дворах Валахии. Кухонные мальчишки в вашем утраченном лондонском Тауэре, вероятно, болтали о том, как я бросил кое-каких благородных грабителей в котел, а слуги в моем собственном обширном хозяйстве весьма охочи до слухов о берберийских пиратах и любых их делишках. Человеска вроде этого Лангуасса следовало избавить от его злосчастья много лет назад, и молю вас, не позволяйте ему задержаться на этой земле ни на миг дольше, чем необходимо.

Ричарда куда больше задела подобная легкость, чем мог бы уязвить гнев, которого он ожидал.

— Я одолею его,— обещал Ричард.— Можете в этом не сомневаться.

— О да,— произнес валах с презрением, которое чувствовалось в его до предела учтивом тоне.— Этот жалкий безумец спешит навстречу своей смерти, знаю, знаю. Полагаю, он не ведает сомнений, или же он еще больший дурак, чем любой, какого я встречал. Он действительно должен не на шутку вас ненавидеть.

— Думаю, да,— согласился Ричард.— Хотя виноват всегда был он сам. По правде говоря, я ни за что не отвечаю.

— Наши собственные оплошности всегда вызывают у нас наибольшую досаду,— заметил Дракула.— Этот Лангуасс, должно быть, допустил их немало.

7

Всю ночь дорога из Валетты во Мдину была запружена людьми и конями, повозками и артиллерией. В этом шествии не было ничего, что хоть сколько-нибудь подняло бы дух защитников города, которым с укреплений открывался превосходный вид на дорогу. Дракула знал, что их часовые, выставленные в куполе собора, могут видеть на несколько миль вдаль, и догадывался, что им не откроется ничто, кроме того, что укажет на тщетность их затеи. Валахи, которых ранило в ходе захвата Великой Гавани, были благополучно размещены в том самом госпитале, который являлся основой существования Ордена Святого Иоанна.

Дракула знал, что вид его легионов, ползущих по дороге — до некоторой степени обман. Его войска не дали себе труда штурмовать крепости Святого Эльма и Святого Анджело и действительно поощрили рыцарей-вампиров, выступивших против него, укрыться там, где их отрежет от мира относительно небольшое воинство. Но ничего такого воины Дюрана видеть не могли, а видели великую армию снаряженных и боеспособных солдат, которая явилась, чтобы сокрушить их.

Воевода готов был биться об заклад, что рыцари Святого Иоанна, которых оставили оборонять Валетту, какую бы искреннюю поддержку не оказывали они делу Кордери, вполне удовлетворятся тем, чтобы переждать в своих надежных убежищах, но не кинутся в самоубийственное наступление. Учитывая, что Ла Валетт и другие их главные командиры все еще в море, у рыцарей, обороняющих Великую Гавань, есть предводители, которые подадутся на ту или иную сторону, в зависимости от прилива или отлива. Подобно тому, как дворы Галлии кишели тайными изменниками, имевшими вид честолубцев, чьи мечты о славе были обескрылены долголетием старших над ними, в Ордене Святого Иоанна также должны иметься высоко метящие люди, жаждущие титула Столпа или Великого Магистра и вполне способные переметнуться к врагу, если им предложить хорошую возможность. Дракула знал, что может манипулировать такими молодчиками с каким угодно цинизмом, а потом на досуге решить, что с ними делать. Его первоочередной заботой было добиться падения Мдины и пленения Нозля Кордери.

Дракула вернулся в свой шатер рано, но спал очень мало. Он велел Михаилу Бехейму разбудить себя перед восходом солнца, ибо ему крайне хотелось присутствовать при попытке этого выскочки и пирата свести старые счеты с государем Великой Нормандии. Он считал, что подобное зрелище будет забавным. Кроме того, ему требовалось совершить кое-какие свои приготовления перед этим посидинком.

В холодной предрассветной тьме воевода отправился объезжать свои войска, которые расположились к востоку и югу от города. Он велел разжечь высокие костры, чтобы мальтийцы в осажденном городе могли удостовериться, как туго затягивается петля, которая скоро их всех удавит.

Удовлетворенный ходом дел, он отобрал два десятка своих лучших мушкетеров и велел им сопровождать сго на ничейный участок земли, лежащий между прославленными норманнскими лучниками и стенами, на которые они нацеливались. Влад прибыл туда со своими людьми, и когда оруженосцы облачали Ричарда в броню и готовили к бою его коня. Дракула с холодным безразличием следил за приготовлениями. Ричард надел кольчужный шлем и рубаху из лег-

ких, наложенных ряд на ряд чешуй из новой стали, которую впервые выплавил полвека назад Симон Стертевант. Она была крепче, чем любое литое железо, известное до того, и пушки из нее выходили прекрасные, но Дракула нашел, что она слишком тяжела для доспехов вампира. Хотя вампир куда менее подвержен роковым ударам, чем простой смертный, но все же он ничуть ни сильнее телесно, и тяжелая броня замедляет действия рыцаря-вампира настолько же, насколько и простолудина. Дракула предпочел бы лишний раз нарваться на удар, однако сохранить проворство. Но так уж приучили Ричарда относиться к поединкам, и не было никакой пользы предлагать валашский совет, за который норманн не поблагодарит.

По лицу Ричарда Дракула догадался, что низложенный правитель не сомкнул этой ночью глаз. Его глаза цвета меди были беспокойны, а губы тесно сжаты. Потребовалось два человека и бездна терпения, чтобы усадить его в высокое седло, хотя скакун, на котором собирался сражаться Ричард, был так спокоен и послушен, что лучшего и не пожелаешь. Наконец всаднику вручили оружие, которым ему предстояло биться: большой и широкий меч, тщательно заточенный с обеих сторон, и щит, украшенный его гербом. Меч, как и броня, был из металла Стертеванта и не так-то легко сломался бы или затупился. Но Лангуасс, несомненно, будет снаряжен на подобный же лад, и не окажется в существенно невыгодном положении.

Когда Ричард двинулся вперед, Дракула и его свита небрежно заняли наилучшее положение, с которого можно было наблюдать бой. Так как местность поднималась, они загородили вид стоящим сзади ричардовым лучникам, но Дракула спешил и велел своим людям опуститься на колени, положив мушкеты в траву.

Гнедой Ричарда старательно вышагивал вперед, пока не очутился на расстоянии ярдов в пятьдесят. И тогда принц придержал его и обернулся лицом к западу. Он был в достаточной близости от городских стен, чтобы его достали их лучшие орудия. Тем не менее попасть на таком расстоянии было бы настоящим чудом меткости, и потому никто не стрелял. Глаза всех — как мальтийцев на стене, так и боевых

порядков Ричарда — обратились на запад, высматривая пирата. Когда тот прибыл, Дракула заметил, что Лангуасс застал своего царственного противника стоящим на фоне восходящего солнца и окруженным серебряным сиянием.

— Не было бы мудро остановить это, мой господин? — спросил Михаил Бехейм. — Если Ричард падет, это скверно обернется для нашего дела.

— Возможно, — согласился Дракула. — Но я немало думал, изучая этого отважного крестоносца, как дурно он может послужить нашему делу, если проживет еще сотню лет. Победа, в которой мы увсерены, достанется ему в той же степени, что и мне, хотя это именно я определяю успех наших объединенных войск. Он может вернуться в Галлию, усилившись и восстановив свое доброе имя. Мне пришло в голову, что, возможно, куда лучше будет для всех нас, если Ричард окажется в числе невозвратимых военных потерь. Коли он рвется в мученики, то я склонен ему это позволить.

— Принц-мученик послужит делу рыцарства не хуже, чем живой принц, — пробормотал Бехейм, — если только вместе с ним не погибнет Блондель.

— Не думаю, — ответил Дракула. — Он вполне может стать мучеником за дело рыцарства нынче утром, но когда мы замарасм эти террасы кровью десяти тысяч мальтийцев, сго мученичество обратится во славу возмездия Аттилы. Подождем и поглядим, прежде чем решить, что это для нас значит.

Им не пришлось долго ждать, ибо Лангуасс не позволил заре опередить себя. Он приближался сдержанным галопом на сером скакуне, который от ушей до копыт выглядел добрым боевым конем, хотя не был защищен конской броней, как конь Ричарда. Пират явился без доспехов; его крепкая кожаная куртка не имела рукавов и выставляла на обозрение ярко-алое полотно рубахи. В правой руке он держал клинок, заметно легче ричардова, с полукруглой гардой, в то время как у Ричарда имелась только крестовина. В левой руке пирата не оказалось никакого щита; более того, он нес в ней белое знамя. Это дало ему безопасный проезд через ряды пушкарей Ричарда. По тому, как Лангуасс держался в седле, Дракула решил, что пират ранен в бок, хотя непохоже, чтобы это задело сго правую руку.

Увидев, что Ричард ждет, Лангуасс отбросил в сторону свой флаг перемирия и остановил коня.

— Этот человек просто дурак,— разочарованно проговорил Михаил Бехейм.

— Который? — сухо осведомился Дракула.

— Если вы просите меня выбирать, то я разрываюсь,— признался менестрель.— Но на этот раз я имел в виду пирата. Он вполне мог бы избежать гибели, которая станет уделом тех, кто угодил в западню во Мдине. Ему только и требовалось, что отплыть и вернуться к своей прежней жизни. Он теперь вампир, ему следовало бы быть умнее и не ставить свою жизнь на кон таким нелепым образом.

— Кто бы ни проиграл, он больший дурак,— сказал воевода, наблюдая за двумя противниками.— Ричард — дурак, потому что вообще вздумал рисковать, но вдвойне дурак — потому, что для его гордости чрезвычайно важно победить. Позорная потеря Британии, вероятно, задела его куда больше, чем он догадывался, когда отказывался от нее. Он от всего сердца желает опять стать героем. Битвы за Мдину недостаточно, и ему неприятна мысль о последствиях. Если он победит, Блондель наплетет о нем с три короба.

— Я хорошо знаю эту кухню,— заметил Бехейм,— но не буду просить вас предоставить мне подобную возможность. Такая выходка показалась бы глупой для человека вроде вас.

— Не бойся,— уверил его Дракула.— Эти двое приучены к галльским красотам, которые мало значат для нас, мы по-иному меряем человека. У нас есть поговорка: кто дорожит своей кровью, дорожит вечностью. У них все иначе. Они пожимают плечами и провозглашают, что и вампир может умереть, а слава живет вечно. Они так и не простили себе до конца свое же бессмертие. Но тихо, Михаил, они начинают.

Ричард и Лангуасс медленно двинули своих коней вперед, пока не оказались в дюжине ярдов друг от друга. Не прозвучало ни слова, не произошло никакого обмена знаками, но оба вдруг пустили скакунов рысью. Гнедой принца понесся чуть-чуть резвее, чем серый пирата. Скакуны перешли в галоп, и оба всадника направляли их так, чтобы наверняка пройти слева от противника и тем самым иметь возможность пустить в дело меч. Ричарду пришлось поднять свой клинок высоко,

чтобы тяжесть оружия помогла с силой опустить его вниз, а Лангуасс отвел оружие назад, готовясь нанести колющий удар.

Конь Ричарда был выше, а сам он одного роста с пиратом, так что ему не требовалось тянуться ввысь, но Лангуасс привстал на стременах, когда они съехались. Облаченный в доспехи конь Ричарда держался прямо, пиратский же не был обучен для такого рода дел и отпрянул в сторону, равно испугавшись конского доспеха и опускающегося клинка. Его бросок вывел Лангуасса из-под удара клинка, но пират не получил ни малейшей возможности сам нанести какой-либо удар. Когда оба соперника рассекли воздух, словно играли, огромная толпа отозвалась на это насмешливым ропотом.

Лангуасс не замедлил повернуть коня и тут же направил его вдогон противнику, так что подъехал к рыцарю в броне с левого боку. Не оказись у Ричарда щита, он был бы вынужден повернуться, чтобы толкнуть лошадь противника своим тяжелым скакуном. Но вместо этого он просто взмахнул щитом, когда Лангуасс готов был ударить, надеясь, что получит явное преимущество. Меч пирата легко скользнул по щиту принца, но ни один из соперников не потерял равновесия.

Теперь Ричард повернул коня, подавшись влево и подняв щит, чтобы отразить второй удар. Видя, что случится, если гневой завершит разворот, Лангуасс пустил вперед серого и ускакал на расстояние двенадцати ярдов, прежде чем его повернуть. Ричард, соответственно, прервал свой разворот, и вновь соперники оказались лицом к лицу и замерли неподвижно.

— Значит, время не охладило тебя? — не без удовольствия произнес Ричард. — Ты всегда был горазд порхать, бросаясь то туда, то сюда, и никакой стойкости.

В этих словах, произнесенных тихо, ибо они не предназначались для посторонних ушей, хотя Дракула их и услышал, отсутствовала насмешка. Более того, они вполне могли таить в себе великую похвалу — недаром была использована столь теплая форма обращения: редчайшее ныне английское «ты». Но Ричард знал, как знал и Лангуасс, когда использовал такое же обращение в своем вызове, что возможно несколько толкований подобного изыска. Ричард, несмотря на когорту дам-вампиров, которых держал при дворе ради

пышности, берег это доверительное обращение для бесед со своими любимчиками мужского пола. И теперь это обращение могло напомнить о происхождении того давнего недоброжелательства, которое привело к их ссоре.

— А тебя время не пробудило,— ответил Лангуасс довольно громко, больше внимания обращая на толпу зрителей.— Ибо ты все так же медлителен и неуклюж, как всегда, и мысли и душа у тебя неповоротливые, как черепаха в стоячих водах.

Нрав Ричарда был недостаточно горяч, чтобы при этом оскорблении он запылал от гнева, и когда принц снова приблизился, он уверенно держал руку и метко нацеливал меч. Лангуасс обнаружил, что его конь опять упрямится. Победа над животным была делом нескорым, и на этот раз пират не смог полностью избежать клинка Ричарда, а только извернулся так, что тот скользнул вниз по его спине. Однако одновременно Лангуасс пырнул принца в бок.

Ричард ударил куда с большей силой, и Дракула знал, что у Лангуасса должна теперь быть изрядно ободрана шкура, ибо его кожаный панцирь и рубаха взметнулись клочьями. То, что у него уже имелась рана, сделало новую более чувствительной. Тем не менее удар пирата был лучше нацелен и задуман так, чтобы глубоко ранить. Он оказался достаточно прямым, чтобы чешуйчатый панцирь от него не уберег. Клинок Лангуасса на полтора дюйма проник между третьим и четвертым ребрами Ричарда. Одновременно кони, съехавшиеся стремительно и тесно, стукнулись седлом о седло, так что задело ноги обоих всадников. На миг-другой показалось, что один из двух коней должен рухнуть.

На этот раз в возгласе зрителей прозвучало бурное волнение. Крови пролилось мало, но эти воины хорошо знали: то, насколько пострадал вампир, никогда в точности не отмечается кровавыми следами. Впрочем, никто не сомневался, что эти нешуточные удары вызвали значительные последствия.

Лангуасс, опасаясь доверяться строптивому коню, не потратил ни секунды, погнав серого вновь на сближение со всей возможной быстротой, и пока тяжело нагруженное животное Ричарда с трудом восстанавливало равновесие, пират успел нанести еще один скорый колющий удар клинком. На этот раз он метил противнику в пах, под самый край

панциря. И снова не промахнулся, хотя ужалил только самым кончиком оружия. Ричард не смог поднять свой меч, чтобы справиться с роковым ударом, но все же сумел стремительно и тяжело двинуть щитом, ударив пирата в лицо и отшвырнув назад, ничего не видящего и заметно оглушенного.

Если бы серый скакун тут же упал и уронил всадника, никто не мог бы сказать, что во всем нужно винить животное, но казалось, что самый испуг придал неопытному коню сил и сообразительности. Ибо серый весьма ловко увез своего седока прочь, чтобы тот скорес оказался в безопасности, между тем как изумленный гнедой ничего не предпринял, а послушно ждал, когда всадник тронет поводья. Бой прервался на целую минуту, разлученные поединщики собирались с силами, проводили руками по уязвленным местам и обуздывали свой дух, дабы устранить боль. Лангуассу пришлось моргнуть, чтобы восстановить зрение, но теперь он смотрел в сторону, противоположную солнцу, и ему не приходилось больше преодолевать яркое сияние.

Дракуле с того места, откуда они с Михаилом Бехеймом следили за схваткой, показалось, что Ричард ближе к победе, и хотя ни один боец пока не получил опасную рану, Ричард меньше пострадал от первого обмена ударами.

Как раз в этот самый миг и стала ясна разница в подготовке коней. Серый ни за что не желал позволить, чтобы его опять повели навстречу противнику. Он упорно пытался поворотить, и когда Лангуасс с силой дернул поводья, чтобы помешать в этом коню, тот запрокинул голову и взвился на дыбы. Это опасно открыло Лангуасса противнику, его правая рука бестолково взмахивала, и вся правая сторона оказалась под ударом.

Но Ричард так и не нанес удара, которым мог бы завершить поединок, ибо одно из молотивших по воздуху копыт серого с размаху угодило на железный колпак гнедого. Изогнутый металл, стянутый ремнем, погнулся, и гнедому задело глаз, из-за чего конь неистово заржал от боли, высоко подпрыгнул и вполне умышленно потряхнул со спины всадника.

Ричард в громоздкой броне, с левой рукой, отягощенной основательным щитом, не имел никакой надежды управиться с лошадей и неловко упал наземь. Солдаты, стоявшие

ближе других, равно валахи и норманны, издали крик отчаяния.

Уж кто-кто, а Ричард знал, что ему требуется без промедления полнаться на ноги. Сильный удар вышиб воздух из его легких и казалось, что на его трепещущем горле сомкнулись тиски. Ближайшие из зрителей слышали его хрип и видели, как исказилось от натуги его лицо, а те, кому и самим когда-либо случалось задыхаться, знали, какая жуткая боль сейчас охватила его грудь. Она вполне способна на миг одолеть его вампирское умение с нею справляться. И хотя это стеснение продолжалось никак не дольше нескольких секунд, Ричард оказался на это время совершенно беспомощен, а Лангуасс уже спешил к нему, чтобы воспользоваться преимуществом.

Пират не попытался спешиться или хотя бы успокоить коня, но просто принялся хлестать по конской шее свободно свисавшими концами поводьев. На полном скаку он направил рассерженное животное к упавшему рыцарю. Стремительные копыта обрушились на Ричарда, тщетно пытавшегося подняться, и замолотили по торсу в панцире и голове в шлеме. Ричарду удалось совсем немного приподнять руку со щитом. Он уже почувствовал, как воздух возвращается в его легкие мощным и внезапным приливом, но было слишком поздно. Железная подкова ударила его в висок с такой силой, что сознание покинуло его, и он опять упал плашмя.

Мощный рев долетел со стороны зрителей. Возглас уныния, испущенный лучниками Ричарда и мушкетерами Дракулы сопровождался необычным эхом: криками торжества с отдаленных стен.

Лангуасс соскочил с коня; трудно было судить, то ли он сам его покинул, то ли оказался сброшен, но пират приземлился на ноги, быстро подлетел к поверженному противнику и встал над ним. Без промедления он поднял обеими руками свой меч и опустил его резким и жестким движением, почти как топор. Меч непременно сломался бы, будь выкован из железа похуже.

И вот Люсьен Вильерс склонился и подхватил отсеченную голову Ричарда Норманна, к немилости которого восходили все несчастья, отравлявшие его долгую и трудную жизнь. И поднял свой трофей высоко в воздух, бессловесным воплем заявляя о своей победе густо-синему небесному

своду. Он стоял лицом к стенам Мдины, и залп, выпущенный мушкетерами Дракулы, изрешетил ему спину. Мушкетеры отличались меткостью, а расстояние было столь невелико, что пули едва не разорвали Лангуасса на куски, и пока восторженный крик защитников города еще угасал, мушкетеры уже выбежали вперед, чтобы удостовериться в том, что пират, хоть он и вампир, больше не оправится от ран.

Дракула наблюдал за своими стрелками, восхищенный их основательностью.

— Дурак,— сказал Михаил,— как я и утверждал.

— Легенда, пусть на норманнский лад,— с ехидством ответил Дракула. В его голосе не прозвучало ни единой ноты, позволившей бы предположить, что он предпочел бы победу принца.— Легенда, которая не забудется, даже когда вампиры лягут в могилы. Об этом стоит подумать.

8

Бомбардировка стен Мдины продолжалась весь день и затем далеко за полночь. Хотя городские артиллеристы отвечали как могли, лишь немногие из их орудий могли сравниться дальностью стрельбы с теми, которые противник привез из Италии, и число которых многократно увеличилось за счет пушек, захваченных людьми Дракулы в Пьете и Калкаре. Конница и пехота Галлии и Валахии разместились далеко позади своих пушкарей вне досягаемости для стрельбы из города. Защитникам Мдины было ясно, что это войско лишь откладывает приступ до тех пор, пока пушки не проделают в стенах с десятков брешей, в которые волеется противник, обеспечивая себе победу. Люди, задачей которых было встретить этот решающий приступ — равно вампиры и простолюдины — тяжело трудились, устраняя повреждения, и заметно уставали за работой.

Сеньор Дюран, возглавлявший мальтийские войска в городе, постоянно слышал настойчивые требования капитанов предпринять вылазку против осаждающих с тем, чтобы вынести бой на позиции противника. Он неколбимо отказывался. Налетать на ряды мушкетеров Дракулы было бы

самоубийством, и Дюран знал, насколько необходимо, чтобы обороняющиеся, когда их численно меньше, пользовались преимуществом любых рубежей, какие только можно возвести на поврежденных участках стены. Его бойцы, будь то смертные или вампиры, без особой радости трудились под орудийным огнем, громоздя один на другой мощные каменные обломки везде, где не выдержали стены; но в нынешних условиях это было лучшее.

Бароны Сцеберра и Игуаньес еще не оставили надежды, что рыцари Святого Иоанна из флота Ла Валетта и крепостей Великой Гавани могут перегруппироваться и ударить по осаждающим с тыла. Не сбросили они полностью со счета и вероятность, что магометане все-таки решатся нанести удар — в своих целях! — против этой ужасающей христианской армии. Дюран, хотя и знал, насколько такие надежды хрупки, не отмахивался и от них. Защитникам Мдины не оставалось ничего, кроме борьбы до последнего вздоха. В прежние дни Дюран посещал Византию и там однажды видел Дракулу; он был одним из немногих, давно и сполна понявших, что мальтийцам придется когда-нибудь столкнуться с валашским воеводой не на жизнь, а на смерть.

Когда пушки окончательно умолкли, тишина показалась не менее угрожающей, чем их оглушительный рев. Ибо она никому не сулила пощады и насмехалась над горожанами, словно предлагая им соснуть часок-другой до зари. Для солдат Мдины о сне в любом случае не могло быть и речи — им по-прежнему надлежало неустанно трудиться, поддерживая укрепления. И, занятые тяжелой работой, они знали, что их противник позволяет себе отдых, в котором отказано им.

Ноэль Кордери покинул лабораторию, где закончилась его работа, и явился в резиденцию архиепископа, высившуюся рядом с собором. Здесь у него была спальня в мансарде, где он намеревался ждать исхода событий. Это не означало, что он стоит в стороне, предоставляя действовать другим; он внес свою долю, и подлинными итогами этого боя, которые протянутся через годы и века, будут следствия его поступков и решений.

Поскольку собор находился на самом краю города и возвышался над стеной, он пострадал при попадании не-

скольких каменных и чугунных ядер, выпущенных из орудий Дракулы. При том, возможно, это была одна из самых крепких точек в обороне города, и ущерб оказался ничтожным. С самого верхнего этажа резиденции открывался вид на многочисленные порядки осаждающих, и Ноэля притянуло к окну, пока еще палили пушки, точно мотылька к пламени. Он долго и трезво глядел в безотрадную мглу, междутем как самая ночь, казалось, говорила жутким голосом, изрыгая пламя и выдыхая дым. Город, как показалось Ноэлю, символизировал теперь мир людей, осажденный безжалостной Смертью. Канонада привела на ум Ноэлю Шанго, бога бурь у уруба, голосом которого был гром. Шанго случалось бить в землю молниями куда крупнее тех, которые метали пушки Дракулы, и вспышки при этом возникали куда более жуткие, нежели те, которыми разражались стволы валашских орудий. Но Шанго, в конце концов — это лишь мальчик в причудливой маске, участник игры.

Нынче тоже шла игра, несмотря на все подлинные убийства, которые при этом совершались. С собратьев Аттилы вот-вот будут сорваны маски; вот-вот рухнут идолы вампирского владычества.

Даже когда пушки затихли, Ноэль не смог оторваться от окна, хотя мог увидеть мало что из происходящего. В его близоруких глазах костры осаждающих расплывались бесформенными сияющими лентами, и он не мог разглядеть ряды палаток. Он столь немногое видел по-настоящему, что с тем же успехом мог бы глядеть сквозь землю в один из самых ярких кругов Дантова ада.

Возможно, подумал Ноэль, это круг, предназначенный для тщеславных; он, несомненно, грешен великой гордыней, и теперь, кажется, его ожидает падение, которое Библия сулит надменным.

Теперь, когда жребий брошен, и больше не оставалось ничего, кроме как ждать мрачного конца, Ноэль не чувствовал себя особенно усталым. Ему казалось, что он теперь перешел грань изнурения и застыл в глухой и роковой неподвижности. Все события, ждущие его теперь впереди, уже нанесены на карту изящно и точно, подобно тому, как наблюдатели Дюрана отмечают на схемах порядки осажда-

ющих, и ничто на этой карте грядущего не вызывало у Ноэля удовольствия или хотя бы облегчения.

Работа подчиненных Дюрана по съемке расположения вражеских сил потребовалась для того, чтобы знать, где защитникам Мдины приходится сталкиваться с вампирами, а где — с простолюдинами, ибо роковые стрелы, их последнюю надежду, не следовало тратить впустую. Съемка была проделана тщательно, с большим вниманием к подробностям. И в точности так же, казалось, было прорисовано и его собственное будущее, со всеми мельчайшими подробностями, о которых позаботились судьба, или Бог, или какая угодно иная сила, которая обращает сегодняшний день в завтрашний и формирует облик истории по мере готовности времени. Имей Ноэль возможность свериться с картой своей судьбы, он, вероятно, мало что понял бы в этих условных значках и линиях. Несколько небрежных пометок, обозначающих страх и боль, грубый крест, указывающий на миг его смерти, прямая дорога, которая приведет его тень в ад или к забвению; вот и все.

Он подумал, не принять ли яд, чтобы избежать костра или кола, которые, несомненно, приготовил для него Дракула. Ноэль не хотел умирать в тяжких мучениях, и уж всяко — страдать на глазах у толпы. Ибо до сих пор с леденящим ужасом вспоминал рассказ отца — когда они ужинали у Кармиллы Бурдийон — о том, как встретил свой чудовищный конец Эверард Дигби. Видимо, так погибали все мученики, если верить тому, что написано в житиях святых. Ничто не помешает Ноэлю принять яд. Он был достаточно хорошим аптекарем, чтобы приготовить питье, которое дарует ему легкое избавление, а как неверующий, он мало боялся расплаты за самоубийство. И все же он не мог этого сделать. Или не хотел.

«Какой я жалкий человечиска, — сказал он себе. — И как никчемна моя жизнь, раз ее карта получилась такой убогой».

Он видел смерть Лангуасса, несмотря на слабость своего зрения, и рыдал, когда мушкетеры Дракулы уложили пирата. Так что же такое, спросил он себя, смерть истинного героя? Уж конечно, найдется немало рассказчиков, которые так это и преподнесут: пират сразил принца в честном бою и тут

же был изменнически убит. Но разве не вся история мятежа на Мальте изложена в этой нехитрой аллегории? Разве эликсир Нозля Кордери не положил конец империи суеверий и страха, основанной Аттилой? Да только эта империя успела нанести ответный удар, коварный и безжалостный...

— О Лангуасс,— вслух проговорил Нозль.— Ты волен был бежать с этого обреченного острова... Отправиться в Англию, где ждет истинное будущее. Ты, как последний дурак, позволил прошлому завладеть тобой и потянуть тебя назад, к сведению бессмысленных счетов.

У него сжалось сердце, он искренне скорбел по пирату. Некогда он возненавидел Лангуасса за то, что случилось с бедной Мэри Уайт и Кристелль д'Урфе, но эту ненависть давно пересилили иные чувства, и она угасла в его душе. Он не забыл ни Мэри, ни ее госпожу, и ощутил бы стыд, окажись способен счесть эти две смерти несущественными даже перед лицом такого отвратительного убийства, какое увидел недавно, и подобные которому еще увидит; но прежний острый гнев был заглушен более теплыми чувствами. Возможно, Нозль куда лучше, чем Лангуасс, усвоил урок о тщетности всего, к чему склоняет такой коварный яд, как ненависть.

Нозль тревожился за «Спитфайер», но уже одно то, что Лангуасс вернулся на сушу, вызывало уверенность в том, что корабль не затонул. Нозль не верил, что пират подверг бы опасности команду с тем, чтобы осуществить свою роковую тщеславную мечту. Лейла в безопасности и теперь должна находиться на пути в Лондон, где окажется под защитой Кенельма Дигби и его парламента. Это, по меньшей мере, была отрадная мысль, которая непременно облегчила бы ношу его отчаяния, не погрузись его дух в столь глубокое уныние.

— Отойдите от окна, друг мой.

Голос, ворвавшийся в мысли Нозля, заставил его вздрогнуть. Квинт вступил в помещение так, что Нозль этого даже не заметил. Уж не последовал ли его слух примеру зрения? «Столько очевидных признаков смертности! — проговорил он еле слышно.— Останется ли от меня что-нибудь, чтобы это осталось на истребление Дракуле?»

— Вы больны,— сказал монах, когда Нозль ничем вразумительным не ответил на его просьбу.— Вам нужен отдых.

Ноэль обратился свои усталые глаза к монаху и ослабевшим взглядом оглядел озаренное свечами лицо и запачканное белое одеяние. Квинт, успевший состариться прежде, чем сделался вампиром, не был образцом могучего воина, но силу его жилистых рук и энергию сияющих глазах трудно было не заметить.

— Когда-то вы были для меня вместо отца,— задумчиво произнес Ноэль.— И все же теперь я кажусь много старше. На самом деле я еще старше, чем выгляжу, благодаря всем моим хворям и немощам, у вас же блистательное несокрушимое здоровье, присущее представителям вашего племени. Возможно, вам следовало бы называть меня «сэр», как подобало бы по отношению к моей гниющей плоти, если уж вам так хочется увести меня от столкновения с моим жребием.

— Я всегда думал о тебе как о том, кто мне вместо сына,— мягко сказал Квинт.— Никакого иного сына у меня быть и не могло. Если я боялся утратить это чувство, став бессмертным, то напрасно беспокоился. Не все неумирающие теряют силу чувств, хотя когда-то я думал, что это неизбежно.

— Даже неумирающий Квинт никогда бы не потерял способность чувствовать,— согласился Ноэль.— И Лейла. Да и Лангуасс — тоже, пусть по-своему. У меня множество сомнений касательно большого числа прочих, невзирая на то, по какую сторону стены они находятся. Ты не отверг присущее тебе сострадание, да и не смог бы этого сделать. Но думаю, это оттого, что ты также отказался утратить чувство боли. Ты мог бы не придать значения ране в твоей собственной плоти, но не в плоти другого, и боль этого мира всегда останется на твоих плечах. Если бы все люди были как ты, мой друг, ничего больше было бы не надо. Но ты такой один.

Произнося эту речь, Ноэль позволил Квинту взять себя за руку и провести к креслу, поставленному возле огня. Он сел в кресло, а монах разместился напротив, и теперь они глядели друг на друга через очаг.

— Чего не знаю, того не знаю,— с запозданием ответил монах. Затем после недолгого молчания продолжал: — Мне все еще кажется, что если есть этот мир, то есть в нем и дела Господа. Не стану хвастать, будто понимаю, какого рода существо человек и почему он окружен столь многими

ловушками и соблазнами, но знаю, что в этом есть какая-то цель. Я не больше могу провидеть эту цель, чем вы — свои алхимические тайны, но моя вера подсказывает мне, что всем людям дана надежда увидеть свет добра и разума. Мы и представить себе не можем, как много ценного в каждом человеке — того ценного, что необходимо спасти. Мы потрудились для Бога, вы и я, и не только мы одни. То, что мы делаем сегодня, мы делаем с сердцем, полным веры и надежды, и немало подобных нам в этом огромном мире.

«И это последняя попытка моего спасения?» — спросил себя Ноэль. Но не сказал этого вслух. А вместо этого произнес:

— Да, если есть Бог, то из этого должно следовать, что воля Его таится где-то в теперешнем жутком хаосе. Хотя надо быть куда мудрее меня, чтобы догадаться в точности, где она спряталась. Порой моя скорбная голова объясняет моему полному надежды сердцу, что все это — лишь нехитрая шутка нашего Творца, вроде той, которую Он сыграл с оглупевшим от веры Иовом. Однажды, возможно, он заговорил со своим любимчиком из ангелов и сказал: «Я сделаю людей бессмертными, чтобы доказать им, что дар вечной жизни послужит только тому, чтобы они вернее стремились уничтожить друг друга!» Он веселый малый, наш любящий Бог, который дал нам достаточно протяженную жизнь, чтобы мы погрязли во грехе, а потом заставит нас платить за все удовольствия в неугасимом пламени проклятия.

Ноэль не был удивлен, что его слова не понравились служителю Бога. Тот, впрочем, лишь слегка нахмурился, скорее опечаленный, нежели разгневанный..

— Не впадай в заблуждение, думая о завтрашней битве,— сказал Квинт голосом, все еще кротким.— То будет день, когда многие погибнут, и страшная цена будет уплачена за тот дар, что ты вручил роду простых смертных, но не завтра окончится ход событий, которому, опрокинув обычный порядок вещей, мы двое положили начало. Тайна, которую мы явили другим, даст долгую жизнь миллионам людей, и Дракула знает даже теперь, как знают Аттила и Карл Великий, что дни, когда горстка людей могла в нелепой жадности беречь для себя обильные сокровища долгой жизни

и молодости, раз и навсегда миновали. Уже рассыпалась империя единиц, и близится приход империи многих. Ты дал простолюдинам будущих поколений свободу, к которой не допускали их в империях Аттилы. Месть, которой жаждет Дракула — лишь свидетельство нашего торжества.

— Горестного и запятнанного кровью торжества, — проговорил Нозль, — которое немного погода мало что больше осквернят наши парфянские стрелы.

Квинт немного наклонил голову, и теперь в его ответе не было такой безоглядной уверенности.

— Не жалею об этом, друг мой. Ни ты, ни я ничего не могли бы сделать, чтобы этому воспрепятствовать, ибо Игуаньеса и Сцеберру никто не попросит смиренно пожертвовать их подданными. Мальтийцы — народ непреклонный, храбрость их велика и необычайна: она побуждает их в самый миг гибели нанести ответный удар врагу, готовому их сокрушить. Империя Аттилы обречена и сгинет, но выстрелы из арбалетов Дюрана еще скорее обратят ее во прах и спасут жизни многих будущих людей.

— Знаю, — ответил Нозль со вздохом. — Вся моя желчь излилась в это дело, и я теперь пуст, но не стану сетовать и считать совершившееся несправедливым. И все же мы оба, похоже, завтра погибнем, и есть в этом обстоятельстве нечто, что побуждает меня думать о том, что выпадет в дальнейшем Галлии и Валахии. То, что я выпустил, не так-то легко будет устранить, и те империи, что придут на смену Галльской и Валашской, могут обнаружить, что я и на их дела наложил проклятие, которое непросто будет снять.

Квинт поколебался.

— Сын мой, — начал он, но не успел продолжить.

— Я, в конце концов, вам не сын, — сказал Нозль, крепко сжав руки, — но сын другого. Я знаю: я сделал то, чего пожелал бы от меня мой отец, и ради него не стыжусь признать это. Однако я до сих пор уверен, что моего отца побудила к его поступку именно забота о людях, его собратьях. Может быть, главным для него стала мука, которую причинила ему его возлюбленная-вампира? Пока я не могу быть уверен в нем, как я могу быть уверен в себе? — Закончив эту речь, он опять встал, повернувшись сперва в

одну сторону, а затем в другую, как будто не знал, что делать со своим одряхлевшим телом. Он прошагал обратно к окну, и Квинт немедленно встал с сиденья, чтобы последовать за ним.

— Ты и сам любил женщин-вампиров,— напомнил ему Квинт.

— Они не разбили мое сердце.

— Я знал Эдмунда Кордери,— сказал монах.— То не был человек с разбитым сердцем. У него было самое здоровое из людских сердец в Англии, отважней любого Львиного Сердца, стоящее десяти таких, как у деспота, что сажает на кол слабых и незащищенных. И твою мать он любил, ты должен это помнить.

Ноэль провел рукой по усталому лбу и задрожал на холодном ветерке. Квинт попытался снова взять его за руку и опять отвести к креслу, где Ноэль мог бы отдохнуть, но на этот раз тот стряхнул дружескую руку и схватился за подоконник, словно не желал с ним раставаться.

— Еще одна из шуток нашего доброго Творца,— отстраненно произнес Ноэль,— мы, простолюдины, созданные из глины, так глупы, что ни одна простолюдинка не может обладать очарованием дамы-вампира. Красота, увы, во взгляде созерцающего, и нас тянет к той красоте, которой может обладать только вампир. Для меня никогда не существовало ничего, чем заменить ее, и порой я презираю себя за это. Молюсь, чтобы оказалось, что мой отец был иным, но то, что у меня в крови, было когда-то в его крови, и меня повергает в ужас мысль, что и мои грехи были прежде его грехами.

— Сын мой,— сказал Квинт, теперь более настойчиво, однако не повышая голоса,— ты должен отпустить себе этот вымышленный грех. Не зло — обладать желанием. Хотел бы я знать, что такое красота женщин-вампиров: дар Божий, западня сатаны или просто случайность; сказать наверняка не могу. Твой отец любил леди Кармиллу, возможно, не меньше, чем ты любишь Лейлу, но то, что ты не мог полюбить Лейлу, пока она не стала бессмертной, следует считать лишь загадкой твоего сердца. Это не вопрос проклятия, и здесь, разумеется, ничто не доказывает, что твой отец не мог любить твою мать, или что твой гнев на Галльскую империю не имел достойного основания.

Ноэль отозвался:

— И все же мне очень бы хотелось знать это самому — с достаточной уверенностью, чтобы считать себя свободным от зла. Я желал бы иметь возможность сказать: да, я знаю без тени сомнения, что то, что я сделал, сделано в силу добрых и благородных побуждений, что оно не таит в себе пошлой подоплеки, столь искаженной и хитрой, что я не могу проследить все ее извивы взором своей души. — Ноэль помедлил, с мгновение прислушиваясь к слабым шумам, что доносились снизу, с улиц, к звукам, которые прежде заглушал рев орудий. Затем он продолжил. — Друг мой, — неловко проговорил он, — ты знаешь, каково то, что я сделал, и возможно, у тебя одного есть могущество провидеть, чем это обернется. Не только в бою, что нам предстоит завтра, но для того мира, который наши наследники должны будут создать из оставленных им обломков. Молю тебя, скажи, есть ли хоть какое-то искупление для этого греха? Я прошу не о прощении Божиим и даже не о твоём, я спрашиваю: нерожденные пока дети — когда они вырастут достаточно, чтобы понять, что я сделал, кем назовут они меня: святым или нечестивцем?

— Они назовут тебя мучеником, — сказал Квинт со всей уверенностью, на какую был способен, — и будут оплакивать тебя со всей жалостью, какая есть в мире.

— Со всей жалостью, какая есть в мире, — эхом откликнулся Ноэль. — Но сколько может накопиться жалости в мире, который подчинил себе боль?

— В мире всегда останется столько жалости, сколько ему нужно, — заверил ученика Квинт. — Всегда и навеки. И чем бы ни стал род людской с даром пересоздавать себя, он не утратит любовь, ибо это слишком ценное сокровище, чтобы бросать его.

Ноэль вслушивался в эти слова и повторял их себе, стоя в оцепенении и не выпуская из пальцев каменный подоконник. Немного спустя он медленно расслабился, и Квинт протянул руку, чтобы помочь ему нести свое бремя. Монах обвил Ноэля руками, чтобы согреть.

— Господи Боже мой, Квинт, — проговорил Ноэль, рыдая, — я так боюсь умирать! Не думаю, что у меня это получится достойно.

— Даже если бы ты прожил еще тысячу лет, ты не смог бы стать лучше,— прошептал ему старый друг.— Не тревожься о том, как ты умрешь, ибо лишь то, как ты жил, определит, что ты есть.

— Но разве ты не видишь,— мягко произнес Ноэль,— что я этого не знаю? Я спрашиваю себя: как я жил? Я спрашиваю себя: правильно ли то, что я сделал? И не могу сказать, Квинт, не могу сказать!

Монах лишь крепче сжал его в объятиях, пока для Ноэля не настала пора понять, что в этой крепкой хватке и содержится весь ответ, которого он жаждал. Он не нуждался в вере в Бога, но нуждался в вере в себя. В конце это было просто-напросто дело веры.

9

Дракула наблюдал за долгим штурмом Мдины с вершины холма, где был расставлен его шатер рядом с шатром, в котором лежало тело Ричарда Норманна. Подле воеводы находился человек, который теперь возглавлял войска норманнов и которого, возможно, Карл Великий признаст принцем Великой Нормандии — брат Ричарда Джон.

Джон никоим образом не производил такого внушительного впечатления, как его брат. Он обладал более хрупким сложением и держался с заметно меньшей надменностью, но Дракуле он нравился больше, ибо казался спокойней душой и быстрее мыслью. И если Ричард слишком уж явно недолюбливал воеводу, то Джон казался человеком, который питает к нему некоторую приязнь. Дракулу не волновало, не обманчива ли эта видимость; в любом случае она означала, что Джон — более хитрый государственный муж. И опять же, в Джоне не угадывалось особой щепетильности. Казалось, он полностью безразличен к виду людских страданий. Как раз такого рода человек способен оценить шутки Дракулы.

Михаил Бехсйм по-прежнему находился при господине и вместе с ним наблюдал, как стены Мдины рушатся под торжествующий гром бомбардировки. Правда, Блонделя де Несля нигде не было видно. Судя по всему, Джон давно и

основательно невзлюбил сердечного дружка своего старшего братца, и Блонделя отослали нести стражу у тела павшего героя, оплакивая его и оценивая, во что обходится рыцарственность.

После полудня наблюдатели смотрели с холма, как валашская конница трижды бросалась к огромному пролому в стене, который отчаянно пытались удержать мушкетеры и артиллеристы Дюрана. Менее четверти войска было вампирами, но храбрости их ничуть не убавляло то, что столь многие гибли. Джон не скупился на ехидно-восторженные возгласы по поводу лихости парней, одержимых жаждой стать вампирами, но Дракула над своими людьми никогда не насмехался, даже втайне. Более того, он чувствовал себя единым целым с ними, когда наблюдал, как они накатывают при каждом приступе, и сердце его ускоряло биение, когда он поощрял их возгласами. Когда люди и кони падали, окровавленные и кричащие, он в гневе скрежетал зубами, ибо то были его люди, и каждый удар, нанесенный им, был нацелен в сердце империи и по его власти.

Джон, конечно, был прав, утверждая, что их ведет вперед мечта стать бессмертными, преображая страх смерти в жгучую ярость, но это было хорошо и правильно. Это было куда более надежным основанием верности, чем какие угодно любовь и восхищение. Простолюдины, шедшие за Дракулой, боялись его, но зато знали по опыту восьми поколений своих предков, что он предельно честен при распределении наград. Если они хорошо послужат ему, то выиграют для себя место в тайных обрядах своих господ и присоединятся к ним в рядах вампиров. И вот Дракула наблюдал за своими смертными солдатами, оценивая их отвагу и твердо решив, что многие из них сегодня станут его спутниками на многие столетия.

Хотя их лошади шли в гору навстречу плотному обстрелу, всадники подгоняли их одержимо и страстно, как те, кто поставил на кон все: свои бранные жизни против вожденного бессмертия. И уже одним этим они заслуживали уважения наблюдавшего за ними воеводы, который знал, чего стоит любой, кто добровольно ввязался в такую опасную игру. В глазах Влада то были лучшие из рода людского, те, чья цена оправдывала его существование. А для чего еще

дана эта короткая смертная жизнь, если не для того, чтобы распорядиться ею как ставкой в великой игре?

Хотя каждый четвертый из них пал в ходе двух первых приступов, оставшиеся из отряда доблестных в третий раз кинулись на обломки стены. И на этот раз пушка отказала, и мушкетеры отступили. Брешь невозможно было удержать. Даже Джон прокричал «ура», когда всадники добились своего, и взметнул вверх кулак в блестящей боевой перчатке.

— Вот оно,— пробормотал Дракула.— Теперь начинается самое главное.

С каждым броском кавалерии поддерживавшая ее пехота подбиралась все ближе. Она давно уже находилась в пределах досягаемости для пушек крепости, но уже не страшилась неприятельского огня. Теперь пехотинцы, вампиры и простолюдины вместе, были готовы мощными волнами хлынуть на улицы Мдины. Великий рев вырвался из их рядов, когда конница прорвалась сквозь укрепления, и они роем понеслись вверх по склону, вопя в радостном торжестве. Дракула пробормотал обрывок заклинания на родном языке и удостоился любопытствующего взгляда Джона, но будущий принц Великой Нормандии не отважился на открытую насмешку. Дракула избавился от последних остатков наивных предрассудков еще сотню лет назад, но по-прежнему склонен был твердить заклинания и магические слова в мгновения вроде этого — в силу привычки и от возбуждения, и зная, что в этом нет вреда.

С огромного расстояния Дракула видел и другие признаки того, что битва достигла предельного накала. Лучники, которых Ричард привез из Нормандии, заняли позицию, с которой могли стрелять по городу через северо-западную стену. Их щитоносцы образовали стену из дерева и железа, под ее прикрытием они перезаряжали луки, а затем дружно поднимались и залп за залпом пускали стрелы, перелетавшие над укреплениями. Они находились в пределах досягаемости орудий врага, но вызвали на себя совсем небольшой ответный огонь. Мальтийцы придерживались нехитрого мнения, что им меньше следует бояться лучников, этого наследия прошлого, нежели пушкарей и мушкетеров, но такое пренебрежение шло на благо соратникам покойного Ричарда,

и они воспользовались им сполна. Отказавшись от действенной обороны против них, воины Дюрана позволили лучникам как следует явить свое искусство, и стрелы попадали куда вернее, чем пули из мушкетов. Защитники крепости не стыдились браться и за свои деревянные луки, но мальтийским лучникам было, конечно, далеко до людей Ричарда с их дружной и слаженной мощной стрельбой.

Дракула потребовал, чтобы Джон послал гонца, который сказал бы лучникам, что его люди скоро будут в городе и следует прекратить пускать тучи стрел, чтобы не задеть друга вместо врага. Тогда настанет черед норманнских рыцарей-вампиров, которые въедут в городские ворота, как только те удастся открыть. Джон охотно исполнил требование. Наследник престола Великой Нормандии был вполне удовлетворен тем, что подчинялся валашскому воеводе как главнокомандующему; Дракула сомневался, что Ричард проявил бы подобное благоразумие или подобную готовность выполнять заранее оговоренный план.

Явился посланец с юга, где еще одно конное подразделение Дракулы пыталось ворваться во вторую брешь. Он сообщил, что конники попали под сильный огонь, но вскоре пушки заглохли из-за нехватки пороха и ядер. Соппротивление, с которым предстояло встретиться теперь, похоже, будет связано прежде всего с арбалетами. Вестник доложил, что многие ранены, равно вампиры и простолюдины, но лишь немногие смертельно.

Дракула принял эти сведения с невеселой улыбкой. Арбалетные выстрелы не могут надолго остановить отряд вампиров, и было ясно, что защитники Мальты не располагают средствами для дальнейшего сопротивления.

Город выстоял против турок сто лет назад, когда командовал тот же Дюран, и это было занесено в книги как великая победа Галлии над самым ярым ее врагом. Но Дракула отлично знал, что те турки представляли собой просто пиратскую шайку, достаточно многочисленную, но скверно вооруженную и скверно дисциплинированную. Эти стены и пушки, установленные для их защиты, не предназначались для отражения сил, которые осадили их ныне. Войска Дракулы взяли бы любой город в Галлии.

— Им следовало согласиться на условия сдачи, предложенные моим братом,— кратко заметил Джон.— Это сберегло бы уйму времени и сил, да и немало мальтийских жизней.

— Ничто так не увеличивает ценность милосердия, как огонь и угроза смерти,— сказал ему Дракула.— Если бы Дюран сдался без боя, стоимость любой пощаженной нами жизни выражалась бы в мелкой монете. А теперь мы можем сжечь все, что в этой каменной цитадели займется от факела, и посадить на кол достаточно рыцарей и их друзей, чтобы у прочих появился подобающий повод подумать. Те, кого мы примем обратно на галльскую службу, будут лить благодарные слезы, вспомнив о верности и добродетели. Рим пришлет инквизиторов в собор, и Карл Великий сам отберет из тех, к кому благоволит, нового Великого Магистра и новые Столпы Ордена. Под их правлением каждый мужчина, женщина и ребенок на острове научится проклинать имя и память Ноэля Кордери. Мы сделаем из него пугало, какими стали для грегорианцев Аттила и Аэций.

— Да, это необходимо,— проговорил Джон.— Это урок, который надлежит преподать им. И следует убедиться в том, что он усвоен, урок страха и господства. Мой брат мог не видеть в этом смысла, но мы теперь можем ему это простить, ибо душою он принадлежал более невинным временам, которые теперь будут погребены вместе с ним. Ему нравилось, чтобы его любили, даже те, кто был его народом только по праву завоевания, и никогда не понимал, почему они не отдают полную дань признательности его благородству. На его образ мыслей слишком сильное воздействие оказали менестрели, и он чересчур верил лести своих придворных. Возможно, он недостаточно часто оказывался в обществе женщин, чтобы изучить все тонкости вероломства.

— А вы, несомненно, весьма отличаетесь от него, хотя родились лишь немного позднее,— молвил Дракула, достаточно хорошо понимавший, что эта речь тщательно продумана, дабы снискать его расположение и одобрение.

— Очевидно, долг наследника — учиться на ошибках своего предшественника.

— И вы поведете норманнов на завоевание Англии во второй раз?

— Возможно,— ответил тот.— Если Карлу угодно будет повелеть. Я бы мог это сделать без помощи Жоффруа, который будет мне лучшим другом, чем был когда-либо моему старшему брату. Но Британия — унылое место. Уладить бы там все — и с плеч долой. А дальше стоит подумать о новых завоеваниях. Мы знаем теперь об этом Новом Свете на западе. Мы должны немедленно распространить нашу власть на земли Атлантиды и Най-Брезил, не то как бы они не попали в руки легионов, сотворенных мастером Кордери. Сейчас нам надо сразиться с британцами и голландцами в отдаленнейших уголках мира, равно как и на их земле.

— Желаю вам удачи,— сухо заметил воевода.— Как и желаю удачи в обороне Галлии против магометан. Прежние золотые деньки и впрямь уйдут в землю с вашим неразумным братом. Но железный век, который стоит на пороге, будет для нас всех достаточно суров.

— Здесь нас ждет победа,— дерзко сказал Джон.— Нет ничего невозможного для объединенной мощи Галлии и Валахии. Новый Свет будет нашим, как и Старый. И подавив этот мятеж, мы будем удерживать его еще крепче.

— Я сказал вам, что желаю удачи,— повторил Дракула.— У нас впереди тысяча лет, чтобы биться, и у вас, и у меня, и мы сохраним, что сможем, из наших владений. Но будьте осторожны и не раскрывайте рта слишком широко — как бы не подавиться куском, который в него не пролезет. Нынче вампир пошел против вампира впервые с тех пор, как Аттила разбил римские легионы. Создание вампиров отныне становится делом механическим, а не магическим, и все простолюдины Европы теперь знают, насколько их господа лишь чуть-чуть больше, чем обычные люди. Сегодня мы победили, и лес заостренных кольев предостережет мир, что наши империи не так-то легко уступают мятежу. Но мир больше не наш по праву, малыш, и становится ясно, что такое наше могущество в действительности. Тьма нисходит на Галлию и Валахию и жаждет поглотить свет нашей славы. Наши империи — в осаде, которую никогда не удастся снять.

Джон глядел в глаза воеводы, пока тот продолжал свою горькую речь; когда она закончилась, он оторвал взгляд и с мрачным видом воззрелся на стены Мдины, усеянные людь-

ми, которые испускали крики боли и ликования, отчетливо слышные теперь, когда умолкли пушки.

Валашские пехотинцы полностью овладели разрушенной стеной, защитников которой оттеснила в город конница, и солдаты, шагавшие вверх по склону к пролому, больше не попадали под огонь. Дракула вновь сосредоточил внимание на битве, его взгляд переместился на городские ворота. Он попытался мысленно увидеть, каковы на данный момент достижения его людей по ту сторону стены. Мальтийцы бились мечами, арбалетами и теми мушкетами, на которые еще хватало пороху. Но им теперь негде было закрепиться, ибо улицы наводнили вражеские солдаты, и хаос протянул злобные пальцы в каждый уголок и потайную дыру.

— Идите к вашему коню, — сказал воевода принцу заметно добрее. — Пора нам поискать вашего беспокойного мастера Кордери и позаботиться о том, чтобы он не ускользнул. Мы поскачем под нашими знаменами в этот обреченный город, чтобы все увидели нас, его разрушителей: вы в вашей белой броне и я в моих черных доспехах. Галлия и Валахия бок о бок.

— Объединенные и несокрушимые, — согласился принц Джон, слишком спокойно, чтобы в его словах почудилась насмешка.

И они пошли к лошадям — Дракула к скакуну, самому черному, какого он только смог найти, а Джон к серому, так что, когда они ехали бок о бок, зрелище получилось настолько прекрасным, что не поддавалось описанию. Каждый возглавлял отряд из трех дюжин рыцарей-вампиров, вместе с которыми им предстояло выполнить свою задачу. У всех всадников Дракулы имелись мушкеты, они были обучены стрелять на скаку; те же, которых унаследовал Джон от своего брата, за многие годы привыкли к играм на турнирах, и у них не было ничего, кроме мечей.

Эти бойцы направили коней по склону к броду через небольшой поток, а затем начали подниматься на засаженные деревьями террасы, двигаясь через них наискось к самым большим воротам города. У этих ворот кипела жаркая схватка, но Дракула послал так много вампиров через стену, чтобы те подготовили для них путь, что защитники Мдины,

неважно, сколько из них воспользовалось эликсиром Кордери, оказались в абсолютном меньшинстве, не говоря уже о недостатке вооружения.

Норманнские рыцари-вампиры, скопившиеся впереди и готовые к атаке, внезапно хлынули вперед, как только ворота начали открываться. На миг показалось, что всякое сопротивление сломлено, но тут со стен к западу от ворот во вновь прибывших градом полетели арбалетные стрелы. Хотя этого никто не ожидал, и стрельба производилась с близкого расстояния, рыцари были не простыми смертными, да и броня защищала их при попаданиях под углом, даже когда щиты были потеряны или расколоты. Пали во время въезда в ворота считанные единицы, и ликующие крики норманнов смешались с громкими приветствиями валахов за стеной.

— Дорога расчищена, мой благородный принц! — крикнул Дракула своему спутнику, посылая коня галопом. Джон, на голове которого красовался крепкий стальной шлем, высоко поднял меч, отдавая честь валашскому воюводе, и более резво погнал вперед скакуна.

Когда оба военачальника подъезжали к воротам, казалось, всякое сопротивление иссякло, но когда они приблизились, из укрытия на кровле, нависавшей над аркой ворот, появились пятеро с арбалетами. Как только они выстрелили, мушкетеры Дракулы ответили им огнем, и к ним присоединились норманнские мушкетеры, занимавшие стены. Залпы эти поразили, самое меньшее, четверых. Должно быть, все пятеро мальтийцев были вампирами, ибо лишь двое упали, смертельно раненные. Трое других перезарядили арбалеты и выстрелили снова.

Не было сомнений, что эти пятеро получили задание устранить воеводу и принца. Один из первых пяти выстрелов задел Дракуле руку, а второй просвистел у его лица. Еще один ударил в щит Джона, и еще один попал в ближайшего спутника норманна — достаточно чувствительно, чтобы тот вывалился из седла. Стрела, угодившая в Дракулу, пронзила мышцы правой руки и крепко увязла. Боль вспыхнула, точно молния, прежде чем он сосредоточился, чтобы ослабить ее. Дракула удержался в седле ценой немалого усилия, а когда его конь успокоился, схватил стрелу. Затем уверенно выдер-

нул ее и отбросил в сторону. Кровотечение удалось остановить быстро, но мышца была повреждена скверно, так что рука вышла из строя дня на два, а то и больше, и Дракула проклял свое злополучие.

Второй залп отчаянных мальтийцев не дал ни одного промаха, но и не принес большой удачи. Джон, укрывшись щитом, отразил новую стрелу и получил ранение только в верхнюю часть ноги. Рыцарь немедленно вырвал стрелу, не обращая внимания на новый ущерб, который причинил себе, схватившись пальцами за острие, и воплем выразил презрение к врагу. Вторая стрела поразила одного из людей Дракулы в лицо, пробив скулу и став причиной безобразной раны, но не такой, которая могла бы оказаться роковой для вампира. Третья угодила в голову серому коню Джона, и тот, убитый наповал, рухнул, как подкошенный.

Дракула мрачно улыбнулся — не только потому, что три оставшихся мальтийских стрелка пали от пуль, которые их скорее всего, убьют, хоть они и вампиры, но и потому, что не мог не испытывать смутного удовольствия при виде столь пошлого кувырка Джона. Разумеется, принц быстро найдет нового коня, но пока что Дракула мог скакать один мимо Великого Дома семьи Игуаньес, по улице Вильеганьон, а затем вокруг, чтобы поглядеть, какой хаос учинили его люди. Он подумал, что уже достаточно покрасовался для создания славной картинки прочного союза, а теперь надо не упустить случай омыть меч в крови побежденных, прежде чем он доберется до самого Великого Собора, где и подождет, пока завершится унижение его врагов.

Последний из вампиров, устроивших засаду, скатился с крыши, и Дракула выкрикнул приказ одному из своих пехотинцев, чтобы этого человека, если еще жив, приберегли для смерти на колу. Впрочем, когда валах принялся выполнять повеление, ему пришлось тут же отскочить в сторону, так как что-то прогремело по крыше и упало рядом с мальтийским вампиром. То был какой-то горшок, разбившийся о камни мостовой. Красная жидкость хлынула из него и залила поверженного.

— Что это? — спросил Дракула. Пехотинец озадачено покачал головой. Но Джон уже встал на ноги, посиневший от гнева из-за падения. Он прошагал мимо вороного коня

воеводы, чтобы разглядеть человека, который убил его серого, и то, что на него пролилось.

— Похоже на кровь,— сказал он. Его голос скрежетал от гнева.

— Погодите! — крикнул Дракула, но Джон уже нагнулся и, коснувшись пальцами осколка горшка, поднес их к губам. Сперва он принялся к жидкости, затем попробовал языком. Развернулся, чтобы взглянуть на воеводу, который облизывал сухие губы.

— Это только кровь, мой друг,— сказал наследник Великой Нормандии.— Лишь кровь простолюдина. Улицы ею полны.

Воевода ничего не ответил, но едва слышно пробурчал самому себе: «Ага, так оно и есть. Но хотел бы я знать, по какой причине они собрали ее в горшки, которые стояли близ их арбалетчиков?»

И тут он вспомнил, как умер Эдмунд Кордери.

10

Ноэль Кордери не оказал сопротивления, когда валашские солдаты ворвались в его каморку в резиденции архиепископа.

Он стоял у окна, в отчаянии наблюдая за побоищем, и в сердце его царило такое опустошение, что он с трудом заставил себя обернуться и взглянуть на них. Но пришлось.

Первый из вторгшихся, светловолосый простолюдин с безобразным лицом, одурелый от возбуждения, казалось, готов был немедленно предать его мечу. Несомненно, солдат видел перед собой лишь старика в очках, на простой одежде которого не имелось знаков различия, ничем не выделявшегося среди многих других, столь же беспомощных. Более того, Ноэль сделал движение, словно подставляя грудь валашскому клинку, и уже ждал удара, когда капитан-вампир оттолкнул простолюдина в сторону, выбравив его на родном языке. И тогда Ноэль понял, что, возможно, он умрет не так-то легко. Вампир пока что не опознал его, но боялся совершить ошибку.

Солдаты взяли Ноэля в плен и повели, показывая другим, которых захватили, пока не нашелся кто-то, согласившийся его назвать. До того они обращались с пленником грубо, но

поняв, кто это, стали поосторожней. Ноэль увидел, что валашский капитан глядит на него со страхом, отвращением и с величайшей растерянностью; ясное дело, Ноэль отнюдь не походил на мастера алхимии и черного мага.

Его руки крепко связали у него за спиной кушаком, а затем вернулись с ним в каморку, где его нашли. Капитан оглядел ее, порывлся в бумагах на столе, словно пытаясь их оцнить, хотя, вероятно, по-английски не читал и не мог выговорить даже нескольких слов.

Несколько минут спустя капитан велел своим людям собрать все и унести с собой. Он опять повел Ноэля прочь из каморки, а там и из резиденции на роковую встречу с Владом Цепешем.

Идти пришлось недалеко, ибо Дракула устроил свою ставку в так называемом Университетском Дворце, где община жителей Мальты по договоренности осуществляла те свои права, которые гарантировал им Великий Магистр Ордена. Дворец служил главным судом Мдины, и мальтийцы находили там правосудие, которое предлагала им их аристократия. Дракула счел такое место вполне подходящим для суда, где он лично будет выносить приговоры защитникам острова, которые пытались отколоться от Галльской Империи и сделать Мальту колыбелью Нового Порядка.

Казалось, этот нерожденный порядок умерщвлен прямо в утробе, и труп будет разодран деревянными колыями Дракулы, однако Ноэль, в какое бы уныние ни повергло его зрелище залитых кровью улиц, знал: видимость вполне может быть обманчивой.

Воевода ждал в небольшой палате близ главного зала дворца, где расположился с большим удобством. Он был не один, однако при нем находились не воины, а весьма благородные спутники. Когда капитан сообщил воеводе, кто этот пленник, Дракула бесстрастно выслушал новость и велел солдатам оставить Ноэля и удалиться.

Очки Ноэля чуть соскользнули с переносицы, и несмотря на то, что расстояние было невелико, он не мог вполне отчетливо увидеть Влада Цепеша. У него создалось впечатление, что перед ним огромного роста красавец с длинными волосами и развевающейся бородой, и что блеск его кожи

указывает на него как на вампира. Он видел также, что валах прижимает к груди согнутую в локте правую руку, как если бы она была нездорова и не могла свободно действовать. И подумал: не удивлен ли Дракула, что видит его таким, каков он теперь — слабым и несовершенным, со следами прожитых лет, перенесенных болезней, со всем тем ущербом, какой получает к старости брeнная плоть. Но Дракула, должно быть, знал, что Ноэль Кордери — неудачник, невосприимчивый к бессмертию.

— Я рад знакомству, мастер Кордери,— сказал воевода. Он говорил по-английски с легким акцентом.

— Я надеялся избежать такого знакомства,— ответил Ноэль.— Я не ожидаю, что оно завершится счастливым исходом.

— Вам не следует бояться моего кола,— заметил воевода.— Мне поручено доставить вас в Рим с тем, чтобы передать в руки представителей инквизиции папы Александра, которые примут вашу исповедь в совершенных преступлениях: чародействе, сношениях с дьяволом и прочем. Они попытаются обращаться с вами более кротко, чем некоторые другие, я полагаю, ибо их будет несколько беспокоить, как бы вы не скончались на допросе. Они предпочли бы, чтобы вы живым добрались до места, где вас сожгут как еретика. Они попытаются добиться от вас должного раскаяния и самоосуждения, каковые вам предстоит выказать прежде, чем вы сгорите.

Двое из присутствовавших оказались достаточно нахальными, чтобы подойти сбоку к своему повелителю и с любопытством уставиться на пленника. Они были невелики ростом, гибки и стройны, их платье не замарали ратные труды. Так как обоих отличали гладкие и блестящие черные волосы и темные глаза, частые у вампиров, близорукому взгляду Ноэля они казались почти неразличимыми. Один из них, видя, в каком тот состоянии, отошел и вернулся со стулом, а затем придержал, пока тот не сел. Ноэль не стал благодарить его.

— Это мой друг Михаил Бехейм,— представил Дракула другого, который не пошевелился.— А тот, который только что позаботился о ваших удобствах — Блондель де Несль. Возможно, Блонделя вы знаете?

Нозль поглядел на человека, который принес ему стул, и сказал:

— Я видел вас несколько раз, когда был очень молод. Нет сомнений, вы не переменились, но я плохо вижу.

Если Блондель и улыбнулся, Нозль этого тоже не увидел.

— Вы знаете, что стало с моим другом, монахом по имени Квинт? — спросил Нозль Дракулу. Его мало тянуло обсуждать самые скверные стороны назначенной для него участи, но он желал что-то услышать о монахе.

— Если он не мертв, то отправится вместе с вами в Рим, — ответил воевода. — Вампиров дозволяется сжигать наряду с простолюдинами, если доказано, что они еретики. Я пока что не видел его, но вы сами понимаете, он не мог ускользнуть. У вас была возможность отплыть, и, пожалуй, вы зря проявили упрямство и не воспользовались ею.

— Наверное, вы поймете, почему я подумал, что вы не можете мне повредить, — произнес Нозль. — Моя жизнь и без того привела меня на грань смерти.

— И все же я еще мог бы кое-что к ней добавить, если бы пожелал, — сказал ему Дракула. — Надеюсь, добрые папские инквизиторы сделают все, что могут, чтобы остаток ваших дней на земле был не из приятных. Забавная шутка судьбы: такой врач, как вы, не смог исцелить себя от проклятия боли. Думаю, у римлян хватит времени, чтобы посмеяться над нею.

— И все же они не смогут причинить страдания Квинту, — сказал Нозль, стараясь, чтобы голос его звучал ровно. — Убить — да, но не заставить мучиться. И, думаю, благодаря мне многие другие теперь находятся за пределами страданий, какие вы охотно причиняете. Вы нашли на ваших галерах место для груза заостренных палок, или ваши плотники лишат остров всех его деревьев? Боюсь, их здесь немного.

— У меня есть все, что нужно для моей работы, — ответил Дракула, подделываясь под спокойный тон своего пленника. — На мою долю выпало судить мальтийцев и мятежных госпитальеров и наказать их за участие в ваших деяниях. Вы знаете, конечно, что Лангуасс убит?

— Я все видел. Его корабль захвачен или затонул?

— Не знаю. Я не слышал никаких сообщений, но море по-прежнему спокойно, и если судно отплыло от западного берега, нет причин ему не добраться до нового порта.

Казалось, Дракула достаточно честен, давая ответы, и в его хорошо поставленном голосе отсутствовали признаки личной враждебности. Разве что слышался еле замаскированный отзвук учтивого любопытства, словно Сажатель-на-Кол пытался понять, что представляет собою на самом деле этот незнакомец, который предстал перед ним таким слабым и беспомощным на вид, и все же вызвал столько хлопот.

— А как насчет Сцеберры, Игуаньеса и Дюрана? — снова спросил Ноэль.

— Барон Кастель Чичьяно для нас недостижим; пока не мертв, но в спячке, из которой я не стану его поднимать. Можете считать меня снисходительным, хотя я не из милосердия согласен даровать ему легкую смерть. Он недостаточно важен. Мои люди заостряют колья для другого барона и для сеньора де Вильеганьона.

Ноэль печально покачал головой.

— Какой смысл сажать на кол вампиров? — поинтересовался он, скорее с презрением, чем с горечью. — Они могут подавить боль и просто уснут, нанизанные на колья. Их смерть, таким образом, станет столь же легкой. Ваши способы расправы, государь, устарели.

Тогда Дракула подошел к нему ближе и протянул руку, чтобы поправить очки, явно догадавшись, что Ноэль его плохо видит. И поправил их с величайшей осторожностью. Когда очки встали на место, воевода поглядел своему противнику прямо в глаза.

Ноэлю пришлось поднять взгляд, чтобы их глаза встретились. Он опять не выразил благодарности и решил выдержать темный взгляд Дракулы настолько твердо, насколько получится. Но в конечном счете он отвел глаза, посмотрев на Михаила Бехейма и Блонделя де Несля, лица которых теперь стали отчетливей. Они казались замороженными как Ноэлем, так и беседой, которую вел с ним Влад Цепеш.

— Думаю, вы никогда не видели, как человека сажают на кол? — с рассчитанной мягкостью спросил Дракула.

— Нет,— ответил Ноэль.— Но видел, как пытаются вампира, и знаю, как мало значит боль после того, как предпринято усилие ее погасить. Я знаю, что это бесполезно.

— Простолюдин на колу нескоро умирает,— сказал Дракула.— Кол вводится в его зад, так что острие оказывается во внутренностях. Когда кол тщательно ставят торчком, тяжесть тела очень медленно тянет казнимого вниз по шесту, и острие мало-помалу входит все глубже, разрывая печень и желудок, пока не достигает грудной клетки и легких. Я знал людей, которые доживали до того, что им пронзало легкие, но обычно жертвы умирают раньше. От потери крови и чудовищной боли. Если они корчатся, то мучаются тяжелее, но смерть приходит быстро. Я видывал людей, которые это знали и неистово бросались навстречу смерти, хотя испытывали боль столь жуткую, что их души буквально раздирало в клочья. Я видывал людей, прокусывавших себе языки в таком состоянии, но я находил, что они по-своему храбрецы.

Для вампира все иначе. Как вы говорите, вампир способен управлять болью. Это, конечно, стоит усилий, но это можно сделать. И вампир на колу не корчится. Более того, остается настолько неподвижным, насколько может. Это часть его стараний по обузданию себя. Он не так сильно истекает кровью внутри, как простолюдин. И не может умереть от такой кровопотери. Он может, если повезет, впасть в глубокую спячку, когда острие дойдет до легких, но я видел, что такое редко случается. Самое искусство, с которым вампирская плоть восстанавливает себя, начинает залечивать ткани вокруг стержня, который сквозь них проникает. Вампир на колу, таким образом, может прожить несколько недель, а не часов, вполне осознавая, что происходит. А тем временем острие кола проходит через торс к шее. Жертве можно не дать ускользнуть в спячку, если питать кровью и водой из губки на конце палки.

Я видел вампиров на колу, которые по истечении немалого времени откидывали назад головы, дабы острие вышло наружу через рот. Их внутренности все это время приспосабливались к деревянному вертелу, шедшему сквозь тело. Они управляют болью, но не могут избавиться от знания, что с ними делают. Это более тонкий род пытки, чем тот,

что вы могли бы понять. Мы созданы из совершенной плоти, и тем, кто желает мучить вампиров, следует быть очень смысленными.

Порой я раздумывал, наблюдая, как приспособляется к жизни на колу вампирская плоть: как и до какой степени пришлось бы изменяться людской плоти, если бы у нас только хватало искусства и терпения. К чему только нельзя вынудить человека! Я видывал людей, благодаря опыту и увлеченности, поднаторевших в искусстве сажания на кол, но у меня всегда было на уме попытаться сделать что-нибудь более изысканное. В прошлом у меня всегда вызывал досаду недостаток вампиров, на которых я мог бы поупражняться, ибо мы всегда обращаемся с нашими собратьями бережно. Но вы, изменив мир, помогли мне, и благодетельные свойства вашего эликсира, несомненно, обеспечат меня достаточным количеством жертв.

В течение всей этой речи Дракула твердо глядел в глаза Ноэлю, терпеливо ожидая, что тот опять отвернется. Но не дождался. Когда воевода замолчал, Ноэль по-прежнему смотрел на него, и никакого ответа не прозвучало.

— Вот видите,— спокойно сказал Дракула,— к чему привели ваши усилия! Вы напустили вампиров на вампиров, и тем самым вынудили нас учиться тому безжалостному обращению друг с другом, которое сохранит нашу власть. Вы немало добавили к людским бедствиям, не так ли?

— Все, что вы творите,— на вашей совести, а не на моей,— сказал ему Ноэль.

— В самом деле, мастер Кордери?

Ноэль понял, что Дракула отнюдь не развлекается, затеяв этот спор. И не просто стремится запугать пленника. Дракула был неподдельно рассержен и отчаянно хотел показать силу своих доводов. Воевода продолжал:

— И ваша совесть, мастер Кордери, не встревожена ничем, что вы сделали? Ни одним из последствий мятежа, который взлелеяли? Значит, вы считаете себя святым, мастер Кордери, осужденным своей брэнной плотью умереть, как мученики старых времен гибли на крестах и кострах из любви к Иисусу? Но жизнь идет вперед, мастер алхимик, и то, что вы начали, будет продолжаться века и затронет жизни многих

поколений. Вы перевернули мир, он никогда не станет прежним. Не явись вы на Мальту, многие, кто теперь лежит на улицах мертвый, были бы живы. Не сделайте вы вашу работу, многие, кого нынче ночью насаждают на деревянные острия, топили бы вместо этого свои обычные мелкие печали в добром вине. Или вы не верите, мастер целитель, что они умрут, проклиная вас с последним судорожным вздохом? Поверьте, я настаиваю на этом, ибо знаю, что так оно и будет.

Ноэль твердо поглядел на него и ничего не сказал, ожидая продолжения.

— Вам нечем оправдаться? — спросил воевода.

— Не я нуждаюсь в оправданиях, — сказал ему Ноэль. — Вы — тиран, угнетатель, мучитель. Мальта не причинила вам никакого вреда. Ее жители искали только свободы от Галльской империи. Мы не убийцы, мы никого не распинаем. Вы жалкий глупец, если думаете, что на меня можно свалить все грехи, которые вы с радостью совершите. Вы верите, что лес смерти, который вы намерены насадить, покажет миру, как глупы люди, ищущие свободы и долголетия, в которых отказали им вам подобные; но это лишь покажет им, насколько вы злобны и насколько в действительности безбожны. Это покажет им, как отчаянно мир взывает о ниспровержении вашего господства. Я сделал все, что мог, чтобы достичь этой цели, и сделал бы еще больше. Я рыдаю о каждой капле крови, которая пролита в этой войне. Но поступить иначе было бы равносильно предательству нерожденных, измене человечеству, не меньшей, чем та, которую совершил сам Аттила, и которую ваше племя безжалостно продолжало вершить в течение многих лет. И уж не такому, как вы, Влад Цепеш, меня стыдить. Я сделал все, что мог, чтобы сокрушить вас, и по-прежнему надеюсь, что сделал больше, чем вам представляется.

Произнеся эти последние слова, Ноэль опустил, наконец, взгляд и посмотрел на раненую руку восводи. Дракула тоже посмотрел вниз, затем потянулся левой рукой и ощупал пальцами верхнюю часть правой, как бы ища некий таинственный знак.

— Я надеялся, что вы мне об этом скажете, — прохладно заметил Дракула. — Но не хотелось бы оставить вас при

мысли, что я лишен воображения. Я был ранен, как вы должны догадываться, стрелой из арбалета, стрелой, уже окровавленной до того, как она поразила меня. Я не вполне понял расположение сил обороны, когда бой был в разгаре, ибо мне показалось, что вы целитесь из пушек в простолюдинов, а из арбалетов — в вампиров, вопреки здравому смыслу. Я призадумался ненадолго: не совершил ли Дюран какую-то необъяснимую ошибку? Затем увидел ваши окровавленные арбалетные стрелы, рассеянные по земле, и горшки, в которые окунали их ваши стрелки. И заподозрил, что у этого обстоятельства есть особая причина.

Я вспомнил, что рассказывал мне Ричард о смерти вашего отца, и спросил себя: не мог ли тот человек, который открыл эликсир жизни, составить также и эликсир смерти? Теперь я понимаю, что мы, всегда создававшие вампиров магией, слишком легко приняли вашу алхимию за подражание нам. Сперва мы не поверили, что ваш эликсир есть нечто большее, чем прикрытие, и предположили, что вы всего-навсего мужеложцы вроде нас, загадочно плодовитые. Мы, как я думаю, поплатились за наше благодушие. Не скажете ли вы мне, мастер алхимик, какой ущерб смогут причинить ваши стрелы?

— Откровенно говоря, не знаю, — вежливо произнес Ноль. — Мы не имели случая испытать мое изобретение, разве что на крысах, которых я сперва сделал бессмертными, а затем уничтожил. Не смею утверждать, будто понимаю все, что я открыл в Адамаваре. Большинство тайн моей алхимии пока еще остается тайнами. Человеческая сперма — не единственное семя, которое может сочетаться с тем, другим семенем, чтобы стать тем, что делает людей вампирами. Думаю, существует не один способ, которым можно преобразить человеческую сперму. Я пытался сочетать семя вампиризма с семенами болезней, взятыми из тел страдальцев, в надежде, что эти семена болезней могут обрести силу уничтожать вампиров. Насколько известно, на это способны некоторые повстрия в Африке. Сам я настолько восприимчив к заразе, что вынужден был лишь наблюдать за этой работой, но я не мог позволить Квинту и моим мальтийским помощникам делать все самостоятельно. Я задумывал опыты и руководил ими. Я пытался убить вас, Влад Цепеш — палоч-

кой потоньше, чем та, которую вы, как я считал, припасли для меня.

— Ваш отец потерпел неудачу,— холодно сказал Дракула.

— Он убил Кармиллу Бурдийон.

— И чума, которую он выпустил, унесла жизни тысяч простолюдинов в Лондоне. Если галльские рыцари разнесут болезнь во все пределы империи Карла Великого, а мои валахи — во все концы государства Атиллы, умрет миллион простолюдинов и не более тысячи вампиров. Кто большее чудовище, мастер Кордери: государь, который сажает на кол тысячу виновных, чтобы сберечь мир, или алхимик, который способен уничтожить миллион, заразив людей лихорадкой, не делающей различия между другом и врагом? Как вы ответите на это обвинение, мастер Кордери? Если Влада Дракулу считают демоном в людской личине, кем может мир счесть вас, который распространит самый великий мор, какой Европа знала до сих пор? И вы все еще мните себя мучеником? Вы и теперь святой, незаслуженно осужденный на костер?

— Я не святой,— спокойно отвечал Нозль,— и другим подобает судить о деле, за которое я стал мучеником. Я знаю, жалок мученик, который проливает чужую кровь вдобавок к своей, но мы и так всегда были племенем мучеников, мы, простолюдины, отдавшие слишком много нашей крови за эту последнюю тысячу лет, выкармливая тиранов и палачей. Я снова говорю: не знаю, что я сделал, но рыцари-вампиры Европы стали первыми и главными мишенями для стрел, которые я отравил. Если вы хотите спасти простолюдинов и вампиров Галлии и Валахии от опасности чумы, вам следует лишь остаться на Мальте и полностью взять на себя всю тягость этой ноши. Молю вас сделать это, ибо без солдат вашей поразительной армии, собравшейся и явившей такую мощь, чтобы покорить крохотный островок, ни Галлия, ни Валахия не смогут одолеть внутренних врагов.

Аттила, как говорят, безумен, и Карл Великий — не тот, что был. Их время прошло, и тень вечности мрачно падает на будущее, которого никто не может знать. Я пытался стать одним из тех, кто его определяет, и сделал все, что мог, чтобы обеспечить честный выбор: чтобы каждый из живущих мог стремиться к лучшей доле. Если я высвободил

разрушительные силы, которые потрясут весь мир, то я предоставлю свою душу для страданий в чистилище за каждую невинную душу, которую поразило мое снадобье. Однако я молюсь, чтобы благодаря мне погибли Влад Цепеш и сотни его вампиров-рыцарей. Когда разорвутся железные обручи вампирской власти, пусть это спасет сотню жизней в обмен на каждую потерянную.

Дракула отступил от него на шаг, и Ноэль почувствовал, что с него словно свалилось бремя. Обвинения Дракулы задели его больше, чем он ожидал. Нынче он честно испытал свою веру в справедливость того, что сделал. Теперь он чувствовал себя беспредельно усталым и не мог поверить, что у него хватит выносливости для путешествия в цепях в Рим и последующих встреч с инквизиторами Александра. Ноэль чувствовал себя слишком хрупким, чтобы вынести боль. Он мог смехом ответить на любую угрозу.

— Если бы вы только остались в Лондоне,— прошептал Влад Цепеш, глаза которого пылали, как если бы его охватила лихорадка,— Ричард ни за что не стал бы убивать вас. Он, видите ли, был правителем, которому так хотелось, чтобы его любили, и которого всегда искушали красивые юноши. Возможно, его способ сделать из вас вампира имел бы успех там, где отказал ваш эликсир, но в любом случае вы были бы теперь знатной особой при английском дворе, весь в шелках и пудре, по уши в маскарадах и балах. Весь мир оказался бы у ваших ног, и утонченные, очаровательные дамы-вампиры возместили бы вам вашу смертность.

— У меня была жизнь лучше этой,— бесхитростно заметил Ноэль.

— Вы перестанете так думать, когда подожгут костер.

Ноэль рассмеялся, не отважно и не с презрением, а лишь потому, что оценил шутку: нелепый пример остроумия, от Бога ли, от дьявола ли, впрочем, это не имело значения.

Он с радостью увидел, что Дракула смотрит на Михаила Бехейма, ибо ничего не понял.

— О да,— сказал Ноэль с внезапным приливом дерзости,— посмотрите на вашего арокина, которому вы доверили слагать и хранить рассказы, открывающие вашу гнусность, несмотря на всю ложь и вымысел, которые в них вплетены.

Но вот что я скажу вам, Влад Цепеш: идет Шигиди, и он придет к вам так же легко, как и ко мне!

— Он бредит,— сказал Михаил Бехейм как можно небрежнее.

Тогда Нозль повернулся к Блонделю, которому недавно прибавила чести мелкая, но добрая услуга, и сказал:

— Y Gwir yn erbyn y Byd.

И с удовольствием удостоверился, что Блондель и только Блондель понял, что это за девиз, и что он означает. Валахам пришлось посмотреть на галльского менестреля, ожидая перевода. Чтобы немного подразнить обоих, он помедлил перед тем, как перевести, но в конце концов сообразовали проговорить с едкой насмешкой:

— «Истина против мира».

ЭПИЛОГ

Вот расшифрованный текст письма, полученного Лордом-Протектором Британского Содружества сэром Кенсельмом Дигби летом 1663 года.

Милорд.

Вы просили подробно описать вам конец Нозля Кордери, засвидетельствовать который я отправлялся по вашему приказу, и я дам вам полный отчет, хотя думаю, что подробности только причинят вам страдания.

В шестой день июня я инкогнито явился на большую площадь в Ватикане. Там собралась заметная толпа, и люди были в странном настроении — некоторые игривые и резвые, другие тревожно молчаливые. Из-за суматохи я не много мог подслушать, но то, что говорилось, мало отличалось по духу от уличных сплетен, о которых я прежде вам докладывал. Немногие из простолудинов искренне верят, что Кордери отвечает за чуму, которая недавно обрушилась на Италию и Испанию, хотя, как ни парадоксально, люди считают, что он имеет какое-то отношение к смерти Влада Дракулы и Норманнского претендента Джона. Слава Кордери-чародея теперь довольно прочна, но служи-

тели Римской Церкви пользуются любой возможностью, чтобы уверить своих прихожан в том, что сила его проклятия преодолена.

Когда повозка, везущая двоих осужденных, выехала на площадь, поднялось немало бойкого шума и насмешек, и несколько минут стоял такой гвалт, что невозможно было различить ни одного отдельного голоса. Монах Квинт непрерывно оглядывался, но голова Кордери оставалась склоненной. Когда я приблизился к ним настолько, насколько удалось, я увидел, что губы его распухли, и цвет у них гангренозный, руки изуродованы, ногти сорваны и маленькие косточки вырваны щипцами. У монаха — предположительно в силу того, что он вампир — не виднелось столь явных следов пыток, но язык ему отрезали, прежде чем повозка выехала, чтобы не позволить ему обратиться к толпе.

Я видел, как голова Кордери поднялась, когда повозка остановилась, и он смог бросить взгляд на огромную кучу хвороста, помост и столб, к которому его должны были привязать. Клянусь, сэр, он рассмеялся, но думаю, было больше похоже, что он отчасти лишился разума. Во всяком случае, это не казалось проявлением отваги. В нем не чувствовалось той отчаянной оживленности, какую порой видишь у осужденных к повешению в Тибурне.

Кордери почти несли на помост, он явно был не способен идти, хотя монаха вынудили взойти по ступеням самостоятельно. Их приковали, каждого к отдельному столбу, достаточно свободно, чтобы они могли шевелить руками и ногами. Пытаясь увернуться от огня, они доставили бы удовольствие римлянам, которые любят, когда жертвы пляшут.

Толпа онемела, когда кардинал из Святой Инквизиции прочел вслух исповедь, подписанную Кордери, где тот сознавался, что служит дьяволу и принес в мир великое зло, в котором теперь искренне раскаивается. Кончалась она благодарностью тем, кто помог ему прийти к искреннему раскаянию, и выражением желания, чтобы ему не позволили задерживаться в этом мире, а не то как бы он еще больше не навредил всем добрым людям. Заявление было не особенно впечатляющим, ибо инквизиторы никогда не считают свое

дело сделанным как должно, если не добились от осужденного еретика, чтобы тот очернил себя собственными устами. Этого, кажется, они от Кордери в полной мере не дождались.

Затем хворост был подожжен. Я не думал, что Кордери способен активно двигаться, но пламя, лизавшее его тело, заставило его жутчайшим образом корчиться, и он испустил один чудовищный вопль муки. Вампир, конечно, оставался спокойным и стоял с воздетыми к небесам глазами, вне досягаемости для любой боли.

Костры пылали быстро, ибо хворост был сухим, и тела скоро оказались истреблены. Когда пламя опало, стало возможным увидеть черные перекрученные остовы у столбов, держащиеся на цепях — почти скелеты, лишь с небольшими остатками сморщенной и обгорелой плоти. Опять поднялся шум, он стал неистовым и полностью не затих даже тогда, когда кардинал попытался во второй раз обратиться к толпе. Были некоторые, горестно рыдавшие и говорившие, будто чародей нанес им ущерб своим воплем, что это было колдовство, проклятие и прочее, но в толпе сновали солдаты, добиваясь, чтобы эти неразумные крикуны умолкли.

Я слышал, что где-то в толпе находился еще один англичанин. Но мне не назвали его имени, из-за чего представляется невозможным его отыскать. Мне передали, будто этот человек сказал другому, что когда кардинал указал на почерневшие тела и прокричал на весь мир: «Вот враги человечества, справедливо уничтоженные!», то один из двух черепов со скрипом повернулся на жалком подобии шеи и отчетливо произнес: «Ты лжешь!». Думаю, это уже чересчур, но тем не менее такой слух будут повторять, как всегда в подобных случаях, да и не могу поручиться, что этого не было.

Ваш смиреннейший слуга, П.

Часть шестая

МИР, ПЛОТЬ И ДЬЯВОЛ

*Я знал и ад, и счастье знал,
Но нынче страх меня поймал,
Бедя грозит мне за бедой:
Ведь Timor Mortis надо мной.*

*Нет в здешней славе утешенья:
Ведь мы здесь только на мгновенье,
Плоть слабая — наш враг лихой,
И Timor Mortis надо мной.*

*Все в жизненном мелькает круге:
То ты здоров, то вновь в недуге,
То смерти ждешь, чтоб был покой,
Но Timor Mortis надо мной.¹*

Уильям Данбар.
«Жалоба простолюдина»

1

Было тринадцатое июня года 1983 от Рождества Господня. Очарование ранней весны явилось в Нову Скотию, и окно приемной доктора Чедвика было отворено, чтобы впустить легкий морской восток со слабым запахом гниющих водорослей и недавно выловленной рыбы.

Майкл Саутерн сидел в приемной на низкой, обитой пластиком софе, неловко вытянув перед собой больную ногу. Правой рукой он сжимал свою палку, и костяшки пальцев побелели от напряжения. Его светлые глаза беспокойно блуждали вдоль стены по ряду снимков, сделанным электронным микрографом. Там было поперечное сечение клетки печени, замороженной и высушенной, похожее на лунный пейзаж с кратерами. Имелась великая сперматозоидная отшель, и красные кольца выделяли сперму с преобразованными Y-хромосомами, носителями бессмертия. Было и гигантское

¹ Перевод Галины Усовой.

ядро в процессе деления, спутанные клубки хромосомного материала совершали первые шаги танца жизни. Эти несколько откровенных явлений перед волшебной камерой, которая смотрела в самое сердце Творения, рассказывали удивительную историю изобретательности природы и людской способности к открытиям.

Майкл почувствовал, что сестра украдкой наблюдает за ним, хотя, когда он к ней повернулся, она чинно всматривалась в свою работу. Ее машинка была отключена, она изучала какие-то бумаги, но внимание ее раздваивалось — вероятно, сестру тяготило его присутствие.

Она не была завершенной, лишь простолюдинкой, как и он. Вероятно, ей исполнилось не более двадцати лет, но тем больше ранило ее чувства его уродство. Она не двигалась — существо из брэнной плоти, в котором, должно быть, любое напоминание об этой брэнности вызывало ярость. Она, конечно, знала, как он потерял здоровье, и, должно быть, с тягостным чувством осознавала, что то же самое может случиться и с нею — всякий раз, когда она переходит дорогу или садится в автомобиль. Не это, конечно, было истинным ужасом его участи. Истинный ужас для Майкла Саутерна заключался в том, что он не мог избавиться от брэнности и стать завершенным.

Ему было показано раннее преобразование не столько из-за поврежденной ноги (которая, впрочем, пусть с трудом, но позволяла ему ходить) и не столько из-за непрерывных болей (которые снимал морфий), сколько потому, что в травмированных тканях в подлеченной лодыжке недавно образовалась раковая опухоль. Хирурги незамедлительно ее удалили, но высока была вероятность, что образуются другие опухоли и что рак в конце концов распространится на другие ткани. В подобных обстоятельствах преждевременное завершение считалось совершенно оправданным, и он прошел курс процедур.

Неудача.

Майкл понимал: неудивительно, что сестра так недовольна его присутствием. Быть калкой и больным в мире физического совершенства — ужасно. Это отвратительно — быть осужденным на смерть в мире бессмертных.

Конечно, для него еще оставалась надежда. Чедвик считался ведущим генетиком в Нове Скотии. Возможно, лучшего не имелось на всем Атлантическом континенте. Если и можно найти какую-нибудь помощь, то здесь. Но Майкл больше других знал о недавних победах науки о жизни и пределах, положенных для нее. Его родной отец был одним из последователей Дарвина, пионером дешифровки генетического кода; одним из тех, кто занимался раскопками той удивительной пыли, которая в виде огромного метеора прибыла на землю в Адамаваре. В течение немногих кратких минут, когда Майкл говорил с отцом по трансатлантическому телефону, от него не укрылась та тревога, которую испытал тот, поняв, в каком отчаянном положении его сын. Умереть в девятнадцать или двадцать лет в мире, старейшие обитатели которого родились во времена Христа, внезапно показалось самой жестокой участью из всех возможных. Знай он только, что ему суждено остаться незавершенным, насколько тщательней он заботился бы о своем смертном теле!

Не было никакого утешения в знании, что если бы не тот несчастный случай, он вполне мог дожить до дня, когда генетика открыла бы средство против синдрома Кордери и устранила это извращенное и упрямое наследие былой общей смертности в мире людей. В самом деле — то, что не кто-нибудь, а он сам оказался так скверно пострадавшим в ходе дорожного происшествия, казалось теперь исключительно злой иронией.

Из тягостных раздумий Майкла вырвало гудение зуммера у стола сестры. Она ослепительно улыбнулась и велела ему заходить. Она смогла даже вынести зрелище его неловкости, когда он поднялся на ноги, вынужденный всей тяжестью навалиться на палку, прежде чем заковылять в святая святых медицины.

Чедвик поднялся и подошел в дверям, когда показался Майкл. Он подал руку, чтобы помочь, но Майкл уклонился. И, как мог, добрался до стула. Чедвик тоже занял свое место и подхватил подшивку бумаг, которая лежала перед ним на столе. Не существовало больше надобности на нее ссылаться. Папка имела не столько практический, сколько символический смысл.

— Когда здесь будет ваш отец? — спросил он.

— Завтра,— сказал ему Майкл.— Он вылетает из Хитроу нынче вечером.

— Вы бы не предпочли, чтобы он вам все объяснил? Он может справиться с этим не хуже меня, а для вас это, наверно, оказалось бы... не так тяжело.

— Напротив,— произнес Майкл.— Уверен, что для него это оказалось бы нервотрепкой, отчего мне стало бв тяжелее. Я знаю, что вы не можете мне существенно помочь, только объясните, что именно со мной не в порядке. Но я бы хотел все же вас выслушать, если можно. Я должен встретиться с моим отцом на равных. Надо, чтобы мы оба понимали, о чем говорим.

— Ясно,— сказал Чедвик, и прозвучало это так, словно ничего ему не ясно.— Ну, может, вы немного поможете мне, рассказав то, что уже знаете о биологии бессмертия.

— Не очень много. Несмотря на родство, я изрядный профан в таких делах. Я не собирался заниматься медициной или генетикой. У меня, в сущности, вообще не было никаких особых планов на будущее. А теперь кажется, что они и ни к чему.

Чедвика, казалось, смутил его тон. Черные волосы доктора были короче, чем принято, и в них виднелась странная проседь, такое редко увидишь у завершеного. Она придавала доктору почтенный вид, хотя он был завершён едва ли болес десяти лет назад, ему лет сорок — сорок пять в точно хронологическом смысле.

— Да,— с неловкостью произнес он.— Простите.

— Не за что,— отстраненно проговорил Майкл.— Я виноват. Я вовсе не отвечаю на ваш вопрос, верно? Я знаю то, что знают все. ДНК, отвечающая за наше завершение,— это один из нескольких хромосомидов, который, как мы теперь знаем благодаря недавней работе моего отца и других, был принесен на землю Адамаварским метеоритом примерно тринадцать тысяч лет назад. Несколько хромосомидов могут присоединяться биохимическим звеном, которое не вполне изучено, к игрск-хромосомам человека и некоторых других видов млекопитающих. Впрочем, такое возможно только там, где Y-хромосома изолирована от парной ей X-хромосомы в сперматозоиде. Существуют и другие хромосомиды, которые странно себя проявляют, соединяясь

с очень примитивными организмами. Несколько их видов преобразовали протозоидаы или плесень в паразитов, способных вызывать у людей заболевания, как в случае с болезнью, в свое время названной «серебряная смерть». Но те, которые сочетаются непосредственно с Y-хромосомой человека, интереснее прочих. Особенно тот вид, что отвечает за бессмертие. Бессмертие — это итог благодатной «болезни», которая улучшает способность клеток восстанавливаться и устраняет эффекты старения. Вся преобразованная сперма утрачивает способность оплодотворять яйцеклетки обычным способом, но все же может внедряться в ткани мужчины или женщины, если попадет в кровь. Относительно мало значит, как она попадает в кровь. Путем прямого введения в разрез и внутривенных инъекций это вполне удастся. Хотя, полагаю, европейские вампиры, которые считали это родом магии, передавали ее через нестрадиционные половые сношения. Однажды внедрившись в новое тело, преобразованная сперма подвергается некоторым решающим переменам, дающим ей способность вырабатывать новые комплексы ДНК, включая и свои дубликаты, покрытые протеиновой оболочкой. Такие метавирусы напоминают обычные вирусы и могут заражать другие клетки в теле, но они не привносят свои собственные ДНК в ядра зараженных клеток. Вместо этого они образуют некую независимую конструкцию в месте, где вырабатываются протеины. И тут воздействуют так, что клетка становится способна лучше восстанавливать себя и противиться ущербу, инфекции или химическим изменениям, связанным со старением. Это означает, что тело, однажды «завершенное», может весьма эффективно восстанавливать все свои клетки. Побочные воздействия различны: явные изменения окраски кожи, волос и глаз, и, конечно, разительное замедление выработки спермы у мужчин и прекращение овуляции у женщин. Я все грамотно изложил?

Чедвик слабо улыбнулся.

— Если добавить немного научного жаргона, то да. Я не хочу усложнять картину пространными рассуждениями о блуждающих цитогенах и увеличенных рибосомах, хотя, вероятно, вам удалось бы меня понять. Есть лишь парочка существенных особенностей, которые применимы к вашему случаю.

Завершение — это двувекторный процесс. ДНК, которая позволяет людям преобразиться в бесплодных бессмертных, должна проделать сложный путь к месту своего воздействия. Первый вектор — это Y-хромосома, сливаясь с которой, ДНК становится «пассажиrom» в преобразенной сперме. Та несет ее в тело, где она должна последовать другому вектору, став частью метавируса, который распределяет ее по тканям, где она сделает свою работу.

Даже такая схема не полна. Завершающая ДНК, однажды начавшая действовать как часть цитогенетического комплекса, производит некоторое число ферментов, включая и тот, который обычно называют вампирским ферментом. Мы еще не уверены, играет ли этот фермент существенную роль в обеспечении бессмертия, но считаем, что да. Один из его побочных эффектов — это препятствие для производства протеиновой молекулы, присутствующей в крови обычных мужчин и женщин, которая важна, пусть в самых крохотных количествах, для подпитки системы, регулирующей производство таких гормонов, как тироксин и адреналин.

Завершенный может существовать только если регулярно получает извне запас этой молекулы. Единственным надежным источником, которым располагали наши предки, было пить или как-либо иначе вводить внутрь немного крови обычных мужчин и женщин. Причем ежедневно. И поэтому бессмертных называли вампирами. Эквивалентная молекула других млекопитающих — овец, коров и прочих — достаточно отлична, чтобы не приносить пользы; только шимпанзе и гориллы — настолько близкие наши родственники, что их кровь служила подходящим заменителем. Теперь, конечно, мы получаем нужную молекулу в промышленном масштабе из крови, сдаваемой людьми и взятой у шимпанзе, хотя надеемся в ближайшем будущем перейти к технике, основанной на генной инженерии.

Не знаю в точности, почему у данной системы имеются такие исключительные особенности. И никто не знает, хотя ваш отец может предложить какие-то соображения на основе своих исследований другой внеземной ДНК, найденной неподалеку от Адамаварского кратера. Что важно в отношении вас, это то, что есть три способа возможного нарушения процесса транс-

формации: два связаны с векторами и один — с действием установившегося цитогена. Все три могут быть причиной синдрома Кордери, стойкой невосприимчивости к бессмертию.

Порой у тела возникает реакция против спермы с преобразованной Y-хромосомой, и та не может легко внедряться в ткани. Мы установили, что можем одолеть такую досадную ситуацию, пробуя одну ткань за другой, пока не найдем ткань, которая менее склонна реагировать. Если удастся достичь внедрения, процесс в дальнейшем пойдет без препятствий.

Второй род случаев — когда иммунная система хозяина вырабатывает антитела, успешно сражающиеся с частицами метавируса, которые должны в конечном счете стать цитогенами, препятствуя их проникновению в клетки или разительно замедляя их внедрение в тело. Метавирусы очень уязвимы и крайне специфичны в отношении хозяина. И это можно преодолеть, хотя не без трудности, удалив ткань, содержащую внедренную сперму, вырастив ее в пробирке и подвергнув легкому облучению. Подавляющее большинство любых произведенных частиц метавируса просто-напросто денатурируется, но немногие становятся эффективными, их протеиновые оболочки мутируют и становятся иммунны к антителам. Это утомительная работа, и немало пациентов умерло, пока мы пытались ее провести, но чистое упорство рано или поздно окупится.

К несчастью, наши тесты указывают на то, что в вашем случае имеет место третья причина. Блуждающие цитогены деятельны в ваших тканях и должны бы выполнять свою работу. Но, увы, этого не происходит. Каким-то образом — каким именно, мы не понимаем — ваше тело блокирует один или более цитогенов, и среди них тот, что производит вампирский фермент. Мы думаем, что дело может быть в одном-единственном мутировавшем гене в одной из ваших хромосом, затрагивающем механизм, определяющий, активны или нет другие гены в особых тканях. Мутация не сказывается на обычных функциях вашего тела, но препятствует преобразованию вашей природы, которое обычно обеспечивает Адамаварский комплекс. У нас в настоящее время нет способа с этим справиться, хотя мы надеемся, что недалек тот день, когда мы сможем идентифицировать эти

недоброкачественные гены и устранять их воздействие. Но пока мы бессильны.

Закончив свою речь, Чедвик приподнял руки ладонями вверх, выражая свою беспомощность. Прогресс биотехнологии стремителен, однако нет способа угадать, как скоро ожидается прорыв соответствующего рода: в ближайшие десять, двадцать или пятьдесят лет. Между тем состояние Майкла могло только ухудшаться. Теперь, когда его пострадавшие ткани были поражены раком, который смогли бы уничтожить в его клетках блуждающие цитогены, время работало против него. Он находился в самых невыгодных условиях для того, чтобы состязаться со временем. Хромой калеска.

— Вы все это понимаете? — озабоченно спросил консультант. — Это сложно. И боюсь, что невозможно полностью обойтись без специфического жаргона.

— Да, — сказал Майкл. — Я могу проследить ход рассуждений. Я понимаю.

— Очень жаль.

— Знаю. Спасибо.

— Важно, чтобы вы не оставили надежду. В нашем распоряжении по-прежнему имеются ресурсы обычной медицины. Мы можем управлять болью и регулярно осматривать вас, чтобы убедиться, что рак не возобновляется. Даже если это и произойдет, если его достаточно рано заметить, имеются эффективные средства.

— Да, конечно, — сказал Майкл. Но его слабые голубые глаза сообщили ему, что консультант догадывается о неадекватности того, что предлагает. Доктор расположился в кресле с деловым видом, не обращая внимания на свою проседь и зная, что может дожить до 3000 года — при условии, правда, что человечество воздержится от ядерного самоуничтожения. Вооружившись такой уверенностью, он с абсурдной серьезностью пытался убедить пациента, что тот может, если повезет, дожить до шестидесяти или семидесяти лет, хромой и немощный, по сути дела, выброшенный из человеческого общества.

И что мог сказать Майкл, встретив такое слабое утешение, кроме как: «Спасибо, я знаю, вы больше ничего не можете»?

— Есть надежда, — настаивал Чедвик. — Усовершенствования в генокартировании могут скоро открыть двери к

полному анализу человеческого генома. Это, несомненно, труд для Геракла: необъятное количество ДНК, сотни тысяч генов. Но над этим работают тысячи людей. И опять же, мы медленно подбираемся к тому, как действуют управляющие механизмы — те, что блокируют и активизируют конкретные гены в особых клетках. Вы должны думать о прогрессе, имевшем место с тех пор, как вы родились. Каждый год приносит новые открытия. Ваш отец...

Доктор словно ожидал какого-то выражения прощения, чего-то, что освободило бы его от обязанности отчаянно подыскивать более обнадеживающие фразы и формулы.

— Таблетки действуют? — спросил он, переходя к другому вопросу в поисках более безопасной темы для беседы.

— О да, — сказал Майкл. — Мне теперь не требуется принимать их постоянно. Только когда очень сильная боль. Никаких побочных эффектов, если не считать кошмаров по ночам.

— Хорошо, — сказал доктор.

Майкл ничего не произнес в ответ, лишь пристально поглядел на него поблекшими глазами. Глазами, которые лишний раз подчеркивали его неполноценность. Только у простых людей бывают голубые глаза, глаза цвета неба, отраженного морем.

Чедвик ждал, его руки все еще слабо шевелились в воздухе, как если бы он надеялся найти какие-то исцеляющие движения, которые подействуют таинственным образом. И больше он ничего не потрудился сказать.

— Спасибо вам, доктор Чедвик, — снова произнес Майкл. Он выговорил это ровно, без тепла.

«Спасибо», — подумал он, с трудом поднимаясь на ноги и опять опираясь на палку. «Спасибо», — подумал он, снова бегло взглянув на сестру, которая улыбнулась, видя, что он удаляется.

Он не знал, к кому или к чему обращается с этими беззвучными горькими и саркастическими «спасибо», но все же не пожалел их, ибо их-то имелось в избытке. И в конце концов, каждый вполне искренне чувствовал к нему жалость, вполне искренне пытался ему помочь, и он только себя мог винить, если вышло так, что они опоздали со своими чувствами и попытками сделать ему добро.

2

Когда угасли сумерки, Майкл включил настольную лампу у постели. Взял книгу, которую начал читать неделю назад, и быстро отложил в сторону. История Второй мировой войны. Интерес к ней у него пробудился из-за торжеств по случаю пятидесятой годовщины окончания войны, но воодушевление быстро угасло, когда он обнаружил, что книга содержит немало политических рассуждений и весьма скудные обзоры наиболее трагических моментов войны. Он не желал читать о тонкостях дипломатии — ему нужны были описания главных городов Европы и Африки, опустошенных бомбежками, в ходе которых на них обрушились огонь и ядовитые газы.

Опять взяв книгу, он прочел полстраницы, но каждый параграф только напоминал ему о том, почему он ее бросил, и он опять со вздохом кинул книгу на столик около кровати.

Раздался стук в дверь, Майкл непроизвольно пошевелил ногами, как если бы для того, чтобы спустить их на пол, встать и отворить. Приступ боли напомнил ему, что он отдал дань нелепой устаревшей привычке, неуместной в его нынешнем состоянии. И вместо того, чтобы встать, он произнес: «Войдите».

Он был слегка разочарован, когда увидел, что вошел его отец. Не потому, что не хотел видеть отца, совсем наоборот. Однако его странно задело, что отец ждал, пока на стук ответят. Это нехитрое проявление всливости показалось Майклу знаком того непреодолимого расстояния, которое так быстро возникло между ними с тех пор, как старший Саутерн стал бессмертным — за два года до несчастного случая.

Томас Саутерн был рослым человеком, с ранних лет сильным и красивым. Он еще больше похорошел после того, как его волосы стали черными и гладкими, а кожа — бледной и блестящей. Хотя в то же время казалось, что какая-то часть его силы мало-помалу покидает его теперь, когда ему не требуется постоянно заниматься упражнениями.

Майкл знал, что когда-то выглядел очень похожим на отца, то есть на того простого смертного, каким когда-то был его отец, но шрамы от осколков разбитого ветрового стекла

обезобразивали теперь его лицо точно так же, как хромая нога портила походку.

Отец держал в руке открытую бутылку вина и две рюмки. Он поднял их, показывая, и произнес:

— Хороший кларет. Я привез его из Европы. Я подумал, ты не будешь против выпить со мной.

— Мне не советуют пить,— сказал Майкл. Но быстро добавил: — От одной рюмки вряд ли будет вред. Ты очень добр.

Томас поставил рюмки на столик у кровати. Оттолкнул в сторону отвергнутую книгу, небрежно взглянув на заголовок, и старательно наполнил обе рюмки. Затем придвинул кресло, которое стояло в углу, и сел.

Они не впервые разговаривали с тех пор, как Томас Саутерн вернулся из Европы, но и мужчина, и мальчик ясно понимали, что самое важное еще не высказано.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Томас.

— Полагаю, что лучше. Недавно мне было куда хуже.

— Никаких неприятностей из-за обезболивающих?

— Привыкания нет, если ты об этом. Но все еще болит. Иногда здорово.

— Возможно, тебе еще рано так много ходить. Ты не должен переутомляться.

— Это не из-за ходьбы. Я могу терпеть боль, когда хожу. Но когда я сижу на месте или лежу, то это сводит меня с ума. А вообще-то все как надо. Как надо.

Настало молчание. Томас Саутерн задумчиво кивнул. Его карие глаза, когда-то бывшие голубыми, встретили взгляд сына.

— Я говорил по телефону с Чедвиком,— начал он.— Он сказал мне, что объяснил тебе все подробно, и ты понял, но я подумал: не был ли ты просто вежлив? У него затруднения, когда приходится изъясняться на простом английском. Ты уловил все, что он говорил о мутировавшем управляющем гене?

— Не вполне,— признался Майкл.— Но это в действительности не имеет значения, верно? От уточнения специальных терминов, которыми описывается ситуация, мало что меняется. Сами слова не имеют волшебной силы. А есть просто факт: я однажды умру, а до тех пор буду хромым и все время буду бороться с болью. Я ничего не смогу изменить, если что-то лучше пойму, не так ли?

— Не знаю. Возможно, что и нет. Понимание — это род власти, источник храбрости. Если нужно спастись, рост понимания совершает чудо. Мы столь многому учимся с каждым проходящим годом. Мы начинаем узнавать, как выполняют свою работу блуждающие цитогены, а как только мы охватим все это интеллектуально, появится возможность разработать новые биотехнологии. Понимание может кое-что изменить, Майкл, или открыть дорогу к изменениям. Не исключено, что это случится нескоро, но ты еще совсем юн, а уход и лечение будут обеспечены наилучшие. И может, мы все-таки сделаем тебя бессмертным, и все страдания окажутся не напрасны.

— Не так-то тяжело для тебя сбрасывать со счетов страдания, — заметил Майкл. — А для меня не так-то легко их переносить.

— Это недостойно, Майкл.

Майкл одним глотком осушил рюмку и вдруг почувствовал, что готов разрыдаться. Ему стало стыдно за собственную слабость.

— О, нет! — простонал он в неудержимом приступе обиды. — Ты, конечно, понимаешь. Ты помнишь, каково это — быть молодым. Ты еще не прожил триста лет и не стал холоден как камень. Кто не чувствует боли, не чувствует и жалости, разве так не говорят? Ты до такого еще не дошел, верно? Пока что. И еще можешь представить себе, что я чувствую.

Томас осторожно потянул вино из своей рюмки.

— Это неправда, Майкл, — сказал он. — Бессмертные не становятся бесчувственными, если только не культивируют бессердечие. А эта поговорка — просто еще одна выдумка глупых старух, как и многое другое. Но это не самое главное, верно? Я знаю, что ты задет, причем в нескольких отношениях сразу, но в действительности важно, чтобы ты не оставлял надежду, ибо оставить ее — верный способ добиться того, чтобы все твои страхи оправдались. Я не говорю, что случившееся с тобой, не так уж скверно, это крайне скверно. И это выглядит еще ужасней из-за того, что мы живем теперь в мире, где каждый дожидается, когда станет бессмертным. Ты должен помнить, впрочем, что есть немало уголков в мире, где один из двух умирает прежде, чем достигнет бессмертия, и где двое бессмертных из трех

гибнут насильственной смертью прежде, чем достигают всего-навсего тех самых трижды по двадцать и десяти лет, которые обещаны в Писании простому смертному. Радуйся, что родился в наше время, когда есть надежда, а не сто лет назад, когда тебе пришлось бы пережить две мировые войны, и не было ни малейшей надежды на то, что тебя хоть как-то подлечат. Я знаю, как это трудно, Майкл, но...

— Нет, ты не знаешь! — Майкл пытался не дать воли слезам, но лишь с умеренным успехом.

Томас Саутерн огорченно покачал головой.

— Я был в Африке, Майкл. Я бывал в джунглях и в пустынях, равно как и в городах. Ты думаешь, я повидал недостаточно страданий? Думаешь, я не видел людей, которым повезло еще меньше, чем тебе?

— Нет, — мягко сказал Майкл. — Полагаю, ты их видел. Но африканцы сами виноваты в своих бедах. Они нашли бессмертие задолго до остального мира, и как они им распорядились? Они получили по заслугам, раз уж так долго держались своих нелепых предрассудков. Они могли бы создать целое общество бессмертных еще до основания Рима, если бы только мудрее использовали этот дар, а они вместо этого создали Огбоне и племя кастрированных старцев и отвернулись от самой возможности прогресса. А я что сделал, чтобы заслужить утрату возможности жить вечно?

— Не следует презирать африканцев. — сказал Томас. — И даже Огбоне. Мы обязаны нашим бессмертием тому, что ты называешь слепыми предрассудками. Если бы органический материал, который попал на Землю с Адамаварским метеоритом, упал в другом месте, — что бы он принес, кроме эпидемий? И не просто «серебряную смерть». Само семя бессмертия только убивало бы людей, потому что они бы так и не узнали, что еще им нужно, чтобы жить. Но из-за того, что африканцы предлагали кровавые жертвы своим богам, из-за того, что некоторые из их святых мужей пили людскую кровь, они узнали тайну вечной жизни. Без этого дар ничего бы не стоил и мог бы уничтожить человечество, а не обеспечить ему то спасение от смерти, которое мы получили.

— Обеспечить спасение? И спасение обеспечено? Ты полагаешь, что такой урок мы можем извлечь из истории?

Я слышал, что вечная жизнь — это лишь вызов, чтобы побудить нас придумать более хитрые способы уничтожать друг друга. Я слышал такие слова, что если бы не бессмертие, мы бы удовольствовались дубинами и копьями, а не стали бы изобретать средства истребления, вроде тех, что пустили в ход в двух мировых войнах, и ядерное оружие, которое запасаем для третьей и перед лицом которого все жизни воистину равны.

— Это верно,— осторожно произнес Томас.— Значит, ты, в сущности, не так уж много потерял.

— Возможно, и нет. Возможно, это то, что я должен говорить себе, чтобы не падать духом. В тени водородной бомбы каждый смертен, и ничья боль много не значит.

— Ты можешь говорить себе это, если желаешь,— заметил его отец.— Но я не думаю, что это верный подход. Как средство избегать отчаяния это не очень много предлагает, верно? Это лишь попытка увидеть твое собственное несчастье отраженным в состоянии мира. Ты поставлен лицом к лицу с возможностью своей личной смерти, но тебе не даст полного утешения мысль о всемирной катастрофе. Если хочешь искать уроки в истории, думаю, что нетрудно извлечь мораль из того, что никто не знает наверняка, что случится завтра, и, соответственно, всегда есть повод надеяться.

Майкл осушил рюмку и некоторое время держал ее в руке, хотя Томас свое вино еще не допил. Отец взял со стола бутылку и опять наполнил рюмку сына.

— Полагаю, ты прав,— уступил мальчик.— Но я не могу не чувствовать порой, что есть известная ирония в этом мировом кризисе, о котором мы столько слышим. Благодаря вашим раскопкам в Адамаваре ты обнаружил, что бессмертие — действительно дар землянам извне, род чуда, принесенного виду существ, которые в ходе стихийной эволюции еще и не приблизились к такой привилегии. Но как мы всегда использовали этот дар? Как, коли уж на то пошло, мы использовали все прочие свои привилегии, которые добыли себе сами: наши хитрые мозги, наши зоркие глаза и наши искусные руки? А мы использовали их для того, чтобы искусно и хитро привести себя на грань уничтожения. Если у дара есть даритель, как он должен рыдать при виде того, что из этого вышло!

— Пока что мы не самоуничтожились,— ровно заметил Томас Саутерн.— И мы немалого достигли благодаря нашим хитрым мозгам, искусным рукам и зорким глазам.

— Конечно,— протянул Майкл.— Есть те, кто утверждает, что Адамаварский метеорит — это снаряд, запущенный если не Богом или каким-либо из африканских божков, то какими-нибудь дружелюбными инопланетянами, единственным желанием которых было помочь нам стать чутьчку совершеннее. Ты слышал такую болтовню?

— Слышал,— подтвердил его отец.— И такие рассуждения звучат глуповато. Но пусть не было дарителя, дар-то есть. Если это не от Бога, то все равно некое чудо. Некоторые из моих коллег все еще не всрят, что адамаварская ДНК внеземного происхождения. Мол, слишком много натяжек в гипотезе о том, что ДНК может независимо и параллельно эволюционировать более чем в одном мире, и слишком много домысла в предположении, что она впервые попала на Землю откуда-то из глубин Вселенной. Они предполагают, что метеорит вызвал цепь мутаций вследствие излучения или химического воздействия. Им куда легче поверить, что возникло некое спонтанное дублирование или рекомпликация самой Y-хромосомы, которая привела к появлению адамаварских хромосомидов. Как принять на веру, что инопланетная ДНК оказалась способна на плодотворное сочетание с человеческой?

— Порой мне кажется,— сказал Майкл,— что все такие объяснения натянуты. Не только те, которые пытаются ответить на вопрос, каким образом люди обрели бессмертие, но и те, которые отвечают на вопрос, как люди стали людьми или как древний бульон вообще положил начало жизни на Земле. Я бы скорее поверил, что обезьяна с пишущей машинкой может напечатать все произведения Шекспира, нежели в то, что некий изолированный мир выдал за несколько миллиардов лет такую сложную биохимию, как наша.

— И ты в этом не одинок. Старший Дарвин сказал мне как-то, что это ясное доказательство того, что был замысел и рука Божия. И даже Чарльз, который трудился как проклятый, чтобы изгнать божественное из построений ученых, нашел обстоятельство слияния инопланетной ДНК с челове-

ческой столь примечательным, что остановился, чтобы задуматься. Он переписывался со Сванте Аррениусом, и они теперь заняты серьезным спором с астрономами и космологами о возможном внеземном происхождении жизни на Земле.

— Но я не могу поверить и во внеземных предков,— задумчиво добавил Майкл.— Обезьяна-Шекспир — это нечто более правдоподобное, чем инопланетный филантроп, который подарил нам бессмертие, тщательно упаковав его в межзвездную ракету. Очень удобно иметь такого под рукой. Он же вполне мог раньше послать нам гены, которые обеспечили нам хитрые мозги и умелые руки. Ведь и то и другое тоже родом из Африки, если верить палеонтологам. Так что Африка должна быть центром мишени, мимо которой никогда не промажут инопланетные артиллеристы.

— Если бы все было так просто,— вздохнул Томас,— то как правильно было бы говорить: Что представляет собой человек? Клубок генетических нитей, мешок из биологических лоскутьев! Впрочем, будь так, мы могли бы только считать наших создателей дурными и легкомысленными родителями; отцами, которые дали свое семя несчастливой утробе в ходе одной безлюбной ночи, а затем исчезли, бросив свое потомство на произвол судьбы, лишенное нежной заботы и добрых советов, кроме тех, которых порой не жаль для нас Матушке Природе.

Майкл не смеялся, но хотя бы не позволил себе лить слезы.

— Не очень-то ты высокого мнения об отцах,— буркнул он.

Тогда Томас Саутерн проницательно поглядел на сына, как если бы принял это на свой счет. Майкл встретил этот взгляд и немедленно пожалел о своих словах и о невольном намеке, содержащемся в них. Он знал, что с точки зрения своего отца он поздний ребенок, его мать была несколько моложе, но Томас Саутерн отложил свое преображение, пока Майклу не исполнится пятнадцать, и немногие сочли бы, что это уж слишком. Даже до преобразования старший Саутерн проводил много времени за границей, но он не пренебрегал семьей. Когда с Майклом случилось несчастье, отец приходил посидеть у больничной койки каждый день в течение месяца. Майкл знал, что у него нет законных

причин для недовольства родителями; они не несли ответственности за дорожное происшествие, равно как и за его невосприимчивость к бессмертию.

— Прости,— сказал Майкл. Помолчав, он добавил: — Не могу удержаться от чувства, что каким-то нелепым образом я подвел тебя. Здесь, видишь ли, одно на другое накладывается. Дорожное происшествие — это скверно, но я еще пережил бы одну неприятность. А обнаружить вслед за этим, что у меня синдром Кордери в неизлечимой форме — слишком много для того, чтобы такое вынесли плоть и кровь. Много, понимаешь?

Теперь у Майкла в глазах вновь стояли слезы, хотя он по-прежнему не жалел сил, чтобы подавить их. Ему стало бы легче, если бы он увидел слезы и в глазах отца. Это дало бы ему дозволение разрыдаться в голос, да и показало бы, что отец, пусть он и бессмертен, любит его так же сильно, как прежде. Но в глазах у Томаса Саутерна не было ни слезинки. Бессмертные редко плачут. Никто не знает, почему. Слезы просто не так легко приходят им на глаза. Когда-то принято было говорить, что вампиры не плачут, но это неверно. То же самое говорили в свое время и о ведьмах. Если бы в мире действительно были ведьмы, то, вероятно, это тоже оказалось бы неправдой.

— Слишком много,— согласился отец.— И это означает, что ты должен быть исключительно храбрым. Ты достаточно стоек и способен нести даже такую ношу, как эта. Недостаточно быть простым смертным, тебе придется стать героем. Простые смертные могут быть героями. Это доказано.

— Точно так же доказано, что некоторые не могут,— усмехнулся Майкл.

— Но у тебя есть выбор.

Майкл пожал плечами.

— А что ты думаешь об Адамаварском метеорите? — спросил он, пересводя разговор на прежнюю, менее острую тему.— Если эта ДНК внесемная, то как она может прилепиться к человеческой Y-хромосоме, словно всегда имела к нам отношение?

— Одному Богу ведомо,— мягко сказал Томас Саутерн,— пока.

— Но в чем ты сам убежден?

— Это не вопрос убеждений. Мы может только предполагать. Артиллеристы с иных планет — это неправдоподобно. Но мне не так уж трудно себе представить, что жизнь и ДНК распространены по всей Вселенной. Не могу отрицать — я нахожу такую мысль привлекательной. Астрономы уверяют нас, что Солнце — это звезда второго поколения, и что все наиболее тяжелые элементы в Солнечной системе — это остатки взрыва сверхновой, произошедшего биллионы лет назад. Возможно, и жизнь на Земле — жизнь второго поколения. Возможно, пространство, в котором Солнечная система совершает свое путешествие вокруг центра галактики, содержит генетические останки прежней экосферы или, не исключено, тысячи экосфер. И возможно, история жизни на Земле — это в действительности история, которую мы просто пересказываем, собираем по кускам, вспоминаем слово за словом, строку за строкой. Возможно, мы не просто движемся из небытия к исчезновению посредством бессмертия и атомной бомбы. Возможно, мы вроде той обезьяны, стучащей наобум по клавишам машинки, пока не напечатается вдруг: «Быть или не быть...», и тогда обезьяна замирает, ища вдохновения и воззрившись в пустоту, но вот случайно наткнется на что-то стоящее и продолжает: «...вот в чем вопрос». Возможно, жизнь — это не просто что-то, что здесь, рядом, в нашем уголке бесконечности, но и везде, знай себе создает экосферы и виды, которые, даже если они лишь ненадолго расцвели, а потом увяли, оставляют надолго след в пустоте: крохотные молекулы, снова и снова вступающие в сочетания, где бы и когда бы они ни нашли подходящее местечко. И корни тянутся все дальше и дальше, хотя звезды взрываются, и даже сама Вселенная расширяется, чтобы рано или поздно уйти в небытие. Это не вопрос научных убеждений, Майкл, но, возможно, вопрос веры. Возможно, нам требуется верить во что-то подобное, чтобы вообще придавать себе какой-то смысл, как наши предки верили в нашего Отца Небесного, как древние старейшины Адамавары верили в Олоруна, Шанго и Олори-Мерина. Возможно, надо взглянуть вовне себя, настолько вовне, насколько можно, чтобы просто понять, откуда мы. Возможно, надо задавать себе иные вопросы, нежели: «Почему это со мной

случилось?» Предположим, что никакой метеорит вообще не падал в Африке тринадцать тысяч лет назад. Что есть тринадцать тысяч лет перед лицом вечности, если не мгновение ока: произвольный перерыв, не имеющий никакого значения для молитвы в целом? Тогда, ты можешь соотнести свои категории мышления с судьбами рода людского. Но метеорит может упасть завтра или вовсе не упасть, и все же мы останемся частью той же самой бесконечно развивающейся истории. У нас своя роль в наш миг появления на сцене и свои любимые сказки. Не думаю, что нам следует видеть в себе несущественную деталь, Майкл. Ни Земля, ни человечество, ни отдельная жизнь кого-либо из нас не случайны. Думаю, я пытаюсь сказать, что, если всматриваться достаточно упорно, то существуют самого разного рода пути обрести надежду. Иногда требуется немного помощи, вот и все. Микроскоп или идея.

Томас Саутерн опустил темные глаза и опрокинул себе в рот последнюю каплю вина из рюмки. Казалось, его смущает, что он столько наговорил, и многое в его же словах несколько опечалило отца, но все же в глазах Томаса не появилось ни слезинки.

Внезапно Майкл решил, что он вовсе не хочет видеть эту слезинку. Поддержка отца, в которой он нуждался, не обязательно должна была прийти в виде случайного проявления движений сердца. Важнее, чтобы она явилась подтверждением их общности и родства, а это он уже получил.

— Возможно, ты и прав,— неуверенно пробубнил сын.

— Возможно. Извини, но возможно это все, что я могу предложить. Прости, но только и есть, что это слово — «возможно».

— Мне вполне достаточно твоего «возможно»,— сказал ему Майкл. И добавил, чтобы не показаться слишком пылким:

— Я попробую привыкнуть к этому.

3

Майкл Саутерн часто прогуливался по тропинкам на вершинах скал, которые тянулись вокруг бухточек к югу от

дома родителей. Он хорошо знал эти бухточки — все, что находилось в пределах досягаемости от него, он исследовал еще до двенадцати лет. Майкл снова и снова возвращался к любимым местам, выискивая среди луж в скалах морские существа, выброшенные приливом.

В те дни он был проворным юнцом. Ему от души нравилось карабкаться и лазать по скалам. Когда отлив был ниже всего, Майкл добирался до уреза воды и рассматривал иззубренные рифы, которые видели свет дневной только раз или два в месяц. Там он охотился за экзотическими водорослями и диковинными морскими ежами, а затем развлекался игрой с набегаящими волнами прилива, держась на шаг впереди них до самого берега, перепрыгивая с камня на камень, охваченный дрожью любителя рисковать. Тогда он не думал, что море всегда холодно, ветер обычно резок, небеса частенько затянуты тучами. Он был упорен, его подогревала жажда жизни, он был свободен в своей страстной привязанности к этой полоске земли, ограниченной крайними линиями прилива и отлива.

Несчастный случай все перевернул.

Некоторое время он вообще не гулял по любимым тропинкам, но недавно опять вернулся на них с новой целью: чтобы поврежденная нога окрепла от ходьбы. Когда Майкл только что вышел из больницы, он едва ли был способен проковылять сто ярдов по ровному месту, но после возвращения к скалам и начала своих тренировок он заметно окреп. Теперь он мог протащить себя несколько миль и часто посещал отдаленные уголки, куда когда-то завлекала его страсть к бродяжничеству.

Сейчас эти места стали иными, Майкл едва узнавал их. Там, где когда-то виднелись вытопанные дорожки, теперь было дикое место, неприступное и недостижимое. Он сражался уже не с морем, но с болью, постоянно грозившей вернуться, и с усталостью, которая непрерывно подтачивала его дух.

Когда по возвращении из больницы Майкл впервые отважился на вылазку, он пытался рассчитать силы так, чтобы вернуться домой пешком. Но пришел к мнению, что от этого становится трусом, и принял иную тактику: забираться как можно дальше, а затем искать чей-нибудь дом или спасательную станцию, чтобы позвонить оттуда и попросить прислать машину.

Его матери не нравилась эта его привычка, она опасалась, что однажды сын и сам не заметит, как окажется, обессиленный, слишком далеко от тех, кто мог бы помочь. Но мать теперь была бессмертной, и он часто думал, возможно, неоправданно, что она выражает недовольство, чтобы скрыть холодное безразличие, которое завладевает ее душой — подобно тому, как чужая ДНК распространяется в ее теле. Не в последнюю очередь по этой причине он не обращал внимания на ее возражения и продолжал свои прогулки с упорной решимостью.

Сегодня Майкл надеялся, что отец прогуляется вместе с ним, как случалось порой в давние счастливые дни. Но человек вроде Томаса Саутерна никогда не может полностью распоряжаться собой, и от того, что он вернулся из Европы с целью взглянуть на сына, не помешало заинтересованным сторонам Атлантического континента требовать внимания к себе. Вот Томас Саутерн и отправился в Галифакс, предоставив Майклу развлекаться и утешаться без него, как случалось и много раз прежде. Майкл скрыл разочарование, собрав всю свою волю. Он решил установить сегодня новый рекорд на дальность.

Утро выдалось не слишком холодным, хотя ветер с моря все креп и прогноз погоды обещал сильный дождь. Рыбачьи лодки не вышли в море из деревенской гавани, хотя голубое небо никак не предвещало ухудшения погоды. Майкл не колебался. Он с малых лет не боялся непогоды и по-прежнему был готов презреть любые угрозы.

К полудню он сделал семь миль и приближался к тропчке, на которую не ступал несколько лет. Он не стал задерживаться, чтобы взглянуть на бухточку под скалами, хотя тамошние поросшие водорослями камни медленно обнажались при отступлении моря, и он ощутил немалое искушение. Тропа стала спускаться там, где скальный обрыв сделался менее крутым, и привела мальчика на низкое побережье с каменистыми склонами и лесистыми пригорками. Наклонная дорога быстро понесла его вперед. Ускорение прибавило нагрузки больной ноге, и та начала ныть. Зловещий парадокс: в то время как путь становится легче, одолевая его для пострадавших мускулов делается тяжелее. Майкл остановился и начал оглядываться. Море теперь было далеко на востоке, тонкая искрящаяся черта у горизонта,

едва отличимая от серой тучи, нависшей над водой. Большая часть неба была ясной и синей, хотя торопливые кучевые облака часто закрывали солнце.

Майкл взглянул в другую сторону, но холмы и группы деревьев не позволяли видеть далеко. В пределах видимости оказался только один дом, приютившийся среди деревьев, и Майкл решил, что от проезжей дороги здесь очень далеко. То не был дом фермера, и мальчик догадался, что дом возвели с тем, чтобы воспользоваться уединением. Возможно, там нашел приют какой-нибудь иммигрант, родившийся в иную эпоху, которому в какой-то миг стало тяжело преодолевать давление перемен и адаптироваться в мире, столь бурно измененном современными технологиями и опытом двух мировых войн. Эта часть Новой Атлантиды по-прежнему предлагала возможность затеряться таким эскапистам, любителям мест, которых не коснулись перемены и модернизация.

Мальчик взглянул вдоль берега на скалы, которые стояли на юго-западе, точно великая крепость, исполненная презрения к его жалким силенкам. Он был уверен, что побывал на дальнем склоне раз или два, но не мог толком вспомнить дорогу. Несколько мгновений он боролся с непокорной памятью, прежде чем с приливом беспокойства понял, что он не более чем в полумиле от ручья, пока что скрытого от него скалами. Этот ручей где-то неподалеку впадает в море. Вода прорыла глубокое, с крутыми склонами русло за те тысячелетия, что бежала здесь. И даже в такой близости к пляжу ручей представлял собой серьезное препятствие для Майкла. Имелся мостик, но он находился гораздо дальше в глубь суши, и Майкл решил: пожалуй, проще податься вперед к морю в поисках места, где вода разливается дельтой мелких протоков, по которым он запросто перейдет вброд даже не разуываясь.

Приняв такое решение, он спустился на пляж ниже верхней линии прилива и двинулся по влажному песку, пробираясь между выступами скалы, выбегавшей из моря, точно скомканная лента. В былые годы он не счел бы такие камни сколько-нибудь заметным препятствием, но его больная нога куда больше мешала лазать, чем ходить. В поисках пути через ручей Майкл шел все дальше и дальше, навстречу наступающему приливу. Дважды он добирался до низких

камней, на которые когда-то достаточно просто было забраться, но теперь он не одолел бы их даже с палкой. Сырые водоросли делали камни скользкими, и не больно-то находилось место, куда поставить ногу.

Отыскивая путь на юго-запад, Майкл не заметил, как далеко отошел от линии сухих ломких водорослей и пустых раковин, отмечавшей дальнюю границу прилива. И вдруг, слегка вздрогнув, обнаружил, что волны разбиваются о камни всего в девяноста футах от него.

Он не сразу осознал опасность, хотя прекрасно понимал, каким стал медлительным. Даже сейчас он не мог себе представить, что море угрожало ему. В некоторой досаде Майкл повернул, чтобы вернуться к лесистому месту. И понял, что туда нет прямой и короткой дороги и что он начисто забыл, как, собственно, сюда попал. Тут его осенило: он в опасности! Потрясение при мысли, что на этот раз состязание с океаном не сулит верной победы, не было неприятным. Скорее он ощутил сладкое волнение, чувство, что ему брошен вызов. Осознание того, что его ослабевшее тело должно подвергнуться испытанию, влекло за собой чувство бодрости.

Майкл оглянулся на белые волны, неистово бьющиеся о скалы, и заметил, как далеко теперь распространилась по небу серая завеса туч. И ощутил, что это не просто океан преследует его, но всё на земле с ученой бесстрастностью исследует его право на существование.

Его посох загремел по гальке, когда он принудил себя шагать вперед, но через несколько минут понял: у него нет времени на обратный путь, хотя четко видел неровные следы, оставленные им в липком песке. Не имело значения, что он не готов к лазанью, надо — значит надо.

Майкл понимал, что по гребню неровной каменной гряды вполне сможет идти до границы прилива. Хотя гранитные хребты тянутся то так, то эдак, это, в сущности, единая скала, от которой отходят выступы.

Он приблизился к скальной стене, что была слева, в поисках, где бы на нее влезть. Казалось, это не слишком трудно. Близость моря и неистовство волн побуждали торопиться, но с первой попытки Майкл смог одолеть только полпути, пока не подскользнулся и не упал. Он выронил палку и чувствитель-

но ушиб правое колено. Мальчик знал, что ему следует бояться падения не меньше, чем невозможности вскарабкаться на скалу.

Он умел плавать и ненадолго задумался: так ли ужасно будет, если море его настигнет? Но когда ощутил силу крепнущего штормового ветра, и когда упали первые капли дождя, он понял, что недолго пробарахтается в воде среди такого обилия острых скал. Безжалостные волны небрежно и с презрением разобьют его о первую же преграду.

Впав в отчаяние, он опять попытался влезть на скалу и опять поскользнулся на влажных водорослях. У него не хватало сил, чтобы подтянуться на одних руках, а достаточной опоры ногам не нашлось. Мальчик поспешил дальше вдоль стены, но море подкатывало все ближе и ближе. Наконец Майкл отыскал трещину, где легко встала нога. Эта расселина походила на очень узкую трубу, в которую он мог втиснуться всем телом, а затем подниматься дюйм за дюймом. Майкл забросил свой посох наверх и пополз по камню, а волны уже шлепали его по пяткам. Он ободрал ладони и оцарапал локти, разодрал штаны о грубый камень, но вот последним усилием вытолкнул себя наверх из расселины.

С мгновение он лежал, не двигаясь. Но он знал, как далеко еще идти. И знал, что гребень скалы — куда более трудная дорога, чем песок. Майкл подобрал палку и заковылял, болезненно ощущая каждый бугор и провал. Из-за торопливости он упал, а когда с трудом поднялся, то упал снова. Дождь теперь лупил лихо, и хотя скала успела высохнуть на полуденном солнце, она быстро опять становилась влажной. Скользящая поверхность грозила новыми падениями, любое из которых могло опасно повредить больной лодыжке, и та больше не сможет выносить его вес. Стиснув зубы, Майкл заставил себя идти вперед. Палка стучала, нащупывая для него дорогу. Теперь каждый шаг казался победой. Смаргивая капли дождя, Майкл всматривался вперед. Он постоянно помнил, как много таких побед еще потребуется. Он поднес к мокрому лицу грязную руку, чтобы вытереть его. И внезапно понял, что дождевая вода смешана со слезами. Он плакал в три ручья, непроизвольно дав выход усталости и беспокойству. И проклял себя за это, хотя его слабости, конечно, не заметил бы никто посторонний.

Волочась вперед, он осознал, что прилив уже нагнал его. Будь он по-прежнему на песке, волны разбивались бы о его колени, и существовала бы вероятность, что он опрокинется на спину; но здесь, на возвышенности, он был в относительной безопасности. Волны яростно бились о камни, но лишь изредка пена с них долетала до него.

Майкл поглядел вперед, оценивая расстояние до границы опасного места. И решил, что осталось только восемьдесят ярдов. Теперь он был уверен, что доберется. Он знал, что у него хватит сил дотащиться до более крутых скал, где он окажется вне досягаемости для хищных волн, если только он не упадет.

Он остановился, и от внезапного приступа ужаса у него перехватило дыхание: впереди он увидел расселину, прерывавшую скальную ленту, где уже шумело море. Не такая уж и большая расселина, даже двенадцатилетним он запросто такие перепрыгивал, да и теперь, возможно, справится. Если оттолкнуться здоровой ногой, даже без разбега, он рванет вперед с достаточной силой, чтобы попасть по ту сторону. Но как он приземлится? Как протянуть вперед больную ногу, чтобы смягчить посадку? И какой болью он за это поплатится?

Придется опять спуститься и перейти узкий пролив по грудь в воде. Это будет не сложно, так как скалы защитят его от бурунов. Он пробудет в воде не более нескольких секунд, лишь два широких шага. Нет, не так уж и тяжело, но сможет ли он вскарабкаться на противоположную стену, доберется ли до верха?

Прошло пять секунд, а Майкл неподвижно стоял на краю, глядя вниз. Он не пытался принять решение, ибо решения не было. Не было выбора. Все или ничего. Он просто собирал силы и храбрость.

Казалось чудовищно несправедливым, что он уже истратил так много сил и почти добился победы лишь для того, чтобы зайти в этот тупик. Как будто мир с запозданием выставил перед ним свою последнюю, самую коварную ловушку, ради чистой забавы.

«Ублюдки! — подумал он со всем гневом, на какой был способен. — Ублюдочное море! Ублюдочные скалы! Ублюдочная нога!» А затем швырнул палку через провал, вцепился

руками во что смог и соскользнул по скале вперед и вниз, в воду. Холод пронзил его, но когда вода сомкнулась вокруг больной ноги, показалось, что она подействовала одновременно как обезболивающее и как средство желанной поддержки. Встав на песок, Майкл повернулся и убрал одну руку с камня сзади. Двинулся вперед настолько, насколько мог, все еще держась за скалу, а затем, оторвавшись, устремился к другому краю провала. Требовалось сделать только один шаг без опоры, чтобы, приблизившись к новой, ухватиться за нее, а затем совсем нетрудно будет подтянуться. Глубина изменялась с каждым ударом волн, вода то поднималась до диафрагмы, то падала до уровня бедер. Майкл схватился за скалу чуть выше плеча, тут же начав искать положение поудобнее в ожидании, пока спадет вода, с тем, чтобы новая волна помогла ему сделать толчок вверх. И когда настал этот миг, он подтянулся изо всех сил. Его здоровая нога отчаянно скребла по скале, пытаясь найти, куда встать. И ему удалось найти достаточную опору, чтобы удержаться. Майкл с силой выбросил руку вперед, ища за что зацепиться, и пальцы тут же ухватились за край впадины. На миг он повис, стиснув пальцы, с ногами, болтающимися в воздухе и царапающими скалу в поиске новой опоры. Затем он сумел опять подтянуться вперед, выбраться из воды и перевалиться через край.

С мгновение он неподвижно лежал на боку, благодарно рыдая. Затем с усилием поднялся и опять принялся за свою нескладную ходьбу, тяжело опираясь на палку.

Когда он дошел до более крутых скал, поросших лишайником выше линии прилива, то не стал задерживаться, ибо волны все еще могли настичь его здесь. Но ощущение необходимости спешить пропало. Буруны рвели позади него, и вода, падавшая на лицо, когда он пробовал ее языком, не казалась больше соленой, ни от морской соли, ни от слез. Это был добрый чистый дождь.

Он вспомнил, как далеко от дома то место, что он видел среди деревьев, но это не казалось важным. Если потребуется, то весь остаток дня он будет туда добираться, а то и всю ночь. Состязания закончились, и море проиграло. И пусть он был измучен болью и промок до костей, он опять попал в свою стихию. Никогда в жизни он не был так далек от поражения.

Как только Лейла увидела мальчика, лежащего на скалах над пляжем, она с минуту или две думала, что он мертв, и что тело вынесло к берегу и выбросило на скалы мощной волной.

Однако, подойдя ближе, она увидела, что он в крови. Да и не был он полностью без сознания, ибо едва заметно шевельнулся при ее приближении. Когда она опустилась рядом с ним на колени, он попытался приподняться и сесть, но ему не хватило сил. Его веки затрепетали, смаргивая дождь, но открыть глаза ему было тяжело. И хотя его челюсти задвигались, он не смог выговорить ни слова. Лейла поняла, что ему не подняться на ноги без посторонней помощи, однако с ее поддержкой он вполне может добраться до ее дома. Для начала она осмотрела его, чтобы убедиться, что не причинит ему вреда, помогая встать.

— Больная нога,— пробормотал он, когда наконец смог подчинить себе голосовые связки. Лейла кивнула, давая понять, что поняла.

Мальчик был выше ее и тяжелее, но ей удалось поднять его, обхватив руками его грудь и дождавшись, пока он выпрямится и обовьет правой рукой ее плечи. Мальчик подобрал свою палку, но опирался не на нее, а на Лейлу, когда они заковыляли вверх по камням к тропе и дальше, к лесу. Один раз Лейла остановилась передохнуть и облегчить боль в спине. Но она всегда была сильной для женщины своих размеров, а мальчик был худой и тонкокостный, суший заморыш. Она привела его в свой дом и уложила на диванчик, а сама села рядом, чтобы отдышаться.

— Спасибо,— выговорил он еле слышно.— Я вас замутил. Простите меня.

Лейла только махнула рукой. Затем придвинула диванчик поближе к камину, где лежали дрова, но огонь не горел. Она подожгла их и сидела, наблюдая, как огонечки бегут вдоль сухих поленьев. Затем принесла одеяло и накрыла мальчика, хотя его одежда была насквозь мокрой.

Он опять почти потерял сознание, и глаза его были закрыты. Лейла принесла бренди и попыталась немного

вливать ему в рот в надежде, что он очнется. Он на миг открыл глаза, сделал один глоток и кашлянул, затем покачал головой, отказываясь от второго. Лейла принесла миску горячей воды и чистую тряпку и начала вытирать ему лицо и руки, очищая порезы и помогая восстановить кровообращение. Наконец он смог снова открыть глаза и заговорить более внятно.

— Спасибо,— снова сказал он, на этот раз более решительным голосом.

— Ты можешь сам снять мокрую одежду? — спросила она. Он покачал головой.

— Больная нога,— пробормотал он.— Моя палка у вас? Лейла оставила палку в прихожей.

— С ней ничего не случится,— заверила она мальчика.— Не думаю, что она тебе сейчас понадобится. Как тебя зовут?

— Майкл,— ответил он и добавил: — Майкл Саутерн.

— О да,— сказала она, заметив теперь известное сходство с другим человеком, которое ускользнуло от нее прежде.— Несколько лет назад я знала твоего отца.

То ли дело было в самих словах, то ли в том, как она их произнесла, но мальчик, несмотря на слабость, откликнулся немедленно. Она следила за тем, как изменяется его лицо, затем потянулась и удержала его, когда он попытался сесть. Как много их, простых смертных, слышавших от дамы-вампира такие слова: «Я знала вашего отца, когда он был молод»! Они воспринимают их как род измены своим слишком человеческим матерям? Но Лейла не вкладывала в эти слова такого смысла. Томас Саутерн был просто ее знакомым.

— Я вас не знаю,— проговорил Майкл чуть менее слабым голосом, с едва заметной враждебностью.

— Конечно,— отозвалась Лейла.— Я не очень... я мало с кем общаюсь. Меня зовут Лейла.

Он нахмурился. Очевидно, это имя ничего ему не говорило. Его голубые глаза остановились на ее лице, а когда она встала, последовали за ней, почти как если бы он пытался не упустить ее. Она остановилась, глядя на него. Лейла прекрасно понимала, в какой он растерянности. У нее была более темная кожа по сравнению с другими бессмертными в

этой части света, золотисто-коричневая вместо алебастрово-белой, но это мало для него значило. Главным вопросом, который вертелся у него в уме, мог быть только один: «Сколько ей лет? Из какого чужого и темного прошлого она явилась?» Всякий раз, когда простолюдин видит даму-вампира, он желает узнать, какова разделяющая их пропасть времени.

— Я позвоню твоему отцу,— предложила она.

— Не стоит,— ответил мальчик.— Он уехал в Галифакс. Моя мать отправилась с ним, чтобы сделать покупки.

Лейла взглянула на ручные часы. Знает ли он, как долго пролежал на берегу, подумала она. Но еще не было пяти, и казалось вполне вероятным, что она не дозвонится.

— Я все же попытаюсь,— сказала она. Прошла через комнату к телефону и взяла справочник. И вообразила, какая улыбка могла вспыхнуть на миг на его лице, когда он обнаружил, что она не знает номер. Прошло более двадцати лет после того, как она в последний раз видела Томаса Саутерна, а его телефона она вообще никогда не знала. Она нашла нужные цифры, набрала их и подождала, прислушиваясь к повторяющимся долгим гудкам.

Когда Лейла повесила трубку и обернулась к незваному гостю, она увидела, что мальчик тщательно осматривает помещение: книги на полках в нише у камина, картины над камином, латунный микроскоп, установленный на середине каминной полки — теперь просто украшение.

— Он, наверное, очень старый,— заметил Майкл Саутерн, не очень-то деликатно закидывая удочку.

— Да,— подтвердила она.— И по-своему знаменитый. Он когда-то принадлежал Нозлю Кордери. А мне его дал папа. Не Александр, конечно. Один из смертных Павлов, которые наследовали ему в Ватикане.— И поглядела на мальчика, ожидая его реакции.

Как ни странно, он рассмеялся, но невесело. Вот тебе на!

— Совпадение,— сказал он, чтобы объяснить свою неделикатность.— У меня болезнь, которую называли в честь Нозля Кордери.

Она в изумлении подняла брови.

— Ты слишком молод для попытки преображения,— заметила она.

— У меня больная нога,— напомнил он.— И она часто и сильно болит. Я не могу нормально ходить. Вот почему меня чуть не накрыл прилив. Мне пришлось попрыгать, залезая на скалы.— И нахмурился при этом воспоминании. Ему с трудом удалось сесть в постели. Лейла опять подошла к нему, опасаясь, чтобы он не пострадал. Лицо его было очень бледным, и она не сомневалась, что нога у него действительно не на шутку болит.

— Ты забрался далеко от дома,— сказала она.— И что же, ты всю дорогу шел пешком?

— Ковылял,— огрызнулся он в ответ. Затем, видимо, сожалея о невежливости, сказал:

— А почему этот папа дал вам микроскоп, который когда-то принадлежал Нозлю Кордери?

— Он знал, как этот прибор мне нужен,— тихо произнесла она.— Я была достаточно груба, чтобы сама об этом попросить, а он оказался достаточно вежлив, чтобы не отказать мне.— Лейла следила за лицом мальчика, зная, насколько ее заявление может, если он только достаточно сообразителен, дать повод догадаться, какая история за этим стоит. Ее слегка позабавило, что она так хитро возбуждает в нем любопытство.

Мальчик опять воззрился на нее, его голубые глаза стали теперь несколько мягче, а взгляд — задумчивей.

— Значит, вы знали Нозля Кордери, когда он был молодым? — спросил он. Он понял, что ее так забавляет, и ей это показалось занятным. Не было сомнений, что вопрос для него очень важен, но легкость, которую мальчик постарался вложить в свои слова, помогала ответить.

— Да,— подтвердила она.— Я знала его, когда он был очень молод.

Он помедлил с мгновение, затем сказал:

— Я никогда еще не встречал никого, прожившего так долго. Вы должны помнить всю историю континента. И всю историю науки о бессмертии: от Нозля Кордери до Томаса Саутерна; от эликсира на крови до генетического кода. О вас упоминают в исторических книгах?

— О да,— сказала она.— Во всяком случае, в наиболее подробных. Я ходила с Нозлем Кордери в Адамавару и жила на Мальте до появления Армады. И даже была в Кардигане,

прежде чем Нозль покинул Британию. Но историкам по-настоящему нет до меня дела, разве что как до очевидца, который помогает им все собрать. Я ничего не делала. Просто была рядом. Возможно, поэтому я до сих пор жива, в то время как все другие давным-давно истреблены и замучены.

Он улыбнулся, но внимание его блуждало. Не то, чтобы ему не было интересно, просто он основательно промок.

— Вы не можете предложить мне какую-нибудь сухую одежду? — спросил он, исчерпывающе осознав, в каком он жалком положении.

— Да,— сказала она и в ответ на новый огонек любопытства в его глазах добавила: — Но боюсь, что не оставленную здесь кем-нибудь, о ком ты мог слышать.

— Конечно,— усмехнулся он.— Ведь вещи Нозля Кордери уже, наверное, рассыпались.

Она поднялась вверх и стала рыться в ящиках, которые редко открывала. Она искала одежду, которая покажется этому мальчику подходящей для мужчины. Он был слишком высок, чтобы что-то пришлось впору, но хотя бы достаточно худ, чтобы вещи налезли. Лейла отобрала рубашку, джинсы и толстый пуловер, которые и принесла вниз. Он уже почти избавился от мокрого, и она тщательно воздерживалась смотреть на него, пока он не разделся окончательно, завернувшись в одеяло. Мальчик тоже пытался скрыть неловкость. Лейла не предложила ему свою помощь, поскольку была уверена, что ему это не понравится. Вместо этого она сказала, что поищет для него какой-нибудь еды и прошла на кухню. Когда она вернулась с намазанным маслом хлебом, холодным мясом и сыром, он уже оделся. Руки он протянул к огню, который теперь всю разгорелся.

— Прошу простить, нет ничего горячего,— сказала она,— но я поставила воду. Ты предпочитаешь кофе или чай?

— Кофе, пожалуйста,— попросил он. Затем с неловкостью заметил: — Я по-настоящему не пострадал. Только очень устал. Немного перестарался, уходя от прилива.

— Понятно,— вздохнула она.— Я поглядела, нет ли сломанных костей. Доктор не нужен, но твоя нога, думаю, болит.

Он показал ей пластиковую бутылочку, которая, наверное, лежала в кармане его брюк.

— Пилюли,— пояснил он.— Болеутоляющее. Они не часто мне нужны, но я всегда ношу их с собой.

Она кивнула и отправилась за кофе. Вернувшись с чашками, она поставила обе рядом с ним на диванчик, ногой оттолкнув сброшенное одеяло.

— Я опять попытаюсь позвонить к тебе домой чуть погодя, если только ты не предпочитаешь такси,— сказала она.— Машины у меня нет, так что кто-то другой должен приехать и забрать тебя.

— Сгодится,— сказал он.— Вы говорите, что мало с кем общаетесь. Полагаю, вам доставляют все необходимое?

Она кивнула и с минуту или больше оба сидели, глядя в пляшущее пламя, потягивая кофе. Наконец он повернул голову и снова взглянул на нее: с любопытством, к которому примешалась завороченность и, возможно, некоторый страх. Страх не перед ней, но перед той великой пустотой, которая разделяла его и ее опыт. Он находился в точке, которой достиг ныне ход истории, обычный мальчик, порождение своей эпохи. Она, напротив, была частью нити этой самой истории, пришельцем из неумершего прошлого. Понимание росло в его уме: эта женщина чуть ближе к сути времени, чем большинство людей.

— Вы знали Нозля Кордери,— повторил он, снова и снова сосредотачиваясь на этой мысли.— Вы ходили с ним в Адамавару за триста лет до Дарвина и моего отца. Вы должны были одной из первых получить эликсир.

— Нет,— уточнила она.— Эликсиром воспользовались Лангуасс и Квинт. А меня один мужчина сделал вампиром иным способом. Лангуасс, мой первый любовник, подослал меня к тому человеку во имя блага рода людского. Я добыла важную составляющую, но передала ее Нозлю, не сказав тому в точности, каким способом она добыта.

— Нозль,— повторил Майкл, словно ему показалось невероятным, что собеседница запросто называет личным именем человека, который сыграл такую важную роль в становлении современного мира, человека, который сделал цену вечной жизни куда меньшей, а затем уравновесил свое деяние, сделав куда доступней и смерть, даже для вечноживущих.

— Я не так уж и стара,— заметила она.— Я знавала мужчин и женщин на тысячу лет старше себя. Твой отец был в Адамаваре, верно?

— Да. Я слышал, он встречал там людей, которые говорили, что встречали Нозля Кордери. Важного представителя Огбоне, который называет себя Нтикима Они-Шанго. И вождя по имени Нгадзе. Он упоминал женщину, слабую умом, одну из старейших женщин в мире, по имени...

— Береника,— вставила Лейла, чувствуя запредельную дрожь, какую, как считается, неспособны испытать вампиры.— Бедная Береника. Она заблудилась во времени и собственном разуме. Мы еще не готовы жить вечно, хотя все-таки можем научиться. Нтикима когда-то спас нам жизнь. Думаю, он научился у Квинта и Нозля куда большему, чем понял в то время. Он, возможно, тот самый человек, который способен привести Огбоне в двадцатый век и тем самым вызволить Африку из нынешней пучины бедствий.

— То же самое говорил и мой отец,— заметил Майкл, словно бы удивленный, что это мнение подтвердилось.— И еще он говорил, что Нтикима оказал ему покровительство, и что он один среди так называемых старейшин понял, что именно выявили раскопки касательно природы чуда, которое принесло на Землю дыхание жизни.

— О, да,— кивнула Лейла.— Нтикима всегда многое понимал. Порой я ему даже завидовала. Не имея настоящих знаний, он обладал восхитительным здравомыслием, и когда ему предлагали подлинные знания, принимал их и встраивал в свое видение мира. Для него не может быть трудности в открытии, что все дело в метеорите, который принес на Землю вечную жизнь во внеземной ДНК, ибо это не противоречит его представлению о пущенном богом перуне, содержащем сердце другого божества. Для него это и так, и эдак, все одновременно.

— Мой отец не так уж далек от такого же мнения,— заметил Майкл Саутерн.— Недавно он поделился со мной мыслью о том, что должно быть куда больше, чем кажется на первый взгляд, в совпадении, которое сделало внеземную ДНК сочетаемой с человеческим геномом. Думаю, он и младший Дарвин пытаются поднять теорию эволюции на

более высокий уровень. Тот, что простирается за пределы Земли и охватывает всю Вселенную с единой системой жизни, являющей себя везде и всюду в бесконечности.

Лейла вспомнила, как вместе с Ноэлем Кордери и Квинтом глядела в безграничное небо, когда сказала Нतिकиме, что звезды очень далеко; и Квинт сказал, что это далекие солнца, и воздал хвалу Богу за то, что Тот дал человеку воплотиться в каждом мире у каждой звезды, наполнив свое беспредельное Творение телом и духом, осуществив стройный замысел, величие которого — за пределами человеческого воображения, даже вне воображения вампира. И затем Лейла снова подумала: «Бедная Береника! Получить дыхание жизни без пищи для видения!» Она молча говорила о Беренике, дабы отвлечься от того, что думала о себе самой, тоже не приспособленной к такому долголетию. А вслух сказала:

— Рада слышать. Вселенная с ее звездами — это унылое и жуткое место, если у нас нет чувства причастности к ней. Мне не требуется такой Бог, в какого веровал Квинт, но мне легче при мысли, что история, в которой нашлось место и для меня, не сводится к обломку камушка, затерявшемуся в беспредельной пустыне полуночной тьмы.

А себе сказала: «Я помню его лучше, чем считала, раз так говорю, ибо эти слова вполне могли принадлежать ему задолго до того, как я научилась так изъясняться».

— Вы говорите очень похоже на отца, — хрипловато произнес мальчик. — Я полагаю, бессмертные всегда что-то такое думают. И хотел бы знать, это правда или просто удобная иллюзия?

Она внимательно поглядела на него, оценивая хрупкость души по голубым глазам, столь откровенно свидетельствовавшим о его смертности.

— Не знаю, — призналась она. — И никто не знает. Однажды, и скоро, мы получим более верное свидетельство, когда отправимся к звездам и откроем, действительно ли везде есть жизнь и каково в других местах. Но дальние пределы бесконечности всегда будут вне нашего представления.

— Однажды и скоро, — повторил он. — Когда отправимся к звездам. Это будет скоро для вас, вне сомнений, но не для меня. Этот мир — все, что у меня есть, и его боль тоже. Мое

участие во всем, увы, ограничено, как и то, что выпало на долю Нозля Кордери. Он и я равно помечены нашей предательской ДНК и осуждены на раннюю смерть.

Если Майкл пытался вызвать у Лейлы неловкость, то ему это удалось. Она едва ли могла вынести мысль о жестокой шутке, которую сыграла судьба с Нозлем. Он, несомненно, был осужден на смерть и на такие тяжкие страдания, какие мальчик с морфином в кармане и целым миром, готовым ему помочь в его несчастье, пока что не способен понять. И все же в глубине своего неверного сердца Лейла никогда не могла искренне пожалеть, что Нозль остался смертным, ибо если бы этого не случилось, он не стал бы ее любовником.

— Не нарушения в ДНК убили его,— сказала она тоже не без резкости.— Его умертвили мстительные враги.

— Знаю. Но разве он не сам позволил захватить себя и предать суду? Разве он не бежал бы с Мальты, если бы не был обречен на смерть? Какое для него было утешение в жизни, если он был уверен, что все равно скоро умрет?

Тут Лейле пришлось отвести взгляд. Она встала, чтобы подойти к окну и выглянуть в пасмурную ночь. Дождь зарядил снова, и она решила, что он будет сильным.

— Какое утешение? — отозвалась Лейла. Она всегда твердила себе, что она была его утешением. Но никогда не знала в точности, многого ли стоит столь слабое утешение, противопоставленное Смерти и Боли. Но Майклу Саутерну она сказала кое-что другое:

— Я полагаю, не было никакого утешения вообще. В конце концов, он не был создан для покоя, его всегда одолевали мысли. Он мог быть горестным и печальным, и порой еще больше заслуживал прозвища «Лангуасс», которое носил мой любовник-пират. Не могу сказать, что Нозль примирился со своей судьбой, или что был полностью защищен от горя некоей обретенной верой. Он не пришел к Богу Квинта, чтобы утешать себя мечтами о Небесах, не был он по-настоящему убежден и в том, что наложил должный отпечаток на историю. Он не знал, когда тратил свои последние месяцы на изобретение яда, уничтожающего вампиров, будет потомство благословлять его за это или проклинять. Кем сочтут его ребята вроде тебя — героем или негодяем. Но все же он был чело-

веком, который считал, что не зря прожил свою жизнь, и что то, чем он занимался, делать стоило. Он не верил, что бесконечность мира делает какое-либо из его достижений слишком ничтожным, чтобы его можно было бы не учитывать, подводя итоги существованию человечества.

Лейла обернулась, чтобы посмотреть, как откликнется на это мальчик.

Майкл молчал и вообще никак себя не проявил. Как если бы нарочно не желал выражать никаких своих чувств по поводу услышанного. Это, подумала она, само по себе знак.

— Правду сказать,— заговорил Майкл чуть погодя,— я не знаю, считать его героем или нет. Думаю, для моего отца он великий человек. Из-за его открытий и из-за того, что содействовал крушению старого порядка и расчистке пути для нового. Но я не знаю. Думаю, я просто вообще привык скептически относиться к любым суждениям моего отца. Так значит, вы думаете, что мне следует принять Кордери как образец, раз уж я оказался жертвой той же болезни? И следует благородно нести свое бремя и явить безжалостному миру пример, показав, что я, простой смертный, все же могу чего-то достичь?

— Это похоже на добрый совет,— заметила Лейла, отказываясь признать, что мальчик впал в сарказм.

— Какие легко давать. Очень легко, полагаю, для кого-то вроде моего отца, который издавна решил заниматься наукой, который делал открытия еще в те времена, когда принадлежал к миру болезней и страдания, который принес в свое бессмертие жажду работы, способную поддерживать его сто лет. Не уверен, что я сильно похож на то, каким он хотел бы меня видеть. Скажите, как вы распорядились столетиями своей жизни?

Лейла не обратила внимания ни на невежливость вопроса, ни на все завуалированные обвинения.

— Я родилась в рабстве,— сказала она,— а затем стала пираткой. Я была исследователем в диких краях и помогла чем могла при создании Новой Атлантиды. Некоторое время я была шпионом, агентом европейских долгожителей среди магометан. И распространяла рецепты эликсира Нозля среди народов, правители которых из всех сил сопротивлялись

новым веяниям. Именно так я заслужила благодарность пап, хотя выполняла свою работу не во имя Христа. Полагаю, то было самое доблестное из моих дел. Но я находилась в Лондоне во время газовой атаки в последнюю войну и работала среди тех, кто вытаскивал из развалин уцелевших: долгожителей в коме и простолюдинов, близких к смерти. Возможно, тогда больше чем когда-либо я сумела стать полезной другим. Но что было в моей жизни постоянным, так это любовные отношения с простолюдинами, ибо именно об этом большей частью просил меня мир, в котором я жила.

— Хотел бы я знать, что бы вы посоветовали какой-нибудь девочке вроде меня,— сказал он.— Бедной простой девочке, которая не только не может обрести бессмертие, но даже получить красоту, которая с ним приходит.

— Не знаю,— ответила Лейла.— равно как и не знаю, какой совет дать тебе. Не могу сказать, что ты должен быть счастлив с тем, чем владеешь. Не знаю, как тебе стать счастливым. Могу сказать одно: ошибочно мнение, будто счастье может прийти только с долгой и свободой от боли жизнью. Я знавала мужчин и женщин, для которых долгожительство стало родом проклятия, которые не знали, как его использовать. И знавала смертных мужчин и женщин, которые получали большую радость на своем кратком веку и не чувствовали себя обделенными тем, чего не достигли. Какими только не бывают люди, и нрав у них столь же различен, как форма носа. И нет тропы, которую уже проторили для тебя другие. Ты сам должен найти свою дорогу. Если же ты потеряешь себя, презирая то, что имеешь, только потому что у других есть больше, то тропа, которую ты для себя проторишь, будет тяжелее. Думаю, ты это и сам уже знаешь, иначе ты не ушел бы сегодня от моря и действительно стал бы трупом к тому времени, когда я нашла тебя на скалах.

Он опять глядел в огонь, храня осторожное молчание. Эта склонность отводить взгляд, удаляться в царство сокровенных мыслей, была кое-чем давно ей знакомым. Ноэль Кордери тоже так поступал, а из множества своих возлюбленных она все-таки лучше всех помнила Ноэля. И всегда будет помнить, хотя с каждым годом все больше затуманиваются воспоминания ее

ранних дней. Она вообще уже не помнит ни чувства уязвимости, ни ощущения боли. Но потерять общность с Ноэлем для нее невыносимо, ибо он слишком во многом — часть того, чем она в конце концов стала. И если она доживет до возраста Береники, она все-таки не забудет ощущения от его прикосновений или его лицо, навсегда отпечатавшееся в ее душе.

Бедный смертный Ноэль!

Стук дождя по крыше усилился. Теперь капли барабанили так гулко, что скорого затишья не ожидалось. «Шанго нынче разошелся», — подумала она.

— Тебе лучше попытаться позвонить родителям, — сказала Лейла. — И попросить их не беспокоиться. Вовсе не нужно, чтобы они приезжали за тобой в такую ночь, как эта. Ты будешь крепче завтра, если останешься.

Майкл пристально поглядел на нее и произнес:

— Не знаю, разрешат ли они.

Она пожала плечами и заметила:

— А почему бы нет? Ты можешь добраться до телефона без палки или принести его сюда? Или помочь тебе дойти?

Майкл нетвердо встал. Он не мог стоять совсем прямо из-за больной ноги, и в этом маленьком нарушении гармонии была вся тяжесть злой судьбы, весь пафос смертности и боли: недобрый, бескомпромиссный, ничем не компенсированный.

— Я справлюсь, — уверил он хозяйку. И когда он попытался, оказалось, что это именно так.

5

Он проснулся раньше нее. Во рту у него было сухо, нога болела. Боль была острее обычной, и он сразу понял, что сегодня один из тех дней, когда ему нужна помощь, чтобы одолеть ее. Порой он раздумывал, когда пробуждался в подобные дни: как ему вообще удалось уснуть? В самые первые дни после несчастья он был совершенно не способен отключить сознание, если уж разболится, разве что помогали сильные успокаивающие. Затем он прошел через период, когда его сон, если это можно было назвать сном, больше

походил на бред наяву, когда его загоняли в угол все повторяющиеся нелепости и навязчивые дикие побуждения. Теперь боль обычно была много слабее, не жгучая, а глухая. Большую часть ночей Майкл мог погружаться в естественный глубокий сон, почти как если бы его мозг нашел способ самоанестезии и защищался ею, какую бы работу он ни проделывал со сном. Но все же временами Майкл пробуждался, и тогда возвращалась мучительная боль.

Он взял со столика у постели бутылочку с пилюлями, которую поставил туда вчера, вытряхнул на ладонь капсулы и поглядел на них. Осталась дюжина из двадцати четырех. Ни в одном рецепте не позволялось выдавать ему больше, хотя он имел основания полагать, что и двадцати четырех для него было бы достаточно, чтобы умереть, если бы он принял такое решение, так что эта предосторожность была просто глупостью. Вообще-то он периодически рассматривал — абстрактно — возможность передозировки всякий раз, когда снова получал лекарство, но ни разу даже не приблизился к попытке проглотить смертельную дозу. Он знал, что может это сделать, если предпочтет умереть. Такая возможность снова и снова будет представляться с точностью, как по часам. И этого хватало, чтобы противиться искушению. Майкл понимал, что не просто уходит от решения, откладывая его, он твердо решил оставаться в живых, и его регулярные мысли о самоубийстве — просто ритуальное подтверждение этого решения.

Он проглотил две капсулы, затем сделал два сдержанных глотка из стакана с водой, который предусмотрительно поставил рядом на всякий случай. Внезапно ему показалось странным, что среди его мыслей и действий осталось место для такой малости в то время, когда можно было бы предполагать, что он поглощен приливом эмоций. Казалось, что такое может происходить только с долгожителями, но не со смертными.

Он взглянул на маленькие порезы, которые златокожая хозяйка-вампир оставила на его груди скальпелем, столь острым, что Майкл даже не почувствовал, как тот вгрызается в кожу, пока лезвие не вышло и кровь не потекла по коже мелкими капельками. Когда она спросила у него разрешения, он невероятно смутился. Но теперь почувствовал, что понимает. Ни одна современная дама-вампир не пьет кровь у человека,

если только может поддержать себя капсулами, очень похожими на те, которые только что принял он. Но Лейла большую часть своей жизни прожила в мире, где ей день за днем требовалось удовлетворять свою потребность более грубым способом. Для нее, как он осознал, любовное сближение всегда предполагает дар крови от смертного любимого, и это всегда было главным, чего она искала у своих любовников.

Хотя он никогда прежде не уделял мыслям об этом особого внимания, он почувствовал теперь, что понимает, почему бессмертные мужчины и женщины всегда искали себе возлюбленных среди простолюдинов. Он всегда тактично предполагал, что это странного рода извращение, или, возможно, свидетельство того, что вампиры, став нечувствительными к боли, делаются настолько холодны, что вообще не могут любить, но только быть любимыми. Но теперь он постиг истинную связь между любовью и кровью смертного.

Майкл осторожно коснулся своих ран и не вздрогнул от слабой боли, которую вызвали пальцы. Он привык к таким мучениям, что это были сущие пустяки. На что могла быть похожа кожа отца, испещренная множеством белых шрамов, прежде чем дыхание жизни сделало Томаса Саутерна живым мрамором и стерло пометы его былых любовей? Майкл никогда не помышлял взглянуть и не решался спросить.

Тут Лейла проснулась и увидела, что он рассматривает отметины.

— Я сделала тебе больно своим ножом? — спросила она. — Я не хотела причинить тебе страдания.

— О нет, — ответил он. — Ничего. Нет, не совсем ничего... Но в этом было больше радости, чем боли. Ты это должна знать.

— Я никогда не уверена, — прошептала она. — Никогда. В красной крови есть такой вкус, какого нет в этих окрашенных таблетках, хотя порой я чувствую, что, наверное, стыдно предпочитать живую.

— Неважно, — сказал он. — Я нисколько не пострадал. — И, помолчав, неловко продолжил: — Кто-нибудь из вампиров может обидеться, ревновать, если его пара предпочтет другого донора... это возможно? — Он спросил об этом без назойливости, но в его голосе прозвучал намек на любопытство.

— Я пыталась не обидеть,— иронично произнесла она. Он опять лег, передвинув под голову подушку.

— И нет смысла, как я полагаю, пить кровь любовника-вампира,— задумчиво проговорил он.

— Это не единственное преимущество простых смертных,— сообщила ему она.

Тут он вспыхнул, и она это увидела.

— Уж кто-кто, а ты должен это помнить,— негромко сказала Лейла.— Когда люди обретают бессмертие, их покидает не только боль, но и плодовитость. Некоторые говорят, что они жертвуют отчасти и плодовитостью своего ума и духа, ибо, хотя бессмертные достигают исключительной мудрости с приобретением опыта, есть род творческого горения, которым обладают только простолюдины. Величайшие художники всегда были простолюдинами, и даже ученые часто давали науке куда больше, пока еще оставались смертными.

— Я в этом не сомневаюсь,— сказал он. Ответ был готов заранее, ибо он не раз прежде слышал этот довод.

А затем добавил, уже не вслух, но продолжая ту же мысль наедине с собой: «Боль — это не только проклятие, но и шпора; иногда она полезна. Возможно, моя жизнь это подтвердит». Он не был в этом уверен, эти слова он привык повторять, но еще не заставил себя в них поверить.

Протянув руку, Лейла коснулась ранок на его груди, как делал и он сам, и он наблюдал, как его кожу гладят эти золотые пальцы. Затем она поцеловала его в это же место, ее язык метнулся вперед меж губами, словно ища оставшуюся на коже кровь. Он задрожал от ее ласки и скрыл свое смущение улыбкой, ожидая, когда она взглянет на него своими темными, как ночь, глазами.

— Ты это сделала,— спросил он ее с запинкой,— потому что пожалела меня?

Она не казалась раздосадованной, хотя ему пришло в голову после того, как вырвались эти слова, что у нее есть на то полное право. Лейла поднесла к лицу руку и отбросила черный, как смоль, локон, который упал ей на лоб.

— Нет,— ответила она. А какой еще ответ она могла дать? — Дело не в жалости. Или ты не слышал, что мы, не чувствующие боли, не можем чувствовать и жалости?

— Я этому не верю,— сказал он.

— Это неправда,— заверила его она.— Я знавала безжалостных людей равно среди смертных и среди вампиров. Но никогда не замечала, чтобы к этому имела отношение боль. Некоторые вампиры утрачивают жалость, кое-кто вообще всякие эмоции и память, а то и разум... Но есть вампиры, сердца которые содрогаются при мысли о страданиях детей, какими они сами когда-то были, и такого рода горе куда труднее изгнать, чем любое другое. В любом случае, это глупое мнение, ибо вампиры могут чувствовать боль, если только разрешат ей о себе заявить. И прогоняем мы ее не без усилий.

— Да,— сказал он.— Обычно простые смертные это забывают, а я помню.

— Те, кто очень долго живет, могут стать холодными,— сказала она ему.— Но только если они себя не согревают. Я не имею в виду, что кто-то стремится к холоду, но многие позволяют ему подкрасться к себе исподтишка и овладеть ими. Надо только воспротивиться, если хочешь, чтобы было иначе. Вампиры умеют любить, и то, как они любят, не умаляет их чувства. Наши любимые взрослеют и меняются, а мы нет. Мы теряем их с течением времени и заменяем все новыми и новыми. Но для нас потеря никогда не в радость, и всегда счастье кого-то найти. В конце концов это становится частью ритма нашей жизни, как медленное мерное биение сердца Божиего.

— И все же вы не можете, как то велит Бог, возлюбить друг друга.

— Мы и это можем,— отозвалась она.— Так, как подразумевается в заповеди. Вампиры для других вампиров — только друзья, но дружба, как и вражда, может продолжаться вечно, а эротическая страсть — нет.

Майкл вздохнул и опять растянулся в постели, утонув головой в мягкой подушке. Глаза его глядели в пространство.

— Станный мир, куда мне запрещен доступ,— заметил он.

— Не более странный,— уверила его Лейла,— чем тот, в котором ты заключен.

— Но большинству людей дано познать оба, а мне — нет.

Она опять коснулась его груди, затем ее пальцы ласково пробежали по линии подбородка. Она откинулась, чтобы рассмотреть его с расстояния.

— Если бы не войны,— сказала она,— в мире было бы куда больше вампиров и меньше простолюдинов. Теперь в Европе и Атлантиде мир, и воистину началась новая эра. Бренная плоть кое-кому дорога, и скоро станет еще дороже. Я рада, что море принесло тебя к моей двери. Море всегда было моим другом, видишь ли, и всегда знало, что делает.

— Думаю, моя плоть слишком уж бренная,— сказал он, отводя взгляд.— Сомневаюсь, что дамы-вампиры состязаются за благосклонность хроых мальчишек.

— Когда я надоем тебе, и ты покинешь меня,— пробормотала она,— ты обнаружишь, что твоя хромота — не препятствие для любви.

Он опустил глаза и совсем тихо сказал:

— Не представляю себе, как это ты мне надоешь.— И затем осмелился взглянуть на нее, желая скорее увидеть, какими ей показались эти слова.

— Верю,— ответила она и перескатила, освободив свое нагое тело из-под одеяла. Он непроизвольно отвел взгляд, но быстро понял, что такая скромность излишня и с удовольствием стал наблюдать за тем, как она одевается. Лейла взглянула на него раз-другой, и, казалось, осталась довольной, что он не боится смотреть.

Ее одежда, на которую он едва ли обратил внимание вчера вечером, показалась ему теперь до странного суровой, когда скрыла ее великолепное тело. Неброская по цвету, почти неотличимая от мужской, не подчеркивающая особенностей телосложения. Он перебросил ногу через край постели, чтобы последовать ее примеру и одеться, но содрогнулся от болезненного ощущения. Лейла увидела это и быстро подошла.

— Останься здесь,— предложила она.— Еще ненадолго.

Он поколебался, затем подхватил с пола ногу и опять лег.

— Почему бы и нет? — произнес он.— Времени сколько угодно.— В словах этих таилась легкая горечь. Он подумал о том, какую же степень иронии он хотел в них вложить.

— Нет,— ответила она ему, задержавшись, прежде чем покинуть комнату.— Но его у нас достаточно, равно как и всего, что нужно для нашей цели.

Лейла произнесла это так, что Майкл ни на миг не усомнился ни в значении слов, ни в их искренности. Она

говорила ему, что будет любить его так нежно, как только может. И Майкл сразу принялся думать о вероятности смирения своей гордыни. Возможно, Лейла тяготится одиночеством и обрадовалась бы любому, кто бы ни пришел к ее двери. Возможно, он просто напомнил ей одного из прежних любимых. Но затем он начал спорить с собой. Пусть даже и имелись какие-то посторонние причины для этой страсти, их все же недостаточно. Так или иначе, а здесь находится он, Майкл Саутерн, а не кто-то другой. И чем больше они с Лейлой будут вместе в последующие дни, тем больше он заполнит ее мысли и ее жизнь. Если он и напоминает ей кого-то другого, это больше не имеет значения. Когда-нибудь он может обрести свое особое место в ее воспоминаниях, если заслужит.

Он с запозданием осознал это смятение мыслей и чувств как признак подъема и эхо радости.

Майкл снова закрыл глаза, чтобы отрешиться от яркого утреннего света и обеспечить себе полное уединение, которое усилило бы испытываемое им удовлетворение.

Вчера он беспечно бросил вызов морю, которое пыталось погубить его, зная только, что бежит от рока, стремящегося им завладеть. А теперь он знал, что, пусть сам того не ведая, бежал не только от чего-то, но и чему-то навстречу. Он начал понимать, какого рода спасение бросило Провидение у него на пути и что ему с этим делать.

Можно ли это считать возмещением за то, в чем пока отказала ему жизнь, покажет только время, но Майкл, как и все другие люди, должен проживать в каждый миг только этот миг, и дано только настоящее, а ряд возможных будущих нсизменно скрыт во мгле. «Даже если нельзя жить вечно,— подумал он,— надо радоваться тому, что дыхание жизни пришло на Землю, и что дар бессмертия вскормлен кровью простых смертных».

Выражение признательности

Невозможно писать на темы альтернативной истории, не проведя основательных исследований соответствующих периодов истории реальной, сбывшейся; хотя в избранном мною жанре допускаются анахронизмы, все же требуется, чтобы они допускались только сознательно и чтобы между ними прослеживалась взаимосвязь. Понимание реальной истории необходимо для того, чтобы попытаться представить себе, каким образом одно изменение в порядке вещей могло бы распространить свои последствия на многие века.

Большая часть моих изысканий проведена в таких общих источниках, как Британская энциклопедия. Я воспользовался также некоторыми специальными текстами: «Западное общество и церковь в средние века» Р. У. Саутерна, «Порох и галеры» Джона Френсиса Гилмартина, «Бесы, снадобья и врачи» Говарда У. Хаггарда и «Пушки и паруса в ранней фазе европейской экспансии» Карло М. Чиполлы.

Хотя я вынес один-два человеческих артефакта из среды, где они находятся в нашем мире (главный пример — Кардиганское аббатство), я исходил из того, что география альтернативного мира идентична нашей, исключая наличие в нем Адамаварского кратера. Детали обстановки я позаимствовал из книг: Хепурт Диксон «Башня Ее Величества», Дж. Д. Фальконер «Верхом по Нигерии» и сэр Генри Льюк «Мальта».

Мой сюжет потребовал известных радикальных смещений в социальной жизни, но все же предполагал тщательную

манипуляцию данными, почерпнутыми из различных источников. Хотя я и произвел существенные стратегические перемены в преподнесении мифологии уруба, о которой немало упоминается в романе, я немало обязан описаниям религии йоруба, приведенным в книге А. Б. Эллиса «Говорящие на языке йоруба народы Невольничьего Берега Западной Африки».

Из персонажей, которые появляются на страницах романа, лишь немногие существенно проявили себя в насыщенной идолами истории, которую мы сотворили, чтобы придать значение нашему прошлому, а именно: Влад Дракула, Ричард Львиное Сердце и некоторые из их спутников. Немало материала я почерпнул из двух книг: «Миф о Дракуле» Габриэля Ронея и «Сэр Кенельм Дигби» Р. Т. Петерсона, что помогло мне создать биографии их альтернативных эквивалентов.

Описания еды, которые встречаются в первой и второй частях, взяты из памфлета Питера Бриерса «Английское Наследие» и «Пища и кулинария в Британии XVII века: история и рецепты».

Литературные влияния на роман слишком многочисленны, чтобы их цитировать, да и большей частью очевидны, но я должен, навернсе, упомянуть, что стащил бардовский девиз из «Несчастий Элфина» Томаса Лава Пикока, так как сам не знаком с валлийским языком.

*Брайан Стэблфорд,
Ридинг, февраль 1988 года*

Оглавление

Часть первая	
ПЛОДЫ СТРАСТИ	5
Часть вторая	
ТЕНЬ ВЕЧНОСТИ	46
Часть третья	
ДЫХАНИЕ ЖИЗНИ	136
Часть четвертая	
ВРЕМЯ КРОВИ	235
Часть пятая	
КРОВЬ МУЧЕНИКОВ	340
Часть шестая	
МИР, ПЛОТЬ И ДЬЯВОЛ	448
Выражение признательности	492

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

Звоните: (095) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

Москва

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, к. 1
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокол», Ленинградский пр., д. 76, к. 1, Торговый комплекс «Метромаркет», 3-й этаж, тел. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, тел. 322-28-22
- Торговый комплекс «XL», Дмитровское шоссе, д. 89, тел. 783-97-08
- Торговый комплекс «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29, тел. (8612) 62-55-48
- г. Курск, ул. Ленина, д. 11, тел. (0712) 22-39-70
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/16, тел. (8312) 33-79-80
- г. Новороссийск, сквер имени Чайковского, тел. (8612) 68-81-27
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (88632) 35-99-00
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1 / Волжская наб., д. 107, тел. (0855) 52-47-26
- г. Рязань, ул. Почтовая, д. 62, тел. (0912) 20-55-81
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Смоленск, ул. Гагарина, д. 4, тел. (0812) 65-53-58
- г. Тула, пр. Ленина, д. 18, тел. (0872) 36-29-22
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22

Издательская группа АСТ

**129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону: (095) 215-01-01, факс 215-51-10**

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Стэблфорд Брайан

Империя страха

Фантастический роман

Ответственные за выпуск И. Петрушкин, А. Тишинин

Ведущий редактор В. Кузнецова

Редактор Е. Хаецкая

Художественный редактор О. Адашкина

Компьютерный дизайн: А. Сергеев

Компьютерная верстка: А. Яблонская

Корректор К. Ясиницкая

Общероссийский классификатор продукции

ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение

№ 77.99.02.953.Д.001056.03.05 от 10.03.05 г.

ООО «Издательство АСТ»

667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 93

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ОАО «ЛЮКС»

396200, Воронежская обл., п.г.т. Анна, ул. К. Маркса, д. 9

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии

ФГУП «Издательство «Самарский Дом печати»

443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.

Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

Первый успех пришел к Брайану Стэблфорду в 1965 г., когда ему было шестнадцать лет. Сейчас он — один из признанных мастеров современной британской фантастики, известный критик научно-фантастической прозы, составитель и редактор множества антологий, автор нескольких популярных книг о биотехнологии... однако ПОДЛИННУЮ СЛАВУ Стэблфорду принесли его романы в жанре «альтернативной истории» — «Империя страха» и «Молодая кровь».

Что-то случилось...

И наш мир пошел по ДРУГОМУ ПУТИ...

И у человечества появились ХОЗЯЕВА — красивые, практически бессмертные, НЕЧЕЛОВЕЧЕСКИ жестокие.

Они правят странами и государствами — и в РЕДЧАЙШИХ СЛУЧАЯХ, в качестве ВЕЛИКОЙ МИЛОСТИ, обращают своих рабов в себе подобных.

Но — КАК это происходит?

И возможно ли людям это ПОВТОРИТЬ?

Тайну бессмертия пытается постичь ученый Нозль, за которым идет ОХОТА...

БРАЙАН
СТЭБЛФОРД

ИМПЕРИЯ СТРАХА

ISBN 5-17-019752-7

9 785170 197521